

В. Е. КВАШИС

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

**МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ,
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

ЮРАЙТ

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.Е. КВАШИС

Виталий Квашис - заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор; главный научный сотрудник ВНИИ МВД России; эксперт Комитета по безопасности Государственной Думы Российской Федерации, Совета Европы и Комитета ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию; член Академии уголовной юстиции США, Американского Криминологического Общества и других международных организаций.

Автор более 300 научных трудов по проблемам уголовного права, криминологии и уголовной политики; часть из них опубликована на чешском, болгарском, немецком, португальском, английском, французском, японском и других языках.

Читал лекции в университетах Венгрии, ФРГ, Италии, Индии, США, Канады, Китая, Нидерландов, ЮАР, Японии.

Моим внукам
Саше и Игорю посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках, весьма необычна. С одной стороны, она посвящена теме настолько же вечной, насколько и "общеизвестной" (как заметил автор, здесь, как и в футболе, разбирается каждый). С другой стороны, эта книга весьма существенно отличается по своему содержанию, характеру, убедительности, внутреннему строю и другим качествам от многих научных источников, посвященных проблеме смертной казни. В извечной притягательности этой темы, действительно, есть много сакрального и потому перед любым новым произведением стоит нелегкая задача - не снижая градуса общественного интереса, приоткрыть завесу неизвестного в "общеизвестном". Конечная цель этой работы, по сути дела, связана с классической формулой - "ну не верь, но хоть помысли!". Благо, помыслить здесь есть над чем.

Монография, которую я имею честь представлять в качестве эксперта издательства, принадлежит перу ученого, известного не только в стране, но и далеко за ее пределами; профессиональный читатель знает В.Е. Квашиса по многочисленным трудам, главным образом посвященным различным проблемам криминологии и уголовной политики. С началом эпохи перестройки у него появилась возможность реализовать давний замысел: воедино связать всю цепочку - преступление, следствие, судебный процесс, назначение наказания, его исполнение и, наконец, помилование осужденного (кстати, амнистия и помилование - самая первая в СССР по этой теме кандидатская диссертация автора). Много лет он был увлечен исследованиями проблематики смертной казни; активное участие в работе международных организаций, многочисленные зарубежные командировки для работы в качестве эксперта и докладчика на крупных международных конгрессах и конференциях, а также для чтения лекций по приглашениям зарубежных университетов - все это позволило ему познакомиться с положением дел на всех континентах, собрать обширный и во многом уникальный фактический материал. Автор, возможно, мог бы издать эту книгу еще десять лет назад, но он считал необходимым продолжать накопление информации, с тем чтобы период наблюдений был как можно более длительным, ибо тем самым повышалась бы и достоверность выявленных тенденций, и обоснованность суждений и выводов. Такое решение оказалось верным не потому, что спешить, вообще говоря, никогда не следует, а главным образом в том плане, что со второй половины 90-х годов во многих странах и динамика преступности, и практика применения и исполнения смертной казни стали весьма существенно меняться.

Наконец фундаментальный труд завершен; он пополнит криминологическую науку новым и качественным исследованием проблемы, знаковой для уголовной политики любой страны. Скажу без лишнего реверансов в адрес автора, что знакомство с рукописью этой книги принесло мне истинное удовольствие, которое в последнее время не часто испытываешь, читая профессиональную литературу. (Я уже не говорю о стилистике, которая отличает все его работы. Не многих авторов можно легко узнать "по почерку", по строю мысли и манере изложения.)

Что понравилось особенно и на что хотелось бы обратить внимание читателя? Во-первых, редкая по широте охвата и разнообразию материала фактологическая основа исследования, а отсюда и его высокая информативность. Помимо моря статистической информации (национальная и международная полицейская, судебная, демографическая и прочая статистика и другие

документальные данные охватывают длительный период - вплоть до конца 2007 года!) и результатов социологических исследований, в работе широко использована уникальная библиография, где большинство источников даже отечественным специалистам открывается впервые. Отмечая масштабность исследования, нельзя не сказать о его "географии", о практически всестороннем охвате проблемы, о глубине анализа и аргументации.

Основная часть книги посвящена анализу уголовной политики, законодательства, состояния преступности и практики применения смертной казни в Китае, США, Японии и России. О ситуации в большинстве этих стран автор стремится информировать читателя как можно полнее, он рассказывает о ней с присущим ему знанием деталей, которые, помимо всего прочего, включают в себя особенности менталитета и психологии населения той или иной страны. Ему хватает и личных наблюдений - только в США, например, он выезжал более 40 раз, много общался с прокурорами и судьями, с работниками полиции и правозащитниками, служителями культа, учеными-юристами и сотрудниками Министерства юстиции. (Между прочим, еще в начале 90-х годов автор написал сценарий и снял документальный телефильм о работе уголовной юстиции США. А несколько лет назад, став лауреатом самой престижной правительственной программы США по обмену учеными, работал в Нью-Йоркском университете.)

С ситуацией в США отечественный читатель более или менее знаком по многочисленным, хотя и далеко не лучшим кинофильмам, а вот с положением дел, скажем, в странах Юго-Восточной Азии или Ближнего Востока ему предстоит во многом познакомиться впервые, открывая для себя немало нового и интересного.

Во-вторых, внимание заинтересованного читателя, я уверен, привлекут разнообразные материалы исследования, рисующие живую панораму современной мировой практики применения смертной казни, хронологию ее развития, подходы автора и уровень анализа, указывающие на детальное знание предмета. При этом особенности законодательства и судебной практики той или иной страны приводятся на фоне обстоятельного криминологического анализа преступности, что само по себе ценно, ибо почти неизвестно и потому крайне интересно; важно и то, что все это вписано в общий контекст исторического, социально-экономического, политического и культурного развития конкретной страны. Такой анализ во многом объясняет специфику восприятия смертной казни общественным сознанием, отношение к ней в структурах политической и судебной власти, состояние и характер общественного мнения, в котором наряду с другими факторами преломляются особенности истории страны, специфика менталитета и психологии людей.

В этом плане хотя и дискуссионными, но однозначно важными видятся, например, характеристики процесса все более широкой исламизации различных сторон общественной жизни в ряде стран Азии, Ближнего Востока и Африки, напрямую затрагивающего уголовную политику, законодательство и правоприменительную практику. По мнению автора, этот процесс приобретает тотальный характер, он обеспечивает неоправданную репрессивность и архаическую жестокость воссоздаваемой параллельной системы юстиции. "Легализация шариатской системы законодательства и юстиции, - отмечает В.Е. Квакис, - это варваризация общественной жизни, это движение в прошлое, которому ненавистны ценности демократического развития, которые сегодня правят в цивилизованном мире". На мой взгляд, в современных условиях, характеризующихся сочетанием процессов глобализации и фрагментаризации, столкновением цивилизационных моделей, поиском оптимальных принципов организации поликультурного общества ("тигель" или "салат"), выводы автора могут служить предостережением от заигрывания с радикально настроенными движениями, от попустительства распространению экстремистских настроений.

Об особенностях композиционного построения этой монографии уже упоминалось; кроме того, они объяснены и самим автором. Отмечу лишь, что в отличие от работы ведущего эксперта ООН, директора Оксфордского центра криминологии Роджера Худа, региональный анализ, предпринятый в первой главе этой монографии, дает более полное представление о положении дел в той или иной стране, поскольку не "растворяет" его по основным аспектам проблемы, а дает цельную картину.

Вторая и третья главы посвящены анализу особенностей законодательства и практики применения и исполнения смертной казни в США. Массив этой информации настолько многообразен, что (в отличие от того, как это сделано в первой главе) дает возможность рассредоточить ее значительную часть по всем другим разделам книги, где рассматриваются общие для всех стран узловые вопросы темы.

Информированность автора в нюансах американской практики очевидна и в силу сказанного выше понятна. Что же касается анализа положения дел в другой индустриально развитой стране - Японии, то до самого последнего времени отечественный читатель сколь либо развернутого представления о нем практически не имел. Две последующие главы книги знакомят читателя с историческими, социально-психологическими и культурными факторами противодействия преступности в этой стране, со спецификой уголовного законодательства и уголовного процесса, с динамикой и структурой преступности, с итогами выполненного автором анализа судебной практики по применению всего спектра наказаний и, конечно же, с практикой назначения и

исполнения смертных приговоров. С учетом значительной закрытости японской статистики и особенно завесы секретности вокруг всего того, что связано с применением смертной казни, нельзя не отметить глубину погружения автора в особенности японской правоприменительной практики, и, как следствие, уже не раз отмеченную информативность почти неизвестного и впервые публикуемого материала.

Безусловным достоинством работы является подход, при котором смертная казнь рассматривается не только как мера государственного принуждения, как инструмент государственной политики, но и как социально-культурный феномен. Он позволяет автору решать вопрос о перспективах смертной казни без оглядки на состояние криминологической ситуации и общественного мнения. Полагаю, что автор убедительно доказал не только мизерный общепрофилактический эффект этой меры наказания, но и несостоятельность популистских теорий и ссылок на результаты опросов общественного мнения. Для принятия назревших решений в современной России эти результаты имеют особое значение.

Весьма важными представляются поднятые автором вопросы методологии и методики исследования общественного мнения, позволяющие критически подходить к результатам опросов, к их достоверности, а следовательно, и к их криминологической и политической значимости. Удачным следует признать описание причин деградации отечественного массового сознания на рубеже XX века. "Парадоксы российской ментальности, - пишет автор, - особенно ощутимо проявляются на фоне, казалось бы, несовместимых психологических процессов. С одной стороны, в общественном сознании все большее место занимает банализация зла и дедраматизация криминальной ситуации, привыкание к насилию и, как следствие, растущая терпимость к правонарушениям. С другой стороны, в массовом сознании растут страх перед преступностью и ощущение тотальной незащищенности. Эти противоречивые тенденции оказывают крайне негативное влияние на формирование общественной психологии и обуславливают репрессивность массового сознания. И хотя население России не образует сколь-либо единого целого, деградация общественного сознания приобретает все более широкий характер, поскольку реалии повседневной жизни не способствуют нейтрализации атавизмов, мифов и идеологической закодированности массового сознания".

Вообще раздел книги, посвященный анализу общественного мнения, его характеристикам и роли в решении рассматриваемой проблемы, является ключевым; насколько мне известно, с самого начала работы над темой именно этот аспект представлял для автора наибольший интерес <1>. В книге удачно сочетаются и вопросы методологии и методики такого анализа, и сравнительная картина явления в США, Японии, России и других странах, далеко отстоящих друг от друга не только географически, и публицистичная манера изложения. Причем, когда речь идет о положении дел в России, может показаться, что картина выглядит излишне мрачной и не слишком патриотичной. На самом же деле речь идет о вещах действительно реальных, хотя и печальных; и если они и даны автором в высокой концентрации, то лишь для того, чтобы показать, с каким социально-психологическим багажом Россия вступила в XXI век.

<1> Статья автора "Смертная казнь и общественное мнение", опубликованная в 1997 году в журнале "Государство и право", привлекла внимание своей новизной и значимостью; не случайно ее вскоре перевели и опубликовали в ряде зарубежных изданий, а американский журнал "Russian Politics and Law", например, вообще переиздавал ее несколько раз.

Не менее важной является трактовка автором роли общественного мнения, его оценки и восприятия властью, значимости именно для решения данной проблемы. Критическое отношение автора к этому феномену очевидно и в достаточной мере обоснованно. Ибо есть проблемы (смертная казнь как раз и относится к их числу), которые не решаются "на улице". Тем более что, как отмечал еще П. Чаадаев, "у нас общественное мнение давно находится в состоянии дури".

Призывы сторонников смертной казни к проведению референдума, по справедливому замечанию автора, изначально некорректны хотя бы потому, что мнение большинства населения заведомо известно и в силу своей консервативности стабильно. Они игнорируют проверенные временем и очевидные положения о том, что "мнение большинства само по себе вовсе не означает, что оно является единственно правильным"; что "демократия - это не только, когда все решается так, как хочет большинство"; что мнение населения не может определять карательную политику. На опыте многих стран в монографии наглядно показано, что "состояние общественного мнения не является condition sine qua non для выбора того или иного политического решения". Поэтому в описанных в книге условиях государство не обязано следовать "гласу народа", оно должно идти впереди общественного мнения, формировать его в соответствии с потребностями демократического развития и приоритетом признанных ценностей, способствовать гуманизации нравов. Ибо в конечном итоге отношение к преступности и наказанию преступников, в том числе отношение к смертной казни, - это показатель цивилизованности, показатель нравственного здоровья общества.

Несомненно, важными и, главное, сообщающими новое знание следует признать рассуждения автора об эффективности смертной казни. Обобщая результаты значительного числа специальных исследований, выполненных в разное время и в различных странах, приводя весомые криминологические, психологические и политические аргументы, он формулирует вывод о неэффективности этой меры наказания и делает оптимистический и в то же время сдержанный, реалистический прогноз на перспективы ее применения в глобальном контексте, который учитывает не только сложные и противоречивые тенденции развития преступности, но и внутреннюю противоречивость самой этой меры на уровне ее восприятия массовым и особенно индивидуальным сознанием.

В человеческом плане при обсуждении рассматриваемой проблемы оставаться абсолютно беспристрастным не просто. Но если все же подняться "над схваткой", над острой полемикой, которая идет в России по этому вопросу с середины XIX века, то не сложно будет заметить, что по одну сторону баррикад стоят "узкие специалисты" - известные ученые, наряду с разработкой других правовых и криминологических проблем положившие много лет и сил на специальные исследования смертной казни (А.Ф. Кистяковский, М.Н. Гернет, С.В. Бородин, С.Е. Вицин, В.Е. Квашис, С.В. Максимов, С.И. Никулин и др.). По другую сторону - не менее именитые юристы "широкого профиля", как правило строящие свои позиции исходя из "общих соображений"; за редким исключением исследованиями этой проблемы они не занимались, в их аргументах доминирует эмоциональная перенасыщенность, а дефицит специальных знаний и компетентности приводит к наивной вере в эффективность максимальной жестокости, к обывательским рассуждениям, порой выходящим за пределы здравого смысла, а то и граничащим с абсурдом.

Логическим завершением представляемой работы является раздел "Куда идет смертная казнь?". Показывая динамику происходящих изменений, В.Е. Квашис отчетливо представляет стоящие перед мировым аболиционистским движением трудности на пути широкомасштабной отмены этой архаичной меры наказания. "Человечество еще не пришло к желанной интеграции, - пишет автор, - у каждого народа свое отношение к этой мере, своя история, своя боль. И потому половина населения планеты еще живет со смертной казнью". Успехи мирового движения за ее отмену очевидны и их не следует недооценивать. Но у этого движения впереди еще не простой и довольно продолжительный путь. Анализируя динамику этого движения и его результаты, автор обоснованно полагает, что сегодня основные усилия должны быть скорректированы таким образом, чтобы они стали не столько глобальными, сколько максимально адресными. Сказанное означает, что эти усилия должны быть сфокусированы, прежде всего, на основных "болевых точках" (в первую очередь, на практике КНР, которая ежегодно дает миру львиную долю смертных приговоров и казней).

Разговор о достоинствах книги можно было бы продолжить. Читатель сам может убедиться в этом и найти еще многое из того, что мной не отмечено. Я же хочу еще раз обратить внимание на присущий автору оригинальный, четкий, порой захватывающий стиль изложения. Вероятно, не так просто столь интересно и познавательно вести разговор по избитой теме, не повторяя сказанного, писать о сложной политико-юридической проблеме так, чтобы было понятно и профессору, и студенту, сказать о многом, не используя лишних слов, заменяя их отнюдь не сухими статистическими выкладками, повышая информативность материала и обеспечивая существенный прирост нового научного знания. По моему ощущению, монография В.Е. Квашиса - это, если угодно, современная мировая энциклопедия смертной казни, включающая в себя и личный месседж автора. В этом смысле рассматриваемая работа, вероятно, больше, чем просто книга, больше, чем обычное научное издание.

Вполне возможно, эта работа не свободна от тех или иных недочетов. Но, во-первых, их критический разбор не входит в нашу задачу, а во-вторых, и это главное, ее достоинства, конечно же, значительно перевешивают возможные упущения. Убежден, что монография В.Е. Квашиса привлечет внимание широкого читателя, найдет живой отклик не только среди юристов. Она не в последнюю очередь адресована тем, в чьей компетенции принятие решений в деле определения стратегии уголовной политики. Написанная преимущественно на материале зарубежных стран, различных по своим социально-экономическим, культурным, историческим и политико-правовым параметрам, она нужна российским ученым и политикам, поскольку привносит в дискуссию о смертной казни то, чего в ней было явно недостаточно. А факты, как известно, - вещь упрямая. Оперировать ими намного сложнее, чем вести эмоциональную, но, по сути дела, схоластическую дискуссию. Публикация этой фундаментальной книги, конечно, не поставит точку в многолетней полемике, но, я уверен, придаст ей новый импульс и новый вектор.

Отрадно отметить, что эта содержательная работа выходит в свет в канун юбилея В.Е. Квашиса. Хочу пожелать книге успеха, а самому автору - здоровья, благополучия и новых творческих удач.

Ю.Пудовочкин,
доктор юридических наук

ВВЕДЕНИЕ

Тема смертной казни везде и всегда занимала особое место в общественном сознании. Во все времена она была обречена на особое внимание и не знала границ общественного интереса. Смертная казнь всегда была явлением социальным; это особый культурный и социально-психологический феномен, которому вовсе не случайно посвящена обширная философская, историческая, юридическая и художественная литература.

Проблема смертной казни - в самом деле всеобщий аллерген. Вероятно поэтому в ней, как и в футболе, например, разбирается каждый; здесь все все знают, но, в отличие от футбола, почти все болеют только за одну команду - расстрельную. В пристальном интересе людей к этой мере есть, вероятно, нечто сакральное, с давних времен связанное с парадоксальным и в наше время непостижимым желанием людей наблюдать казнь себе подобных. И в психологическом плане, и исторически такое отношение людей к смертной казни обусловлено тем, что в основе ее применения лежит принцип возмездия - древнейший обычай отмщения, часто связываемый с принципом талиона. А уж по способам лишения жизни себе подобных человечество издавна проявляло особую выдумку, размах и изобретательность - не зря казни всегда собирали толпы людей.

У общественного интереса к проблеме смертной казни всегда были свои приливы и отливы - временами бурная дискуссия на эту тему затухает, а затем вспыхивает с новой силой. Приливы, как правило, возникают в периоды смуты, неустойчивости в обществе, на исторических переломах, в период "великих перемен", когда законы уже не работают, а вакханалия насилия все больше становится явлением обыденным. Стремясь вернуть нормальное течение жизни, люди вместо протеста против неспособности власти противостоять разгулу преступности часто обращаются к самым радикальным идеям, среди которых идея смертной казни традиционно является наиболее привлекательной. Полемика в любом обществе по этому поводу всегда ведется в высшей степени эмоционально, поскольку зачастую совершаемые преступления поражают своей трудно объяснимой жестокостью и повергают людей в шок. На этой почве даже у некоторых ученых-юристов рождаются ультрарадикальные идеи, несовместимые с элементарными нормами правового государства.

Именно такие идеи, основанные главным образом на эмоциях людей, откровенно эксплуатируют политики. Во все времена и повсюду они выдвигают лозунг "Сейчас не время прикрываться гуманистическими идеями!". Они понимают, что смертная казнь - древнейший культурно-исторический институт и уже в силу этого его влияние на массовое сознание имеет огромную силу. Прорываясь к власти, решая свои сиюминутные задачи или же просто желая напомнить о себе, они не думают о том, что "использовать смертную казнь для мелкого политиканства - все равно, что раскочегаривать спящий Везувий для приготовления утреннего кофе" <1>. Пока они не у власти, они не задумываются над тем, что в силу своей психологической природы тема смертной казни отвлекает внимание общества от проблем неизмеримо более сложных и важных. Еще хуже, когда эту тему эксплуатируют сознательно, когда на этих струнах играют те, кто у власти.

<1> Соколов М. Игры при эшафоте // Известия. 21.06.2001.

"Смертная казнь считает годы своего существования тысячелетиями, а свои жертвы - миллионами" <1>. Как узаконенный вид наказания она появилась с появлением институтов власти, при переходе к обществу, регулируемому закрепленными нормами и правоотношениями. С тех пор практика смертной казни получила свою собственную историю и настолько глубоко вошла в область фактов, что до середины XVIII века никто и не думал отрицать законность этой меры.

<1> Гернет М.Н. Смертная казнь. М., 1913. С. 3.

Как известно, одним из первых, кто осмелился сделать это, был выдающийся итальянский просветитель и гуманист Ч. Беккариа, чья быстро набиравшая популярность воззрения устранила самые смелые умы того времени - Вольтера, Руссо и Монтескье. В своем широко известном труде "О преступлениях и наказаниях" (1764 г.) он сформулировал основные этические, уголовно-политические и юридические аргументы против смертной казни, убедительно доказывая на историческом опыте реальную возможность отказа этой меры без каких-либо потрясений, показывая, что излишне суровые наказания лишь ожесточают нравы людей.

Ч. Беккариа исходил из того, что человек сам не властен в собственной жизни, сам не имеет права располагать ею и не может отказаться от нее. Как же он может отчуждать ее другому? Каким образом он может передать обществу право, которого сам не имеет? Следовательно, жизнь

человека неприкосновенна: не индивидуум, ни общество не имеют права над нею, поскольку она дается свыше, а не законами и декретами.

XX век, вероятно, дал миру больше перемен, чем любой другой. Во многих областях общественной жизни, в росте экономических и демократических преобразований достигнут очевидный прогресс. И все же именно в XX веке было казнено больше людей, чем в любом другом. Поэтому анализ проблемы смертной казни с точки зрения защиты фундаментальных прав человека дает новый угол зрения, меняет расстановку акцентов и требует иных подходов. Главным при этом должно быть осознание того, что проблема смертной казни неотделима от общей концепции прав человека и несовместима с ней, ибо казнь попирает его права и, прежде всего, попирает его право на жизнь. При таком подходе смертная казнь - это не столько правовая проблема, сколько проблема гуманитарная.

Именно в таком контексте рассматривает институт смертной казни международное правозащитное движение, именно такой подход к исследованию этой меры наказания следует считать приоритетным и наиболее перспективным.

Распространенность смертной казни относится к числу явлений, которые дают определенное представление о характере современной цивилизации. Это относится и к цивилизации в целом, и в еще большей мере - к ситуации в отдельных регионах мира и государствах. Достаточно вспомнить, как в XVI - XVII веках Европа пылала кострами инквизиции, какие обороты набирал в первые годы советской власти "красный террор" в России, что творили "великие вожди мирового пролетариата", какая истерия и какое единодушие масс сопровождали очередные кампании террора.

Смертная казнь - это не только инструмент уголовной политики, но и социокультурный феномен. Отношение к этой мере наказания - вопрос нравственной доминанты каждого человека; отношение к ней общества - индикатор господствующих в нем нравов и умонастроений, показатель того, насколько оно прониклось идеями справедливости, гуманизма и цивилизованности. Не зря У. Черчилль в свое время заметил, что настроения и прихоти общества в отношении к преступности и преступникам - самая надежная проверка на цивилизованность любой страны.

На рубеже XXI века глобальные тенденции в применении смертной казни претерпели существенные изменения - все шире и последовательнее мировое сообщество идет к ее отмене и ограничению, все заметнее усилия аболиционистского движения. Они значительно изменили масштабы и географию смертной казни (от нее уже отказались две трети государств), оказали мощное воздействие на умонастроения и взгляды политических лидеров, миллионов людей на всех континентах, заставили переосмыслить отношение к этой мере наказания, дополнили мировое информационное пространство гуманистическими идеями ценности человеческой жизни.

И все же человечество еще не пришло к желанной интеграции - у каждого народа свое отношение к проблеме смертной казни, своя история, своя память, своя боль. Поэтому общественное мнение в разных странах по-разному относится к преступности, по-разному относится к мерам наказания, иначе говоря, различается по уровню ригоризма. Отсюда и различное отношение к высшей мере наказания. Между тем сегодня половина населения планеты все еще живет со смертной казнью. Более того, нередко - и в России, и за рубежом - раздаются настойчивые призывы еще шире применять эту меру, вернуться к ней там, где она была отменена.

Особое место проблема смертной казни всегда занимала и занимает в уголовно-правовой и криминологической литературе. И это не удивительно - едва ли можно найти другую проблему, которая могла бы поспорить с ней по своей притягательной силе, по остроте полемики и полярности взглядов.

Формировавшийся несколько веков набор аргументов "pro" и "contra" к началу XXI века практически не изменился. В этой связи в литературе часто отмечается, что вопрос "за или против смертной казни?" исчерпал себя в том смысле, что за столетия дискуссии все доводы давно известны и вряд ли могут появиться новые. "Меняются лишь акценты в зависимости от того, политические, юридические, культурологические или иные аспекты темы преобладают в конкретной ситуации в дискуссии" <1>.

<1> Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. СПб.: Питер, 2002. С. 48.

Это и верно, и не совсем верно - в том смысле, что, к сожалению, проблема еще остается не закрытой, в том смысле, что все эти аспекты проблемы неразрывно взаимосвязаны. Наконец, это не совсем верно в том смысле, что мир во многих отношениях существенно изменился, сложились новые реалии общественного бытия, новым содержанием и смыслом наполнились наиболее важные понятия и ценности современной цивилизации. Под влиянием различных факторов политической, экономической и культурной жизни постепенно меняются общественные умонастроения; дискуссия по проблеме смертной казни получает новые импульсы, ибо научное

переосмысление законодательства, судебной практики и практики исполнения смертных приговоров в разных странах, новые методы анализа растущего массива статистической информации и эмпирического материала все больше обогащают фактологию предмета.

Полтора века назад видный российский исследователь А.Ф. Кистяковский по этому поводу справедливо заметил, что "обилие сочинений и общеизвестность предмета дают иногда повод думать, что смертная казнь - вопрос избитый" <1>. Парадоксально, но именно кажущаяся "общеизвестность" - один из ключевых моментов для понимания непреходящего интереса людей к этой, на самом деле весьма сложной, многоплановой и противоречивой проблеме.

<1> Кистяковский А.Ф. Исследование смертной казни (1867). Тула, 2000. С. 6.

Другое дело, что аргументы сторонников и противников смертной казни, действительно, весьма обстоятельно исследованы в огромном потоке монографической литературы и потому сравнительно легко поддаются систематизации и классификации. Условно их можно разделить на три группы. В первую входят аргументы рациональные, когда обе противоположные стороны доказывают влияние или, наоборот, отсутствие влияния смертной казни на состояние преступности и, прежде всего, на динамику убийств. Ко второй группе относятся аргументы эмоциональные, когда требование сурово наказать убийцу не нуждается ни в каких объяснениях - душа требует отмщения. Наконец, третью группу составляют аргументы метафизического плана, когда обе стороны обосновывают свою позицию апелляцией к вечным ценностям, не зависящим от пристрастий, - законам Природы, Справедливости, Божества, Милосердия и т.п. <1>.

<1> См.: Мелихов А. Казнить нельзя помиловать // Время МН. 27.06.2001.

Продолжение полемики, которая развела многих выдающихся деятелей культуры, политики, юстиции, науки по разные стороны баррикад, само по себе не входит в задачу этого исследования и, во всяком случае, не является самоцелью. Куда более перспективным для осмысления реального положения вещей представляется знакомство с современной практикой применения смертной казни в различных регионах мира, в странах с различными правовыми системами, с результатами новейших исследований, с тем чтобы значительно повысить информативность исходного материала и на этой основе уровень дискуссии за счет более широкой и во многом неизвестной российскому читателю фактологии предмета.

Несколько слов о не совсем обычной структуре работы. Знакомство с современной ситуацией в глобальном контексте начинается с регионального обзора положения дел главным образом в тех государствах Азии, Ближнего Востока и Африки, где сосредоточены основные очаги сопротивления движению за отмену смертной казни и, главное, где эта мера применялась и применяется наиболее широко и интенсивно. Этот обзор в основном охватывает конец XX и начало XXI века. Может показаться, что этот раздел выглядит обособленно, оторванным от других. Возможно, это верно, но здесь исходными были следующие соображения.

С момента первой в СССР публикации обзора мировой практики применения смертной казни, подготовленного "Международной амнистией", прошло 20 лет <1>; с тех пор многое изменилось, изменился мир, распался СССР, на карте мира появился целый ряд новых государств. В названном докладе описывалось положение дел во всех странах мира, в том числе и тех, где смертная казнь была давно отменена. Поэтому информация по каждой стране носила весьма лаконичный и в основном справочный характер. Исходя из целей настоящей работы, в ней, как отмечалось, выделены и более подробно рассматривается ситуация в тех регионах и странах, где смертная казнь применялась и еще применяется наиболее широко.

<1> См.: Когда убивает государство. Смертная казнь против прав человека / Под ред. С.Г. Келиной. М., 1989.

Во-вторых, всегда крайне важно учитывать фон, на котором развиваются те или иные процессы. Поскольку речь идет о практике применения смертной казни в странах, существенно отличающихся по уровню политического, экономического и культурного развития, важно иметь в виду, что связанные с ней или опосредующие ее применение трансформации и мутации преступности, с одной стороны, и уголовной политики - с другой, так или иначе всегда находятся в русле масштабных политических, экономических и иных изменений в жизни общества. Именно эти изменения являются тем фоном, который следует учитывать при анализе практики применения того или иного института уголовной политики в конкретной стране.

Так, применение смертной казни в Сомали, Судане и других странах Африки идет на фоне многолетней гражданской войны и территориальной раздробленности этих стран. А применение этой меры наказания, скажем, в Пакистане, Иране, Саудовской Аравии нельзя рассматривать в

отрыве от фонового процесса исламизации общественной жизни и существования параллельных систем гражданской и шариатской юстиции.

Наконец, первый раздел работы взаимосвязан и по замыслу перекликается с последним разделом, где речь идет об итогах и перспективах аболиционистского движения, ибо нельзя в глобальном контексте понять и оценить политику и практику применения смертной казни, нельзя представить реальную общую картину этого феномена, исходя лишь из соотношения стран, сохранивших и отменивших эту меру наказания.

В следующих трех главах книги подробно исследуется многолетняя практика применения смертной казни в США и Японии, ибо из наиболее индустриально развитых стран только эти две страны сохранили и применяют, хотя и в разных масштабах, наказание в виде смертной казни. Именно эти страны являются принципиальными противниками отмены смертной казни, но и система законодательства, регулирующего ее применение, и практика борьбы с преступностью, и масштабы применения этой меры в США и Японии друг от друга резко отличаются. Здесь период наблюдений за практикой применения смертной казни куда более продолжительный, чем в других странах - свыше 30 лет - для США и свыше 50 лет - для Японии.

О положении дел в США, о практике борьбы с преступностью и применении мер наказания известно, конечно, намного больше. А по проблематике смертной казни, как еще 20 лет назад отмечал Ф.М. Решетников, "накопилось уже попросту необозримое количество публикаций как общего плана, так и специальных криминологических и юридических работ..." <1>. Знакомясь с ними в библиотеках университетов ФРГ, Канады, США, Японии и других стран, могу засвидетельствовать, что в последующие годы число такого рода исследований росло в геометрической прогрессии (это к вопросу об общеизвестности проблемы). Тем не менее в российской периодической печати информация о практике применения смертной казни в США носит хаотичный, обрывочный и далеко не всегда точный характер, и потому достаточного представления о реальном положении дел в этой сфере еще не имеется.

<1> Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 503.

Что же касается Японии, ее законодательства, судебной практики, тенденций преступности, роли исторических, культурных и психологических факторов в формировании уникальной системы противодействия этому явлению, обо всем этом и широкому читателю, и даже специалистам известно гораздо меньше. Точнее сказать, почти не известно. (Между прочим, в 2007 году исполнилось 100 лет действующему УК Японии.) Поэтому информация о том, что связано с анализом уголовной политики США, характером общественного мнения, распространенностью судебных ошибок и т.д., - все это "растворено" по соответствующим разделам книги. А все, что касается ситуации в Японии, в основном сконцентрировано в рамках двух специальных глав.

Вторая часть работы посвящена общим вопросам темы - эффективности смертной казни; опыту применения альтернативной меры; состоянию общественного мнения; фактору судебной ошибки; тенденциям в применении смертной казни и перспективам мирового движения за отмену этой меры наказания.

Работая над этой книгой, автор, конечно же, создавал неполноту данных мировой и национальной уголовной статистики, а тем более неполноту, фрагментарность, а то и очевидную искаженность фактических данных о применении смертной казни в ряде стран, долгие годы скрывающих статистику применения этой меры наказания. Поэтому, используя различные методы анализа и множество дополнительных источников информации, старался сосредоточить основное внимание на выявлении объективных тенденций. Эти тенденции иллюстрируют около шестидесяти таблиц, графиков и диаграмм, вобравших в себя все многообразие статистического и эмпирического материала.

Сбором материала и подготовкой этой монографии автор занимался как минимум 13 лет. Это связано не только с его многочисленными личностными недостатками и свойствами, заставлявшими много раз переделывать ту или иную фразу или вновь уточнять те или иные показатели, которые, кстати говоря, в более поздних статистических документах той или иной страны зачастую меняются. Главная причина в том, что с середины 90-х годов и правоприменительная практика, и динамика тяжких преступлений в наиболее развитых странах стали существенно меняться. Такое развитие криминологической ситуации противоречило мрачным прогнозам некоторых российских криминологов, опиравшихся на ретроспективную статистику 1980 - 1995 годов. Но именно с середины 90-х годов маятник насильственной преступности в этих странах стал менять направление хода. Отсюда понятное желание охватить как можно более длительный период наблюдений, с тем чтобы определить, не идет ли речь о "временных исключениях" и в какой мере они являются закономерными <1>. Для настоящей работы это имело особое значение, ибо, казалось бы, чем меньше убийств, тем меньше должны быть масштабы применения смертной казни. Исследование показало, однако, примитивность и

ущербность такого подхода, на котором, по сути дела, и строится мифологическая теория устрашения суровыми санкциями и их роли в деле предупреждения тяжких преступлений.

<1> См.: Наумов А. Существуют ли пределы роста преступности? // Уголовное право. 2005. N 3; Квашис В. Преступность в США: реальность позитивных изменений или "временное исключение"? // Уголовное право. 2005. N 5.

В предлагаемой вниманию читателя монографии анализируется глобальная картина применения смертной казни в современной мировой практике. Она основана на материалах международной и национальной уголовной статистики, документах ООН, Совета Европы, отчетах международных и национальных абolicционистских и правозащитных организаций, на весьма обширной специальной литературе, материалах зарубежной прессы, на документах многочисленных международных конгрессов и конференций, в работе которых участвовал автор, и, наконец, на личных наблюдениях в ходе изучения положения дел во многих странах Европы, Азии, Африки и Америки.

Глава I. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В СТРАНАХ АЗИИ, БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И АФРИКИ

1.1. Центральная Азия

Казахстан

Занимая больше 6% территории всей Азии, Казахстан входит в десятку крупнейших мировых стран мира.

С 1993 года в стране последовательно развивается позитивная тенденция в динамике преступности, которая к 2006 году в абсолютном выражении сократилась с 206 до 141 тысячи преступлений, а уровень преступности в расчете на 100 тысяч населения снизился с 1210 до 920 преступлений <1>.

<1> См.: Мауленов Г.С. Криминологическая характеристика преступности в Республике Казахстан // Ежегодник российского уголовного права. 2006. Вып. 1. СПб., 2007. С. 506.

С 1 января 1998 года вступил в действие новый Уголовный кодекс РК, сокративший сферу возможного применения смертной казни с 34 до 17 статей (18 составов преступлений). Согласно ст. 15 Конституции: "смертная казнь устанавливается законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании". Интересно, что в ходе подготовки и принятия УК РК из текста статьи о смертной казни (ст. 49) перспектива возможной отмены этой меры наказания была исключена (хотя такая презумпция была даже в ранее действовавшем УК).

Согласно ч. 1 ст. 49 УК, смертная казнь "как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека, а также за совершаемые в военное время или в боевой обстановке государственную измену, преступления против мира и безопасности человечества и особо тяжкие воинские преступления".

В ч. 2 ст. 49 УК зафиксировано, что смертная казнь не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора 65-летнего возраста. При введении Президентом Республики моратория на исполнение приговора о смертной казни исполнение такого приговора приостанавливается на время действия моратория (ч. 3 ст. 49 УК).

Согласно ч. 4 ст. 49 УК, смертный приговор приводится в исполнение не ранее чем по истечении одного года с момента его вступления в силу, а также не ранее чем по истечении одного года после отмены моратория на исполнение смертной казни.

В качестве альтернативы смертной казни вводилось пожизненное лишение свободы, хотя оно не было включено в систему наказаний и оставалось разновидностью лишения свободы, повторяя судьбу смертной казни, которая долгое время оставалась за рамками лестницы наказаний. Согласно ч. 5 ст. 49, смертная казнь "в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы на срок 25 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима. Лица, приговоренные к смертной казни, в случае отмены моратория на исполнение смертной казни имеют право ходатайствовать о помиловании независимо от того, ходатайствовали ли они об этом до введения моратория или нет". Заметим, что законодатели Казахстана учли российский опыт появления новой меры наказания в виде пожизненного лишения свободы и, кроме того, более полно отразили в указанной норме процессуальный аспект, связанный и с особенностями действия моратория, и с правом ходатайства о помиловании.

Еще одним важным новшеством УК явилось, как отмечалось, введение нормы о годичной отсрочке исполнения смертных приговоров после их вступления в законную силу, которая, очевидно, была призвана снизить вероятность судебной ошибки.

Законом РК "О внесении изменений и дополнений в Конституцию РК" от 7 октября 1998 года в ст. 75 было внесено дополнение, по которому в случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей. Примечательно, что это новшество было привнесено только в раздел "Суды и правосудие", а не в ст. 15 Конституции РК, которая регламентирует вопросы права на жизнь и применения смертной казни <1>.

<1> См.: Шаймерденов К. Смертная казнь в Казахстане: de lege lata et ferenda // Российская юстиция. 1999. N 12. С. 48.

Обсуждение перспективы возможной отмены смертной казни в конце 90-х гг. в парламенте и других властных структурах страны вызывало столь ожесточенное сопротивление, что в республике стало открыто дебатироваться шокировавшее общественность предложение директора Центра хирургии М. Алиева "разбирать" тела приговоренных к смертной казни на донорские органы, тем более что число казненных в этот период было значительным <1>.

<1> См.: Московские новости. 1998. 8 - 15 марта. N 9.

В самом деле, к концу 90-х годов Казахстан по распространенности казней занимал одно из первых мест в мире <1>, хотя статистика казней оставалась закрытой. В документах "Международной амнистии" в связи с этим отмечалось, что к концу 2002 года в Казахстане продолжают осуждение к смертной казни "большое число людей и большое число казней" <2>.

<1> См.: Hood R., The Death Penalty: A Worldwide Perspective. 2002. P. 92 - 93; AI Index: EUR 01/003/2001 "Concerns in Europe, January - June 2001".

<2> См.: AI Index: EUR 01/007/2002 "Concerns in Europe, January - June 2002: Kazakstan".

В Концепции правовой политики Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года и в Послании Президента Н. Назарбаева к народу Казахстана "Основные направления внутренней и внешней политики на 2004 год" от 4 апреля 2003 года отмечалось, что реализация уголовной политики должна развиваться в соответствии с принципами уголовного права и включать в себя принятие комплекса законодательных мер, направленных на сужение сферы применения смертной казни и рассмотрение возможностей введения моратория на смертную казнь, на создание организационных, материальных и законодательных условий для решения вопроса о введении такого вида наказания, как пожизненное лишение свободы. А уже 17 декабря 2003 года Указом Президента был введен мораторий на исполнение смертных приговоров "до решения вопроса о ее полной отмене".

Указ предусматривал приостановление исполнения смертных приговоров и содержал поручение правительству внести в парламент законопроект, направленный на введение пожизненного лишения свободы как реальной альтернативы смертной казни. При этом указывалось, во-первых, что сама смертная казнь как вид наказания не отменяется, а лишь приостанавливается исполнение уже вынесенных судами приговоров, и, во-вторых, отмечалось, что мораторий является бессрочным, но при необходимости может быть отменен <1>.

<1> См.: Казахстанская правда. 19.12.2003.

Принятый 10 марта 2004 года во исполнение Указа от 17 декабря 2003 года Закон "О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы РК" уточнил, что под действие названного Указа подпадают лица, в отношении которых имеется приговор, вступивший в силу до введения моратория или во время его действия. (Хотя, по данным "Международной амнистии", в ноябре, накануне издания этого Указа, были казнены 4 осужденных.)

В апреле 2004 года Казахстан подписал с Советом Европы первое соглашение о взаимном сотрудничестве, обязавшись полностью отменить смертную казнь и ежегодно предоставлять отчеты об успехах в деле установления верховенства права.

К концу 2004 года в тюрьмах страны, по данным Генеральной прокуратуры РК, содержалось 27 осужденных к высшей мере наказания. Как показал ретроспективный анализ, в 1997 - 2004 гг. наблюдалась отчетливая тенденция к последовательному сокращению выносимых судами смертных приговоров. Так, если в 1997 году такие приговоры были вынесены 64 осужденным, в 1998 и 1999 - 63, в 2000 году - 40, в 2001 - 39, в 2002 - 22, в 2003 - 17, а в 2004 году - 5 осужденным <1>.

<1> См.: Борчашвили И.Ш. Резерв для совершенствования УК Республики Казахстан // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права в свете Концепции правовой политики Республики Казахстан. Караганда, 2005. С. 12.

В августе 2006 года в Казахстане был вынесен 1 смертный приговор, а в декабре того же года Палата по уголовным делам Верховного суда начала рассмотрение апелляции осужденного и проверку обоснованности этого приговора <1>.

<1> См.: AI Index: EUR 01/017/2006 "Europe and Central Asia: Summary of Amnesty International's concerns in the region, January - June 2006".

Ожидалось, что до конца 2007 года страна завершит все процедуры, связанные с отменой смертной казни. В Отчете "Международной амнистии" за 2006 год (правда, применительно к Центральной Азии в целом) в связи с этим отмечалось: "Смертная казнь уходит в прошлое, но сделано пока недостаточно" <1>.

<1> AI Index: EUR 04/003/2006.

Казахстан выполнил свои обязательства, однако в правовом плане было принято довольно оригинальное решение, коренным образом отличающееся от формул, принятых другими странами, ранее входивших в состав СССР. Заодно Казахстан "подсказал" и формулу решения, на наш взгляд, вполне приемлемую и для современного положения дел в России. Понятно, что речь идет не о нюансах юридической техники, а о принципиальных изменениях, которые необходимы для внесения в Конституцию.

Так, в п. 2 статьи 15 Конституции Казахстана (в редакции Закона от 21 мая 2007 года "О внесении изменений и дополнений в Конституцию РК") зафиксировано: "Никто не вправе произвольно лишать человека жизни. Смертная казнь устанавливается законом как исключительная мера наказания за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время, с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании".

С учетом такого рода принципиальных изменений в Конституции РК будут внесены изменения и дополнения в ст. 49 УК РК, где регламентируются вопросы, связанные с применением наказания в виде смертной казни <1>.

<1> См.: Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / Под ред. И.Ш. Борчашвили. 2 изд. Алма-Аты, 2007. С. 142.

Таким образом, при всех паллиативных моментах указанной юридической формулы Казахстан вошел в число стран, которые "Международная амнистия" относит к категории отменивших смертную казнь за совершение общеуголовных преступлений в мирное время.

Кыргызстан

Кардинальные изменения в экономике, политике, в социальных отношениях, происходившие с начала 90-х годов в связи с распадом СССР, весьма негативно сказались на состоянии правопорядка и преступности в стране. Уже к 1992 году уровень преступности в Кыргызстане по сравнению с 1986 годом вырос в 3,2 раза, а число преступлений в расчете на 100 тысяч населения выросло до 989. За 10 лет - с 1986 по 1995 г. умышленные убийства, например, выросли по абсолютным показателям в 3,6 раза, а среднегодовой темп их прироста составил 15,5% <1>.

<1> См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 107 - 108.

К 2006 году уровень преступности в стране по сравнению с 1986 годом вырос в 2,5 раза. При этом рост преступности шел на фоне почти полной потери контроля и управления в экономической, административной, финансовой и других сферах общественной жизни. Росту криминализации общества способствовало все более широкое включение в сферу преступной деятельности беженцев, мигрантов, несовершеннолетних, женщин и других, в социальном и экономическом плане менее защищенных слоев населения.

Конец 90-х и начало 2000-х годов характеризует особенно заметный рост распространенности тяжких преступлений. В 1998 - 2005 гг. доля тяжких и особо тяжких

преступлений в общей структуре преступности составляла в среднем 49 - 50%, а в отдельные годы доходила до 69,7% <1>.

<1> См.: Джаянбаев К.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с тяжкими насильственными преступлениями в Кыргызской Республике. Бишкек, 2005. С. 74.

Резкий рост коррупции, отсутствие связи с обществом, тотальный обман обнищавшего народа, целенаправленное стимулирование социального и экономического неравенства, двойные стандарты в политике и манипулирование общественным сознанием - все это привело к апогею социальной напряженности и мартовским событиям 2005 года в Бишкеке. Сложившуюся ситуацию безвластия и анархии криминальные элементы использовали для организации массового мародерства, разбойных нападений на предпринимателей и многих других противоправных действий, которые привели к резкому росту зарегистрированной преступности и еще большему росту латентной преступности.

Между тем с конца 1998 года в Кыргызстане продолжал действовать объявленный Президентом Оскаром Акаевым и ежегодно продлеваемый мораторий на исполнение смертных приговоров. И хотя все последующие годы суды продолжали выносить такие приговоры в значительном количестве, ни один из них в 1999 - 2007 годах не был приведен в исполнение. Отметим в этой связи, что, несмотря на высокий уровень тяжких преступлений, Кыргызстан все эти годы оставался единственной страной во всей Азии, где мораторий соблюдался неукоснительно и где не было ни одной казни.

К концу 2002 года в стране насчитывалось 160, а к началу 2005 года - 130 осужденных к высшей мере наказания. По официальным данным, только за июль 2004 года к смертной казни приговорили 31 осужденного <1>.

<1> См.: AI Index: EUR 01/005/2004 "Europe and Central Asia: Summary of Amnesty International's concerns in the region, January - June 2004: Kyrgyzstan".

Как сообщал уполномоченный по правам человека, в обеих тюрьмах, предназначенных для содержания таких осужденных, из-за переполнения и экономических трудностей, в которых оказалась вся система исполнения наказаний, сложилась крайне острая обстановка. В результате с 1999 по 2006 г. в этих тюрьмах 73 осужденных умерли из-за болезни и самоубийств; некоторые осужденные потеряли способность самостоятельно передвигаться, многие страдали от туберкулеза, потери зрения и других заболеваний <1>.

<1> См.: AI Index: EUR 01/007/2006 "Europe and Central Asia: Summary of Amnesty International's concerns in the region, January - June 2006: Kyrgyzstan".

В ноябре 2006 года в Кыргызстане принята новая Конституция, которая полностью отменила смертную казнь. В настоящее время в стране завершается работа по изъятию положений о смертной казни из уголовного законодательства.

Узбекистан

С конца 90-х гг., несмотря на некоторые законодательные и судебные реформы, проблема прав человека в этой стране вызывала все большую тревогу у международной общественности. Это, по оценкам зарубежных экспертов, находило свое отражение и в подавлении инакомыслия в гражданской, религиозной и политической жизни, и в широко распространенной практике получения доказательств путем пыток, и в практике применения смертной казни. В 2003 году специальный докладчик Комитета ООН по правам человека назвал секретность, связанную с вынесением смертных приговоров, "злонамеренной и равнозначной жестокому и бесчеловечному обращению по отношению к семьям заключенных" <1>.

<1> См.: AI Index: EUR 62/011/2003; AI Index: EUR 62/012/2003.

Как отмечалось в отчете "Международной амнистии" за 2003 год, суды продолжали выносить смертные приговоры в рамках системы уголовного судопроизводства, изобилующей множеством недостатков, среди которых особенно выделялись коррупция и нежелание рассматривать заявления подсудимых о применении пыток. В 2003 году в Узбекистане было вынесено как минимум 18 смертных приговоров и казнили 6 осужденных.

В декабре 2003 года парламент страны принял Закон о сокращении сферы применения смертной казни, по которому число преступлений, наказуемых смертной казнью, снижалось с четырех до двух, однако этот декоративный акт, конечно, не мог изменить ситуацию. Ибо речь шла

об исключении из УК лишь тех двух статей, которые и ранее не применялись - это "Геноцид" и "Развязывание и ведение агрессивной войны".

Практика применения помилования, как и все, что касалось применения смертной казни, были окутаны завесой секретности; родственники осужденных, подававшие жалобы, и правозащитники, выступающие за отмену смертной казни, подвергались угрозам и преследованиям <1>.

<1> См.: AI Index: EUR 01/016/2003 "Concerns in Europe and Central Asia, January - June 2003: Uzbekistan".

В 2004 году, вопреки складывающейся в регионе тенденции к отмене смертной казни, в Узбекистане по-прежнему выносились тайные смертные приговоры. Родственникам и самим осужденным о дате приведения таких приговоров в исполнение не сообщалось; места захоронения казненных держались в тайне. Любые попытки открытого обсуждения проблемы смертной казни властями страны всячески пресекались.

О подлинном числе казненных и числе смертных приговоров судить было крайне сложно из-за отсутствия официальных данных. Правда, в декабре 2004 года Президент Узбекистана Каримов заявил на пресс-конференции, что в 2004 году в стране к высшей мере наказания было "приговорено порядка 50 - 60 человек" <1>. Однако это заявление, скорее, показывало неполноту информации, сообщаемой правозащитниками, нежели отражало реальную картину применения наиболее суровых мер уголовной репрессии.

<1> AI Index: EUR 04/009/2004.

В 2005 году смертные приговоры, по данным "Международной амнистии", выносились "десятками"; об их подлинном числе, как и о числе казней, судить по-прежнему не представлялось возможным из-за секретности такого рода информации. Ситуация с правами человека в стране оставалась крайне напряженной <1>. Единственным знаменательным событием года стал Указ Президента от 1 августа 2005 года, согласно которому с 1 января 2008 года смертная казнь в Узбекистане будет отменена.

<1> См.: AI Index: EUR 62/021/2005.

Несмотря на это важное решение, мер, подобных установлению моратория на исполнение смертных приговоров, как это было сделано, например, в Казахстане и Кыргызстане, власти не приняли. И хотя правительственные сообщения утверждали, что в 2006 году смертные приговоры судами страны не выносились, данные правозащитных организаций указывали на то, что смертные приговоры все же были вынесены 8 осужденным.

1.2. Юго-Восточная Азия

К Юго-Восточной Азии относятся 6 из 10 самых густонаселенных стран мира; здесь проживает 56% всего населения планеты. Большинство стран этого региона игнорировало многократные призывы ООН к сокращению и последующей отмене смертной казни; последние 10 лет на долю этих стран приходится абсолютное большинство казней и выносимых во всем мире смертных приговоров.

В настоящем разделе работы анализируется ситуация главным образом в тех странах региона, где применение смертной казни отличается наибольшей распространенностью и интенсивностью.

Отметим, прежде всего, что к концу XX и началу XXI века, несмотря на значительные темпы экономического роста в целом ряде государств региона, чрезвычайная бедность, дискриминация и грубые нарушения прав человека по-прежнему отягощали жизнь миллионов жителей азиатского континента. Во многих странах возобновлялись или продолжались вооруженные конфликты; под предлогом борьбы с терроризмом правительства ряда стран региона серьезно ограничивали права и свободы граждан. Усилия властей по расширению экономической свободы не были подкреплены необходимыми гарантиями политической свободы; она оставалась весьма ограниченной и имела очевидную тенденцию ко все большему свертыванию. Это особенно заметно в Китае, Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии, где множество людей жестоко преследовалось за выражение своих политических взглядов; преследованиям подвергались не только инакомыслящие, но и люди, использующие Интернет для распространения сведений о состоянии дел в сфере демократических свобод и соблюдения прав человека.

На фоне существенных трудностей в области политики, экономики и общественной безопасности юридическая база, гарантирующая защиту прав человека, в большинстве стран

региона оставалась крайне слабой. Юго-Восточная Азия долгие годы оставалась единственным регионом планеты, в котором отсутствовали и до сих пор отсутствуют региональные механизмы обеспечения защиты прав человека. Именно в этом регионе к началу 2000-х гг. было меньше всего государств, ратифицировавших Международный пакт о гражданских и политических правах. О многом говорит и тот факт, что уже к 2003 году 18 стран региона подписали соглашения с США о невыдаче Международному уголовному суду американских граждан, обвиняемых в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. В ряде стран по-прежнему широко практиковались пытки, "исчезновения" людей и внесудебные казни.

Глобальная тенденция к повсеместному сужению сферы применения смертной казни стран Юго-Восточной Азии практически не коснулась. За последние 10 лет здесь казнено намного больше людей, чем во всех остальных регионах мира вместе взятых. Особое место в этом ряду традиционно занимали Китай и Сингапур; резко выросло число смертных приговоров во Вьетнаме и Таиланде. В одном Китае, по минимальным оценкам "Международной амнистии", только в 90-х годах было казнено около 18 тысяч человек. В крошечном (по сравнению с Китаем) Сингапуре до последнего времени сохраняется самый высокий индекс казней в расчете на численность населения <1>.

<1> См.: Hood R. The Death Penalty. A Worldwide Perspective. 2002. P. 92.

С середины 90-х годов в Юго-Восточной Азии постоянно росло число стран, в которых выносились смертные приговоры. В 1999 году, например, такие приговоры выносились в 14 странах региона (казни совершались в 10); в 2001 году - в 15 странах (казни - в 12); в 2002 году смертные приговоры выносились уже в 19 странах этого региона <1>.

<1> См.: AI Index: POL 10/001/2000; Amnesty International Report 2003.

По данным Управления ООН по контролю за оборотом наркотиков и предупреждению преступности, страны Юго-Восточной Азии являются крупнейшим производителем опиума и метамфетамина. В Китае, Таиланде, Сингапуре и Вьетнаме в ответ на увеличение масштабов наркоторговли власти все чаще прибегали к применению смертной казни, несмотря на убедительные свидетельства того, что использование этой меры в борьбе с указанными преступлениями себя никак не оправдывает и не дает желаемого эффекта.

В 2000-х годах ситуация в регионе практически не изменилась. Более того, обострение вооруженных конфликтов в северо-восточных районах Индии, в Индонезии, Непале и Таиланде расширило масштабы нарушений права на жизнь и на политические свободы. В жертву войны с терроризмом приносились все новые жизни. Коренные народы, мигранты, женщины и дети по-прежнему жили в условиях обнищания, дискриминации и политизации условий предоставления гуманитарной помощи; миллионы людей стали вынужденными переселенцами на территории своих стран.

Во многих странах региона по-прежнему жестоко подавлялось инакомыслие, вводились новые ограничения пользования Интернетом, все шире ограничивалась свобода слова, собраний и объединений. Система правосудия не давала гарантий правовой защиты самых уязвимых групп населения, для которых повседневная реальность связана с тяготами жизни и дискриминации. В ряде стран Юго-Восточной Азии (Филиппины, Индонезия, Таиланд, Индия и др.) вооруженные группировки во время терактов убивали мирное население, не стихали конфликты и вооруженные столкновения на этнической и религиозной почве.

На страны этого региона все большее влияние оказывают процессы глобализации. Китай и Индия, например, в течение последних десяти лет показывали завидные темпы экономического роста и укрепляли экономические взаимосвязи. Однако, несмотря на высокие темпы экономического развития, изменения, связанные с процессами глобализации, пошли на пользу далеко не всем странам региона. Следствием осуществления проектов индустриализации и развития стали массовые перемещения и нарушения прав человека; при этом миллионы людей, находившиеся в самом неблагоприятном положении, все еще продолжают жить в нищете, а преимущества, которые приносило экономическое развитие, приходятся лишь на крайне незначительную долю тех, кто обладает лучшим образованием и навыками, кто обеспечен жильем и постоянной работой.

По данным ООН, к 2007 году 28% населения Индии, например, жило за официальной чертой бедности, в Пакистане - 33%, а в Бангладеш - 50% населения <1>.

<1> См.: Amnesty International Report 2007. AI Index: POL 10/007/2007.

Сохраняющийся разрыв в уровне жизни в городах и сельской местности наглядно показывает, что общее позитивное влияние экономического развития до сих пор не коснулось

сельского населения стран Юго-Восточной Азии, где почти повсеместно наблюдается рост безработицы, нищеты, болезней и суицида. В Китае, например, огромному количеству людей удалось выйти из нищеты, но в то же время шокирующий разрыв между уровнем жизни в городах и на селе сохраняется. В 2006 году доходы городского населения в четыре раза превышали заработок сельских жителей. Несмотря на ужасающие условия труда и техники безопасности, в которых трудятся миллионы городских рабочих, продолжительность жизни в урбанизированных районах КНР на 10 - 15 лет выше, чем среди жителей сельской местности.

Экономическое развитие стран региона вселяло большие надежды, однако оно, как уже отмечалось, так и не улучшило жизнь обездоленных слоев населения, в наибольшей мере подверженных дискриминации, - в особенности этнических меньшинств и женщин, - ибо неравенство, укоренившееся не только в общественном сознании, но и в самих основах общества, сохраняется. От глобализации, процесса создания материальных благ выиграло, как отмечалось, лишь весьма ограниченное число людей, в то время как огромное множество жителей региона по-прежнему пребывает в условиях нищеты, не имея возможности получить медицинское обслуживание, жилье и образование.

В ряде стран региона по-прежнему не стихают конфликты на этнической почве. В северных районах Индии и южных районах Таиланда, населенных в основном мусульманами, насилие приняло особенно широкий размах. Вооруженные группировки взрывали бомбы, обезглавливали и расстреливали мирных жителей, монахов, учителей и сотрудников правоохранительных органов. Тех, кто пытался им противодействовать, ждала жестокая расправа.

Война с терроризмом продолжает уносить человеческие жизни почти во всех странах Юго-Восточной Азии; она связана и с многочисленными нарушениями прав человека. В том же Таиланде в соответствии с Законом "О чрезвычайном положении" сотни людей задерживались в произвольном порядке без предъявления обвинения и передачи дела в суд, им отказывалось в помощи адвокатов, многих подвергали пыткам и жестокому обращению. Такая же ситуация сложилась в ряде штатов Индии, в Пакистане, Индонезии и других странах.

Таков в самых общих чертах тот социально-экономический фон, на котором приходится рассматривать уголовную политику и практику применения наказания в абсолютном большинстве стран региона. Что же касается применения смертной казни, то, несмотря на ее отмену в некоторых странах в начале 2000-х гг., Юго-Восточная Азия по-прежнему остается мировым лидером по числу смертных приговоров и по числу казней.

В 2001 - 2006 гг. эту меру наказания применяли 26 стран региона, в том числе Китай, Афганистан, Индия, Япония, Таиланд, Пакистан, Вьетнам, КНДР, Сингапур. В Китае, на долю которого в последние 10 лет приходится в среднем 76% всех зафиксированных в мире казней и 70% всех смертных приговоров, механизмы защиты прав обвиняемых до самого последнего времени практически отсутствовали; в силу этого многих людей казнили в результате поспешных и несправедливых судебных разбирательств.

Сегодня страны этого региона по-прежнему в хвосте глобального движения, держащего курс на отмену смертной казни. Только Филиппины в 2006 году отказались от применения этой меры наказания; на том же пути и Южная Корея, которая *de facto* сохраняет мораторий на проведение казней (показательно, что здесь решение о моратории и законопроект об отмене смертной казни поддержали обе партии - и правящая, и оппозиционная).

Используемое в работе региональное деление стран, применяющих смертную казнь, как отмечалось, в известной мере условно. Оно не подразумевает анализ правоприменительной практики каждой из многочисленных стран региона - здесь рассматривается лишь ситуация в странах, где сложились самые неблагоприятные тенденции, наибольшая распространенность и интенсивность применения смертной казни.

Китайская Народная Республика

Развивающийся чрезвычайно быстрыми темпами Китай во всем мире вызывает понятный и все более растущий интерес. Несмотря на глобальные потрясения, которые принес конец 90-х годов, на все трудности огромной страны с переходной экономикой и перешагнувшим за миллиард населением, КНР к началу XXI века превратилась в одну из самых влиятельных и мощных мировых держав. Помимо очевидной политической стабильности и последовательного роста экономики, самые последние успехи Китая связаны с возвратом высокоразвитых Гонконга и Макао, с вступлением в ВТО, с запуском первого пилотируемого космического корабля, внушительной победой в борьбе за право проведения летних Олимпийских игр 2008 года и ЭКСПО-2010, а также с другими достижениями, значительно преобразившими страну.

Важную роль в обеспечении политики реформ и укрепления правопорядка в КНР играет и уголовное законодательство, развитие и обновление которого в целом идет в соответствии с изменениями реалий политической и экономической жизни. Отражением такого реформирования уголовного закона явилось принятие 14 марта 1997 года новой редакции Уголовного кодекса КНР,

а также последующее принятие Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) целого ряда дополнений и поправок к новому УК <1>.

<1> См.: Цзян Хуэйлинь. Основные черты Уголовного кодекса Китайской Народной Республики. Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1999; Ахметшин Н.Х., Ахметшин Х.Н. Новое уголовное законодательство КНР. Вопросы Общей части // Государство и право. 1999. N 9; Ахметшин Н.Х. Новации в современном уголовном законодательстве КНР // Право и политика. 2000. N 10.

В контексте настоящей работы наибольший интерес представляют те существенные изменения в УК КНР 1997 года, а также в новой редакции УПК КНР (вступившего в силу 1 января 1997 года), которые связаны с регулированием порядка назначения и исполнения наказания в виде смертной казни. В Общей части УК этому институту уголовного права, занимающему особое место в системе наказаний и играющему важную политико-воспитательную роль, посвящены четыре статьи (ст. ст. 48 - 51 УК).

В ст. 48 УК КНР установлено, что смертная казнь может применяться только к лицам, "совершившим тяжчайшие преступления" и достигшим к моменту совершения преступления полных 18 лет. Новый УК исключил возможность применения этой меры не только к несовершеннолетним, но и к женщинам, находящимся к моменту судебного разбирательства в состоянии беременности. Для сравнения заметим, что ранее действовавший УК 1979 года (ст. 44) допускал возможность вынесения смертного приговора за особо тяжкие преступления лицам, достигшим возраста 16 - 18 лет.

Изменения затронули, далее, и порядок (способ) приведения смертных приговоров в исполнение. В УК 1979 года (ст. 45) в качестве такового назывался расстрел. Новое уголовно-процессуальное законодательство КНР добавило к расстрелу введение смертельной инъекции. Установлены также новые правила защиты по делам, наказуемым смертной казнью (ст. 34); предусмотрены автоматический порядок пересмотра смертных приговоров (ст. 210 УПК) и публикация в печати сообщения о приведении таких приговоров в исполнение (ч. 2 ст. 212 УПК).

Действующее уголовное законодательство КНР, как и прежде, предусматривает весьма широкий спектр возможного применения смертной казни, причем в количественных оценках разных авторов можно отметить существенные расхождения (называются санкции от 60 до 80 статей Особенной части УК) <1>. Это означает, что сфера возможного применения санкции в виде смертной казни практически почти не изменилась, она все еще является весьма обширной <2>, а с учетом последующих изменений и дополнений к УК она составляет почти четверть статей Особенной части.

<1> См.: Цзян Хуэйлинь. Основные черты Уголовного кодекса Китайской Народной Республики. Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1999. С. 14.

<2> См.: Chen-Xin-Liang. The Death Penalty // The United Nations Standards and China's Legal System of Criminal Justice. Beijing, 1998. P. 536.

УК 1997 года (ст. 48) сохранил принципиально важную норму ранее действующего законодательства, согласно которой возможна отсрочка исполнения смертного приговора сроком на два года, если суд придет к выводу, что в немедленном приведении такого приговора в исполнение нет необходимости. Эта система существует в Китае с 1949 года. В период отсрочки исполнения смертного приговора осужденные заняты обязательным трудом; если их поведение в этот период свидетельствовало о "раскаянии", приговор, согласно ст. 46 УК 1979 года, заменялся лишением свободы на определенный срок.

Статья 50 УК КНР 1997 года более четко, чем прежде, определяет порядок и основания исполнения приговора после истечения двухлетней отсрочки. В качестве такого основания закон, в отличие от прежнего УК, требует, чтобы лицо, которому была предоставлена отсрочка, не совершило в этот 2-летний период умышленного преступления. При совершении нового умышленного преступления Верховный народный суд КНР дает санкцию на приведение смертного приговора в исполнение.

В случае серьезного искупления вины и реальных заслуг смертная казнь после истечения отсрочки исполнения приговора может быть заменена на лишение свободы на срок от 15 до 20 лет. Согласно ст. 51 УК, срок отсрочки исполнения смертного приговора исчисляется со дня его вынесения, а при замене смертной казни на лишение свободы - со дня истечения отсрочки исполнения такого приговора.

Дела обвиняемых в совершении преступлений, наказуемых смертной казнью, могут рассматриваться промежуточными народными судами или высокими народными судами по первой инстанции. Все смертные приговоры подлежат утверждению Верховным народным судом КНР, кроме тех, которые вынесены им самим. Обвиняемые имеют право на одну апелляцию. Если осужденный не подает апелляцию, закон предусматривает обязательную проверку дела

вышестоящим судом. Что же касается применения отсрочки исполнения смертного приговора, то такие решения могут выноситься только судами высшей ступени, либо они подлежат утверждению в вышестоящих судах. Таковы основные положения уголовного и уголовно-процессуального закона, регулирующие основания и порядок применения смертной казни.

Наибольшее число статей, по которым возможно применение смертной казни, приходится на главу 3 - "Преступления против социалистического рыночного экономического порядка" - здесь их 20; затем следуют глава 6 УК "Преступления против общественного порядка и порядка управления" (13 статей); глава 4 "Преступления против прав личности и демократических прав граждан" (11 статей); глава 10 "Преступления военнослужащих против воинского долга" (11 статей); глава 1 "Преступления против государственной безопасности" (9 статей). При этом практически все исследователи отмечают, что ныне таких санкций в процентном отношении по сравнению с ранее действовавшим законодательством стало "несколько меньше" <1>.

<1> См.: Ахметшин Н.Х., Ахметшин Х.Н., Петухов А.А. Основные положения Общей части УК КНР // Современное законодательство КНР. М., 2000. С. 34.

В главе 4 Особенной части УК обращают на себя внимание наиболее широкая возможность применения высшей меры наказания при совершении преступлений против прав личности и демократических прав граждан. Несмотря на то что таких статей, как уже отмечалось, в этой главе - 11, т.е. меньше, чем в 3 и 6 главах Особенной части, однако здесь смертная казнь предусмотрена в санкциях каждой третьей статьи. Такая мера наказания грозит лицам, виновным в умышленном убийстве (ст. 232 УК); в умышленном причинении вреда здоровью другого человека при особо тяжких последствиях (ст. 234); изнасиловании женщины или половом сношении с несовершеннолетней, не достигшей 14 лет (ст. 236), и т.д. Кстати, в ст. 234 УК названы квалифицирующие признаки, при которых возможно применение смертной казни. К их числу закон относит: изнасилование нескольких женщин, половое сношение с несколькими несовершеннолетними; публичное изнасилование в общественном месте; поочередное изнасилование, совершенное двумя и более лицами; причинение потерпевшей тяжкого телесного повреждения, смерти или других тяжких последствий.

В соответствии с новыми криминологическими реалиями, ст. 239 УК устанавливает суровые меры ответственности - вплоть до смертной казни - за захват заложников, а ст. 240 УК - за похищение или обман в целях продажи женщины или ребенка. В последнем случае для применения смертной казни необходимо наличие одной из предусмотренных в этой статье конкретных ситуаций: руководство такого рода преступной группой; похищение, обман с целью продажи женщин, детей в количестве трех человек и более; половое сношение с похищенной, обманутой в целях продажи женщиной; принуждение похищенной к занятию проституцией либо продажа ее другому лицу для занятия проституцией; похищение малолетнего в целях продажи; продажа женщины или ребенка за границу, а также наличие иных подобных ситуаций.

Уголовное законодательство КНР устанавливает наиболее строгие меры наказания за контрабанду, торговлю, перевозку и производство наркотиков; при этом в ст. 347 УК конкретизируются и виды наркотиков, и объемы их продажи и перевозки, при которых возможно применение смертной казни.

С самого начала реформирования страны в КНР пристальное внимание всегда уделялось борьбе с экономическими преступлениями, приносящими огромный материальный и политический ущерб. Достаточно сказать, что уже вскоре после принятия нового Уголовного кодекса ПК ВСНП в Постановлении от 29 декабря 1998 года серьезно ужесточил ответственность за приобретение валюты обманным путем, за утечку валюты и незаконную торговлю иностранной валютой.

Год спустя - Постановлением ПК ВСНП от 25 декабря 1999 года - предусматривалось внесение в УК ряда других существенных поправок, ужесточающих ответственность за экономические преступления. Поэтому не случайно в санкциях 20 статей, ныне предусматривающих ответственность за такого рода преступления, установлена возможность применения высшей меры наказания. Так, в ст. 141 УК предусмотрена смертная казнь за производство, а также сбыт поддельных лекарств, если это повлекло смерть или причинило особо тяжкий вред здоровью людей. В июле 2007 года весь мир обошли кадры телерепортажа, сообщавшие об утверждении смертного приговора и казни министра КНР, ответственного за закупку медицинских препаратов и продовольствия, который был признан виновным в многочисленных злоупотреблениях и взятках.

УК КНР установил также наказание в виде смертной казни за контрабанду товаров в особо крупных размерах (ст. ст. 151, 153); за подделку денег при особо отягчающих обстоятельствах (ст. 170); за различные способы финансового мошенничества в особо крупных размерах и при особо крупном ущербе интересам государства и граждан (ст. ст. 192 - 195). При этом особое внимание уделяется борьбе с коррупцией, где позиция властей, судя по многочисленным громким судебным процессам, остается непримиримой и последовательно жесткой. В соответствии с ст. ст. 383 и 386

УК, к смертной казни могут быть приговорены работники государственных органов, виновные в присвоении (растрате) общественного имущества или в получении взятки на сумму 100 тыс. юаней (12 млн. долл. США). Такие приговоры выносятся довольно часто, не взирая на чины и звания.

Китай подписал Международный пакт о гражданских и политических правах, но до сих пор не ратифицировал его, не обращая внимания на постоянные призывы ООН и Совета Европы <1>. Как и в США, в КНР перспективы ограничения и тем более отмены смертной казни по-прежнему связывают лишь с кардинальным снижением преступности <2>. При этом власти Китая "мало волнуют либеральные рассуждения на Западе о недопустимости применения смертной казни" <3>.

<1> См.: Hood R. Capital Punishment // The Handbook of Crime and Punishment. New York, Oxford, 1998. P. 739 - 776.

<2> См.: Schabas W. (Ed). The International Sourcebook on Capital Punishment. Boston, 1997. P. 206 - 232.

<3> Ахметшин Н.Х. Смертная казнь в современном Китае: правовое регулирование и практика применения // Право на смертную казнь. М., 2004. С. 222.

Система противодействия преступности в КНР базируется как на специфическом менталитете китайцев, так и на общественно-политической структуре, предусматривающей закрепленные в Конституции принципы социально-экономического равенства, всеобщей трудовой занятости и минимальной материальной обеспеченности. Идеология и пропаганда воспитательной политики в КНР - весьма существенные факторы воздействия на преступность. Мощнейший аппарат пропаганды позволяет привлекать к решению общенациональных проблем широкие массы людей. К их числу относится и проблема борьбы с преступностью. Когда в первой половине 90-х годов в развитии криминальной ситуации тревожные тенденции стали особо ощутимыми, в стране развернулась мощная общегосударственная кампания борьбы с преступностью. Проведение такого рода кампаний в КНР - один из основных методов руководства обществом и способов действенного влияния на развитие различных социальных процессов <1>.

<1> См.: Dutton M., Tianfu L. Mission the Target. Policing Strategies in the Period of Economic Reform // Crime and Delinquency. Vol. 39. 1993. N 3: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. 1997. С. 281 - 283; Friday P.C. Crime and Crime Prevention in China: A Challenge to the Development Crime Nexus // Journal of Contemporary Criminal Justice. Vol. 14. 1998. N 3. August. P. 296 - 314.

В разные годы уголовная политика КНР существенно менялась в зависимости от направленности, характера и масштабов очередной кампании. Поэтому резкие изменения в динамике казней и смертных приговоров в этой стране до середины 90-х годов носили спорадический характер. С 1983 года, например, когда в КНР было введено законодательство, значительно упрощавшее и ускоряющее процесс расследования и судебного разбирательства по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, оперативность вынесения и исполнения смертных приговоров резко возросла (по многим делам такой разрыв составлял всего несколько дней), что повлекло весьма значительное увеличение числа казней. За первые три года действия этих процедур, по данным "Международной амнистии", было зафиксировано 10 тысяч казней <1>.

<1> Оценки неофициальных источников (при полном отсутствии официальных) сильно расходятся. По некоторым из них, число казней в эти годы превышало 30000 (см.: Когда убивает государство. М., 1989. С. 255).

В 1987 - 1989 гг. число казней (а скорее, объем поступающих о них сообщений) заметно снизилось; в 1987 году, например, подтвержденными оказались сообщения лишь о 132 казнях. (В случае достоверности этой информации, можно было бы говорить о минимальном числе казней за всю историю КНР <1>.) Однако в последующие годы число казней и смертных приговоров постоянно увеличивалось.

<1> См.: Квашиш В. Смертная казнь: глобальные тенденции и перспективы // Уголовное право. 2001. N 3.

Середина 90-х годов - одна из самых мрачных страниц в истории правосудия в Китайской Народной Республике. В мае 1996 года руководство КНР предприняло широкомасштабную кампанию против убийц и насильников, грабителей и наркоманов, получившую название "жестокий удар" ("Strike Hard"). Эта кампания замышлялась в первую очередь против резко возросших в стране масштабов и распространенности насильственных преступлений, а также против набравшей силу организованной преступности <1>, однако в ее сети попало огромное число людей, виновных в ненасильственных и куда менее опасных преступлениях. Массовые и

публичные казни устраивались как одно из мероприятий по случаю праздников и именно в такие дни чаще выносились смертные приговоры; апелляции осужденных удовлетворялись крайне редко и такие приговоры быстро приводились в исполнение.

<1> См.: Синь Янь, Яблоков Н.П. Борьба с мафией в Китае; Овчинский В.С. Мафия XXI века: сделано в Китае. М., 2006; Бинсун Хэ. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Владивосток, 2005.

Таблица N 1

Динамика смертных приговоров и казней в КНР
в 1996 - 2006 гг.

Годы	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Число см. приговоров	6100	2495	1657	1720	1500	4015	1921	1639	6200	3900	2790
Число казней	4400	1644	1067	1077	1010	2468	1060	726	3400	1770	1015

Как видно, первый же год этой кампании дал пиковые показатели казней и смертных приговоров за все последующие годы. Более того, показатели 1996 года до сих пор остаются рекордными и по "вкладу" Китая в мировую статистику применения смертной казни (независимо от полноты и достоверности данных, тщательно скрываемых властями). Так или иначе, этот "вклад", как видно из следующей таблицы, составил - 85,8% от общего числа зарегистрированных в мире смертных приговоров и 92,2% (!) - от общего числа казней.

Таблица N 2

Доля КНР в общем числе зарегистрированных в
мире смертных приговоров и казней в 1996 - 2006 гг. (в %)

Годы	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Смертные приговоры	85,8	57,1	42,4	44,6	49,1	76,3	59,1	59,4	83,8	75,2	72,3
Казни	92,2	63,7	65,7	59,4	69,3	81,0	69,5	63,3	89,5	82,4	77,6

В последующие пять лет - до 2001 года - масштабы применения смертной казни в КНР, судя по опубликованным данным, стали заметно снижаться. В 1998 году, например, доля смертных приговоров в КНР в общем числе зафиксированных "Международной амнистией" смертных приговоров во всем мире оказалась минимальной за 1996 - 2006 годы - она составила 42,4% <1>. По тем же данным, число казней в стране с 1996 по 2000 г. снизилось в 4 раза. И все же за 90-е годы в Китае даже по самым минимальным оценкам было казнено около 18 тысяч человек.

<1> См.: Amnesty International, Annual Report 2001, China; AI Index: ASA 17/049/2000 "People's Republic of China: death penalty Log 1999".

Разумеется, здесь приводятся лишь данные, зафиксированные правозащитными организациями, хотя, по мнению экспертов, данные о казнях в КНР за 1996 - 2000 годы занижены в 3 - 4 раза. Такие оценки, скорее всего, справедливы; иногда это подтверждают и высокопоставленные китайские официальные лица, не называющие своего имени. И, понятно, вовсе не случайно данные о применении смертной казни составляют в Китае государственную тайну, несмотря на то, что ч. 2 ст. 212 УПК КНР предусматривает обязательную публикацию сообщений об исполнении смертного приговора.

На пороге XXI века уголовная политика в Китайской Народной Республике, по мнению зарубежных исследователей, становится менее противоречивой и более последовательной. Считается даже, что в Китае в конце XX века "формируется новая юридическая культура, аккумулирующая наследие мировой юридической мысли". Поэтому доктрина уголовной политики якобы все больше отходит от шараханий между "замшевой перчаткой" и "железной рукой" <1>. При всех недостатках новой уголовно-политической доктрины КНР основная тенденция и перспектива ее реализации, по мнению Р. Худа, может быть охарактеризована как растущее восприятие аболиционистской идеи <2>.

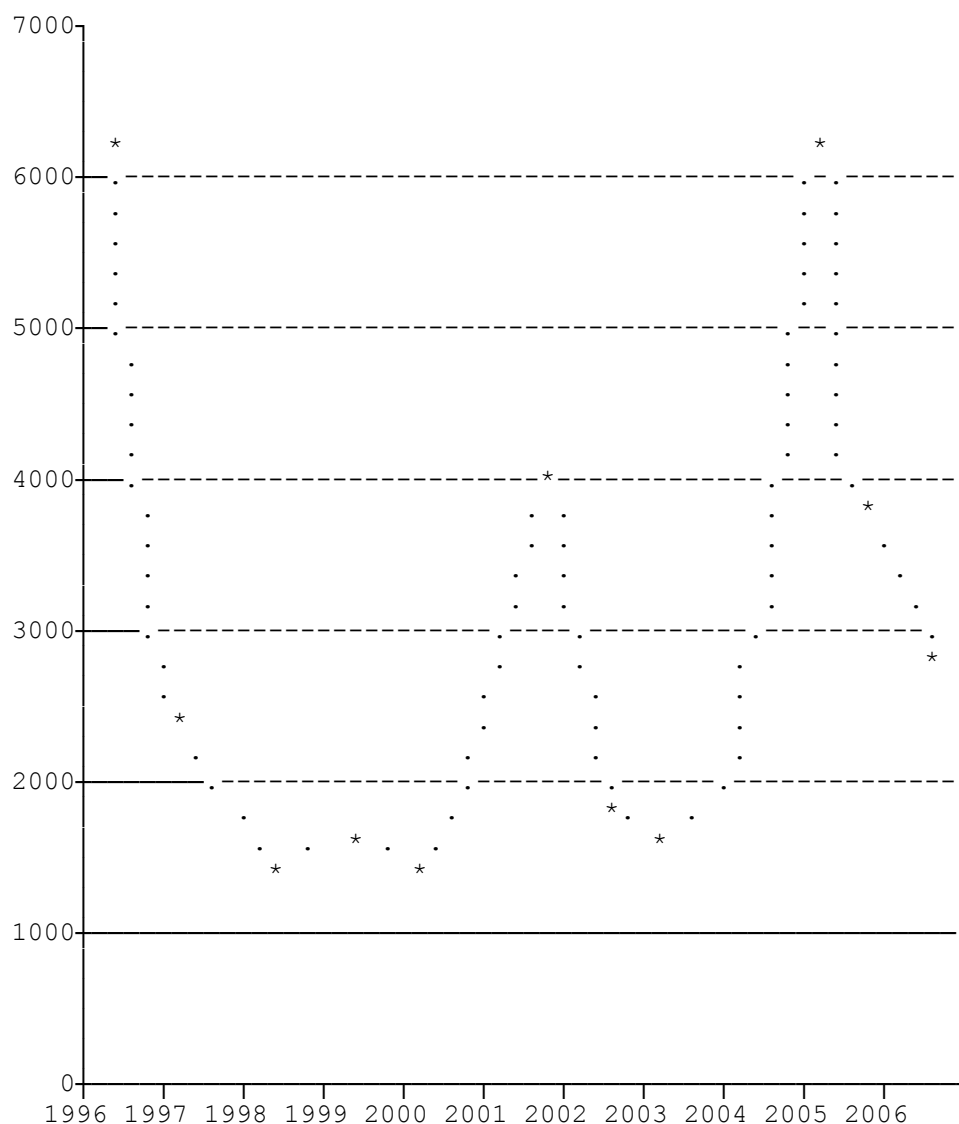
<1> См.: Albrecht H.J. The Death Penalty in China. Placing the China's Death Penalty Politics in International Perspectives // Presentation at the International Conference "Towards the Global Abolition of Capital Punishment", Freiburg, Max Planck Institute. September, 2000.

<2> См.: Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. 2002. P. 54, 86.

Эти выводы представляются излишне оптимистичными, тем более что они, как и все другие оценки положения дел в этой сфере в КНР, основаны на далеко не полных и фрагментарных данных, подлинная реальность которых должна кардинально изменить такого рода суждения. Но если даже представить, что данные, публикуемые "Международной амнистией", абсолютно достоверны, то тенденции и особенно перспективы применения смертной казни следует, по нашему убеждению, связывать не с "растущим восприятием абolicционистских идей", а с куда более прагматичными и, прежде всего, с политическими соображениями, которые диктуются не столько изменениями в криминологической ситуации, сколько развитием ситуации в экономике страны, ее ролью и местом в мире в период глобальных экономических и политических изменений. Тем более что даже публикуемая ООН, "Международной амнистией" и другими организациями далеко не полная статистика применения смертной казни в 2001 - 2006 гг. никак не свидетельствует о росте абolicционистских настроений в КНР.

График N 1

Динамика смертных приговоров в КНР в 1996 - 2006 гг.

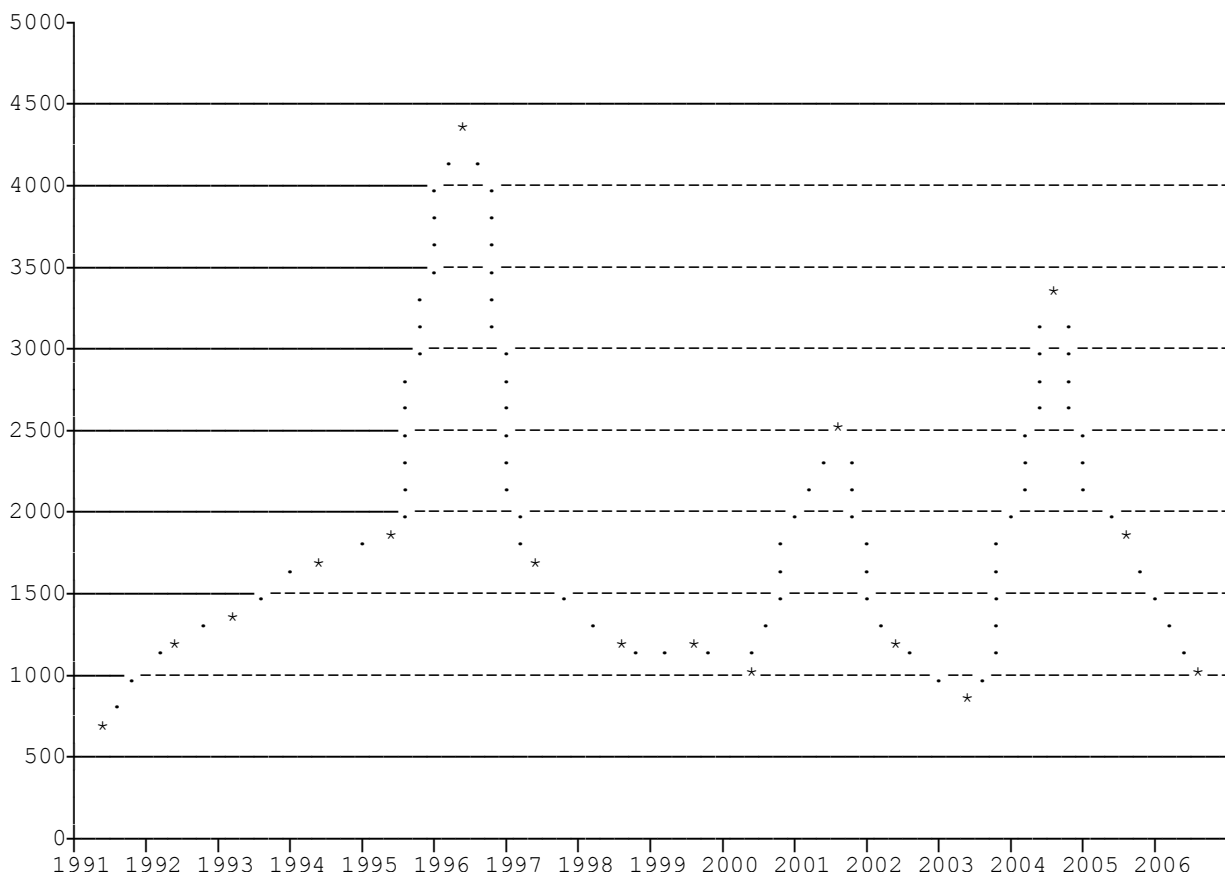
Динамика смертных приговоров показывает, что благодушные оценки зарубежных экспертов по поводу эффективности борьбы с преступностью и перспектив либерализации уголовной политики в Китае оказались преувеличенными и явно преждевременными <1>.

<1> См.: Friday P.C. Crime and Crime Prevention in China. A Challenge to the Development Crime Nexus // Journal of Contemporary Criminal Justice. Vol. 14. August. 1998. P. 296 - 314; Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. 2002. P. 86.

Об этом же не менее убедительно свидетельствует и практика приведения смертных приговоров в исполнение. Графическое изображение обеих сторон практики применения смертной казни облегчает восприятие не только ее спорадического характера, но и "пиковых" показателей различных периодов современной китайской истории.

График N 2

Динамика казней в КНР в 1991 - 2006 гг.

Как видно, с "шараханьями" в деле применения репрессии вовсе не было покончено. Скорее, наоборот, власти КНР по-прежнему привержены политике проведения крупномасштабных кампаний, которые если и чуть стихают, то лишь для того, чтобы вспыхнуть с еще большей силой. Это подтверждает и хронологический анализ даже той скудной информации, которая просачивается из страны, благодаря усилиям национальных и международных правозащитных организаций.

Начавшаяся весной 2001 года кампания "жестокое удара" (иногда ее еще называют "решительным", или "сокрушительным ударом") была продлена еще на год. Результаты применения смертной казни в ходе этой кампании в 2001 году говорят за себя сами - по данным "Международной амнистии", в стране только с апреля до начала июля казнили 1781 осужденных и было вынесено 2960 смертных приговоров. А всего за 2001 год было вынесено 4015 смертных приговоров и казнено 2468 осужденных <1>. При этом многие казненные не совершали насильственных преступлений, борьба с которыми была объявлена основной целью "жестокое удара". Многие из них были осуждены за растрату, уклонение от налогов, мошенничество, взятки, торговлю некачественными товарами, сутенерство, сбыт наркотиков и т.п.

<1> См.: AI Index: ASA 17/022/2001. July 6, 2001 "China: Striking harder' than ever before"; AI Index: ACT 53/002/2002. 1 March, 2002; AI Index: ASA 17/029/2002. July 23, 2002 "China: "Strike Hard" anti - crime campaign intensifies".

Несмотря на резкое усиление репрессии, преступность в стране, по признанию китайских властей, выросла по сравнению с показателями 1999 года на 50% <1>. Этот важный статистический факт еще раз доказывает, что эскалация казней сама по себе не может снизить уровень преступности.

<1> См.: AI Index: ASA 17/009/2001. April 12, 2001 "China: Day of death".

Заметное снижение публикуемых показателей применения смертной казни в 2002 году особого доверия не вызывает; оно противоречит логике кампании "жесточкого удара" и потому свидетельствует лишь о более эффективных усилиях властей по сокрытию реальной информации о положении вещей, а не о принципиальном изменении тенденции. Оно противоречит, далее, и фактической стороне дела, ибо продолжающаяся кампания по усилению репрессий особенно заметно активизировалась именно в 2002 году перед приближающимся XVI съездом Компартии Китая. Этот вывод подтверждается и резким ростом числа смертных приговоров, вынесенных судами КНР в последующий период - в 2004 - 2006 годах, а также явно несопоставимыми данными о числе казней - особенно в 2003 и 2004 годах.

В начале 2000-х гг. в Цзиньцзянь - Уйгурском автономном округе кампания против организованной преступности распространилась также на многих людей, поспешно обвиненных в "этническом сепаратизме", "терроризме" и "религиозном экстремизме", а также на членов духовного движения Фалун Гонг.

С начала 2001 года были введены дополнительные правила для контроля за доступом в Интернет; согласно этим правилам, смертная казнь могла быть назначена тем, кто "приносит особо опасный вред" путем предоставления государственной тайны иностранным организациям и лицам посредством Интернета. В январе 2002 года министр информационной промышленности объявил о новых правилах, по которым компании, предоставляющие интернет-услуги, должны более тщательно следить за использованием сети их клиентами. В ноябре того же года вступили в силу новые правила Министерства культуры, еще больше ограничивающие доступ к Интернету, и в т.ч. ограничивающие деятельность интернет-кафе.

Опасность более вероятного применения смертной казни за преступления, ранее наказуемые лишением свободы, особенно возросла накануне ноябрьского съезда Компартии КНР. Смертная казнь в этот период применялась особенно широко, а приговоры часто приводились в исполнение буквально через несколько часов после их оглашения.

В декабре 2002 года были приняты "антитеррористические" поправки к Уголовному кодексу, расширившие сферу применения смертной казни. Сколь-либо четкого определения террористической деятельности и террористических организаций эти поправки не содержали, что вызывало обеспокоенность людей тем, что такие поправки вполне могут быть использованы властями для подавления права на свободу объединений и другие свободы. Вообще в КНР до сих пор, по сути дела, ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике не проводится различий между терроризмом и сепаратизмом. Это, похоже, сознательная политика, вполне устраивающая власть.

Последующие события подтвердили обоснованность опасений и обеспокоенности многих людей. Обвиняемым в "политических" преступлениях отказывали в надлежащих правовых процедурах, их нередко подвергали пыткам и издевательствам. Решения по этим делам власти, как правило, принимали до суда, который обычно проходил в закрытом режиме, а процедура апелляции сводилась к простой формальности.

В 2001 - 2002 гг. особенно возросло применение двух видов системы "административного задержания". По данным "Международной амнистии", по первому из них - "задержание и выдворение" (он предусматривал задержание на срок до четырех лет без предъявления обвинения и суда) - в 2002 году было задержано более миллиона людей, включая мигрантов и бездомных детей; еще около 310 тысяч человек - по второму варианту - находились в лагерях "для перевоспитания трудом" (в 2001 году - 260 тысяч человек).

Активное использование этих двух систем административного задержания в известной мере объясняет удивительный для европейских экспертов низкий уровень применения в КНР лишения свободы, который никак не коррелируется со столь высокой распространенностью смертной казни <1>. В самом деле, в расчете на 100 тысяч населения в КНР в конце 90-х годов и начале XX века стабильно приходилось не более 100 заключенных, что в 6 раз ниже соответствующих показателей в США и России и приближается к показателям применения лишения свободы в ФРГ, Австрии, Англии и Испании.

<1> См.: Albecht H.J. The Death Penalty in China. Placing the China's Death Penalty Politics in International Perspectives // Presentation at the International Conference "Towards the Global Abolition of Capital Punishment", Freiburg, Max Planck Institute, September, 2000; Kury H., Obergfell-Fuchs J.,

В то же время данные о применении лишения свободы в КНР выгодно отличаются от соответствующих показателей в ряде стран Восточной Европы и Центральной Азии. В Румынии, например, на 100 тысяч населения приходится 193 осужденных к лишению свободы, в Польше и Чехии - 160, в Венгрии - 125, а в Украине - 345. На этот парадоксальный факт не раз указывалось и в обзорах Организации Объединенных Наций и публикациях зарубежных ученых <1>.

<1> См.: United Nations Economic and Social Council: Crime Prevention and Criminal Justice. Capital Punishment and Implementation of the Safeguards Guaranteeing Protection of the Rights of Those Facing the Death Penalty. E/2000/3. March 31. 2000. P. 13.

Новое руководство, возглавляемое председателем КНР Ху Цзиньтао, осуществило ряд реформ в сфере применения административно-правовых санкций и в том числе запретило применение практики административного "задержания и выдворения". Однако эти реформы не устранили глубинных недостатков административной системы, которые вели к безнаказанным нарушениям прав человека <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 17/035/2003 "People's Republic of China: continuing abuses under a new leadership - summary of human rights concerns".

Что же касается статистики применения смертной казни в 2003 году, то к ней полностью применимо сказанное в отношении показателей предыдущего года - некоторое снижение числа смертных приговоров (с 1921 до 1639) и числа казней (с 1060 до 726), скорее всего, результат роста неполноты информации, на что постоянно обращается внимание в документах "Международной амнистии". Показательно в этом отношении, что еще в начале 2003 года власти провинции Юньнань приобрели 18 передвижных камер для казни осужденных путем летальной инъекции (как отмечается в отчете "Международной амнистии" за 2003 год, "с целью снижения затрат и повышения эффективности исполнения смертных приговоров").

Кроме того, расширенные толкования уголовного закона, принятые Верховным судом КНР в мае и сентябре 2003 года, распространили возможность применения смертной казни соответственно на лиц, страдающих атипичной пневмонией, если они намеренно разносили инфекцию, а также на лиц, вовлеченных в незаконное производство, сбыт и хранение определенных объемов токсичных химикатов.

На фоне роста сообщений о масштабных нарушениях права на здоровье и медицинскую помощь февральская эпидемия атипичной пневмонии (SARS) вынудила правительство к большей прозрачности своей деятельности. В октябре 2003 года китайские власти впервые официально признали, что в стране насчитывается 840 тысяч ВИЧ-инфицированных и еще около 80 тысяч - больных СПИДом, хотя, по мнению правозащитных организаций, реальные цифры намного превышали показатели, названные властями.

Очевидную неполноту данных за 2003 год подтверждают и резко возросшие показатели применения смертной казни в 2004 году, когда было вынесено свыше 6000 смертных приговоров и казнено по меньшей мере 3400 человек, - итог, сопоставимый лишь с максимальными показателями 1996 года. К сказанному следует добавить, что в 2004 году доля КНР по отношению к общему числу смертных приговоров, вынесенных во все мире, стала самой высокой за 1996 - 2006 гг. (83,8%), а по числу казней (89,5%) почти такой же, как в 1996 году. Отмечая, что "реальные цифры намного превосходят указанные", "Международная амнистия" приводит сделанное в марте 2004 года заявление одного из депутатов Национального народного конгресса о том, что в КНР ежегодно казнят порядка 10 тысяч осужденных.

В 2004 году власти Китайской Народной Республики, как уже отмечалось, предприняли ряд мер с целью укрепления законности в деятельности правоохранительных органов (началась, в частности, работа по пресечению пыток в полиции) и повышения уважения к правам человека <1>. В принятой в марте этого года поправке к Конституции КНР прямо говорилось, что "государство уважает и защищает права человека". Принятые в этом направлении меры были связаны, с одной стороны, с усилившимся давлением международной общественности, а с другой - с необходимостью существенного изменения политического имиджа страны, поскольку борьба за право проведения Олимпийских игр 2008 года вступала в финальную стадию.

<1> В феврале 2004 года Ма Вэйхуа, которой грозила смертная казнь (она была задержана с 1,5 кг. героина), вынудили сделать аборт, чтобы ее казнь стала "юридически возможной". Когда адвокат подсудимой представил доказательства принудительного аборта, суд приговорил ее к пожизненному заключению.

Однако в практическом плане реализации указанных мер препятствовало отсутствие институциональных изменений. Так, например, власти КНР официально объявили о намерении реформировать систему административного задержания с целью "трудового перевоспитания", которая, как уже отмечалось, позволяла задерживать сотни тысяч людей на срок до 4-х лет без предъявления обвинений и передачи дела в суд. Тем не менее масштабы и временные рамки такой реформы оставались неясными.

В 2005 году число смертных приговоров по сравнению с 2004 годом заметно сократилось (с 6000 до 3900), а число казней, по данным "Международной амнистии", снизилось наполовину (с 3400 до 1770). В этот период в китайской прессе впервые стали приводиться сообщения о случаях судебных ошибок при вынесении смертных приговоров, что вызвало серьезную озабоченность общественности и усилило импульс к проведению необходимых реформ. Не случайно 27 сентября 2005 года представитель Верховного суда КНР сообщил, что для пересмотра таких приговоров при Верховном суде создаются три дополнительные отделения и, "как ожидается, это позволит снизить число казней на 30%" <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 17/035/2005. October 5. 2005 "People's Republic of China: Re-instatement of Supreme Court review of death sentences - a step towards abolition?".

В большинстве районов страны кампания "жестокое удара", похоже, действительно пошла на убыль, однако в ЦУАР, где проживает уйгурское этническое меньшинство, она, наоборот, возобновилась с новой силой; ее целью было объявлено искоренение сепаратизма, терроризма и религиозного экстремизма. В результате репрессий нарушались права граждан, уничтожалась уйгурская культура и язык, закрывались мечети, арестовывались имамы, запрещался выход изданий на уйгурском языке.

В 2006 году ситуация практически повторилась - число смертных приговоров снизилось с 3900 до 2790, а число зафиксированных казней - с 1770 до 1010. Комментируя эти данные, "Международная амнистия" в своем отчете заметила, что, по-видимому, речь идет лишь о верхушке айсберга, ибо, по данным некоторых экспертов, число казней в КНР в этот период составляло 7500 - 8000. Оснований для такого утверждения действительно хватает - открытость и искренность никогда не были свойствами национального характера китайцев и тем более никогда не отличали политику и правоприменительную практику КНР. Другое дело, что наметившаяся в 2005 - 2006 гг. тенденция к снижению числа смертных приговоров, вероятно, близка к реальной, ибо статус столицы Олимпиады обязывает, как отмечалось, заботиться об имидже страны и вносить определенные коррективы в правоприменительную практику, в том числе, и, может, в первую очередь, в практику применения смертной казни.

Именно на такой тенденции настаивают и китайские власти. В начале июня 2007 года официальный представитель Верховного народного суда КНР сообщил, что в 2006 году впервые за последние 10 лет вынесено самое низкое число смертных приговоров и, по его мнению, тенденция к снижению числа таких приговоров продолжится и в последующие годы. Китайские средства массовой информации, ссылаясь на заявления властей, сообщили также, что за первые месяцы 2007 года суды первой инстанции вынесли смертных приговоров на 10% меньше, чем за тот же период 2006 года <1>. Считается, что такое снижение вызвано новым порядком контроля за вынесением смертных приговоров и их пересмотром Верховным судом КНР, который вызван растущими опасениями по поводу судебных ошибок и необоснованного применения высшей меры.

<1> См.: International Herald Tribune. June 8. 2007.

Так, в начале сентября 2007 года заместитель председателя Верховного суда КНР Янг Хингчанг в заявлении для печати сообщил: "За период с января по июль 2007 года Верховный суд отказался утвердить довольно большое число вынесенных смертных приговоров. Если бы не было такого рода окончательных постановлений, смертные приговора были бы приведены в исполнение" <1>.

<1> См.: Reuters. September 3. 2007; The Jurist. September 3. 2007.

С начала 1980-х годов в Китае получила все более широкое распространение практика торговли человеческими органами, взятыми у казненных осужденных в целях последующей трансплантации. Западные средства массовой информации приводят ужасающие подробности этой практики, возведенной в ранг все более хорошо организованного, секретного и высокодоходного бизнеса. Международные правозащитные организации собрали множество свидетельств очевидцев и статистических данных, говорящих о том, что за последние 30 лет в КНР создана целая индустрия торговли человеческими органами смертников. Недостатка в

покупателях нет и не предвидится, а "сырья" у этой индустрии в избытке, поскольку в стране ежегодно совершаются тысячи казней.

Китайская индустрия трансплантации создавалась десятилетиями, но с середины 90-х годов она стала развиваться особенно быстрыми темпами. Еще 20 лет назад китайские медики часто терпели неудачи в попытках перенять созданные на Западе технологии пересадки сердца, почки, печени и других органов. Приговоренных к смертной казни специально подолгу содержали в камерах смертников, хорошо кормили, следили за их здоровьем, одновременно подыскивая покупателей на их органы. Однако такие сложные операции требовали высокой квалификации и подготовки медицинского персонала, совершенной медицинской техники и методик предотвращения отторжения организмом чужих органов. Всего этого в Китае тогда не было, хотя уже были оригинальные методики сохранения в надлежащем состоянии органов, удаленных у доноров.

Вот одно из описаний этой процедуры:

"В дни, предшествующие казни, рацион приговоренного к смерти значительно улучшается, его регулярно осматривает врач, проводится целый ряд анализов. В ночь перед казнью осужденного приковывают к стулу, а потом привязывают к спинке, чтобы он не мог повредить ценные органы. На рассвете ему делают инъекцию антикоагулянта и в кандалах ведут в операционную, фиксируют на столе и делают смертельную инъекцию. Буквально через несколько минут на том же столе хирурги начинают препарировать еще теплое тело, извлекая из него жизненно важные органы. Благодаря антикоагулянтам, органы казненного находятся в прекрасном состоянии. Часть из них для хранения помещается в специальные контейнеры, другие органы отправляются в специализированные клиники, где хирурги уже облачаются в операционную форму, а пациентов - партийных бонз или богатых иностранцев - готовят к пересадке органов" <1>.

<1> Field Catherine. Chine's Take Out // Penthouse. November. 1997.

С середины 80-х годов, когда в Китай попал препарат "циклоспарин-А", подавляющий реакцию отторжения чужеродных органов, прогресс в этом бизнесе пошел семимильными шагами - процент успешно перенесших операцию, например, по пересадке почки к 1987 году вырос с 50 до 80, а к 1991 году этот показатель составил 90%.

Уже в начале 90-х годов, получив поддержку от общенациональной программы подготовки хирургов, более 100 китайских больниц предлагают услуги по трансплантации органов богатым пациентам со всего мира; уже в этот период ежегодно проводятся до трех тысяч трансплантаций, чаще всего почек и роговицы глаза. По свидетельствам международных медицинских и правозащитных организаций, казни давали медикам до 90% всех трансплантатов <1>.

<1> См.: Там же.

Китайские трансплантологические клиники в эти годы тщательно разрабатывают стратегию доходного бизнеса. У каждой больницы есть неафишируемая, но весьма эффективная сеть врачей-консультантов в странах Юго-восточной Азии, которые ведут поиск и подбор богатых пациентов. Все эти клиники являются государственными учреждениями, они принадлежат территориальным органам власти или же медицинским учреждениям Китайской Народной Армии, дополняя ее широко разветвленную коммерческую империю из фабрик, отелей, магазинов и т.п.

Одним из ведущих учреждений такого профиля являлся в тот период Первый военно-медицинский университет в Южном Китае (гор. Гуанчжоу). Большинство пациентов прибывает через Гонконг, их встречают лимузины и везут в роскошный госпиталь с американским оборудованием. Здесь 30 одноместных палат для ожидающих трансплантации и 100 - для пациентов, выздоравливающих после операции. За каждую операцию клиника получала 30 тыс. долларов. Правозащитная организация "Права человека в Азии" назвала эту систему "бесчеловечным симбиозом медицинской технологии с убийством, освященным авторитетом государства" <1>.

<1> Китайский синдром // Курьер (Russian Weekly Newspaper). Лос-Анджелес. 1997. 10 - 16 октября. N 82. С. 8 - 9.

По сложившейся традиции камеры смертников пустеют накануне главных государственных праздников - Нового года по лунному календарю, выпадающему обычно на февраль, и сентябрьского осеннего фестиваля. В эти дни совершаются массовые казни, которым нередко предшествует "парад" приговоренных по главным улицам города. Эта церемония служит наглядной демонстрацией решимости властей покончить с преступностью <1>. В такие дни операционные китайских больниц гудят, как растревоженные ульи. Нередко оборудуются передвижные операционные, которые размещаются в грузовиках и автобусах, припаркованных

около места казней. В этих случаях удаление органов начинается немедленно, прямо по дороге в клинику.

<1> См.: Amnesty International, Annual Report 2001, China; AI Index: ASA 17/049/2000 "People's Republic of China: death penalty Log 1999".

После того как в 1996 году китайское законодательство наряду с расстрелом узаконило казни путем смертельной инъекции, работа бизнесменов от трансплантологии значительно упростилась. Традиционная казнь - выстрел в затылок стоящим на коленях осужденным; затем их родственникам предъявлялся к оплате счет "за пулю и обслуживание". (Кстати, родственникам выдаются не тела, а урны с прахом казненных.)

Когда выяснилось, что выстрел в затылок сохранял внутренние органы, но разрушал весьма ценную роговицу глаза, у него нашлось много весьма влиятельных противников-"гуманистов", поддерживающих метод смертельной инъекции. Как рассказал бывший служащий шанхайской тюрьмы, прежние правила проведения казни нарушались и раньше: "Если нужно было сохранить глаза, осужденного убивали выстрелом в сердце. Если же нужно было сердце, стреляли в голову..." <1>.

<1> Китайский синдром // Курьер (Russian Weekly Newspaper). Лос-Анджелес. 1997. 10 - 16 октября. N 82. С. 8 - 9.

Изменения в правилах проведения казни, отмечает западная печать, вдохнули новый импульс в развитие трансплантации китайского образца. На подпольном рынке человеческих органов Китай не одинок, они есть и в Индии, и в Индонезии и в других странах, но только в Китае органы изымаются у осужденных к смертной казни и только здесь этот бизнес приобрел государственные масштабы. Поэтому Азиатская ассоциация трансплантологов отказалась принять КНР в число своих членов, а всегда крайне сдержанная в оценках Всемирная организация здравоохранения еще в 1997 году заявила: "Несмотря на официальные опровержения, имеются неопровержимые доказательства, что торговля человеческими органами стала в Китае широко распространенной практикой, причем изъятие органов, как правило, совершается без согласия приговоренных к смертной казни или их родственников" <1>.

<1> Там же.

В 1998 году по прибытии в США в ловушку ФБР угодили двое китайских граждан, один из которых - бывший работник прокуратуры. Они изъявили готовность поставлять для трансплантации практически любые человеческие органы. За отдельную плату гарантировали даже выбор доноров (осужденных-смертников) по критериям заказчиков. В ответ на разоблачения в прессе официальный представитель Китая эту информацию опроверг, заявив, что торговля человеческими органами в КНР "преследуется по закону". Правда, тот же представитель признал, что отдельные "детали" из тел казненных разрешается использовать медицинским учреждениям при наличии на то согласия самих жертв или их ближайших родственников <1>.

<1> См.: Гук С. Человеческие "запчасти" на экспорт // Известия. 06.03.1998.

Идут годы, а сообщения о продолжающейся в Китае практике торговли органами казненных не сходят со страниц мировой прессы. В 2005 году, в британской печати, например, сообщалось, что одна из китайских косметических компаний, используя кожу казненных смертников, изготовила уникальные косметические препараты для продажи за рубежом <1>.

<1> См.: Guardian, September 13, 2005; AI Index: ASA 17/035/2005. October 5. 2005.

Индия

В отличие от Китая, Индия не относится к числу стран, для которых характерна широкая практика применения смертной казни. Наоборот, сфера применения этой меры наказания здесь всегда была весьма ограничена и в законодательстве, и в судебной практике, и в еще большей мере в практике исполнения смертных приговоров. В данном случае избранная последовательность изложения материала определяется ролью и местом Индии в истории развития мировой цивилизации, особенностями ее уникальной культуры и ролью религии, общностью опосредованных воздействием глобализации процессов экономического и социального развития, которые характерны для Индии и Китая, представляющих более 40% населения планеты.

Индия, как и Китай, в последние 10 - 12 лет показывает впечатляющие темпы экономического роста. Как и в других странах Юго-Восточной Азии, темпы развития экономики резко опережают развитие многих других сторон общественной жизни. Изменения, связанные с влиянием процессов глобализации, в Индии, как и в других странах региона, далеко не всегда несут позитивный эффект.

В огромной стране осуществление многих проектов индустриализации и развития повлекли за собой массовые перемещения людей, бесчисленные нарушения прав человека на достойные условия жизни, на труд, образование, медицинскую помощь и т.п. Миллионы людей, находившиеся в самом неблагоприятном положении, все еще продолжают жить в нищете, а преимущества, которые должно было нести экономическое развитие, приходится лишь на крайне незначительную часть почти миллиардного населения страны.

Даже сегодня около 30% населения Индии, как уже отмечалось, живет за официальной чертой бедности. Сохраняющийся разрыв в уровне жизни в городах и сельской местности наглядно показывает, что общее позитивное влияние экономического развития до сих пор не коснулось сельского населения. Несмотря на бурное развитие сети услуг, в стране особенно остро выросла безработица; отчаяние сельских жителей выразилось в значительном росте числа самоубийств. Так, по сообщениям властей Индии, в период с 2003 по 2006 гг. в стране ежегодно регистрировалось 16 тысяч случаев суицида, а всего за 1997 - 2006 гг. их число составило около 100 тысяч <1>.

<1> См.: Amnesty International Report 2007. AI Index: POL 10/007/2007.

Экономическое развитие страны, вселявшее большие надежды, не улучшило жизнь обездоленных слоев населения - огромной массы людей, подверженных социальной дискриминации, особенно жизни этнических и религиозных меньшинств, никак не улучшило положения женщин, ибо, как уже отмечалось, неравенство, издавна укоренившееся не только в общественном сознании, но и в самих основах общества, сохраняется.

Развитие законодательства Индии и всей системы правоохранительной деятельности идет крайне медленно, а судебная система и вся практика правоприменения отличаются неповоротливостью и консерватизмом. К тому же данные о статистике преступности и применении наказаний на основе УК 1973 года и целого ряда специальных законов <1>, как и в других странах этого региона, не подлежат публикации.

<1> Среди таких специальных законов следует назвать, например, принятый в 1985 году Закон о борьбе с терроризмом и подрывной деятельностью.

С середины 70-х годов прошлого века уголовное законодательство ограничивало сферу возможного применения смертной казни главным образом такими преступлениями, как убийство политических деятелей, убийство нескольких лиц или разбойное нападение, повлекшее тяжкие последствия, захват заложников и наркоторговля. Кроме традиционных преступлений, наказуемых смертной казнью, Уголовный кодекс Индии содержит и ряд по-своему уникальных составов. К их числу относят подстрекательство ребенка или психически больного к самоубийству; дачу ложных показаний с целью обвинения другого лица в преступлении, наказуемом смертной казнью (эта цель является квалифицирующим признаком).

В восточных цивилизациях вообще, а в Индии - в особенности проблема самоубийств и подстрекательства к самоубийству имеет свою давнюю историю, традиции и специфику. До сих пор здесь довольно широко распространен древний ритуал - сати, означающий самосожжение вдовы на погребальном костре мужа. Ежегодно такие случаи насчитывались тысячами, что вынудило власти принять в 1987 году Закон о комиссии по предотвращению сати, который установил смертную казнь за подстрекательство вдовы к такому виду ритуального самоубийства <1>.

<1> См.: Когда убивает государство. М., 1989. С. 230.

Верховный суд Индии в последние 20 лет неоднократно рассматривал вопрос о соответствии смертной казни Конституции страны, но каждый раз не находил эту меру и способ приведения смертного приговора в исполнение (повешение) противоречащими Конституции <1>. Что же касается ограничений в применении смертной казни, то они касаются лишь несовершеннолетних (Закон 1986 года о правосудии по делам несовершеннолетних), беременных женщин и душевно больных <2>.

<1> См.: Schreiber A., States that Kill: Discretion and the Death Penalty - A Worldwide Perspective // Cornell International Law Journal. Vol. 29. 1996. P. 301.

<2> См.: Организация Объединенных Наций. Комитет по правам человека. 60 сессия. Краткий отчет о 1605 заседании. Третий периодический доклад Индии // CCPR/C/SR. 1605. 1997. С. 13.

Статистику Индии издавна отличал большой разрыв между числом вынесенных судами смертных приговоров и числом казней. В 1991 году из 24 смертных приговоров в исполнение были приведены 4; в 1992 году - 6; в 1993 году - 4; в 1994 - 1, а в 1995 году - 2 приговора <1>. Указанный разрыв во многом был предопределен сложившейся практикой применения помилования "смертников". В 90-х годах Президент страны применял эти полномочия к 75 - 80% осужденных, заменяя смертную казнь либо пожизненным заключением, либо длительными сроками лишения свободы.

<1> См.: Право и политика. 2002. N 1. С. 79. По другим источникам, подтверждающим редкость казней, в 1993 году приводились в исполнение три смертные приговора, а в 1994 году - два (Simon R., Blaskovich D. A Comparative Analysis of Capital Punishment: statutes, policies, frequencies, and public attitudes the world over. P. 28).

Следует особо отметить, что статистику казней в стране всегда отличала закрытость и недоступность для общественности. Возможно, поэтому о казнях в последующие годы ни в одном из доступных источников не упоминается <1>, хотя известно, что в силу ряда поправок и новых актов законодательство расширило сферу применения смертной казни, предусмотрев эту меру наказания за изнасилование, а также за совершение террористических актов, повлекших гибель людей <2>. Это решение властей вызвало кампанию против расширения сферы применения смертной казни, в ходе которой в июле 2000 года в Дели была проведена первая национальная конференция противников этой меры наказания.

<1> Автору довелось знакомиться с положением дел в Мадрасе как раз в тот период, когда 28 января 1998 года Верховный суд штата Тамил Наду вынес смертный приговор 26 заговорщикам (в т.ч. пяти женщинам, виновным в убийстве премьера Раджива Ганди). Позднее почти всем из них высшую меру заменили пожизненным заключением.

<2> См.: AI Index: ASA 20/049/2001 "India: Briefing on the Prevention of Terrorism Ordinance". По данным индийских СМИ, со дня объявления независимости - с 1947 по 2004 г. - казнено 55 осужденных; однако, по данным национальной правозащитной организации People's Union for Democratic Rights, только с 1953 по 1963 г. в стране казнено 1422 осужденных.

В 2001 году было вынесено 16 смертных приговоров; в 2002 году к этой мере наказания, по данным "Международной амнистии", было осуждено еще 30 человек; к концу года общее число таких осужденных составляло минимум 60 человек.

Между тем политическая ситуация в стране оставалась крайне сложной. Права национальных и религиозных меньшинств серьезно ущемлялись, мусульмане все чаще становились объектами нападения и убийств, организованных группами националистов, которым нередко потворствовали государственные структуры. Система уголовного правосудия, страдавшая от недостатка ресурсов, продолжала работать очень медленно, доступ к ней людей из таких социально и экономически изолированных слоев общества, как низшие касты, женщины, религиозные и национальные меньшинства (далитов и адиваси), был крайне затруднен. Службы безопасности продолжали работать в атмосфере безнаказанности за насилие и многочисленные нарушения прав граждан, благодаря нормам, которые были закреплены в законодательстве о безопасности, и политическому покровительству <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 04/002/2002 "India: evaluation of the South Asia Human Rights Defenders Project".

В 2002 году началась еще более масштабная эскалация межобщинных конфликтов, в ходе которой погибло несколько тысяч человек. Полиция и индуистские националистические организации жестоко расправлялись с мусульманами и представителями других маргинальных слоев населения.

Законодательство о борьбе с терроризмом по-прежнему использовалось для преследования и задержания членов политической оппозиции и этнических меньшинств; положения о превентивном аресте, содержащиеся в законах о безопасности и УПК, широко использовались против политических активистов и правозащитников. В связи с возросшим недовольством населения жестокостью и безнаказанностью полиции начались массовые протесты, которые вели к новым столкновениям с силовыми структурами. Особенно тревожная обстановка сложилась в северных районах Индии, в частности в штатах Джамму и Кашмир, а также в Пенджабе.

В 2003 году судами страны было вынесено 33 смертных приговора, хотя вышестоящие судебные органы, рассматривавшие апелляции осужденных, все чаще выносили постановления о необходимости использования наказания в виде смертной казни "лишь в случаях самых редких из редких". Однако при отсутствии на этот счет более четких указаний варианты толкования указанных рекомендаций судьями тех или иных штатов страны существенно отличались друг от друга.

В 2004 году, по данным "Международной амнистии", к смертной казни были приговорены 23 осужденных. В августе того же года, впервые после 1997 года в Индии было объявлено о казни одного из осужденных. Им был Дж. Чаттерджи, осужденный за изнасилование и убийство; в ожидании казни он провел 13 лет в камере смертников. Сообщение об этой казни вызвало волну протестов по всей стране, а палач, приводивший в исполнение смертный приговор, публично подал в отставку. Массовые протесты заставили власти смягчить наказания по ранее вынесенным смертным приговорам.

Политическая ситуация в стране постепенно менялась, хотя ущемленные в социальных и экономических правах слои населения, в особенности женщины и религиозные меньшинства, все еще сталкивались с дискриминацией со стороны полиции и системы правосудия. В канун выборов в парламент в повестке дня ряда политических партий наиболее остро стояла проблема обеспечения прав человека. Ключевыми вопросами переговоров между коалиционными партиями в новом правительстве, сформированном "Объединенным прогрессивным альянсом", стали борьба с нищетой в сельских районах страны и отмена реакционных положений Закона "О предотвращении терроризма".

В сентябре 2004 года правительство выполнило обещание навести порядок в сфере безопасности во многих населенных пунктах и этот Закон был отменен. Вместе с тем принятые поправки к Закону о предотвращении нелегальной деятельности содержали много общего с Законом о предотвращении терроризма, а определения нелегальной деятельности и наказуемых смертной казнью действий террористического характера были такими расплывчатыми, что оставляли место для весьма вольной интерпретации.

По данным "Международной амнистии", в 2005 году к высшей мере наказания в стране было осуждено не менее 77 человек, хотя сведений о казнях не поступало <1>. Президент Индии Абдул Калам и Главный судья Верховного суда Я. Сейбервал в октябре 2005 года выступили с публичными призывами к отмене смертной казни. Как гражданин, заявил репортерам Главный судья страны, я против смертной казни, а как судья я буду обращаться к этой мере "лишь в случаях редчайших из редких". В том же месяце Президент Индии воспользовался предоставленным ему ст. 72 Конституции правом помилования и, несмотря на возражения Кабинета министров, помиловал 50 осужденных к смертной казни. После этого он обратился к парламенту с предложением разработать четкую политику рассмотрения ходатайств о помиловании лиц, приговоренных к высшей мере наказания. К сказанному следует добавить, что к концу года в тюрьмах Индии в ожидании исполнения смертных приговоров содержалось 12 осужденных. В том же году Верховный суд Индии отменил решение Высокого суда штата Мадхья-Прадеш, который два года назад постановил смягчить наказание за изнасилование с 10 лет до 9 месяцев лишения свободы. Как отмечено в решении Верховного суда страны, несоразмерное наказание за изнасилование "является публичным оскорблением общества" <2>.

<1> См.: AI Index: ASA 20/034/2005. September 7. 2005. "The Death Penalty in India: Briefing for the EU-India Summit".

<2> См.: AI Index: ACT 53/001/2006. January 1. 2006.

В 2006 году, по данным "Международной амнистии", в Индии было вынесено 40 смертных приговоров. Несмотря на отсутствие сообщений о казнях, озабоченность общественности вызвала явная неопределенность ситуации с судьбой прошений о помиловании осужденных к высшей мере наказания. Эта озабоченность особенно возросла после того, как Верховный суд страны постановил, что он вправе пересматривать решения исполнительной власти по применению помилования. Представляется, однако, что в данном случае речь идет не о контроле за такого рода решениями президента страны, а о возможных коллизиях с рекомендациями Кабинета министров, подобным той, что имело место в 2005 году, и именно в таких случаях Верховный суд считает необходимым высказать свое мнение.

Сингапур

Сегодня Сингапур - страна-город с 4-миллионным населением, с прозрачной и весьма эффективной рыночной системой экономики, включающей в себя - за счет высокой доли государственных предприятий - элементы социалистического общественного строя. В первую очередь, это проявляется в образовании, жилищном обеспечении граждан (85% населения живет

в государственных домах, но при этом платит чрезвычайно низкие налоги), в удобной и весьма эффективной системе общественного транспорта.

Сингапур - воплощенная оруэлловская антиутопия о мрачном мире тотального контроля. Город напичкан видеокамерами, видеонаблюдение за поведением людей, действительно, носит тотальный характер; на помощь ему привлекаются и другие достижения технического прогресса. Простейший пример - срабатывание сигнализации колокольчика в автомобиле, превышающем скорость. Жители Сингапура согласились жить в государстве с "колокольчиками" в обмен на порядок и уникальную чистоту (на улицах ни окурка, ни фантика; за выбрасывание мусора или курение в общественных местах - штраф в 1000 сингапурских долларов). Они организованны и чрезвычайно правопослушны, иначе - беспорядок и коррупция.

Долгие годы правительство имеет высокую репутацию в стране и за рубежом - не зря Сингапур входит в десятку наименее коррумпированных стран мира и с большим отрывом лидирует по этому показателю среди всех стран Азии.

Сингапур - вторая страна в мире по плотности населения; только за 2001 - 2006 гг. население страны выросло на 1,5 миллиона человек. В этом многонациональном государстве любое проявление национальной розни считается преступлением и строго карается.

Сингапуру, как уже отмечалось, удалось успешно сочетать демократическую политическую систему с тотальным полицейским контролем, основанным на достижениях технического прогресса. В целях предупреждения и пресечения правонарушений территория страны полностью покрыта сплошной сетью видеокамер, которая обеспечивает тотальное полицейское наблюдение и немедленное принятие соответствующих оперативных мер.

За счет неотвратимости суровых мер наказания на протяжении многих лет уровень преступности в стране один из самых низких на всем Азиатском континенте. Это трудно представить, но факт есть факт - основную часть зарегистрированной преступности в четырехмиллионной стране составляют 500 краж в год!

Более чем за 30 видов преступлений здесь предусмотрено обязательное наказание палочными ударами (их число в каждом конкретном случае определяет суд). К числу таких преступлений, прежде всего, относятся изнасилование, вооруженный грабеж, перевозка или торговля наркотиками в незначительном объеме, вандализм, незаконный въезд в страну и др. Причем палочному наказанию подвергаются и несовершеннолетние, если суд признает, что они "не подлежат воспитательному воздействию". Кроме того, в стране действует весьма эффективная система значительных по размерам штрафов даже за менее опасные правонарушения (например, за курение в общественных местах).

Смертная казнь в Сингапуре применялась и в колониальный период и сохранилась с тех пор, как в 1965 году страна стала независимой республикой. По законам Сингапура, смертная казнь может быть назначена за совершение семи преступлений, в том числе как обязательная мера наказания за четыре - убийство, государственную измену, перевозку и наркоторговлю <1>, а также за преступления, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия.

<1> В 1975 году поправки к Закону о злоупотреблениях наркотиками установили смертную казнь как обязательную меру наказания за хранение более 15 грамм героина или аналогичного количества других наркотиков.

Ответственность за преступления, связанные с наркотиками в этой стране имеет свою специфику - здесь действует презумпция виновности, означающая, что до тех пор, пока не будет доказано обратное, любой, у кого будет обнаружено определенное количество наркотиков, автоматически считается виновным в наркоторговле.

Дела о преступлениях, наказуемых смертной казнью, рассматриваются Высоким судом. Обвиняемый имеет право на обжалование приговора в Уголовно-апелляционном суде; законом гарантируется помощь адвоката. После отклонения апелляций осужденный может подать прошение о помиловании Президенту страны.

В 2000 году в Сингапуре было вынесено пять смертных приговоров и повешено 22 осужденных (в том числе 17 за наркоторговлю). В том же году, отвечая на запрос парламентариев, министр внутренних дел сообщил, что за предшествующие 10 лет - с 1991 по 2000 г. - в Сингапуре казнено 340 осужденных <1>.

<1> См.: AI Index: POL 10/001/2001.

В 2001 году казнили 2 осужденных (обоих за торговлю наркотиками); в 2002 году - 7 человек и 2 - оба граждане Таиланда - были осуждены к высшей мере наказания за убийство <1>. В 2003 году казнено 19, а в 2004 году - 6 осужденных.

<1> По данным "Международной амнистии", с 1991 по 2002 г. было казнено 369 осужденных (см.: Amnesty International Report 2003. Singapore. P. 2).

Следующие два года не внесли положительных изменений в распространенность и динамику казней в стране. Так, в 2005 году было казнено 8 человек - почти все за наркоторговлю. В мае 2005 года казнь Ш. Муругеса, осужденного за хранение 1 кг конопли, вызвала широкий общественный резонанс; правозащитники организовали специальный форум против смертной казни и направили властям многочисленные петиции. А в декабре того же года, несмотря на мощную международную кампанию и дипломатические усилия, предпринятые лидерами разных стран, ООН и других международных организаций, был приведен в исполнение приговор в отношении следующего транзитом гражданина Австралии, который провез 14 грамм героина.

В 2006 году, по данным "Международной амнистии", в Сингапуре было вынесено как минимум пять смертных приговоров и казнено пять осужденных за убийство и наркоторговлю. Как видно, Сингапур по-прежнему сохраняет лидерство по индексу казней в расчете на численность населения. По подсчетам английского исследователя Р. Худа, еще в 1996 - 2000 гг. этот показатель в расчете на 1 миллион населения составлял: в Японии и Таиланде соответственно 0,04 и 0,08; в США - 0,27; в Иране - 1,76; в КНР - 1,65; в Саудовской Аравии - 4,46, а в Сингапуре - 6,40 - в 4 раза больше, чем в Китае <1>.

<1> См.: Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. 2002. P. 92.

Особое внимание международной общественности привлекли частые казни иностранных граждан - специальный докладчик ООН выразил по этому поводу крайнюю озабоченность. В ответ на многочисленные протесты национальное общество юристов в январе 2007 года заявило о намерении провести тщательный анализ правовых проблем, связанных с применением смертной казни.

Таиланд

Смертная казнь в королевстве Таиланд существует почти 50 лет - Закон о введении этой меры наказания был принят еще в 1959 году, когда в результате очередного переворота военные, придя к власти, попытались устрашающим законодательством сбить нарастающую волну наркотизации. В те годы к смертной казни приговаривали за продажу свыше 100 грамм сильных наркотиков. И хотя король Таиланда Рама IX ежегодно в день рождения королевы делал ей щедрый подарок - указ о помиловании преступников, его милость никогда не распространялась на торговцев наркотиками.

Не менее важную роль в борьбе с этим злом имеет принятый в 1993 году Закон о конфискации имущества, согласно которому у осужденных за наркоторговлю конфискуются в пользу государства земля, недвижимость, машины, ценные вещи и т.п. Средства, вырученные от конфискации, идут на содержание занятых борьбой с наркоманией государственных структур и специализированных больниц для лечения наркоманов.

В Уголовном кодексе Таиланда 1965 года допускается возможность назначения смертной казни за совершение деяний, предусмотренных 20 статьями УК (кроме этого, действует специальное законодательство об ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, о которых УК не упоминает, и ряд других законов, например, о борьбе с терроризмом, о безопасности и т.д.).

В ст. ст. 107 - 110 УК высшая мера наказания установлена за посягательства на жизнь Короля, Королевы, Престолонаследника и Регента; лишь в случаях, когда речь идет об угрозе жизни членов королевской семьи, смертная казнь предусмотрена как альтернативное наказание - наряду с пожизненным лишением свободы.

Во второй и третьей главах УК Таиланда, где предусмотрена ответственность за преступления против внутренней и внешней безопасности Королевства, о наказании в виде смертной казни также говорится как об альтернативной мере - наряду с пожизненным лишением свободы (ст. ст. 113, 119, 121, 122 и ст. 132 УК).

Статья 218 УК говорит о возможности назначения смертной казни за поджог, а ст. ст. 224, 277-3, 280, 288, 289, 312-2, 313, 339, 339-2, 340 и 340-2 (в качестве альтернативной меры) - за любое преступление, повлекшее гибель человека.

В 2000 - 2005 гг. в уголовное законодательство были внесены изменения, которые в национальном докладе Таиланда XI Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию названы принципиально важными <1>. Речь идет, во-первых, о том, что сфера применения смертной казни была серьезно сокращена и ограничена (ныне ее назначение возможно лишь при самых тяжких преступлениях). Во-вторых, в 2003 году в ст. ст. 18 и 19 УК были внесены важные изменения, которые в одном случае были связаны с изменением способа казни

(вместо расстрела из пулемета вводится казнь путем летальной инъекции), а в другом (ст. 19 УК) - с запретом применения смертной казни к тем лицам, которые совершили преступления до достижения 18 лет <2>.

<1> См.: Thailand Country Report. The Eleventh United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. "Synergies and Responses: Strategic Alliances in Crime Prevention and Criminal Justice". 18 - 25 April 005. Bangkok. Thailand, 2005. P. 273.

<2> См.: Criminal Code, article 18, article 19, amended by Criminal Code Amendment Act (Issue 16. 2003. Article 3, 4). Вероятно, по техническим причинам эти изменения не нашли отражения в более позднем издании УК Таиланда на русском языке (Уголовный кодекс Таиланда / Под ред. А.И. Коробеева и Ю.В. Голика. М., 2005).

Большинство дел, по которым возможно вынесение смертного приговора, рассматривается обычными уголовными судами на основании уголовно-процессуального законодательства, гарантирующего право на обжалование приговора в Апелляционном суде, а затем в Верховном суде страны (кроме приговоров военных судов, где апелляции запрещены). В случае отклонения всех апелляций приговоренному к смертной казни дается 60 дней для подачи Королю прошения о смягчении наказания. По существу этого прошения свои рекомендации дает Министерство внутренних дел Таиланда. Традиционно такого рода королевские решения о помиловании принимаются довольно часто, особенно если речь не идет об убийстве нескольких лиц или об особой жестокости.

К началу XXI века, несмотря на все жестокие меры, принимаемые в борьбе с наркоманией, добиться желаемых результатов не удалось <1>, тем более что распространению этого зла способствует и само географическое расположение страны ("золотой треугольник" дополняют Бирма и Лаос).

<1> См.: Назаралиев Ж., Шинкарев Л. В Таиланде наркоторговцев осуждают к смерти, но их число не уменьшается // Известия. 16.07.1998.

Помимо легальных мер борьбы с наркоторговцами в Таиланде к концу 90-х годов сложились и другие специфические формы противодействия силам наркомафии. К их числу относятся формируемые добровольцами так называемые "отряды смерти", среди которых немало бывших работников полиции и других силовых структур. Основанием для таких самоуправных действий, как правило, являются опасения, что недостаток свидетелей мог бы "развалить" судебное преследование, если бы оно было возбуждено.

Так, в июле 2001 года, по данным полиции, "отряды смерти" убили свыше 300 подозреваемых наркоторговцев, причем ожидалось, что число убитых к концу года дойдет до тысячи. Власти страны стараются, чтобы полиция была как можно меньше замешана в таких внесудебных казнях. В октябре 2001 года, например, премьер-министр наградил полицию одной из провинций, где 66 подозреваемых в причастности к наркоторговле "умерли своей смертью". В том же году, осуждая внесудебные казни, правительство заявило, что власти сами "обеспечат быструю казнь всем наркоторговцам" <1>. При этом правительство учитывало результаты опроса общественного мнения в апреле 2001 года, свидетельствующие о том, что 88,6% опрошенных поддерживают смертную казнь таких преступников <2>.

<1> См.: AI Index: ASA 39/003/2002 "Thailand: Widespread abuses in the administration of justice".

<2> См.: The Nation. April 26. 2001.

Объявленная в стране "война наркотикам" привела к фактическому разрешению стрелять в любого человека, подозреваемого в наркоторговле. В 2002 году были застрелены более 600 человек, хотя власти заявили, что лишь 15 из них убиты службой безопасности, а остальные погибли в ходе перестрелок между самими наркоторговцами. При этом вскрытие убитых власти патологоанатомам не разрешают.

К началу 2001 года в тюрьмах Таиланда содержалось 212 осужденных к смертной казни, в том числе 145 наркоторговцев. В 2001 году число осужденных к высшей мере составило более 300 человек; 10 осужденных (из них 7 - за наркоторговлю) были казнены.

В 2002 году в Бангкоке казнили 5 осужденных (2 - за убийство и 3 - за торговлю наркотиками). К концу года в тюрьмах страны содержалось уже свыше 600 осужденных к смертной казни, из них 70% наркоторговцев.

С 2003 года правительство страны в течение трех месяцев провело очередную кампанию, направленную против торговцев наркотиками. Ее целью официально объявлялось радикальное сокращение торговли метамфетаминами, которые употреблялись значительной частью

населения. В ходе этой кампании 42 тысячи человек были занесены властями в "черный список" подозреваемых в торговле или употреблении наркотиков. Кроме того, только по данным полиции было убито 2245 человек. Власти поспешно заявили, что большинство из них было убито не полицией, а в ходе разборок между самими наркоторговцами. Однако, по сведениям правозащитников, значительная часть подозреваемых была убита после того, как они покидали полицейские участки, куда они приходили с повинной или же для выяснения своего статуса в связи с занесением в "черный список" <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 39/008/2003 "Thailand: Grave developments - killings and other abuses".

В декабре король Таиланда в его ежегодном обращении к нации призвал правительство начать расследование массовых убийств, совершенных в ходе "войны с наркотиками", однако, как показали последующие события, такое расследование главным образом носило формальный характер и реальных результатов, кроме создания двух специальных комитетов для расследования этих случаев, не дало.

По данным "Международной амнистии", в 2003 году было казнено 4 осужденных - все путем летальной инъекции, которая с октября 2003 года заменила практиковавшийся расстрел из пулемета <1>. К началу 2004 года общее число осужденных, содержащихся в тюрьмах в ожидании казни, за три года (2001 - 2003 гг.) утроилось и составило около 1000 человек; 68 из них уже исчерпали все возможности для пересмотра смертного приговора, а 905 - еще ожидали рассмотрения своих апелляций.

<1> См.: AI Index: ASA 39/007/2003 "Thailand: execution must stop".

В 2005 и 2006 гг. сведений о казнях в Таиланде не поступало. Сообщалось лишь, что около 1000 осужденных к смертной казни содержатся в тюрьмах в невыносимых условиях, причем многие постоянно находятся в кандалах. В ответ на соответствующие запросы Комитета ООН по правам человека власти сообщили, что содержание таких осужденных в кандалах было вынужденной мерой, так как остро ощущался недостаток мест для их содержания в одиночных камерах.

Несмотря на то что недавнее нововведение о замене расстрела <1> на летальную инъекцию не отменяется, в последнее время в печати не раз появлялись сообщения о том, что после казней в 2004 году метод инъекции в Таиланде не прижился и здесь по сей день расстреливают <2>. Однако официальных сообщений на этот счет, насколько известно, нет, как и нет пока подтверждений о более поздних казнях. Последнее сообщение, получившее известность, касается вынесения смертного приговора 2 сентября 2007 года виновному в убийстве двух девушек - туристов из России. По имеющимся данным, этот приговор по крайней мере на начало 2008 года в исполнение не приведен.

<1> Приговоренного к казни привязывают к столбу лицом к пулемету, закрепленному на жесткой станине. Между осужденным и пулеметом ставится белый экран. После чтения приговора один из солдат дает отмашку флажком, а другой нажимает на кнопку пулемета - приговор приведен в исполнение.

<2> См.: Известия. 04.09.2007.

Вьетнам

В отличие от Таиланда, Вьетнам относится к числу тех стран Юго-Восточной Азии, в которых смертная казнь применяется значительно шире, а смертные приговоры приводятся в исполнение значительно чаще и интенсивнее.

Прежде чем рассматривать практику применения этой меры наказания, сделаем небольшое отступление. Конечно же, сравнивать строящий новую жизнь Вьетнам с населением более 80 млн. человек с благополучным Сингапуром, например, население которого в 20 раз меньше, по масштабам применения смертной казни можно лишь с очень большой долей условности, поскольку речь идет о принципиально разных условиях социально-экономического развития этих стран, политической и общественной жизни, о разных культурологических факторах, состоянии преступности, системах противодействия этому негативному явлению и т.п.

С этой точки зрения всегда вызывало критическое отношение некоторых исследователей к индексам применения смертной казни; именно такие индексы приводит в своей работе и в международных обзорах ООН видный британский эксперт Роджер Худ. Напомним, по его расчетам, индекс казней в расчете на миллион населения в Сингапуре - мировом лидере по этому показателю - в 1996 - 2000 гг. составлял 6, 40; а во Вьетнаме - 0,16 <1>. Причем, последний показатель учитывает резкий рост казней во Вьетнаме в 1999 году.

<1> См.: Hood R. The Death Penalty. A Worldwide Perspective. P. 92.

Согласно формальной логике, 5 казней в Сингапуре, конечно, больше, чем 10 казней во Вьетнаме. Но разве 40 - 50 ежегодных казней во Вьетнаме против 5 казней в Сингапуре позволяют говорить о равенстве масштабов этой практики? Все это, по нашему убеждению, не больше, чем логика механическая. На наш взгляд, более надежным индикатором в этом отношении должны служить тенденции в практике конкретной страны, увязанные со всеми специфическими условиями формирования политики борьбы с преступностью, которые опосредованы, как отмечалось, многими, порой уникальными особенностями ее истории, конкретного этапа развития, всего, часто несопоставимого уклада общественной жизни.

Как и в ряде других стран Юго-Восточной Азии, число смертных приговоров и казней во Вьетнаме на пороге нового века заметно возросло. В 1999 году, например, было 8 публичных казней и 194 осужденным были вынесены смертные приговоры (в том числе 82 - за наркоторговлю).

В декабре 1999 года Национальная Ассамблея одобрила поправки в Уголовный кодекс, которые сократили сферу применения смертной казни с 44 до 29 составов преступлений (эти поправки вступили в силу с 4 января 2000 года). Среди преступлений, наказуемых смертной казнью, закон, как и прежде, называл государственную измену, подготовку к восстанию, шпионаж, саботаж, подрыв национальных проектов, угон самолета, убийство, перевозку наркотиков и наркоторговлю, изнасилование, грабеж, растрату, мошенничество, воинские и другие преступления. В то же время одна из поправок к УК отнесла к таким преступлениям коррупцию, под которой понималась получение чиновником взятки на сумму свыше 300 млн. донг (примерно 20 тысяч долларов США); ранее такое преступление влекло за собой наказание до 20 лет лишения свободы либо пожизненное лишение свободы.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу, осужденный к смертной казни муниципальным судом или судом провинции вправе обжаловать этот приговор в Верховном народном суде, где рассмотрение его апелляции должно состояться в течение двух месяцев со дня обращения осужденного. Если Верховный суд страны оставляет приговор в силе, у осужденного остается возможность подать в течение 7 дней прошение о помиловании председателю Государственного совета. В случае отклонения ходатайства о помиловании приговор приводится в исполнение расстрельной командой, состоящей из пяти военнослужащих.

Казни проводятся либо публично - при большом скоплении людей, либо на них специально приглашаются лишь представители общественности. Связанного осужденного выводят на казнь с повязкой на глазах и с лимоном во рту. После казни тело осужденного его родственникам не выдается; о дате предстоящей казни они не информируются; им сообщают об этом спустя два-три дня, когда просят забрать личные вещи казненного.

Ходатайства приговоренных к смертной казни о помиловании удовлетворяются крайне редко. В 1999 году, например, впервые за несколько последних лет двух осужденных за контрабанду наркотиков помиловали с учетом того, что их показания помогли раскрыть крупную сеть наркоторговцев.

Вьетнам, как и большинство стран Юго-Восточной Азии, не публикует данные о числе смертных приговоров и казней. Поэтому, сообщая поступающую информацию, "Международная амнистия" обычно отмечает, что на самом деле реальные цифры казней и смертных приговоров значительно выше тех, которые стали известными. Согласно этим данным, в 2000 году во Вьетнаме казнили 12 осужденных и вынесли 110 смертных приговоров <1>. Большинство осужденных к этой мере наказания обвинялись в преступлениях, связанных с торговлей наркотиками; 7 осуждены за экономические преступления - мошенничество и подделку денежных знаков.

<1> См.: AI Index: ASA 41/001/2001 "Socialist Republic of Vietnam: The death penalty - recent development".

В июле 2000 года в Уголовно-процессуальный кодекс были внесены изменения, позволяющие выносить смертные приговоры беременным женщинам и кормящим матерям.

В 2001 году в стране было 10 казней и 55 осужденным были вынесены смертные приговоры. В 2002 году число таких осужденных снизилось до 48, а число казненных, наоборот, резко выросло (34). В июле того же года Верховный суд Вьетнама, крайне редко раскрывающий такого рода информацию, сообщил Комитету ООН по правам человека, что за истекшие пять лет - с 1997 по 2002 г. - в стране к высшей мере наказания осудили 930 человек; из них 535 - за преступления, связанные с посягательствами на жизнь, 310 - за распространение наркотиков, 24 - за коррупцию и 5 - за преступные посягательства на чужую собственность.

Помимо того что эти данные свидетельствуют о чрезвычайно широком применении смертной казни, они также показывают и неполноту информации, публикуемой "Международной амнистией". Если их суммировать, то окажется, что данные Верховного суда о числе вынесенных смертных приговоров минимум в два раза выше тех, что публикуют в печати правозащитные организации.

В 2003 году Национальное собрание Вьетнама приняло новый Уголовно-процессуальный кодекс, который включил в себя ряд поправок, расширяющих сферу возможного применения смертной казни. И даже по данным "Международной амнистии", стал очевидным не только рост числа смертных приговоров, но и резкий рост числа казней. По этим данным, в частности, к высшей мере наказания в 2003 году были осуждены 103 человека (в том числе 63 - за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков) и 64 (в том числе несколько женщин, виновных в распространении фальшивых денег) казнены; многие казни проводились публично на специально отведенной для этого площади <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 41/023/2003 "Socialist Republic of Vietnam: the death penalty - inhumane and ineffective".

5 января 2004 года "ошибка", допущенная Верховным судом страны, сообщившим в ООН данные национальной статистики, была исправлена - специальным приказом премьер-министра статистическая информация о числе смертных приговоров и казней была отнесена к сведениям, составляющим государственную тайну, разглашение которых влекло суровое наказание. Как и в Китае, в стране усилилось преследование инакомыслящих; особенно преследовались те, кто для распространения информации о нарушениях прав человека использовал Интернет.

С 1 июля вступил в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс, который, как уже отмечалось, расширил возможности применения высшей меры наказания. К концу года стало известно о 64 казнях (в том числе казнили четырех женщин); только, по официальным данным, к смертной казни были приговорены 88 человек (в том числе 12 женщин). Ровно половину осужденных к высшей мере составили виновные в распространении наркотиков; 6 человек были осуждены за мошенничество <1>. О некоторых казнях сообщалось в местных средствах массовой информации.

<1> См.: AI Index: ASA 41/003/2004 "Socialist Republic of Vietnam: Death penalty - a dirty secret".

В октябре 2004 года премьер-министр предложил рассмотреть вопрос об изменении способа казни, ссылаясь на информацию о том, что у некоторых членов расстрельных команд во время казни дрожат руки и они промахиваются. В средствах массовой информации сообщалось также, что родственникам казненных приходится подкупать чиновников, чтобы получить тело осужденного, которого в противном случае, в соответствии с действующими инструкциями, должны похоронить прямо на месте расстрела.

В том же году власти выразили намерения отменить казни за экономические преступления, но, судя по числу приговоров и казней за мошенничество, до практической реализации этого намерения пока еще далеко.

Продолжая хронологический анализ практики применения смертной казни, отметим, что в 2005 году только по данным официальных средств массовой информации 21 и 65 осужденным (в том числе 6 женщинам) вынесены смертные приговоры. Практически все казненные обвинялись в распространении наркотиков. В июне Министерство юстиции выступило с предложением заменить расстрел на смертельную инъекцию, но это предложение до конца года не было принято.

В феврале 2006 года Министерство общественной безопасности представило на рассмотрение Центральной комиссии по проведению судебной реформы предложение не применять смертную казнь за такие экономические преступления, как мошенничество, хищение, контрабанда, подделка денежных знаков, взяточничество и т.п. По сообщениям средств массовой информации, такое решение позволило бы сократить количество преступлений, караемых смертной казнью, с 29 до 20. И хотя внесенное предложение уже рассматривалось в Национальном собрании, решения по нему не было принято. Между тем к концу 2006 года в камерах смертников еще содержались 11 осужденных за экономические преступления, в том числе пять женщин.

По результатам анализа различных материалов, публикуемых в СМИ, "Международная амнистия" сообщила о том, что в 2006 году во Вьетнаме казнено 14 человек и минимум 36 осужденным были вынесены смертные приговоры.

Филиппины

Смертную казнь в этой стране отменили в 1987 году, однако Закон об отмене этой меры наказания действовал лишь до 1994 года. После этого в течение пяти лет суды выносили

смертные приговоры, хотя ни один из них не приводился в исполнение. Лишь в 1999 году - впервые за последние 23 года, несмотря на протесты влиятельной католической церкви, были приведены в исполнение 6 смертных приговоров (все осужденные были казнены методом летальной инъекции).

В 2000 году зафиксирована одна казнь, однако смертные приговоры по-прежнему выносились и к концу года общее число осужденных к этой мере наказания составило 1400 человек.

В декабре Президент страны Дж. Эстрада сообщил о намерении смягчить наказание по 107 смертным приговорам, утвержденным Верховным судом, и помиловал 13 смертников. А в марте 2001 года он объявил о временном моратории на казни и призвал Конгресс к полной отмене этой меры наказания.

В 2003 году новый Президент страны Глория Арройо отклонила призывы к возобновлению казней, вызванные усилением политической напряженности и обеспокоенностью общества в связи с резким ростом преступности и, в первую очередь, с участившимися случаями похищения известных людей с целью их последующего выкупа. Вместе с тем она заявила, что, во-первых, намеченная правительством масштабная институциональная реформа системы уголовного судопроизводства позволит принять более эффективные меры по снижению преступности и, во-вторых, ранее объявленный мораторий и ожидающий рассмотрения в Конгрессе проект закона об отмене смертной казни не будут распространяться на осужденных за похищения людей и наркоторговлю.

Одновременно были предприняты меры по усилению контроля за соблюдением Закона, запрещающего применение смертной казни к лицам, совершившим преступления до 18 лет. К концу года смертные приговоры имели семь таких осужденных; в 2002 году их уже перевели из камеры смертников, однако смертные приговоры все еще не были пересмотрены <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 35/014/2003 "Philippines: Something hanging over me - child offenders under sentence of death"; AI Index: ASA 35/007/2003.

По данным "Международной амнистии", за 10 лет, прошедших с момента восстановления в стране смертной казни, - с 1994 по 2003 г. - к этой мере наказания в общей сложности приговорили 1916 человек и казнили 7 осужденных <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 35/001/2003.

В 2004 году, несмотря на угрозы правительства возобновить казни в связи с ростом преступности, смертные приговоры в стране в исполнение не приводились, однако суды вынесли такие приговоры 88 осужденным.

Высокий уровень преступности и недоверие населения к институтам уголовно-правовой системы, помимо всего прочего, свидетельствовали о том, что общественность страны не слишком противилась многочисленным убийствам подозреваемых в совершении преступлений сотрудниками полиции и членами "комитетов бдительности", связанных с властями. Как правило, жертвами таких убийств были предполагаемые наркоторговцы, члены преступных банд, мелкие воры и беспризорные дети. Мэр города Давао, например, где неизвестные члены "комитета бдительности" застрелили более 100 подозреваемых, прямо заявил, что такого рода внесудебные казни являются эффективным средством борьбы с преступностью.

К концу года в тюрьмах страны содержалось 110 осужденных-смертников. Президент Арройо издала ряд указов об отсрочке исполнения смертных приговоров, а в Конгресс был представлен новый проект закона об отмене смертной казни.

В 2005 году политическая напряженность резко усилилась; в стране разразился правительственный кризис; заметно выросло число убийств участников левых движений и общественных деятелей; по-прежнему продолжались убийства подозреваемых добровольными "блюстителями порядка" (особенно в городах Давао и Себу). И хотя суды продолжали выносить смертные приговоры, мораторий на казни все еще сохранялся и ни один из таких приговоров не был приведен в исполнение <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 35/001/2005 "Philippines: Sharp rise in "vigilante" killings as human rights activist's death remain unsolved".

В апреле 2006 года Президент Арройо в пасхальном обращении к нации сообщила, что издала указ о помиловании всех (1205) осужденных-смертников, заменив им смертную казнь на пожизненное заключение <1>. С 2002 года, когда она пришла к власти, до 2006 года на Филиппинах ни один смертный приговор не был приведен в исполнение. А 6 июня 2006 года Сенат страны единогласно проголосовал за полную отмену смертной казни и постановил, что всем

осужденным она заменяется на лишение свободы на срок до 40 лет (в зависимости от характера и степени опасности совершенного преступления) либо на пожизненное заключение без права на досрочное освобождение.

<1> См.: Bangkok Post. April 17. 2006.

Южная Корея

Уголовный кодекс Южной Кореи предусматривает смертную казнь за совершение 11 видов преступлений, в том числе за мятеж (ст. 87), убийство с целью мятежа (ст. 88), сотрудничество с врагом (ст. 93), шпионаж (ст. 98), убийство, грабеж, должностные преступления и взяточничество в особо крупных размерах и другие преступления. Кроме Уголовного кодекса, наказание в виде смертной казни устанавливается в ряде специальных законов, например в Военном уголовном кодексе и Антикоммунистическом законе.

Надо отметить, что в 80 - 90-х годах эта мера наказания применялась в стране довольно широко, особенно за такие преступления, как убийства и шпионаж в пользу Северной Кореи. Так, только в одном 1988 году за указанные преступления Верховный суд утвердил 29 смертных приговоров; спустя 10 лет в 1998 году казнили 23 осужденных, в том числе пять женщин <1>.

<1> См.: Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире. Смертная казнь в государствах Азии и Америки // Право и политика. 2002. N 1.

В 1996 году Конституционный суд рассматривал вопрос о соответствии наказания в виде смертной казни основным положениям Конституции страны и, не найдя противоречий, указал, что смертная казнь является "необходимым злом".

Следует отметить далее, что Южная Корея не раз показывала миру "урок принципиальности" <1>, привлекая к ответственности и назначая суровые меры наказания высшим должностным лицам страны. Так, в 80-х гг. за многочисленные злоупотребления к смертной казни приговорили Президента страны Ким Те Чжуна; около 10 лет он ожидал исполнения смертного приговора и лишь в конце 90-х годов был помилован. В 1996 году за расхищение национальных богатств и коррупцию один из бывших президентов Чон Дух Ван был приговорен к смертной казни, другой - Ро Де У - к 22 годам лишения свободы. Позднее Ро Де У публично покался и принес извинения корейскому народу, был помилован и стал одним из активных борцов за отмену смертной казни.

<1> Иншаков С.М. Зарубежная криминология. 1997. С. 290.

С 1948 по 1998 г. в стране, по данным "Международной амнистии", казнено не менее 900 осужденных. Последняя казнь состоялась в декабре 1998 года, а смертные приговоры последний раз были вынесены шести осужденным в 2004 году. К середине 2005 года в тюрьмах страны содержалось не менее 60 осужденных к высшей мере наказания, хотя в отношении некоторых из них приговор суда еще не вступил в законную силу <1>.

<88> См.: AI Index: ASA 25/003/2005. 20 April. 2005.

В новом столетии аболиционистские настроения в Южной Корее значительно усилились; официальные власти неоднократно заявляли о стремлении к отмене этой меры наказания, подтверждая реальность своих намерений практическим отказом от исполнения смертных приговоров в течение последних девяти лет. В декабре 2004 года 175 членов Национальной Ассамблеи - парламентарии и правящей и оппозиционной партии - предложили совместный законопроект об отмене смертной казни "по гуманитарным и религиозным основаниям" и в феврале 2005 года направили проект этого закона (Special Bill) в Юридический комитет парламента.

В том же году Национальный комитет по правам человека рекомендовал правительству полностью отказаться от смертной казни; этот призыв был поддержан многими общественными и религиозными организациями.

В начале 2006 года Министерство юстиции объявило о том, что оно готовится к замене смертной казни пожизненным заключением без права на досрочное освобождение, а в июне в Национальной Ассамблее по этой проблеме прошли первые слушания <1>. И судя по последним сообщениям печати, ожидается, что в ближайшее время смертная казнь в Южной Корее будет полностью отменена.

<1> См.: The Korea Times. February 21. 2006.

Принадлежащий в силу принятого регионального деления к Юго-Восточной Азии Пакистан среди всех стран этого региона стоит особняком, существенно отличаясь по принципам государственного устройства, по уровню социального и технического развития, а главное, по месту и роли религии во всем укладе жизни страны, которая в решающей мере определяет приоритет идеологии ислама во всех сферах общественной практики, в том числе и в особенности - в правовой сфере. Поэтому специфика законодательства и судебной практики в Пакистане в настоящем разделе рассматривается в последнюю очередь, что, по замыслу автора, еще раз подчеркивает автономность страны в ряду всех других государств региона, на самом деле во многих отношениях стоящей гораздо ближе к мусульманским государствам Ближнего Востока, о которых речь впереди.

В 1950 году, вскоре после того, как Пакистан появился на карте мира, его население составляло менее 40 млн. человек; в 2007 году население страны насчитывало уже 166 млн. человек.

Государственная система в Пакистане основана на воспринятых от англичан институтах парламентской демократии, однако (в отличие от Великобритании и других ее бывших колоний) гражданское общество здесь слишком слабо, а демократическая система и государственные институты служат лишь декоративным дополнением к политическому и экономическому могуществу диктатуры военных, которым, как известно, уже несколько десятилетий полностью принадлежит реальная власть.

Ситуацию в Пакистане в последние 12 - 15 лет осложняют и определяют два фактора: радикальный ислам и ядерные арсеналы.

Сегодняшний Пакистан, отмечает президент Института Ближнего Востока Е. Сатановский, - родина исламского терроризма, убежище талибов, страна тысяч медресе деобандского толка, выпускники которых распространяют по всему миру идеи исламистского экстремизма. Христианские погромы, столкновения между суннитами и шиитами, сепаратизм провинций и яростное сопротивление племен любой центральной власти лишь дополняют эту картину <1>. Пример успешного отделения Бангладеш вдохновляет пакистанских сепаратистов.

<1> См.: Сатановский Е. Уроки пакистанской демократии // Известия. 16.10.2007.

Как и в большинстве других исламских стран, защита религиозных устоев является основной задачей законодательства Пакистана. Нормы ислама выступают в качестве главного источника права и правоприменительной практики, которая должна соответствовать духу и букве шариата. Отсюда понятия "грех" и "преступление" в мусульманском уголовном праве совпадают, а само оно отражает основные ценности ислама.

В Пакистане, как и в ряде других мусульманских стран, одной из современных тенденций развития законодательства в целом и уголовного права в частности является их последовательная исламизация <1>. Это не исключает стремления к кодификации уголовного законодательства, хотя в разных странах и по-разному этот процесс идет на основе норм и принципов шариата. Следует, однако, иметь в виду, что шариат - это не только право, это "путь праведной жизни" мусульманина, включающий и правовые, и моральные, и религиозные нормы, одинаково обязательные для каждого "правоверного" <2>. Иногда говорят, что шариат - это весьма разнообразный и неоднозначный феномен, своего рода "пункт встречи религии, нравственности и права" <3>.

<1> См.: Кибальник А. Преступление и наказание в доктрине мусульманского уголовного права // Уголовное право. 2007. N 1. С. 25 - 26.

<2> См.: Чиркин В.Е. Мусульманская концепция права // Мусульманское право (структура и основные институты). М., 1984. С. 11.

<3> См.: Сукияйнен Л.Р. Шариат и мусульманская правовая культура. М., 1997.

Еще в 1978 году в высоких судах и Верховном суде Пакистана были созданы отделы шариата, обязанные следить за соответствием принимаемых законов нормам ислама. Позднее, в соответствии с Конституцией 1989 года, был образован Федеральный суд шариата как самостоятельное судебное учреждение, действующее параллельно с системой гражданских судов. Этот суд может выносить смертные приговоры за сексуальные преступления и убийство при ограблении, а также определять способы приведения смертных приговоров в исполнение.

Ислам отвергает иные (немусульманские) формы организации общественной жизни, отвергает их с реакционных позиций, с позиций защиты архаичных порядков. Сегодня, в том числе и в Пакистане, усилия фундаменталистов - воинствующих идеологов ислама направлены на то, чтобы расширить применение норм шариата, ввести его в те сферы жизни, откуда он был

исключен действующим законодательством. В конечном итоге исламизация всех сторон общественной жизни рассматривается как главное средство решения острых политических и социальных проблем, служит целям подавления демократических свобод под лозунгом "единства исламской нации" <1>.

<1> См.: Сукияйнен Л.Р., Лихачев В.А. Мусульманское деликтное право и уголовное законодательство стран зарубежного Востока // Мусульманское право (структура и основные институты). М., 1984. С. 100.

По сути дела речь идет о войне против ценностей, которые сегодня правят миром. В этой системе есть два принципиальных момента, с которыми исламисты не могут примириться. Прежде всего это разделение религии и государства, которое в других странах позволило восторжествовать демократии. А ислам хочет править всем - религией, государством, семьей. Вторая важнейшая ценность - права человека, которые, кроме всего прочего, включают равенство мужчин и женщин, чего ислам не допускает в принципе - патриархальная религия женщину полностью игнорирует. "С чего начинают придя к власти все исламские фундаменталисты? С введения шариата, с порабощения женщины, социального и прежде всего сексуального. В этом их идея фикс... В исламском фундаментализме, да и в любом самом умеренном течении ислама, присутствует иррациональный страх перед витальной силой женщины, перед ее чувственностью, ее сексуальностью. Не мальчик для битья, пресловутый дядя Сэм, а женщина - вот настоящий сатана номер один для правоверного исламиста" <1>.

<1> Пионтовский А. Нелюбимая страна. М., 2006. С. 108.

Смертная казнь в стране предусмотрена с 1947 года - с момента создания Пакистана. Уголовное законодательство предусматривает широкий перечень преступлений, наказуемых смертной казнью. К ним, в частности, относятся: убийство, захват заложников с целью выкупа, угон самолета, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, богохульство, прелюбодеяние (внебрачное сожитие или супружеская измена - zina) и изнасилование. При этом смертная казнь является безальтернативным наказанием за убийство, изнасилование, богохульство и прелюбодеяние. За последний из названных видов преступлений смертный приговор приводится в исполнение путем забивания камнями (stoning), а во всех других случаях основным методом казни (иногда наряду с расстрелом) является повешение (hanging).

Как и в других странах, где действует мусульманское право, уголовное законодательство Пакистана закрепляет две формы наказания за такие насильственные преступления, как убийство или причинение вреда здоровью. Одна из них - qisas - предполагает наказание, тождественное по способу совершения преступления, другая - diyat - предусматривает возможность выплаты материальной компенсации потерпевшему или родственникам убитого. (Шкала такого "выкупа" зависит от характера преступления и его последствий.) В последнем случае семья потерпевшего может простить виновного и он может быть освобожден от наказания <1>.

<1> См.: Сукияйнен Л.Р., Лихачев В.А. Указ. соч. С. 87; Simon R., Blaskovich D. A Comparative Analysis of Capital Punishment: statutes, policies, frequencies, and public attitudes the world over. 2002. P. 25.

Преступления сексуального характера наказываются либо забиванием камнями, если виновный являлся родственником потерпевшей, либо 100 ударами плетью (если он таковым не являлся). Смертная казнь назначается также бывшим мусульманам - вероотступникам, виновным в оскорблении Аллаха. Религиозная правовая доктрина исходит из того, что такой человек подрывает устои мусульманского общества, если, конечно, он не раскается в содеянном. Кстати, в Коране - одном из основных источников шариатского уголовного права и главной священной книге мусульман - раскаянию и просьбе о прощении уделяется самое серьезное внимание. В конечном итоге раскаяние может служить основанием для освобождения от ответственности и наказания. "Аллах милостив" - один из важнейших постулатов и одна их характеристик законов шариата <1>.

<1> Bassiouni M.C. Death as a penalty in Sharia. 2004. P. 184.

Основу концепции уголовной политики мусульманских стран, по мнению видного исследователя шариатского права Шерифа Бассиони (он долгие годы был президентом Международной ассоциации уголовного права), составляет общее предупреждение, сдерживание путем угрозы применения суровых наказаний <1>. Эта доктрина устрашения еще четверть века назад была сформулирована президентом Пакистана Зия-уль-Ханом. Исламская доктрина, по его словам, не ставит своей целью отрубить человеку руку или до смерти забивать его камнями; ее

цель - породить страх, т.е. являться сдерживающим средством настолько сильным, чтобы оно могло заставить воздерживаться от нарушения закона <2>.

<1> См.: Bassiouni M.C. (Ed.) Protection Human Rights in the Islamic Criminal Justice System // The Islamic Criminal Justice System. 1989. N 1.

<2> См.: Сукияйнен Л.Р., Лихачев В.А. Указ. соч. 99.

Между тем вынесенные судом смертные приговоры, как правило, не подлежат обжалованию, они во многом произвольны и в ряде других отношений не соответствуют минимальным стандартам правосудия. К тому же решения судов, связанные с двумя названными выше формами наказания за совершение насильственных преступлений, закрепляют социальное неравенство, позволяя более богатым преступникам "покупать свободу" и уходить от ответственности.

Как и в большинстве других азиатских стран, сведения о смертных приговорах и казнях в Пакистане не публикуются. Публичные казни совершаются, как правило, в присутствии других осужденных. В 1996 году правительство попыталось запретить применение смертной казни к женщинам и несовершеннолетним, но парламент это решение заблокировал.

На пороге XX века Пакистан наряду с Китаем являлся одним из мировых лидеров по числу вынесенных судами смертных приговоров. В 1998 году, например, здесь казнили 21 осужденного, а суды вынесли 433 смертных приговора. К концу 1998 года в тюрьмах страны, население которой почти в два раза меньше, чем, например, в США, содержалось самое большое в мире число осужденных, приговоренных к смертной казни (3231), в том числе 49 человек, совершивших преступления в возрасте до 18 лет <1>.

<1> См.: Simon R., Blaskovich D. A Comparative Analysis of Capital Punishment: statutes, policies, frequencies, and public attitudes the world over. 2002. P. 26 - 27.

Следует заметить, что, как и в ряде других мусульманских стран, возраст уголовной ответственности и применения наказания здесь всегда был категорией относительной. В соответствии с законодательством (Haddood laws, 1979), возможность применения наказания обычно связывалась с достижением половой зрелости. И хотя Пакистан еще в 1990 году подписал и ратифицировал Конвенцию ООН о правах ребенка, запрещающую применение смертной казни к лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, суды, как уже отмечалось, по-прежнему выносили таким лицам смертные приговоры, причем значительная часть из них приводилась в исполнение. И лишь в июле 2000 года специальным Законом (Juvenile Justice System Ordinance 2000) запрет на применение смертной казни к несовершеннолетним был установлен окончательно. Спустя полгода по указу президента о помиловании смертные приговоры в отношении всех несовершеннолетних были отменены и заменены другими мерами наказания.

В 2000 году Пакистан наряду с другими азиатскими странами голосовал против резолюции Комитета ООН по правам человека, призывавшей к мораторию на казни и сокращению практики применения этой меры наказания. По данным "Международной амнистии", в 2000 году в стране казнили 6 осужденных и еще 52 суды вынесли смертные приговоры; к концу года в тюрьмах страны ожидали исполнения приговора уже около 4 тысяч осужденных-смертников <1>.

<1> См.: AI Index: POL 10/001/2001.

Сообщалось также, что в провинции Пенджаб трех осужденных, приговоренных к смерти за убийства, освободили от наказания в связи с прощением семьями родственников погибших, получивших по законам шариата (qisas и diyat) материальную компенсацию. Еще одна информация характеризует специфический характер выбора меры наказания. В марте 2000 года по приговору суда одного из осужденных за убийства и увечья, причиненные нескольким подросткам, должны были публично повесить, разрезать на куски и облить кислотой, однако этот приговор вызвал протесты правозащитников, а позднее Совет по вопросам идеологии заявил, что такой приговор противоречит исламу и должен быть отменен.

В 2001 году в Пакистане казнили 13 человек и 50 осужденным были вынесены смертные приговоры. Кроме того, несколько таких приговоров выносилось и исполнялось по решениям так называемых советов племен <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 33/024/2002 "Pakistan: The tribal justice system".

Следующий год ознаменовался резким ростом числа смертных приговоров. В стране казнили 8 осужденных, 140 осужденных суды приговорили к смертной казни - это в три раза больше, чем в предыдущем году. В итоге к концу 2002 года общее число осужденных-смертников в стране составило свыше 5500 человек.

Как и в прошлые годы, при назначении наказания в виде смертной казни особое внимание уделялось делам по обвинению в богохульстве и в преступлениях против нравственности, особенно по обвинению в прелюбодеянии (zina). В этом отношении представляют интерес перипетии в деле Зафран Биби, осужденной в апреле 2002 года к смертной казни за прелюбодеяние. Она заявила, что ее изнасиловал брат мужа. Когда медицинское заключение показало, что она была уже несколько недель в состоянии беременности, хотя все это время ее муж находился в другой провинции, полиция кардинально изменила обвинение с изнасилования на измену мужу (или прелюбодеяние). Рассмотрев это дело, суд оправдал насильника, а потерпевшую признал виновной в прелюбодеянии и, как отмечалось, приговорил ее к смертной казни. Верховный шариатский суд отменил решение местного суда, отметив, что жертва изнасилования не должна рассматриваться как совершившая преступление против нравственности и, соответственно, не должна нести наказание.

В июне 2003 года ММА - альянс религиозных оппозиционных партий ("Мутахида Меджлис-э-Амаль") - ввел на территории Северо-Западной провинции шариатское право, включающее в себя консервативный уголовный кодекс, подобный тому, который действовал в соседнем Афганистане в период власти талибов.

Все более широкому распространению насилия и массовой истерии на религиозной почве способствовало применение Закона о святотатстве (богохульстве). Злоупотребляя нормами этого Закона, власти арестовывали, лишали свободы и применяли суровые меры наказания к людям иных религиозных взглядов и убеждений. Став президентом, Первез Мушарраф обещал внести в этот Закон существенные поправки, с тем чтобы свести к минимуму частые злоупотребления, однако он встретил ожесточенное сопротивление все более крепнущих религиозных политических партий.

И без того широкое распространение насилия в стране дополнялось многочисленными фактами убийств женщин и девочек на основании решений суда племенного совета ("джирги"), выносимых по соображениям "защиты чести". Только по официальным данным жертвами таких решений судов племенных советов стали более 600 женщин и девочек. Нормы законодательства, позволявшие лицам, совершавшим убийства под предлогом защиты чести, добиваться выплаты компенсации и прощения у родственников убитых, по-прежнему препятствовали нормальному отправлению правосудия. Власти оказались неспособными взять контроль над насилием, уносящим жизни многих сотен людей.

К концу 2003 года в стране было вынесено 278 смертных приговоров (в два раза больше, чем в предыдущем году), казнено 8 осужденных, а общее число приговоренных к смертной казни превысило 5700 человек <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 33/003/2004 "Pakistan: Open Letter to President Pervez Musharraf".

В апреле 2004 года Верховный суд Пакистана постановил, что на осужденных по обвинению в терроризме не распространяются положения законодательства, по которому родственники убитого могут на любом этапе уголовного процесса простить убийцу, что, как отмечалось, автоматически ведет к прекращению уголовного преследования. В октябре того же года были внесены изменения в Закон о борьбе с терроризмом, предусматривающие пожизненное заключение для тех, кто оказывал поддержку террористам.

По данным "Международной амнистии", в 2004 году в стране продолжился рост казней, а также резкий рост числа смертных приговоров: к смертной казни были приговорены 394 человека и 15 осужденных казнили.

Судебные органы, особенно суды низших инстанций, по свидетельству пакистанских средств массовой информации, по-прежнему были подвержены политическому влиянию и коррупции, они действовали крайне медленно и неэффективно. В ноябре 2004 года Асиф Махмуд, который провел в камере смертников 15 лет за якобы совершенное в 1989 году убийство, был признан невиновным и полностью оправдан. Его апелляция рассматривалась в судебных инстанциях более 13 лет.

В июне 2004 года главный редактор газеты Frontier Post Р. Аффриди был осужден к смертной казни по ложному обвинению в торговле наркотиками. Постановлением Высокого суда эта мера наказания позднее была заменена на пожизненное заключение, хотя общественность страны знала, что он преследуется именно за журналистскую деятельность.

Годом раньше суд Северо-Западной пограничной провинции Пакистана приговорил к пожизненному заключению заместителя главного редактора той же газеты Мунавара Мосхина, признав его виновным в богохульстве. Суть обвинения состояла в публикации в рубрике "Письма редактору" подписанной вымышленным именем статьи "За что мусульмане ненавидят евреев", которую правящие в провинции радикалы сочли "кошунственной", поскольку, по их мнению, содержание статьи оскорбляло пророка, а это, как уже отмечалось, влечет применение суровых мер наказания - вплоть до смертной казни <1>.

<1> См.: Бабасян Н. Умышленное богохульство // Известия. 16.07.2003.

Несмотря на протесты общественности, в стране по-прежнему действовала норма закона, позволяющая наследникам принимать компенсацию и прощать виновного. Более того, в своем решении по одной из жалоб Верховный суд страны прямо записал, что осужденный к смертной казни за убийство может добиваться смягчения приговора, если все законные наследники убитого согласятся его простить.

Продолжались массовые убийства "во имя чести" и членовредительства у женщин и девочек из-за несоблюдения обычаев. В связи с этим в октябре 2004 года Национальная ассамблея приняла закон, предусматривающий наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет за передачу семье потерпевшей другой женщины - в качестве компенсации за убийство "во имя чести". Точно также в ряде провинций продолжали выносить решения суды племенных советов ("джирга"), хотя, как уже отмечалось, они не вправе выносить решения по уголовным делам.

В апреле 2005 года Высокий суд провинции Синд, например, прямо указал, что такие решения являются незаконными. Однако власти провинции и воинствующие радикалы всеми путями старались легализовать эту частную систему правосудия и реальных мер по ее отмене не принималось <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 33/013/2005 "Pakistan: Unlawful executions in the tribal areas".

В том же году был внесен ряд поправок в Законы о богохульстве и преступлениях против нравственности, которые требовали, чтобы отныне расследования по таким обвинениям осуществляли лишь старшие чины полиции, однако до конца 2005 года эти новеллы не были реализованы. Тем не менее всего за один 2005 год только по Закону о богохульстве были выдвинуты обвинения против 72 человек.

Государству так и не удалось защитить от нападков представителей религиозных меньшинств. Продолжал, например, действовать закон, по которому исповедание своей веры представителями народности ахмадие считается преступлением.

Развитие событий в 2006 году шло в основном по тому же сценарию: продолжались незаконные и безнаказанные убийства "во имя чести"; племенные советы и религиозные общины вопреки закону брали на себя полномочия по осуществлению правосудия и назначали бесчеловечные и унижительные наказания; по-прежнему законодательство о богохульстве использовалось для преследования религиозных меньшинств. Многие жители северных провинций подвергались публичным наказаниям и казням без суда и следствия за попытку навязать другим свое толкование норм ислама. На подконтрольных племенам территориях более ста человек были убиты за сотрудничество с правительственными органами. Многих из них находили обезглавленными с прикрепленными на теле записками, предупреждающими других о последствиях такого сотрудничества.

В 2006 году было вынесено 446 смертных приговоров и как никогда выросло число казней - приведено в исполнение 82 смертных приговора (в основном за убийство), что в 2,5 раза превысило число казней по сравнению с весьма высокими показателями предыдущего года.

Попытки хоть как-то гуманизировать правоприменительную практику ощутимых результатов не дали. Единственным реальным шагом в этом направлении можно считать указ президента о предоставлении женщинам права освобождения под залог во время следствия и суда - независимо от характера совершенного преступления, за исключением таких преступлений, как убийство и терроризм. Этот указ позволил освободить из под стражи более 1300 женщин.

Сегодня ситуацию в Пакистане все больше определяет усиление радикализма в различных сферах политической жизни страны, особенно радикализма той гремучей смеси, которую образуют политика и религия. Убийство Беназир Бхутто, похоже, свидетельствует о том, что Пакистан практически утратил надежду на возвращение к светскому правлению.

1.3. Ближний Восток

Иран и Саудовская Аравия являются наиболее типичными в группе стран Ближнего Востока, где правовые системы базируются на исламском праве - шариате <1>. Их общность и в то же время существенное отличие от других стран региона, помимо всего прочего, состоит в наиболее широком использовании наказания в виде смертной казни.

<1> См.: Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире. Смертная казнь в государствах Азии, Америки и Африки // Право и политика. 2002. N 1. С. 80.

Во многих странах региона бесплатная медицинская помощь и высокоразвитая социальная сфера соседствуют со смертной казнью в виде обезглавливания и забрасыванием камнями. При этом менее половины государств Организации исламская конференция участвуют в Пактах по правам человека и формально несут обязательства по этим основным международным договорам <1>.

<1> См.: Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. Международно-правовые, экономические и гуманитарные аспекты. М., 1991. С. 235.

Общий подход этих стран к праву на жизнь был выражен во Всеобщей исламской декларации прав человека, принятой в Париже в 1981 году. В другом международно-правовом документе - Арабской хартии прав человека - была предпринята попытка ограничить применение смертной казни, с тем чтобы сблизить мусульманский мир с другими странами, занимающими по вопросу смертной казни иную позицию (Каир, 1994 год). В этом документе подчеркивалось, что смертная казнь может назначаться лишь за наиболее серьезные преступления; при этом смертная казнь не может назначаться за политические преступления, а также тем, кто совершил преступление в возрасте до 18 лет, беременным женщинам и в течение 2-х лет "женщинам, имеющим зависящих от них детей" <1>.

<1> См.: Arab Charter on Human Rights, adopted by Council of the League of Arab States, Cairo. 15 September. 1994.

В странах, исповедующих ислам, основной задачей уголовного законодательства является, как отмечалось, защита религиозных устоев. Нормы ислама выступают в качестве главного источника права и правоприменительной практики, которая должна соответствовать духу и букве шариата. Отсюда понятия "грех" и "преступление" в мусульманском законодательстве совпадают, а само оно отражает в первую очередь основные ценности ислама.

Усилия фундаменталистов - воинствующих идеологов ислама - направлены, как отмечалось, на то, чтобы расширить применение норм шариата, ввести его в те сферы жизни, откуда он был исключен действующим законодательством. В конечном итоге исламизация всех сторон общественной жизни рассматривается как главное средство решения острых политических и социальных проблем, служит целям подавления демократических свобод.

Иран

В историческом и культурном плане Иран всегда являлся одной из наиболее просвещенных стран. Но в 1979 году здесь произошла революция, перечеркнувшая многое из того, чего страна достигла за 2,5 тысячи лет своего существования. Исламская революция отодвинула на задний план все традиционные институты государственного управления, отдав верховную власть духовному лидеру, стоящему выше президента и премьер-министра. Разумеется, духовный лидер, как и во всех тоталитарных государствах, опирается на идеологию и собственные структуры власти - своеобразно толкуемые ценности ислама и добровольные полувоенные и военизированные формирования.

Идеологии исламского фундаментализма соответствует не только Уголовный кодекс 1981 года; в Иране этой идеологии подчинено буквально все. Обязательность соответствия законодательства нормам ислама в Иране, как и в ряде других мусульманских государств, закреплена, как уже отмечалось, на конституционном уровне. В ст. 4 Конституции прямо записано: "Все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные и другие законы и установления должны быть основаны на исламских нормах". В Конституции указывается, что при установлении ответственности за преступления следует применять нормы шариата (ст. 156). А толкование этих норм - прерогатива лидера и контролируемого им Совета по охране Конституции.

Способ установления виновности для всех преступлений, при совершении которых Уголовный кодекс предусматривает смертную казнь, полностью опирается на показания "благочестивых людей"; эти показания могут быть подтверждены клятвой, и в таких случаях они не могут быть опровергнуты подсудимым. Осужденные, дела которых рассматриваются в уголовных судах, не имеют права на обжалование обвинения и приговора. Вместе с тем Верховный кассационный суд должен проверить обоснованность применения закона по делам, в которых были вынесены смертные приговоры.

Насаждавшиеся лидерами исламской революции законы не имеют ничего общего с духом благожелательности, смирения и терпимости, присущими исламу. Фанатики ислама могут довести до абсурда любую идею, но если она не находит поддержку в обществе, власть пытается запугать людей суровыми репрессиями и в том числе частыми смертными казнями.

На дворе уже XX век, а в Иране по сей день устраиваются публичные порки плетьюми и казни множества людей, обвиненных в прелюбодеянии, супружеской измене и подобных "грехах". До сих пор в стране действуют варварские законы, предусматривающие смертную казнь за "недостойную жизнь на земле или несогласие с Богом".

К числу смертельных врагов режим фундаменталистов относит и тех, кто реально противостоит властям, и тех, кто всего лишь исповедует иные религиозные взгляды или политические концепции. Но наказание для тех и других одно - смертная казнь. С политическими противниками здесь всегда расправлялись особенно жестоко. В 1988 году, например, когда аятолла Хомейни лично отдал приказ о казни всех политических заключенных, в стране в течение двух недель казнили, по разным оценкам, от 6 до 15 тысяч человек. Большинство из них были сторонниками левого движения "Муджахедин-э-хальк".

Спустя 15 лет профессор Тегеранского университета Х. Агаджари в своем выступлении перед молодежью осмелился призвать к модернизации исламских канонов, за что был приговорен судом к смертной казни. Этот приговор вызвал столь мощное и опасное противостояние либеральной интеллигенции и клерикалов-защитников смертной казни, что за его отмену выступили президент страны М. Хатами и члены правительства <1>.

<1> См.: Известия. 15.11.2002.

В Иране, как и в других странах мусульманского уголовного права, принята трехзвенная классификация преступлений - хадд, кisas и тазир <1>.

<1> См.: Bassiouni M.C. Death as a penalty in Sharia. 2004. P. 183; Сукийянен Л.Р. Шариат и мусульманская правовая культура. М., 1997; Кибальник А. Преступление и наказание в доктрине мусульманского уголовного права // Уголовное право. 2007. N 1.

"Хадд" - категория преступлений, наказуемость которых определена в Коране и Сунне - основных источниках мусульманского права. К ним относятся обвинение в неверности, прелюбодеяние, распутство, воровство, пьянство, отступничество от ислама, а также некоторые преступления против государства.

"Кисас" - преступление, за совершение которого положено "воздаяние равным", а также возможна выплата выкупа, например, в случаях причинения увечья.

"Тазир" - преступление, за которое не предусмотрено определенного наказания в источниках права. Сюда относятся, например, посягательства на личные интересы или права общины, не подпадающие под две первые категории преступлений. Обычно такие деяния в мусульманском праве делятся на два вида. Первый - преступления против религии, общественного порядка и морали; второй - преступления против интересов личности.

Отметим, что в Иране установлен самый низкий возраст уголовной ответственности - он наступает по достижении 6 лет.

Мусульманское уголовное право сохраняет (точнее, всячески оберегает) неравный статус мужчины и женщины - и как субъекта преступления, и как потерпевшего от преступления. Так, в соответствии со ст. 5 Уголовного кодекса Ирана, если мужчина-мусульманин убил женщину-мусульманку, его следует приговорить к возмездию (если отсутствует "выкуп за кровь"); при этом попечитель женщины обязан уплатить убийце половину "цены крови" до того, как казнить его по разрешению мусульманского суда. Если же женщина-мусульманка умышленно убила мужчину-мусульманина, она должна быть приговорена к возмездию, а ее попечитель ничего не должен платить "за кровь". Если же достигнуто соглашение о выкупе, то цена выкупа по традиции в два раза меньше, чем за жизнь мужчины <1>.

<1> См.: Кибальник А. Указ. соч. С. 27.

Одной из основных идей, лежащих в основе уголовного наказания, является, как уже отмечалось, сформулированная в Коране религиозная доктрина милосердия Аллаха <1>. Из этой посылки следует возможность широкого применения смертной казни по принципу талиона, а также "выкупа преступления" ("дийи") посредством компенсации потерпевшему причиненного ущерба.

<1> См.: Bassiouni M.C. (Ed.) Protection Human Rights in the Islamic Criminal Justice System // The Islamic Criminal Justice System. 1989. N 1.

Исламское законодательство содержит, как отмечалось, три основных вида преступлений, наказуемых смертной казнью. Это - преднамеренное убийство, супружеская неверность, хула на ислам, исходящая от отступника веры. В случае убийства смертная казнь назначается в силу принципа "воздаяния равным", причем способ казни нередко соответствует способу убийства

потерпевшего. К вероотступникам и виновным в прелюбодеянии применяется смертная казнь путем забивания камнями. Такая казнь очень мучительна, поскольку человек способен выносить сильные удары, не теряя сознания, и смерть наступает лишь от повреждения мозга. В Иране такой вид казни подробно регламентирован, с тем чтобы исключить скорую смерть осужденного. Так, ст. 119 Уголовного кодекса гласит: "При исполнении наказания в виде забрасывания камнями до смерти камни не должны быть слишком большими, чтобы осужденный не умирал от одного или двух ударов; они также не должны быть и настолько малы, чтобы их нельзя было назвать камнями".

Кроме убийства, смертная казнь в Иране назначается за контрабанду наркотиков, вооруженное ограбление, изнасилование, содомию, инцест, связь между мужчиной другой веры и мусульманкой, супружескую измену, гомосексуализм и пьянство (после неоднократных предупреждений и применения других мер наказания) <1>.

<1> См.: Simon R.J., Blaskovich D.A. A Comparative Analysis of Capital Punishment: statutes, policies, frequencies, and public attitudes the world over. 2002. P. 82.

За период с 1991 по 2000 г. в стране, по данным британского журнала Economist, только за торговлю наркотиками казнили около 5 тысяч человек; к началу 2001 года за такие преступления отбывали наказание более 90 тысяч человек или 60% всего тюремного населения Ирана, хотя число наркоманов неуклонно росло <1>.

<1> См.: Российский вестник "Международной амнистии". 2001. N 20. С. 28 - 29.

По данным "Международной амнистии", в 1999 году в Иране казнили 165 человек; в 2000 году - 75 и 16 осужденных приговорили к смертной казни; в 2001 году число казней заметно выросло - в исполнение были приведены смертные приговоры в отношении 139 человек. В 2002 году в стране казнили 113 человек, в том числе 6 женщин; однако, по данным иранских правозащитников, реальное число казненных - не менее 450 человек <1>. Многих осужденных, в том числе приговоренных к забиванию камнями, казнили публично, а одну казнь даже показали по телевидению.

<1> См.: AI Index: MDE 13/032/2003 "Iran: Fear of imminent execution Afsaneh Nourouzi".

В 2003 году множество осужденных за политические преступления, включая узников совести, продолжали отбывать наказания, назначенные на сфабрикованных судебных процессах. Судебные власти ограничивали свободу слова, убеждений и ассоциаций, ограничивали права этнических меньшинств.

На ситуации с правами человека в стране неблагоприятно сказывались политические разногласия между сторонниками реформ и их противниками. Проведение социальных, политических и правовых реформ, поддерживаемых президентом Хатами и парламентом, зачастую тормозилось Попечительским советом (ПС) - законодательным органом высшей инстанции, в обязанности которого входило обеспечение соответствия законов принципам ислама и Конституции. При этом Попечительский совет придерживался наиболее строгой интерпретации шариатских норм, касающихся политического и социального поведения и особенно моральных устоев.

В декабре 2002 года парламент принял представленный судебной властью законопроект, упрощающий процедуру создания судов по делам несовершеннолетних. Если бы этот законопроект был поддержан Попечительским советом, десятки осужденных, совершивших преступления до достижения 18 лет, были бы освобождены из тюрем для смертников, а другим подсудимым не выносились бы смертные приговоры.

В 2003 году в стране, по данным правозащитных организаций, казнили не менее 108 человек, включая политических заключенных; в том числе четверых осужденных казнили путем забивания камнями. Нередко казни проводились публично. Кроме того, около 200 человек были приговорены к порке плетью и 11 - к ампутации конечностей.

В мае 2004 года безоговорочная победа на выборах в парламент досталась противникам социальных и политических реформ. Новоизбранные депутаты отвергли принятые ранее программы, направленные на установление равенства полов. Равенство полов, с которым тесно связано понятие прав человека, для ислама в принципе недопустимо - патриархальная религия, как уже отмечалось, женщину полностью игнорирует. Накануне выборов были приняты, например, законы, наделявшие более широкими правами религиозные меньшинства и женщин. Однако члены нового парламента уже в июне аннулировали ряд принятых законов, в том числе закон, предоставляющий женщинам право наследовать имущество наравне с мужчинами. А в августе

того же года Попечительский совет отклонил предложение о присоединении Ирана к Конвенции ООН о правах женщин.

К концу 2004 года в стране казнили 159 человек, в т.ч. была повешена А. Раджаби, которой не исполнилось 17 лет (суд оставил без внимания серьезные сомнения по поводу ее психического здоровья); десятки людей были осуждены к смертной казни, в том числе десять человек, которым к моменту совершения преступления не было 18 лет <1>. Смертные приговоры в Иране по-прежнему выносились по таким обвинениям, как "враждебное отношение к Богу" или "преступление против нравственности".

<1> См.: AI Index: ACT 50/005/2005. April 2005. "Death sentences and executions in 2004".

Зарождающиеся в парламенте реакционные тенденции дали импульс развитию движения "Хезболла", которое всячески подталкивало судебную власть и силовые структуры к ограничению инакомыслия, что вылилось в аресты политических противников режима. Не случайно Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию, резко осуждающую ситуацию в Иране в сфере прав человека. В ней отмечалось "несоответствие международным нормам в отправлении правосудия и отсутствие надлежащих процедур судопроизводства" <1>.

<1> См.: AI Index: MDE 13/025/2004; AI Index: MDE 13/027/2004.

Ситуация политического тупика, сложившаяся к концу 2004 года, разрешилась лишь к середине следующего года, после выборов президента, когда М. Хатами сменил М. Ахмадинежад <1>. Его приход к власти способствовал окончательному отстранению сторонников реформ от участия в политическом процессе и привело к концентрации власти в руках верховного руководителя Ирана аятоллы С. Хаменеи.

<1> Накануне выборов Совет стражей революции, который следит за соответствием законов и государственной политики заповедям ислама и конституции, отстранил от участия в выборах более тысячи кандидатов и не допустил к выборам ни одну из 89 кандидатов-женщин на основании половой принадлежности.

Дискриминирующие законы и практика по-прежнему являлись причиной политической и социальной нестабильности, а также нарушений прав человека, в особенности затрагивающих представителей оппозиции, этнических и религиозных меньшинств.

За 2005 год в Иране казнили 94 осужденных, в том числе 8 не достигших к моменту совершения преступления 18 лет. По данным "Международной амнистии", было вынесено "множество смертных приговоров, в т.ч. 11 несовершеннолетним". Суды продолжали выносить смертные приговоры за деяния, определяемые такой, например, расплывчатой формулировкой, как "моральное разложение на земле".

Еще в январе 2005 года Комитет ООН по правам ребенка призвал Иран срочно приостановить исполнение смертных приговоров в отношении совершивших преступления в возрасте до 18 лет и запретить применение к таким лицам смертной казни. Несмотря на заявление Ирана о том, что в отношении таких лиц действует мораторий, 17-летний И. Фаррохи был казнен именно в тот день, когда Комитет ООН заслушивал по этому вопросу доклад Ирана.

В результате протестов в стране и за рубежом некоторым женщинам и лицам, не достигшим к моменту совершения преступления 18 лет, такие приговоры либо отменили, либо предоставили отсрочку их исполнения.

В 2006 году в стране казнили 177 человек, включая 4 осужденных, совершивших преступления до достижения 18 лет. Смертные приговоры выносились за контрабанду наркотиков, вооруженный грабеж, убийства, за сексуальные преступления и политически мотивированные проявления насилия. Между тем о специфической практике выбора мер наказания говорят сообщения правозащитных организаций, подтверждающие факты вынесения приговоров суда к отсечению конечностей и выкалыванию глаз.

Распространенным наказанием по-прежнему оставалась и порка кнутом. В феврале Лейлу Мафии приговорили к 99 ударам кнута и привели приговор в исполнение. С восьми лет ее принуждали заниматься проституцией и неоднократно насиловали, а в начале 2004 года арестовали по обвинению в "деяниях, противоречащих принципам целомудрия". Тогда ее приговорили к смерти через побитие кнутом. И лишь под давлением мировой общественности смертный приговор был отменен.

В декабре 2006 года Генеральная Ассамблея ООН повторно приняла Резолюцию, осуждающую ситуацию в сфере прав человека в Иране, однако, как показывают события последнего времени, практических изменений в этой сфере общественности страны добиться до сих пор не удалось.

Саудовская Аравия

Саудовская Аравия имеет давнюю и куда более колоритную, чем в других странах, историю института смертной казни. В отличие от Ирана, например, здесь нет ни уголовного, ни уголовно-процессуального кодифицированного законодательства. Система применения высшей меры наказания базируется не только на принципах шариата, которым верны и другие мусульманские страны; она основана на вахабитской концепции исламской школы юриспруденции Hanbali, которая опирается на древние традиции и даже в исламском мире считается самой жесткой. Не случайно Саудовская Аравия издавна отличалась не только высокими показателями применения высшей меры наказания, но и особой жестокостью казней. В дополнение к мусульманскому праву государство осуществляет регулирование правоотношений путем издания королевских декретов и исполнительных распоряжений, а также подзаконных актов.

По данным "Международной амнистии", с 1980 по 2000 г. в стране зафиксировано минимум 1163 казни. В 1995 году Министерство юстиции сообщило, что ожидаются окончательные решения по 495 уголовным делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью <1>.

<1> См.: Simon R., Blaskovich D. A Comparative Analysis of Capital Punishment: statutes, policies, frequencies, and public attitudes the world over. P. 26.

Вспомнив уже не раз упомянутые индексы казни, отметим, что в расчете на численность населения в 1996 - 2000 гг. Саудовская Аравия занимала второе место в мире (после Сингапура), опережая показатели всех других стран, также широко применявших смертную казнь. Если, например, для Иордании и Ирана рассчитанные индексы казней составляли, соответственно, 1,96 и 1,76, то в Саудовской Аравии - 4,46 <1>.

<1> См.: Hood R. The Death Penalty. A Worldwide Perspective. 2002. P. 92.

Уголовное законодательство этой страны предусматривает весьма широкий перечень преступлений, наказуемых смертной казнью. Наряду с убийством и изнасилованием к нему относятся и такие ненасильственные деяния, как колдовство, содомия, вероотступничество и торговля наркотиками.

Степень жесткости законодательства характеризуют и методы казни. Для мужчин - это традиционное отсечение головы; для женщин - либо расстрел, либо отсечение головы (зачастую публичное), а супружеская неверность и вовсе влечет смертную казнь в виде забивания камнями.

Независимость правосудия и судей, признаваемая Саудовской Аравией как принцип, на самом деле реализуется под неусыпным контролем со стороны Министерства юстиции, Министерства внутренних дел и местных региональных правителей. Правом пересмотра приговоров к смерти, к ампутации конечностей или забиванию камнями наделен Верховный судейский совет, члены которого назначаются королем. В такой ситуации неудивительно, что обхождение с арестованными и осужденными зависит от их половой и национальной принадлежности, религиозных убеждений и социального статуса.

Благодаря редкой закрытости статистики и всего, что связано с деятельностью правоохранительных органов и судебной системой, сохраняется широкомасштабная практика нарушений прав человека. Поэтому обыденными вещами являются незаконные задержания и аресты, тайные и быстрые судилища, получение признаний путем жестоких пыток, невозможность пользоваться помощью адвокатов, отсутствие реальной возможности обжаловать приговор и т.п.

Несмотря на присоединение Саудовской Аравии к Конвенции ООН против пыток, жестокое обращение с арестованными и осужденными и пытки в полиции и тюрьмах - явление повсеместное. Перечень применяемых методов весьма разнообразен: от избиений палками и электрошока до прижигания сигаретой, вырывания ногтей и сексуальных посягательств в отношении арестованных или их родственников.

Ампутация конечностей и порка как весьма часто назначаемые меры наказания также противоречат названной Конвенции ООН (иногда применяется и так называемая перекрестная ампутация, например, правой руки и левой ноги). Такие меры наказания назначаются за весьма широкий круг правонарушений - распитие спиртных напитков, кражу, посягательства против моральных устоев, сексуальные преступления и т.д. Для ареста женщины по обвинению в занятии проституцией ей достаточно выйти на улицу одной, без сопровождения мужчины. Мужчин, женщин и детей подвергают порке и в тюрьмах, и на открытых площадях. Порка применяется без ограничений, не ограничено и число ударов, которое может назначить судья <1>.

<1> См.: Российский вестник "Международной амнистии". 2000. N 17. С. 25.

Завеса секретности настолько плотно окружает все, что связано с судебной практикой и вынесенными приговорами, что зачастую даже приговоренные к смертной казни, не имея контактов с адвокатами и родственниками, не знали ни окончательного приговора суда, ни даты казни.

Уголовное законодательство, как отмечалось, устанавливает смертную казнь за широкий круг преступлений. Помимо названных выше, к их числу относятся: посягательство на главу государства, шпионаж, подстрекательство или участие в мятеже, неповиновение властям, расцениваемые как подрыв мусульманского строя. Коран и Сунна за эти деяния устанавливают смертную казнь как единственное наказание.

Согласно религиозной традиции, в случае преднамеренного убийства потерпевшей стороне предлагается выбрать одно из трех: "воздаяние равным" (казнь убийцы), прощение преступника или принятие "выкупа за кровь". Право выбора принадлежит родителям и совершеннолетним детям наследникам убитого. При убийстве по неосторожности виновный должен уплатить "выкуп за кровь" и нести религиозное покаяние <1>.

<1> См.: The Effect of Islamic Legislation on Crime Prevention in Saudi Arabia. Roma, 1980. P. 43; Кибальник А. Указ. соч. С. 27.

В 1999 году в Саудовской Аравии казнили 99 осужденных; в 2001 году - 79, в том числе двух женщин и 23 иностранцев; большинство из них были признаны виновными в убийстве, изнасиловании и торговле наркотиками. В 2002 году было казнено 48 осужденных, включая 20 иностранцев. Большая часть осужденных обвинялась в убийстве, трое - за гомосексуализм, а двое - граждане Великобритании и Канады - за участие в террористическом акте и взрыв бомбы в столице страны в 2000 году. В декабре 2002 года власти сообщали, что король помиловал 17 осужденных к смертной казни за антиправительственные выступления в связи с закрытием мечети в Найране, заменив им смертные приговоры 10-летним лишением свободы.

В 2003 году суды продолжали назначать такие телесные наказания, как порка и ампутация конечностей (в основном отрубали руку за воровство). В числе осужденных к телесным наказаниям была и школьная учительница, получившая 120 ударов плетью в дополнение к 3,5 месяцам тюремного заключения. По данным "Международной амнистии", в стране к концу года казнили по меньшей мере 50 осужденных, среди которых 31 были подданными других государств. 24 казненных обвинялись в убийстве, а 26 - в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Число вынесенных смертных приговоров по-прежнему оставалось неизвестным из-за плотной завесы секретности, окружающей судебные процессы.

В 2004 году в Саудовской Аравии резко возросло число убийств, совершенных подразделениями армии, полиции, а также вооруженными группировками, что значительно усугубило и без того крайне напряженную ситуацию, связанную с нарушениями прав человека. Множество людей, в том числе выступавших с критикой государственной политики, и десятки подозреваемых в связях с террористами были задержаны после принудительного возвращения из других стран. Об их статусе и условиях содержания под стражей практически ничего не было известно.

Телесные наказания, особенно порка, по-прежнему оставались одной из наиболее широко применяемых мер основного и дополнительного наказания. По сообщениям правительства, к концу 2004 года не менее 33 осужденных, в том числе 14 иностранцев, были казнены за убийства, изнасилования и контрабанду наркотиков <1>.

<1> См.: AI Index: MDE 04/002/2004.

В 2005 году политическая и социальная напряженность в стране сохранялась. Особенно жесткой, а главное, узаконенной дискриминации подвергались женщины, которые не были защищены в быту и постоянно страдали от насилия в семье. Весной впервые в истории страны проводились выборы в муниципальные органы власти, однако женщины к этим выборам не допускались.

После смерти короля Фахда 1 августа 2005 года главой государства стал наследный принц Абдалла. Его вступление на престол давало повод надеяться на реформу политической системы, в т.ч. в деле дискриминации женщин, однако положение дел практически не менялось.

К концу 2005 года, по данным "Международной амнистии", казнили 86 осужденных, в том числе двух женщин; половину казненных составили иностранцы; у многих из них не было возможности воспользоваться консульской помощью, консультироваться с адвокатами, а иногда им не предоставляли переводчиков с арабского языка, которым они не владели; в ряде случаев осужденные до самой казни не знали о состоянии, в котором находилось судебное разбирательство по их делу.

4 апреля 2005 года казнили 6 граждан Сомали, хотя назначенные им сроки лишения свободы они уже отбыли, и, кроме того, подверглись телесным наказаниям. Что же касается числа вынесенных смертных приговоров, то властями страны оно по-прежнему тщательно скрывалось.

В 2006 году осуществляемые властями символические реформы фактически никак не улучшили ситуацию в сфере защиты прав человека. "Война с терроризмом" на самом деле приводила к многочисленным нарушениям прав граждан и бесконечным столкновениям силовых структур с членами различных вооруженных группировок. Постоянно продолжали поступать сообщения о жестоких пытках в ходе следствия, суды по-прежнему приговаривали людей к порке, насилие в отношении женщин продолжало быть явлением обыденным и носило повсеместный характер; трудовые мигранты страдали от дискриминации и злоупотреблений.

Количество осужденных, приговоренных к смертной казни, власти по-прежнему скрывали; многие осужденные жаловались на отсутствие помощи адвокатов и информации о ходе разбирательства по их делу.

По данным "Международной амнистии", в 2006 году было казнено не менее 39 осужденных.

В январе 2006 года власти заверили Комитет ООН по правам ребенка, что последние десять лет - с момента присоединения Саудовской Аравии к Конвенции о правах ребенка - в стране не проводились казни подростков, нарушавших закон. Однако суды по-прежнему продолжали выносить детям и подросткам смертные приговоры <1>.

<1> См.: AI Index: MDE 23/001/2006 "Saudi Arabia: Government must take urgent action to abolish the death penalty for child offenders".

1.4. Страны Африки

Конец 90-х и начало 2000-х годов в большинстве африканских стран связаны с вооруженными конфликтами и кровопролитными междоусобными войнами, в ходе которых тысячи людей погибли или потеряли средства к существованию. На этом фоне, отмечается в отчетах "Международной амнистии", были особенно ощутимы "ужасающие" нарушения прав человека, в том числе и в первую очередь безнаказанные нарушения права на жизнь <1>.

<1> См.: AI Index: POL 10/001/2000.

В 1999 году смертные приговоры выносились в 18 странах Африки и в 6 странах проводились казни осужденных. В 2002 году применение этой меры наказания, казалось бы, заметно сократилось - казни были зафиксированы лишь в трех странах (в Нигерии, Уганде и Судане), а смертные приговоры выносились уже в 14 странах континента. Однако именно в 2002 году в 17 странах правительственные силы начали проводить внесудебные казни, в результате которых множество людей "исчезало". Особенно широкое распространение получили пытки и нарушения прав человека. Многочисленные вооруженные группы убивали, похищали и увечили гражданских лиц во имя достижения своих политических целей.

В 2003 году повсеместные вооруженные конфликты на континенте продолжались, они сопровождалась преследованием правозащитников и женщин, ограниченным доступом к правосудию представителей обособленных социальных групп. Безнаказанность преступных нарушений прав человека, незаконная торговля оружием и природными ресурсами, нежелание правительства многих африканских стран создавать открытую политическую систему - все это способствовало ущемлению гражданских, политических, социальных и культурных прав людей. При этом больше других страдали женщины и дети, беженцы и перемещенные лица, носители ВИЧ и больные СПИДом, люди малообразованные и малообеспеченные.

Повсеместная нищета, высокий уровень неграмотности и вопиющее материальное неравенство для большинства жителей региона оставались основными препятствиями для получения доступа к правосудию и достойного образа жизни. Как отмечается в отчете "Международной амнистии" за 2003 год, политическое противостояние, ожесточенная борьба за власть и ресурсы, а также дискриминация привели к экономической и политической изоляции огромной части населения континента. В результате наиболее уязвимые группы населения все в большей степени теряли возможность достижения минимальных стандартов жизненного уровня.

Африка оставалась регионом с самым большим числом ВИЧ-инфицированных; в некоторых странах носители вируса составляли до 40% населения. Страдания и гибель людей принимали катастрофические масштабы, а способность африканского общества к устойчивому развитию оказалась под угрозой.

Особенно часто с дискриминацией в административной и правовой сфере сталкивались женщины, наиболее остро ощущавшие двойные стандарты ответственности в таких случаях, как внебрачные связи или аборты, которые в странах, тяготеющих к шариатскому праву, рассматривались как умышленное убийство, что влекло за собой возможность вынесения

смертного приговора или применения других жестоких наказаний. В условиях вооруженных конфликтов и вынужденного переселения женщины подвергались сексуальному насилию и оставались самой уязвимой группой населения.

Основным документом на Африканском континенте в сфере защиты прав человека является Африканская хартия прав человека и народов, принятая в июне 1981 года (вступила в силу с 1988 года). Она является обязательной для всех ратифицировавших ее членов Организации Африканского Единства. Эта хартия не содержит положений, непосредственно касающихся применения смертной казни, но в ст. 4 записано: "Человеческая жизнь неприкосновенна. Каждый имеет право на уважение его жизни и целостности его личности. Никто не может быть произвольно лишен этого права".

Мировая тенденция к отмене смертной казни не обошла африканский континент стороной; еще в 90-х годах в целом ряде стран этого региона она была законодательным путем отменена либо не применялась на практике. К середине 2005 года смертная казнь была отменена *de jure* в 13 странах <1> и еще в 20 странах она не применялась *de facto* <2>. В итоге, почти половина из 53 африканских стран уже отказалась от казни осужденных <3>.

<1> Ангола, Кабо Верде, Кот-Д'Ивуар, Джибути, Гвинея-Бисау, Маврикий, Либерия, Мозамбик, Намибия, Сан Томе и Принсипи, Сенегал, Сейшельские острова, ЮАР.

<2> Алжир, Бенин, Буркина Фасо, Республика Конго, Гамбия, Гана, Мадагаскар, Мали, Малави, Мавритания, Марокко, Нигер, Свазиленд, Танзания, Замбия, Тунис, Того, Центральная Африканская Республика, Эритрея.

<3> AI Index: AFR 44/017.2004. 21 May 2004.

К концу 2004 года появилась возможность еще большего прогресса в этом направлении в связи с деятельностью межрегиональных правительственных организаций (одно из них - Экономическое содружество государств Западной Африки). Отсюда и отмеченное выше снижение числа стран, применявших смертную казнь. Вместе с тем в тюрьмах ряда стран еще содержалось значительное число осужденных к этой мере наказания, а в Нигерии и других странах суды нередко выносили смертные приговоры на основе норм шариатского права.

В 2004 году ситуация с правами человека в регионе практически не изменилась. Правительства ряда стран хотя и подтверждали приверженность делу защиты и укрепления прав человека, не выполняли свои обещания, система правосудия оставалась крайне слабой или же практически отсутствовала, процветали коррупция и незаконная добыча полезных ископаемых, основные права большинства жителей региона по-прежнему серьезно ущемлялись <1>.

<1> См.: AI Index: IOR 63/005/2004; AI Index: IOR 63/007/2004.

В ряде стран Африки смертная казнь, как только что отмечалось, была отменена; власти ряда других стран продолжали придерживаться фактического моратория на казни. В Сьерра-Леоне, например, Комиссия по вопросам примирения рекомендовала властям немедленно отменить все законы, предусматривающие наказание в виде смертной казни. В Нигерии Национальная группа по изучению проблемы смертной казни призвала правительство ввести мораторий на исполнение смертных приговоров и заменить эту меру наказания пожизненным заключением для тех осужденных, апелляции которых были отклонены.

Вместе с этими обнадеживающими инициативами сохранение и широкое применение смертной казни в ряде стран региона оставались реальностью. Только в Судане, например, к концу 2004 года к смертной казни приговорили несколько сотен человек. Особенно широким применение этой меры было в Бурунди, Экваториальной Гвинее, Кении, Нигерии, Судане и Сомали.

При обсуждении в Генеральной Ассамблее ООН вопроса о смертной казни названные мусульманские страны Африки, как и страны Ближнего Востока, издавна составляют костяк жесткой оппозиции.

Нигерия

Уголовное право Нигерии, в том числе формулирование подхода к проблеме смертной казни, формировалось в сложных и специфических условиях. Часть населения страны - в основном в южных и западных штатах - имеет древние обычаи и традиции; другая - проживающая в северных и восточных штатах - издавна следовала установкам исламского права. В середине 80-х годов Нигерия занимала одно из первых мест в мире по масштабам применения смертной казни, когда в стране ежегодно казнили более 300 человек <1>. Позднее число казней значительно уменьшилось, хотя Нигерия по-прежнему входила в категорию стран, наиболее активно применяющих эту меру наказания.

<1> См.: Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире и уголовное право государств Африки // Право и политика. 2001. N 6. С. 75.

В начале 80-х годов - еще при гражданском правлении - Нигерия представляла собой федерацию из 21 штата, в каждом из которых было собственное правительство, законодательство и судебная система. Затем наступил 15-летний период правления сменяющих друг друга правительств военных, издавших ряд декретов, по которым вводились специальные военные трибуналы и увеличивалось число преступлений, наказуемых смертной казнью.

Так, по Декрету о специальном трибунале и Декрету о подделке денег в 1985 году были созданы специальные суды с правом вынесения смертных приговоров за 17 преступлений, наказуемых ранее лишением свободы (в том числе за торговлю наркотиками, незаконную продажу нефтепродуктов и подделку денег). Декрет N 1 1986 года об измене и других государственных преступлениях исключал возможность апелляции в вышестоящий суд и предусматривал лишь право подачи прошения о помиловании перед Правящим Советом вооруженных сил. Большинство казненных в те годы осуждались трибуналами по делам об ограблении и публично расстреливались.

Начало XX века для 100-миллионной страны, прежде всего, связано с освобождением от диктатуры военных и переходом к более цивилизованным формам государственного управления, с медленными, но все же заметными демократическими преобразованиями огромной страны.

В конце мая 1999 года сразу после свержения военной диктатуры президент страны Олусегун Обасанджо, который сам был приговорен к смертной казни и несколько лет провел в камере смертников, первым делом заявил о несоответствии Конституции таких норм шариата, как ампутация конечностей (в основном за кражу) и смертная казнь путем обезглавливания или забивания камнями. Через день после его прихода к власти было объявлено об отмене более 30 военных декретов, в том числе резко ограничивавших права граждан, ранее гарантированные Конституцией 1979 года, о прекращении деятельности военных трибуналов и восстановлении юрисдикции гражданских судов для рассмотрения уголовных дел.

Это, однако, не означало, что процессы смены власти на всей территории страны будут проходить безболезненно. Власти северных, преимущественно мусульманских, штатов, на которые приходится 80% территории страны, проигнорировали отрицательное отношение президента страны к смертной казни и поспешили ввести у себя исламское законодательство и шариатские суды. Отношения между христианами и мусульманами сразу же обострились, грозя вылиться в открытое и вооруженное противостояние, что, впрочем, вскоре и произошло. В Замфаре и еще нескольких северных штатах страны возникла наиболее серьезная угроза демократическим преобразованиям и перспективам соблюдения прав граждан в связи с расширением юрисдикции шариатских судов, действовавших на основе норм исламского права и назначавших жестокие телесные наказания (от порки до ампутации).

Восстановление элементарного правопорядка и законности началось, как отмечалось, с отмены военных декретов 1984 и 1986 гг., закреплявших всеисилие специальных военных трибуналов, и восстановления юрисдикции региональных и апелляционных судов, в задачу которых, помимо всего прочего, входил пересмотр приговоров, вынесенных специальными военными трибуналами многочисленным противникам военной диктатуры.

По данным "Международной амнистии", с 1986 по 1998 г. на основании приговоров трибунала были казнены 79 осужденных и брошены в тюрьмы тысячи "узников совести"; в начале 1999 года - перед сменой военного режима - были казнены еще 11 человек. Всего за годы военного правления - с 1970 по 1999 г. - в Нигерии казнили свыше 2600 человек, большинство из которых были осуждены специальными военными трибуналами <1>.

<1> См.: AI Index: POL 10/001/2000; AI Index: AFR 44/014/2000 "Nigeria: Time for Justice and Accountability".

Конституция Нигерии, принятая в 1999 году, сохранила смертную казнь "в отношении осужденных, признанных судом виновными в совершении преступления" (ст. 33-1). Уголовное законодательство, в систему которого входят Уголовный кодекс Северных штатов 1959 года и Уголовный кодекс 1961 года, действующий в южной Нигерии, а также принятое после 1999 года новое шариатское законодательство предусматривают наказание в виде смертной казни за такие преступления, как заговор против власти, убийство, вооруженный грабеж, поджог, повреждение нефтепровода, электрического и телефонного кабеля, а также за торговлю нефтепродуктами без лицензии.

В 2000 году спорадические вспышки межобщинного насилия и столкновения на религиозной почве - между христианами и мусульманами - уносили жизни многих сотен людей. Большая часть таких конфликтов была связана с активизацией деятельности шариатских судов в северных и

восточных штатах страны и их стремлением к расширению своей юрисдикции (в Кадуне, Гомбе, Нигере и других штатах).

Правительство страны предпринимало немало усилий для нормализации положения в сфере защиты прав человека. Еще в апреле 2000 года Верховный суд Нигерии постановил, что положения Африканской хартии прав человека и соответствующих международных договоров являются приоритетными для национального законодательства. Однако в ряде регионов возглавляемые клерикалами местные власти игнорировали эти усилия. Более того, в северных штатах страны были приняты новые законы, закреплявшие жестокие и унижающие человеческое достоинство публичные телесные наказания. Преследуемые в этих штатах правозащитные организации сообщали о фактах ампутации конечностей и публичной порки за такие правонарушения, как курение марихуаны, азартные игры, внебрачные половые связи или, например, поездку женщины на заднем сиденье мототакси.

Центральные власти не смогли признать такого рода законы противоречащими Конституции и лишь рекомендовали жителям северных штатов обжаловать решения шариатских судов в высших судебных органах вплоть до Верховного суда страны. Между тем вынесенные приговоры, как правило, приводились в исполнение немедленно после их оглашения; кроме того, обвиняемые фактически не имели ни адвокатов, ни возможности обращения с апелляцией.

В 2000 году в связи с призывом ООН к мораторию на исполнение смертных приговоров и отмене смертной казни в Нигерии впервые за долгие годы не было ни одного смертного приговора и ни одной казни. В январе по случаю миллениума президент страны объявил об амнистии всех смертников, на основании которой осужденные к смертной казни, содержащиеся в тюрьмах в течение 20 и более лет, подлежали освобождению, а тем, кто находился в ожидании казни менее указанного срока, смертная казнь заменялась пожизненным заключением. На этом фоне диссонансом звучало одновременно внесенное правительством в страны предложение восстановить смертную казнь за саботаж и повреждение трубопроводных сетей.

К концу 2001 года население Нигерии выросло почти до 120 млн. человек. В стране продолжались межобщинные и религиозные столкновения, уносящие жизнь многих людей и вынуждающие десятки тысяч людей покидать свое местожительство. Особенно ощутимыми были столкновения на религиозной почве между христианами и мусульманами в штатах Кадуна, Кано и Джос. Безнаказанность сил безопасности привела к жестоким расправам и внесудебным казням более 130 человек. Возрожденные в юго-восточной части страны "комитеты бдительности" продолжали практику незаконных задержаний людей, пыток и убийств; члены политически активных групп и правозащитники подвергались жестокому преследованию.

В 2001 году региональные судебные власти утвердили 4 смертных приговора и еще 24 таких приговора находились на рассмотрении в Верховном суде страны (большинство осужденных обвинялись в убийствах, многие из которых были совершены более 10 лет назад). Из 4 утвержденных смертных приговоров три были вынесены местными судами северных штатов на основании нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства, основу которого составило шариатское право.

Новое законодательство, за три года распространившееся в 12 северных штатах страны, сделало обязательным назначение смертной казни за супружескую измену и на неограниченной основе расширило возможность ее применения за гомосексуализм и другие сексуальные правонарушения. Реформирование законов в северных штатах привело к тому, что шариатские суды *de facto* оказались встроенными в судебную систему Нигерии и получили право вынесения смертных приговоров, хотя изначально планировалось, что компетенция этих судов будет ограничена главным образом рассмотрением гражданских дел.

В 2002 году в Нигерии был казнен один осужденный, которого шариатский суд штата Качина приговорил к смертной казни за убийство; 5 человек были приговорены к смертной казни такими же местными шариатскими судами в северных штатах Кадуна, Джигава и Нигер за сексуальные преступления и еще трем осужденным смертные приговоры вынесли высшие суды в штатах Качина, Кано и Сокото. Кроме того, Верховный суд страны 27 мая 2002 года утвердил смертные приговоры 4 осужденных, вынесенные в 1999 году Высшим судом штата Абия <1>.

<1> См.: AI Index: AFR 44/009/2002.

В 2002 году смертные приговоры (речь шла о наказании путем забивания камнями), вынесенные шариатским судом Сафии Хуссейни и Амине Лаваль за рождение ребенка вне брака, вызвали протест широкой мировой общественности и в конечном итоге были отменены <1>. Однако законы шариата по-прежнему позволяют применять смертную казнь за внебрачные половые отношения, за кражу наказывать ампутацией конечностей, а за употребление алкоголя - бичеванием.

<1> См.: Известия. 21.08.2002; Robinson S. Casting Stones. The Koran says nothing about stoning. Why is this mother facing death? // Time. September 2. 2002. P. 36 - 37.

В 2003 году апелляционные суды отменили четыре смертных приговора судов северных штатов, вынесенные в 1999 году на основе законов шариата, осуждающих поступки, именуемые "зина". В одном из штатов это понятие подразумевает половое сношение, "на которое у нарушителя отсутствуют сексуальные права" и в обстоятельствах, "когда противозаконность деяния не вызывает сомнений".

Подобные формулировки позволяли нарушать права женщин и мужчин на неприкосновенность частной жизни. На практике они нередко лишали женщин возможности отстаивать свои права в суде. Процессы, проходившие в рамках нового шариатского законодательства, были большей частью несправедливыми; представителям беднейших и самых уязвимых слоев населения отказывалось в праве на защиту.

В течение года смертные приговоры в стране хотя и выносились, но не приводились в исполнение. Новый шариатский Уголовный кодекс изменил наказание для мусульман, осужденных за "зину", с бичевания на обязательную высшую меру и, как уже отмечалось, наделил шариатские суды полномочиями выносить смертные приговоры.

В ноябре президент инициировал парламентские дебаты по вопросу о применении высшей меры наказания, в результате которых была создана специальная группа, в задачи которой входила выработка рекомендаций относительно конституционного статуса смертной казни.

По данным "Международной амнистии", с 1999 по 2003 г. в Нигерии было вынесено не менее 33 смертных приговоров. Однако более полными и достоверными представляются сведения международных организаций - Prison Rehabilitation и Welfare Action, подтвержденные национальной организацией защиты прав человека, согласно которым к середине 2003 года в тюрьмах страны ожидали исполнения смертных приговоров 487 человек, в том числе 11 женщин. Эти данные в целом согласуются и с официальной статистикой: по данным национального управления тюрем, на 20 января 2004 года насчитывалось 448 осужденных, приговоренных к смертной казни.

В течение следующего 2004 года смертные приговоры выносились как гражданскими, так и шариатскими судами, однако ни один из них не приводился в исполнение <1>. В октябре созданная год назад Национальная группа по изучению проблемы смертной казни опубликовала доклад по итогам своей работы и рекомендовала ввести в стране мораторий на исполнение смертных приговоров до тех пор, пока судебная система не сможет гарантировать проведение справедливого суда и соблюдения всех процессуальных норм.

<1> См.: AI Index: AFR 44/001/2004 "Nigeria: the death penalty and women under Nigerian penal systems".

Между тем практика применения смертной казни в 2005 году, по сути дела, не изменилась. В северных штатах шариатские суды вынесли 4 смертных приговора, из которых один был отменен по решению апелляционного суда, а остальные, как и ранее вынесенные приговоры, в исполнение не приводились. Процессы в шариатских судах, по заключению экспертов международных организаций, отличались вопиющей несправедливостью и абсолютным бесправием подсудимых из незащищенных слоев населения.

Правительство так и не обнародовало свое решение по рекомендациям, сделанным Национальной группой, изучавшей проблему смертной казни. Более того, в июле 2005 года комитет Национальной конференции политических реформ, обсуждавший проект новой конституции страны, рекомендовал расширить сферу смертной казни, распространив ее на несовершеннолетних в случаях совершения "тяжких преступлений, как, например, вооруженное ограбление и следование культам". Одновременно комиссия, созданная в 2004 году президентом страны для изучения положения осужденных к смертной казни, рекомендовала привести вынесенные приговоры в исполнение, с тем чтобы "разгрузить" нигерийские тюрьмы.

В последующие два года ситуация в стране практически не изменилась.

Сомали

Куда более драматичная ситуация к началу XX века сложилась в Сомали. Вооруженное противостояние политических группировок внутри страны - печальное наследие 80-х и начала 90-х годов прошлого века. С момента фактического распада государства в 1991 году в стране отсутствовали национальное правительство и административный аппарат, армия, полиция и судебная система.

Номинально признанное ООН и рядом стран переходное национальное правительство, установленное в октябре 2000 года по решению Международной конференции в Джибути,

контролировало лишь небольшую часть столицы (Могадишо) и юг страны; остальные районы страны находились под контролем лидеров различных вооруженных группировок. Сотни людей были убиты или искалечены в результате непрекращающихся столкновений между клановыми вооруженными группировками и, с другой стороны, между правительственными силами и различными политическими группировками. Некоторые из этих группировок постепенно стали входить в ряды еще только формировавшейся армии и полиции. Крайне слабому федеральному правительству противостояли провозгласившие свою независимость Сомалиленд и Пунтленд, представляющие наибольшую часть территории страны.

В июне 2001 года в Сомалиленде была принята Конституция, закрепляющая независимость страны от переходного федерального правительства и режима, пришедшего к власти в Пунтленде.

С самого начала 2000-х годов во многих районах страны, независимо от того, под чьим фактическим контролем они находились, шел процесс создания и внедрения шариатских судов в еще только зарождающуюся судебную систему, не отвечавшую минимальным стандартам правосудия и не обладавшую ни реальной компетенцией, ни необходимой квалификацией. В этих условиях ничем не ограниченные шариатские суды свободно и весьма часто выносили смертные приговоры, которые немедленно приводились в исполнение. Гражданские суды более или менее регулярно действовали лишь в Сомалиленде. В Пунтленде, как и на всей остальной части страны, шариатские суды продолжали выносить смертные приговоры, а также решения об ампутации конечностей у осужденных <1>.

<1> См.: AI Index: AFR 52/002/2002.

В 2003 году в центральной и южной части Сомали по-прежнему шли вооруженные столкновения между различными группировками; тысячи людей бежали от войны и преступлений, от многочисленных случаев похищения людей и реальной угрозы жизни (в июле - только за один месяц - было убито 530 человек и 185 были похищены).

В августе 2003 года переходное национальное правительство продлило срок своих трехлетних полномочий. Единственным мирным регионом бывшей Республики Сомали, где сохранялись правительство, демократические институты и правовая система, был самопровозглашенный Сомалиленд. В апреле здесь прошли многопартийные выборы президента; республика продолжала добиваться международного признания, отказываясь рассматривать вопрос о вхождении в состав федерального государства. Ее отношения с Пунтлендом оставались крайне напряженными из-за того, что обе стороны претендовали на восточные районы страны, сильно пострадавшие от засухи и нехватки продовольствия.

Угроза региональной и мировой безопасности, вызванная 12-летним распадом государства и бесконечными вооруженными столкновениями различных группировок на юге страны, вынудила Совет Безопасности ООН призвать все стороны конфликта срочно сосредоточиться на мирных переговорах, прекратить насилие и нарушения прав человека, а также участие детей в боевых действиях, которое практиковали и федеральное правительство, и все группировки.

Понятно, что в таких условиях во всей южной части страны не могло существовать сколь либо действенной системы отправления правосудия, которая могла бы установить власть закона и обеспечить защиту прав и интересов людей; федеральные власти и лидеры вооруженных группировок отказывались защищать население. Многочисленные преступления, совершаемые членами разных вооруженных формирований, оставались безнаказанными. В нескольких районах юга страны на местном уровне продолжали действовать шариатские суды, решения которых не имели ничего общего со стандартами справедливости. Клановые группировки и суды защищали лишь членов своего клана, оставляя невооруженных жителей общин (особенно меньшинств) без защиты.

В 2004 году длившиеся два года переговоры в Кении привели к установлению нового федерального правительства. В соглашение по пятилетнему периоду (Хартию) вошли даже гарантии соблюдения прав человека, однако в реальной жизни о действии таких гарантий говорить не приходилось. Тысячи граждан покинули страну или стали вынужденными переселенцами. На юге страны законы по-прежнему не действовали, насилие над женщинами принимало все более крупные масштабы <1>. Сомалиленд и Пунтленд продолжали периодические бои за пограничные восточные территории.

<1> См.: AI Index: AFR 52/002/2004.

Система правосудия складывалась из официальных судов, местных шариатских судов и неформальных трибуналов, создаваемых вооруженными группировками; все они продолжали выносить смертные приговоры, которые немедленно приводились в исполнение. В то же время в соответствии с исламскими законами по ряду дел об убийствах виновные откупались от ответственности, выплачивая родственникам убитых материальную компенсацию.

В 2005 году ситуация в Сомали практически не изменилась. Тысячи людей, опасаясь за свою жизнь, покинули страну либо были насильственно переселены. На юге страны по-прежнему царило полнейшее беззаконие. По сообщениям международных экспертов, даже в более демократичном Сомалиленде проводились незаконные аресты и несправедливые судебные процессы <1>. В центральных и южных районах страны ни законы, ни судебная система практически не действовали. Лишь в нескольких районах Сомали на местном уровне функционировали шариатские суды, которые, как и прежде, не соблюдали общепризнанные стандарты правосудия.

<1> См.: AI Index: AFR 52/002/2005.

В Сомалиленде только в ноябре 2005 года 8 человек были приговорены к смертной казни за убийство сотрудников иностранных гуманитарных миссий.

В 2006 году из-за вооруженных столкновений между "Союзом исламских судов" и коалицией столичных кланов продолжилось бегство из страны тысячи мирных граждан. В июне "Союз исламских судов" захватил столицу, а затем и большую часть южных и центральных районов страны. Однако в декабре в результате нового конфликта с федеральным правительством "Союз исламских судов" потерпел поражение. Формально власть вновь перешла в руки переходного правительства, которому все также противостояли независимые власти Пунтленда и Сомалиленда.

В центральных и южных районах страны судебная система, которая хотя бы в минимальной степени соответствовала стандартам правосудия, так и не была создана. Действовавшие на местном уровне шариатские суды не признавали права обвиняемых на защиту и помощь адвоката и придерживались наиболее жесткого толкования норм шариата, касающихся преступлений против морали и правил ношения одежды. Нарушителей этих норм подвергали порке и другим жестоким и унижительным наказаниям.

Несмотря на повсеместные протесты против применения смертной казни, исламские суды - особенно на юге страны и в Сомалиленде - продолжали выносить смертные приговоры. По распространенной исламской традиции ("дия") смертные приговоры в результате возмещения ущерба отменялись, если члены семьи убитого соглашались на получение компенсации от семьи убийцы.

В мае 2006 года в столице страны Могадишу О. Хусейн был публично казнен 16-летним сыном убитого. Исламский суд приговорил убийцу к закалыванию ножом - способу казни, аналогичному убийству. Спустя месяц еще три осужденных были публично казнены ополченцами исламских судов. Кроме того, по данным правозащитников, казнили еще не менее семи человек.

Судан

Исламское право было введено в Судане еще в 1983 году и после небольшого перерыва вновь стало действовать с 1989 года. Суды шариата не действовали лишь на юге страны, где большинство жителей является христианами.

С 1991 года в Судане действует Уголовный кодекс, который предусматривает смертную казнь за такие государственные преступления, как подрыв конституционного строя; разжигание войны против государства и шпионаж (ст. ст. 50 - 53 УК). Причем если в большинстве африканских стран уголовное законодательство, воспринявшее наряду с общим правом идеи и принципы романо-германской системы права, смертная казнь за государственные преступления предусмотрена в качестве обязательного наказания, то в Судане эти деяния влекут применение смертной казни только на основе применения альтернативных мер, где чаще других применяется пожизненное заключение <1>.

<1> См.: Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире и уголовное право государств Африки // Право и политика. 2001. N 6. С. 81.

Кроме названных государственных преступлений, УК Судана предусматривает возможность назначения смертной казни за преступления против морали (супружеская измена, гомосексуализм и т.п.); вероотступничество; хищения, совершенные должностными лицами; нарушение законов, регулирующих валютное обращение; умышленное убийство; грабеж; употребление алкоголя; клеветнические обвинения, касающиеся утраты девственности.

Смертные приговоры приводятся в исполнение через повешение, забивание камнями или способом, которым воспользовался убийца; Уголовный кодекс, основанный на интерпретации шариата, относит к числу способов казни еще распятие на кресте, а также ампутацию конечностей (предшествующую казни).

Как и в ряде других африканских стран, начало XX века Судан встретил в обстановке почти 20-летней гражданской войны, которая унесла жизни более 2 млн. человек; еще 4,5 млн. человек стали вынужденными переселенцами, десятки тысяч людей остались без крова, более 500 тысяч жителей бежали за границу, чтобы укрыться от невиданного разгула грабежей, насилия и убийств.

Непрекращающиеся кровопролитные столкновения между правительственными силами, Армией освобождения суданского народа (АОСН) и другими вооруженными группами привели страну на грань катастрофы. Самое тяжелое положение в начале 2000-х гг. сложилось в Дарфуре, на Западе Судана, где правительственные войска бомбили деревни, а поддерживаемые правительством вооруженные группировки убивали мирных жителей и поджигали деревни в богатых нефтью районах. Около 600 тысяч человек из Дарфура стали вынужденными переселенцами, десятки тысяч бежали в соседний Чад. Сотни тысяч беженцев и внутренних переселенцев с юга и других районов боевых действий находились в лагерях вдоль границы и на севере страны.

В этих условиях о нормальной ситуации в сфере отправления правосудия говорить не приходилось. Дела об обвинениях в общеуголовных преступлениях, как правило, рассматривались в упрощенном (суммарном) порядке, а судебные процессы были несовместимы с нормами справедливого суда, не говоря уже о том, что обвиняемым отказывалось в праве на помощь адвокатов. Обстановке беззакония и жестокости во многом способствовала практика созданных в 2001 году для борьбы с бандитизмом специальных военных судов, для которых упрощенное судопроизводство и применение наиболее жестоких наказаний (особенно в Дарфуре) стали нормой.

Если в 2001 году здесь было вынесено 26 смертных приговоров и казнено 3 осужденных, то уже в 2002 году число таких приговоров и казней резко возросло. Только в Дарфуре из всех 120 смертных приговоров специальные военные суды вынесли 90; по этим приговорам 40 человек были казнены <1>. Кроме того, множество людей было осуждено за "нарушения общественного порядка" к порке и ампутациям конечностей (включая одновременную ампутацию руки и ноги); такие приговоры подлежали немедленному исполнению.

<1> См.: AI Index: AFR 54/011/2002; AI Index: AFR 54/101/2003.

В начале 2003 года кризис в Дарфуре обострился после того, как Армия освобождения Судана и Движение за справедливость и равноправие совершили нападение на правительственные формирования. В ответ финансируемые правительством отряды кочевников ("Джанджавид") стали нападать на местное население, убивать мирных жителей и разрушать деревни, оставляя тысячи людей без крова. Правительственные силы, в свою очередь, продолжали бомбить Дарфур, принося новые жертвы и бедствия. В этих условиях по решениям специальных военных судов казнили 10 осужденных и было вынесено более 100 смертных приговоров.

В 2004 году масштабы насилия в стране не изменились. Вновь число убитых исчислялось тысячами, десятки тысяч лишились крова, невиданный размах приняли факты массовых похищений и изнасилований женщин; правительственные силы, "Джанджавид" и другие вооруженные группировки казнили тысячи невинных людей.

К концу года около 1,8 млн. вынужденных переселенцев оставались в лагерях на территории Дарфура и других провинций Судана, еще 200 тысяч беженцев укрывались в Чаде. В этот период в стране было вынесено не менее 100 смертных приговоров, часть из которых приведена в исполнение; десятки людей осуждены специальными судами, рассматривавшими обвинения в упрощенном порядке. За целый ряд преступлений, таких как внебрачные связи, несоответствие одежды принятым нормам, самогоноварение и торговля алкоголем и чаем без лицензии, суды назначали унижительные и жестокие наказания в виде ампутации конечностей и бичевания <1>.

<1> См.: AI Index: AFR 54/008/2004; AI Index: AFR 54/058/2004 "Sudan/Darfur: Incommunicado detention, torture and special courts - Memorandum to the government of Sudan and the Sudanese Commission of Inquiry".

В 2005 году новое правительство национального единства после подписания соглашения о мире отменило чрезвычайное положение, действовавшее с 1989 года, однако оно продолжало действовать на востоке страны и в Дарфуре. Временная Конституция, принятая в июле 2005 года, содержит ряд положений, направленных на защиту прав человека, однако она сохранила смертную казнь, в том числе для несовершеннолетних.

В 2006 году, несмотря на подписанное мирное соглашение по Дарфуру, ополченцы "Джанджавида" и другие группировки продолжили нападения на мирное население Дарфура и приграничных районов Чада, в результате чего были убиты сотни гражданских лиц и 300 тысяч человек пополнили ряды вынужденных переселенцев. К этому добавились и удары авиации

правительственных войск. Миссия Африканского союза не смогла остановить многочисленные убийства, грабежи, насилие и, как следствие, бегство гражданского населения из районов конфликта.

В этих условиях ситуация с отправлением правосудия в Судане не изменилась, хотя по нескольким политическим делам, грозившим применением смертной казни, апелляционные инстанции вынесли оправдательные решения. Суды разных инстанций вынесли десятки смертных приговоров, и, по данным "Международной амнистии", 65 человек были казнены.

В большинстве процессов права обвиняемых и защиты по-прежнему серьезно нарушались или вовсе не соблюдались, а показания, полученные под пытками, принимались в качестве доказательств. За менее опасные правонарушения, как, например, самогоноварение или супружеская измена, виновные подвергались унижительным и жестоким телесным наказаниям.

***

Региональный анализ мировой практики применения смертной казни свидетельствует об определенных особенностях, а главное, о принципиально различных тенденциях, которые в конце XX и начале XXI века сложились в указанных регионах и государствах.

Если говорить, например, о Центральной Азии, то следует признать, что к 2007 - 2008 гг. страны этого региона в конечном итоге практически отменили смертную казнь (по крайней мере в мирное время).

Принципиально иная, хотя и существенно различная ситуация складывается в странах Юго-Восточной Азии, которая была и по-прежнему остается регионом, лидирующим и по числу смертных приговоров, и по числу казней. По масштабам и интенсивности применения высшей меры наказания страны этого региона следует разделить на три группы.

В первую из них входят Китай, Сингапур, Таиланд и Вьетнам, которые при всех различиях политической и экономической ситуации, уголовной политики, законодательства и судебной практики все же отличаются наиболее широким и интенсивным применением этой меры наказания.

Вторую группу стран в этом регионе образуют Индия, Япония, Южная Корея и Филиппины, где смертная казнь по крайней мере в последние 15 лет традиционно применялась лишь в единичных случаях и в основном носила символический характер. При этом если в Южной Корее ее существование, судя по всему, подошло к концу, то на Филиппинах эта мера наказания уже полностью отменена.

Наконец, к третьей группе следует отнести стоящий во многих отношениях особняком Пакистан. Это и географическое положение страны, и весьма широкая сфера применения смертной казни в законодательстве и в судебной практике, и высокая интенсивность применения этой меры, но, главное, особое место и роль, которые в этой единственной в регионе мусульманской стране принадлежат исламскому праву и традициям шариата.

Последнее обстоятельство принципиально сближает Пакистан с Ираном и Саудовской Аравией, которые издавна отличаются наличием параллельных систем юстиции и максимально широким применением смертной казни. В этих трех странах, формально представляющих различные регионы, процессы исламизации общественной жизни, законодательства и отправления правосудия, по сути дела, носят тотальный характер. Широкое применение смертной казни - одно из следствий и неотъемлемая часть этих процессов, инструмент сохранения политической власти и идеологической экспансии, запугивания "неверных" и насаждения страха в обществе.

Ислам отвергает иные (немусульманские) формы организации общественной жизни, отвергает их с реакционных позиций, защищает архаичные, чаще всего варварские порядки. Усилия фундаменталистов - воинствующих идеологов ислама, направлены на то, чтобы расширить применение норм шариата, ввести его в те сферы жизни, откуда он был исключен. В конечном итоге исламизация всего уклада жизни в этих странах является одним из главных средств решения острых политических и социальных проблем, служит целям подавления демократических свобод.

Легализация шариатской системы законодательства и юстиции - это варваризация общественной жизни, это движение в прошлое, которому ненавистны ценности демократического развития, правящие сегодня в цивилизованном мире. По сути дела речь, как уже отмечалось, идет о войне против ценностей, чуждых исламу. В этой системе есть два принципиальных положения, с которыми ислам не может мириться. Во-первых, это разделение религии и государства, которое в других странах позволило восторжествовать демократии. А ислам, как уже отмечалось, хочет править всем - государством, религией, семьей. Вторая важнейшая ценность - права человека, которые включают равенство мужчин и женщин, что для ислама вообще недопустимо. Именно поэтому в исламских странах наиболее жестоко преследуют женщин и правозащитников, а богохульство и нарушения морали нередко караются куда более жестоко, чем убийство. Поэтому

борьба за отмену смертной казни в конечном итоге - одно из средств противостояния возрождению варварских обычаев и традиций.

Куда более пестрая и неоднородная картина складывается на сегодня в странах Африки. Смертная казнь почти в половине стран этого региона либо полностью отменена, либо фактически не применяется. Другую, во многом типичную ситуацию представляют рассмотренные здесь страны восточной Африки - Нигерия, Сомали и Судан. При довольно внушительной разнице в уровне экономического и демократического развития между Нигерией, с одной стороны, и Сомали и Судана - с другой, эти страны объединяют непрекращающиеся межобщинные и религиозные конфликты, преимущественно мусульманское население, следующее обычаям и установкам ислама, повсеместная нищета и неграмотность, крайне слабая или практически отсутствующая в условиях гражданской войны судебная система, где доступ к правосудию крайне ограничен, дискриминация в административной и правовой сфере, которая особенно тяжело сказывается на положении женщин. Общим фактором является также стремление местных властей ко все большей исламизации повседневной жизни при помощи повсеместной легализации и встраивания в судебную систему шариатских судов, наиболее широко применяющих смертную казнь и другие жестокие наказания.

При всех различиях, присущих большинству стран Юго-Восточной Азии, Африки и Ближнего Востока, именно здесь сконцентрированы основные очаги активного сопротивления мировому движению за отмену смертной казни.

Глава II. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В США

Проблема смертной казни - ее законодательное регулирование, применение в судебной практике и исполнение, эффективность и перспективы использования этой меры наказания, ее этические, философские, политические и другие аспекты - занимает видное место в огромном потоке повседневной информации, в многочисленных трудах ученых-правоведов, в статьях, комментариях и заявлениях видных деятелей политики и уголовной юстиции США.

Страна всего лишь с двухвековой государственной историей впитала в себя и аккумулировала обычаи и традиции, культуру, демократические принципы и основы правовой системы, издавна формировавшиеся у многих народов и государств. Отсюда и специфические особенности функционирования некоторых государственных и правовых институтов, в том числе и такого инструмента уголовной политики, каким является институт смертной казни.

Этот институт издавна стал неотъемлемым элементом не только правовой системы США, но и американской культуры в целом. Поэтому многие специфические особенности законодательства, регламентирующие функционирование этого института, а также специфические особенности практики применения и исполнения наказания в виде смертной казни имеют значительный практический и научный интерес. Потребностям удовлетворения такого интереса способствует весьма редкая в современном мире, по сути дела, уникальная открытость американской системы юстиции, ее доступность для рядовых членов общества, включая всю информацию о применении смертной казни - статистику смертных приговоров и казней, особенности законодательства того или иного штата, многолетнюю базу данных об осужденных и казненных, порядок и все процедурные вопросы исполнения этого наказания.

На протяжении большей части истории Соединенных Штатов смертная казнь рассматривалась как адекватный и вполне законный ответ общества на совершенное преступление <1>. Как известно, английские поселенцы принесли с собой в Северную Америку систему уголовной юстиции, в которой смертная казнь служила наказанием за целый ряд преступлений. Поэтому казни в жизни ранних колониальных поселений в Америке издавна были явлением весьма распространенным.

<1> В ходе предвыборной кампании 2004 года президент США Дж. Буш заявил, что смертная казнь - это "часть войны с преступностью".

С тех пор, как в 1930 году в США была создана федеральная система учета приведенных в исполнение смертных приговоров, по состоянию на 1 января 2008 года в стране зарегистрировано 5962 казни. Из них 4863 казни (81,5%) приходятся на период с 1930 по 1977 г. Именно 30-е годы XX столетия - период наиболее активного применения высшей меры наказания. Достаточно сказать, что только с 1930 по 1940 г. в США было казнено 1520 осужденных, причем "рекордным" за последние 70 лет является 1935 год, когда было приведено в исполнение 199 смертных приговоров.

По мере нарастания в последующие годы движения за гражданские права число казней все больше сокращалось; в начале 60-х годов в США все чаще стал подниматься вопрос о конституционности этой меры наказания, становились явлением все более редким, и к концу 1968

года в стране de facto установился мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение, действовавший до 1979 года (когда впервые за 10 лет негласного моратория были казнены два осужденных).

2.1. История развития и общая характеристика законодательства о применении смертной казни

В истории развития законодательства США, регламентирующего применение и исполнение смертной казни, следует выделить несколько наиболее важных вех, событий и документов, наложивших отпечаток на деятельность всей системы уголовной юстиции в сфере использования этой меры наказания, на формирование и изменения уголовно-политической доктрины, на характер и состояние общественного мнения, развитие правозащитного движения и в конечном итоге на сегодняшнее положение дел в этой сфере.

Первая из них связана с принятием 4 июля 1776 года в Филадельфии Декларации независимости, в которой указывалось: "Мы почитаем за истину то, что Бог создал всех людей равными, наделив их неотчуждаемыми правами, в том числе правом на жизнь, свободу и стремлением к счастью; что обеспечение этих прав есть обязанность правительств, которые могут править лишь с согласия народа, единственного источника их власти; что если какая-то власть вступит в противоречие с указанными правами, то народ вправе эту власть изменить либо свергнуть...".

Другая веха относится к 1791 году, когда был ратифицирован Билль о правах - первые десять поправок к Конституции США, одна из которых запрещала жестокие и необычные наказания (VIII поправка).

В 1793 году уголовное законодательство Пенсильвании впервые в США закрепило дифференцированные меры ответственности за убийство первой и второй степени. В течение последующего столетия в большинстве штатов страны смертная казнь за убийство вообще применялась крайне редко, хотя в южных штатах эта мера наказания часто назначалась за изнасилование, а в западных штатах - за кражу лошадей.

В 1835 году в Нью-Йорке были запрещены публичные казни, а вскоре такой запрет был установлен и в законодательстве других штатов.

В 1847 году Мичиган первым из американских штатов отменил наказание в виде смертной казни - после того, как выяснилось, что был казнен осужденный, впоследствии оказавшийся невиновным. В 1852 и в 1853 гг. примеру Мичигана последовали Род Айленд и Висконсин (в этих трех штатах смертная казнь с тех пор так и не вводилась).

В 1935 году в США, как только что отмечалось, зафиксировано рекордное количество казней за всю историю страны - 199 казней.

Специфика федеративного устройства США предопределяет наличие 52 автономных правовых систем и юрисдикций - законодательства и судебных систем 50 штатов и федерального округа Колумбия, а также федерального законодательства и федеральных органов правосудия. При этом отправлением правосудия в США - главным образом прерогатива штатов и местных органов. Поэтому применение смертной казни основано, прежде всего, на уголовном законодательстве штатов, которое, как правило, предусматривает смертную казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах или же за убийство, совершенное в ходе другого опасного преступления. Вместе с тем законы штатов во многом по-разному определяют круг преступлений и лиц, наказуемых смертной казнью, порядок ее назначения и исполнения.

Действующее уголовное законодательство большинства штатов, где предусмотрена эта мера, называет ее в качестве обязательного наказания за убийство первой степени, т.е. за убийство при отягчающих обстоятельствах. Причем в ряде штатов уголовный закон не содержит описания и тем более перечня такого рода отягчающих обстоятельств (Делавэр, Айдахо, Кентукки, Миссури). В большинстве других штатов число отягчающих обстоятельств варьируется от 1 до 18, как, например, в Алабаме и Пенсильвании; в Иллинойсе - до 21, в Индиане - 16, в Теннесси и Неваде - 15, в Луизиане - 12, в Оклахоме - до 8 и т.д., причем для квалификации содеянного в качестве убийства первой степени достаточно доказательства одного из этих обстоятельств (чаще всего это - убийство в особо жестокой форме и многократные убийства). Что же касается убийства второй степени, которое не влечет наказания в виде смертной казни, то различие между этими двумя видами убийств настолько неопределенные, что даже судьями улавливаются с трудом <1>.

<1> См.: Уголовное право зарубежных государств. М., 2003. С. 225; Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007.

В ряде штатов смертная казнь может быть назначена не только за убийство первой степени, но и за другие тяжкие преступления: в Арканзасе - за государственную измену; в Калифорнии - за измену, умышленное крушение поезда или за лжесвидетельство, повлекшее применение

смертной казни; в Колорадо - за измену; во Флориде - за перевозку наркотиков и убийство на сексуальной почве; в Джорджии - за измену, похищение ребенка с целью выкупа; в Айдахо и Кентукки - за похищение ребенка приотягчающих обстоятельствах; в Луизиане - за изнасилование детей до 12 лет; в Миссисипи - за воздушное пиратство. В законах ряда штатов эта мера предусмотрена в качестве альтернативного наказания и, как правило, применяется лишь при убийствах, совершенных в ходе других преступлений (при ограблении, изнасиловании и т.д.).

В уголовном законодательстве федерального округа Колумбия, а также 12 штатов США (13 юрисдикций из 52) наказание в виде смертной казни вообще отсутствует. К числу этих штатов относятся: Аляска, Мэн, Айова, Миннесота, Вермонт, Гавайи, Массачусетс, Северная Дакота, Западная Виржиния, Мичиган, Род Айленд, Висконсин.

Наказание в виде смертной казни ныне действует в 39 юрисдикциях - в законодательстве 37 штатов, а также в федеральном законодательстве США и в системе военной юстиции.

К числу этих штатов относятся: Алабама, Аризона, Айдахо, Арканзас, Вирджиния, Вашингтон, Вайоминг, Делавэр, Джорджия, Иллинойс, Индиана, Калифорния, Канзас, Колорадо, Коннектикут, Кентукки, Невада, Нью-Джерси, Нью-Гэмпшир, Нью-Мексико, Небраска, Луизиана, Мэриленд, Миссури, Миссисипи, Монтана, Огайо, Оклахома, Орегон, Пенсильвания, Северная Каролина, Южная Каролина, Теннесси, Юта, Техас, Южная Дакота и Флорида.

Штаты, в законодательстве которых предусмотрено наказание в виде смертной казни, можно разделить на три группы. В первой группе штатов смертная казнь хотя и предусмотрена в законе, но в судебной практике фактически не применяется. Наиболее ярким примером служит практика штата Нью-Гэмпшир, где за последние 30 лет не было ни одной казни. Или Коннектикут, где единственная казнь за этот период была лишь в 2005 году (Майкл Росс был казнен за убийство восьми человек). В Орегоне, Колорадо и в других штатах с 1977 по 1997 г. смертные приговоры вообще не выносились.

Во второй группе штатов смертная казнь хотя и назначается судом, но практически такие приговоры не исполняются. С 1976 по 2006 г. в Нью-Йорке, где смертная казнь то вводилась, то отменялась, не было ни одной казни, а в таких штатах, как Вайоминг, Теннесси, Нью-Мексико, Колорадо, Айдахо и Коннектикут, было приведено в исполнение лишь по одному смертному приговору; в Монтане, Кентукки и Орегоне за все эти годы было приведено в исполнение по два смертных приговора.

Наконец, в третьей группе штатов смертная казнь, наоборот, применяется в наиболее широких масштабах. За 30 лет - с 1977 по 2006 г. - в Техасе совершено 335 казней, в следующей за ним Виржинии - 98, в Оклахоме - 84, Миссури - 67, во Флориде - 65 казней. Именно на долю этих пяти штатов приходится две трети всех казней, совершенных в США за последние 30 лет (на 1 января 2007 года - 649 из 1057 казней) <1>.

<1> См.: Bureau of Justice Statistics BULLETIN. Capital Punishment, 2004. November 2005. NCJ 211349. P. 9 - 11; Bureau of Justice Statistics BULLETIN. Capital Punishment. 2005. December 2006. NCJ 215083. P. 9; The Death Penalty in 2006: Year End Report, Death Penalty Information Center. December 2006. P. 2.

К сказанному следует добавить, что в 2000 - 2004 гг. в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство многих штатов были внесены изменения и дополнения, которые касались главным образом расширения перечня обстоятельств, отягчающих убийство; способа приведения смертного приговора в исполнение, а также порядка и сроков апелляционных процедур.

Нормы федерального законодательства, где смертная казнь предусмотрена за целый ряд наиболее тяжких преступлений, применяются в США крайне редко. Последними актами федерального законодательства, предусматривающими наказание в виде смертной казни, являются принятый в 1994 году Закон об усилении борьбы с преступностью (The Violence Crime Control and Law Enforcement Act of 1994), в силу которого федеральное законодательство стало насчитывать более 60 составов преступлений, караемых смертной казнью, а также Закон 1996 года о борьбе с терроризмом и эффективном использовании смертной казни (Anti-Terrorism and Effective Death Penalty Act of 1996), который значительно осложнил положение таких осужденных и, в частности, ограничил их права и сроки на подачу апелляции в федеральные суды.

К регламентируемым нормами федерального законодательства преступлениям, наказуемым федеральной смертной казнью (раздел 18 Свода законов США), относятся, например, причинение смерти в связи с угоном воздушного судна (49 U.S.C. 1472-3); убийство первой степени (18 U.S.C. 1111); убийство при захвате заложников (18 U.S.C. 1203); убийство сотрудников полиции, суда или члена жюри присяжных (18 U.S.C. 848; 1503); убийство свидетелей с целью исключить возможность разоблачающих показаний (18 U.S.C. 1512); заказное убийство (18 U.S.C. 1958); убийство при ограблении банка или похищении детей (18 U.S.C. 2113); шпионаж (18 U.S.C. 794); измена (18 U.S.C. 2381); убийство террористом (18 U.S.C. 2332) и другие преступления.

Хотя за большинство из таких преступлений федеральное законодательство предусматривает в качестве альтернативы смертной казни лишение свободы (пожизненно или на неопределенный срок), при определенных в ст. 3591 условиях виновный в обязательном порядке приговаривается к смертной казни - если при этом к моменту совершения преступления он достиг 18-летнего возраста и суд рассмотрел и учел те обстоятельства, которые предусмотрены в ст. 3592-18 раздела Свода законов США.

К числу смягчающих обстоятельств федеральный закон относит: уменьшенную вменяемость; принуждение к совершению преступления; одинаковую виновность обвиняемых; отсутствие предшествующей преступной деятельности; совершение преступления под влиянием серьезного психического или эмоционального расстройства; согласие потерпевшего, а также другие обстоятельства, касающиеся личности обвиняемого и совершенного преступления.

Говоря о федеральном законодательстве, регламентирующем применение смертной казни, следует иметь в виду очевидную неопределенность ряда принципиально важных норм. Так, в разделе Свода законов США "Преступление и уголовный процесс" указывается, что смертный приговор может быть вынесен, если "будет установлено, что вынесение смертного приговора является оправданным". Обращает на себя внимание и неопределенность санкций целого ряда норм. Так, в соответствии со статьей 794, сбор или передача информации оборонного значения иностранному правительству наказывается смертной казнью или тюремным заключением пожизненно или на любой срок.

В отличие от законов штатов, нормы федерального законодательства о смертной казни применяются, как только что отмечалось, крайне редко.

С 1930 по 1963 г. по приговорам федеральных судов в США казнили 33 осужденных; с тех пор смертная казнь из федерального законодательства на 25 лет практически исчезла; она была восстановлена Конгрессом в 1988 году (при Дж. Буше - старшем), но до 2001 года не применялась. За последние 43 года федеральные власти привели в исполнение смертные приговоры лишь в отношении трех осужденных (в их числе казненный в Индиане в 2005 году Тимоти Маккей, взорвавший в 1995 году здание в Оклахоме, в результате чего погибло 168 человек).

Кроме того, смертная казнь, как уже отмечалось, предусматривается и военными федеральными законами (Military Order), применение которых составляет прерогативу органов юстиции Вооруженных сил США. Смертная казнь предусмотрена, в частности, за преступления, совершенные военнослужащими армии США в соответствии с положениями Единого кодекса военной юстиции, в том числе за убийство первой степени, шпионаж, дезертирство и другие преступления.

Наряду с указанными законами в правовом регулировании смертной казни важную роль играют также решения верховных судов штатов и, конечно, решения Верховного суда США. Дальнейший анализ законодательства и судебной практики применения смертной казни в США предопределяет необходимость рассмотрения наиболее важных из такого рода решений высших судебных органов.

29 июня 1972 года Верховный суд США в решении по весьма знаменательному для американской юстиции делу *Furman v. Georgia* (апелляция Фурмэна и еще двух осужденных к смертной казни) большинством голосов - пятеро против четырех - постановил, что применение смертной казни представляет собой жестокое и необычное наказание, противоречащее VIII и XIV поправкам к Конституции США (поскольку, помимо всего прочего, казнь осуществлялась "неприемлемым способом") <1>.

<1> *Furman v. Georgia*. 408 U.S. 238 - 240, 92 S. Ct. 2723, 33L. (1972).

Верховный суд США, таким образом, наложил запрет на применение смертной казни, мотивируя свое решение тем, что судьи и присяжные назначали эту меру наказания произвольно и избирательно. Учитывая, что столь важное решение в сфере уголовной политики было принято большинством всего в один голос, в острой борьбе мнений членов Верховного суда США позиция каждого из них была обнародована. При этом наиболее последовательной была позиция видных деятелей американской юстиции - У. Бреннана и Т. Маршалла, которые в Верховном суде США вдвоем представляли устойчивую либеральную фракцию, выступавшую за полную отмену смертной казни.

Этому решению (оно, кстати, сохранило жизнь еще 558 осужденным, ходатайствующих об отмене смертного приговора, - всем им смертная казнь была заменена на пожизненное заключение) в США посвящено море юридической литературы, огромное число комментариев судей, адвокатов и прокуроров, сотни диссертаций и множество самых различных монографических исследований. Не случайно последующий за ним период развития американской юстиции часто называют "постфурмэновской эрой".

Постановление по делу Фурмэна, конечно, не означало отмену смертной казни, но оно привлекло внимание общественности США к фактам социальной дискриминации и произвола при

вынесении смертных приговоров, и в этом смысле оно вселяло определенные надежды среди противников смертной казни. Однако, как вскоре выяснилось, эти надежды оказались неоправданными. Более того, это решение, казавшееся предтечей отмены смертной казни, породило обратную реакцию, активизировав сторонников смертной казни в законодательных собраниях штатов и деятелей юстиции.

Нараставшие в обществе консервативные настроения и особенно негативная реакция законодательных органов штатов привели к тому, что уже через полгода более половины штатов ужесточили свои законы и стали еще чаще, чем раньше, выносить смертные приговоры.

За сохранение смертной казни решительно выступала и федеральная власть. В послании президента страны Конгрессу США от 14 марта 1973 года прямо указывалось, что правительство будет делать все возможное, чтобы сохранить смертную казнь за совершение наиболее опасных преступлений. К 1976 году уже в 37 штатах страны были приняты законы, по сути предписывающие обязательное вынесение смертного приговора за убийство при отягчающих обстоятельствах.

В 1976 году Верховный суд США вновь вернулся к проблеме смертной казни. 2 июля 1976 г. в не менее знаменательном для американской юстиции решении по апелляции Грегга и еще четырех осужденных (*Gregg v. Georgia*) суд большинством голосов (семь против двух) вынес противоположное заключение, указав, что смертная казнь сама по себе не нарушает Конституции США <1>. Надо отметить, что к этому времени, согласно пересмотренным законам штатов, усмотрение судей и присяжных в вопросах назначения смертной казни было ограничено таким образом, чтобы они теперь принимали бы во внимание отягчающие или смягчающие обстоятельства, конкретно указанные в законе. При этом законы штатов различались по набору обстоятельств, при которых возможно вынесение смертного приговора, по возрасту правонарушителей, к которым может быть применена эта мера наказания, по способам приведения смертных приговоров в исполнение, а также по компетенции судей и присяжных при вынесении таких приговоров <2>.

<1> *Gregg v. Georgia*, 428 U.S. 153, 96 S. Ct. 2909, 49L. (1976).

<2> См.: Acker J., Lanier C. *Beyond Human Ability? The Rise and Fall of Death Penalty Legislation // America's Experiment with Capital Punishment. Reflections on the Past, Present, and Future of the Ultimate Penal Sanction.* Durham. 1998. P. 88.

Верховный суд США постановил, что новые законы штатов не нарушают требования Конституции. Признав, что смертная казнь является "жестоким" наказанием, Верховный Суд отказался признать ее "необычным наказанием". Смертная казнь, подчеркнул Верховный Суд в решении по этому делу, "не является таким наказанием, которое никогда не может применяться, независимо от обстоятельств совершения преступления, личности преступника и процедуры принятия решения о его назначении".

Рассмотрев и одоблив закон Джорджии, по которому был осужден Грегг, Верховный Суд США отметил, что, этот закон, во-первых, предусматривает десять отягчающих обстоятельств, наличие любого из которых должно быть установлено жюри "за пределами разумного сомнения", прежде чем лицо может быть приговорено к смертной казни; во-вторых, он разрешает давать жюри обязывающую рекомендацию о помиловании, даже если не было установлено ни одного смягчающего обстоятельства; в-третьих, предусматривает автоматическое обжалование приговора, при котором осуществляется проверка доказанности отягчающего обстоятельства и оценка соразмерности данного наказания наказаниям, назначенным по аналогичным делам. Тем самым Верховный Суд США подчеркнул значение строго определенных процессуальных правил вынесения смертного приговора.

Значимость рассматриваемого решения состоит, далее, в том, что Верховный Суд США признал неконституционными те законы штатов, которые либо предоставляли судам при решении вопроса о назначении смертной казни слишком широкое усмотрение, либо, наоборот, предписывали автоматическое вынесение смертного приговора, лишаящее суд и жюри всякой свободы выбора. Именно в решении по делу Грегга Верховный Суд США признал "дефектным" и законодательство двух других штатов - Луизианы и Северной Каролины, которое предусматривало обязательное вынесение смертного приговора лицам, виновным в совершении умышленного убийства первой степени. Так, рассмотрев апелляцию по делу *Woodson v. North Carolina*, Верховный Суд США в своем "плюралистическом мнении" признал обязательное назначение смертной казни несоответствующим Конституции страны и прямо указал, что характер преступного деяния должен быть обстоятельно проанализирован, что при определении приговора следует учитывать смягчающие обстоятельства и, главное, что смертная казнь является возможным (а не обязательным) видом наказания <1>.

<1> Woodson v. North Carolina. 428 U.S. 280, 96 S. Ct. 2978, 48 L. (1976); Schreiber A. States that kill: Discretion and the Death Penalty - A Worldwide Perspective // Cornell International Law Journal. Vol. 29. 1996. N 1. P. 294.

Корректирование судебной практики штатов по вынесению смертных приговоров Верховный Суд США продолжил и в последующие годы. Особо здесь следует выделить Постановление по делу Coker v. Georgia, где смертная казнь была признана наказанием недействительным, исходя из его "несоразмерности" содеянному. Верховный Суд США, отменяя приговор, отметил, что "наказание в виде смертной казни за изнасилование взрослой женщины является явно соразмерным и чрезмерным..." <1>.

<1> Coker v. Georgia. 433 U.S. 584, 97 S. Ct. 2861, 53L.; Coyne R., Entzeroth L. Capital Punishment and the Judicial Process. Durham. 1994. P. 30, 682.

Казалось бы, "реабилитация" смертной казни в указанном выше Постановлении Верховного Суда США по делу Грегга должна была бы послужить сигналом для более активного приведения смертных приговоров в исполнение. Тем более, что уже в январе 1977 года в штате Юта был расстрелян Гэри Гилмор (Юта - единственный штат, законодательство которого в качестве способа казни называет расстрел). Именно с этого широко разрекламированного события закончился мораторий на казни, и началась новая страница в истории применения смертной казни в США.

Однако вопреки ожиданиям, решение по делу Грегга вовсе не привело к росту числа казней. Наоборот, разрыв между числом вынесенных смертных приговоров и числом казненных продолжал увеличиваться, а с ним росла и так называемая "очередь смертников". Так, с 1977 по 1982 гг. в США были казнены 6 осужденных; к концу 1983 г., когда были казнены еще 5 осужденных, "очередь смертников" увеличилась в три раза - с 422 до 1209 осужденных. Более того, в течение первых пяти лет после отмены моратория смертных приговоров в стране, вопреки ожиданиям, из года в год выносилось в 1,5 - 2 раза меньше, чем даже в период действия моратория. Если в 1975 году таких приговоров было 298, а в 1976 - 233, то в 1977 г. - 137; в 1978 г. - 185; в 1979 г. - 152 приговора. Заметный рост числа смертных приговоров начался лишь спустя пять лет после почти десятилетнего моратория на казни.

В дальнейшем Верховный Суд США еще не раз возвращался к проблеме смертной казни и продолжал работу по корректированию и толкованию законодательства, по формированию политики и практики применения этой меры наказания и совершенствованию апелляционных процедур, направленных на повышение гарантий обоснованности смертных приговоров. При этом важно иметь в виду "легитимационную" роль Верховного Суда США в формировании юридического каркаса взаимоотношений между федеральной властью и штатами: на протяжении всей истории США судебный конституционный надзор всегда был надежным инструментом государства в упрочении позиций федерального правительства, способствовал централистским тенденциям в развитии американского централизма <1>. И в этом плане постановления Верховного Суда США, вынесенные по делам, связанным с применением смертной казни, разумеется, не составляют исключения.

<1> См.: Власихин В.А. Верховный Суд США: в чем сдвиг вправо // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988, С. 133; Никифоров Б.С. Верховный Суд США // Государственный строй США. М., 1976. С. 279 - 294.

К некоторым другим особенностям, а также к тенденциям развития специфической системы законодательства США о смертной казни мы будем специально обращаться как при анализе наиболее актуальных аспектов этой проблемы, так и при анализе наиболее острых, узловых проблем правоприменительной деятельности, связанных с социальным неравенством и расовой дискриминацией, с применением смертной казни к несовершеннолетним, душевнобольным и умственно отсталым преступникам, с особенностями функционирования института присяжных заседателей, автоматической проверки смертных приговоров и т.д. При этом, как и в других разделах этой работы, преследуется задача максимального сочетания фактологической насыщенности материала и хронологии развития событий в указанной сфере законодательства и практики его применения.

2.2. Особенности современной практики применения смертной казни в США

Как и всякая правоприменительная деятельность, и как часть ее, судебная практика - это повседневная жизнь закона и потому от ее формирования и направленности во многом зависит

социальный эффект закона. В идеале закон и судебную практику его применения можно представить как две абсолютно совпадающие полусферы (абсолютное совпадение при этом не равно "зеркальному"). Но это - только в идеале. В реальной жизни полного совпадения этих двух полусфер достигнуть крайне сложно в принципе, точнее, невозможно, поскольку, во-первых, отправление правосудия осуществляется не механически, а людьми, в "человеческом учреждении". Во-вторых, несмотря на то, что всякий закон рассчитан на типичные ситуации (любая норма закона сама по себе абстрактна), в судебной практике он применяется индивидуально - к каждому конкретному случаю, к конкретному субъекту, со всеми специфическими особенностями объективных и субъективных обстоятельств конкретного дела, в том числе, характеризующими личность обвиняемого в совершенном деянии. Именно этим объясняется потребность и социальная обусловленность дифференциации ответственности и индивидуализации наказания, от которых, в конечном итоге, зависит и эффективность самого закона, и эффективность практики его применения.

В судебной практике применение закона персонифицируется на двух разных уровнях; во-первых, - на уровне конкретного правоприменителя (судьи) - как он субъективно воспринимает дух и букву закона и как соотносит их с обстоятельствами конкретного дела; второй уровень качественно иной - это совокупность субъективных решений различных судей по однородной категории дел, позволяющая судить о восприятии буквы и духа закона на уровне массового правосознания судей, об особенностях формирования судебной практики по данной категории дел в том или ином направлении, о тенденциях в ее развитии и т.д.

Сознавая неизбежность перспективы субъективной интерпретации закона, законодатель изначально предусматривает конституционные и иные правовые и процессуальные гарантии и механизмы его применения (например, апелляционные процедуры) и заблаговременно "закладывает" их в систему кассационных и (или) надзорных институтов государственной власти. На этой основе строится корректирование судебной практики вышестоящими судебными органами, в ходе которой нередко выявляются и устраняются ранее неизвестные дефекты закона. Отсюда понятна значимость анализа судебной практики и исследования парадигм, в которых она развивается.

Поэтому, анализируя масштабы и тенденции применения смертной казни в США, важно иметь в виду ряд существенных особенностей, определяющих и само законодательство, и, главное, судебную практику, складывающуюся в ходе применения этой меры наказания.

Расовая дискриминация

Многие исследователи, а также видные деятели политики и юстиции, причем не только противники смертной казни, всегда отмечали расистский характер смертной казни в США, расовое неравенство при применении этого наказания (racial disparity). Они указывали, что национальные меньшинства, в первую очередь, чернокожие американцы, в значительно большей мере подвержены риску вынесения смертного приговора, нежели белые граждане США <1>. Еще в 1990 г. Бюро общей статистики США представило в Конгресс США доклад под названием "Вынесение судебных приговоров: исследования указывают на наличие дискриминации по расовому признаку". В этом докладе были обобщены результаты 28 детальных исследований, содержащих эмпирические данные о применении смертной казни и подтверждающих явное наличие "определенной модели, указывающей на дискриминацию по расовому признаку на разных этапах юридической процедуры: на стадии предъявления обвинения, судебного разбирательства и вынесения смертного приговора" <2>.

<1> См.: Weich R., Angulo C. Justice on Trial: Racial Disparities in the American Criminal Justice System. LCCR & LCEF. 2000.

<2> См.: Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности. Судебная практика и методология доказывания. М., 2006.

Расово-избирательный подход и стереотипы, на которых он покоится, издавна проявлялся во всех звеньях американской системы уголовного юстиции и на всех стадиях уголовного процесса. Это и расово-ориентированный подход, характеризующий деятельность полиции, с которой начинается порочный круг криминализации расовых меньшинств, и расово-предвзятые подходы и решения других, ключевых участников уголовного процесса. Неслучайно в 90-х годах и в общественно-политической печати, и в юридической литературе, понятие "расовое профилирование" получило широкое распространение.

Особое место здесь принадлежит весьма существенной свободе усмотрения прокуроров. Как уже отмечалось, на решение о назначении наказания в виде смертной казни влияет ряд смягчающих и отягчающих обстоятельств, однако многие из этих обстоятельств, например, особая жестокость преступления, являются оценочными и субъективными. Именно прокурор по законам

всех штатов принимает решение о том, просить ли суд назначить подсудимому смертную казнь. Судьи и присяжные могут отклонить такую просьбу прокурора, но только он решает, будет ли на суде поставлен такой вопрос.

Свобода прокурорского усмотрения проявляется, кроме того, при решении вопросов о смягчении наказания обвиняемому (при признании им своей вины), а также при вынесении приговора. И хотя вынесение приговора традиционно составляет прерогативу суда, прокуроры все еще обладают большей властью над судьбой обвиняемых, чем когда-либо в современной истории. Как отмечают исследователи, прокурор в силу целого ряда социальных и политических факторов стал вездесущей и доминирующей силой в уголовном правосудии <1>.

<1> См.: Gershman B., The New Prosecutors // University of Pittsburg Law Review. 1992. N 53. P. 448; Davis A.J. Prosecution and Race. The Power and Privilege of Discretion // Fordham Law Review. 1998. N 13(67). P. 49 - 51.

Свобода прокурорского усмотрения в США и связанное с ним расовое неравенство проявляются с самого начала процесса - при решении вопроса о возбуждении дела, при определении его подсудности - рассмотрении его в суде штата, либо в федеральном суде, а также при выборе меры пресечения (в том числе, даже при определении размера залога). Исследование, проведенное в начале 90-х годов в штате Нью-Йорк, например, показало, что представителей меньшинств, обвиняемых в тяжких преступлениях, заключали под стражу в три раза чаще, чем белых граждан, обвиняемых в таких же преступлениях. И хотя по законам почти всех штатов присяжным не полагается знать, находился ли обвиняемый под стражей до суда, часто они могут определить это и с большей вероятностью вынесут обвинительный приговор именно тому, кто уже был взят под стражу. Как видно, расовое неравенство, проявленное на одном этапе правосудия, приводит к его воспроизведению на последующих этапах.

Многочисленные исследования, проведенные в 80-х и 90-х годах в Джорджии, Индиане, Нью-Йорке, Филадельфии, Мэриленде, Северной Каролине и в других штатах, указывают на проявления дискриминации в зависимости от расовой принадлежности жертвы преступления. Если жертва убийцы - представитель белой расы, то у обвиняемого гораздо больше шансов получить смертный приговор, чем в случаях, когда жертва к белой расе не принадлежит.

В отчете Главной счетной палаты (U.S. General Accounting Office), который был подготовлен в 1990 году по запросу Сената США, проведен анализ и систематизированы результаты многочисленных научных исследований, посвященных проблеме расовой дискриминации при применении смертной казни. Как оказалось, в 82% таких исследований основной вывод ученых сводился к тому, что вероятность вынесения смертного приговора значительно выше, когда жертва преступления принадлежит к белой расе. При этом в отчете отмечалось, что такого рода результаты были постоянными, независимо от штата, набора исходных данных, различий в методах сбора и анализа информации и т.д. <1>.

<1> См.: U.S. General Accounting Office. Death Penalty Sentencing: Research Indicates Pattern of Racial Disparities. Washington D.C. 1990. P. 5.

В начале 90-х годов известный борец против смертной казни сенатор Дж. Джексон отмечал, что чернокожих, убивших белого, в США казнят в 19 раз чаще, чем белых, убивших чернокожего. По его данным, во Флориде и Техасе для чернокожего, убившего белого, вероятность смертного приговора соответственно в 5 и в 6 раз выше, чем для белого, убившего чернокожего. В Северной Каролине чернокожих, содержащихся в "очереди смертников", 47%, хотя среди населения штата они составляют 23%; в Миссисипи, - соответственно - 63% и 36%; в Виржинии - 49% при 19% населения; в Иллинойсе, соответственно, 62% и 25%; в Огайо - 50% и 10%, а в Пенсильвании - 61% и 10% <1>.

<1> См.: Jackson J. Capital Punishment Is Applied Unfairly - In: Capital Punishment Current Controversies. San Diego. 2000. P. 63, 66.

Исследование, проведенное, например, в Джорджии, показало, что обвиняемым в убийстве белого гражданина смертный приговор выносился в 4,3 раза чаще, чем обвиняемым в убийстве чернокожего.

Ряд других исследований, проведенных в США, позволил сделать другой важный вывод: главным фактором дискриминации при применении смертной казни является расовая принадлежность обвиняемого в сочетании с расовой принадлежностью жертвы. Так, исследование в Джорджии показало, что чернокожих, обвинявшихся в убийстве белых, приговаривали к смертной казни в 22 раза чаще, чем виновных в убийстве своих соплеменников, и в 7 раз чаще, чем белых, виновных в убийстве чернокожих. При этом прокуроры штата просили о смертной

казни в 70% случаев, когда жертвой чернокожего убийцы был белый, и лишь в 19% случаев, когда жертвой белого убийцы был чернокожий <1>.

<1> См.: Davis A.J. См.: Urbina M. J. Capital Punishment and Latino Offenders: Racial and Ethnic Differences in Death Sentences. New York, 2003.

Аналогичное исследование практики применения смертной казни, проведенное в Филадельфии с 1983 по 1993 гг., показало, что за сходные преступления вероятность получения смертного приговора у чернокожих обвиняемых в 4 раза выше, чем у белых <1>. Практически такие же результаты были получены и при изучении смертных приговоров, вынесенных в штате Нью-Йорк осужденным латиноамериканцам <2>.

<1> См.: Baldus D.C., Woodworth G. and other. Racial Discrimination in the Post- Furman Era: An Empirical and Legal Overview, with Recent Findings from Philadelphia // Cornell Law Review. 1998. Vol. 83.

<2> См.: Urbina M.J. Capital Punishment and Latino Offenders: Racial and Ethnic Differences in Death Sentences. New York. 2003.

В 1994 году в Техасе было опубликовано фундаментальное исследование с не слишком веселым названием - "Веревка, стул и игла", где анализируется практика применения смертной казни в этом штате за предыдущие 70 лет. В нем, в частности, отмечается, что из 99 казненных за изнасилование 88 были неграми; они в 10 раз чаще осуждаются к смертной казни, чем белые, и им в 35 раз чаще, чем белым преступникам, назначается смертная казнь; за все эти годы ни один белый преступник не был приговорен к смерти за убийство негра <1>. Спустя 10 лет анализ статистики казней в том же Техасе показал, что 79% всех казненных с 1977 по 2002 гг. совершили тяжкие преступления против белых, но ни одного белого не казнили за убийство чернокожего.

<1> См.: Marquart J.W., Eklund-Olson S. and Sorensen J.R. The Rope, the Chair and the Needle: Capital Punishment in Texas 1923 - 1990. Austin, 1994.

Многочисленные факты, приводимые в различных исследованиях и в документах правозащитных организаций, убедительно доказывают сохранение указанных тенденций в практике применения смертной казни, причем не только в Техасе, но и во многих других штатах страны <1>. Так, исследование, проведенное в 2001 году в университете Северной Каролины, показало, что вероятность смертного приговора за убийство белого в 3,5 раза выше, чем за убийство представителя другой расы, а в самом последнем исследовании - в Калифорнии - отмечается, что вероятность смертного приговора за убийство белого в три раза выше, чем за убийство чернокожего и в четыре раза выше, чем за убийство латиноамериканца. В ходе исследования в Мэриленде в 2000 - 2002 гг. было изучено около 6 тысяч уголовных дел об убийствах за 1979 - 1999 гг. Выводы ученых однозначно говорят о том, что наряду с "географическим" фактором, расовая принадлежность преступника играет решающую роль при определении наказания в виде смертной казни <2>.

<1> См.: Gross S., Mauro R. Death Discrimination. Racial Disparities in Capital Sentencing. Northeastern Univ. Press, Boston, 1989.

<2> См.: An Empirical Analysis of Maryland's Death Sentencing System with Respect to the Influence of Race and Legal Jurisdiction. Final Report, September 2002. P. 29.

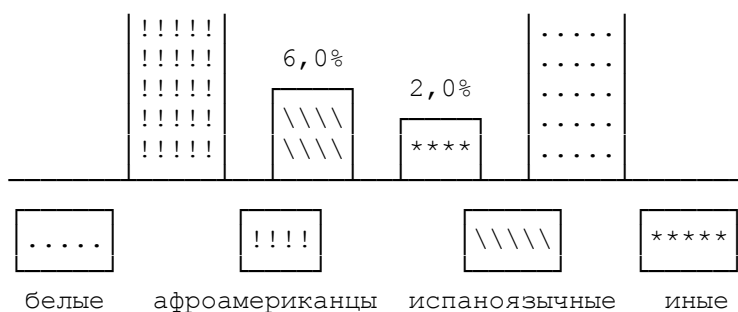
Если же оценивать ситуацию по стране в целом, то надо будет отметить, что чернокожие составляют 34% всех казненных с 1977 по 2007 гг., а белые - 57% <1>.

<1> См.: Facts About the Death Penalty. January 2. 2007.

Диаграмма N 1

Расовый состав осужденных, казненных в США
в 1977 - 2007 гг.

Красноречивых статистических фактов, характеризующих проблему расовой дискриминации в практике применения и исполнения смертной казни, вообще говоря, больше, чем достаточно. Если взять, например, за 100% число чернокожих и белых, казненных за убийство друг друга с 1977 по 2004 гг., то 94% приходится на долю чернокожих, осужденных за убийство белых людей, и, соответственно, белые, казненные за убийство чернокожих, составляют всего 6%.

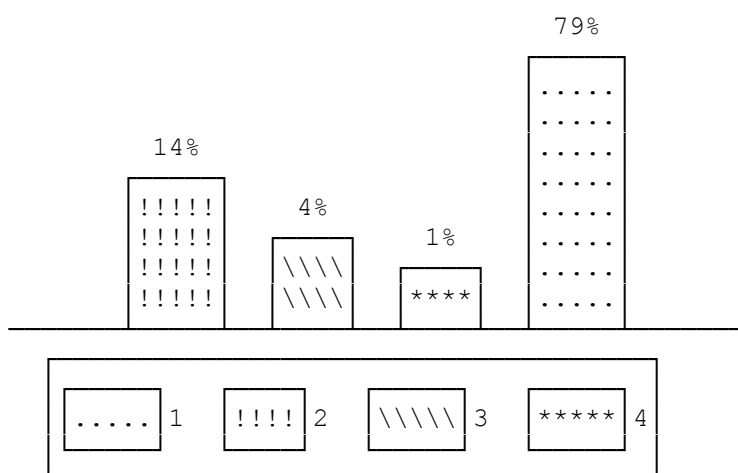
Статистические данные за 2004 - 2007 гг. детализируют, но по сути дела, никак не меняют эту долговременную тенденцию: в указанный период почти 74% казненных - это виновные в убийстве белых (хотя среди жертв убийств белые, как отмечалось, составляют менее 50%).

Если, далее, взять за 100% число всех жертв убийств, за совершение которых виновным была назначена смертная казнь, то на долю белых приходится почти 80%; на долю чернокожих жертв около 14% и на долю жертв из числа других меньшинств - 6%, хотя число убитых среди белого населения страны и среди чернокожих практически одинаково <1>.

<1> См.: Mandery E. Capital Punishment. A Balanced Examination. Massachusetts. 2004. P. 403 - 404.

Диаграмма N 2

Расовая принадлежность жертв убийств

1 - белые; 2 - афроамериканцы; 3 - испаноязычные; 4 - прочие.

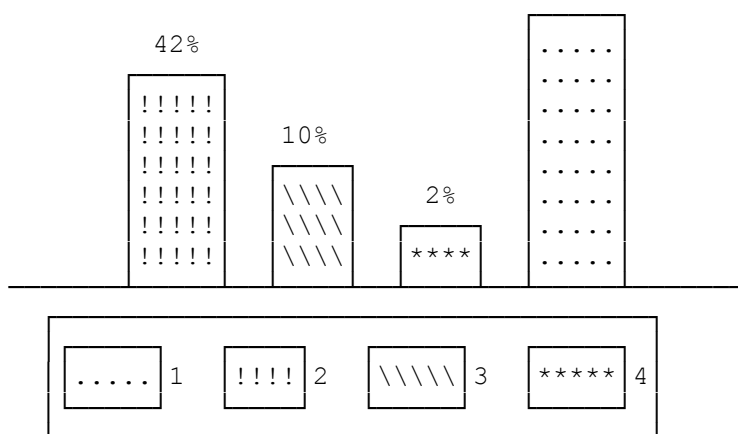
Чернокожие американцы составляют, далее, 42% среди осужденных к смертной казни, содержащихся в "очереди смертников", хотя среди населения страны доля афроамериканцев, как отмечалось, не превышает 12,5%. При этом в течение последних 15 лет расовый состав осужденных, содержащихся в "очереди смертников", практически никак не меняется <1>.

<1> См.: Bureau of Justice Statistics Bulletin. Capital Punishment, 2004. November 2005. NCJ 211349. P. 10; Death Penalty Information Center. Facts About the Death Penalty. Jan. 2. 2007.

Диаграмма N 3

Расовый состав осужденных, содержащихся в "очереди смертников"

46%

1 - белые; 2 - афроамериканцы; 3 - испаноязычные; 4 - прочие.

В августе 2001 года Комитет Организации Объединенных Наций по ликвидации расовой дискриминации в своей резолюции отметил, что, несмотря на Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, в США при назначении наказания в виде смертной казни до сих пор имеет место "тревожная корреляция между расовыми признаками жертв убийств и преступников" <1>.

<1> Reiter. August 14. 2001.

В конце 2002 года американская Национальная Коалиция за отмену смертной казни (NCADP) опубликовала данные, согласно которым вероятность смертного приговора за убийство белого в Северной Каролине в четыре раза выше, чем за убийство чернокожего; в Миссисипи такая вероятность выше в пять раз, а в Мэриленде она выше в семь раз.

Как видно, тесная корреляция числа смертных приговоров, осужденных, содержащихся в "очереди смертников", расовой принадлежности жертв и, наконец, числа казненных с расовым фактором являет собой убедительное доказательство расового неравенства при отправлении правосудия, позорящего, как признают сами американцы, всю систему уголовной юстиции не только в глазах нации, но и перед лицом мировой общественности.

Справедливости ради следует отметить - это подчеркнуто и в уже упомянутом отчете Главной счетной палаты - дискриминация, основанная на расовой принадлежности преступников, не во всех штатах является значимым фактором. В ряде указанных исследований отмечалось, в частности, что непропорционально большое число афроамериканцев среди лиц, приговоренных к смертной казни, само по себе не является доказательством расовой дискриминации. Этот довод не раз приводился и в решениях Верховного Суда США по конкретным делам.

Напомним, что, несмотря на некоторые различия между показателями штатов, число приговариваемых к смертной казни афроамериканцев пропорционально общему числу лиц этой расы, совершивших убийство при отягчающих обстоятельствах. И именно убийство белого, человека европеоидной расы, а не собственная расовая принадлежность убийцы, увеличивает вероятность вынесения ему смертного приговора. Это неслучайное явление - представители белой расы во всех звеньях системы уголовного правосудия полностью доминируют - и среди судей, и среди обвинителей, и среди присяжных <1>.

<1> См.: Harries K., Cheatwood D. The Geography of Execution: The Capital Punishment - quagmire in America. Maryland, 1997. P. 71 - 88.

Некоторые исследователи (S.R. Gross, R. Mauro, D. Baldus, G. Woodworth и др.) в связи с этим полагают, что именно убийство человека одноименной расы с теми, кто занят в процессе принятия решения по этой категории дел, вызывает у них наибольшую озабоченность (а не расовая принадлежность убийцы). Доказать обоснованность такого мнения, как и опровергнуть его почти невозможно - это из области ощущений и основанных на них предположений. На наш взгляд, более достоверным следовало бы признать вывод о том, что эффект расовой принадлежности жертвы убийства обусловлен не столько психологическими ощущениями судей и присяжных, сколько обстоятельством иного, объективного плана, что прямо подтверждается и статистикой смертных приговоров, и статистикой казней.

В самом деле, как только что отмечалось, за последние 30 лет на долю убийц в конфликтах типа "чернокожий - белый" или - "белый - чернокожий" приходится лишь 220 осужденных, т.е. почти пятая часть всех казненных. Остальные казнены за убийства, жертвами которых были чаще

всего представители той же расы, либо при иных расовых сочетаниях жертв. Это означает, что чернокожие, убившие человека своей расы, а это явление статистически наиболее распространенное, значительно реже приговариваются к смертной казни (чем убившие белого). Если вспомнить, что из указанных 220 казненных за 1977 - 2005 гг. лишь 12 белых, убивших чернокожего, то в сочетании с только что сказанным можно, действительно заключить, что "жизни жертв, принадлежащих к негроидной расе, в системе уголовного права имеют меньшую ценность, нежели жизни европеоидов" <1>.

<1> Смит Д. Смертная казнь в Соединенных Штатах. Криминология / Под ред. Дж. Шели. СПб., 2003. С. 710.

В целом ряде исследований было показано, далее, что дискриминация, основанная на расовой принадлежности жертвы, связана со стремлением обвинителей настаивать именно на вынесении смертного приговора <1>. В этом мнении едины и лидеры аболиционистского движения в США. Судя по всему, так оно и есть.

<1> См.: Nakell B., Hardy K. The Arbitrariness of the Death Penalty. Philadelphia, Temple Univ. Press, 1987; Paternoster R. and Kazyaka A. The Administration of the Death Penalty in South Carolina: Experiences Over the First Few Years // South Carolina Law Review. 1988. Vol. 39; Radelet M., Pierce G. Choosing Those Who Will Die: Race and the Death Penalty in Florida // Florida Law Review. 1985. Vol. 4.

Недавно опубликованные результаты исследования в Джорджии, в ходе которого было изучено 2328 уголовных дел по обвинению в убийстве за период с 1995 по 2004 гг., показывают, что обвинение в этих случаях требовало назначения наказания в виде смертной казни в два раза чаще, когда речь шла об убийстве белого (нежели когда жертвой являлся афроамериканец). А когда дело касалось убийства белого в результате вооруженного ограбления, то обвинение требовало смертной казни для виновного в шесть раз чаще <1>.

<1> См.: A Matter of Life or Death // Atlanta Journal-Constitution. Sept.: 22 - 25. 2007.

Осознанно или нет, расизм, так или иначе, захватывает не только представителей обвинения, но и других деятелей уголовной юстиции, особенно если они белые. Это особенно ощутимо, поскольку сами кадры юстиции, в первую очередь кадры обвинения, как уже отмечалось, также формируются по расовому признаку.

Не менее показательна в плане расовой дискриминации и практика вынесения смертных приговоров федеральными судами. С 1988 по 1994 гг. 75% осужденных в соответствии с Актом 1988 года о контроле за оборотом наркотических и психотропных веществ (21. U.S.C. 848) принадлежали к белой расе, но из тех, для кого прокуратура потребовала смертной казни, белые составляли лишь 11%, а чернокожие 37%. После изучения практики применения этого закона подкомитет Конгресса США констатировал наличие "определенной степени расовой предвзятости при применении смертной казни федеральными судами, превосходящей даже ту, что имело место до дела Фурмэна" <1>.

<1> Weich R., Angulo C., Justice on Trial; Racial Disparities in the American Criminal Justice System. 2000. P. 21.

В соответствии с федеральным законодательством, до начала производства по делам, наказуемым смертной казнью, необходимо получить соответствующее разрешение Генерального прокурора. Таким образом, применение этой меры наказания федеральным судом изначально предполагает прокурорское усмотрение самого высокого уровня. Этот акт решения прокурора сам по себе, по мнению исследователей, таит реальную опасность институционального и общественного давления, которое может быть обусловлено мотивами расовой неприязни. Кроме того, практика свидетельствует, что зачастую прокуроры используют право усмотрения таким образом, что их решения оказывают непропорциональное воздействие на представителей разных рас, даже если их отношение к конкретному делу в расовом плане было абсолютно нейтральным.

В любом случае, в сочетании с тактикой и методами полиции решения прокуроров способствуют криминализации расы и расово-предвзятому восприятию преступности, и этот порочный круг оказывает разрушительное воздействие на сообщества меньшинств по всей стране.

Проявления расовой дискриминации особенно ощутимы в судебной практике штатов по назначению наказания в виде смертной казни. С середины 80-х годов, когда широкое распространение в США получили федеральные законы и законы штатов об обязательных

размерах минимального наказания, а также навязанные судам руководящие правила назначения наказания, судьи практически лишились права по своему усмотрению осуществлять контроль над дискреционными полномочиями прокуроров. Такие законы лишают судей возможности принимать самостоятельные решения о назначении наказания, лишают их возможности влиять на исход дела за счет судебного усмотрения. Тем не менее, именно суды в большей степени несут ответственность за несправедливость, от которой страдают представители меньшинств в системе уголовной юстиции. В условиях расового дисбаланса, порожденного тактикой полиции, прокуроров и несправедливыми законами, суды обычно отказываются рассматривать или исправлять факты расового неравенства в системе правосудия и осложняют задачу судебного оспаривания такого рода решений.

Во второй половине 80-х годов Верховный Суд США вернулся к проблеме расовой дискриминации, поднятой еще в деле Фурмэна. Этот процесс достиг своего апогея ровно через 15 лет, когда в 1987 году Верховный Суд США вынес решение по делу "McCleskey v. Kemp", где речь шла о расовом дисбалансе при назначении смертных приговоров (это дело можно считать примером нежелания судов исследовать подоплеку использования свободы усмотрения иными субъектами уголовного процесса).

Приговоренный к смерти в штате Джорджия, осужденный при рассмотрении его жалобы представил взятые из научного исследования статистические доказательства того, что у обвиняемого в убийстве белого гораздо больше шансов получить смертный приговор, чем у обвиняемого в убийстве чернокожего. Если бы в этом деле жертвой был чернокожий, а не белый, то, судя по данным этого исследования, при прочих равных условиях существовала 59%-я вероятность того, что он получил бы иной приговор, нежели смертная казнь <1>. Такая статистика вызвала серьезные сомнения в том, что в штате Джорджия смертная казнь применяется с соблюдением принципов справедливости и расовой нейтральности, как этого требует Конституция США. С этим делом противники смертной казни не без оснований связывали большие надежды. Оно, действительно, явилось "последней организованной атакой, которую противники высшей меры смогли противопоставить практике применения смертной казни в США" <2>.

<1> McCleskey v. Kemp 481 U.S. 279; See: Mello M. Against the Death Penalty. The Relentless Dissents of Justices Brennan and Marshall. Boston, 1996. P. 32 - 35; Ross M. The Death Penalty Is Applied Unfairly to Blacks // The Death Penalty Opposing Viewpoints. San Diego, 1997. P. 152 - 153.

<2> Смит Д. Смертная казнь в Соединенных Штатах Америки // Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели. СПб., 2003. С. 711.

Пятью голосами против четырех Верховный Суд США, оставив смертный приговор в силе, постановил, что хотя статистика заставляет усомниться в справедливости назначения смертной казни в штате Джорджия в целом, приведенные данные не указывают на то, что конкретно в деле Макклески смертный приговор был вынесен несправедливо. Чтобы смертный приговор можно было на законных основаниях отменить, Макклески, по мнению Верховного суда, должен был бы продемонстрировать, что при вынесении приговора по его делу судьи руководствовались расовым предубеждением, а этого он продемонстрировать не смог.

Отвечая на заявление Макклески о том, что смертный приговор был вынесен произвольно, а потому является "жестоким и исключительным видом наказания", Верховный Суд постановил, что хотя этот смертный приговор, действительно, мог быть произвольным, степень этой произвольности следует считать "конституционно приемлемой", учитывая традиционно признаваемую прокурорскую свободу усмотрения просить назначения подсудимому высшей меры наказания и судебские дискреционные полномочия, связанные с назначением наказания.

Постановление по этому делу, отмечала пресса, "по всей видимости, является единственно важным решением, которое когда - либо было принято Верховным судом по вопросу о связи между расовой принадлежностью и преступлением", поскольку в нем явно проявилось нежелание суда принимать во внимание статистические данные, свидетельствующие о расовой несправедливости в уголовном процессе <1>.

<1> Cole D. Race, Life and Death // Washington Post. January 11. 2000. P. 137.

Требование, чтобы подсудимый продемонстрировал расовую предвзятость в своем конкретном случае, практически невыполнимо. Подняв планку так высоко, Верховный Суд США фактически объявил, что системные проявления расовой предвзятости не являются нарушением Конституции. Верховный Суд откровенно выразил озабоченность тем, что отмена приговора на основании представленных обвиняемым аргументов открыла бы дверь для опротестования приговоров на основании разного рода диспропорций в системе уголовной юстиции США. Но именно это и вызывает озабоченность противников смертной казни, ибо, по их убеждению, вся система уголовного преследования и судопроизводства пронизана расовым неравенством. Во

всяком случае, в особом мнении член Верховного Суда США Уильям Бреннан по поводу этого решения записал: "Создается впечатление, что суд боится переборщить со справедливостью" <1>.

<1> См.: Baldus D.C., Woodworth G. Race Discrimination and the Death Penalty: An Empirical and Legal Overview // America's Experiment with Capital Punishment. Durham, 1998. P. 393.

Аргументация Верховного суда в деле Макклески и его "страх перед чрезмерной справедливостью" были переняты и иными судами при рассмотрении дел, в которых действия правоохранительных органов оспаривалась на основании неравенства по признаку расовой принадлежности. Так, Верховный суд штата Джорджия, отменив норму об обязательном назначении наказания в виде пожизненного лишения свободы при повторном преступлении из-за того, что она непропорционально часто применялась в отношении чернокожих, две недели спустя, восстановил эту норму на основании ходатайства с подписями всех 46 окружных прокуроров штата. Прокуроры утверждали, что решение суда об отмене указанной нормы подорвет всю уголовную систему штата. Тем самым они молчаливо признали факт расовой необъективности при вынесении обвинений и приговоров в штате Джорджия. При принятии решения о восстановлении ранее отмененной нормы Верховный суд штата основывался почти исключительно на решении по делу Макклески.

Через несколько лет исследователи, выводы которых об эффекте расовой дискриминации разбирались в этом уголовном деле, а также другие сторонники этой концепции, опубликовали новые работы, в которых убедительно доказывалось, что дискриминация, основанная на расовой принадлежности жертвы, в наибольшей степени проявляется при рассмотрении дел об убийствах с небольшим числомотягчающих обстоятельств. Если же речь идет об убийстве со многимиотягчающими обстоятельствами, то вероятность принятия такого рода дискриминационного решения заметно снижается <1>. Эти исследования были также использованы в уже упомянутом отчете Главной счетной палаты и вместе с ним были представлены в Конгресс США. На этой основе были разработаны два законопроекта - Акт о расовой справедливости ("Racial Justice Act") и Акт о справедливом вынесении смертного приговора ("Fairness in Death Sentencing Act").

<1> См.: Keil, J. and Vito G. Race and Death Penalty in Kentucky Murder Trials: 1971 - 1991 // The Advocate, 1995; Baldus D.C., Woodworth G. Race Discrimination and the Death Penalty: An Empirical and Legal Overview // America's Experiment with Capital Punishment. Durham, 1998.

Оба документа были направлены на восстановление права защиты использовать данные статистики для доказательства фактов расовой дискриминации в делах, связанных с вынесением смертного приговора, однако они встретили мощное сопротивление генеральных прокуроров многих, особенно южных штатов. И хотя второй из названных законопроектов получил одобрение в Палате Представителей, все же оба документа дважды в 1990 и 1994 гг. - были отклонены Сенатом и с тех пор уже не выносились на рассмотрение. В итоге, решение Верховного Суда США по делу Макклески и сегодня сохраняет свою силу.

Наконец, следует хотя бы кратко остановиться на особенностях субъективного восприятия расового неравенства представителями расовых и национальных меньшинств, приглашенных в состав присяжных.

Во-первых, многие из них, получив такое приглашение, всячески уклоняются от участия в работе жюри, что, несомненно, влечет негативные последствия для легитимности системы суда присяжных и отправления правосудия в целом. Во-вторых, представители меньшинств, которые все же согласились выступать в качестве присяжных, зачастую имеют настолько сильное предубеждение против всей системы уголовного судопроизводства и ее объективности, что психологически не могут верить аргументам прокурора и свидетельским показаниям полицейских. И даже тогда, когда такие присяжные, вроде бы, верят аргументации прокурора, они, вопреки ожиданиям, могут вынести оправдательный вердикт "в порядке нуллизации", т.е., независимо от имеющихся доказательств - в качестве политического противовеса слишком суровым наказаниям и суровым законам.

Негативные реакции присяжных - представителей меньшинств - во многом стимулирует тот факт, что во всех штатах, применяющих смертную казнь, 98% окружных прокуроров - белые и только 1,0% - чернокожие <1>. В Калифорнии, например, к концу 90-х годов среди всех окружных прокуроров штата 55 были белые, 3 - латиноамериканца и ни одного чернокожего <2>.

<1> См.: Death Penalty Information Center. Facts About the Death Penalty, December 15. 2005.

<2> См.: This Life We Take. Sacramento, FCL Education Fund. 2000. P. 13.

За последние 20 лет в США, на самом деле, сделано немало для преодоления расового неравенства и дискриминации во всех сферах общественной жизни, однако и тема, и термин "расовое профилирование" все еще в ходу.

На пороге XXI века в выводах доклада, подготовленного к Конференции лидеров движения за гражданские права, сказано: "Смертная казнь в том виде, как она применяется сейчас, представляет собой проявление расизма. Решение о том, кому жить, а кому умереть, зависит в значительной степени от расовой принадлежности обвиняемого и жертвы. Причина кроется как в несовершенстве процедуры, например, в назначении малоимущим обвиняемым некомпетентных адвокатов, так и в расистских установках и стереотипах, преодолеть которые нелегко" <1>.

<1> Weich R., Angulo C. Justice on Trial: Racial Disparities in the American Criminal Justice System. LCCR & LCEF. 2000. P. 29.

Таким образом, расовая принадлежность обвиняемых и жертв преступлений до сих пор еще остается значимым фактором, хотя его влияние уже не так ощутимо, как в годы, предшествующие принятию решения по делу Фурмэна. Точнее будет сказать, что, значимость расовой принадлежности сегодня все более сложно выделить из общей массы факторов, влияющих на вынесение смертного приговора.

Социальное неравенство

Значимость расового фактора в практике отправления правосудия в США, несомненно, следует рассматривать в общем контексте социального неравенства и резкого имущественного расслоения в обществе. Отсюда возникает проблема обеспечения равенства защиты обвиняемых при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, наказуемых смертной казнью. Не случайно одним из аргументов против применения смертной казни служит крайне низкий уровень обеспечения защиты, когда речь идет о назначении судом адвоката на общественных началах, или помощника адвоката, часто оказывающегося неопытным, не имеющим возможности разбираться в столь сложных делах и ограниченным в средствах. Часто это юристы, выбранные судом из резерва частных адвокатов, согласившиеся работать за минимальную оплату из бюджета штата. Во многих случаях обвиняемых в суде представляют перегруженные работой малоопытные или же просто некомпетентные адвокаты, незнакомые с уникальными особенностями судебного процесса по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью. Понятно, что речь идет о защите обвиняемых из наиболее бедных слоев населения.

Так, даже в Калифорнии, где стандарты общественной защиты по сравнению с другими штатами всегда были значительно выше, количество общественных защитников и качество их деятельности признаны явно неудовлетворительными. Такого рода общественная защита не может быть предоставлена всем обвиняемым, которым грозит наказание в виде смертной казни. Материально не заинтересованные в исходе дела адвокаты соглашаются на участие в таких судебных процессах весьма неохотно, ссылаясь на крайнюю занятость. К началу 2000 года число таких адвокатов в штате составляло лишь 2% от общего персонала уголовной юстиции, тогда как представительство обвинения - 8,6%. Показательно, что к концу 90-х годов персонал обвинения в штате за предыдущие пять лет вырос на 53,8%, а персонал защиты лишь на 11,6%. Отсюда во многом и крайне низкий уровень общественной защиты, и, как результат, наиболее высокий процент смертных приговоров, назначенных осужденным из наиболее бедных слоев населения.

Принадлежность к тому или иному социальному классу определяет качество юридического представительства, что, как показывает практика всех штатов, особенно остро сказывается на результатах апелляционных процедур. Если подсудимый был осужден, он в соответствии с законом, автоматически получает право на подачу апелляции. При этом штат обязан предоставить осужденному юриста, который бы содействовал прохождению апелляции. Если апелляция, поданная малоимущим осужденным, направляется в федеральные судебные органы, к делу подключаются юристы-волонтеры, принимающие участие в судьбе осужденного по зову совести или в качестве общественной нагрузки. Такие апелляции отнимают значительное время и могут оказаться процедурой весьма дорогостоящей.

В южных штатах, где такая служба особенно востребована, она зачастую не получает должной общественной поддержки, в т.ч., и со стороны коллег по адвокатскому корпусу. Между тем, в большинстве штатов не предусмотрены фонды для обеспечения юридического представительства после утверждения приговора при прямой апелляции в Верховный суд штата. Поэтому обвиняемые, чтобы составить еще одну апелляцию по конституционным мотивам, вынуждены полагаться на работающих без вознаграждения добровольных адвокатов. Однако из-за нехватки таких адвокатов, особенно в южных штатах, некоторые обвиняемые не могут быть должным образом представлены на этой важной стадии судопроизводства. С конца 90-х годов

процесс подачи апелляций в федеральные судебные органы еще более усложнился, так как в ряде штатов сроки подачи таких апелляций были заметно ограничены.

Таким образом, низкий экономический статус обвиняемого, так или иначе, увеличивает вероятность вынесения смертного приговора. Другими словами, социальная принадлежность обвиняемого - еще один источник дискриминации.

Непостоянство и произвол

Сто лет назад Энрико Ферри писал: "Под грудой массы формальностей, иногда существенных, иногда излишних, часто бессмысленных, несмотря на все благие намерения того или другого представителя юстиции, уголовное правосудие, начиная с розыска судебной полиции вплоть до приведения приговора в исполнение, ...всегда произвольно" <1>. Во многом это замечание, на наш взгляд, справедливо и сегодня. Оно, похоже, не имеет ни пространственных, ни временных границ. Актуально оно и для любой категории уголовных дел.

<1> Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 524.

Еще в решении по делу Фурмэна Верховный Суд США, как уже отмечалось, обратил внимание на то, что смертная казнь в те годы помимо нарушения VIII и XIV поправок к Конституции, применялась непостоянно и произвольно. Непостоянство, в частности, выражалось в наличии весьма ограниченного числа признаков, которые позволяли бы разграничивать обязательность применения смертной казни и возможность применения вместо нее другой меры наказания. Это приводило к тому, что возможность вынесения решения о применении смертной казни на практике, как отмечали сами судьи, "уподоблялось лотерее" <1>. Кроме того, в перечне признаков личности преступников, в отношении которых могли выноситься смертные приговоры, нередко встречались такие, как, например, раса, что означало прямое нарушение закона, т.е., произвол и, в согласно Конституции, такого рода признаки не должны были влиять на вынесение смертного приговора.

<1> Bowers W. and Pierce G. Arbitrariness and Discrimination under Post-Furman Capital Statutes // Crime and Delinquency, 1980. Vol. 26. P. 563 - 635; Bowers W. Legal Homicide: Death as Punishment in America. 1864 - 1982. Boston, 1984.

Перечень отягчающих убийство обстоятельств, при наличии которых законодательство разных штатов предусматривало назначение смертной казни, хотя и варьируется, но чаще всего предоставлял значительную свободу обвинению требовать вынесения именно смертного приговора. В одних штатах такую возможность предоставляют весьма неопределенные формулировки закона, когда речь идет, например, об ответственности за совершение "необычайно жестоких и отвратительных" убийств; в других штатах закон устанавливает более широкий круг отягчающих обстоятельств. Понятно, что чем шире этот перечень отягчающих обстоятельств, тем - в силу свободы маневра - более непостоянными и произвольными будут решения прокуроров <1>.

<1> См.: Mello M. Florida Heinous, Atrocious, or Cruel Aggravating Circumstance: Narrowing the Class of Death Eligible Cases Without Making It Smaller // Stetson Law Review. 1984. Vol. 13. P. 523 - 554.

Как показало недавно проведенное исследование в Джорджии, из 1315 изученных дел об убийствах прокуратура ходатайствовала о назначении смертной казни лишь в 25% случаев; из них смертные приговоры были вынесены лишь в одном из каждых 23 дел <1>.

<1> См.: A Matter of Life or Death // Atlanta Journal-Constitution, Sept.: 22 - 25, 2007.

Хотя законодательство штатов содержит положения, призванные исключить возможность произвольных смертных приговоров, тем не менее, как показывают исследования американских ученых и многочисленные публикации в средствах массовой информации, такого рода перспектива всегда существует. Она во многом предопределяется решением обвинителей на ранней стадии процесса, где они, как уже отмечалось, обладают весьма значительной свободой усмотрения при решении вопроса о том, требовать ли в конкретном случае высшую меру наказания. Наиболее откровенно и, главное, в значительных масштабах, такого рода произвольные решения обвинителей проявляются при так называемых "сделках с обвинением" (plea bargain).

Соглашение с обвинением о признании вины - важная составляющая уголовного процесса в США, где абсолютное большинство уголовных дел рассматривается именно в этом порядке, а не судом присяжных.

В США широко распространено мнение, что без такого института осуществление правосудия станет невозможным, т.к., во-первых, следствие и суды крайне перегружены из-за постоянно растущего массива уголовных дел и, во-вторых, такие "сделки" дают возможность для "человечного" исхода дела, экономя при этом время, силы и огромные расходы.

Суть "сделки с обвинением" в том, что обвиняемый соглашается признать вину в менее тяжком преступлении или в меньшем числе криминальных эпизодов, которые ему вменяются обвинением, а обвинитель предпочитает ограничиться применением менее суровой меры наказания и не доводить дело до суда присяжных. Почему сделка выгодна для обеих сторон? Для обвиняемого сделка дает возможность избежать признания судом присяжных его вины в более тяжких преступлениях и назначения более сурового наказания. Для обвинения работа с перспективой на сделку хотя и обременительна (надо собрать максимум улик и тогда будет легче убедить обвиняемого в целесообразности соглашения), но она выгодна, ибо дает возможность избежать признания недостаточности собранных доказательств в суде, не говоря уже об экономии времени и средств.

Некоторые юристы считают институт сделки неприемлемым, поскольку он позволяет избежать рассмотрения дела судом присяжных. Во-вторых, при таких сделках обвинение имеет неоправданно большую свободу действий. В-третьих, поскольку применение такого соглашения с обвинением во многом зависит от искусства адвокатов, оно объективно ставит в привилегированное положение лиц состоятельных, тогда как обвиняемые из бедных слоев не могут пользоваться услугами дорогих адвокатов, и вынуждены идти на такую сделку. В-четвертых, критики такой практики считают, что она противоречит идеям правосудия, соразмерности преступления и наказания и т.п.

Для судебной системы США институт сделки с обвинением (иногда ее называют "сделкой с правосудием") важен, как отмечалось, по чисто практическим соображениям - без него ее функционирование ныне немыслимо из-за крайней перегруженности огромным потоком уголовных дел. Поэтому до 95% дел в судах США уже давно рассматриваются именно по варианту "сделки с правосудием". Еще 20 лет назад бывший председатель Верховного Суда США Уоррен Бергер отмечал: "Если бы количество "сделок" снизилось до 80%, нам нужно было бы в 100 раз увеличить количество судов и в 10 раз - численность судей, адвокатов и прокуроров".

Несмотря на критические стрелы, выпускаемые в адрес сделки о признании вины, масштабы применения этого института в США растут. По мере того, как обвинение и суды становятся все более загруженными, и те, и другие все больше ощущают потребность в его применении. Судебный процесс может длиться месяцами, а использование такого соглашения зачастую позволяет решить исход дела достаточно быстро. Сторонники такой практики (их большинство) убеждены, что она дает определенные гарантии получения нужного обвинению результата, значительно упрощает и ускоряет процесс, способствует раскрытию сложных дел, связанных с организованной преступностью.

Так или иначе, и федеральные власти, и власти большинства штатов эту практику всемерно поддерживают, тем более, что порядок ее применения детально регламентирован. Если, считает Верховный Суд США, сделки "заключают надлежащим образом, то такую практику следует поощрять". В итоге, 90% всех уголовных дел ныне рассматриваются путем применения такого соглашения.

Казалось бы, такой подход недопустим при рассмотрении дел о преступлениях, наказуемых смертной казнью. Однако опубликованные недавно результаты исследований в разных штатах подтверждают весьма широкую распространенность "сделок" с обвинением, на которые идут обвиняемые с целью избежать смертного приговора.

Так, в серии специальных репортажей газеты Associated Press с 4 по 9 мая 2005 года отмечается, что в штате Огайо, например, из 1936 уголовных дел о преступлениях, наказуемых смертной казнью, за период с 1981 по 2002 г., в 50% имело место признание вины на основе "сделки с обвинением". Причем, 131 обвиняемый, признавший вину в обмен на отказ обвинения от смертного приговора, - это виновные в убийствах нескольких человек. И, наоборот, 196 из 274 приговоренных к смертной казни - это лица, в результате преступлений которых была одна жертва.

Закрепление с конца 90-х годов в законодательстве большинства американских штатов альтернативы смертной казни в виде пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение стало фактором особенно широкого использования соглашений о признании вины. Американская пресса в связи с этим не раз отмечала, что такого рода сделки с обвинением оказались удобным средством для все более редкого применения смертной казни, что становилось особенно очевидным при анализе практики рассмотрения соответствующих уголовных дел в окружных судах.

Так, расследование той же Associated Press в штате Огайо показало, что из 334 обвинительных заключений по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, лишь в 5% заключений рассмотрение дела заканчивалось вынесением смертного приговора. В то же время в 55% случаев соглашение о признании вины являлось основанием для избрания судом иных мер наказания, а не смертной казни <1>.

<1> См.: Associated Press. April 6. 2004.

Схожая ситуация в практике использования сделок с обвинением при рассмотрении такого рода дел имеет место и в других штатах, причем даже в федеральных органах правосудия. В Орегоне, например, такой порядок вызывает возражения не только сторонников, но даже противников смертной казни, когда и те, и другие едины в констатации произвольности и несправедливости действующей системы применения смертной казни, при которой лица, совершившие куда более тяжкие убийства избегают высшей меры, идя на сделку с обвинением. И наоборот, обвиняемому (как это было, например, в деле Джесси Ли Джонсона) в менее жестоком преступлении, отказавшемуся от сделки с обвинением и доказывавшему свою невиновность, был вынесен смертный приговор <1>.

<1> См.: Welsh-Huggins. Death Penalty Unequal // Associated Press. May 7. 2005; Roberts K. Capital Cases Hard for Smaller Counties // Associated Press. May 8. 2005; Seewer J. Two Killers. One Spared // Associated Press. May 9. 2005.

В штате Нью-Йорк с 1995 по 2003 гг. признание вины в обмен на отказ от вынесения смертного приговора имело место в 26 из 54 уголовных дел. Такая же ситуация и в Калифорнии, где в 1977 - 1989 гг. из 2866 дел, наказуемых смертной казнью, сделка с обвинением имела место в 47% дел.

В Джорджии при рассмотрении у головных дел по обвинению в убийстве при вооруженном ограблении 50 из 132 обвиняемых избежали смертного приговора "в обмен" на признание вины, получив наказание в виде пожизненного лишения свободы <1>.

<1> См.: A Matter of Life or Death // Atlanta Journal-Constitution, Sept.: 22 - 25, 2007.

На федеральном уровне такая практика в последние шесть лет дала 33% от общего числа уголовных дел о преступлениях, наказуемых смертной казнью.

Географическое неравенство

Важную особенность института смертной казни в США составляет, далее, "географическое" неравенство - весьма заметные территориальные различия и в самом законодательстве, и в практике назначения и исполнения этой меры наказания.

В статистике США издавна принято своеобразное деление страны на четыре "зоны" - Юг, Средний Запад, Запад и Северо-Восток. При этом если на долю Запада и Северо-Востока с 1977 года стабильно приходится не более 1% казненных в стране, на долю Среднего Запада - около 13%, то на долю 9 штатов Юга страны, чье население составляет 36%, ежегодно приходится 83 - 86% всех казненных, причем, две трети всех казней дают всего пять штатов - Техас, Виржиния, Миссури, Флорида и Оклахома.

Обращая внимание на такого рода "диспропорции", бывший сенатор Дж. Джексон отмечает, что совершение убийства в южном штате влечет вынесение смертного приговора в три раза чаще, чем в других регионах <1>.

<1> Jackson J. Capital Punishment Is Applied Unfairly // Capital Punishment Current Controversies. San Diego, 2000. P. 68.

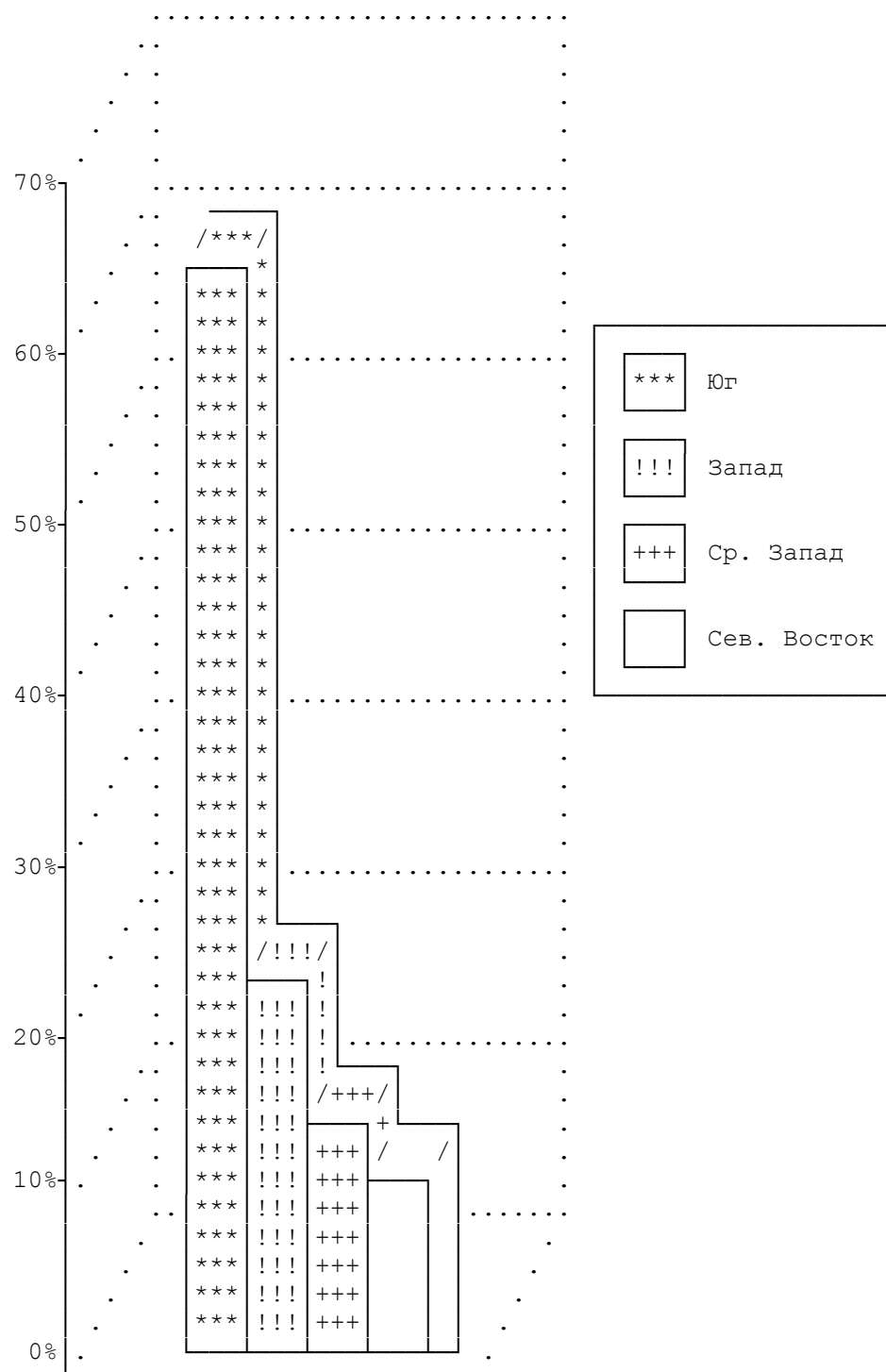
На долю Техаса, например, чье население составляет менее 10% населения страны, приходится более одной трети всех казненных в США с 1977 года. К началу 2008 года в Техасе казнено 403 осужденных из 1099 казненных в США с 1977 по 2007 гг. Американские ученые нередко связывают особенности "географии" смертной казни с распространенным еще на рабовладельческом Юге линчеванием, хотя, вероятно, причины здесь более глубокие.

Начнем с особенностей географии смертных приговоров. Прежде всего, следует отметить, что с 1977 по 2006 гг. ежегодно более 60% смертных приговоров выносятся на Юге страны. В 1986 году из 300 смертных приговоров, вынесенных судами штатов на долю Юга приходилось 174; в 1991 году из 266 - 158; в 1996 году из 316 - 168; в 2004 году из 138 приговоров - 75; в 2005 году - из

128 приговоров - 70. На долю Запада и Среднего Запада ежегодно приходится около 30%, а на долю Северо-Восточных штатов 6 - 7% всех смертных приговоров.

Диаграмма N 4

География смертных приговоров в США (1977 - 2006 гг.)

Разумеется, при анализе особенностей географии смертных приговоров было бы явным упрощением и, по меньшей мере, наивным увязывать их лишь с большей степенью приверженности прокуроров и судей южных штатов высшей мере наказания, абстрагируясь от особенностей криминальной ситуации в том или ином регионе и, прежде всего, от распространенности и масштабов убийств. Логика вынуждает в этой связи еще раз обратиться к региональным показателям этих преступлений. Учитывая минимальный временной лаг,

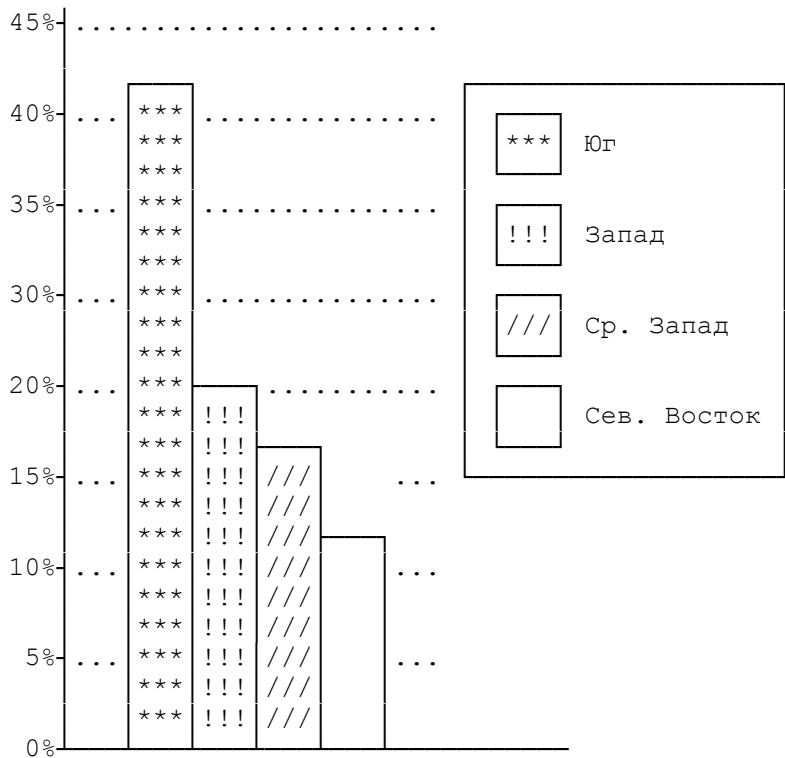
необходимый на рассмотрение такого рода уголовных дел, сравним региональные показатели убийств в 2003 году и количество смертных приговоров, вынесенных в следующем, 2004 году.

По данным статистики ФБР, в 2004 году, например, уровень убийств в расчете на 100 тыс. населения на Юге США составлял 6,9; на Западе - 5,7; на Среднем Западе - 4,9; на Северо-Востоке - 4,2 <1>. Еще более наглядное представление дают абсолютные показатели распространенности убийств в разных регионах США. В 2005 году в США было совершено 16503 убийств; из них: на Юге - 7197 (это 43% всех зарегистрированных убийств); на Западе - 3774 (23,0% всех зарегистрированных убийств); на Среднем Западе - 3221; на Северо-Востоке США - 2311 убийств.

<1> В 2006 году уровень убийств на Юге по-прежнему оставался самым высоким и составлял 6,8 в расчете на 100 тыс. населения (см.: Uniform Crime Reports: Crime in the United States. 2006. October 16. 2007).

Диаграмма N 5

География убийств в США (2006 год)

Из приведенных статистических показателей следует, что хотя число убийств на Юге страны менее, чем в два раза превышает число убийств на Западе, доля смертных приговоров, вынесенных на Юге (65,0%) почти в 4 раза больше; (на Западе она составляет 17,4%, а на Среднем Западе и на Северо-Востоке страны, соответственно, 11,3% и 6,3%).

К практике вынесения смертных приговоров и влиянию на нее географического фактора предстоит еще не раз возвращаться, а здесь отметим, что статистические данные о распространенности казней не менее наглядно характеризуют существенные различия и роль "географии" казней и, следовательно, различное отношение к казням в тех или иных штатах США.

Таблица N 3

География казней в США с 1977 по 2007 г. <1>

<1> См.: Death Penalty Information Center. Facts About the Death Penalty. December 6. 2007. P. 3.

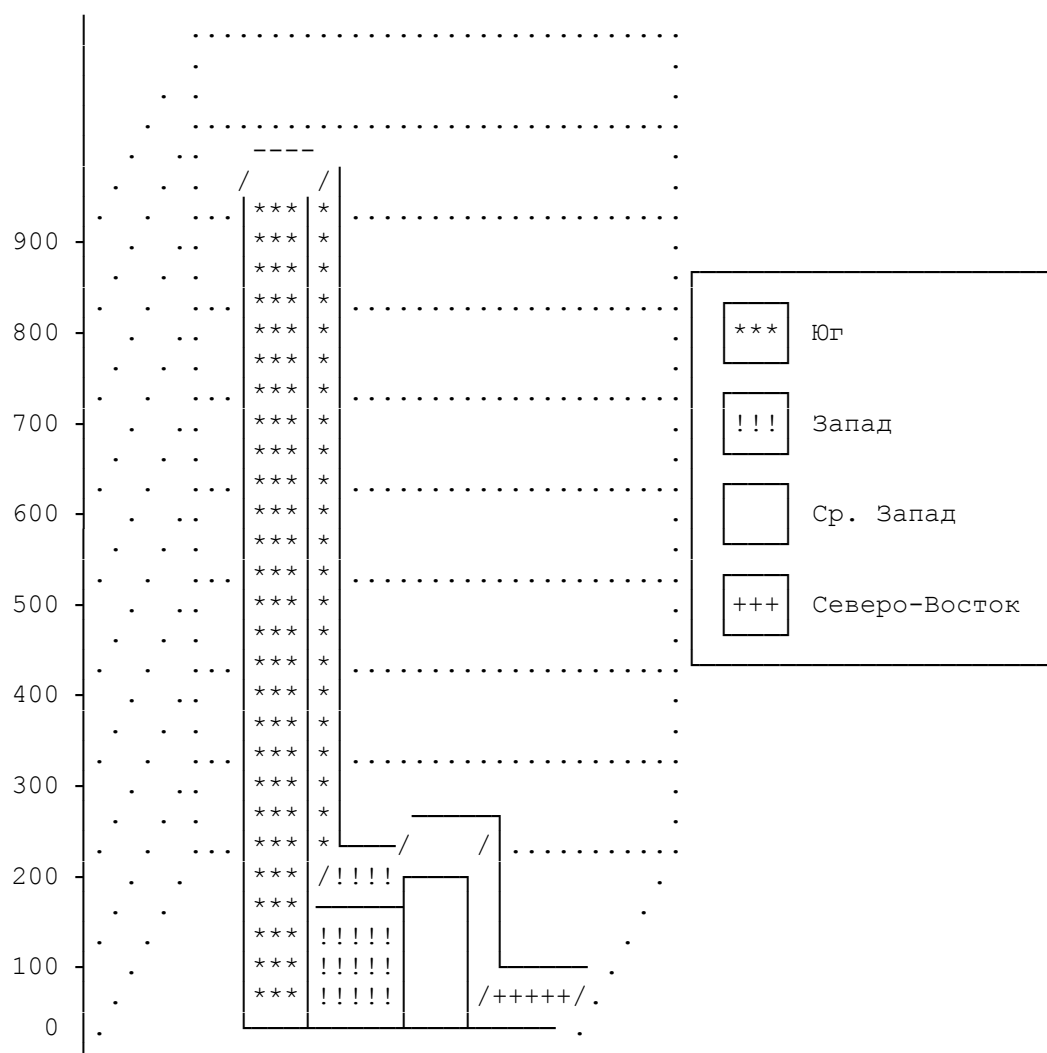
штаты	число казней	штаты	число казней
-------	--------------	-------	--------------

Техас	405	Калифорния	13
Виржиния	98	Миссисипи	8
Оклахома	86	Юта	6
Миссури	66	Мэриленд	5
Флорида	64	Вашингтон	4
Джорджия	40	Небраска	3
С. Каролина	43	Пенсильвания	3
Ю. Каролина	37	Кентукки	2
Алабама	38	Монтана	3
Луизиана	27	Орегон	2
Арканзас	27	Колорадо	1
Аризона	23	Коннектикут	1
Огайо	26	Айдахо	1
Индиана	19	Нью-Мехико	1
Делавэр	14	Теннесси	2
Иллинойс	12	Вайоминг	1
Невада	12	Ю. Дакота	1
		Федер. власти	3

Как видно из приведенной таблицы, за последние 30 лет в 5 штатах было казнено по одному осужденному и лишь в трех штатах - по два. К сказанному выше важно добавить, что за тот же период в 11 штатах страны, а также в федеральном округе Колумбия, не было совершено ни одной казни.

О максимальном "вкладе" Техаса, Виржинии, Миссури, Флориды и Оклахомы в общее число совершенных в США казней уже говорилось. Это, как и в практике вынесения смертных приговоров, очевидная и долговременная тенденция. В 1999 году, например, на Юге было совершено 75% всех казней; в 2004 году - 85%, а в 2005 г. 72% всех казней. Вероятно, это связано с тем, что впервые за несколько лет не было ни одной казни в Виржинии; в 2006 году этот "недостаток" исправили, казнив 4-х осужденных. В итоге, в 2006 году на долю Юга страны пришлось уже 83% всех казней.

География казней в США (на 1 января 2007 года)

Из общего числа казней 821 была проведена на Юге США; 116 - на Среднем Западе; 63 - на Западе и 4 - на Северо-Востоке.

Американские ученые, как и их европейские коллеги, часто соотносят статистику казней с численностью населения штатов с тем, чтобы рассчитать коэффициент или интенсивность казней <1>.

<1> См.: Hood R. The Death Penalty. A Worldwide Perspective. Oxford. 1996. P. 38.

Приведем, например, соответствующие данные по состоянию на 1 января 2003 года (в порядке убывания), ограничив перечень штатов максимальными показателями.

Интенсивность казней в различных штатах США

Штаты	Число казней	Численность населения (тыс. чел.)	Коэффициент на 10 тыс. чел.
Делавэр	13	78,4	0,166
Оклахома	50	345,1	0,145
Техас	263	2085,1	0,126
Виржиния	85	707,9	0,120
Миссури	56	559,5	0,100
Арканзас	24	267,4	0,090
Ю. Каролина	25	401,2	0,062
Луизиана	26	446,9	0,058
Алабама	23	444,7	0,052
Флорида	51	1598,2	0,032
Юта	6	223,3	0,027
Вашингтон	4	589,4	0,007
Калифорния	10	3387,2	0,003
Колорадо	1	430,1	0,002

Как видно из приведенных данных, штаты, лидирующие по абсолютному показателю казней, при расчетах их относительного распределения по численности населения занимают куда более скромные позиции. Между тем такого рода коэффициенты могут дезориентировать исследователя, ибо на самом деле, они никак не отражают фактического положения дел, поскольку не учитывают ни общую криминальную ситуацию в штате, ни распространенность наиболее тяжких преступлений, наказуемых смертной казнью, ни числа вынесенных смертных приговоров и, следовательно, не учитывают числа осужденных, находящихся в "очереди смертников".

В итоге, Делавэр, например, население которого почти в 30 раз меньше, чем в Техасе, имеет более высокий коэффициент, хотя там к указанному периоду казнили не 13, а 263 осужденных, т.е. в 20 раз больше. Аналогичная ситуация складывается при сравнении указанных показателей, скажем, Юты и Сев. Каролины, население которых разнится в 4 раза, а число казней в 3,5 раза, но коэффициент казней в обоих штатах является практически одинаковым. Та же картина складывается, как уже отмечалось, при сравнении коэффициентов казней в разных странах. Как видно, ценность такого рода коэффициентов, мягко говоря, относительна.

Как только что отмечалось, число осужденных, содержащихся в "очереди смертников" также характеризует различное отношение штатов не только и не столько к практике вынесения смертных приговоров, сколько к практике их исполнения. (Поэтому число таких приговоров в том или ином штате не пропорционально ни числу казней, ни числу осужденных, ожидающих казни).

Число казней и "очередь смертников" на 1 января 2007 г.

Штаты	Число казней	"Очередь смертников"	Штаты	Число казней	"Очередь смертников"
Техас	374	392	Мэриленд	5	8
Виржиния	98	20	Вашингтон	4	9
Оклахома	83	89	Небраска	3	9
Миссури	66	50	Пенсильвания	3	228
Флорида	64	398	Кентукки	2	39
Джорджия	39	107	Монтана	3	2
С. Каролина	43	184	Орегон	2	33
Ю. Каролина	36	66	Колорадо	1	2
Алабама	35	192	Коннектикут	1	8
Луизиана	27	88	Айдахо	1	20
Арканзас	27	37	Нью-Мехико	1	2
Аризона	22	124	Теннесси	2	109
Огайо	24	192	Вайоминг	1	2
Индиана	17	24	Нью-Джерси	0	11
Делавэр	14	18	Нью-Йорк	0	1
Иллинойс	12	11	Федер. власть	3	12
Калифорния	13	657			
Невада	12	79	ВСЕГО	1,057	3,344
Миссисипи	12	66			
Юта	6	9			

Указанное в этой таблице соотношение числа казненных и числа осужденных, ожидающих исполнения смертных приговоров, отражает принципиально различное отношение властей и общественности разных штатов к практике назначения и особенно исполнения этой меры наказания. Как уже отмечалось, на долю пяти штатов - Техаса, Виржинии, Оклахомы, Миссури и Флориды - приходится 65% всех казненных. В то же время в тюрьмах этих штатов содержится почти 30% осужденных, ожидающих исполнения смертного приговора. Однако различия значительны даже среди этих пяти штатов, наиболее приверженных смертной казни.

Оставим Техас - здесь к этой мере наказания издавна особая страсть: с 1977 года здесь больше трети всех казненных в стране и почти 13% всех содержащихся в тюрьмах США в "очереди смертников". Но не менее острая ситуация и в Виржинии, где число казненных в 5 раз превышает число осужденных, ожидающих казни. Здесь интенсивность исполнения смертных приговоров всегда была и сегодня еще остается самой высокой. Если в Оклахоме и Миссури эти показатели примерно равны, то во Флориде ситуация прямо противоположная Виржинии - здесь "очередь смертников" в 6 раз больше числа казненных.

За пределами названных пяти штатов разрыв указанных показателей выглядит еще более разительным. Так, в Калифорнии, где "очередь смертников" самая большая в стране (657 осужденных), за те же 30 лет было казнено 13 осужденных; в Теннесси соответственно 109 и 2; в Пенсильвании - 228 и 3; в Огайо и Миссисипи "очередь смертников" в 10 раз больше числа казненных.

Как видно, фактор "географии" сказывается и на частоте применения смертной казни судами различных штатов, и на длительности прохождения апелляционных процедур, и на интенсивности исполнения смертных приговоров, говоря иначе, на длительности ожидания казни в "очереди смертников".

Американские исследователи справедливо обращают внимание на то, что весьма существенные различия в масштабах применения смертной казни издавна фиксируются не только в разных штатах, но даже в городах и округах в пределах одного штата <1>. Этот факт доказан многими исследованиями, выполненными в последние 20 лет. В 1999 году исследование, проведенное газетой USA Today, показало, что, несмотря на значительно более низкий уровень убийств, суды пригородных округов и графств выносят смертные приговоры значительно чаще, чем городские суды. В штате Огайо, например, в пригородном округе Hamilton County к смертной казни за один и тот же период было осуждено 50 человек, а в округе Franklin County лишь 11, хотя численность населения здесь на 14% выше, а уровень убийств выше в два раза.

<1> См. Квашис В. Смертная казнь в США // Государство и право. 1996. N 9; Harries K., Cheatwood D. The Geography of Executions: The Capital Punishment - quagmire in America. Maryland, 1997. P. 34 - 38, 60 - 68.

В Калифорнии, в пригородном округе города Сан-Франциско - San Mateo County, такие приговоры были вынесены 17 осужденным, тогда как в самом Сан-Франциско, где уровень убийств значительно выше, эта мера наказания за тот же период была применена к 4 осужденным. В богатом пригороде Лос-Анджелеса - Orange County, несмотря на значительно более низкий уровень преступности по сравнению с другими округами штата, смертные приговоры до самого последнего времени выносились особенно часто. До 2000 года только этот округ "поставил" в ряды смертников 47 осужденных <1>. В той же Калифорнии прокуроры и присяжные наиболее консервативных пригородных округов Kern County, Riverside County и Shasta County активно поддерживают смертную казнь, а более либеральные прокуроры и присяжные крупных городов - Сан-Диего и Сан-Франциско - крайне редко требуют назначения этой меры наказания. В итоге, при почти одинаковой численности населения (0,75 млн. человек), из Сан-Франциско в "очередь смертников" поступил всего лишь один осужденный (при статистически рассчитанной "норме" 14), а из Kern County и Riverside соответственно 23 и 54 осужденных (почти в два раза выше рассчитанной статистической "нормы") <2>.

<1> См.: Los Angeles Times. January 20. 2003.

<2> См.: San Mateo Daily Journal. February 6. 2004.

Из всех смертных приговоров, вынесенных в штате Пенсильвания, более половины приходится на суды Филадельфии, хотя численность населения в этом городе составляет лишь 14% населения штата. В той же Филадельфии уровень убийств выше почти в три раза, чем в соседнем округе Harrisburg, а число смертных приговоров выше в 11 раз. Практика, далее, показывает, что если окружные прокуроры Филадельфии требуют назначения смертной казни практически во всех такого рода уголовных делах, а окружные прокуроры Питсбурга лишь в каждом четвертом деле <1>. Подобных примеров немало в Нью-Йорке, Техасе и во многих других штатах. Как отмечается в пресс-релизе Американского союза гражданских свобод (ACLU) от 8 марта 2002 года, именно "география определяет вероятность вынесения смертного приговора".

<1> См.: American Civil Liberties Union. Scattered justice: geographic disparities of the death penalty // Press Release. March 5. 2004; An Empirical Analysis of Maryland's Death Sentencing System with Respect to the Influence of Race and Legal Jurisdiction. Final Report. September 2002. P. 24 - 25, 39.

Исследование, проведенное в начале 2000-х годов в университете Мэриленда под руководством проф. Раймонда Патерностера, показало, что в разных округах этого относительно небольшого штата практика обвинения в преступлениях, наказуемых смертной казнью, и применения этой меры наказания в судах из года в год варьируется в весьма широких пределах. Так, в окружном суде Балтимора (Baltimore County) вероятность вынесения смертного приговора в 2 - 4 раза выше, чем в других окружных судах, и в 13 (!) раз выше, чем в городском суде Baltimore City, - самого крупного города в этом штате. В Baltimore County вероятность вынесения смертного приговора, как показало исследование, в пять раз выше, чем в Montgomery County, и в три раза выше, чем в Anne Arundel County, хотя в этих округах уровень убийств выше, чем в Baltimore County.

В уже упомянутом исследовании в Джорджии отмечается, что обвинение в Clayton County требовало назначить смертную казнь за убийство в 13 раз чаще, чем за такое же убийство в Fulton County, расположенном всего в нескольких милях <1>.

<1> См.: A Matter of Life or Death // Atlanta Journal-Constitution. Sept. 22. 2007.

Как видно, ученые и деятели юстиции в США вовсе не случайно называют практику применения смертной казни "географической потерей".

Географическое неравенство все более ощутимо проявляется и в практике использования сделок с обвинением. Как показало исследование университета Мэриленда, в штате Небраска, например, прокуроры таких крупных городов, как Омаха и Линкольн, гораздо чаще требуют вынесения смертных приговоров и чаще отказываются от сделок с обвинением, чем прокуроры отдаленных сельских округов. За последние 16 лет городские прокуроры требовали такой меры наказания в 2,5 раза чаще, чем их коллеги в сельских округах.

Такие же проявления территориального неравенства все чаще отмечаются даже на федеральном уровне, что подтвердила, например, специальная проверка, проведенная Министерством юстиции США в сентябре 2000 года. Отметив "чрезвычайную разбалансированность" свободы прокурорского усмотрения в практике рассмотрения уголовных дел, наказуемых смертной казнью, Министерство юстиции указало на целый ряд фактов, когда в

идентичных делах принимались противоположные решения. Причем, федеральные прокуроры из штатов, где применяется смертная казнь, значительно чаще требовали смертного приговора за аналогичное преступление, наказуемое по федеральным законам, чем прокуроры штатов, где это наказание не применяется. Если такое преступление было совершено, например, в Виржинии или в Техасе, то высшая мера наказания будет назначена с гораздо большей вероятностью, чем если бы то же преступление было совершено в Нью-Йорке, Айдахо, Вайоминге, в Вашингтоне или в Коннектикуте.

Во многих штатах, как показало исследование, проведенное в Колумбийском университете под руководством проф. Джеймса Либмана, сформировались свои так называемые "пояса смерти", где консервативно настроенное население активно выступает за смертную казнь. Основная тенденция при этом та же, что и по стране в целом, - смертные приговоры выносятся главным образом на юге этих штатов. В том же Техасе, например, на долю самого южного округа Harris County, жители которого составляют всего 15% населения штата, приходится четверть всех приведенных в исполнение смертных приговоров. Более того, по числу казней этот округ значительно опережает даже штаты, вслед за Техасом лидирующие по этому показателю, - и Оклахому, и Миссури, и Флориду.

Радикализм юристов-профессионалов из южных штатов известен издавна. В конце 90-х годов американские ученые Д. Уайтхэд и М. Робертс опросили в штате Теннесси большую группу работников юстиции и установили, что среди них сторонники смертной казни составляют почти 90%, т.е. в 1,5 раза больше, чем среди населения страны. Смертную казнь в этом южном штате поддерживают 95% законодателей, 91% работников прокуратуры и даже 21% адвокатов (интересно, что наименьшей популярностью эта мера пользуется среди судей и работников полиции) <1>.

<1> См.: Квашис В. Смертная казнь и общественное мнение // Уголовное право. 1998. N 2.

Наконец, вовсе не случайно особенности географии смертных приговоров находят отражение в географическом распределении оправданных осужденных, длительное время содержавшихся в "очереди смертников". Показательно, в частности, что на конец 2005 года из 122 оправданных осужденных-"смертников", 65 были необоснованно осуждены именно в южных штатах.

Указанное выше исследование университета штата Мэриленд не случайно имело большой политический резонанс и в самом Мэриленде, и далеко за его пределами. Опираясь на итоги этого исследования, показавшего всю остроту проблемы расового и особенно географического неравенства при назначении смертной казни, губернатор штата Пэррис Гленденинг 9 мая 2002 года объявил мораторий на исполнение смертных приговоров, с тем чтобы оценить результаты проверки обоснованности вынесенных смертных приговоров. Другое дело, что мораторий действовал менее года - Сенат штата (где перевес сторонников смертной казни составил всего один голос) и новый губернатор штата Роберт Эрлих сделали все, чтобы уже в марте 2003 года мораторий на казни в Мэриленде был отменен <1>.

<1> См.: Facts About the Death Penalty. December 15. 2005. P. 2.

Особенности деятельности суда присяжных

Суд присяжных всегда относился к "главным колесам того огромного социального механизма, который называется уголовным правосудием" <1>. В зачаточном виде институт присяжных был известен еще древним афинянам и римлянам. В средневековый период, а затем и в период революционных потрясений в Европе в начале XVIII века в нем видели превосходное средство, чтобы народ, отправляя правосудие, имел возможность не бояться тирании. Суд присяжных, перенесенный Французской революцией из Англии, должен был утвердить суверенитет освобожденного народа, "представлять собой совесть страны и заменить добрым народным сердцем и здравым народным смыслом педантичную доктрину людей, состарившихся в учении и кастовых привилегиях; при таком взгляде на него суд присяжных слишком согласовался с царившими тогда идеями, чтобы не стать всеобщим признанным. Поразительный пример организационной связи, существующей между социальными и политическими условиями, между философскими идеями и судебными порядками!" <2>.

<1> Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 523.

<2> Там же. С. 547.

Заемствование британской системы суда присяжных в США было более органичным, чем на европейском континенте, поскольку одновременно "переезжала" вся правовая система и

внедрялась та же правовая культура, основанная на системе общего права. Другое дело, что пороки в природе суда присяжных сохранялись, хотя они не ощущались здесь так болезненно, как, например, в Европе.

По делам, не влекущим применение смертной казни, работа присяжных заканчивается после того, как они примут решение о виновности обвиняемого. По делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, присяжные, как правило, участвуют в принятии решения, следует ли назначить эту меру наказания или не назначать.

В большинстве американских штатов разработана особая система судебного разбирательства по таким делам, где принятие решения представляет собой двухступенчатую процедуру. На первой - вопрос о виновности или невиновности подсудимого определяется судом присяжных, "подготовленных к вынесению смертного приговора" <1>. Если они признают подсудимого виновным, то та же коллегия присяжных созывается вновь и процесс переходит во вторую фазу - определения наказания, где присяжные выбирают меру наказания виновному смертную казнь или пожизненное лишение свободы. (В ряде штатов суд присяжных, рассматривая такие дела, может признать подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, которое не влечет за собой наказания в виде смертной казни.) Во время этой фазы защита подсудимого имеет право огласить любые смягчающие обстоятельства, которые могли бы исключить возможность применения смертной казни. Прокурор, в свою очередь, может представить любые контраргументы.

<1> См.: Haney C. Mitigation and the Study of Lives: On the Roots of Violent Criminality and the Nature of Capital Justice // America's Experiment with Capital Punishment. Durham, 1998. P. 351 - 384.

До самого последнего времени в ряде штатов решение присяжных на этой стадии носило совещательный и главным образом рекомендательный характер, а окончательное решение выносил председательствующий судья (Аризона, Монтана, Небраска и др.). В других штатах именно присяжные решали и решают вопрос о назначении смертной казни, а в третьей группе штатов смертная казнь назначается только при условии, что и судья, и присяжные пришли к согласию. Во Флориде, например, где смертные приговоры выносятся наиболее часто, полномочия жюри ограничены лишь рекомендациями, которыми судьи никак не связаны. Поэтому судьи довольно часто отменяли решение присяжных о назначении иной меры наказания и назначали именно смертную казнь. Такая ситуация сложилась в Алабаме и в Индиане.

Так или иначе, именно во второй фазе судебного разбирательства возникает, как показывает ряд исследований, множество проблемных ситуаций, связанных с представлениями присяжных и психологическими особенностями восприятия ими разъяснений и установок судьи. Некоторые присяжные в ходе опроса признавали, например, что и во время процесса и после него они не знали или не понимали, какими именно директивами им следовало руководствоваться при принятии решения. Другие опрошенные присяжные признавались, что изменили свое решение в пользу вынесения смертного приговора, чтобы не создавать разногласий среди жюри, хотя в душе были против этого.

Подводя итоги исследований, проведенных в рамках специального проекта, посвященного проблемам суда присяжных, американские ученые имели основания подчеркнуть, что "до сих пор не доказано, что при вынесении решений присяжные руководствуются наличием отягчающих и смягчающих обстоятельств, хотя именно этого требует Верховный суд США" <1>.

<1> Bowers W. and Steiner B. Choosing Life or Death: Sentencing Dynamics in Capital Cases // America's Experiment with Capital Punishment. 1998. P. 345.

Во всяком случае эти исследования помогают понять, почему результаты целого ряда судебных процессов оказывались как минимум менее предсказуемыми.

Решения присяжных - один из источников потенциальных судебных ошибок, имеющих особое значение именно применительно к делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью. Дело в том, что система судов присяжных базируется на допущении, что присяжные - люди, не имеющих юридического образования, - достаточно подробно информировать о правовых стандартах, применяемых к ряду обстоятельств конкретного уголовного дела. Более того, эта система предполагает, что присяжные способны принять обоснованные решения о виновности обвиняемого и назначить справедливое наказание.

Увы, это изначально наивное заблуждение независимо от того, где, как долго, на каких условиях и в рамках какой правовой культуры действует институт присяжных. Ведь суд присяжных, как говорил А.Ф. Кони, это "суд улицы". В этом его плюсы и одновременно в этом же и его минусы. Предсказать решение присяжных, которые живут не в барокамере и руководствуются главным образом собственными житейскими представлениями о справедливости, как правило, достаточно

сложно. Поэтому система суда присяжных всегда вызывала много нареканий и имела множество противников.

Как писал Энрико Ферри, власть, с которой суды присяжных выносят свои вердикты, это - "quasi-суверенная власть" и в этом один из самых главных недостатков суда присяжных. Ибо, если это действительно верховная власть, то уже по самой его природе на решение суда присяжных не может быть апелляции и, следовательно, этот суд не может быть ответственным. Э. Ферри считал, что "это следствие исторического и юридического генезиса суда присяжных должно рассматриваться как опасное и абсурдное". Ибо нельзя понять, каким образом случайно взятые присяжные могут представлять собой народную совесть, которая очень часто протестует и возмущается их вердиктами <1>.

<1> См.: Ферри Э. Указ. соч. С. 552 - 553.

Суд присяжных основывается, далее, на той идее, что при их отборе лишь жребий должен решать, кому будет принадлежать осуществление этой гражданской прерогативы, что, помимо всего прочего, противоречит и требованию закона разделения труда. Поскольку в самых важных социальных потребностях никак нельзя полагаться на случайности. "Тогда как в самых ничтожных мелочах повседневной жизни прибегают к услугам различных специалистов, в деле столь важном как суд, не боятся отступать от этого элементарного правила благоразумия и поступают совершенно так же, как если б человек, желающий починить часы, обращался к столяру. А суд присяжных возводит в принцип не только неподготовленность лиц, но еще и случайность действий" <1>.

<1> Там же.

Мало того, отмечал Э. Ферри, что у присяжных отсутствуют необходимые познания, их суд никогда не будет удовлетворительно отправлять свои функции, так как принужден следовать приемам низшей формы умственного развития. Он может руководствоваться только одним здравым смыслом, реже рассудком, то есть либо бессознательной привычкой думать известным образом, либо природной прозорливостью, не на много возвышающейся над народными предрассудками. Но знание - это высшее руководство, ему чуждо, оно не может существовать при случайном и неорганическом соединении общих и чрезвычайно разнообразных способностей; наоборот, оно возможно у однородного и постоянного состава судей.

Существуют объективные различия между конкретным фактом, законом и их восприятием присяжными; поэтому они не стремятся к познанию внутренней связи, подчиняющей факты общему закону. Отсюда неизбежная склонность присяжных основываться на отдельных фактах, исходить из чувства сострадания или же руководствоваться более или менее скрытым чувством мести. Отсюда получается страстное и близорукое правосудие, которое в глазах народа заслуживает весьма мало уважения. Это господство чувства над разумом составляет, по убеждению Э. Ферри, главную черту суда присяжных.

В практическом плане многое здесь зависит и от того, насколько точно присяжные понимают правовые нормы, разъясняемые им судьей. Это, как только что отмечалось, особенно важно при рассмотрении таких уголовных дел, где в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь. Между тем, как показали специальные исследования, инструкции судей о принципах и порядке назначения этой меры наказания присяжные зачастую понимают или недостаточно, или совсем неправильно.

Ныне действующие инструкции, которыми судьи снабжают присяжных, вырабатывались и совершенствовались при участии Верховного суда США около 30 лет. Эти инструкции структурируют процесс принятия присяжными решений, приводят этот процесс в соответствие с ныне действующими правовыми стандартами и, если они понимаются присяжными правильно, должны способствовать снижению вероятности вынесения ошибочных вердиктов. И здесь, при решении вопросов, связанных с назначением высшей меры наказания, у присяжных заседателей возникает немало проблем.

Так, исследование, проведенное в 1992 году в Северной Каролине, показало, что присяжные гораздо лучше понимают вопросы, связанные с оценкой отягчающих обстоятельств, и тогда правильнее используют инструкции судьи в процессе принятия решения. И, наоборот, понимание вопросов, связанных с оценкой смягчающих обстоятельств, усваивалось ими гораздо хуже <1>.

<1> См.: Уголовное право. 2000. N 2. С. 105 - 106.

Этот весьма важный вывод подтвердили и исследования, проведенные в конце 90-х годов в судах штатов Огайо и Теннесси. Они показали, что наибольшая часть ошибок, нарушавших интересы обвиняемых, была сделана присяжными не в пользу обвиняемых, а в пользу обвинения.

Многие присяжные полагали, что стандарты доказательства смягчающих обстоятельств более ограничены, чем это обеспечивает уголовный закон. В итоге почти у всех членов жюри присяжных, прежде всего, проявлялся "обвинительный уклон" <1>.

<1> См.: Crime and Delinquency. 1998. Vol. 44. July. N 3. P. 412 - 429.

Крайне низкий уровень решений, принимаемых судом присяжных, не случайно стал важным аргументом противников смертной казни, которые отмечали тенденцию к поспешному, часто заведомому признанию подсудимого виновным. Напомним, что при судебном рассмотрении такого рода дел принятие решения является двухступенчатой процедурой. Однако, как показало исследование, проведенное в судах Северной Каролины, более 40% из 142 опрошенных присяжных признали, что они приняли решение о применении смертной казни к подсудимым еще на первой стадии судебного разбирательства, т.е. когда еще только решался вопрос об их виновности.

Кроме того, процедура подбора присяжных в большинстве штатов позволяет обвинителям исключать из состава присяжных людей, заявляющих, что они ни при каких обстоятельствах не будут голосовать за смертную казнь. Такой подход, разумеется, чреват формированием жюри присяжных, заведомо склонных к вынесению смертного приговора (по сравнению с процедурой подбора жюри в обычном уголовном процессе). И хотя такая практика, очевидно, противоречит Конституции, Верховный суд США не видит здесь нарушений и таковой ее не считает. В противном случае, считают законодатели большинства штатов, и именно это мнение поддерживается Верховным судом США, существует риск, когда присяжные могут не выполнить наставление судьи и тем самым нарушить даваемую присягу объективного применения закона.

24 июня 2002 года, рассмотрев дело Ring v. Arisona, Верховный суд США постановил, что отныне смертные приговоры могут выносить только коллегии присяжных заседателей, а не сами судьи. Правда, пока это решение Верховного суда США касается только пяти штатов - Аризоны, Айдахо, Монтаны, Колорадо и Небраски, где до самого последнего времени право вынесения окончательного приговора оставалось за судьей. По этому решению Верховного суда США в названных штатах может быть пересмотрено почти 170 ранее вынесенных смертных приговоров.

Кроме того, Верховный суд США назвал сомнительным и подлежащим рассмотрению порядок вынесения смертных приговоров, действующий в других штатах - Алабаме, Делавэре, Флориде и Индиане, где такие приговоры выносили судьи по результатам заседания коллегии присяжных, обладающей правом рекомендации. Если указанное решение Верховного суда США распространится и на законы этих четырех штатов, то такого рода революционное нововведение может в общей сложности привести к пересмотру смертных приговоров, вынесенных почти 800 осужденным <1>.

<1> См.: The New York Times. 2002. June 25; Квашиш В.Е. Смертная казнь в США: 25 лет после моратория // Юридический мир. 2002. N 10. С. 25 - 26.

С начала 2000-х гг. в целом ряде штатов долгие годы присущий многим присяжным "обвинительный уклон", похоже, стал постепенно уходить в прошлое - все чаще жюри стало возражать против вынесения смертного приговора. В Джорджии, например, в 2000 - 2006 гг. в каждых двух из трех дел присяжные выступали против смертной казни <1>.

<1> См.: A Matter of Life or Death // Atlanta Journal-Constitution. Sept.: 22 - 25. 2007.

Применение смертной казни к несовершеннолетним и душевнобольным; нарушения прав иностранных граждан

В стране, считающей себя оплотом мировой демократии, несмотря на известные международно-правовые документы и многочисленные обращения Организации Объединенных Наций и других международных организаций, до самого последнего времени продолжались казни осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, душевнобольных и умственно отсталых, до сих пор грубо нарушаются права обвиняемых - иностранных граждан на защиту и консульскую помощь в ходе следствия и рассмотрения уголовного дела <1>.

<1> См.: AI Index: AMR 51/007/2002. 17 January. 2002 "USA: Arbitrary, discriminatory, cruel, futile - 25 years of judicial killing"; AI Index: AMR 51/103/2002. 28 June. 2002 "USA: Time to rethink the death penalty - 30 years after landmark court ruling".

Почти 40 лет США игнорировали мировое общественное мнение и до самого последнего времени нарушали Конвенцию о гражданских и политических правах 1966 года, Американскую

конвенцию о правах человека 1969 года и Конвенцию 1989 года о правах ребенка (ст. 37), запрещающую казни тех, кто совершил преступления в возрасте до 18 лет, оставаясь в одном ряду с такими странами, как Саудовская Аравия, Иран и Сомали (между тем от такой практики уже несколько лет назад отказались Китай, Йемен и Пакистан).

О недопустимости казней несовершеннолетних прямо говорится и в Резолюции Экономического и социального совета ООН 1984/50 от 25 мая 1984 года, где названы меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни <1>. Между тем до 2005 года США оставались единственным государством Запада, где разрешалось казнить подростков. С 1973 года в судах США к смертной казни было осуждено почти 230 несовершеннолетних - больше, чем в остальных пяти странах, допускавших применение этой меры наказания <2>.

<1> См.: Смертная казнь и осуществление мер, гарантирующих защиту тех, кто приговорен к смертной казни. Шестой пятилетний доклад Генерального секретаря ООН. 31 марта 2000. E/2000/3.

<2> См.: Гетманский К. Дети-убийцы ждут казни и надеются на милосердие взрослых // Известия. 22.07.2004.

Казни несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления, допускались законодательством 20 штатов, которые сами решали вопрос о мере наказания. К началу 2005 года в 9 штатах минимальный возраст для применения смертной казни не превышал 16 лет (Алабама, Делавэр, Кентукки, Миссисипи, Миссури; в Арканзасе, Виржинии и Юте - 14, а в Оклахоме - 13 лет). В 5 штатах - Флориде, Джорджии, Нью-Гемпшире, Северной Каролине и Техасе - этот минимальный возраст составлял 17 лет. В законодательстве 6 штатов - Аризона, Айдахо, Монтана, Луизиана, Пенсильвания и Южная Каролина - такого рода возрастные ограничения вообще не указаны; они содержатся лишь в прецедентных решениях Верховных судов штатов по конкретным делам, где в качестве обвиняемых проходят лица, совершившие соответствующие преступления до наступления 18 лет.

Законодательство остальных 18 штатов, а также федеральное законодательство предусматривают применение смертной казни только к лицам, совершившим преступления после достижения ими 18 лет. В законодательстве штата Нью-Йорк было установлено, что для применения этой меры преступнику на момент совершения преступления "должно быть больше 18 лет". 4 марта 2004 года губернаторы штатов Вайоминг и Южная Дакота подписали законы о запрете казней для тех, кто совершил преступления до наступления 18 лет <1>.

<1> См.: Dicks S. Young Blood. Juvenile Justice and the Death Penalty. New York. 1995; Bureau of Justice Statistics Bulletin. Capital Punishment 2005. December 2006.

С 1976 по 2004 г. в США казнили 22 несовершеннолетних (в т.ч. 62% - в Техасе). К началу 2004 года в "очереди смертников" в США находилось около 80 человек, совершивших преступления в возрасте до 18 лет. В мае 2002 года на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной проблеме защиты детей, США назвали себя "глобальным лидером в деле защиты детей". Между тем, по данным "Международной Амнистии", только в 1997 - 2001 гг. во всем мире было казнено 17 таких осужденных, из них 12 казнили именно в США <1>.

<1> См.: AI Index: AMR 51/013/2002. 28 January. 2002 "USA: Clemency authorities and legislators must act to prevent executions of child offenders".

Надо сказать, что до середины XX века практика казней тех лиц, которые совершили преступления в подростковом возрасте, не попадала в эпицентр общественного внимания и не вызывала сомнений с точки зрения конституционного характера этой меры наказания. И лишь с середины 80-х годов эта проблема приобрела особую политическую и юридическую остроту, что послужило основанием для радикальных, хотя и не всегда последовательных изменений в судебной практике, в том числе и в практике Верховного суда США.

Так, 1988 году Верховный суд, рассмотрев апелляцию по делу Thompson v. Oklahoma, пятью голосами против трех решил, что смертный приговор в отношении лица, совершившего преступление в возрасте до 16 лет, является "жестоким и необычным наказанием" и, следовательно, противоречит Конституции США <1>. Однако всего лишь год спустя, рассматривая вопрос о допустимости казни подростков, совершивших преступления в возрасте 16 - 17 лет, Верховный суд США принял противоположное решение по делу Stanford v. Kentucky, отметив, что казнь преступников этого возраста не является жестоким и необычным наказанием и не противоречит Конституции страны <2>. Именно это решение Верховного суда США в качестве прецедента послужило основанием для того, чтобы законодатели различных штатов закрепили

указанные выше минимальные возрастные ограничения, препятствующие вынесению смертных приговоров.

<1> См.: Thompson v. Oklahoma. 487 U.S. 815 (1988).

<2> См.: Stanford v. Kentucky, 492 U.S. 361 (1989); Mandery E. Capital Punishment: A Balanced Examination. Massachusetts. 2004. P. 322 - 323.

С конца 90-х годов особое внимание американской и зарубежной общественности было приковано к процессу по делу Кристофера Симмонса, совершившего в 1993 году убийство в возрасте 17 лет и в 1997 году осужденного к смертной казни. 26 августа 2003 года Верховный суд штата Миссури, рассмотрев апелляцию по делу Roper v. Simmons, четырьмя голосами против трех признал вынесение смертного приговора Симмонсу противоречащим 8-й Поправке к Конституции США и заменил смертный приговор пожизненным лишением свободы без права на досрочное освобождение. При этом суд пришел к заключению, что за последние 15 лет в США сложилось единое мнение о необоснованности применения смертной казни к несовершеннолетним. Прокуратура штата Миссури с решением Верховного суда не согласилась и подала апелляцию в Верховный суд США, утверждая, что отказ Верховного суда Миссури от прецедентного решения Верховного суда США по делу Stanford v. Kentucky является необоснованным, ибо с конституционной точки зрения применение смертной казни к несовершеннолетним допустимо и потому она должна быть применена и к Симмонсу.

В защиту Симмонса и с призывом отменить смертную казнь для несовершеннолетних выступили многие видные политические деятели, 15 нобелевских лауреатов, представители 45 стран Европы, включая Россию, а также Канада, Новая Зеландия и Мексика. Кстати, Мексика подписала это обращение вовсе не случайно - из 70 осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте и содержащихся в "очереди смертников", 50 - этнические мексиканцы. Указанное обращение подписали также руководители большинства религиозных и медицинских ассоциаций США <1>.

<1> "Ученые, - отмечалось в послании медиков, - имеют документальное подтверждение того, что подростки недооценивают риски и переоценивают выгоды, которые они могут получить от совершения того или иного преступления. Они более эмоциональны и более подвержены стрессовым ситуациям. Мозг подростка продолжает развитие после 18 лет. Центры мозга, которые регулируют эмоции, импульсы, оценку рисков, моральные устои, развиваются одними из последних".

Наконец, настал долгожданный день - 1 марта 2005 года. "Восьмая и Четырнадцатая поправки к Конституции США запрещают вынесение смертного приговора в отношении преступников, не достигших 18 лет на момент совершения преступления", - так судья Кеннеди от имени пятерых из девяти членов Верховного Суда заключил действительно историческое решение Верховного суда США по делу Roper v. Simmons <1>. Помимо всего прочего, это решение сохранило жизнь и смягчило наказание 71 осужденному, которые содержались в "очереди смертников" за преступления, совершенные ими до достижения 18 лет.

Аргументация этого решения вызывает интерес не только с чисто юридической точки зрения. В трактовке "жестокости и необычности наказания" Верховный суд США ориентировался на нравственные стандарты, означающие прогресс цивилизованного общества. Чтобы установить, позволяют ли эти стандарты казнь несовершеннолетних, суд прибегнул к анализу позиций законодателей штатов. Как отмечено в Постановлении Верховного суда США, "отрицание смертной казни несовершеннолетних в большинстве штатов, редкость ее применения даже там, где она сохраняется законодательно, и уверенность в движении к отмене этой практики в достаточной мере доказывают то, что сегодня наше общество рассматривает несовершеннолетних как заслуживающих меньшего наказания по сравнению с взрослыми преступниками".

<1> См.: Roper v. Simmons. 03-633(2005).

Другой довод Верховного суда США касался оценки того, насколько применение смертной казни к несовершеннолетним согласуется с требованием применять это наказание только к совершившим наиболее тяжкие преступления. Верховный суд выделил здесь три наиболее значимых различия между подростками и взрослыми преступниками, во много воспроизводя приведенные выше аргументы медиков. Во-первых, несовершеннолетние в большей мере склонны к необдуманным поступкам в силу неразвитого чувства ответственности; во-вторых, они во многом подвержены влиянию извне; наконец, их характер еще не настолько сформировался как у взрослых. Кроме того, и это особенно интересно, Верховный суд постановил, что применение

смертной казни к несовершеннолетним не оправдывается ни идеей возмездия (поскольку они не заслуживают столь суровой кары), ни соображениями общей превенции. Последние доводы Верховного суда США, приведенные в этом Постановлении, на наш взгляд, имеют особое значение, поскольку на самом деле они выходят за пределы проблематики смертной казни несовершеннолетних и сами по себе имеют более широкую значимость и криминологический смысл.

Интересно, далее, что, называя 18-летний возраст в качестве минимальной границы для применения смертной казни, Верховный суд отметил ее произвольность и относительность, ибо отмеченные черты характера несовершеннолетних по достижении этой возрастной отметки сами по себе не исчезают <1>. "Узаконенность" именно этой возрастной границы в большей степени вызвана тем, что с наступлением 18-летнего возраста и федеральное законодательство, и законы штатов связывают множество иных ограничений и правовых последствий противоправного поведения.

<1> См. Есаков Г. Смертная казнь несовершеннолетних как жестокое и необычное наказание: американские подходы // Уголовное право. 2005. N 3.

"Это принципиальное решение, - говорится в специальном заявлении "Международной Амнистии", - принято как раз в тот момент, когда со всей остротой встал вопрос о демонстрации США своей приверженности международным нормам в области прав человека. Этот прецедент поможет приблизить день окончательного и бесповоротного искоренения смертной казни, повсеместно признаваемой незаконной". Оно действительно означает конец позорной для великой страны практики применения смертной казни к несовершеннолетним преступникам и окончательное разрешение одного из самых острых и наиболее спорных для уголовно-правовой науки вопроса, к которому, как уже отмечалось, несколько последних десятилетий было приковано пристальное внимание американской и мировой общественности.

В большинстве стран законодательство запрещает применение смертной казни к душевнобольным и умственно отсталым лицам, совершившим тяжкие преступления. Статья 3 Резолюции 1984/50 Экономического и социального совета ООН от 25 мая 1984 года "Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни" специально обращает внимание на то, что не должен приводиться в исполнение смертный приговор в отношении "лиц, потерявших рассудок". В 1988 году Комитет ООН по предупреждению преступности рекомендовал Экономическому и социальному совету ООН предложить государствам, законы которых допускают применение смертной казни, не применять ее к лицам, "страдающим умственной отсталостью или обладающим крайне ограниченными умственными способностями в момент вынесения приговоров и в момент приведения их в исполнение" <1>.

<1> Средний показатель интеллектуального развития американских граждан (IQ) равен 100; у умственно отсталых, которые составляют 2% населения США, IQ равен 70; см.: Mandery, E. Capital Punishment: A Balanced Examination. Massachusetts, 2004. P. 322 - 323.

До последнего времени в законодательстве штатов этот вопрос решался по-разному, причем особые трудности вызывала возможность применения смертной казни к умственно отсталым преступникам. В 1989 году Джорджия и Мэриленд запретили применение смертной казни к таким лицам. Однако в том же году Верховный суд США в решении по делу Penry v. Lynaugh постановил, что применение смертной казни к умственно отсталому не является нарушением Конституции <1>. Это решение Верховного суда вызвало недовольство американской общественности. Уже на следующий день социологический опрос показал, что 70% американцев выступают против казни умственно отсталых преступников <2>. В том же 1989 году Организация Объединенных Наций принимает специальную резолюцию, запрещающую казни таких лиц.

<1> См.: Penry v. Lynaugh. 492 U.S. 302 (1989); Mandery E. Capital Punishment: A Balanced Examination. Massachusetts, 2004. P. 340 - 341.

<2> См.: Streib V. Executing Women, Children, and the Retarded: Second Class Citizens in Capital Punishment // Americas Experiment with Capital Punishment. Durham, 1998. P. 213 - 215.

Все это привело к тому, что к решению законодателей Джорджии и Мэриленда вскоре присоединились еще 11 штатов, а к 2002 году запрет на казни умственно отсталых преступников действовал уже в 18 штатах (Аризона, Арканзас, Колорадо, Флорида, Коннектикут, Джорджия, Индиана, Канзас, Кентукки, Мэриленд, Монтана, Небраска, Нью-Мехико, Нью-Йорк, Северная Каролина, Южная Дакота, Теннесси, Вашингтон).

До самого последнего времени смертные приговоры в отношении таких лиц приводились в исполнение (особенно часто в Техасе и Виржинии), не взирая на степень умственного развития и

состояние психики подсудимых <1>. Только за 1977 - 2002 гг. в США было казнено свыше 30 таких осужденных.

<1> См.: Coyne R., Entzeroth L. Capital Punishment and the Judicial Process. Durham, 1994. P. 205 - 207.

С конца 90-х годов применение смертной казни к названным лицам стало подвергаться все более резкой критике не только со стороны различных международных организаций, но и внутри страны. В результате в законодательных органах ряда штатов началась работа по корректированию такой практики. Даже в Техасе законодатели штата приняли в июне 2001 года законопроект, запрещающий применение смертной казни к указанной категории лиц, однако губернатор штата Рик Перри, сменивший на этом посту Дж. Буша, наложил вето на это решение, что вызвало широкий резонанс в средствах массовой информации США, где взгляды нового губернатора издевательски идентифицировались как идейное наследие того, кто стал президентом страны.

Наконец, 20 июня 2002 года Верховный суд США, рассмотрев дело *Atkins v. Virginia*, шестью голосами против трех принял решение о том, что применение смертной казни к умственно отсталым преступникам противоречит Конституции, запрещающей "жестокое и необычное наказание" <1>. Спустя 13 лет после решения Верховного суда США по делу *Penry v. Lynaugh* и принятия Организацией Объединенных Наций специальной резолюции этот запрет будет распространяться на всю территорию США. Теперь всем умственно отсталым осужденным смертная казнь будет заменена пожизненным лишением свободы.

<1> См.: *Atkins v. Virginia*. 00-8452 U.S. (2002); Mandery E. Capital Punishment: A Balanced Examination. Massachusetts, 2004. P. 343; Bureau of Justice Statistics Bulletin. Capital Punishment 2005. Dec. 2006. NCJ215083. P. 2.

Указанное решение предполагает и внесение соответствующих изменений в законодательство штатов. За три года после решения Верховного суда США по делу *Atkins v. Virginia* такие изменения внесли законодатели еще ряда штатов. Таким образом, уже к началу 2007 года законодательство 27 штатов США полностью исключило возможность применения смертной казни в отношении умственно отсталых преступников <1>, а в Южной Каролине умственная отсталость стала признаваться смягчающим обстоятельством.

<1> К ним относятся: Аризона, Арканзас, Калифорния, Колорадо, Коннектикут, Делавэр, Флорида, Джорджия, Айдахо, Иллинойс, Индиана, Канзас, Кентукки, Луизиана, Юта, Мэриленд, Миссури, Небраска, Невада, Нью-Мехико, Нью-Йорк, Северная Каролина, Теннесси, Южная Дакота, Виржиния, Вашингтон.

США продолжают грубо нарушать общепризнанные права иностранных граждан на оказание необходимой консульской помощи, закрепленные в ст. 36 Венской конвенции 1963 года (*Vienna Convention on Consular Relations*), подписанной и ратифицированной США.

Такого рода нарушения вызывают особую обеспокоенность международной общественности, когда речь идет об иностранцах, осужденных к смертной казни. За последние 30 лет к смертной казни было осуждено около 130 иностранных граждан (из более 40 государств) и почти в каждом деле установлено, что при их аресте власти США отказывали им в консульской помощи. По данным "Международной Амнистии", ни один из 15 казненных с 1993 года иностранцев даже не был информирован властями о его праве на получение необходимой консульской помощи со стороны своего государства.

В начале 2001 года ООН в специальной резолюции подчеркнула необходимость всемерной защиты прав мигрантов и в том числе их права на консульскую помощь. Именно США были единственной страной, голосовавшей против этой резолюции ООН.

К началу 2007 года в тюрьмах США в "очереди смертников" содержалось 120 иностранцев - граждан 32 зарубежных стран. Вот лишь один из многих примеров, характеризующих пренебрежительное отношение американских властей к судьбе осужденных иностранцев и ходатайствам руководителей зарубежных стран, обеспокоенных положением этих осужденных.

В 2002 году накануне казни в Техасе осужденного мексиканца Хавьера Медины президент Мексики Винсент Фокс направил губернатору Техаса Р. Перри послание с настоятельной просьбой отложить исполнение смертного приговора. Президент соседней страны в своем обращении ссылаясь на незаконность приговора, нарушение элементарных процессуальных норм и, в частности, на нарушение Венской конвенции о консульских отношениях, которая требует соблюдения прав арестованных иностранных граждан на оказание консульской помощи. Кроме того, ходатайство осужденного об отмене казни и пересмотре приговора, направленное в

Верховный суд США, подписали руководители 14 других государств - Аргентины, Польши, Испании, Бразилии и т.д. Однако эта петиция, как и просьба президента Мексики, была отклонена, и 14 августа 2002 года Медина был казнен. В знак протеста президент Мексики отменил свой визит в Техас, в ходе которого должна была состояться его встреча с президентом США <1>.

<1> См.: AI Index: AMR 51/119/2001. August 22. 2001 "Time to end double standards and respect the consular rights of foreign nationals facing the death penalty".

31 марта 2004 года Гаагский международный суд признал, что в тюрьмах США содержатся более 50 граждан Мексики, осужденных к смертной казни с грубым нарушением требований Венской конвенции (им было отказано в консульской помощи во время ареста) <1>. Под нажимом резкой критики со стороны международной общественности президент Дж. Буш в 2006 году приказал судебным властям Техаса пересмотреть все дела в отношении указанных граждан Мексики. Однако Верховный суд Техаса, возмущенный вмешательством президента, отказался выполнить его распоряжение. Министерству юстиции США потребовались огромные усилия для того, чтобы переломить ситуацию, и в настоящее время по ряду таких уголовных дел Верховный суд США назначил, а позднее и провел новые слушания <2>.

<1> См.: AI Index: AMR 51/057/2004 "USA: Osvaldo Torres, Mexican national denied consular rights, scheduled to die"; Medellin v. Dretke, No. 04-5928; Medellin v. Texas, No. 06-984; Associated Press. December 10. 2004.

<2> См.: New York Times. November 16. 2006; New York Times. May 1. 2007.

Остается добавить, что актуальность указанной проблемы до сих пор не снижается; к середине 2007 года в "очереди смертников" в США содержалось 124 осужденных - иностранцев из 33 стран, в том числе 54 - из соседней Мексики.

Трагические события 11 сентября 2001 года кардинально изменили политическую ситуацию во всем мире. Но, помимо всего прочего, они, добавили еще один весьма серьезный аргумент в пользу отмены смертной казни. И здесь нет никаких парадоксов. Речь идет о том, что в тех же США широкое применение смертной казни стало непреодолимым препятствием для экстрадиции лиц, подозреваемых в терроризме. Несмотря на создание антитеррористической коалиции, казни в США создают серьезную проблему международной кооперации правоохранительных органов.

Как известно, общепризнанный принцип международного права уже многие годы служит основанием для довольно распространенной практики отказа в выдаче преступников в ту или иную страну, применяющую смертную казнь по крайней мере без соответствующих гарантий, что эта мера наказания не будет назначена выданному преступнику. Не случайно Международный уголовный суд, Международный трибунал по бывшей Югославии и Международный трибунал по Руанде, созданные для рассмотрения самых тяжких преступлений, отказались от применения смертной казни.

Мало того, что США широко применяют смертную казнь, 13 ноября 2001 года президент Дж. Буш издал так называемый Военный указ (Military Order), согласно которому специальные военные комиссии вправе выносить смертные приговоры иностранцам, подозреваемым в терроризме, причем такие приговоры не подлежат обжалованию.

Между тем только в 43 странах, входящих в Совет Европы, задержаны десятки подозреваемых в причастности к событиям 11 сентября и принадлежности к террористическим организациям. В Испании, например, только в ноябре 2001 г. были задержаны 8 таких подозреваемых, но власти этой страны отказали США в их экстрадиции именно на том основании, что они могут предстать перед названными военными комиссиями и быть осужденными к смертной казни. 13 декабря 2001 г. министр юстиции Франции заявила по национальному радио, что ни один французский гражданин не будет выдан с США <1>. Одновременно власти Германии и Италии заявили министру юстиции США, что они также откажут в экстрадиции любого подозреваемого, которому в США будет грозить смертная казнь.

<1> См.: Квашис В. Отмена моратория не защитит общество // Юридический мир. 2002. N 7. С. 8.

Глава III. ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ СМЕРТНЫХ ПРИГОВОРОВ В США

3.1. Современные тенденции в практике вынесения смертных приговоров

По данным, опубликованным Информационным центром по проблемам смертной казни, за 30 лет - с 1976 по 2005 г. - в США было вынесено 7073 смертных приговора <1>.

<1> Этот суммарный показатель, как и показатели смертных приговоров за отдельные годы, хотя и незначительно, все же отличаются от данных Бюро уголовной статистики, на которые ранее автор ссылался в ряде публикаций (см.: Квашис В.Е. Современные тенденции в практике вынесения смертных приговоров в США // Уголовное право. 2006. N 6. С. 101 - 105). В итоге расхождение этих суммарных показателей за 30 лет составило всего 73 приговора, а главное, никак не изменились ни динамика приговоров, ни исследуемые тенденции и, следовательно, их оценки.

Однако наибольший интерес представляют последние 20 лет современной американской истории, ибо именно в этот период в судебной практике по применению высшей меры наказания за убийство несколько раз происходила существенная смена тенденций.

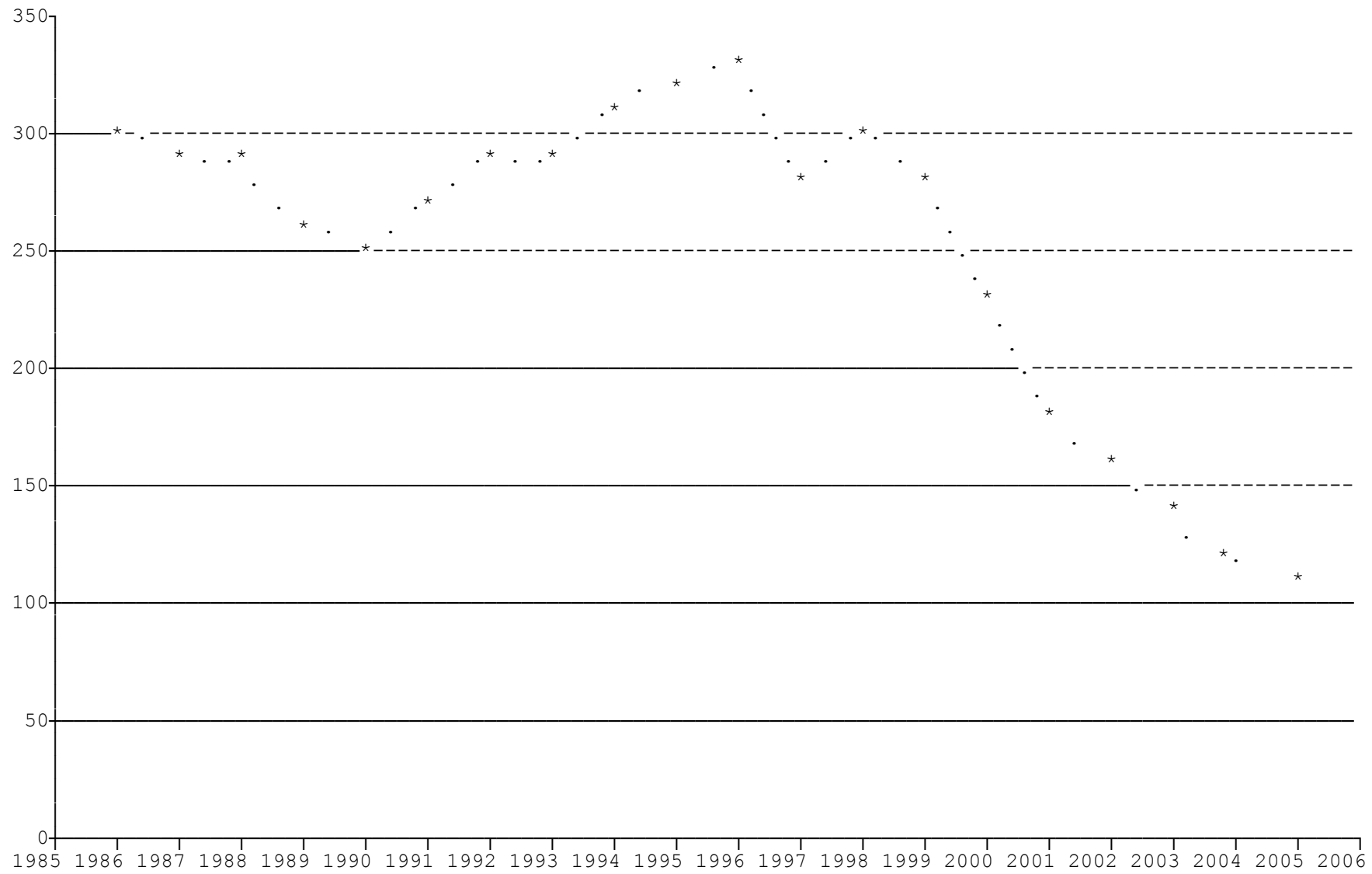
Таблица N 6

Динамика смертных приговоров в 1976 - 2005 гг.

Годы	Число приговоров	Годы	Число приговоров
1976	233	1991	268
1977	137	1992	287
1978	185	1993	287
1979	151	1994	315
1980	173	1995	315
1981	223	1996	317
1982	267	1997	275
1983	252	1998	298
1984	284	1999	277
1985	262	2000	232
1986	300	2001	162
1987	287	2002	167
1988	291	2003	153
1989	258	2004	138
1990	251	2005	128

График N 3

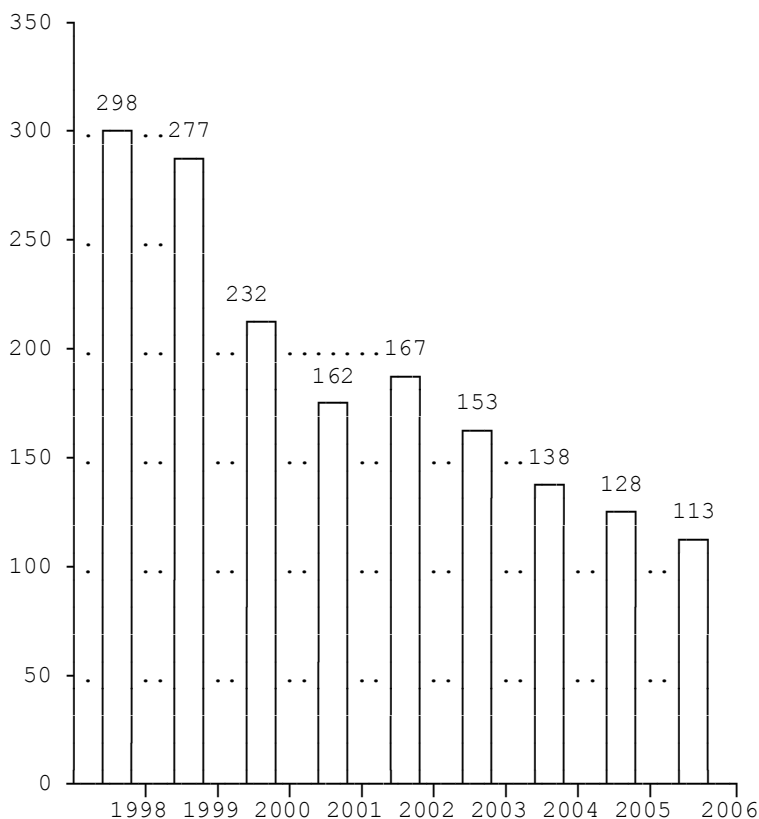
Динамика смертных приговоров в США в 1986 - 2005 гг.

Как видно, кардинальный перелом в практике вынесения смертных приговоров наметился еще в середине 90-х годов, а вскоре изменения в их динамике стали все более очевидными, а тенденция однозначной.

Диаграмма N 7

Динамика смертных приговоров в США в 1998 - 2006 гг.

С этим периодом связаны и позитивные изменения в динамике преступности, в том числе изменения в динамике убийств, в их абсолютных и в относительных показателях.

С 1986 по 2005 г. в США зарегистрировано 391780 убийств, и, как показывает статистика, за эти 20 лет суды вынесли 4906 смертных приговоров. Таким образом, соотношение названных показателей в их суммарном выражении - 1:80. Условно это соотношение можно принять за степень риска или вероятность смертного приговора в случае совершения убийства. Однако понятно, что далеко не каждое убийство подпадает под возможное применение смертной казни. Для этого в суде, в соответствии с законами штатов, должно быть установлено не только наличие отягчающих обстоятельств, но и отсутствие обстоятельств, смягчающих ответственность виновного. Поэтому, на самом деле, реальное соотношение указанных показателей (другими словами, риск смертного приговора) не меньше, чем 1:100, причем в последние годы это соотношение имеет все более очевидную тенденцию к снижению. В 1990 - 1995 гг. оно выглядело как 1:85; а в 2001 - 2005 гг. - 1:120. Таким образом, уже к 2006 году риск смертного приговора за убийство заметно снизился - практически смертный приговор может быть вынесен лишь одному из 120 убийц.

Понятно, далее, что и это соотношение требует определенной коррекции, хотя бы потому, что приводимая статистика оперирует лишь общим числом зарегистрированных убийств, а не числом лиц, привлеченных к ответственности. Поэтому можно считать, что и последний показатель вероятности смертного приговора на самом деле еще ниже.

Американские эксперты подсчитали, что к 2006 году коэффициент смертных приговоров в США в расчете на 100 тысяч населения впервые за последние 30 лет стал самым низким и составил 0,48. (Показатель этот сам по себе для анализа ситуации недостаточный, но он дополняет характеристику тенденции.) Указанная тенденция, как представлялось <1>, должна была, судя по всему, сохраниться и в 2006 году, причем не только в силу все более широкого применения альтернативной меры - пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение (и иных факторов, о которых речь впереди), но и просто в силу параллельной и не

менее очевидной тенденции - резкого прироста населения США на рубеже и в начале 2000-х годов.

<1> См.: Уголовное право. 2006. N 6. С. 103 - 105.

Так оно и получилось. 2006 впервые за истекшие 10 лет принес не только самое низкое число казней (53), но и самое низкое за 30 лет число вынесенных в стране смертных приговоров - 114 <1>.

<1> См.: Death Penalty Information Center. The Death Penalty in 2006: Year End Report. December 2006. P. 1 - 2.

Абсолютное число смертных приговоров, как только что отмечалось, также последовательно снижается, причем куда более явными темпами, чем их коэффициент. Понятно, что даже при стабильном числе таких приговоров их коэффициент будет снижаться из-за быстро растущей численности населения. А уж при снижении числа смертных приговоров этот относительный показатель просто обречен на снижение.

Рост численности населения предполагает не только снижение коэффициентов смертных приговоров. Он также оказывает прямое влияние и на снижение относительных показателей убийств. В США оно, как только что отмечалось, сопровождается и снижением абсолютных показателей, что ставит по меньшей мере два вопроса.

Изменения в характере и масштабах преступности и ее видов, как известно, во многом зависят от социально-экономических, политических, культурных, демографических и иных факторов. В связи с этим применительно к убийствам совокупность позитивных изменений в экономической сфере и общественной жизни в целом <1>, происходящих на фоне последовательного роста численности населения США, делают правомерной, во-первых, постановку вопроса о возможном достижении "естественного" и допустимого предела, другими словами, о "пороге насыщения".

<1> С начала 2000-х гг. в США удалось, например, значительно снизить уровень безработицы; к 2006 году было создано более 19 млн. рабочих мест. В итоге уровень безработицы в США (4,5%) намного ниже, чем в странах ЕС (8,4%).

Комментируя последовательную тенденцию к значительному снижению убийств <1>, американская пресса размышляет о перспективах: если так пойдет и дальше, то скоро число убийств достигнет уровня, ниже которого опускаться будет просто невозможно. Как, мол, есть некий естественный уровень безработицы, ниже которого она опускаться не может, так, возможно, есть и некий естественный уровень убийств, снизить который никто, кроме Господа Бога, не в состоянии. Но если Он до сих пор не смог изменить человеческую природу, то, похоже, никогда и не сподобится <2>. Почти по Энрико Ферри, который писал о "сокращении преступности до несократимого минимума" <3>.

<1> В 1995 - 2005 гг. уровень убийств в США снизился на 36,7%; в 1993 - 2004 гг. ежегодное число зарегистрированных убийств снизилось с 24,5 до 15,5 тысяч.

<2> См.: Кваши В. По дорогам США: заметки криминолога // Криминологический журнал. 2005. N 2(9). С. 5 - 11.

<3> Ферри Э. Социология преступности. М., 2005. С. 656.

Во-вторых, все большее сомнение вызывает однозначная зависимость между ростом населения и "естественным" ростом преступности, на которую опираются пессимистические, зачастую граничащие с неминуемым апокалипсисом прогнозы развития мировой преступности в работах некоторых отечественных криминологов. Причем не только в плане роста абсолютных показателей преступности, что вполне вероятно, хотя и необязательно, но и в плане однозначного роста относительных показателей преступности как основной мировой закономерности <1>, с чем крайне трудно согласиться. Ибо по крайней мере в двух из трех возможных вариантов относительные показатели преступности не будут расти: а) если прирост преступности равен приросту населения; б) если прирост населения опережает прирост преступности. Поэтому указанные утверждения во многом абстрактны, они не всегда опираются на достоверную статистическую базу и, как уже отмечалось, не вполне учитывают реалии, складывающиеся сегодня в ряде крупных, в том числе в развитых, стран <2>.

<1> См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 458.

<2> См.: Ли Д.А. Преступность в структуре общества. М., 2000; Наумов А.В. Существуют ли пределы роста преступности? // Уголовное право. 2005. N 3; Квашис В. Преступность в США: реальность позитивных изменений или "временное исключение"? // Уголовное право. 2005. N 5.

В связи с констатацией реалий в развитии криминологической ситуации в США представляются принципиально значимыми соображения общетеоретического характера, которые, несмотря на растущий поток литературы, к сожалению, не привлекли должного внимания отечественных криминологов. М.М. Бабаев и М.С. Крутер, например, сформулировали эти положения применительно к оценке криминальной ситуации в России, но это обстоятельство не меняет сути дела.

"Конечно же, - пишут ученые, - мы вправе признать, что если некая тенденция проявляет себя достаточно четко и устойчиво в течение длительного времени, она приобретает свойства закономерности. Однако думается, в этой формуле обязательно должен быть предусмотрен некий временной ограничитель. Процесс роста преступности не может быть бесконечным... Закономерность роста не может быть абсолютно неограниченной. Впрочем, как не может стать абсолютной и тенденция снижения (сокращения) преступности. Вот почему, находясь в пределах российского статистического материала и рассуждая применительно к нашей стране, мы обязаны сделать существенную оговорку: тенденция роста преступности приняла характер закономерности для данного, представленного нами периода времени...

Из сказанного также следует, что в будущем непременно произойдет долгожданная смена тенденции. А затем эта благотворная тенденция вновь уступит место прежней, и "температурная кривая", чутко отражая криминогенно значимые признаки новых социальных болезней, снова поползет вверх. И подобная повторяемость неизбежна, поскольку единственно вечной закономерностью является закономерность неизбежной смены тенденций динамики преступности. Крупные социальные явления и процессы (преступность к их числу относится, безусловно), развивающиеся на основе четко выраженной закономерности, не могут быстро менять свою устойчивую направленность. Такие процессы, словно огромный маховик, набрав обороты, обладают высокой степенью инерционности..." <1>.

<1> Бабаев М., Крутер М. Современная криминологическая ситуация в России и проблемы ее изучения и оценки // Уголовное право. 2000. N 2. С. 99; Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М.: Юрист, 2006. С. 106 - 134.

Указанные суждения никак нельзя признать ни банальными, ни тем более тривиальными, они стимулируют мысль и обоснованно снижают градус не до конца осмысленного пессимизма, социально-психологические последствия которого не стоит недооценивать.

Применительно к США речь шла не о закономерности, а именно о достаточно длительной и устойчивой тенденции снижения преступности (на протяжении 12 лет). Время покажет, как долго еще будет развиваться эта благоприятная тенденция, до каких пор ее можно будет называть лишь "временным исключением" (В.В. Лунеев), как долго будут работать силы инерции, о которых только что говорилось.

Вернемся, однако, к судебной практике США по делам об убийствах. Характеризуя очевидную тенденцию к последовательному снижению числа смертных приговоров, американская пресса отмечает, далее, что все большее число штатов, несмотря на разный уровень преступности, переосмысливает плюсы и минусы смертной казни, тем более что общественная поддержка этой меры заметно сократилась из-за весьма сомнительной, "произвольной и несправедливой", а в целом ряде случаев и ошибочной практики применения смертной казни <1>. Этому во многом способствует и новое законодательство большинства штатов, с конца 90-х годов закрепившее более широкие возможности использования названной альтернативной меры наказания.

<1> См.: U.S. News and World Report. May 8. 2006.

Так, в Огайо уже в 2000 году только 4,0% осужденных за убийство были вынесены смертные приговоры, а 27,0% была назначена альтернативная мера наказания в виде пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение (еще два года назад оба вида наказания распределялись среди названных мер поровну). Не зря уже в начале 2000-х годов эксперты были единодушны, отмечая, что указанная тенденция получит еще более широкое распространение <1>. Так оно и вышло. В Нью-Йорке, например, уже к 2003 году число смертных приговоров по сравнению с 1997 годом сократилось в два раза <2>.

<1> См.: Cleveland Plain Dealer. August 21. 2001.

<2> См.: The New York Times. September 21. 2003.

К середине 2004 года тенденция максимально широкого применения альтернативной меры наказания охватила практически все штаты (исключение составил штат Нью-Мехико, где до сих пор не предусмотрена названная альтернативная мера наказания), причем такую практику поддержали и федеральные суды. Как показало исследование журнала The New York Times, только за июнь 2003 года в 15 из 16 уголовных дел об убийствах, рассмотренных в федеральных судах, жюри предпочло смертной казни названную альтернативную меру наказания. Одной из основных причин развития указанной тенденции американская пресса называет революцию в сознании жюри присяжных, "революцию, которая произошла в совещательных комнатах жюри". Показательны в этом плане материалы, опубликованные в течение одного дня газетами Иллинойса, Огайо, Индианы и Калифорнии <1>.

<1> См.: Chicago Tribune. August 25. 2004; Cincinnati Enquirer. August 24. 2004; Munster Times. August 24. 2004; San Jose Mercury News. August 24. 2004.

В Северной Каролине, например, за последние 6 лет число смертных приговоров в 2005 году снизилось на 65% (в 1999 году таких приговоров здесь было вынесено 24, в 1998 - 18, а в 2005 - 6). По мнению экспертов, это в основном результат все более широкой практики сделок с обвинением и замены смертной казни альтернативной мерой наказания. Причем даже по самым "чудовищным" преступлениям (heinous crime) в федеральных судах многих штатов жюри в 75% случаев предпочитало вместо смертной казни назначать наказание в виде пожизненного лишения свободы без права досрочного освобождения <1>.

<1> См.: Death Penalty Information Center. The Death Penalty in 2005: Year End Report. December 2005. P. 2.

В Калифорнии, где смертные приговоры всегда выносились особенно часто, их число в 2005 году по сравнению с 1990 годом снизилось на 40% (в 1999 году здесь было вынесено 43 смертных приговора; в 2000 г. - 31, а в 2005 - 23). По данным Бюро тюрем, с 1990 по 2000 г. суды Калифорнии ежегодно поставляли в "очередь смертников" не менее 35 осужденных; с 2001 года их число снизилось сначала до 21, а в 2005 году - до 18. Другое дело, что, несмотря на более низкий, чем в других штатах, уровень убийств, Калифорния по-прежнему лидирует по общему числу осужденных, содержащихся в "очереди смертников".

Даже в Техасе, который, как уже отмечалось, всегда лидировал по числу смертных приговоров, в 2005 году было вынесено 14 таких приговоров - впервые меньше, чем в Калифорнии (еще в 1999 году в Техасе вынесли 48 смертных приговоров, в 2002 г. - 37, в 2004 - 23). Причем в самом "кровавом" округе Техаса Harris County (в США его не зря называют "опорой смертной казни") в 2005 году впервые за 30 лет было вынесено лишь два смертных приговора.

Анализируя эту тенденцию, американская пресса констатирует кардинально изменившееся отношение к смертной казни среди законодателей штатов, членов жюри, обвинителей и даже родственников потерпевших, которые ныне предпочитают альтернативную меру наказания, не отличающейся произволом и другими недостатками, присущими высшей мере. В итоге в США только за последние пять лет ежегодное число смертных приговоров в стране сократилось на 60% (с 232 в 2000 году до 128 в 2005 году).

Среди ряда факторов, обусловивших отмеченную переориентацию судебной практики по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, следует назвать и получившие в конце 90-х годов широкую огласку многочисленные факты судебных ошибок, выявить которые позволило использование новых технологий (тесты ДНК). На этом фоне к началу 2000 г. число сторонников смертной казни в стране впервые за 20 лет резко снизилось. В Калифорнии, например, за установление моратория на исполнение смертных приговоров высказалось 73% населения; общественное движение за введение такого моратория быстро набирало силу и в других штатах - Мэриленде, Огайо, Индиане и т.д. Законодатели штата Небраска, например, еще весной 1999 г. проголосовали за установление двухлетнего моратория на казни, однако губернатор наложил вето на этот законопроект (чтобы преодолеть это вето не хватило всего лишь трех голосов). Тем не менее активисты движения против смертной казни в этом штате добились создания специального фонда и выделения 160 млн. долл. на изучение всех уголовных дел, по которым суды штата с 1973 г. вынесли смертные приговоры.

Самое мощное и организованное аболиционистское движение сформировалось все же в Калифорнии, Нью-Йорке и Иллинойсе. В январе 2000 года губернатор Иллинойса Джордж Райан объявил о моратории на исполнение смертных приговоров (4 осужденных он помиловал, а другим 167, содержавшимся в "очереди смертников", заменил эту меру наказания пожизненным лишением свободы).

Решение о моратории было принято после того, как был освобожден тринадцатый по счету необоснованно осужденный (Э. Портер провел в "очереди смертников" 15 лет и был освобожден за два дня до казни). "Я не могу, - заявил губернатор Дж. Райан, - поддерживать систему, допускающую такое количество ошибок, которое привело к бесконечному кошмару, когда государство убивает невиновных" <1>.

<1> См.: Квашис В. Смертная казнь в США: 25 лет после моратория // Юридический мир. 2002. N 10.

Резонанс этого беспрецедентного решения был столь мощным, что заставил прокуроров и присяжных стать более внимательными и сдержанными. Как отмечала американская пресса, уже вскоре после объявления моратория стало ясно, что это одно из важнейших событий года. В 2002 году под влиянием быстро растущего числа выявленных судебных ошибок аналогичный мораторий был объявлен и губернатором Мэриленда (хотя, как уже отмечалось, действовал он не долго).

В 2004 году смертная казнь была вновь отменена в штате Нью-Йорк, а в 2006 году Нью-Джерси стал первым штатом, который провел решение о моратории на казни на законодательном уровне (через Конгресс штата).

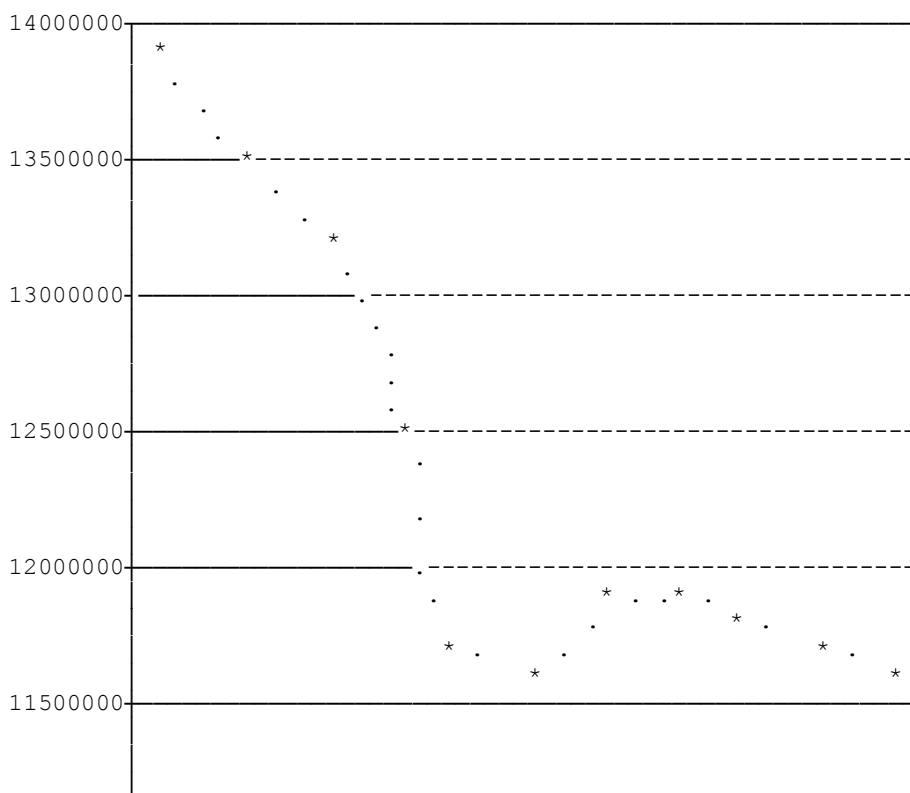
В периодической печати тенденцию к снижению смертных приговоров связывают еще с двумя факторами. Во-первых, последние 6 - 7 лет доказывало свои реальные преимущества применение альтернативной меры наказания - пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение. И хотя две трети американцев еще "исповедуют" смертную казнь, предложение альтернативы снижает число ее сторонников - по разным опросам - до 50%.

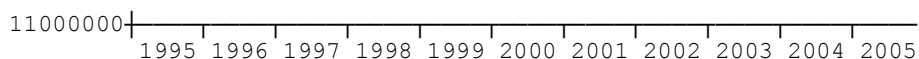
Во-вторых, многие связывают снижение числа смертных приговоров с возросшим привлечением к таким делам более квалифицированных адвокатов (назначаемых за счет средств штата), с общим повышением уровня защиты в судах, с растущим мастерством адвокатов в обращении с присяжными, когда они призывают сохранить жизнь их подзащитным.

Не менее важным объяснением тенденции к резкому снижению числа смертных приговоров, казалось бы, должно было служить заметное снижение масштабов преступности и, в первую очередь, значительное - особенно в последние 10 лет - снижение абсолютных и относительных показателей убийств. За эти годы в США преступность в целом сократилась почти на 30%, причем обращают на себя внимание последовательность снижения этого показателя.

График N 4

Динамика преступности в США в 1995 - 2005 гг.

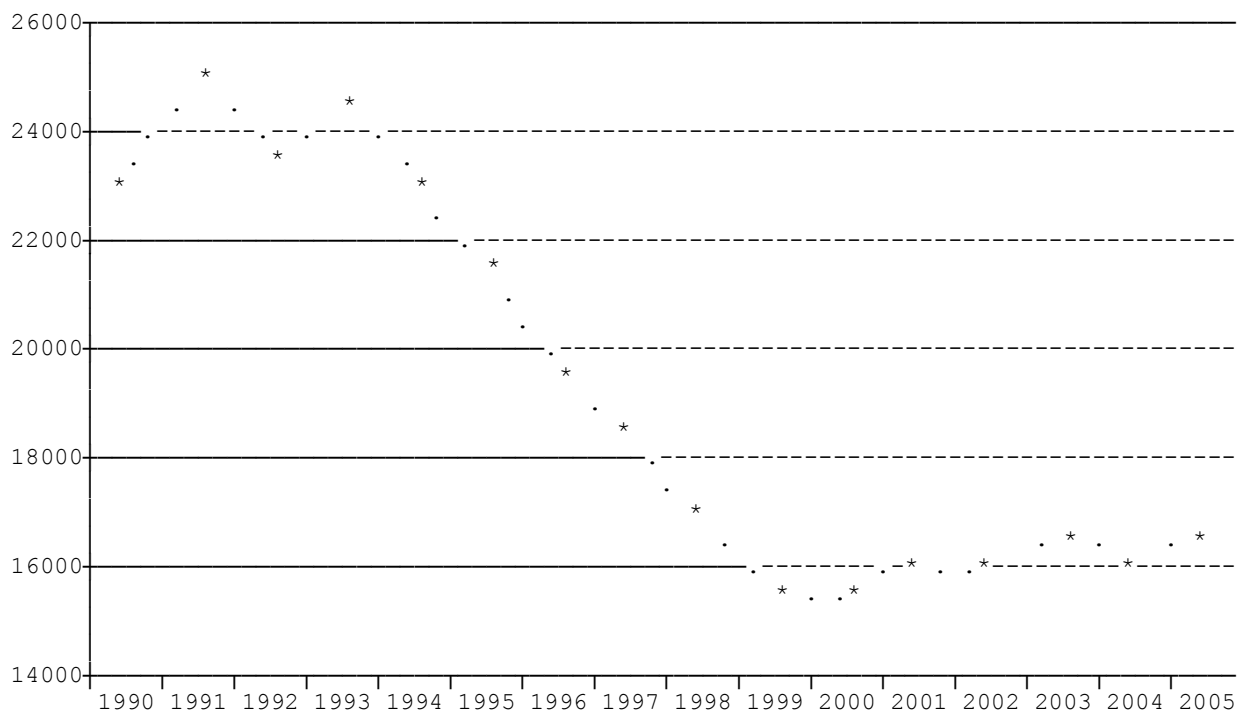

По данным ФБР, уровень насильственной преступности к 2005 году снизился на 33,4%, в том числе уровень убийств снизился на 36,7%, грабежей - на 40,2%, изнасилований - на 18,2% и т.д. С 1993 по 2003 г. число убийств снизилось с 24,5 до 15,5 тысячи. В 2004 - 2006 гг. этот показатель вырос в среднем до 16,5 тысячи, но так или иначе, очевидно, что в последние 8 - 9 лет число убийств в США в 2 раза, а уровень убийств в 4 раза ниже, чем в России. При этом впечатляет не только резкое снижение числа убийств с середины 90-х годов, но и стабильность указанного показателя на протяжении последующих 10 лет.

График N 5

Динамика убийств в США в 1990 - 2005 гг.

Уже не раз приходилось отмечать, что, решая вопрос о применении смертной казни, в целом судебная практика абстрагируется от состояния и тенденций в развитии преступности и, в частности, от распространенности убийств <1>. Это означает, что между числом убийств, зарегистрированных в том или ином году, и числом вынесенных в том же году смертных приговоров нет корреляционной связи хотя бы потому, что расследование и судебное рассмотрение дел об убийствах, влекущих по закону применение смертной казни, образуют весьма существенный временной лаг. Нередко процесс по такого рода делам растягивается на несколько лет и потому линейное сопоставление общего числа или коэффициентов убийств и вынесенных в том же году смертных приговоров, мягко говоря, некорректно. Но даже допуская теоретическую возможность рассмотрения всех таких дел в том же году, констатировать сколь либо значимые корреляционные связи между динамикой убийств и интенсивностью вынесения смертных приговоров практически невозможно, не говоря уже о методологических пороках такого анализа. Много лет назад Э. Ферри по этому поводу писал: "Статистика показывает, что менее частое совершение обложенных смертной казнью преступлений зависит не от числа смертных приговоров и казней, а от чрезвычайно разнообразных и гораздо более важных факторов" <2>.

<1> См. Кваши В. Смертная казнь в США // Государство и право. 1996. N 9.

<2> Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 594.

Таким образом, тенденции в динамике убийств и интенсивности вынесения смертных приговоров на самом деле развиваются независимо друг от друга. Отсюда очевидным представляется и мифологический характер концепции общего предупреждения, давно превратившейся в фикцию, в теоретическую абстракцию, когда соображения устрашения путем применения наиболее суровых мер наказания на макроуровне судебной практики никак не

"работают". Можно, конечно, предполагать, что на уровне конкретного уголовного дела, конкретный судья, назначая высшую меру наказания, исходит среди всего прочего и из соображений общей превенции. Но здесь речь идет не об индивидуальных актах, а о тенденции, причем о тенденции явной, продолжительной и, судя по всему, перспективной.

В приводимой ниже таблице сведена разноплановая информация о динамике абсолютных и относительных показателей убийств, числе ежегодно выносимых в США смертных приговоров и численности населения страны за 20-летний период.

Таблица N 7

Динамика убийств и смертных приговоров в 1986 - 2005 гг.

Годы	Число убийств	Уровень убийств	Число см. приговоров	Численность населения
1986	20612	8,6	300	240,1329
1987	20096	8,3	287	242,2889
1988	20675	8,5	291	244,4990
1989	21500	8,7	258	246,8192
1990	23438	9,4	251	249,4644
1991	24703	9,8	268	252,1531
1992	23760	9,3	287	255,0297
1993	24526	9,5	287	257,7826
1994	23396	9,0	315	260,3270
1995	21606	8,2	315	262,8033
1996	19645	7,4	317	265,2286
1997	18208	6,8	275	267,7836
1998	16974	6,3	298	270,2480
1999	15592	5,7	277	272,6908
2000	15517	5,5	232	281,4219
2001	16037	5,6	162	285,3176
2002	16229	5,6	167	287,8739
2003	16528	5,7	153	290,8098
2004	16137	5,5	138	293,7 млн.
2005	16601	5,5	128	296,4 млн.
ВСЕГ О	391780		4906	

Как видно, в последние 20 лет динамика убийств и практика смертных приговоров почти никогда не шли параллельным курсом и изменения в рамках этих процессов нельзя признать синхронными. Для наглядности последующего анализа разобьем весь период наблюдений на несколько отрезков.

Указанные процессы привлекают особое внимание в контексте изменений в численности населения страны. Как видно из таблицы, в 1986 - 1999 гг. ежегодный прирост населения США составлял 2,5 млн. человек. За этот период численность населения выросла на 32,5 млн. человек, однако столь значительный рост населения почти не отразился на динамике убийств. Исключение составляют 1990 - 1994 гг., однако было бы большим упрощением напрямую связывать эти два процесса.

В самом деле все последующие пять лет численность населения росла, она увеличилась еще на 12 млн. человек, а число убийств, начиная с 1995 года, стало ежегодно и весьма заметно снижаться. Этот перелом, разумеется, связан с комплексом факторов, лежащих далеко за пределами изменений в численности населения. Это и начало экономического подъема на основе мер, предпринятых пришедшей к власти администрацией Б. Клинтона, и последовательное решение других социальных проблем, и существенное реформирование всей правоохранительной системы на основе Закона 1994 года об усилении борьбы с преступностью ("The Violence Crime Control and Law Enforcement Act of 1994"), по которому общая стоимость принимаемых мер превышала 30 млрд. долларов, численность полиции выросла на 100 тысяч сотрудников, принципиально менялась система профилактики преступности, существенно выросли расходы на строительство новых тюрем, на решение проблем ресоциализации осужденных и досрочно освобожденных, резко ужесточалось федеральное законодательство и карательная политика.

Наконец, возьмем начало 2000-х годов. Только за один 2000 год население США выросло еще на 9 млн. человек; общий прирост населения в 2000 - 2005 гг. составил почти 30 млн. человек, а число убийств, все эти годы оставалось стабильным (не превышая показателей 1998 - 1999 годов). Сказалось решение ряда проблем социально-экономического плана - подъем в экономике,

снижение безработицы, несомненные достижения в решении расовых проблем, очевидные успехи в длительной борьбе с наркоманией, сокращение наиболее криминальных возрастных когорт, несоизмеримо возросшая эффективность работы полиции и т.д.

Возвращаясь к проблеме взаимосвязи между тенденциями в динамике убийств и смертных приговоров, напомним, что на всех временных отрезках она отсутствует. Более того, она в разные периоды приобретает даже отрицательные значения, а попытки ее логической интерпретации вступают в противоречие со здравым смыслом. Это особенно заметно при анализе положения дел на региональном уровне.

Напомним, что средний уровень убийств на Юге США к 2006 году составлял 6,6; на Западе - 5,7. Между тем из общего числа смертных приговоров, вынесенных в США за последние 30 лет, 65% приходится на долю Юга и лишь 17,4% - на долю Запада. И хотя абсолютное число убийств, совершенных на Юге, менее чем в два раза превышает число убийств на Западе, доля смертных приговоров, вынесенных на Юге, почти в 4 раза выше.

Таким образом, как и на национальном уровне, корреляция между показателями убийств и числом вынесенных смертных приговоров на уровне региональной практики никак не просматривается. Соотношение показателей убийств и распространенности смертных приговоров еще раз подчеркивает значимость географических различий в практике применения смертной казни в разных регионах страны. И, судя по всему, именно эти территориальные различия, разное отношение властей и населения разных штатов к высшей мере наказания, а не состояние и динамика убийств определяют масштабы и динамику смертных приговоров.

В какой мере это заключение соответствует положению дел в том или ином штате? Обратимся к данным таблицы, в которой в убывающем порядке представлены ежегодные коэффициенты убийств в разных штатах и суммарные показатели смертных приговоров, вынесенных судами этих штатов за последние 10 лет. Порядковые номера штатов в таблице соответствуют месту, которое они занимают в стране по уровню убийств.

Таблица N 8

Уровень убийств в различных штатах в 1996 - 2005 гг.

Годы											число смертных приговоров
Штаты	2005	2004	2003	2002	2001	2000	1999	1998	1997	1996	
1. Луизиана	9,9	12,7	13	13,2	11,2	12,5	10,7	12,8	15,7	17,5	63
2. Мэриленд	9,9	9,4	9,5	9,4	8,3	8,1	9	10	9,9	11,6	15
3. Нью-Мехико	7,4	8,9	6	8,2	5,4	7,4	9,8	10,9	7,7	11,5	3
4. Миссисипи	7,3	7,8	9,3	9,2	9,9	9	7,7	11,4	13,1	11,1	45
5. Невада	8,5	7,4	8,8	8,3	8,5	6,5	9,1	9,7	11,2	13,7	34
6. Аризона	7,5	7,2	7,9	7,1	7,5	7	8	8,1	8,2	8,5	57
7. Джорджия	6,2	6,9	7,6	7,1	7,1	8	7,5	8,1	7,5	9,5	55
8. Ю. Каролина	7,4	6,9	7,2	7,3	6,3	5,8	6,6	8	8,4	9	58
9. Калифорния	6,9	6,7	6,8	6,6	6,4	6,1	6	6,6	8	9,1	271
10. Арканзас	6,7	6,4	6,4	5,2	5,5	6,3	5,6	8	9,9	8,7	28
15. Техас	6,2	6,1	6,4	6	6,2	5,9	6,1	6,8	6,8	7,7	315
20. Флорида	5	5,4	5,4	5,5	5,3	5,6	5,7	6,5	6,9	7,5	168
21. Оклахома	5,3	5,3	5,9	4,7	5,3	5,3	6,9	6,1	6,9	6,8	83
США	5,6	5,5	5,7	5,6	5,6	5,5	5,7	6,3	6,8	7,4	

Показатели этой таблицы, на наш взгляд, достаточно информативны. В самом деле, во-первых, очевидно, что во всех штатах коэффициенты убийств за указанный период значительно снизились, что, разумеется, нашло отражение и в национальных показателях. Во-вторых, суммарное число смертных приговоров в каждом штате не сопоставимо и никак не коррелируется ни с уровнем, ни с динамикой убийств.

Поскольку закономерности, как известно, проявляются на полюсах, сравним положение дел в Луизиане, где все эти годы фиксируется самый высокий уровень убийств (в среднем - 13,2), и, скажем, в Арканзасе, занимающем по этому показателю лишь десятое место (6,9). Как видно, в первом случае число вынесенных смертных приговоров в три раза выше. Казалось бы, разница логически вполне оправдана: где выше уровень убийств, там и число смертных приговоров должно быть выше. Однако такая логика слишком прямолинейна и потому "не работает".

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить показатели той же Луизианы с положением дел в Мэриленде и Нью-Мехико, занимающих, соответственно, второе и третье места по уровню убийств (9,5). Оказывается, что число смертных приговоров в Луизиане в 4,2 раза выше, чем в Мэриленде и в 21 раз (!) выше, чем в Нью-Мехико.

Калифорния по уровню убийств занимает в США лишь девятое место (среднегодовой показатель - 6,9), однако здесь число смертных приговоров (271) больше, чем во всех стоящих выше нее пяти штатах вместе взятых (249), и почти в 10 раз больше, чем в стоящем за ней по уровню убийств Арканзасе, хотя коэффициенты убийств в этих штатах практически равны.

О наибольшей "популярности" смертной казни в Техасе уже не раз говорилось. На это указывает и максимальное число смертных приговоров (315). Между тем по уровню убийств Техас занимает в стране лишь 15 место (среднегодовой показатель - 6,5).

Наконец, обратимся еще к двум южным штатам - Флориде и Оклахоме, которые по уровню убийств занимают лишь 20 и 21 место (здесь среднегодовой показатель - 5,9 - всегда был ниже, чем в среднем по США, - 6,0). Тем не менее число смертных приговоров в обоих штатах значительно превышает соответствующие показатели в штатах, занимающих первые девять мест в национальном рейтинге распространенности убийств. Занимая в этом рейтинге лишь 20-е место, Флорида по числу смертных приговоров в 3 раза превосходит Луизиану, стоящую на первом месте. С другой стороны, при одинаковых среднегодовых коэффициентах убийств в Оклахоме и Флориде суммарное число смертных приговоров в Оклахоме ровно в два раза ниже, что никак не поддается логическому объяснению.

Подводя итоги, следует, во-первых, еще раз отметить, что основным фактором резкого снижения числа смертных приговоров явилось все более широкое применение альтернативной меры в виде пожизненного лишения свободы без права досрочного освобождения. Можно констатировать, далее, что сам по себе уровень убийств в том или ином регионе страны или в отдельном штате вовсе не определяет подход к практике вынесения смертных приговоров и какая-либо корреляция между двумя указанными тенденциями фактически отсутствует. Это, помимо всего прочего, означает, что карательная практика далеко не всегда отражает территориальные различия в преступности и, во всяком случае, ими не исчерпывается и не определяется. Поэтому судить о характере карательной практики за совершение убийств, о ее состоянии, принципах и критериях лишь на основании двух параллельных тенденций - динамики убийств и динамики смертных приговоров - ошибочно.

Другое дело, что столь значимые различия в развитии названных тенденций в разных штатах с криминологических позиций представляются не вполне понятными (поскольку в принципе разный уровень убийств предполагает разное, но все же адекватное противодействие этому явлению, в том числе и уголовно-правовыми средствами).

Распространенность и динамика убийств, как уже отмечалось, зависят не от частоты вынесения смертных приговоров, а от куда более важных и разнообразных факторов социальной практики и общественного бытия в целом. Поэтому и уголовная политика в целом, и практика применения наказания за убийство должны быть встроены в более широкий социальный и криминологический контекст. И, соответственно, оцениваться практика применения наказания должна не только с учетом состояния и динамики преступности, но и многих других факторов, в том числе определяющих психологию и правосознание населения, сложившиеся в обычаи и традиции, влияющие, в свою очередь, на формирование взглядов и позиций тех, кто непосредственно занят в сфере отправления правосудия.

3.2. Апелляционные процедуры и "цена" смертной казни

Реалии отправления правосудия по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, отражают сложное переплетение социальных, нравственных, политических, финансовых, организационных и иных проблем, с которыми сталкивается американское общество. Речь идет о симбиозе таких реалий, как чрезвычайная неповоротливость американской юстиции, ее часто

неоправданные и, главное, неподвластные логике подходы и решения по конкретным делам (шараханья от либерализма к чрезмерной жестокости), огромный физический и моральный ущерб от диких преступлений маньяков, а также оплачиваемый налогоплательщиками огромный финансовый ущерб, который общество несет из-за чрезвычайно сложной и длительной процедуры рассмотрения таких дел, а в еще большей степени - из-за действующего порядка рассмотрения апелляций по обвинениям и вынесенным смертным приговорам <1>. В конечном итоге это приводит к огромному разрыву между числом вынесенных смертных приговоров и числом приговоров, приведенных в исполнение, причем этот разрыв постоянно растет.

<1> См.: Кваши В.Е. Смертная казнь в США // Государство и право. 1996. N 9.

Процессы по делам об убийствах, наказуемых смертной казнью, действительно, требуют большого числа законодательно закрепленных процедур, начиная с судебных запросов и кончая длительным рассмотрением апелляций осужденных и их адвокатов. К тому же на таких процессах апелляции во многих случаях подаются еще во время обвинительной фазы судебного разбирательства. Таких экстраординарных усилий и времени в судебных разбирательствах, где не стоит вопрос о смертной казни, как правило, не требуется.

Масштабы финансового ущерба от такой громоздкой процессуальной практики настолько велики, что в США среди политиков, деятелей юстиции и ученых-исследователей стало обыденным рассматривать исход судебных процессов по таким преступлениям (а следовательно, и человеческие жизни) в стоимостных категориях и сравнивать расходы на исполнение смертных приговоров с расходами на содержание осужденных в тюрьмах, в т.ч. на содержание осужденных "смертников" и осужденных к пожизненному лишению свободы.

Примечательно, что стоимостные аргументы используют как сторонники, так и противники смертной казни. Первые ратуют за сокращение числа разрешенных апелляций и быстрее приведение таких приговоров в исполнение <1>; противники смертной казни, ссылаясь на исключительную дороговизну этой процедуры, на ее более высокую стоимость по сравнению с пожизненным заключением, настаивают на необходимости полной отмены смертной казни.

<1> См.: Lyons J. Panacea or Tragedy? Capital Punishment and the 1994 Crime Bill // Law Enforcement News, John Jay College. CUNY, 1995. 14 February.

Помимо психологического и нравственного урона от принятого в США порядка рассмотрения уголовных дел и апелляций на вынесенные приговоры, общество в лице налогоплательщиков несет, как только что отмечалось, и гигантский финансовый ущерб. Еще десять лет назад в Калифорнии, например, рассмотрение одного дела о преступлении, наказуемом смертной казнью, стоило штату от 2 до 5 млн. долларов (в зависимости от юрисдикции) или до 90 млн. долларов в год. Причем за 1976 - 1996 гг. в Калифорнии имели место лишь две казни, а "очередь смертников" была, как, впрочем, и сегодня, самой большой. Подобная ситуация сложилась в Монтане, Джорджии и в ряде других штатов.

Именно из-за неповоротливости американской судебной машины практику применения смертной казни в США в эти годы прозвали "бумажным тигром" <1>. Поэтому в середине 90-х годов в США возникло довольно мощное движение за реформирование рассматриваемых процедур. "Совершая опасные преступления, - писал сенатор из Калифорнии Билл Леннард, - преступники наносят огромный моральный и материальный урон и мы не должны давать им возможность грабить нас дважды" <2>. Тогда же в сенат штата был внесен законопроект ("Билль 1600"), в котором предлагалось ужесточить условия подачи апелляций, ограничить их число и сроки обжалования, а также ускорить сроки их рассмотрения. Однако если в Калифорнии ситуация практически не изменилась, то во Флориде и в некоторых других штатах апелляционные процедуры во второй половине 90-х годов были значительно ужесточены. И хотя число разрешенных к подаче апелляций сократилось, повышение уровня судебной защиты обвиняемых и общее качество рассмотрения такого рода дел все еще остаются весьма проблематичными.

<1> См.: Kaplan D. Anger and Ambivalence // Newsweek. 1995. N 7. P. 23 - 25.

<2> См.: Кваши В.Е. Смертная казнь в США // Государство и право. 1996. N 9.

Федеральный закон 1996 года о борьбе с терроризмом и эффективном использовании смертной казни (Anti-Terrorism and Effective Death Penalty Act of 1996) еще больше осложнил положение осужденных к смертной казни, ограничил их права и сроки на подачу апелляции в федеральные суды.

В настоящее время смертные приговоры в 37 из 38 штатов автоматически передаются на рассмотрение в Верховный суд штата. Как правило, после этого еще одна апелляция со ссылкой

на противоречие приговора Конституции США может быть подана в Верховный суд штата и в федеральный суд, хотя в законодательстве ряда штатов имеются свои нюансы.

Так, в большинстве штатов автоматический пересмотр дела предполагает, во-первых, исследование обоснованности предъявленного обвинения и, во-вторых, обоснованности вынесения смертного приговора. Однако в Монтане, Оклахоме, Теннесси и Южной Дакоте автоматическому пересмотру подлежит лишь обоснованность вынесения смертного приговора. В Южной Каролине осужденный вправе указывать в своей апелляции на некомпетентность суда <1>; в Виржинии осужденный вправе настаивать на судебной ошибке, но не имеет права ссылаться на такие аргументы, как произвол и неравенство; в Миссисипи и в Вайоминге процедура автоматического пересмотра смертных приговоров никак не регламентирована. Что же касается федерального законодательства, то сегодня оно вообще не допускает автоматического пересмотра смертных приговоров, вынесенных федеральными судебными органами.

<1> См.: State v. Torrence. 473 S. E.3d 703 (S. C. 1996).

Сторонники смертной казни, как уже отмечалось, рассматривают эту меру наказания как вариант обращения с опасными преступниками куда более дешевый и экономичный, чем пожизненное лишение свободы. Причем, такого рода расчеты и соображения рентабельности вовсе не являются изобретением прагматичных американцев; они весьма широко распространены и в Европе, и в Азии, и на африканском континенте. Но и в США, в стране в экономическом отношении более благополучной, "цена" смертной казни, ее финансовая составляющая, экономическая рентабельность в сравнении с "ценой" пожизненного лишения свободы - все эти вопросы стоят не менее остро. Более того, постоянный рост расходов на такого рода судебные процессы, с одной стороны, и, с другой стороны, сложившаяся в США практика исполнения смертных приговоров, при которой ожидание казни в "очереди смертников" составляет в среднем не менее десяти лет, все больше актуализируют экономический аспект и без того сложной политико-правовой проблемы.

В США давно доказано, что правовая система, использующая смертную казнь, является намного более дорогостоящей, чем та, в которой самой суровой мерой наказания является пожизненное лишение свободы.

Еще в середине 90-х годов здесь подсчитали, что стоимость одной смертной казни - с учетом всех расходов на судебный процесс, апелляционное производство и длительное ожидание в "очереди смертников" - составляет в среднем 2 млн. долларов, что в три раза превышает расходы на пожизненное содержание осужденного в тюрьме <1>. При этом в ряде штатов указанные расходы на исполнение смертного приговора значительно превышали средние показатели по стране.

<1> См.: Квашис В.Е. Смертная казнь в США: 25 лет после моратория // Юридический мир. 2002. N 10. С. 21.

В Техасе, например, подсчитали, что общие расходы на казнь составляли не менее 2,3 млн. долларов, что в три раза дороже содержания осужденного - в отдельной камере и при самых дорогостоящих мерах безопасности - в течение 40 лет. Такая же ситуация сложилась в Северной Каролине, в Калифорнии, Нью-Йорке, Канзасе и в других штатах. Во Флориде, где содержание осужденных к пожизненному лишению свободы ежегодно обходилось штату в 600 тыс. долларов, расходы на исполнение смертного приговора составляли 3,2 млн. долларов.

В конце 90-х годов в некоторых исследованиях отмечалось, например, что отмена смертной казни позволила бы Калифорнии ежегодно экономить 90 млн. долларов. И, наоборот, введение смертной казни, скажем, в Нью-Йорке обошлось бы этому штату в 118 млн. долл. в год или свыше 23 млн. долларов на казнь одного осужденного <1>.

<1> См.: The Times Union. September 22. 2003.

В последующие годы тенденция, при которой разрыв между числом вынесенных смертных приговоров и числом казней постоянно нарастал, сохранилась. На этом фоне еще более заметными стали не только ежегодное снижение числа казней и, как следствие, рост числа осужденных в "очереди смертников", но и рост общих расходов на судебные процессы по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью. "Цена" таких длительных процессов особенно заметно росла в тех штатах, где вынесенные смертные приговоры исполнялись крайне редко, а число осужденных в "очереди смертников", соответственно, становилось все более значительным. В 2001 году губернатор штата Иллинойс Дж. Райан, вскоре объявивший мораторий на казни, отмечал, что за последние 22 года налогоплательщики штата потратили свыше 800 млн. долларов, чтобы отправить в "очередь смертников" 260 человек, что значительно превышает

расходы, которые повлекло бы их осуждение к пожизненному лишению свободы без права на досрочное освобождение <1>.

<1> См.: Mandery E. Capital Punishment: A Balanced Examination. Massachusetts, 2004. P. 121.

Самыми впечатляющими в этом отношении являются рассчитанные к началу 2006 года показатели расходов в Калифорнии, на долю которой из 3383 осужденных-"смертников" приходилось 648 осужденных (т.е. каждый пятый из всех осужденных, содержащихся в тюрьмах США в "очереди смертников"). Итоги специального исследования расходов штата в сфере исполнения рассматриваемых мер наказания, действительно, говорят о многом. Они, в частности, показывают, что:

- средняя продолжительность пребывания осужденных в "очереди смертников" почти ежегодно растет и составляет в среднем 17,5 лет;
- хотя лишь 1% уголовных дел об убийствах проходит по разряду преступлений, наказуемых смертной казнью, процессы по таким делам налогоплательщикам штата обходятся в три раза дороже, чем по делам, где не стоит вопрос о возможности смертного приговора;
- с 1977 года в штате казнили 13 осужденных, а стоимость каждой казни с учетом всех расходов на судебный процесс и рассмотрение апелляций превышает 250 млн. долларов;
- ежегодные расходы на процессы по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, обходятся налогоплательщикам штата на 114 млн. долларов дороже содержания пожизненно осужденных <1>;

<1> См.: Los Angeles Times. March 6. 2005; Lodi News-Sentinel. March 11. 2006.

В Калифорнии подсчитали, что только на часть этих средств можно было бы ежегодно оплачивать расходы на:

- 1500 сотрудников правоохранительных органов (дополнив их численность);
- 3800 новых, полностью оснащенных патрульных автомобилей;
- 38000 человек дополнительно получили бы помощь по линии антиалкогольных программ и лечения наркомании.

- годовая стоимость тюремного содержания одного осужденного составляет 34150 долларов (в середине 90-х годов она составляла 20 - 25 тыс. долларов), а расходы на содержание осужденных - "смертников" значительно выше <1>;

<1> Здесь рассчитывают "все и вся". Учитывается, например, стоимость смертельной инъекции - она составляет 200 долларов; подсчитан даже объем такого рода уголовных дел, которые в среднем состоят из 9 тысяч страниц.

- бюджет тюремного департамента штата на 2006 - 2007 финансовый год составляет 7,4 млрд. долларов (сюда входят расходы на службы пробации и реабилитации), однако законодатели штата недавно запросили еще 230 млн. долларов на строительство новых тюрем для "смертников".

Понятно, что в разных штатах страны с разным числом смертных приговоров и разным числом осужденных в "очереди смертников" такого рода стоимостные оценки существенно разнятся. В Нью-Джерси, например, где смертные приговоры не исполняются более 20 лет, ежегодные расходы налогоплательщиков на такого рода судебные процессы превышают 11 млн. долларов, а всего такие расходы штата с 1983 года составили 253 млн. долларов <1>. "Через дорогу" - в Нью-Йорке - ежегодные затраты на такие процессы значительно выше - они составляют 19 млн. долларов. Но это - в среднем. Между тем эксперты подсчитали, что за последние 9 лет (1997 - 2005 гг.) штат затратил 170 млн. долларов на уголовные процессы, закончившиеся вынесением 7 смертных приговоров (причем за этот период ни один смертный приговор не приводился в исполнение).

<1> См.: Newsday. November 21. 2005.

В Канзасе, где за последние 30 лет также не приводился в исполнение ни один смертный приговор, расходы штата на такие судебные процессы (включая расходы на тюремное содержание осужденных) на 70% дороже, чем по делам об убийствах, где не рассматривается вопрос о применении смертной казни.

В Индиане расходы на судебные процессы, в которых речь идет о смертной казни, на 38% превышают расходы на процессы, где в качестве наказания назначается пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение; при этом, отмечают исследователи, 20% смертных приговоров здесь отменяются и заменяются пожизненным лишением свободы <1>.

<1> См.: Facts About the Death Penalty. December 15. 2005. P. 4.

После Калифорнии самые высокие расходы на рассмотрение такого рода уголовных дел сегодня несет Флорида. Напомним, что по числу казней за последние 30 лет Флорида входит в первую пятерку штатов и занимает третье место в США по числу осужденных, содержащихся в "очереди смертников". Такие процессы ежегодно стоят штату более 51 млн. долларов - это значительно дороже, чем содержание осужденных за убийство первой степени на пожизненное лишение свободы без права досрочного освобождения <1>. Средняя стоимость расходов, связанных с исполнением каждого смертного приговора, здесь составляет 24 млн. долларов (такой расчет проведен по суммарной стоимости 44 из 60 казней, состоявшихся во Флориде за 25 лет - с 1976 по 2000 г.) <2>.

<1> См.: Newsday. November 21. 2005.

<2> См.: Там же.

А в Техасе подсчитали, что расходы на каждую казнь на 1,5 млн. долларов превышают содержание в тюрьме пожизненно осужденного.

Поэтому противники смертной казни убеждены, что чрезвычайно высокие расходы на применение этой меры наказания - еще один фактор, свидетельствующий в пользу ее отмены.

3.3. Практика исполнения смертных приговоров: особенности, интенсивность, тенденции

В XX веке масштабы и интенсивность исполнения смертных приговоров существенно менялись. И это понятно: менялись социальные условия, динамика и структура преступности, общественные умонастроения, политика властей в сфере борьбы с преступностью, и, соответственно, менялись уголовное законодательство и судебная практика. С 1930 по 1977 г. в США было казнено 4803 осужденных. Причем если в 30-х годах в среднем ежегодно приводилось в исполнение около 170 приговоров, то в 40-х годах - 140, а в 50-х - 72. К середине 60-х годов в стране казнили уже не более двух человек в год, а с 1967 по 1976 г. де-факто действовал мораторий на исполнение смертных приговоров.

С 1976 года (когда смертная казнь в США была "восстановлена в правах") по 2006 год судами всех юрисдикций было вынесено, как уже отмечалось, в общей сложности 7073 тысячи смертных приговоров. За тот же 30-летний период были приведены в исполнение смертные приговоры в отношении 1057 осужденных. О вероятности смертного приговора за убийство уже говорилось (напомним, что в целом она определяется соотношением 1:120 или даже ниже). Число таких приговоров, приведенных в исполнение, соотнесенное с общим числом смертных приговоров, выражает, в свою очередь, реальный риск, другими словами, степень вероятности казни. Этот риск, казалось бы, можно определить соотношением 1:7, так как всего за указанный период было казнено 13 - 14% осужденных <1>.

<1> См.: Bureau of Justice Statistics Bulletin. Capital Punishment, 2005. December 2006. NCJ 215083.

На самом деле риск казни после вынесения смертного приговора в разные годы существенно отличается - он может быть выше или ниже, тем более что по разным основаниям та или иная часть таких приговоров пересматривается, и в результате либо смертная казнь заменяется иной мерой наказания, либо приговор по тем или иным основаниям признается необоснованным и отменяется.

В 2004 году, например, в 22 штатах США были пересмотрены смертные приговоры в отношении 107 осужденных, содержащихся в "очереди смертников". Из них в отношении 72 осужденных суды апелляционных инстанций, пересмотрев приговор, признали обвинение обоснованным, но заменили смертную казнь другими мерами наказания, а в отношении 25 осужденных такие приговоры были отменены в связи с признанием обвинения необоснованным (в т.ч. Верховный суд Канзаса признал приговоры по делам 6 осужденных противоречащими Конституции). Кроме того, в том же году 22 осужденных умерли до исполнения приговора. Всего за последние 30 лет из 7000 осужденных 3035 (41%) по разным основаниям выбыли из "очереди смертников" (к 2007 году этот показатель составил 37%). Как видно, от вынесения смертного до приведения его в исполнение на самом деле довольно далеко.

Конечно, усредненные показатели вероятности казни после утвержденного смертного приговора не вполне точно и далеко не полно характеризуют практику исполнения смертных приговоров, поскольку не учитывают ее существенные различия на разных этапах истории США.

Другими словами, они не отражают особенности этой практики в динамике и, следовательно, не отражает историю развития института смертной казни.

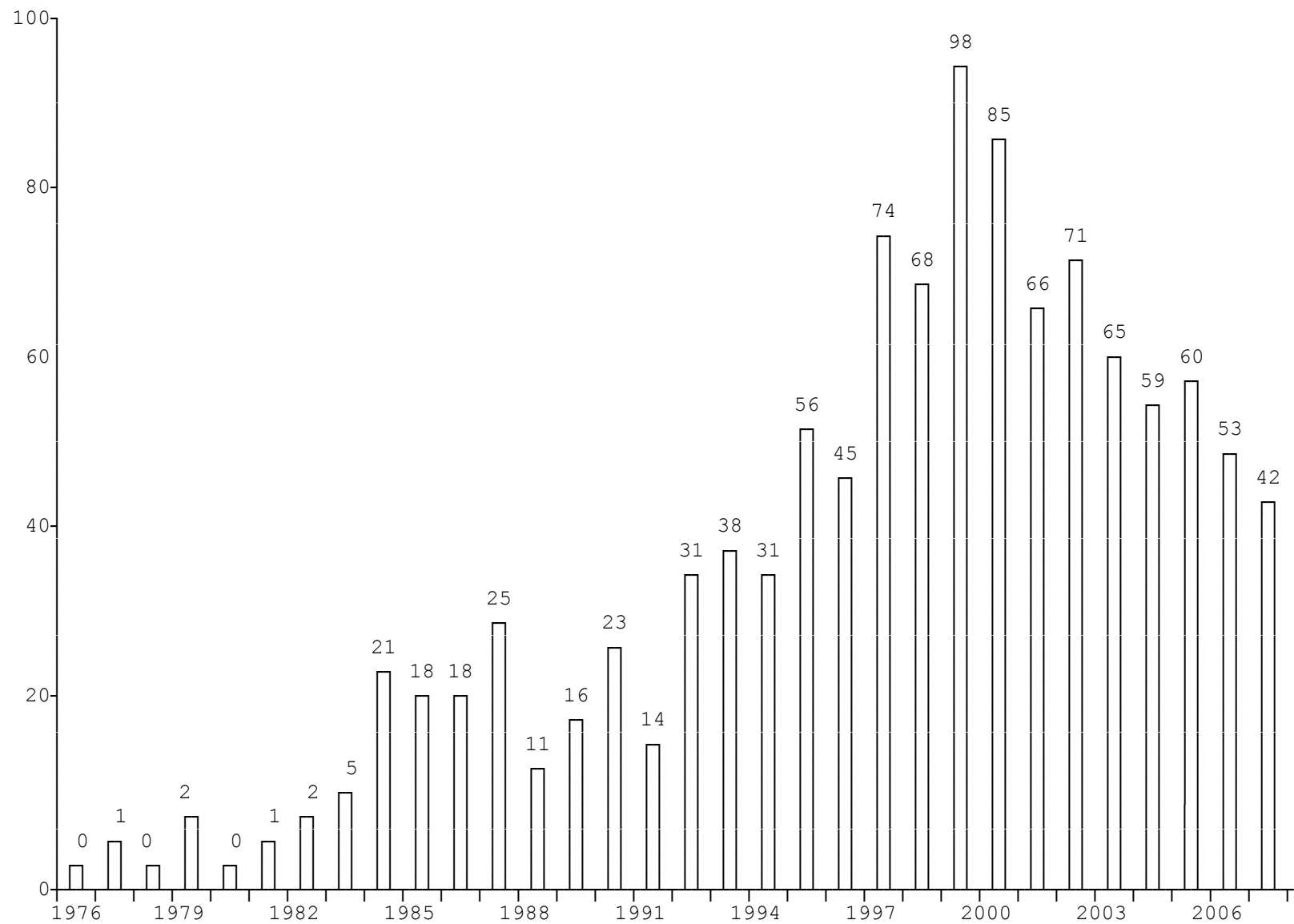
Вероятность казни, таким образом, зависит от ряда факторов и, в частности, от интенсивности исполнения смертных приговоров в том или ином штате, которая в разные периоды заметно менялась, поскольку менялись и законодательство, и практика назначения этой меры наказания, и практика ее исполнения. Так или иначе, очевидно, что в последние 30 лет число казненных по сравнению с предшествующим 45-летним периодом истории США существенно сократилось, но следует иметь в виду, что, во-первых, эти временные отрезки несопоставимы по причинам политическим, экономическим, юридическим и криминологическим, а во-вторых, без детального анализа не совсем ясно, как, в каких штатах и за счет чего шло это сокращение.

В принципе интенсивность казней следует рассматривать по крайней мере в связи с количеством вынесенных смертных приговоров. Однако одна из особенностей применения смертной казни в США состоит, как уже отмечалось, в длительном периоде, который разделяет вынесение приговора и приведение его в исполнение. В разные годы этот разрыв менялся по своей продолжительности, но всегда был значительным (в среднем не менее 10 лет). Это обстоятельство само по себе не позволяет сопоставить обе тенденции - динамику смертных приговоров и динамику казней - и потому вынуждает анализировать последнюю тенденцию отдельно, в отрыве от общего контекста отправления правосудия по делам об убийстве.

Разделим анализируемый период на три равных отрезка. В первом из них - 1977 - 1985 гг. - в США было совершено 50 казней (в среднем по 5 казней в год); в 1986 - 1995 гг. - 296 казней (в среднем почти по 30 казней); в 1996 - 2006 гг. - 744 (или почти 70 казней в год, хотя с 2001 года число казней значительно снизилось). Весь этот период в принципе можно было делить и на другие временные интервалы, но в любом случае налицо резкий рост интенсивности исполнения смертных приговоров, достигший кульминации во второй половине 90-х годов. Чем объяснить такую динамику?

Диаграмма N 8

Динамика казней в США в 1976 - 2007 гг.

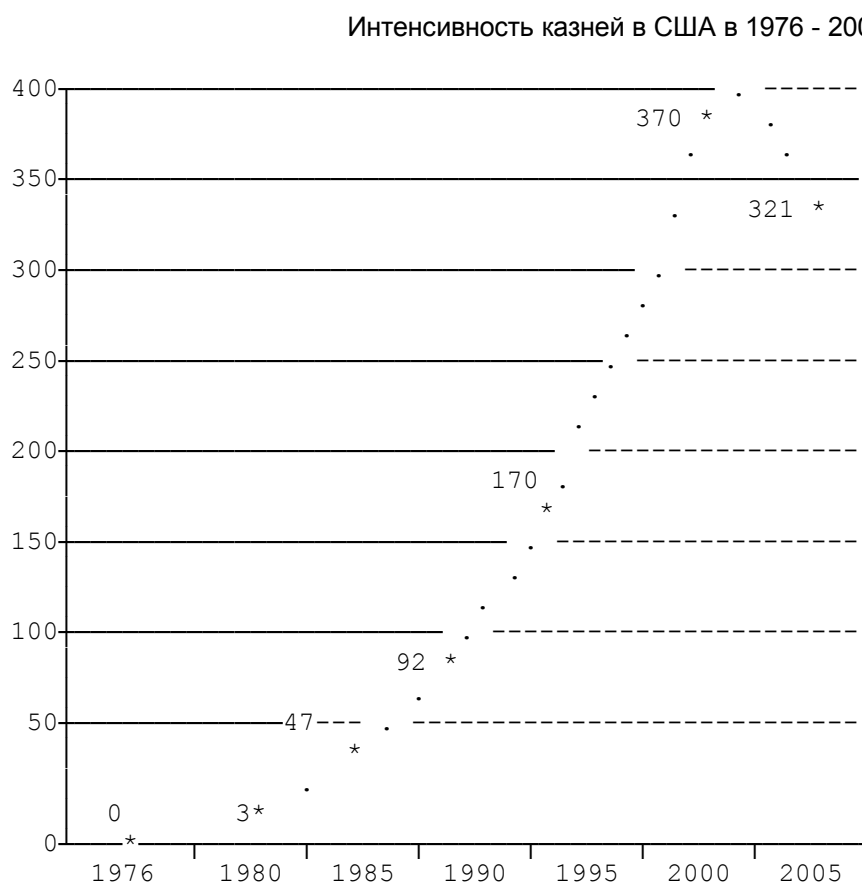

Вероятно, она обусловлена синтезом куда более сложных реалий политической и общественной жизни в стране, нежели просто адекватной реакцией судебной практики на неблагоприятное развитие криминальной ситуации. Оценивая, например, практику казней в 1976 - 1985 гг., вернемся к рубежу 70-х годов и началу "постфурмэнзовской эры". Напомним, что уже к концу 60-х годов в США фактически действовал мораторий на казни, а в 1972 году Верховный суд США в уже не раз упомянутом решении по делу *Furman v. Georgia* наложил запрет на применение смертной казни, узаконив и продлив таким образом мораторий еще на четыре года. "Реабилитация" смертной казни в 1976 году в связи с решением Верховного суда США по не менее известному делу *Gregg v. Georgia*, вопреки всем ожиданиям, не привела, как отмечалось, к росту казней. Наоборот, разрыв между числом вынесенных смертных приговоров и числом казненных продолжал увеличиваться, а с ним росла и так называемая "очередь смертников" - с 1977 по 1984 г. в США были казнены 11 осужденных, а "очередь смертников" увеличилась в три раза (с 422 до 1209).

Примечательно, что в течение пяти лет после отмены моратория смертных приговоров в стране из года в год выносилось почти в два раза меньше, чем даже в период действия моратория. Если в 1975 году таких приговоров было 298, то в 1979 г. - 152. Заметный рост числа смертных приговоров начался лишь спустя пять лет после 10-летнего (де-факто) моратория на казни. Такая же ситуация сложилась и в практике исполнения этих приговоров.

В целях более детального анализа каждый из 10-летних отрезков предпочтительнее разделить на две части. Тогда отмеченные изменения за 30-летний период наблюдений станут более контрастными. Вот как это выглядит графически:

График N 6

Как видно, рост казней в США начался лишь к середине 80-х годов, т.е. в конце первого из выделенных здесь интервалов.

Возьмем следующий период - 1986 - 1995 гг. В его первую половину (1986 - 1990 гг.) динамика казней по сравнению с предшествующим периодом хотя и носила дискретный характер, но все же в целом ее интенсивность заметно возросла. В эти годы было совершено 92 казни (в среднем ежегодно приводилось в исполнение по 18 смертных приговоров). В 1991 - 1995 гг. интенсивность казней стала последовательно нарастать. За этот отрезок было приведено в исполнение уже не 92, а 170 смертных приговоров. Иначе говоря, ежегодно в среднем казнили по

34 осужденных, т.е. почти в два раза больше, чем в предшествующие пять лет. Только в одном 1995 году было совершено 56 казней - самый высокий показатель за все предыдущие 20 лет.

Наконец, возьмем третий отрезок - 1996 - 2005 гг. Как показано на графике, в первой половине этого отрезка интенсивность казней в стране достигла своего апогея. Это стало прямым результатом воздействия комплекса мер, предусмотренных Законом 1994 года об усилении борьбы с преступностью и наибольшей активизации политики наступления на преступность, проводимой администрацией Б. Клинтона (особенно к концу второго срока ее полномочий). Напомним, что этот Закон значительно ужесточал меры уголовной ответственности за насильственные преступления, расширил перечень преступлений, наказуемых по федеральному законодательству смертной казнью до 60 составов, и, помимо всего прочего, предусматривал ускорение темпов приведения смертных приговоров в исполнение, что в конечном счете не могло не отразиться на значительном росте числа казней.

Строго говоря, такого рода меры намечались и предшествующими администрациями, но они носили разрозненный характер и не были объединены концептуально; не случайно они не получали необходимой законодательной поддержки в Конгрессе США. Так, еще в конце 80-х годов Вильям Барр - министр юстиции в кабинете Дж. Буша (старшего) - спланировал и огласил в Конгрессе ряд мер, с тем чтобы покончить с широко распространенной в те годы практикой "вращающихся дверей", когда опасные рецидивисты необоснованно освобождались из тюрем досрочно. Закон 1994 года фактически претворял в жизнь многие идеи В. Бара, но в отличие от своего предшественника Б. Клинтон при обсуждении этого Закона в Конгрессе без труда получил поддержку законодателей.

Принятие указанного Федерального закона послужило мощным импульсом для синхронной инициативы законодателей многих штатов. Уже в 1995 году в Иллинойсе, к примеру, был принят Закон, ужесточавший ответственность за убийство и предусматривающий так называемые "стопроцентные приговоры", согласно которым осужденные за убийство не подлежали никаким формам досрочного освобождения (в те годы среди северных штатов Иллинойс занимал второе место после Пенсильвании по числу осужденных к смертной казни и первое по числу казней). Меры борьбы с преступностью резко ужесточались и во многих других штатах.

В 26 штатах с сокращением преступности связывали и принятие в 1995 году так называемого Закона о трех преступлениях, согласно которому за любое третье преступление рецидивистам грозило минимальное наказание в виде 25 лет лишения свободы или же - что стало применяться гораздо чаще - пожизненное лишение свободы (в обоих случаях без права досрочного освобождения). Наибольших масштабов практика применения этого Закона (его в США до сих пор резко критикуют и называют "драконовским") получила в Калифорнии. Между тем в тюрьмах этого штата содержится более 170 тысяч осужденных (это больше, чем в ФРГ и Франции вместе взятых), в том числе 25% - осужденные по указанному Закону.

Наконец, в ряде штатов были приняты специальные меры по сокращению числа и сроков рассмотрения апелляций по смертным приговорам и ускорению процедуры приведения их в исполнение. И, конечно же, эта кампания не могла не оказать влияния на рост интенсивности казней.

В 1996 - 2000 гг. статистика фиксирует интенсивность казней, которые страна не знала всю предшествующую половину XX века. Уже в 1997 году впервые за последние 40 лет было казнено 74 осужденных, однако в 1999 и в 2000 годах этот "рекорд" был заметно превышен, когда было совершено соответственно по 98 и 85 казней. В общей сложности в эти пять лет было казнено 370 осужденных (более трети всех казней в США за последние 30 лет) - в среднем по 74 казни в год (напомним, что в предыдущие пять лет исполнялось по 34 смертных приговора). Всего за период, когда у власти находилась администрация Б. Клинтона (1993 - 2000 гг.), в США было казнено 495 осужденных - это в три раза больше, чем за предыдущие 16 лет и половина всех казней за последние 30 лет.

В связи с наибольшей интенсивностью казней в этот период современной истории США следует хотя бы коротко остановиться на высказанном в литературе мнении о том, что отличительным признаком криминологической модели США, сформировавшейся к середине 90-х годов XX века, является признание в системе мер борьбы с преступностью решающей роли уголовно-правового контроля <1>. Речь идет о значительном ужесточении карательной политики, которое нашло отражение в заметном расширении сферы криминализации, ужесточении санкций уголовного закона, в как никогда широком применении лишения свободы, в том числе в возросшем применении пожизненного лишения свободы (только за 90-е годы число осужденных к лишению свободы выросло на 73%).

<1> См.: Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право. 2000. N 10. С. 35.

Приведенное суждение о специфике криминологической модели, принятой в США, в значительной мере справедливо, но только для начала и середины 90-х годов. Правда, уже тогда была признана приоритетной и набирала силу ориентация системы правоохранительных органов на профилактику преступности.

Разумеется, нельзя отрицать влияния жесткой карательной практики на благоприятные изменения в характере и динамике преступности в США. Более того, некоторые американские ученые чаще всего убеждены в том, что угроза более сурового наказания является весьма важным и надежным средством сдерживания преступности. (Такая позиция, как известно, широко распространена и в российской правовой литературе.)

И все же, на наш взгляд, сторонники этого традиционного мнения, похоже, фетишизируют роль общей превенции, упуская из виду куда более важные и сложные причины благоприятных изменений в состоянии и динамике преступности. Не случайно видные криминологи и в США, и за рубежом такие изменения оценивают не с точки зрения значимости угрозы сурового наказания, а с более широких позиций. Разделяя этот подход, отметим, что последовательное улучшение дел в сфере борьбы с преступностью в США к концу 90-х годов было связано не столько с ужесточением карательной практики, сколько с заметным подъемом экономики, с постепенным решением наиболее острых социальных проблем, с кардинальной перестройкой работы полиции, со смещением акцента на профилактику преступлений.

Значительное улучшение целого ряда статистических параметров преступности, начавшееся с второй половины 90-х годов, в том числе темпов снижения преступности - явление не совсем обычное для мировой практики <1>. В самом деле за тот же период в соседней Канаде, например, уровень преступности сократился всего на 3%; в Финляндии - на 4%; в Ирландии - на 6%; в Дании - на 8%; в Испании - на 11%. В то же время рост преступности в Венгрии, например, составил 124%; в Польше - 105%; в России, с ее уникальной по достоверности статистикой, - на 85%. Но именно в этот период практика борьбы с преступностью в США была переориентирована на так называемую "доктрину нулевой толерантности" по отношению к любым, даже не столь значительными правонарушениям. Именно такой подход в совокупности с комплексом иных социальных мер дал, как уже отмечалось, значительный позитивный эффект.

<1> См.: Квашиш В. По дорогам США: заметки криминолога // Криминологический журнал. 2005. N 2(8). С. 5 - 11.

Наконец, возьмем вторую часть последнего отрезка наблюдений - первую пятилетку нового столетия (2001 - 2005 гг.). Уже в ее первый год, совпавший с приходом к власти администрации Дж. Буша, число казней, вопреки ожиданиям, впервые за последние пять лет снизилось - на 13% по сравнению с 2000 годом и на 22% по сравнению с 1999 годом. Такого рода ожидания и опасения не были случайными, ибо в бытность своего губернаторства в Техасе Дж. Буш отличался особой приверженностью к высшей мере наказания. Именно в этот период (1995 - 2000 гг.) в Техасе было зафиксировано максимальное число казней, которые Дж. Буш считал частью "войны с преступностью". Поэтому накануне выборов нового президента некоторые американские ученые полагали, что Буш наверняка будет и впредь активным сторонником смертной казни и потому число казней в стране при нем, "по-видимому, может возрасти" <1>.

<1> См.: Гондольф Э. Перспективы отмены смертной казни в США // Материалы конференции Санкт-Петербургского криминологического клуба "Отмена смертной казни: проблемы дальнейшей либерализации уголовного наказания". СПб., 2002. С. 26.

Однако такая перспектива, на наш взгляд, выглядела более чем сомнительной, поскольку, во-первых, полномочия и мера личного влияния на карательную практику у президента страны не больше, а наоборот, значительно меньше, чем у губернатора штата, а во-вторых, и это главное, необходимо было учитывать резкую активизацию аболиционистского движения в стране, которое именно к 2000 году достигло пиковой отметки. Исходя из этого, еще в 1999 - 2000 гг. нам представлялось, что с приходом к власти администрации Дж. Буша число казней в США не только не возрастет, а наоборот, этот показатель будет заметно сокращаться. И, как показывает статистика казней, этот, на первый взгляд излишне оптимистический, прогноз, оправдался <1>. За первые пять лет нового столетия число казней по сравнению с предыдущей пятилеткой снизилось с 370 до 321 (или в среднем с 74 до 64 в год), но, главное, такое снижение было последовательным как по масштабам, так и по географии казней. Добавим, что в 2006 и 2007 гг. заметное снижение числа казней продолжилось.

<1> См.: Квашиш В. Католическая церковь против смертной казни // Российская юстиция. 2000. N 5; Уголовное право. 2001. N 3.

Этот прогноз (хотя бы и краткосрочный), конечно, был основан на сугубо личных ощущениях и интуиции. Более 10 лет ситуация вокруг смертной казни в США постоянно была в поле зрения автора; все это время довелось ежегодно (иногда по два-три раза) приезжать в США, участвовать в работе многих крупных конгрессов и конференций в национальной Академии уголовной юстиции (ACJS), Американском криминологическом обществе (ASC), где тематика смертной казни всегда была в центре научного и практического интереса, обмениваться впечатлениями с зарубежными коллегами из многих стран, познакомиться с сотнями диссертаций по этой проблеме. В 2004 - 2005 гг. во время работы в Нью-Йоркском университете доводилось почти ежедневно общаться с видными учеными-юристами, практикующими адвокатами, судьями и прокурорами, с активистами многочисленных аболиционистских организаций. Все это формировало ощущение постоянного пребывания "в курсе дела" и позволяло оценивать ситуацию на уровне субъективного восприятия всей информации.

Так или иначе, у меня были основания считать, что на ближайшую перспективу складывающаяся благоприятная тенденция должна сохраниться. Более того, в конце 2005 года было высказано предположение, что число казней в 2006 году снизится еще на 8% - 10% <1>. Интересно, что и этот прогноз также совпал с итогами 2006 года, когда снижение составило 10,2% - с 60 до 53 казней.

<1> См.: Квашис В. Особенности и тенденции в практике применения и исполнения смертной казни в США // Криминологический журнал. 2006. N 2.

Отмеченная тенденция сохранилась и к концу 2007 года, причем показатель 2007 года (42 казни) стал самым низким за предыдущие 12 лет!

Особое внимание привлекают показатели 2005 года - начала второго президентского срока Дж. Буша. По сравнению с 1999 годом число казней в стране сократилось на 39%. Как и годом раньше, в 2005 году в 18 штатах, применяющих смертную казнь, не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора; даже в Виржинии, издавна занимавшей первое после Техаса место по числу казней, впервые не приводилось в исполнение ни одного смертного приговора; в других 6 штатах (Арканзас, Делавэр, Коннектикут, Флорида, Миссисипи, Мэриленд) казнили лишь одного осужденного. Правда, на 2005 год приходится "юбилейная" казнь тысячного осужденного, когда в Северной Каролине казнили Кеннета Бойда, но это лишь символическая веха, "лэндмарк", по сути дела, суммарный результат 30-летней практики исполнения смертных приговоров, в которую основную лепту внесли, как отмечалось, годы правления администрации Б. Клинтона, давшие половину всех казней в США.

Итоги 2006 года, как только что отмечалось, стали еще более благоприятными с точки зрения сокращения масштабов и географии казней. В 2005 году смертные приговоры приводились в исполнение лишь в 16 штатах; в 2006 году - лишь в 14, причем в 8 штатах казнили лишь по одному осужденному. К концу 2007 года исполнение смертных приговоров имело место лишь в 10 штатах США (причем из 42 казней 26 были проведены в Техасе) <1>.

<1> См.: Death Penalty Information Center. Facts About the Death Penalty. Dec. 6. 2007. P. 3.

Уже не раз отмечалось, что основная масса казней в США исторически приходится на долю южных штатов - за последние 30 лет здесь совершено 83% всех казней. Особняком среди лидеров издавна стоят Техас, Виржиния, Оклахома, Миссури и Флорида, на долю которых за эти 30 лет приходится 65% всех казней. И, конечно же, Техас по-прежнему остается вне конкуренции - только в одном этом штате за указанный период совершено 36% всех казней в США. Эту печальную традицию Техас поддерживает даже сегодня, когда почти во всех, в т.ч. в южных, штатах число казней резко сократилось. Власти Техаса, действительно, не изменили своей привязанности - из 60 казней в 2005 году здесь совершено 19 - это в 4 - 5 раз больше, чем в каждом из ныне следующих за ним Миссури, Северной Каролине, Индиане и Оклахоме; в 2006 году - из 53 казней на долю Техаса пришлось куда больше казней, чем это было обычно, - 24 (!). Добавим, что к середине 2007 года из 1099 казней, совершенных в США с 1977 года, на долю Техаса приходится 405, хотя уровень убийств в этом штате, как уже отмечалось, значительно ниже, чем в других штатах США.

Анализ показывает, что географическая распространенность смертных приговоров не всегда и не везде согласуется с географией интенсивности их исполнения. Например, на юге США за последние 30 лет в среднем ежегодно выносилось 60% смертных приговоров; в то же время интенсивность казней здесь была самой высокой - на долю южных штатов приходится, как только что отмечалось, 83% всех казней. Если взять Техас, то здесь за 1976 - 2005 гг. было вынесено 1004 смертных приговора, а казнено 355 осужденных (интенсивность казней здесь составляет 38%).

Казалось бы, последовательное и весьма значительное снижение числа смертных приговоров, отмеченное в Техасе в 2000 - 2005 годах, хотя бы опосредованно могло повлиять на снижение интенсивности приведения таких приговоров в исполнение. Однако исследование еще раз подтвердило, что практика вынесения смертных приговоров и практика приведения их в исполнение развиваются автономно (хотя в обоих случаях речь идет о судебной практике, ибо решения о приведении таких приговоров в исполнение и о дате казни также принимаются судьями).

В американской правовой литературе последних лет в связи с этим все чаще стало использоваться такое понятие, как "амбивалентность судей" (раздвоение чувств). Речь идет о том, что "очередь смертников" растет из-за того, что множество смертных приговоров долгие годы не приводится в исполнение даже после отклонения всех апелляций. Судьи, которым надо принимать решение о дате исполнения смертного приговора, жалуются не только и не столько на огромный поток таких дел, сколько на тяжелейшую психологическую нагрузку. "Мы разрываемся, - говорят они, - между желанием сурово наказать убийцу и нежеланием приводить смертный приговор в исполнение" <1>.

<1> Kaplan D. Anger and Ambivalence // Newsweek. 1995. N 7. P. 24 - 25.

Интенсивность казней в том или ином штате можно рассматривать, далее, и как соотношение числа казненных с числом осужденных, содержащихся в "очереди смертников". При этом очевидно, что в тех штатах, где число казненных выше или почти равно числу осужденных, содержащихся в "очереди смертников", интенсивность казней выше. И наоборот, чем больше второй показатель превышает первый, тем интенсивность казней ниже.

Примером минимальной интенсивности казней может служить ситуация в штате Нью-Джерси, где в "очереди смертников" содержатся 23 осужденных, но с 1963 года не было ни одной казни. В Калифорнии - лидере по численности осужденных в "очереди смертников" - за 30 лет (1976 - 2005 гг.) казнено 12 осужденных, а 648 долгие годы содержатся в "очереди смертников". Ныне это 20% всех содержащихся в американских тюрьмах "смертников".

Еще один пример - Флорида, где за указанный период казнено 60 осужденных, а "очередь смертников" - 385, или в 6,5 раз выше. Словом, во всех трех штатах, хотя и в разной мере, смертные приговоры выносятся значительно чаще, чем они реально исполняются, и в итоге, интенсивность казней здесь значительно ниже, чем в штатах, где налицо обратная ситуация.

В последнем случае самым типичным примером служат Техас и Виржиния - давние лидеры по числу казней (на 1 января 2008 года здесь казнено соответственно 405 и 98 осужденных). Однако по интенсивности приведения смертных приговоров в исполнение Виржиния опережает даже Техас, в котором общее число казненных в 4 раза выше. Если в Техасе в "очереди смертников" содержатся 413 осужденных (при 405 казненных), то в Виржинии, занимающей первое место по интенсивности казней, численность осужденных в этой "очереди" (23) в 4 раза ниже общего числа казненных.

Приведенные расчеты интенсивности казней во многом условны и, вероятно, не свободны от недостатков методического плана, тем более что такая попытка предпринимается впервые. Сравнение трех показателей - динамики смертных приговоров, числа казненных и численности осужденных в "очереди смертников" - имеет целью расширение горизонтов анализа, изучение новых аспектов проблемы и вызвано стремлением к наибольшей информативности материала, предлагаемого исследователям, способным подтвердить наличие или отсутствие связей между указанными динамическими рядами. Благо, статистика США в этом отношении отличается не только полнотой, но и абсолютной доступностью, что открывает перед учеными и практиками широкие возможности для анализа ситуации.

3.4. "Очередь смертников"

Одна из особенностей применения смертной казни в США состоит, как уже отмечалось, в большом разрыве между числом осужденных к смертной казни и числом казненных. Реалии отправления правосудия по такого рода делам отражают неповоротливость перегруженной американской юстиции, которая вместе с весьма своеобразной системой апелляционных процедур приводит к росту "очереди смертников".

Типичным в этом отношении является дело "фривейного убийцы" Уильяма Бенина, казненного в Калифорнии за зверское убийство 14 подростков <1>. Несмотря на ясность обстоятельств дела и полностью доказанное обвинение, понадобилось 15 лет, чтобы привести смертный приговор в исполнение. Дело в том, что по законам американских штатов осужденный к смертной казни автоматически получает право на апелляцию в Верховный суд США штата, рассмотрение которой обычно растягивается на пять лет. После этого осужденный может опротестовать решения Верховного суда штата в Окружном суде, где процесс начинается с

нулевой отметки. И даже потерпев неудачу в самой последней инстанции - Верховном суде США, осужденный вправе вновь обратиться с апелляцией в Верховный суд штата, где процесс опять же начинается с самого начала. В итоге образуются громадные "ножницы" между ежегодно нарастающим числом вынесенных судами смертных приговоров и числом приговоров, приведенных в исполнение. Эта разница и формирует растущую "очередь смертников", ожидающих казни.

<1> См.: Квашис В.Е. Смертная казнь в США // Государство и право. 1996. N 9.

Помимо психологического и нравственного урона, причиняемого действующей процедурой апелляций на смертные приговоры, общество, как уже отмечалось, несет гигантский финансовый ущерб, оплачиваемый из кармана налогоплательщиков. В связи с этим с середины 90-х годов в США возникло довольно мощное движение за безотлагательное реформирование апелляционных процедур.

В Калифорнии, например, где на рассмотрение такого рода уголовных дел ежегодно тратятся огромные средства (процессы по таким делам здесь самые дорогие в стране), а "очередь смертников" самая большая в стране, с 1977 по 2007 г. было казнено 13 осужденных (причем за первые 20 лет - казнили двух осужденных). Похожая картина и в других штатах, применяющих смертную казнь. Так, в Мэриленде с 1977 было казнено 5 осужденных; в Вашингтоне - 4; в Небраске и Пенсильвании - по 3; в Кентукки и Орегоне - по 2; в Колорадо, Коннектикуте, Вайоминге, Айдахо, Нью-Мехико и Южной Дакоте - по одному <1>. А в Канзасе, Нью-Йорке и Нью-Джерси за все эти годы вообще не было исполнено ни одного смертного приговора. Это означает, что все остальные из множества осужденных к смертной казни долгие годы содержатся в так называемой "очереди смертников".

<1> См.: Bureau of Justice Statistics Bulletin. Capital Punishment, 2004. November 2005. NCJ 211349. P. 11; Death Penalty Information Center. Facts About the Death Penalty. Dec. 6. 2007. P. 3.

В ряде штатов значительное количество смертных приговоров, как уже отмечалось, длительное время не приводится в исполнение даже после отклонения всех апелляций осужденного и ходатайств о помиловании. В итоге в целом по стране срок ожидания казни - особенно с начала 90-х годов - постоянно растет. Если в 1990 - 1993 гг. он был равен 9,5 годам, то уже в 1995 г. увеличился в среднем еще на один год; в 2000 - 2002 гг. он составлял 11,5 лет, а к началу 2006 года - вновь вернулся к отметке в 10,2 лет. Но это в "среднем". Между тем в разных штатах продолжительность ожидания казни зависит главным образом от отношения властей и населения штата к институту смертной казни и потому существенно отличается от среднего показателя по стране в целом. Так, в Джорджии с 1980 года каждый четвертый из числа "смертников" содержался в ожидании казни в тюрьме более 15 лет; в Монтане в 1995 г. был казнен единственный осужденный, ожидавший казни около 20 лет; в 1998 году в Аризоне казнили осужденного, приговор которому был вынесен 25 лет назад. Подобных примеров множество.

Такого рода факты, помимо всего прочего, имеют негативные последствия социально-психологического плана, напрямую связанные и с жестокостью нравов в обществе, и с ужасами ожидания казни, испытываемыми осужденными. Поэтому мировое правозащитное движение всегда ставило так называемый "синдром камеры смертника", калечащий психику осужденного, в один ряд с пытками.

Еще две тысячи лет назад древнеримский поэт Публилий Сиру заметил: "Страх смерти хуже самой смерти", имея в виду, что неопределенность положения осужденных к смертной казни угнетает их ежечасно и ежеминутно; испытывая страх и ужас постоянного ожидания казни, они умоляют поскорее решить их судьбу. Внутренний мир приговоренного к смертной казни описан многими выдающимися представителями мировой литературы. "И сильнее этой муки нет на свете. Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия?" Это слова Ф.М. Достоевского, приговоренного к смерти за участие в кружке петрашевцев и помилованного прямо перед строем расстрельной команды, из письма к брату в день несостоявшейся казни. Можно вспомнить, далее, и рассказ В. Гюго "Последний день приговоренного"; спустя сто лет А. Камю описал ужасы ожидания казни в "Размышлениях о гильотине" и в повести "Посторонний".

Критики такого подхода не без оснований указывают, что в США о дне исполнения смертного приговора осужденный, как правило, извещается заранее, часто - за несколько месяцев до казни, однако это несколько не меняет сути дела. Многие писатели и ученые в связи с этим отмечали, что страдания осужденного, ужасы постоянного ожидания казни несравненно более тяжкие, чем страдания его жертвы. Сошлемся, наконец, на М.Н. Гернета - видного российского ученого, много лет отдавшего исследованию смертной казни, в том числе анализу практики ее применения в США. Вслед за Ф.М. Достоевским он отмечал, что "...ужас смертной казни во много раз превышает ужас жертвы убийства. В громадном большинстве случаев физические муки смертной казни ничто

в сравнении с психическими муками ожидания смерти..." <1>. Названные негативные последствия социально-психологического плана, связанные с многолетним ожиданием казни, очевидны и во многих отношениях они практически едины для любой системы уголовного правосудия <2>.

<1> Гернет М.Н. Смертная казнь и общественное мнение // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 146.

<2> Трудно в этой связи согласиться с А.С. Михлиным, который считает сам факт сравнения страданий осужденного к смертной казни и его жертвы "безнравственным" и предлагает свести длительные сроки ожидания казни "к разумным пределам" (см. Михлин А.С. Смертная казнь - быть ли ей в России? // Журнал российского права. 1998. N 10 - 11. С. 143). Интересно, что понимается под "разумными" сроками?

Возвращаясь к практике длительных сроков рассмотрения апелляций по смертным приговорам в США, отметим, что еще с начала 90-х годов политики всех уровней часто обвиняли и обвиняют судей в излишнем либерализме и сознательном затягивании решений об исполнении приговора. Судьи, в свою очередь, ссылаются, как уже отмечалось, на крайнюю перегруженность такого рода делами и огромную психологическую нагрузку, связанную с принятием решения о немедленном исполнении приговора после отклонения апелляций. Так или иначе, с середины 90-х годов "очередь смертников" нарастала все более быстро и ощутимо, давление на судей со стороны политиков и консервативно настроенной прессы резко усилилось. Журналисты в связи с этим саркастически отмечали, что если исполнение смертных приговоров будет идти такими же темпами, то "очередь смертников" удастся ликвидировать лишь к 2021 г., "даже если казни будут проводиться на Пасху и Рождество" <1>.

<1> См.: Kaplan David A. Anger and Ambivalence // Newsweek. 1995. N 7. P. 24 - 25.

В 1996 году на конференции Академии уголовной юстиции США ученые из университета штата Миссури представили любопытный доклад, в котором, опираясь на динамику смертных приговоров и казней, был рассчитан прогноз "очереди смертников" в тюрьмах страны на ближайшие 20 лет. По их подсчетам, численность "очереди смертников" должна была составить к 1998 году - 3401; к 2007 году - 4645; к 2013 году - 5747 и к концу 2016 года - 5889 человек <1>. И хотя число казней в конце 90-х годов, как уже отмечалось, резко увеличилось, достаточно точными оказались лишь оценки краткосрочного прогноза на ближайшие 2 года. Что же касается 2007 года, то, судя по данным статистики, прогнозные оценки оказались весьма завышенными. К началу 2005 года численность таких осужденных в тюрьмах США составляла 3315, а к концу 2007 года - 3350, что почти на 40% меньше численности, прогнозируемой исследователями.

<1> См.: Lombardi G., Sluder R. and Wallace D. The Management of Death-Sentenced Inmates: Issues, Realities, and Innovative Strategies // The Annual Meeting of the Academy of Criminal Justice Sciences. Las Vegas, Nevada, 1996.

На перспективу более отдаленную достоверность этого прогноза также представляется сомнительной, поскольку, во-первых, и динамика смертных приговоров, и динамика казней за последние 10 лет резко изменились и имеют тенденцию к резкому сокращению, а во-вторых, сегодня трудно сказать, в какой мере и как долго сохраняют законы штатов наказание в виде смертной казни, как долго сохраняются отмеченные тенденции в практике назначения и исполнения этой меры. К тому же следует иметь в виду, что 37% из 7 тысяч осужденных, содержащихся за последние 30 лет в "очереди смертников", смертная казнь в ходе апелляционных процедур была заменена другими видами наказаний, а реальное исполнение смертных приговоров в разные годы имело место в отношении 11% - 13% осужденных.

Последние два показателя сами по себе красноречивы. Первый из них указывает на то, что в указанный период каждому третьему осужденному к смертной казни эта мера наказания в итоге апелляционных процедур была заменена другой, более мягкой. Отсюда можно сделать по крайней мере два не исключающих друг друга вывода - с одной стороны, о несовершенстве практики вынесения смертных приговоров, а с другой стороны, об определенном и, во всяком случае, более качественном уровне рассмотрения такого рода уголовных дел в апелляционных инстанциях.

При всем оптимизме этого замечания следует обратить внимание на значимость второго показателя, а он, помимо всего прочего, говорит о том, что, несмотря на затягивающиеся сроки ожидания казни, риск приведения приговора в исполнение все же остается весьма высоким - вероятность именно такого исхода процесса грозит как минимум каждому девятому осужденному.

Территориальные особенности практики применения смертной казни в США, о которых уже говорилось, полностью распространяются и на проблематику "очереди смертников", поскольку она представляет собой естественное следствие различных тенденций в практике вынесения и

исполнения смертных приговоров в разных штатах страны. Величина "ножниц" определяет и своеобразие ситуации в том или ином штате, и вклад каждого штата в проблему осужденных, ожидающих казни. Именно здесь в наибольшей мере проявляется и определенный либерализм тех штатов, в которых, мягко говоря, не спешат приводить в исполнение смертные приговоры, и нравы, традиционно бытующие в южных штатах, где осужденные в "очереди смертников" составляют явное меньшинство (поэтому в таких штатах число казненных, как уже отмечалось, или равно или даже выше числа осужденных, ожидающих исполнения смертного приговора).

Информационный центр по проблемам смертной казни в США объясняет некоторое снижение численности "очереди смертников", начавшееся с 2001 года, несколькими причинами. Во-первых, оно произошло после решения губернатора Иллинойса Д. Райана, который перед объявлением моратория на казни помиловал 167 "смертников". Во-вторых, оно связано с запретом на казни умственно отсталых в 2002 году; в-третьих, с запретом на казни несовершеннолетних в 2005 году (к этому моменту в "очереди смертников" их было 71). Наконец, как уже отмечалось, в 2005 году резко снизилось и число вынесенных смертных приговоров. В конечном итоге за последние пять лет численность осужденных, содержащихся в "очереди смертников", сократилась на 7% <1>.

<1> См.: Facts About the Death Penalty. September 18. 2007. P. 3.

Кто же эти осужденные, ожидающие исполнения смертного приговора? Прежде всего, отметим, что 98,6% таких осужденных - мужчины; 1,4% - женщины. Из 140 женщин, которым с 1978 года был вынесен смертный приговор, в американских тюрьмах в ожидании казни к 2005 году, например, содержались 56 женщин в возрасте от 22 до 73 лет. К концу 2007 года их число снизилось до 49. Всего за последние 30 лет в США казнили 11 женщин.

Обращает на себя внимание тот факт, что 40% лиц, содержащихся в "очереди смертников", молодые лица, совершившие преступления в возрасте до 25 лет. Средний возраст "смертников" на конец 2005 года - 38 лет. В среднем они провели в ожидании казни 10,5 лет.

Отметим далее, что, несмотря на особенности географического формирования этой "очереди", ее расовый состав практически не отличается от состава осужденных, которым выносились смертные приговоры. Чернокожие в "очереди смертников" составляют 42%, хотя среди населения страны доля афроамериканцев в среднем не превышает 12,5% (белые - 45,0%). Отметим также, что в течение последних 15 лет расовый состав этих осужденных практически не меняется.

Семейное положение "смертников" характеризуют следующие данные: 54% из них не были женаты, 3% - вдовцы, 21% - разведены и лишь 22% - женаты.

Распределение таких осужденных по уровню образования показывает, что 18% закончили 8 классов средней школы (многие - и того меньше), каждый третий окончил 11 классов, 39% имеют полное среднее образование, а 8% окончили колледжи.

Следует, далее, отметить, что 8,4% осужденных, ожидающих казни, ранее уже были судимы за убийство. Этот показатель еще раз подтверждает справедливость выводов криминологов о том, что для убийц специальный рецидив не является характерным <1>. В США 85% убийц, содержащихся в "очереди смертников", осуждены впервые и имеют один смертный приговор; 11,0% - по два таких приговора и лишь 4,0% - по три смертных приговора, что, как уже отмечалось, связано со специфическими особенностями американской системы вынесения приговоров при сложении назначенных судом наказаний <2>.

<1> В Великобритании, например, из всех осужденных за убийство в 1994 - 2004 гг. - в среднем 600 - 700 человек в год - лишь 25 человек уже были судимы за убийство (см.: Coleman K., Cotton J. Crime in England and Wales: Crime in England and Wales: Homicide // Home Office Statistical Bulletin. 26 January 2006. P. 48 - 51).

<2> См.: Sourcebook of Criminal Justice Statistics 2000. P. 550.

3.5. Процедура и способы казни

Исследуя особенности законодательства и практики применения смертной казни в США, нельзя не остановиться на способах исполнения смертных приговоров, хотя в этом отношении Америка не изобрела ничего нового. О казнях в этой стране написаны горы научной публицистической и научной литературы, сняты десятки фильмов и все же процедура казни до сих пор, как везде и всегда, непостижимым образом привлекает особое внимание людей. Как известно, после того, как во Франции виселица по требованию народа была заменена гильотиной, тот же народ стал требовать: "Верните виселицы! Нам ничего не видно!". В самом деле, давно замечено, что "люди патологически любят смотреть на казни себе подобных" <1>.

<1> Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 87.

Философия изобретенной в 1792 году машины смерти состояла в том, чтобы с помощью гильотины превратить казнь из жестокой бесчеловечной процедуры в чисто клиническое явление, которое при этом происходило бы мгновенно <1>. Так родился миф о человечности, о стремлении максимально избавить казненных от лишних физических страданий. Авторы потрясающего своей фактурой документального фильма "Казни" Дэвид Манаган и Дэвид Герман заявляют, что проявления человечности казни стали девизом XX века. Надо сказать, замечание весьма спорное и двусмысленное.

<1> Изобретение, по свидетельству историков, оказалось настолько "удачным", что уже осенью 1793 года, когда революционная армия под командованием Ш. Ронсена выступила на усмирение мятежных городов юга, в ее обозе передвижные гильотины ехали вместе с порохом и провиантом. Гильотина применялась во Франции до 1981 года, пока там не была окончательно отменена смертная казнь.

И еще один момент, который не может в этой связи не привлечь внимания, - почти все изобретатели новых методов казни - практикующие врачи, лично отправившие на тот свет тысячи людей (это и изобретатель гильотины Жозеф Гильотин, и "отцы" газовой камеры Кристин Ворс и А. Торнер, и "автор" летальной инъекции, близкий друг Гитлера доктор Брандт).

Между тем следует заметить, что с медицинской точки зрения безболезненных способов убийства человека не существует, ни один из современных способов приведения смертного приговора в исполнение не гарантирует быстрого наступления смерти или хотя бы бессознательного состояния. Даже при самых "гуманных" методах казни смерть человека может наступить лишь спустя некоторое время, продолжительность которого зависит как от чисто технических причин, так и от особенностей организма осужденного. (Так, при повешении - весьма распространенном не только в прошлом, но и сегодня способе линчевания преступников - потеря сознания и смерть наступала в результате повреждения спинного мозга или (и) вследствие асфиксии от сдавливания трахеи.)

На пороге XIX века известные ученые ряда западных стран вновь обратились к поискам наименее болезненных и наиболее эффективных методов казни. Так, французский врач Николаус Миновици исследовал механизм наступления смерти при повешении. В Великобритании специальная Королевская комиссия изучала различные способы казни с целью их возможного применения и, в частности, сочла неприемлемой казнь путем расстрела осужденного стрелковым подразделением, ибо, помимо всего прочего, "такой метод казни не удовлетворяет даже первому требованию - не гарантирует немедленного наступления смерти".

В США за разработку "самого совершенного" способа казни соревновались два самых знаменитых изобретателя того времени - Джон Вестингауз и Томас Эдисон, уже одаривший человечество телефоном, телеграфом и другими великими открытиями. В 1889 году правительственная комиссия штата Нью-Йорк решила, что предложенный ими метод - казнь на электрическом стуле - является "более гуманным", чем повешение. Сначала предпочтение было отдано методу Дж. Вестингауза, но через год Эдисону удалось убедить комиссию в преимуществах своего метода (различия в этих методах сводились лишь к тому, что в одном случае предлагалось использовать постоянный, а в другом - переменный ток с напряжением всего в 300 вольт). Смерть осужденного при использовании этого метода наступала в результате прекращения функций мозга (из-за резкого повышения его температуры при подаче мощного тока); кроме того, воздействие током вело к поражению сердечной деятельности.

Впервые казнь электрическим током была применена в Обернской тюрьме штата Нью-Йорк в 1890 году (казнили Уильяма Кеммлера, осужденного за убийство жены), а с 1892 года этот метод казни мгновенно распространился в 12 штатах. Спрос на "новинку" стал так быстро расти, что власти ряда штатов стали заказывать передвижные электрические стулья. Дедушка современной "желтой мамочки", как осужденные называли электрический стул, стал своеобразной знаменитостью. Впрочем, за свою долгую историю одно из самых устрашающих орудий казни имело и много других эффектных прозвищ, вроде таких, как "искрящийся старикан" или "старый курильщик".

Ажиотаж вокруг казней на электрическом стуле в конце XIX и в начале XX века доходил до того, что газеты соревновались за эксклюзивные права на репортаж о проведении казни. Число казненных начало расти невероятными темпами, причем среди желающих лично включить электрический рубильник возникло своеобразное соревнование, а самые "именитые" палачи успевали работать одновременно в нескольких штатах. В конце 1890-х годов Томас Хард, сам ранее осужденный к смертной казни, только за два года казнил на электрическом стуле 23 приговоренных. С тех пор и до середины 1990-х годов казнь на уже усовершенствованном электрическом стуле стала самым распространенным в США методом исполнения смертного

приговора. За 110 лет применения в США таким способом было казнено около 4,5 тысячи осужденных, пока на смену ему не пришла летальная инъекция (наследие нацистского доктора Брандта), признанная медиками и юристами "наиболее гуманной и эффективной".

Только с 1977 года по 2001 год этим способом были казнены 152 осужденных в десяти штатах. Из них 90% - в пяти южных штатах: 44 казни во Флориде; 27 - в Виржинии; 24 и 23 соответственно в Алабаме и в Джорджии; 20 в Луизиане.

Закат эры электрического стула в США приходится на самый конец XX века, хотя в юридическом плане ряд штатов пришел к нему своим специфическим путем. С этой точки зрения особое значение имеет решение о запрете казни на электрическом стуле, состоявшееся в Джорджии. Кстати говоря, казнь этим способом стала практиковаться в Джорджии особенно широко с начала 20-х годов, когда она заменила исполнение смертных приговоров через повешение. С 1924 по 1998 г. (в июне 1998 года здесь состоялась последняя казнь) в Джорджии указанным способом казнили 441 осужденного. Таким образом, на долю штата Джорджия приходится 10% от всех казненных в США на электрическом стуле за 110 лет применения этого метода казни.

В 2000 году законодательное собрание этого штата приняло закон, по которому отныне должны приводиться в исполнение методом летальной инъекции все смертные приговоры, вынесенные за деяния, совершенные до 1 мая 2000 года. При этом было оговорено, что казнь лиц, совершивших преступления до этой даты, должна производиться на электрическом стуле либо методом инъекции, но лишь в том случае, если первый будет признан Верховным судом США или Верховным судом Джорджии неконституционным.

Под действие этой оговорки подпали обвиняемый в убийствах Т. Доусон и К. Мур, которым обвинение предлагало назначить наказание в виде смертной казни. В обоих случаях защита утверждала в суде, что использование электрического стула как способа казни образует запрещенное Конституцией "необычное и жестокое наказание". Суд первой инстанции в деле Доусона с этим согласился, а в деле К. Мура - нет, полагая, что доказательства этого "являют собой предмет догадок и спекуляций".

Верховный суд Джорджии соединил оба дела и при их рассмотрении 5 октября 2001 года четырьмя голосами против трех постановил, что в будущем исполнение смертных приговоров в штате должно осуществляться лишь посредством летальной инъекции. Принимая это решение, суд основывался на доказательствах, представленных по обоим делам защитой и обвинением. Эксперты защиты ссылались на ряд недостатков применения высоковольтного тока, что не всегда приводит к потере сознания, а последующее снижение напряжения активизирует мозг, вызывает ощущение мучительного страдания и чувство ужаса.

Аргументируя свое решение, суд указал: "Мы не можем игнорировать жестокость, свойственную излишне увечающим... наказаниям, либо ту необычность, которую образует увечье в свете доступных альтернатив... Основываясь на... доказательствах о процессе казни на электрическом стуле и сравнивая таковой процесс с летальной инъекцией, - методе исполнения смертного приговора, который легислатура сделала теперь доступным в нашем штате, - мы находим, что смерть на электрическом стуле образует более чем "простое прекращение жизни" ...вызывает бесцельное физическое насилие, а также излишнее увечье, что не имеет сопоставимого вклада в принятые цели наказания... Соответственно, мы решаем, что смерть на электрическом стуле с ее спектром мучительного страдания, с присущим ей несомненным фактом - сожженными мозговыми тканями и обуглившимися телами - нарушает запрет жестокого и необычного наказания, содержащийся в ст. 1 параграфа XVII Конституции Джорджии" <1>.

<1> См.: Dawson v. State. 327 (2001); Есаков Г. Т. Доусон против штата Джорджия // Российская юстиция. 2002. N 7. С. 67 - 68.

Это было первое признание неконституционного характера казни на электрическом стуле не только в истории штата, но и в столетней истории ее применения в стране. Оно ознаменовало практический конец (или "начало конца") эпохи электрического стула и тем самым стало одним из поворотных пунктов в практике применения казни в США.

Здесь, кроме того, важно отметить, что речь идет о признании электрического стула незаконным методом казни именно в судебном порядке, чего до сих пор не было ни в одном штате США. Более того, Верховный суд США ранее неоднократно признавал такой метод казни соответствующим Конституции, а в 1985 году вообще отказался рассматривать вопрос о таком соответствии. Это дало повод выдающимся американским судьям У. Бреннану и Т. Маршаллу критиковать такое решение, а затем в Постановлении по делу Glass v. Louisiana назвать казнь на электрическом стуле не иначе как "современным технологическим эквивалентом сожжения людей на костре" <1>.

<1> См.: Glass v. Louisiana. 471. U.S. 1080 (1985).

С 2001 года смертная казнь в США исполняется только путем летальной инъекции, хотя в ряде штатов осужденный формально имеет право выбора альтернативного способа казни, предусмотренного законами штата. Так, в законах девяти штатов страны еще содержится упоминание казни путем электрошока (Алабама, Арканзас, Флорида, Кентукки, Виржиния, Небраска, Оклахома, Ю. Каролина, Теннесси); в четырех штатах (Аризона, Калифорния, Миссури, Вайоминг) закон предусматривает применение смертоносного газа; в трех штатах (Делавер, Нью-Гэмпшир, Вашингтон) - повешение, а в Юте Айдахо и Оклахоме в качестве метода казни называется расстрел <1>. И лишь в Небраске до самого последнего времени качестве единственного способа приведения смертного приговора в исполнение законодательство штата называло казнь на электрическом стуле.

<1> Из этих трех штатов реально расстрел применялся лишь в Юте (дважды) - по просьбе приговоренного, пока в 2004 году легислатура штата окончательно не заменила этот метод казни летальной инъекцией. Согласно расстрельному ритуалу штата Юта, осужденный не видел своих палачей. Они стоят за стеной, в которой на уровне головы и грудной клетки казненного сделаны четыре отверстия диаметром чуть больше головы человека. Таково и число палачей-добровольцев. Последнее обращение властей штата о наборе стрелков-добровольцев имело место в 2003 году (см.: Известия. 27.06.2003).

При этом в законодательстве 17 штатов наряду с инъекцией закреплен еще один способ казни - по выбору осужденного. Здесь важно отметить, что решение о преимуществах применения того или иного способа казни в пяти из этих штатов зависит от даты вынесения смертного приговора (т.е. какой способ казни действовал на тот момент; в Юте, например, этот способ казни может быть выбран осужденным в том случае, если инъекция считается противоречащей Конституции, а приговор вынесен до 3 мая 2004 года). Однако на практике эти законы не "работают", они, скорее, отражают верность ритуалам и тщательно оберегаемую штатами независимость и их самостоятельность в вопросах законотворчества и отправления правосудия.

25 апреля 2002 года Закон, заменяющий казнь на электрическом стуле смертельной инъекцией, был подписан губернатором Алабамы; вскоре примеру Алабамы последовали законодатели Огайо, а с 1 июля 2002 года аналогичный Закон стал применяться и в Небраске.

Метод летальной инъекции получил свое законодательное закрепление в 1977 году в Оклахоме и Техасе, а первым казненным таким способом 7 декабря 1982 году стал осужденный в Техасе Чарльз Бруке. Уже к 1990 году казнь путем летальной инъекции была предусмотрена законами 21 штата, а спустя еще 10 лет - к 2000 году - в 36 из 38 штатов. В 1999 году этим путем было казнено 96% осужденных; в 2000 году - 80 из 85, а с 2001 года - летальная инъекция фактически стала единственным методом приведения смертного приговора в исполнение, ибо в целом ряде штатов в 2000 - 2002 гг. были внесены изменения, закрепляющие инъекцию как единственный способ казни.

Процедура казни путем инъекции состоит в непрерывном внутривенном вливании смертельной дозы быстродействующего барбитурата в комбинации с парализующим химическим препаратом. В Техасе, например, применяется комбинация натрия теопентала, бромида и хлористого калия, где первый компонент вызывает потерю сознания, второй - расслабляет мускулатуру и приводит к параличу диафрагмы, прекращению работы легких, третий - ведет к остановке сердца.

Смертные приговоры в США не приводятся в исполнение публично, хотя, разумеется, при казни присутствуют директор тюрьмы, врач, представители обвинения, а иногда и судья, назначивший дату казни. В ряде штатов при исполнении таких приговоров разрешается присутствие родственников осужденного, близких потерпевшего, а также представителей средств массовой информации. По законам девяти штатов, журналистам может быть разрешено также посещение осужденного накануне казни.

В США медицинские объединения и общественность выступают против участия медиков в казнях, руководствуясь правилами Американской медицинской ассоциации, в которых записано, что врач не должен быть соучастником узаконенного убийства. В силу этого сложилось достаточно острое и активно дебатированное противоречие между врачебной этикой и требованием Закона об обязательном участии врача в процедуре исполнения смертного приговора.

Эта проблема давно привлекла внимание и за пределами США. Еще в 1998 году, например, был опубликован доклад "Международной амнистии", в котором рассматривались вопросы нарушения врачебной этики медицинскими работниками, участвующими в казни путем инъекции, а также практика применения этого способа казни в США, Китае, Филиппинах и в других странах. По мнению этой правозащитной организации, медики тем самым непосредственно совершают убийство. "Когда была впервые введена казнь путем инъекции, - отмечал автор доклада Джеймс

Вэлш, - она представлялась наиболее гуманной. На практике же было несколько случаев, когда смерть была не быстрой, а мучительной, вопреки утверждениям сторонников такой казни".

В заключение отметим, что с 1977 по 2007 г. из 1099 казней, состоявшихся в США <1>, в 929 случаях в качестве способа исполнения приговора использовались летальная инъекция; в 154 - электрический стул; в 11 - смертельный газ; в 3 случаях - повешение и в 2 случаях - расстрел (штат Юта).

<1> См.: Facts About the Death Penalty. December 6. 2007. P. 4.

О психологической нагрузке на исполнителей смертных приговоров задумываются и в Федеральном бюро тюрем, и власти штатов, и ученые. Психологи и психиатры Стэнфордского университета, например, недавно провели в трех штатах страны обследование 246 сотрудников тюрем, которые непосредственно участвовали в исполнении смертных приговоров. Ученые установили, что тренинги и обучение этих лиц умению справляться с психологическими проблемами строятся главным образом на подсознательном разделении чувства ответственности. С ростом числа проведенных казней их моральные ценности постепенно меняются, жалость к приговоренным притупляется, появляется и растет ощущение моральной раскованности (disengagement). Они никогда не говорят о своей работе ни друг с другом, ни в семьях. Каждый думает, что это не его рука убила казненного. "Причем, чем больше число участников казни, тем сильнее диффузия чувства вины и ответственности" <1>.

<1> Cabey B. The Executioner and His Mirror // The New York Times, February 13. 2006.

В Техасе практически все смертные приговоры были приведены в исполнение в тюрьме Хантсвилл. Один из ее ветеранов, Джим Уиллет, прослуживший здесь 30 лет и лично руководивший 86 казнями, отмечает, что немногие из тех, кто ратует за смертную казнь, будут сами готовы исполнять такой приговор. Даже среди присяжных в суде, которые выносят свой вердикт, найдется немного желающих казнить преступников. Однако, если ввести систему "добровольных палачей", отбоя от желающих не будет, ибо есть люди, которым нужно выплеснуть свою агрессию в любой форме.

"Оглядываясь назад, - говорит главный палач тюрьмы Хантсвилл, - я понимаю, что у меня остается все меньше уверенности в том, что я делал правильную работу. Если бы можно было повернуть время вспять, я бы занялся любой другой, но не этой. УБИЙСТВО, ДАЖЕ УЗАКОНЕННОЕ, НИ НА МИНУТУ НЕ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ УБИЙСТВОМ" <1> (выделено мной - В.К.). Весьма примечательное признание!

<1> Анищук А. Плач палача // В новом свете. Даллас. 21 января 2005.

3.6. Практика помилования "смертников"

Помилование можно рассматривать как заключительный этап отправления правосудия. Сказанное, разумеется, в полной мере относится и к осужденным, которым был вынесен смертный приговор. В статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах указано, что каждый, кто приговорен к смертной казни, имеет право просить о помиловании или о смягчении приговора. На необходимость соблюдения этой нормы обращается внимание в Резолюции 1984/50 Экономического и социального совета ООН от 25 мая 1984 года, где указаны меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни, а также в других международно-правовых документах <1>.

<1> См.: Смертная казнь и осуществление мер, гарантирующих защиту тех, кто приговорен к смертной казни. Шестой пятилетний доклад Генерального секретаря ООН. 31 марта 2000. E/2000/3.

Напомним, в период с 1976 по 2007 г. в США было вынесено свыше 7 тысяч смертных приговоров, по которым казнено 1099 осужденных. На этом фоне общее число помилованных за тот же период выглядит как незначительное - помилование было применено всего к 229 "смертникам".

При этом следует отметить, что большинство осужденных были помилованы только в последние 5 - 6 лет, что связано, прежде всего, с растущим числом выявленных судебных ошибок. Очевидно, что распространенность таких ошибок и рост числа лиц, оправданных судом и освобожденных из "очереди смертников", является психологическим фоном, на котором принимается значительная часть решений о помиловании.

С другой стороны, смертная казнь, как уже отмечалось, мера наказания настолько политизированная, что многие губернаторы штатов (именно им принадлежит право помилования) не хотят использовать помилование осужденных за тяжкие преступления, чтобы не вызывать на себя критику избирателей и средств массовой информации за проявление "мягкости к преступникам".

Законодательство штатов по-разному определяет порядок применения помилования осужденных к смертной казни. При этом каких-либо строго определенных оснований для применения помилования (Clemency) законодательство не содержит, во многом они складываются своеобразно, как, впрочем, специфическим является и сам институт помилования, по сути, не ограниченный ни правилами, ни исключениями. В этой связи уместно отметить, что в ряде случаев применение помилования, по сути дела, представляло собой акт амнистии, т.к. оно не носило персонализированного характера, было подчинено другим, более широким политическим задачам и, главное, было вызвано причинами, не связанными с личностью осужденных или же с особыми обстоятельствами конкретного уголовного дела.

За последние 30 лет американской истории было три таких акта "помилования". В 1986 году губернатор штата Нью-Мехико Тони Анайя принял решение о помиловании всех пяти "смертников", содержащихся в тюрьмах штата. Как отмечено в обзоре практики помилования, подготовленном Информационным центром по проблемам смертной казни, причиной этого решения было крайне негативное отношение губернатора к наказанию в виде смертной казни и явной расовой дискриминацией в практике применения этой меры наказания.

По той же "принципиальной" причине губернатор штата Огайо Ричард Силесте, уходя со своего поста, в 1991 году помиловал всех (8) "смертников". И, наконец, самым массовым актом стало решение губернатора Иллинойса о помиловании всех 173 "смертников". Причиной этого решения стали возмущившие его своей распространенностью многочисленные случаи судебных ошибок, когда выяснилось, что половина всех "смертников" была осуждена необоснованно, а многие из них были освобождены из тюрем буквально накануне казни.

Указанные три акта охватили, таким образом, 186 из 229 помилованных за 30 лет "смертников"; остальные 43 были в разные годы помилованы по разным "гуманитарным причинам", на которых есть смысл остановиться более подробно.

Однако прежде отметим, что в законодательстве штатов имеются существенные различия, связанные с порядком рассмотрения ходатайств о помиловании осужденных и полномочиями губернаторов. В 14 штатах (Алабама, Калифорния, Колорадо, Канзас, Кентукки, Нью-Джерси, Нью-Мехико, Нью-Йорк, Северная Каролина, Орегон, Южная Каролина, Виржиния, Вашингтон, Вайоминг) помилование осужденных-"смертников" составляет исключительную прерогативу губернатора штата, который решает судьбу ходатайства о помиловании единолично <1>.

<1> См.: Mandery E. Capital Punishment: A Balanced Examination. P. 599 - 602; Radalet M., Zsembik B. Executive Clemency in Post-Furman Capital Cases // University of Richmond Law Review. Vol. 27. 1993. P. 289 - 314.

В другой группе (8 штатов) губернатор обязан руководствоваться рекомендацией соответствующей группы специального совета (Board or Advisory Group), куда входят представители органов уголовной юстиции и общественности штата (Аризона, Делавэр, Флорида, Пенсильвания, Оклахома, Луизиана, Монтана, Техас).

В третьей группе (10 штатов) соответствующие комиссии или группы советников представляют губернатору свои рекомендации по существу ходатайства о помиловании, но они не носят обязательного характера - советники лишь высказывают свое мнение (Арканзас, Иллинойс, Мэриленд, Миссисипи, Миссури, Нью-Гемпшир, Огайо, Южная Дакота, Теннесси, Индиана).

В четвертой группе штатов (3) право помилования принадлежит лишь соответствующему совету; губернатор же в этой работе вообще не участвует (Коннектикут, Джорджия, Айдахо).

И, наконец, еще в трех штатах полномочия губернатора сводятся лишь к обязательному присутствию на заседании соответствующего совета, который и принимает решение по существу ходатайства о помиловании (Небраска, Невада, Юта).

Произвольные решения членов совета по помилованию и губернаторов штатов не подлежат судебному обжалованию и пересмотру в порядке надзора, ибо доступ к помилованию рассматривается не как всеобщее право, а как привилегия исполнительной власти, которая может быть пожалована или в которой может быть отказано в зависимости от того, как на это смотрят должностные лица штата.

Что же касается осужденных за преступления, предусмотренные федеральным законодательством США, то по их ходатайствам о помиловании принимает решение президент страны.

У истоков президентского помилования стоят юристы Министерства юстиции США, которые занимаются рассмотрением и отбором ходатайств о помиловании. Они же проводят консультации

с ФБР, где хранится информация об уголовном прошлом "кандидатов на помилование". После тщательного отбора таких лиц их списки передают заместителю министра юстиции, который со своими рекомендациями отсылает их главному юрисконсульту Белого Дома, а тот докладывает президенту. За все последние 30 лет такое решение лишь однажды было принято покидавшим Белый Дом президентом Б. Клинтон.

Если говорить о формах применения помилования к указанной категории осужденных, то их всего три:

- освобождение в связи с оправданием осужденного (exoneration);
- замена смертной казни пожизненным заключением или длительным сроком лишения свободы, чаще всего - без права на досрочное освобождение (commutation);
- отсрочка исполнения смертного приговора (reprieve).

Число помилованных "смертников" в том или ином штате зависит от распространенности практики применения этой меры наказания, от особенностей законодательства штата, общего уровня отправления правосудия, состояния общественного мнения, от уровня решения расовых и социальных проблем в штате, активности аболиционистских и других правозащитных организаций и многих других, порой далеко отстоящих друг от друга факторов, характеризующих ситуацию в конкретном штате. В этой связи отметим, что из 42 "смертников" (речь идет только о тех, кто был помилован в индивидуальном порядке) 7 были помилованы в Вирджинии; в Джорджии и Флориде - по 6 "смертников"; в Северной Каролине и Индиане - по 3; в Огайо, Оклахоме, Миссури и Монтане - по 2; и еще в десяти штатах за 30 лет помиловали всего лишь по одному "смертнику".

Интегрирующим основанием для применения помилования таких осужденных являются, как отмечалось, "гуманитарные причины", к числу которых относятся: "сомнения в виновности осужденного", нарушения психики, в т.ч. те, которые привели к утрате вменяемости, исключительное (образцовое) поведение осужденного и, наконец, личные убеждения губернатора штата. Практика помилования в последние 20 лет дополнила этот перечень "гуманитарных причин" указаниями на неизлечимую болезнь, раскаяние, несоответствие приговора тяжести содеянного или несоразмерность вины осужденного и других соучастников (виновных в большей степени, но получивших менее суровые наказания), а также ходатайство семьи погибшего.

В решениях о помиловании указанных выше 42 "смертников" в различных штатах указаны следующие основания (причины):

- 10 осужденных были помилованы в связи с тем, что смертный приговор был вынесен непропорционально содеянному, либо установлена меньшая степень вины по сравнению с другими соучастниками, которым было назначено более мягкое наказание;

- 18 осужденных были помилованы с формулировкой "сомнительная виновность" (в буквальном переводе - возможная невинность);

- 14 осужденных помилованы по другим, иногда сразу по нескольким мотивам: неизлечимая болезнь, раскаяние, совершение преступления в состоянии аффекта, ходатайство семьи погибшего, преступление совершено в 17-летнем возрасте, умственная болезнь и паралич; среди них четверо были помилованы губернаторами двух штатов, указавшими лишь один "мотив" своего решения - "покидая свой пост"; еще один был помилован "по личной просьбе Папы Римского".

Наконец, один осужденный, содержащийся в федеральной тюрьме, был помилован, как только что отмечалось, президентом Б. Клинтон в связи с его сомнениями в виновности осужденного, тем более что основной свидетель обвинения отказался от ранее данных показаний <1>.

<1> См.: Кваши В. Практика применения помилования в США // Российская юстиция. 2002. N 10.

Из названного перечня аргументов не трудно вычлени роль субъективного фактора при принятии решений о помиловании, тем более что "личные убеждения" губернатора давно стали одним из оснований для принятия решения о помиловании. В Техасе, например, за пять лет губернаторства Дж. Буша (1996 - 2000 гг.) было совершено 68% от всех казней в штате за последние 25 лет. За эти пять лет был помилован лишь один осужденный-"смертник". 26 июня 1998 года Дж. Буш помиловал Генри Лукаса на основании его "вероятной невинности" - случай в Техасе беспрецедентный. И хотя сменявшие друг друга генеральные прокуроры штата выразили сильные сомнения относительно виновности Лукаса, решение губернатора заменить смертную казнь на пожизненное заключение вызвало критику его политических оппонентов.

Помилование, в результате которого "смертнику" даровали жизнь, явление, как было показано выше, крайне редкое - в среднем в США смягчают 1 - 2 смертных приговора в год. На этом фоне уникальным за всю историю США явилось решение губернатора Иллинойса Джорджа Райана о помиловании всех "смертников", ожидавших казни в тюрьмах штата (40 из них смертная казнь была заменена пожизненным заключением с правом досрочного освобождения, а остальным - без права досрочного освобождения). Губернатор, прославившийся два года назад тем, что

первым в США объявил о моратории на исполнение смертных приговоров, принял названное решение 12 января 2003 года - за день до истечения срока своих полномочий <1>. О своем беспрецедентном решении он объявил, выступая перед студентами факультета журналистики Северо-Западного университета Иллинойса. В прошлые годы именно они провели большое исследование, в ходе которого было установлено, что в целом ряде случаев смертные приговоры были вынесены судами ошибочно (данные этого исследования и послужили основанием для объявления моратория на исполнение смертных приговоров).

<1> См.: Chicago Tribune. January 15. 2003.

Примечательно, что накануне, 11 января 2003 года, Дж. Райан уже освободил четырех "смертников". Они, как выяснилось, дали признательные показания под пытками полицейских. Остальным 169 осужденным смертная казнь на основании решения губернатора была заменена пожизненным лишением свободы. Дж. Райан сообщил о своем решении в весьма ярких выражениях: "Поскольку система вынесения смертных приговоров в Иллинойсе является деспотичной и капризной, а значит, аморальной, я более не буду пытаться латать дыры в этой машине убийств" <1>.

<1> См.: Бай Е. Самый милосердный губернатор // Известия. 13.01.2003.

Справедливости ради следует сказать о том, что еще четыре года назад, заступая на губернаторский пост, Дж. Райан был убежденным сторонником смертной казни. По его словам, эта позиция изменилась в один день, когда он увидел, как на свободу выходит бывший "смертник". Суд признал его невиновным за 48 часов до того, как тюремный врач должен был ввести ему смертельную инъекцию. Этот факт произвел на губернатора столь сильное впечатление, что в течение трех последующих лет он не утвердил ни одного смертного приговора, вынесенного судами штата, в 2001 году освободил из тюрьмы 13 "смертников", виновность которых вызвала серьезные сомнения и тут же объявил о моратории на исполнение смертных приговоров. "Международная амнистия" не зря назвала это решение губернатора историческим, отметив, что оно является важным шагом на пути к отмене смертной казни в США <1>.

<1> См.: AI Index: AMR 51/005/2003. January 13. 2003.

Роль субъективного фактора, связанного с личностью губернатора или президента страны, в практике применения помилования (причем не только помилования осужденных-"смертников"), как уже отмечалось, весьма заметна. Тут сказываются и их политические пристрастия, личные убеждения и просто личные, человеческие качества. В США, как уже не раз отмечалось, подсчитывается все и вся. Подписанные президентами страны указы о помиловании осужденных не составляют исключения.

Подсчитано, например, что за одинаковый срок пребывания у власти (три с половиной года) президент Трумэн помиловал 735 осужденных (речь идет о всех осужденных, а не только о "смертниках", которых в США миловать не принято); Эйзенхауэр - 132; Кеннеди - 391; Л. Джонсон - 925; Никсон - 522; Форд - 404; Картер - 319; Рейган - 181; Буш - старший - 39; Клинтон - 56. На этом фоне выделяется нынешний президент - Дж. Буш, который помиловал за указанный срок 11 осужденных, причем лишь одного "смертника". Не случайно в канун 2004 года газета Wall Street Journal назвала Дж. Буша "самым беспардонным" президентом (в английском языке "pardon" означает прощение, помилование). В это же время Дж. Буш был назван "Скруджем Белого Дома" по части помилования осужденных - одного из персонажей Диккенса, имя которого давно стало символом скупости.

Еще на самой первой пресс-конференции в качестве президента Дж. Буш заявил: "Я буду применять высшие из наивысших стандартов в области помилования" <1>. Как видно, у Дж. Буша особое понимание наивысших стандартов в этой сфере деятельности президента, причем оно осталось неизменным еще с тех пор, как он был губернатором Техаса. Все эти годы, как уже отмечалось, штат Техас неизменно занимал первое место по числу казней и последнее - по числу помилованных осужденных. Понятны в связи с этим комментарии официальных лиц Белого Дома, когда они говорят, что "президент подходит к помилованию очень осторожно и осмотрительно - так же, как он действовал на посту губернатора Техаса".

<1> Известия. 29.12.2003.

Еще тогда Дж. Буш заявлял: "смертная казнь - это часть войны с преступностью". Вероятно, определенную роль сыграли и его отношение к смертной казни (на войне как на войне), и его негативное отношение к помилованию любых преступников в принципе. Для сравнения: за шесть

лет губернаторского срока Буш помиловал 18 человек, осужденных за весьма незначительные преступления; его предшественница - демократ А. Ричардс - помиловала 70 осужденных (в т.ч. 4-х "смертников"), а ее предшественник, республиканец Билл Клементс, помиловал 822 осужденных <1>.

<1> См.: Стурга М. Президент Буш не любит миловать преступников // Известия. 29.12.2003.

Свое негативное отношение к помилованию любых преступников Дж. Буш, как только что отмечалось, не изменил и в президентские годы. Если раньше рекомендации Министерства юстиции по вопросам помилования, когда речь шла о незначительных преступлениях, совершенных рядовыми гражданами, Белым Домом принимались практически без обсуждений, то Дж. Буш изменил эту традицию.

В США, как только что отмечалось, не любят миловать "смертников". Политиков, отмечают социологи, буквально парализует страх, что помилованный может совершить новое преступление. И дело не в том, что они боятся роста преступности, а в том, что их страшит гнев избирателей. Даже в Калифорнии, одном из самых демократичных штатов, где крайне редко приводят смертные приговоры в исполнение, за последние 40 лет не был помилован ни один осужденный-"смертник".

Как показывает проведенный анализ, разброс "гуманитарных причин" для применения помилования достаточно широк, хотя, строго говоря, их нельзя назвать юридическими основаниями помилования, ибо чаще всего в указанных случаях судьба осужденного, казалась бы, должна была решаться не в порядке помилования, а в порядке пересмотра судебного приговора. Это означает, что зачастую применение помилования в США фактически идет по пути определенного корректирования судебной практики. Одна из причин такого положения дел, по нашему мнению, состоит в том, что к моменту рассмотрения ходатайств о помиловании осужденные к смертной казни, как правило, уже провели в тюрьмах не менее 12 - 15 лет и потому возобновление судебного следствия по этим делам, помимо всех других причин, связано со значительными практическими трудностями и огромными финансовыми затратами.

Глава IV. ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Исследование различных сторон общественной жизни Японии во всем мире привлекает все большее внимание. За пределами повышенного интереса к этой стране не остаются и исследования ее правовой политики, законодательства, эффективной системы противодействия преступности, благодаря которой Япония по праву считается самой безопасной страной.

В последние 20 лет российские юристы проявляют значительный интерес к исследованию японского законодательства и различных сторон практики борьбы с преступностью. Причины такого интереса понятны, поскольку, во-первых, речь идет о соседней стране, а во-вторых, процессы трансформации преступности при переходе на рыночную экономику в обеих странах имеют много общего.

Составной частью японской системы противодействия преступности является применение уголовно-правовых мер, в том числе применение и исполнение наиболее суровой меры наказания, какой является наказание в виде смертной казни. Значимость ее исследования заметно возрастает, причем не только по причинам культурологического характера. В последние годы все больший авторитет и успехи международного движения за отмену смертной казни привели к тому, что от этой архаичной меры наказания полностью или де-факто отказались две трети государств. На этом фоне резко контрастирующим является сохранение практики применения смертной казни в таких индустриально развитых странах, как США и Япония.

Несмотря на неоднократные призывы ООН, Совета Европы, международной общественности, трех Всемирных конгрессов за отмену смертной казни, власти Японии, ссылаясь на поддержку общественного мнения, настаивают на необходимости сохранения этой меры наказания.

В США, как уже отмечалось, всесторонняя информация о практике ее применения и исполнения доступна каждому и потому в правовой и криминологической литературе по этой проблематике имеется огромное количество публикаций. Что же касается Японии, то здесь вся информация о применении и исполнении смертной казни долгие годы окутана завесой секретности, а крайне редко попадающие в поле зрения исследователей материалы носят весьма фрагментарный характер и, как правило, официально не подтверждаются и не комментируются. Отсюда и дефицит представлений о реальном положении дел в этой сфере правоприменительной деятельности.

И хотя институт смертной казни издавна стал неотъемлемым элементом не только правовой системы Японии, но и японской культуры в целом, российская юридическая общественность в силу только что указанных и иных причин сколь либо полной и достоверной информации об этой

стороне деятельности японской уголовной юстиции, о масштабах и особенностях применения и исполнения названной меры наказания до сих пор, по сути дела, не имеет. Между тем за последние годы в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, а также в практике применения уголовно-правовых мер борьбы с преступностью в Японии произошли значительные изменения, изучение которых представляет несомненный интерес, в том числе с точки зрения перспектив совершенствования отечественного законодательства и правоприменительной практики.

4.1. Преступность в Японии на рубеже XXI века

Одним из основных и наиболее полных источников статистической информации о преступности в Японии является ежегодно публикуемая правительством страны "Белая книга о преступности", где систематизируются статистические показатели деятельности полиции, прокуратуры, судебных органов и пенитенциарных учреждений. В настоящей работе соответствующие ее целям и задачам статистические показатели являются объектом самостоятельного и более детального анализа; они дополняются сведениями, содержащимися в ежегодных отчетах органов уголовной юстиции Японии, публикуемыми данными обобщений, периодически проводимых ООН, а также результатами специальных исследований, ранее выполненных японскими и зарубежными учеными, изучавшими преступность и правоприменительную практику Японии. Такого рода комплексный анализ позволяет оперировать более полными и достоверными данными, тем более что речь идет о весьма продолжительном периоде статистических наблюдений.

Такой анализ состояния преступности и эффективности деятельности системы уголовной юстиции не является самоцелью, он служит фоном, на котором, с одной стороны, рассматриваются социально-политические, экономические и историко-культурные процессы, влияющие на изменения в общественной жизни Японии, а с другой стороны, основные составляющие и специфические особенности развития уголовной политики, которые находят отражение в деятельности всех звеньев системы уголовной юстиции, направленной на борьбу с противоправным поведением.

При этом основное внимание уделяется анализу тех процессов, которые имели место в практике борьбы с преступностью в Японии за последние 25 лет - с 1980 года. Ибо, помимо всего прочего, именно с этого момента в стране начался заметный прирост преступности <1>.

<1> Предыдущий период развития криминальной ситуации рассмотрен в работах Ю.Н. Аргуновой, О.А. Белявской, В.Е. Квашиса, Н.А. Морозова.

В приводимой ниже таблице показаны динамика зарегистрированных в 1980 - 2005 гг. преступлений, коэффициенты преступности, а также данные о численности населения; кроме того, исходя из целей работы, в эту таблицу помещены данные о динамике зарегистрированных в Японии убийств.

Таблица N 9

Динамика преступности в Японии в 1980 - 2005 гг.

Годы	Общее число преступлений	Без учета автотранспорт. преступлений	Численность населения (в тысячах)	Число убийств	Коэффициент преступности (без автотр.)
------	--------------------------	---------------------------------------	-----------------------------------	---------------	--

1980	1812798	1357461	117060	1684	1160
1981	1925836	1463228	117902	1754	1241
1982	2005310	1528779	118728	1764	1288
1983	2039209	1540717	119536	1745	1289
1984	2080323	1588693	129305	1726	1321
1985	2121444	1607697	121049	1780	1328
1986	2124272	1581411	121660	1676	1300
1987	2132617	1577954	122239	1584	1291
1988	2207380	1641310	122745	1441	1337
1989	2261076	1673268	123205	1308	1358
1990	2217559	1636628	123611	1238	1324
1991	2284401	1707877	124101	1215	1376
1992	2355504	1742366	124567	1227	1399
1993	2437252	1801150	124938	1233	1442
1994	2426694	1784432	125265	1279	1425
1995	2435983	1782944	125570	1281	1420
1996	2465503	1812119	125864	1218	1447
1997	2518074	1899564	126157	1282	1506
1998	2690267	1832040	126472	1388	1571
1999	2904051	2165626	126667	1265	1709
2000	3256109	2443470	126926	1289	1925
2001	3581000	2736000	127291	1330	2149
2002	3694928	2854061	127435	1396	2240
2003	3646253	2790444	127619	1452	2187
2004	3427606	2563037	127687	1419	2007
2005	3125216	2269572	127756	1392	1776

Заметный рост преступности начался, как только что отмечалось, с 1981 года, хотя даже в этот период все основные показатели преступности в Японии были намного ниже, чем в других развитых странах, где преступность росла куда более интенсивно.

Так, в расчете на 100000 населения коэффициент преступности во Франции, например, в 1981 году был равен 5367, в Великобритании - 5661, в США, где статистика ФБР, как известно, учитывает лишь "индексные" преступления, - 5800, в ФРГ - 6603, а в Японии - 1240 преступлений <1>. Как видно, уже в те годы коэффициент преступности в Японии был в 4,5 - 5 раз ниже, чем в других развитых странах.

<1> См.: Government of Japan, Ministry of Justice, White Paper on Crime 1983. Tokyo, 1984. P. 19.

Кроме того, и структура преступности выгодно отличалась от других развитых стран значительно меньшей распространенностью тяжких и особенно насильственных преступлений. По числу убийств, например, показатели ФРГ в этот период были в два, а в США - в пять раз выше, чем в Японии, а по числу грабежей Франция и США превышали показатели Японии соответственно в 28 и почти в 100 раз <1>. Более интенсивный рост преступности в Японии начался с 1982 года, когда число зарегистрированных преступлений впервые превысило 2 миллиона.

<1> См.: Инако Цунэо. Современное право Японии. М., 1981. С. 239; Аргунова Ю.Н. Преступность в Японии, ее причины и профилактика: Автореф. канд. дис. М., 1984.

Вообще говоря, интенсивность роста преступности в этот период была характерна для большинства развитых стран. Однако и темпы ее роста, и конечный результат негативных процессов в развитии преступности в этих странах имели существенные различия. В ФРГ, например, преступность за этот период выросла в абсолютных показателях почти в 3 раза, в СССР - в 4, во Франции - в 5, в США - в 7,2 раза, а в Японии - почти в 1,5 раза.

"Есть основания, - отмечает В.В. Лунеев, - считать это реальной платой народов развитых демократических стран за свою свободу, которая используется для совершения не только добра, но и зла" <1>. На наш взгляд, это замечание следует признать излишне идеологизированным и, во всяком случае, упрощенным. Что же касается Японии, то среди указанных стран она, действительно, составляет исключение, ибо, переняв экономический и демократический опыт Запада, страна не утратила специфических национальных форм социального контроля, где главенствующими являются традиционные общинные и моральные ценности. Поэтому в

криминологическом плане, как и во многих других отношениях, Япония была и остается страной, действительно, уникальной.

<1> Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 21.

Если в 1960 году в Японии насчитывалось 1495888 преступлений, то в 1990 году - 2217559, а коэффициент преступности соответственно возрос с 1601 до 1794 преступлений. Оценивая даже такие, куда менее значительные по сравнению с западными странами негативные изменения, следует учитывать особенности принятой в Японии своеобразной системы статистического учета преступности.

Дело в том, что уголовная статистика Японии в соответствии со специфической структурой уголовного законодательства ведет и единый, и отдельный учет преступлений, наказуемых, как уже отмечалось, не только Уголовным кодексом, но и специальными "статутными" законами (Special Law) с довольно широким спектром их применения. Причем в уголовной статистике отдельно учитываются автотранспортные преступления, доля которых весьма значительна, а по мере все более быстрых темпов автомобилизации страны она постоянно растет. Именно бурный рост автотранспортных преступлений и заставил ввести двуединый учет преступлений, где эти преступления учитываются самостоятельно и где показатели зарегистрированной преступности рассчитываются как с учетом, так и без учета динамики автотранспортных преступлений.

Если исходить из порядка статистического учета, предусмотренного во втором варианте, то надо будет признать, что традиционная (общеуголовная) преступность в Японии в 1960 - 1990 гг. в абсолютных показателях фактически выросла не в 1,5 раза, а лишь на 18,7%, причем коэффициент преступности не только не вырос, а наоборот, снизился на 10,3% и составлял уже не 1794, а менее 1400 преступлений. Как видно, разница весьма существенная и, очевидно, дело здесь вовсе не в "реальной плате за свободу", суть и значимость которой психология и менталитет японцев, как будет показано далее, воспринимают иначе, чем, например, в западных странах.

Важно отметить, далее, что в структуре постепенно нарастающей (особенно в 1980 - 1990 гг.) преступности происходили весьма существенные изменения - с одной стороны, постоянно и значительными темпами снижалось число наиболее опасных насильственных преступлений; с другой стороны, постоянно росло число автотранспортных преступлений, а также грабежей и краж <1>. Эту общую закономерность структурных изменений в преступности любой страны более 100 лет назад отмечал видный французский криминолог Габриэль де Тард: "Уменьшение числа наиболее опасных преступлений открывает дверь главным образом преступлениям против собственности" <2>.

<1> См.: Белявская О.А. Статистика преступности в Японии // Соц. законность. 1989. N 1; Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб., 2003. С. 14 - 26.

<2> Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность и толпа. М., 2004. С. 250.

Так или иначе, на всех временных отрезках преступность в Японии не только в количественном, но и в качественном отношении выгодно отличалась от преступности в других развитых странах. К тому же именно на 1980 - 1990 гг. приходятся наиболее высокие за всю послевоенную историю показатели общей раскрываемости преступлений (70%), значительно превышавшие в эти годы показатели раскрываемости преступлений в других индустриально развитых странах <1>.

<1> См.: Shikita M., Tshiya S. Crime and Criminal Policy in Japan from 1926 to 1988. Analysis and Evaluation of the Showa Era. Tokyo, 1992. P. 355.

Продолжая статистический анализ преступности, отметим, что уже к 1985 году ее уровень в расчете на 100000 населения вырос до 1328 преступлений и до начала 90-х годов сохранялся с весьма незначительными колебаниями, что свидетельствовало о достаточно благоприятной динамике, отражающей стабильность японского "криминологического феномена" (С.М. Иншаков).

Здесь важно также отметить, что, фиксируя рост преступности к началу 80-х годов, некоторые исследователи не учитывают, что этот период связан с весьма значительным ростом численности населения страны (поэтому так важны расчеты коэффициентов преступности в относительных величинах).

В самом деле с 1946 по 1965 г. население Японии выросло на 25 млн. человек, в т.ч. только за 1955 - 1965 гг. - на 10 млн., а еще через год численность населения страны впервые превысила 100 млн. чел.; за эти 10 лет на фоне интенсивного роста численности населения общее число зарегистрированных преступлений хотя и увеличилось, но в значительно меньших пропорциях - с

1478202 до 1602430 преступлений - причем темпы прироста населения страны заметно превышали темпы роста преступности.

Таким образом, информативность исследования заметно возрастает при сопоставлении трех динамических рядов - общего числа зарегистрированных преступлений, численности населения и рассчитанных на их основе коэффициентов преступности, что дает представление о реальной картине общеуголовной преступности в стране, ее структуре, динамике и основных тенденциях в развитии криминальной ситуации.

Как показывают ранее опубликованные статистические данные, с середины 1960-х до середины 1970-х годов на фоне последовательного роста численности населения страны коэффициент общеуголовной преступности постоянно снижался. Если численность населения за этот период выросла на 14 млн. человек, то коэффициент преступности соответственно снизился с 1367 до 1103 преступлений. Однако с середины 70-х годов криминальная ситуация в стране начинает существенно меняться. Дело в том, что к этому времени в японском обществе стали все острее проявляться социальные противоречия, порожденные высокими темпами экономического роста. Сильным ударом для страны стал экономический кризис, в силу которого наступила довольно длительная депрессия.

К 1978 году на том же фоне роста населения коэффициент преступности вырос до 1161, а еще через два года - до 1241. На фоне пока еще не столь значительных темпов роста преступности особенно неблагоприятные изменения происходили в структуре преступности. Как отмечает В.Н. Еремин, это была "социальная плата за непростой переход к умеренным темпам экономического развития и за высокое напряжение (может быть, правильнее сказать - за перенапряжение) всех сил общества, мобилизованных во имя создания экономической основы национального благосостояния и обеспечения самостоятельности государства в решении международных проблем. Ну, а более низкие темпы роста преступности объяснялись и тем, что лидеры страны добивались, насколько это им удавалось, смягчения ложившегося на массы бремени, и тем, что совершенствовалась уголовная политика, проводимая набиравшимися опыта государственными службами" <1>.

<1> Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь - Япония. М., 1998. N 21. С. 71.

Как видно, здесь принципиально иная криминологическая интерпретация и аргументация причин происходивших изменений - не давно ставшая идеологическим клише "плата за свободу", а "социальная плата" за переход на другой этап и другие темпы экономического развития. Увы, годами вдалбливаемое в сознание клише всегда усваивалось быстрее и уступало напряжению мысли.

С середины 1980-х годов и в течение последующих лет и общее число зарегистрированных преступлений, и коэффициент преступности, несмотря на рост численности населения, продолжали увеличиваться. При этом обращают на себя внимание темпы прироста преступности. Как видно из приведенных данных, с 1989 по 1999 г. общее число зарегистрированных в Японии преступлений выросло на 29%. Но если с 1989 по 1995 - 1996 гг. динамика преступности носила еще относительно ровный, хотя и волнообразный характер, то в 1999 - 2002 годах негативные изменения в ее динамике стали нарастать. Причем указанная тенденция, как видно из таблицы N 9, характерна для обоих динамических рядов - и с учетом автотранспортных преступлений, и для зарегистрированной преступности, рассчитанной без учета этих преступлений. А с 2003 года тенденция вновь изменилась - оба показателя стали последовательно снижаться.

Эти изменения нашли отражение и в относительных показателях, увязанных с изменениями в численности населения страны, т.е. в коэффициентах преступности. Так, если в 1996 году коэффициент преступности составлял 1440; в 1997 году - 1506; в 1999 - 1709, то уже в 2000 году он вырос до 1925, а в 2001 году - впервые за последние 55 лет превысил двухтысячный рубеж. К 2003 году Япония подошла с коэффициентом преступности, которого не знала со времен войны, - 2240 преступлений. Правда, в 2004 году он составлял уже 2007 преступлений <1>, а к 2006 году этот показатель вновь снизился до уровня 1997 года, составив 1776 преступлений.

<1> См.: Ministry of Justice, Hanzai hakusho (White Paper on Crime). 2005. P. 197.

Такая же картина складывалась и при расчете коэффициентов, учитывающих всю совокупность зарегистрированных в стране преступлений, иными словами, включая автотранспортные преступления. Не случайно, отчет Министерства юстиции Японии о состоянии преступности в 2002 году начинается словами: "Состояние общественной безопасности в стране ухудшилось... К началу 2003 года общее число преступлений, предусмотренных УК, за два последних десятилетия выросло в два раза и составило 3694928 преступлений" <1>.

<1> См.: Ministry of Justice. White Paper on Crime 2002, (Summary). 2004. P. 3.

Наращение в 90-х годах весьма тревожных тенденций в развитии криминальной ситуации в Японии было не только зафиксировано, но и с достаточной точностью прогнозировалось и зарубежными, и российскими исследователями. Причем речь идет не только о неблагоприятных изменениях количественных показателей, но и об изменениях качественного плана. Они отразились, прежде всего, в структуре преступности, в невиданном за последние несколько десятилетий послевоенной истории страны росте насильственных преступлений, в быстрых темпах роста преступлений, связанных с использованием новых технологий, в росте распространенности преступности несовершеннолетних, а также в увеличении масштабов и сферы распространенности организованной преступности. Следствием столь негативных изменений качественного и количественного характера в конечном итоге стало и резкое снижение раскрываемости преступлений.

Применительно к организованной преступности неблагоприятные тенденции в этой сфере стали наиболее остро ощущаться с начала 1990-х годов <1>. К 2001 году они привели к тому, что число участников организованных преступных групп дошло до 84400 человек, из них 43100 являлись постоянными и активными членами преступных группировок. В 2000 году между этими группировками произошло 63, а к 2002 году - уже более 80 вооруженных столкновений, в ходе которых показатель использования огнестрельного оружия (а его ограничение и контроль в Японии весьма серьезные) составлял 87,7% <2>.

<1> См.: Белявская О.А. Организованная преступность в Японии. М., 1990; Организованная преступность в Японии // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1993. Выпуск 7; Корчагин А.Г., Иванов А.М. Организованная преступность в сфере экономики в Японии. Правовые меры борьбы // Журнал российского права. 2000. N 7. С. 143 - 147.

<2> См.: Ministry of Justice. Summary of the White Paper on Crime 2002. P. 4.

По данным Министерства юстиции Японии, к 1 апреля 2003 года число членов организованных преступных групп (борокудан) возросло до 85800 человек, в т.ч. 44,5 тыс. человек были постоянными членами этих групп. К 2006 году число членов этих групп почти не изменилось (86300 человек). Это не означает, однако, что борьба с организованной преступностью ослабла. Наоборот, с начала 1990-х годов борьба с ней заметно активизировалась, особенно в связи с принятием в 1991 году Закона о борьбе с организованной преступностью.

Если в этот период стала заметной определенная тенденция к сокращению числа и мощи преступных групп, которые поглощались более крупными кланами, то через несколько лет вновь стало ощущаться их последовательное увеличение, а главное, активизация их действий, координация и разнообразие проявлений их криминальной активности. Свое слово сказала и растущая "интернационализация" организованной преступности в Японии, все большее расширение ее связей с криминальными сообществами других стран, расширение сферы и возможностей их совместного криминального бизнеса (торговля оружием, наркотиками, порнобизнес и проституция, отмывание денег, рэкети и т.д.) <1>.

<1> См.: Белявская О.А. Организованная преступность в Японии // Социалистическая законность. 1988. N 11. С. 65 - 66; Иванов А.М. Организованная преступность в сфере экономики в Японии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. С. 15.

В этих условиях потребовалось принятие в 1999 году трех специальных законов, в том числе повысивших уголовную ответственность за отмывание денег и консалтинговые услуги в поддержку деятельности организованных преступных группировок. Об усилиях правоохранительных органов в этой сфере говорят и данные статистики о ежегодном числе арестов членов организованных преступных групп. Так, в 2000 году было проведено 31054 арестов членов организованных преступных формирований, в 2001 году - 30824, в 2003 году - 30550 <1>.

<1> См.: Summary of the White Paper on Crime 2002. Tokyo, 2004. P. 4.

В борьбе с организованной преступностью на рубеже XXI можно выделить три наиболее эффективные направления:

- прямое наступление на незаконную деятельность организованных групп и долгосрочная изоляция ее членов от общества путем масштабных арестов, ограничение источников доходов путем полицейской защиты компаний от рэкета и контроля за игорным бизнесом, конфискация оружия;
- эффективное использование "антиборокудановского" законодательства с целью всемерного пресечения криминальной активности преступных групп;

- социальная кампания полицейской поддержки местных общин и деловых центров в их стремлении освободиться от влияния криминальных групп.

Состояние и тенденции в развитии организованной преступности и эффективности мер борьбы с этим явлением в Японии (как, впрочем, и в любой другой стране) необходимо рассматривать в общем контексте борьбы с транснациональной организованной преступностью. О серьезной угрозе со стороны транснациональной организованной преступности для национальной экономики и мирового сообщества говорилось еще на Пятом конгрессе ООН по предупреждению преступности (1975 год). Нараставшая интенсификация товарных и информационных потоков создала новые возможности для организованных преступных групп, которые используют их для расширения своей противоправной деятельности. Организованные преступные группы ныне получили все возможности для связи и координации своих действий, несмотря на государственные границы и расстояния, а использование новейших технологий помогает им в противостоянии с правоохранными органами. Не случайно проблеме транснациональной организованной преступности был специально посвящен X Конгресс ООН по предупреждению преступности (Вена, 2000 год).

Как отмечалось на этом Конгрессе, транснациональные организации действуют таким образом, что совершаемые ими преступления становятся все более многогранными и взаимосвязанными. Криминальные навыки, приобретенные в одной области, переносятся на новые рынки, при этом партнерские отношения устанавливаются с самыми различными субъектами, независимо от того, занимаются они законной или же противоправной деятельностью. По сути дела, вследствие такого перехода от одного рода деятельности к другому периодически происходит смещение акцента с областей, которые традиционно контролирует организованная преступность, на области, которые традиционно являются вотчиной "беловоротничковой" или корпоративной преступности <1>. Некоторые черты, формы и методы деятельности "беловоротничковой" преступности присущи также и транснациональной организованной преступности. Примером служит выплата законными корпорациями взяток иностранным должностным лицам за содействие в продвижении на рынок своих товаров в тех странах, где такие товары запрещены.

<1> См.: Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке. Рабочий документ Десятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10 - 17 апреля 2000 года. С. 11 (A/Conf. 187/3).

Все большее расширение спектра криминального поведения, который охватывается транснациональной преступностью, вызывает серьезную обеспокоенность во всем мире, но для Японии складывающаяся ситуация является особенно актуальной и тревожной. Ибо, судя и по статистике преступности, и по материалам печати, в Японии "беловоротничковая" преступность, например, подвергается осуждению и наказанию в значительно меньшей мере, чем "обычная" организованная преступность.

Высокая прибыль от различных финансовых и экономических преступлений не может не привлекать внимания организованных преступных групп. К такого рода преступлениям относятся, например, мошенничество с кредитными карточками, изготовление фальшивых банкнот, хищение документов, удостоверяющих личность. Широкие возможности для расширения подобной преступной деятельности открыли быстрое развитие сети Интернета и рост электронных банковских операций. Подделка кредитных и дебетовых карточек стала серьезной международной проблемой, ибо путем мошенничества преступники могут получать в глобальном масштабе значительно более высокую прибыль, чем от изготовления фальшивых денег <1>.

<1> См.: Квашис В. Преступность как глобальная угроза. XI Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // Юридический мир. 2005. N 10(106). С. 34 - 38.

Интернет стал эффективным инструментом распространения мошенничества, через который можно получать всю необходимую информацию о физических лицах и компаниях, представляющих интерес, и с помощью которого можно провести множество мошеннических операций. Так, в случаях предоплаты через Интернет выявляются возможные жертвы, а электронная почта используется как канал связи, обеспечивающий возможности для одновременного контакта с тысячами потенциальных жертв.

По мнению экспертов, доходы от такого рода преступной деятельности будут постоянно возрастать, а объем незаконной прибыли может приблизиться к доходам от незаконного оборота наркотиков. По данным Министерства юстиции Японии, компьютерная преступность (в т.ч. связанная с использованием Интернета) за последние годы резко возросла. При этом впечатляют

темпы ее роста. Так, если в 1992 году было выявлено 33 преступления, то уже в 1997 году - 263, а к 2003 году было раскрыто более тысячи таких преступлений.

В целях совершенствования и повышения эффективности мер борьбы с компьютерными преступлениями решением парламента страны в Уголовный кодекс Японии 26 июня 2001 года внесен ряд изменений, устанавливающих уголовную ответственность за новые виды компьютерных преступлений, в том числе за подделку и использование поддельных кредитных карт <1>. Кроме того, в порядке реализации положений Европейской конвенции и других международно-правовых документов, направленных на повышение эффективности борьбы с компьютерными преступлениями, 25 февраля 2005 года правительство внесло в парламент проекты изменений и дополнений в Уголовный кодекс и в Уголовно-процессуальный кодекс, предусматривающие криминализацию ряда новых правонарушений (например, производство и распространение вирусов), а также повышение эффективности расследования такого рода преступлений.

<1> См.: The Eleventh United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. The National Statement of Japan. Tokyo, 2005. P. 14.

Преступным группам стало легче использовать легальную экономику для сокрытия своих операций и быстрого перевода преступных доходов с целью избежать преследования правоохранительных органов. При этом для отмывания "грязных денег" преступные группы широко используют глобальный характер транснациональной системы финансирования. В итоге организованная преступность обеспечивает себе приток наличных финансовых средств и инвестиционных капиталов <1>.

<1> См.: Global Organized Crime. Trends and Development. Siegel D., etc., Amsterdam, 2003; Укрепление законности и упрочение системы уголовного правосудия. Рабочий документ X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10 - 17 апреля 2000 года (A/Conf. 187/3).

Тенденции развития организованной преступности следует, далее, рассматривать в контексте все более опасной взаимосвязи организованной преступности и терроризма. Масштабный всплеск терроризма в разных странах вызывает особую озабоченность мировой общественности. Ибо террористические акты, как правило, направлены против государства или гражданского общества и его институтов, они угрожают безопасности граждан, правопорядку и поддерживающим его многим социальным структурам. Опыт борьбы с терроризмом, накопленный за последние годы, показывает, что террористические акты совершаются не только "политическими" группами; иногда они используются в качестве тактического оружия для достижения преступных целей. Сегодня известно множество примеров, когда обычные организованные преступные группы совершали акты насилия в политических целях или же для того, чтобы помешать осуществлению правосудия.

Известно также много других случаев, когда группы, которые по своему характеру считались террористическими, на самом деле совершали банальные общеуголовные преступления, с тем чтобы добывать средства для финансирования своей деятельности или достигнуть цели, поставленные этими группами. Одним словом, налицо неразрывная взаимосвязь организованной преступности и терроризма, многообразие самых различных комбинаций преступной активности тех и других групп, взаимопроникновение форм и методов их деятельности, постоянная и взаимная финансовая подпитка.

Типичным примером такой террористической деятельности в Японии являются известные акции "Аум Сенрике". Не случайно после событий 11 сентября 2001 года в США международное сообщество приняло решение бороться с отмыванием денег и финансированием терроризма в комплексе, ибо оба эти вида преступной деятельности тесно взаимосвязаны.

В целях совершенствования мер борьбы с такого рода преступлениями и в порядке реализации международных конвенций о борьбе с терроризмом Законом от 9 ноября 2001 года в Японии значительно повышена уголовная ответственность за ряд действий террористического характера, а Законом от 5 июня 2002 года предусмотрена уголовная ответственность за финансирование террористических акций <1>.

<1> См.: The Eleventh United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. The National Statement of Japan. Tokyo, 2005. P. 14.

Терроризм представляет глобальную угрозу национальной и международной безопасности, сеет безадресное насилие, подрывающее веру в способность государства защитить своих граждан. Поскольку терроризм выходит за рамки национальных границ, постоянно меняя свою

тактику и методы действий, ни один регион и ни одна страна не могут считать себя застрахованными от террористических акций.

Опыт расследования преступлений, совершенных членами "Аум Сенрике", показал, что расширение взаимосвязей между транснациональной организованной преступностью и международным терроризмом, помимо всего прочего, требует укрепления международного сотрудничества, где еще достаточно остро ощущается отсутствие согласованности и даже несовместимости между национальными правовыми системами, а также несовместимости между такими системами и международными соглашениями, которые призваны обеспечить функционирование механизмов международного сотрудничества в области уголовного правосудия. В итоге эффективность такого сотрудничества резко снижается, а в некоторых случаях оно вообще оказывается проблематичным.

С этой точки зрения важное значение приобретает вступившая в силу 29 сентября 2003 года Конвенция против транснациональной организованной преступности. В целях реализации положений этой Конвенции правительство Японии 20 февраля 2004 года внесло в парламент проекты законов об изменении и дополнении в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс, направленных на ужесточение мер борьбы с транснациональной организованной преступностью. А в конце 2003 года в Национальном управлении полиции создан Департамент по борьбе с транснациональной организованной преступностью.

Кроме того, в целях реализации названной Конвенции ООН правительство Японии 25 февраля 2005 года внесло в парламент проект закона об изменениях в уголовном законодательстве, устанавливающих уголовную ответственность за контрабанду мигрантов, эксплуатацию труда женщин и детей, а также повысивших максимальные сроки наказания за ограничение свободы <1>.

<1> См.: The Eleventh United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. The National Statement of Japan. Tokyo, 2005. P. 15. Эти законодательные акты приняты в 2006 году.

Как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, особую тревогу в Японии вызывает растущая преступность несовершеннолетних. Несмотря на сокращение доли молодежи в структуре населения в связи со все более заметным старением общества, удельный вес преступности несовершеннолетних в общей структуре преступности в Японии является более высоким по сравнению с другими развитыми странами. Причем преступность несовершеннолетних растет значительно быстрее, чем преступность в целом, а ее структурные изменения носят неблагоприятный характер <1>.

<1> См.: Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб., 2003. С. 59; Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М., 2006.

По данным Министерства юстиции, уже к 2003 году из 1,4 млн. лиц, арестованных в Японии в 2002 году, каждый седьмой - несовершеннолетний (202417 человек), хотя еще три года назад - в 1999 году - было арестовано 142 тысячи несовершеннолетних. К 2003 году на 1000 несовершеннолетних в Японии приходилось 15,1 арестов. Для сравнения - еще в 1995 году этот показатель составлял 12,0. В структуре преступности несовершеннолетних особенно быстрыми темпами растет насильственная преступность, прежде всего, преступность, связанная с посягательствами на личность и собственность потерпевших. В 2002 году, например, 1611 несовершеннолетних были арестованы за грабежи - это каждый пятый из всех арестованных в стране за грабежи; 244 - за изнасилования; 83 - за убийства.

Следует подчеркнуть, что, во-первых, уровень арестов среди несовершеннолетних - в расчете на 1000 человек - в 1,5 раза выше, чем уровень арестов среди взрослых, а во-вторых, интенсивность их арестов из года в год растет. Так, в 1995 году уровень арестов среди них составлял 12,0; в 2000 году - 13,7; в 2001 году - 14,5; к 2003 году этот показатель, как только что отмечалось, составил 15,1 арестов.

В начале 2000-х годов рост преступности несовершеннолетних продолжился (относительно 2000 года этот показатель за два года вырос на 3,4%). Правда, надо при этом учесть, что к началу 2000 года за ряд преступлений (в т.ч. за кражи и грабежи) возраст уголовной ответственности в стране был понижен с 16 до 14 лет, что не могло не повлиять на привлечение к ответственности значительного числа несовершеннолетних правонарушителей.

Сравнительный анализ преступности несовершеннолетних в Японии и в России, например, показывает, что основным фактором формирования делинквентного поведения молодежи в этих странах является интенсивная "вестернизация", создающая в молодежной среде новую модель поведения, субкультуру, противоречащую принятой модели социального поведения <1>.

<1> См.: Морозов Н.А. Указ. соч. С. 63.

В Японии традиционная групповая психология молодежи еще достаточно сильна, чтобы удерживать молодежную преступность на относительно низком и количественно никак несопоставимом с Россией. Этот традиционный японский "тормоз преступности", еще играющий значительную роль в удержании преступности на низком по сравнению с другими странами уровне, - результат высокой степени приспособляемости традиционной системы социализации молодежи.

Причин для формирования негативных тенденций в динамике и характере преступности в Японии к началу XXI века накопилось, как будет показано далее, немало, причем с каждым годом их системный характер становился все более очевидным. Вообще говоря, эти изменения можно анализировать на разных уровнях. При этом наиболее очевидным выражением негативных процессов, нараставших в недрах японской культуры, являлось все более активное восприятие массовым сознанием "западного" образа жизни.

До сих пор речь шла главным образом о состоянии общеуголовной преступности, о характере и динамике преступлений, наказуемых Уголовным кодексом. Следует, однако, напомнить, что статистика Министерства юстиции отдельно учитывает и преступные нарушения около 40 так называемых специальных законов (Special Law Offenses), не входящих в систему УК. К их числу относятся, например, правонарушения иностранных граждан; нарушения правил контроля за взрывчатыми и отравляющими веществами; насильственный захват воздушного судна; нарушения правил контроля за огнестрельным оружием; нарушения иммиграционных правил и т.д. <1>. Здесь важно отметить, что абсолютное большинство такого рода деяний все последние 25 лет - автотранспортные правонарушения, доля которых из года в год составляет от 83% - 89% всех преступных нарушений "специальных законов". Среди других нарушений "специальных законов" наиболее распространенные - нарушения правил контроля за наркотическими веществами (2,6%).

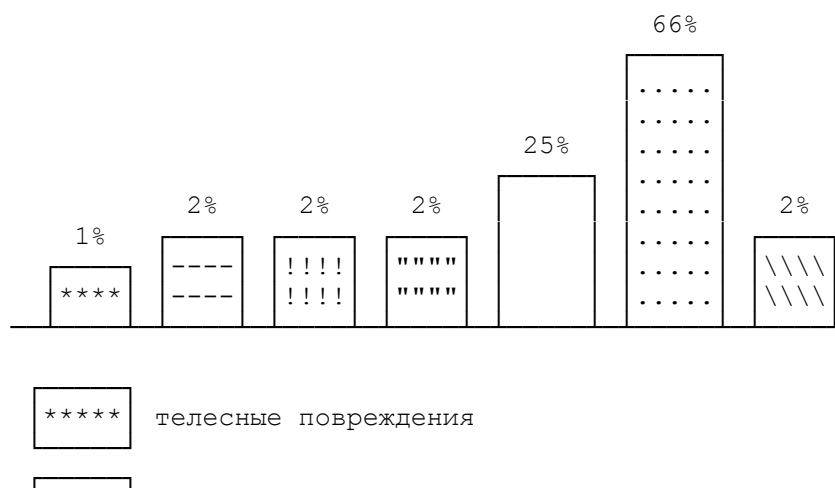
<1> К их числу относятся также Закон о дорожном движении; о местах хранения; о борьбе с оборотом наркотиков; об их миграции; о борьбе с проституцией; о ядовитых веществах и ряд других "специальных" законов.

Как бы то ни было, при анализе тенденций преступности в Японии наибольший интерес представляет все же ее основной пласт, который образует традиционная (общеуголовная) преступность. Возможно, именно из этих соображений в уголовной статистике Японии принято рассчитывать коэффициент преступности без учета правонарушений на автотранспорте.

Если обратиться к данным, содержащимся в таблице N 9, то можно отметить по крайней мере два момента. Во-первых, за последние 25 лет коэффициент преступности, несмотря на определенные колебания этого показателя, вырос в 1,5 раза. Во-вторых, за 1990 - 2002 гг. динамика этого показателя складывалась из его ежегодного роста, и лишь в самые последние годы он стал снижаться. В связи с этим возникает вопрос: влияют ли, и если влияют, то в какой мере, указанные тенденции в динамике преступности на ее качественные характеристики? Анализ этой стороны проблемы показывает, однако, что структура преступности в Японии на протяжении многих лет, прежде всего, отличается своей стабильностью.

Диаграмма N 9

Структура преступности в Японии на 1 января 2007 года

-----	мошенничество
!!!!!!	уничтожение имущества
""""""	растрата
	автотранспортные преступления
.....	кража
\\\\\\\\	прочие

Из года в год доля насильственных преступлений в общей структуре преступности не превышает, как уже отмечалось, 1,5%. В то же время доля автотранспортных преступлений, наказуемых УК (а не "специальными законами"), составляет в среднем 25%, а 65% всех зарегистрированных преступлений в последние годы приходится на долю краж. Среди прочих посягательств статистическую значимость имеют растраты и мошенничество (вместе они почти поровну составляют 2,4%), а также разрушения и повреждения собственности (1,6%), причем доля последних в два раза превышает причинение телесных повреждений.

Что же касается таких наиболее опасных и потому наказуемых смертной казнью преступлений, как умышленные убийства и грабежи, повлекшие гибель потерпевших, то их доля в общей структуре преступности многие годы колеблется в пределах 0,2% - 0,5%. В 1995 - 2000 гг. уровень убийств в Японии в расчете на 100 тысяч населения ежегодно не превышал 1,0. Поэтому графически динамика этих преступлений можно представить почти в виде прямой линии.

Тем не менее Законом от 1 декабря 2004 года в Уголовный кодекс Японии внесены существенные изменения, касающиеся ужесточения ответственности за совершение убийств с отягчающими обстоятельствами и так называемых "чудовищных убийств" (heinous murder). В частности, названный Закон предусматривает значительное повышение нижних и верхних пределов санкций за указанные виды убийств, а также повышение сроков фактического отбывания наказания, необходимых для досрочного освобождения.

Вот как с середины 90-х годов выглядит динамика преступности в целом и ее отдельных видов - убийств, краж и грабежей.

График N 7

Динамика преступности в Японии в 1995 - 2005 гг.

График не приводится.

В 2000 году было зарегистрировано 5173 грабежей, а к 2002 году их число выросло на 23,6% (6984) - это самый большой прирост среди всех преступлений; в 2003 году число грабежей достигло пиковой отметки (7664), а затем начало постепенно снижаться (5988 - в 2005 году).

Следует иметь в виду, что в статистике Японии состав грабежа (robbery), в отличие от статистического учета в других странах, включает в себя попытку совершения этого преступления, его подготовку, подстрекательство, помощь в совершении грабежа и, наконец, грабеж, завершившийся гибелью или тяжкими увечьями потерпевшего. Эти преступления выделяются из единого статистического показателя грабежей, поскольку за их совершение уголовный закон, как и при совершении убийств, допускает наказание в виде смертной казни. Более того, как будет показано далее, в абсолютном большинстве случаев смертные приговоры в Японии выносятся именно за совершение этих двух видов преступлений. Поэтому выделение такого рода грабежей в самостоятельную категорию преступлений, несмотря на их относительно небольшое число (по сравнению с убийствами), позволяет сравнивать практику применения и исполнения смертных приговоров за каждый из указанных видов преступлений.

За последние 40 лет число таких грабежей снизилось в среднем в 5 раз, чему способствовали интенсивность восстановления экономики страны, а затем и бурные темпы ее развития, сопровождавшиеся резким ростом занятости почти во всех ее отраслях, снижением безработицы и все более заметным ростом благосостояния населения. Уже к середине 80-х годов

Япония стала одной из тех стран, которые совершили мощный технологический прорыв и определили мировой уровень и перспективы научно-технического прогресса. Все более осязаемое экономическое и моральное возрождение страны, в том числе укрепление системы противодействия преступности, вероятно, не могли не сказаться на последовательном снижении насильственных посягательств, в основе которых лежала, прежде всего, корыстная мотивация. Свидетельством растущей нетерпимости таких посягательств являлось и более жесткое отношение к ним, сложившееся в судебной практике.

Другое дело, что в статистическом плане показатели таких деяний столь незначительны, что они никак не влияют на состояние и оценку криминальной ситуации. С другой стороны, в контексте настоящей работы динамика этих преступлений (несмотря на ее дискретный характер) приобретает особую криминологическую значимость, поскольку именно она, как только что отмечалось, определяет распространенность назначения наказания в виде смертной казни в судебной практике и, соответственно, распространенность практики исполнения этой меры.

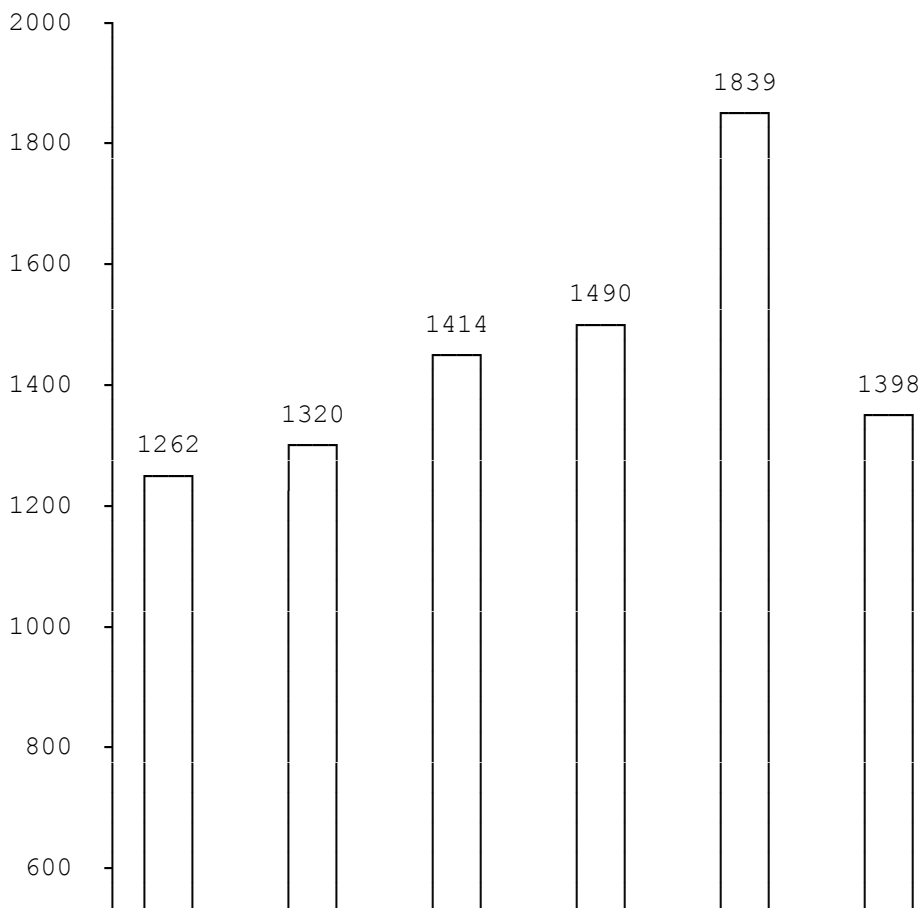
Динамику самой опасной разновидности грабежей - тех, что повлекли гибель потерпевших, несмотря на их незначительную долю в общем числе всех грабежей (около 1,5%), никак нельзя признать благоприятной. Наоборот, со второй половины 90-х годов следует вести речь о все более очевидном росте этих опасных преступлений. В самом деле, в 1996 году было зарегистрировано 39 таких грабежей; в 1998 - 2000 гг. - 78 - 71; в 2001 году - 96; в 2002 - 2004 гг. - 93 - 89 и лишь к 2006 году число таких грабежей снизилось до 66.

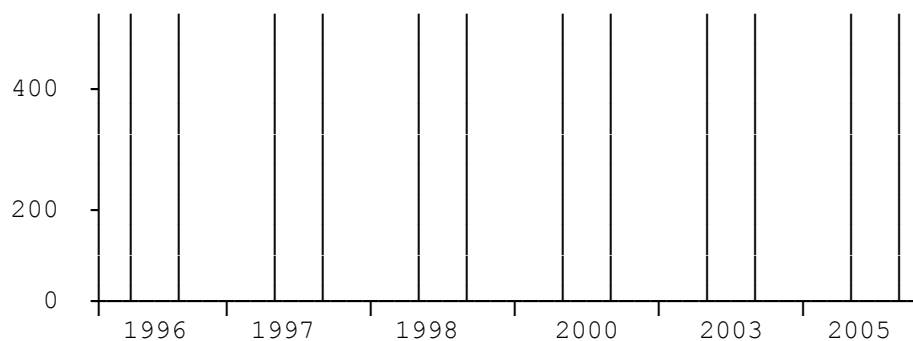
Куда более распространенными преступлениями, как уже отмечалось, всегда были кражи, уровень которых в расчете на 100000 населения из года в год продолжал расти. Росту имущественных преступлений и, в частности, краж, как это ни парадоксально на первый взгляд, способствует в том числе и экономический рост, и очевидный рост благосостояния населения. К тому же с середины 80-х годов в массовой психологии и поведении японцев, как уже отмечалось, произошли заметные негативные изменения, в них прочно вошли западные потребительские установки <1>. Графически эта тенденция к 2006 году выглядит следующим образом.

<1> См.: Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб., 2003. С. 29.

Диаграмма N 10

Уровень краж в Японии в 1996 - 2005 гг.

К 2001 году в Японии было зарегистрировано 2131164 кражи, а к 2003 году их показатель вырос на 9,8% и составил 2340511 или 65% от всех зарегистрированных преступлений, предусмотренных УК. Соответственно, вырос и коэффициент краж, составивший в расчете на 100000 населения 1839 преступлений. К 2006 году этот показатель, отражая общую тенденцию в динамике преступности, вновь упал до уровня 1997 - 1998 годов.

Об эффективности японской системы воздействия на преступность можно судить не только по данным национальной статистики, но и сравнительным данным ежегодных обзоров Организации Объединенных Наций, по данным статистики Интерпола и других документов международной уголовной статистики и специальных сравнительных исследований, которые указывают на долговременную и в целом куда более благоприятную тенденцию развития преступности в Японии по сравнению с положением дел в других экономически развитых странах. Вместе с тем изменения в развитии криминальной ситуации в Японии на рубеже XXI века обуславливают необходимость детализации этого общего заключения применительно к разным этапам анализа и в конечном итоге необходимость внесения в него определенных корректив.

Так, сравнивая ситуацию в ФРГ и Японии, немецкие криминологи отмечали, что в 1997 году, например, уровень общеуголовной преступности в ФРГ составлял 8031, а в Японии - 1996 преступлений <1>. Спустя два года этот показатель в Японии стал уже не в 4, а в 5 раз ниже, чем в Германии, в 3,2 раза ниже, чем в США, в 4 раза ниже, чем во Франции, и в 6 раз ниже, чем в Великобритании. В 2000 году общее число зарегистрированных преступлений в Японии составляло 3256109, а в США - 11605751, причем здесь учитывались только так называемые индексные преступления. Соответственно, коэффициенты преступности в этом году составляли - в Японии - 1925, а в США - 4124 преступления. Таким образом, хотя по уровню преступности разрыв между этими странами сократился, однако по общему числу зарегистрированных преступлений он увеличился.

<1> См.: Kury H., Obergfell-Fuchs J., Ferdinand T. Social Development and the Evaluation of Crime: An International Comparison // Comparative Law Review. Vol. 34. 2000. P. 68.

К началу 2000-х годов динамика криминальной ситуации в указанных странах выглядела следующим образом:

Таблица N 10

Динамика преступности в Японии и других странах
в 1995 - 2002 гг.

Годы								
Страны	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
ФРГ	6668717	6647598	6586165	6456996	6302316	6264723	6363865	6507394
Франция	3665320	3559617	3493442	3565525	3567864	3771849	4061792	4113882
Англия	5139307	4930678	4545337	5109089	5301187	5170843	5525316	5899450
США	13862727	13493863	13194571	12475634	11635100	11608070	11876660	11877218
Япония	1782944	1812119	1899564	2033546	2165626	2519387	2812598	2931990

Как видно из приведенных данных, со второй половины 90-х годов в Японии идет заметный рост и относительных, и абсолютных показателей преступности. При этом если среднегодовые темпы прироста преступности в Великобритании и Франции, например, составляют соответственно 0,3% и 0,5%, то в Японии этот показатель к 2003 году составил 5,2%. Следует отметить, что наиболее устойчивая тенденция роста уровня преступности в Японии зафиксирована в 1999 - 2002 гг., когда среднегодовые темпы его прироста составили 10,0% и опережали темпы роста преступности в других развитых странах. Для сравнения - во Франции, например, этот показатель составил 7,0% <1>.

<1> Сходные результаты приводятся и в других исследованиях. См.: Князев В.В., Верещагин В.А., Жмыхов А.А. Указ. соч. М., 2004. С. 38.

Дальнейший анализ, с одной стороны, подтверждает обоснованность выводов о преимущественной перспективе именно структурных изменений в преступности, а с другой стороны, указывает на то, что в указанный период динамика насильственных преступлений в стране, развивается в неблагоприятном направлении, причем темпы роста насильственных преступлений в Японии заметно опережают соответствующие показатели других развитых стран.

Важно, далее, отметить, что столь значимые различия касаются не только общего уровня преступности и темпов ее прироста, но и каждого из таких наиболее опасных преступлений, как убийства, грабежи и кражи.

Как видно из приведенных данных, если в 1995 году по абсолютным показателям убийств Япония уступала лишь Англии, то уже к 2003 году этот показатель стал выше, чем во всех указанных европейских странах.

Если сравнивать абсолютные показатели Японии, США и России, то можно отметить, что еще в 2000 году в Японии число зарегистрированных убийств было в 12 раз меньше, чем в США, и в 26 раз меньше, чем в России <1>. К 2003 году этот разрыв сократился, соответственно, до 11 и 23 раз. К сказанному можно добавить, что в 1998 - 2005 гг. число убийств в Японии практически равнялось числу убийств, ежегодно регистрируемых только в одной Москве.

<1> См.: White Paper on Crime 2000. Tokyo, 2002. P. 3, 23; Преступность и правонарушения 1997 - 2001: Статистический сборник. М., 2002. С. 67; Summary of the White Paper on Crime 2002. P. 2 - 7; Sourcebook of Criminal Justice Statistics. 2001. P. 275.

Таблица N 11

Динамика убийств в Японии и других странах
в 1995 - 2002 гг.

Страны	1995		2002	
	количество убийств	уровень убийств	количество убийств	уровень убийств
Германия	1373	1,7	873	1,0
Франция	1336	2,3	1118	1,8
Великобритания	745	1,4	1048	1,8
США	21160	8,1	16204	5,6
Россия	31703	21,4	32285	22,4
Япония	1281	1,0	1396	1,1

График N 8

Динамика убийств в Японии и других странах
в 1995 - 2005 гг.

График не приводится.

Однако эту в целом благоприятную для Японии картину существенно корректируют расчеты среднегодовых темпов прироста или, наоборот, снижения уровня убийств. Такие расчеты показывают, в частности, что в указанный период в половине названных стран среднегодовые показатели распространенности убийств имеют определенную тенденцию к снижению - в Германии они снизились на 6,5%, во Франции - на 3,6%, в США - на 5,0%. В то же время в Великобритании среднегодовые показатели уровня убийств за указанный период возросли на

3,2%, в России - на 0,7%, а в Японии - на 1,2% <1>. В итоге уже к началу 2003 года уровень убийств в Японии впервые за длительный период оказался выше, чем, например, в Германии.

<1> См.: Князев В.В., Верещагин В.А., Жмыхов А.А. Указ. соч. С. 49.

Указанные статистические показатели дополняют общую характеристику неблагоприятной ситуации, сложившейся в сфере насильственных преступлений. В самом деле, при всех выгодных отличиях от других развитых стран и по уровню насильственной преступности, и по ее общему массиву динамика этих преступлений в Японии на рубеже 2000-х годов, как показывают данные статистики и результаты сравнительных исследований, носит тревожный характер <1>. Об этом, помимо всего прочего, говорит резкий рост грабежей, и в том числе повлекших гибель потерпевших. Так, по данным национальной статистики, общее число грабежей с 2463 в 1996 году выросло в 2004 году до 7295, а число грабежей, повлекших гибель потерпевших, выросло с 39 до 89, причем в обоих случаях этот рост был последовательным.

<1> См.: Dussich John P.J., Friday Paul C., Okada, Takayuki, Yamagami, Akira, Knudten, Richard. Different Responses to Violence in Japan and America. Monsey, New York, 2001. P. 3 - 20; Cao L., Stack S. and Sun Y. Public Attitude Toward the Police: A Comparative Study between Japan and America // Journal of Criminal Justice. 1998. Vol. 26. N 4. P. 278.

Таблица N 11.1

Динамика насильственной преступности в Японии
и других странах в 1995 - 2002 гг. (по данным Интерпола)

страны	1995		2002	
	количество преступлений	уровень насильственной преступности	количество преступлений	уровень насильственной преступности
Германия	170170	208,4	188865	230,1
Франция	165381	284,5	295590	504,4
Великобритания	319675	619,3	848295	1628,7
США	1798350	684,4	1426325	494,6
Япония	35860	28,6	74920	59,6

Как видно из приведенных данных, несмотря на то что общее число зарегистрированных в Японии насильственных преступлений к 2003 году было, соответственно, в 2 - 4 раза меньше, чем в Германии и Франции, и в 12 - 20 раз ниже, чем в Великобритании и США, уровень этих преступлений в Японии за указанный период вырос более чем в два раза, тогда как в США, например, этот показатель сократился почти на 40% <1>. Еще более тревожными выглядят среднегодовые темпы прироста насильственных преступлений. Если в Германии, например, они составляют 1,4%, во Франции - 8,5%, то в Японии - 11%.

<1> См.: Князев В.В., Верещагин В.А., Жмыхов А.А. Указ. соч. С. 50 - 52; Komiya N. A Cultural Study of the Low Crime Rate in Japan // British Journal of Criminology. 1999. N 39. P. 369 - 390.

К 2006 году отмеченные различия и по уровню преступности в целом, и по видам преступлений в уголовной статистике названных стран продолжали сохраняться. Причем сохранялся разрыв и в абсолютных, и в относительных показателях преступности, что наиболее заметно при сравнении распространенности убийств и краж.

К 2006 году коэффициент преступности в Японии был почти вдвое ниже, чем в США, в 3 - 3,3 раза ниже, чем во Франции и ФРГ, и в пять раз ниже, чем в Великобритании.

Таблица N 12

Уровень убийств и краж в Японии и других странах
в 2005 году

Страны	Франция	Германия	Великобритания	США	Япония
Убийства	3,9	3,2	3,4	5,6	1,1
Кражи	3,988	3,423	6,003	3,656	1,839

Как видно, различия в распространенности названных преступлений сохраняются; при этом приведенные показатели по-прежнему выгодно отличают и криминальную ситуацию в целом, и сложившуюся в Японии систему противодействия преступности.

В связи с этим трудно признать обоснованным высказываемое в отечественной литературе положение (Г.В. Дашков), согласно которому под воздействием политических, экономических и социальных процессов, происходящих в мировом сообществе, наблюдается "постепенное выравнивание уровня преступности, сближение ее количественных и качественных показателей, причем все это идет в нежелательном для общества направлении - от более благополучной ситуации к худшей" <1>. По сути дела, в этом замечании речь идет о двух совершенно разных явлениях, которые однозначно оцениваются отрицательно, с чем никак нельзя согласиться. Эти соображения, на наш взгляд, носят принципиальный, методологический характер. Указанное суждение представляется весьма упрощенным, не говоря уже о том, что оно во многом противоречит фактической картине развития преступности в целом ряде крупных, в том числе наиболее развитых, стран.

<1> Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность. М., 2004. С. 196.

Во-первых, едва ли можно говорить о сближении и тем более о выравнивании показателей преступности (особенно количественных показателей) в разных странах. Впрочем, далеки от сближения и качественные показатели - структура преступности, уровень организованной преступности, раскрываемость преступлений, распространенность рецидива и т.д. А во-вторых, - это, кстати, прямо вытекает из первого - вовсе не во всех странах процессы, происходящие и в самой преступности, и в организации борьбы с этим явлением, следует оценивать столь однозначно <1>.

<1> См.: Кваши В. Преступность в США: реальность позитивных изменений или "временное исключение"? // Уголовное право. 2005. N 5. С. 98 - 100.

В самом деле, по состоянию на конец 2003 года в США, например, за последние 10 лет преступность в целом сократилась на 54%. Такому показателю может позавидовать любая страна. Причем число преступлений, как отмечено в докладе Министерства юстиции США, сократилось во всех социальных и этнических группах. Казалось бы, уж в этой стране невозможно было прогнозировать даже стабилизацию преступности, не говоря уже о ее сокращении, причем сокращении столь внушительном. Не случайно все эксперты прогнозировали значительный рост правонарушений, благо, очевидных причин для таких прогнозов хватало с избытком. Так, Альфред Блюмштейн, эксперт университета Карнеги Меллон, называет лишь часть из этих причин: "Молодежь испытывает проблемы на рынке труда, значительные силы полиции отвлекаются с улиц на охрану зданий в связи с угрозой терроризма, снижаются расходы государства на социальные программы. Но как выясняется, - недоумевает эксперт, - все эти факторы не оказали на уровень преступности никакого влияния" <1>.

<1> Известия. 29.09.2003.

Как показывает статистика, в крупных городах, подобных Сан-Франциско, где за последние годы не предпринималось никаких дополнительных усилий по борьбе с правонарушениями, преступность "по непонятным причинам" снижается небывалыми темпами. Причем это снижение происходит быстрее, чем, например, в Нью-Йорке, где власти почти десять лет назад провозгласили политику нетерпимости ("intolerance policing" - девиз, красующийся на кузове каждой полицейской автомашины) в отношении преступников и напшиговали город камерами слежения.

В Японии же, как уже неоднократно отмечалось, преступность, в отличие от США, характеризуется редкой по современным меркам стабильностью, хотя в самые последние годы темпы прироста некоторых преступлений (прежде всего краж) здесь заметно возросли, а в тех же США они сократились.

Наконец, еще один контрастирующий пример. Статистика Интерпола по 155 странам мира свидетельствует, что по числу серьезных преступлений на душу населения экономически процветающая Швеция возглавляет список европейских стран, а по уровню убийств превосходит США. За 2001 год, например, в Швеции, население которой составляет менее 9 млн. человек, было совершено более 900 убийств (коэффициент убийств здесь в 10 раз выше, чем в Японии). Для сравнения: за тот же год в соседней Дании было зарегистрировано менее 200 убийств, в Норвегии - 120, а в Финляндии - менее 50 убийств <1>. Вот так на самом деле выглядит "выравнивание уровня преступности, сближение ее количественных и качественных показателей"

даже в рамках соседствующих и практически абсолютно одинаковых по уровню социально-экономического и культурного развития скандинавских стран.

<1> См.: Московские новости (МН). 2003. 16 - 22 сентября. N 36.

Вернемся, однако, в Японию. Еще одним свидетельством эффективности системы противодействия преступности в этой стране является традиционно более высокая, чем в других развитых странах, раскрываемость преступлений. Причем впечатляют не только общие показатели раскрываемости преступлений, но и ее показатели по наиболее опасным видам посягательств. К тому же, следует отметить, что общий уровень раскрываемости преступлений в Японии до самого последнего времени всегда был не только высоким, но и весьма стабильным <1>.

<1> См.: Shikita M., Tschia S. Crime and Criminal Policy in Japan from 1926 to 1988. Analysis and Evaluation of the Showa Era. Tokyo, 1992. P. 355.

Таблица N 13

Раскрываемость преступлений в Японии в 1968 - 1987 гг.
(в %)

Годы	Раскрываемость	Годы	Раскрываемость
1968	69,2	1978	68,6
1969	68,7	1979	69,9
1970	70,5	1980	69,9
1971	70,5	1981	69,2
1972	71,2	1982	69,4
1973	70,9	1983	70,0
1974	69,2	1984	71,8
1975	68,9	1985	72,9
1976	70,2	1986	68,0
1977	68,0	1987	73,5

К концу 1990-х годов общая раскрываемость преступлений - в первую очередь в связи с ростом краж - стала все более заметно снижаться: в 1997 году она составлял уже 54,7%; в 1998 г. - 53,1%; в 1999 году - 50,6%, а в 2002 году - 38,8%.

Таблица N 14

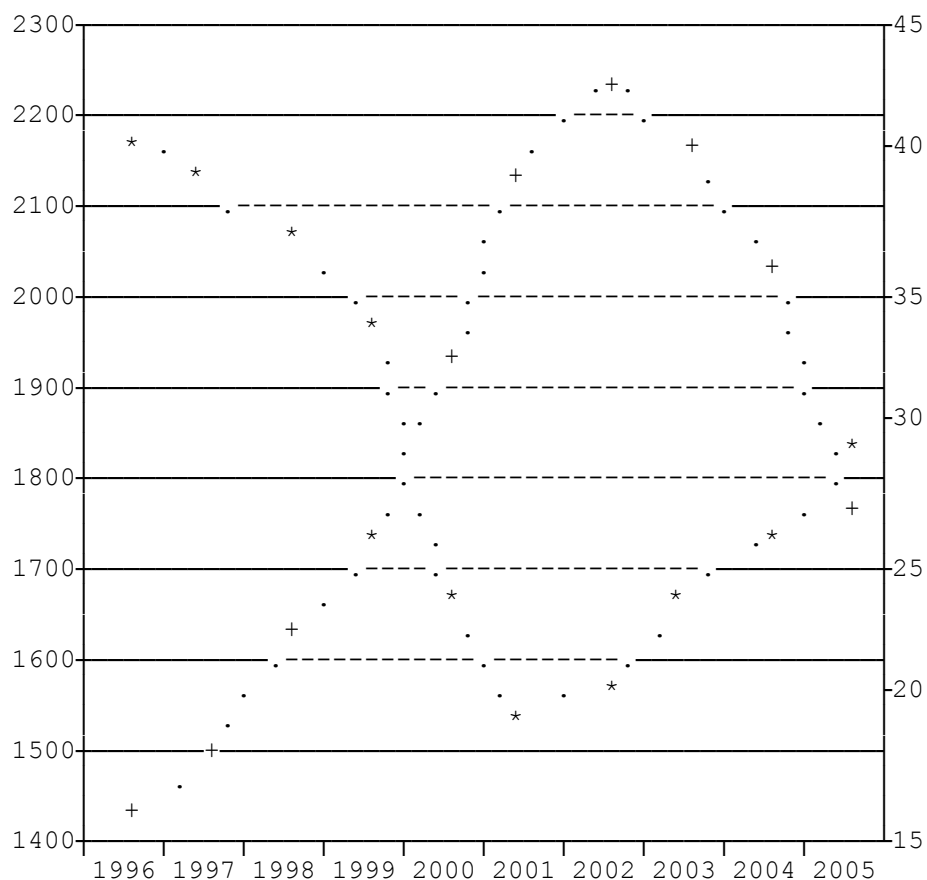
Раскрываемость преступлений в 1980 - 2005 гг. (в %)

Годы	Общая раскрываемость преступлений	Без учета преступлений на автотранспорте
1980	69,9	59,8
1990	57,4	42,3
2000	42,7	23,4
2001	38,8	19,8
2002	38,8	20,8
2003	41,3	23,2
2004	44,7	26,1
2005	48,2	28,6

Особого внимания заслуживает снижение раскрываемости преступлений, рассчитанной без учета преступности в сфере движения автотранспорта. Этот показатель за последние 25 лет снизился более чем в два раза и, очевидно, не соответствует общему количественному приросту преступности. Можно обоснованно полагать, что наряду с общим ростом зарегистрированных преступлений на снижение раскрываемости в указанный период повлияло резкое повышение числа краж, раскрываемость которых, как известно, всегда ниже. Этот вывод хорошо иллюстрирует графическое сопряжение снижающегося в последние годы уровня преступности и все более заметное на этом фоне повышение общей раскрываемости преступлений.

Уровень преступности и раскрываемость преступлений в Японии
в 1996 - 2005 гг.

...+... Коэффициент преступности ...*... Раскрываемость (%)

По ряду параметров данные статистики Интерпола, как уже отмечалось, заметно отличаются от данных национальной статистики Японии, да и от данных уголовной статистики некоторых других стран.

Таблица N 15

Раскрываемость преступлений в Японии и других странах
в 2002 году (по данным Интерпола)

Страны	Общее число преступлений	Раскрываемость преступлений	Численность полиции на 100000 населения
Франция	4113882	26,30	381
ФРГ	6507394	52,6	289
Великобритания	5899450	24,0	241
США	11877218	20,0	230
Япония	2931990	22,90	179

Приведенные данные еще раз указывают на то, что по большинству показателей положение дел в сфере борьбы с преступностью в разных странах еще далеко не только от "выравнивания", но и от "сближения".

Между тем показатели раскрываемости преступлений имеют важное значение не только для оценки эффективности деятельности правоохранительных органов, они несут также и значительную социально психологическую нагрузку. Что это означает? Если эти показатели в стране высокие, то "у населения создается впечатление, что вокруг царит атмосфера безопасности и доверия к правоохранительным органам государства, которые делают все

возможное, чтобы защитить людей от произвола и беззакония; поэтому можно спокойно и безопасно жить, ходить вечером в гости и т.д." <1>.

<1> Ли Д.А. Преступность в структуре общества. М.: Русский мир, 2000. С. 117.

Насколько же высоким должен быть для этого общий показатель раскрываемости преступлений? В Японии, например, стране наиболее безопасной, еще в 1998 году он составлял 53,1%; в США - почти 38%, а в России - 74%. К последнему показателю, очевидно, следует относиться критически, ибо, как неоднократно отмечалось в криминологической литературе, он далеко не в полной мере отражает реальное положение дел в сфере общей раскрываемости преступлений в России. Так, по расчетам Д.А. Ли, общая раскрываемость преступлений в России на этот момент фактически составляла не 74%, а лишь 25,0%, т.е. реальные показатели раскрываемости преступлений были в три раза ниже официальных показателей. И, видимо, не случайно в последние годы из ежегодных обзоров ГИЦ МВД России исчезли показатели общей раскрываемости и вместо них приводятся лишь данные о раскрываемости по отдельным категориям и видам преступлений.

Важно отметить, далее, что положение дел в Японии издавна было куда более предпочтительным не только по общей раскрываемости преступлений, но и по раскрываемости убийств, грабежей и даже краж. Обратимся, например, к данным статистики о раскрываемости убийств в середине 90-х годов.

Таблица N 16

Раскрываемость убийств в Японии и в других странах
в 1994 - 1996 гг.

Годы	США	Великобритания	ФРГ	Франция	Япония
1994	64,6	89,5	87,2	72,6	96,1
1995	64,8	90,8	88,2	75,1	96,3
1996	66,9	91,0	92,1	74,9	98,5

Очевидно, что по раскрываемости убийств Япония в этот период явно опережала все страны. В 1989 - 1999 гг. этот показатель колебался в пределах 94% - 98%; в 2000 и 2001 гг. - соответственно 95,0% и 94,3%. К 2003 году по раскрываемости убийств - 95,7% - Япония уступала лишь ФРГ, но значительно превосходила показатели всех других стран. В США, например, раскрываемость убийств к 2003 году составила всего 62,4%.

Таблица N 17

Раскрываемость убийств в Японии и в других странах
в 2003 - 2005 гг.

Годы	США	Великобритания	ФРГ	Франция	Япония
2003	62,4	79,8	95,6	81,0	93,7
2004	62,6	82,5	96,1	85,3	94,5
2005	66,9	84,0	98,6	84,9	96,6

Как видно из приведенных данных, показатели раскрываемости убийств в Японии к 2006 году лишь немного уступают ФРГ, но значительно превосходят показатели всех других стран, а главное, имеют очевидную тенденцию к росту.

До конца 90-х годов Япония опережала экономически развитые страны не только по раскрываемости убийств, но и по уровню раскрываемости краж. Однако с 1999 года в связи с ростом общего числа зарегистрированных преступлений и особенно в связи с ростом числа краж ситуация с их раскрываемостью стала резко меняться. Обратимся к данным статистики.

Таблица N 18

Раскрываемость краж в Японии и других странах
в 1996 - 1998 гг.

Годы	США	Великобритания	ФРГ	Франция	Япония
1996	18,1	21,8	30,0	12,1	35,6

1997	17,9	22,9	31,5	11,1	35,2
1998	17,4	20,6	32,3	10,5	33,4

Как видно, показатели раскрываемости краж в Японии по сравнению с указанными странами в указанный период были самыми высокими. Однако и общий рост преступности, и нарастающее число краж не могли не сказаться на раскрываемости этих преступлений.

График N 10

Раскрываемость преступлений в Японии в 1996 - 2005 гг.

График не приводится.

В 2002 году раскрываемость краж в Японии составляла всего лишь 17,0%. Правда, уже в 2003 году она выросла до 19,4%, в 2004 - до 22,6%, а в 2005 году - до 24,9%. Японских аналитиков при этом утешает тот факт, что, во-первых, по наиболее распространенным видам краж (квартирные кражи, карманные, кражи из автомашин) этот показатель значительно выше - 27,1% <1>, а во-вторых, соотношение показателей раскрываемости краж с другими странами не изменилось и Япония их по-прежнему (кроме ФРГ) заметно опережает. В США, например, общая раскрываемость краж к 2003 году составляла 18,0%, а раскрываемость краж автомашин - 13,8%.

<1> См.: Summary of the White Paper on Crime 2002. Tokyo, 2003. P. 3.

Аналогичная тенденция еще более четко прослеживается и при анализе раскрываемости грабежей. Долгие годы этот показатель в Японии был весьма высоким, а в отдельные годы доходил до 76%. Однако во второй половине 90-х годов раскрываемость этих преступлений стала заметно снижаться. В 2000 году она составляла уже 56,8%; в 2001 году - 48,7%; в 2002 году - 51,1%; в 2006 году - 54,6%. Другое дело, что раскрываемость грабежей в Японии еще заметно превышает соответствующие показатели в других развитых странах. В США, например, к 2003 году раскрываемость грабежей составляла всего 25,7%, а к 2004 году - 26,3% <1>.

<1> См.: Crime in the United States. 2003. Uniform Crime Report. P. 11.

Следует иметь в виду и определенную роль, которую в раскрываемости преступлений играет действующий в Японии порядок предварительного заключения подозреваемых в совершении преступления. Система предварительного заключения, известная как "daiyo-kan'goku", давала полиции возможность удерживать подозреваемых в камерах предварительного заключения при полицейских участках до 23 дней без предъявления обвинения, что отдавало подозреваемого в полное распоряжение полиции и способствовало получению признания вины под принуждением. При этом долгое время отсутствовали какие-либо процессуальные нормы и правила, регулирующие длительность допросов, не было гарантий присутствия на допросах адвокатов, протоколы допроса не велись с помощью технических средств и т.п. И лишь в 2006 году в законодательство был внесен ряд поправок, согласно которым предусматривалось разъяснение задержанным их прав и назначение адвокатов, однако только после предъявления им обвинения. Правда, обвинение по-прежнему предъявляют лишь после "признаний" задержанного. Поэтому правозащитные организации, не удовлетворяясь частичным реформированием такой практики, подвергают ее резкой критике и призывают к отмене действующей системы предварительного заключения.

Следует еще раз отметить, что, несмотря на отмеченный выше общий рост преступности и определенное ухудшение ряда ее количественных и качественных показателей (рост грабежей и краж, снижение их раскрываемости, рост преступности несовершеннолетних, активизация организованной преступности), основные параметры, определяющие состояние и уровень общественной безопасности в Японии, к началу XXI века все же остаются более высокими и в целом выгодно отличаются от уровня общественной безопасности других развитых стран.

Сказанное подтверждается и данными национальной статистики указанных стран, и данными международной уголовной статистики. Так, по данным Интерпола, во Франции, например, коэффициент преступности в 3 раза выше, чем в Японии, а численность полиции в расчете на 100000 населения в 2 раза выше. По тем же данным, среди указанных стран среднегодовая численность полиции в расчете на 100 тыс. населения к началу 2000-х годов в Японии, как уже отмечалось, была самой низкой - 179, тогда как в США - 230; в Великобритании - 241; в ФРГ - 289; во Франции - 381 полицейский <1>.

<1> По данным Г.Й. Шнайдера, в начале 2000-х годов среднее число полицейских в Европе в расчете на 100 тысяч населения - 291; лишь в скандинавских странах - 189 полицейских (см.: Шнайдер Г.Й. Исследования в области криминологии и деятельности органов уголовной юстиции // Полиция зарубежных государств. Вып. 8. 2006. С. 43).

В этой связи следует отметить, что в неоднократных выступлениях премьер-министра Японии Койдзуми, посвященных проблеме борьбы с преступностью, речь шла не об увеличении численности полиции, а об ужесточении мер уголовной ответственности "с тем, чтобы возродить веру людей в то, что Япония является самой безопасной страной на планете" <1>. Что же касается общей численности полицейских сил, то, по данным Министерства юстиции Японии, на 1 января 2006 года она составляла 285 тыс. человек (в том числе 11600 офицеров полиции - женщины, и 7500 человек - сотрудники Национального управления полиции), перед которыми поставлена задача всемерного повышения связи с населением и эффективности работы полиции всех уровней <2>.

<1> С такими заявлениями Койдзуми выступал, например, 19 ноября 2001 года на VI Форуме защиты жертв преступлений, а также на 161 сессии парламента страны 12 октября 2004 года.

<2> См.: White Paper on Crime 2005. Tokyo, 2006. P. 203.

С этой целью планируется, в частности, изучить и повысить эффективность работы ныне действующих в стране 6,5 тысяч полицейских "будок" (koban), а также значительно повысить мобильность полицейских нарядов. По данным Министерства юстиции, в 2001 году, например, при получении вызова полиция прибывала на место происшествия в среднем за 7 минут и 2 секунды; к 2006 году - за 7 минут и 15 секунд. По этому показателю Япония еще заметно уступает оперативности полиции США.

Эффективность японской системы противодействия преступности подтверждается и результатами международного сравнительного исследования по проблемам виктимизации, проведенного в 2000 - 2004 гг. (International Crime Victimization Survey 2000 - 2004). В ходе этой работы проводился мониторинг уровня страха в обществе и осведомленности населения о мерах безопасности в 12 странах - в Канаде, США, Австралии, Японии, Франции, Нидерландах, Польше, Португалии, Швеции, Швейцарии и Финляндии.

Исследование, в частности, показало, что самый низкий уровень виктимизации от преступлений отмечен в Финляндии и Японии, хотя уровень оснащения жилых помещений мерами безопасности по сравнению со всеми указанными странами в Японии был самым низким. При этом 80% опрошенных сообщили, что они чувствуют себя в полной безопасности, когда приходится ночью идти по улице одному, и 90% ощущают себя в безопасности, когда ночью остаются одни дома. И еще 50% опрошенных японцев сообщили, что вообще не верят в возможность взлома и проникновения в их жилища посторонних лиц с целью кражи <1>.

<1> См.: Summary of the White Paper on Crime 2002, 2003. P. 14; The ICVS 2000. Volume 2; P. 119 - 132; Summary of the White Paper on Crime 2003. P. 4.

По данным указанного исследования, самыми высоким уровнем виктимизации отличаются кражи велосипедов; за ними (если не считать проявления вандализма в отношении автомашин) следуют кражи из автомобилей; кражи со взломом из жилых помещений; кражи личного имущества; побои и сексуальные посягательства.

Кроме того, отмечается в итогах исследования, уровень виктимизации от насильственных преступлений в Японии по сравнению с другими странами оказался практически самым низким. Этот показатель составил в Японии 0,4, а в Австралии, например, - 4,1.

Показатели насильственной виктимизации в любой стране крайне важны сами по себе. Однако важно обратить внимание на тот парадоксальный на первый взгляд факт, что уровень виктимизации от насилия в последние годы в Японии заметно снижается, а число регистрируемых полицией сообщений о насильственных посягательствах, наоборот, растет.

Такую ситуацию, вероятно, можно объяснить сочетанием трех различных факторов: 1) нагнетанием истерии в средствах массовой информации, когда пресса и телевидение проецируют какое-либо действительно жестокое преступление на общую картину недостаточно обеспеченной безопасности людей; 2) активизацией работы местных организаций защиты жертв преступлений и поведением самих потерпевших, предпочитающих получить возмещение ущерба без обращения в суд и излишней огласки; 3) практикой регистрации сообщений о преступлениях в полиции, которая фиксированием роста подтвержденных и неподтвержденных сообщений старается оправдать снижение раскрываемости преступлений <1>.

<1> См.: Finch A.J. The Japanese Police's Claim to Efficiency. A Critical View // Modern Asian Studies. 1999. Vol. 33. N 2. P. 483 - 511; Kawai M. Paradox of the Myth of collapsing safe society. Iwanami Publication, 2004.

В самом деле, как показало названное сравнительное исследование виктимизации, лишь 2,0% опрошенных в Японии респондентов сообщили, что они заявили в полицию о совершенных в отношении их правонарушений с целью выплаты им страхового возмещения, тогда как 66,0% сообщили, что смысл их сообщений в полицию было наказание виновного с целью возмещения причиненного им вреда. (Для сравнения - в других странах, где проводилось это исследование, последний показатель колеблется от 11% до 35%.)

Поэтому весьма значительная часть потерпевших отказывается от дальнейшего участия в полицейском и судебном расследовании инцидентов, предпочитая ограничиться компенсацией ущерба виновным или его выплатой при содействии местных служб помощи жертвам преступных посягательств, деятельность которых в последние годы резко активизировалась, благодаря значительному укреплению ее финансовой базы <1>.

<1> См.: Квашис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М., 1999. С. 195 - 196.

Другой объективной реальностью являются несколько "скандалов", связанных с деятельностью полиции и широко освещавшихся в японской прессе, когда в ряде префектур страны были выявлены завышенные данные о регистрации сообщений о преступлениях. Вот почему, комментируя "ножницы" между снижающимся уровнем виктимизации от насилия и количеством регистрируемых полицией преступлений, некоторые исследователи не без оснований утверждают, что фиксируемый статистикой рост преступности в Японии представляет собой ни что иное, как "миф о коллапсе безопасного общества" (М. Каваи, К. Хамаи, Т. Эллис и др.), который раздувается средствами массовой информации и по ряду практических соображений выгоден самой полиции, тем более что опросы общественного мнения, как только что отмечалось, не подтверждают заметного роста уровня страха перед преступностью.

Все сказанное выше о криминологическом феномене современной Японии и позитивных результатах сформировавшейся в стране системы противодействия преступности, конечно, не означает их идеализации, однако не может не предопределять внимания и интереса к их изучению.

Вот лишь два из множества примеров организации работы по предупреждению преступности. Один из них связан с максимально широким привлечением к этой работе общественности. Вот уже 30 лет здесь проводятся общенациональные кампании по профилактике преступности, в ходе которых всем гражданам предлагают задуматься над тем, в какой форме они могут принять участие в противодействии правонарушениям. Такие кампании вселяют в людей уверенность в том, что в перспективе им удастся создать общество, свободное от правонарушений, избавление от которых уже стало идеей, объединяющей нацию и подвигающей ее на активные действия.

Второй пример характеризует практику использования в профилактической работе по предупреждению правонарушений различных достижений технического прогресса, и в том числе достижений в сфере развития электронной техники, где Япония, как известно, давно стала одним из мировых лидеров. Так, с середины 90-х годов японские фирмы звукозаписи стали распространять новую и необычную продукцию - компакт-диски с музыкальными записями, на которые наложены звуки полицейских сирен и угрозы применения уголовных санкций за правонарушения. Такие звуки записывались на частоте 20 тысяч герц. Это, как известно, верхний предел, который может воспринимать слух человека, но главное состоит в том, что посылаемые сигналы фиксируются в подсознании людей и, как показали многочисленные опыты, они играют мотивационную роль. По многочисленным отзывам владельцев магазинов, число краж после того, как в них стали проигрывать мелодии с высокочастотными напоминаниями об ответственности за преступления, резко сократилось <1>.

<1> См.: Потапов П. Против лома есть прием. Музыкальный // Комсомольская правда. 20.07.1995.

Эффективность системы противодействия преступности даже в такой благополучной в социально-экономическом отношении стране на самом деле выходит за рамки собственно криминальных проблем; как только что отмечалось, она связана, прежде всего, с общим уровнем социальной профилактики правонарушений. Ее формы и методы, конечно же, куда более многообразны и никак не исчерпываются ни практикой регистрации, ни раскрываемостью преступлений, ни карательной практикой. Она во многом зависит от характера куда более глубоких

и сложных социальных процессов, в рамках которых происходят и будут происходить постоянные изменения, дающие основания для построения в разной мере неблагоприятных прогнозов дальнейшего развития криминальной ситуации в этой стране. Тем более что глобализация всех сторон общественной жизни приносит и будет приносить все более серьезные вызовы. Отсюда следует универсальное значение совершенствования системы профилактики правонарушений, в том числе на основе международной кооперации в деле борьбы с преступностью и изучения опыта, накопленного в наиболее развитых странах.

4.2. Историко-культурные и социально-психологические факторы преступности в Японии

Для объективной оценки криминальной ситуации в Японии в конце XX и в начале XXI столетия очень важно уяснить место и роль культурных и социально-психологических факторов в формировании столь своеобразного криминологического феномена, который сложился в Японии.

На протяжении многих десятилетий "загадочная" во многих отношениях Япония по праву считалась и считается самой безопасной страной, где общий уровень преступности, и особенно уровень насильственной преступности, самые низкие, а основные количественные и качественные параметры преступности, как уже отмечалось, выгодно отличаются от показателей, характеризующих преступность в других, в том числе наиболее развитых, странах.

В самом деле, чем объяснить, что в стране с населением около 130 млн. человек коэффициент преступности к началу 2000-х годов составляет в среднем около 2000 преступлений, а доля насильственных преступлений в общей структуре преступности десятилетиями не превышала 1,5%? В какой еще стране доля убийств в структуре преступности в последние 50 лет не превышала 0,2%, а раскрываемость преступлений была значительно выше, чем в других развитых странах?

Многие зарубежные и российские исследователи, обращая внимание на стабильно низкий уровень преступности и ее более выгодные качественные характеристики, пытаются определить истоки, причины и своеобразие этого уникального для современной цивилизации криминологического феномена.

С учетом целей и задач настоящей работы представляется целесообразным остановиться лишь на анализе позитивных факторов преступности (т.е. факторов, противодействующих преступности), с которыми, на наш взгляд, в большей мере, чем с негативными факторами, связаны основные направления развития японской правоприменительной практики в целом и в особенности практики назначения различных мер наказания.

Основные позитивные факторы формирования и развития современной криминологической ситуации в Японии лежат, прежде всего, в плоскости японской культуры и психологии; они обусловлены специфическими особенностями менталитета и психологии японцев, которые неразрывно связаны с многовековыми традициями и обычаями страны. Именно чрезвычайно бережное сохранение вековых обычаев и традиций, консервация межличностных отношений и всего, издавна принятого уклада жизни, несмотря на пережитые страной многочисленные потрясения, формируют необычность и "странности" многих сторон ее повседневной общественной жизни, в том числе и "нетипичную" картину в сфере противоправного поведения.

Почти до конца XIX века в Стране Восходящего Солнца, как известно, царили средневековые нравы. В феодальной Японии самураям, например нарушившим общественный порядок, обычно рекомендовали "по собственному желанию" совершить харакири, что они и делали, строго придерживаясь предписанных правил и церемоний. Тем, кто стоял на более низких ступенях социальной иерархии, за правонарушения рубили головы или назначали другие жестокие наказания (сажали, например, на бамбуковый кол), а упорствующих в вере христиан распинали на стоящих вдоль дорог крестах, считая таких людей носителями чуждой идеологии. Поэтому важнейшим фактором, сдерживающим преступность в Японии, принято считать незыблемый приоритет традиционных общинных и моральных ценностей. Каждый японец внутри своей социальной группы придерживался строго определенного кодекса поведения и старался ему соответствовать. С этим, кстати говоря, всегда были связаны и многочисленные проявления суицида <1>.

<1> См.: Finch A.J. Homicide in Contemporary Japan // British Journal of Criminology. 2001. Vol. 41. P. 219 - 235.

Не менее важными в криминологическом плане являются такие факторы, как особенности японской этики и всего стиля поведения, во многих отношениях отличного, скажем, от поведения европейцев (кодекс самурайской чести, как известно, чтят даже многие члены криминальных сообществ).

Несомненно, к числу таких факторов следует отнести и издавна сложившуюся максимальную закрытость страны от внешнего влияния с целью сохранения собственной идентичности. Япония - одна из немногих стран, которая веками "цеплялась" за свою уникальность и собственное своеобразие, как огня опасаясь иноземного влияния <1>. После того как португальские моряки в 1542 году открыли эту страну для Европы, распространение христианства стало реальной угрозой для общественного строя Японии. Поэтому еще с начала XVII века - в эпоху сёгунов Токугава (1603 - 1868 гг.) - Япония встала на путь политики самоизоляции, в которой правители держали страну 250 лет. Именно в этот период конфуцианство в качестве защитной реакции на влияние европейской культуры и религии стало официальной доктриной. С закрытостью страны от внешнего влияния связаны редкая даже для азиатских стран этническая однородность японцев и единство языка.

<1> См.: Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. Пер. с франц. М., 2003. С. 366 - 368; Тасбулатова Д. Шаг вправо, шаг влево - харакири // Итоги. 11.11.2003. С. 80.

Сказанное, кстати, во многом объясняет и относительно низкий (по сравнению с другими странами) удельный вес преступности иностранцев. В самом деле, за последние 10 лет из ежегодно регистрируемых статистикой почти 3 млн. преступлений иностранцами совершается в среднем лишь 35 тысяч преступлений, причем значительную часть из них составляют нарушения правил управления транспортными средствами. Другое дело, что последние 10 лет преступность иностранцев практически ежегодно растет: если в 1996 году было зарегистрировано 31750 преступлений, совершенных иностранцами, то к 2006 году этот показатель вырос до 43622 преступлений. В основном они совершаются преступниками из соседних азиатских стран (это главным образом китайцы, вьетнамцы и корейцы), а также лицами, прибывшими в Японию из латиноамериканских стран (в основном это бразильцы и колумбийцы).

Влияние криминальных элементов из Китая особенно ощутимо в сфере организованной преступности. Китайские "триады" уже потеснили доморощенную мафию - "якудзу". В 2006 году на долю китайцев приходится почти половина всех преступлений, совершенных иностранцами, хотя еще в 1996 году этот показатель был в два раза ниже. Достаточно сказать, что сегодня "триады" контролируют в Японии две трети торговли героином <1>.

<1> См.: Синь Янь, Яблоков Н.П. Борьба с мафией в Китае. Овчинский В.С. Мафия XXI века: сделано в Китае. М., 2006. С. 176; Бинсун Хэ. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Владивосток, 2005. С. 164 - 167.

К числу антикриминогенных следует, далее, отнести и такие важные факторы, как запрет на огнестрельное оружие, специфическую организацию системы уголовной юстиции и особенно деятельности полиции и, конечно, поднявшуюся из руин и процветающую в последние десятилетия экономику страны. Все это во многом объясняет уникальность и неповторимость криминологического феномена современной Японии, на которые обращают внимание многие зарубежные и российские исследователи.

Один из родоначальников исследований японской практики борьбы с правонарушениями английский ученый Р. Ламонт-Браун связывает указанный феномен, прежде всего, с характером японцев, в подавляющем большинстве законопослушных граждан, не склонных к криминальным поступкам. Причин для этого у японцев, по его мнению, много, и в первую очередь имеются в виду причины социально-экономического плана <1>.

<1> См.: Lamont-Brown R. Police of Japan // Police Journal. 1995. N 2. P. 133 - 134.

Характеризуя эти причины, Р. Ламонт-Браун отмечает, что японское общество - это почти целиком общество среднего класса с весьма незначительными различиями в социальном статусе; по такому статусу в среде японской молодежи практически не видно признаков расслоения и взаимного отчуждения. Семья в Японии - это общественная ячейка, которая отвечает за поведение своих членов, и если кто-то из семьи нарушает закон, нравственные нормы, то вся семья страдает от этого морально. При такой структуре общества нет противопоставления по принципу "они или мы", как это распространено в других странах. Кроме того, для послевоенной Японии характерна весьма низкая безработица, уровень которой, например, в середине 90-х годов составлял всего 2,1%, что, несомненно, положительно влияет на криминальную ситуацию в стране.

Анализируя японскую систему воздействия на преступность, отечественные и зарубежные исследователи считают главными в ней все же не только и не столько экономические факторы, но и факторы историко-культурного, политического и социально-психологического характера. При

этом речь, скорее, должна идти о вкладе, вносимом в предупреждение преступности не просто особыми психологическими чертами японского национального характера, а национальной культурой в целом, включающей в себя высокоразвитое сознание солидарности в семье, локальном обществе, а также высокий уровень образования и трудолюбия. Кроме того, среди основных факторов, сдерживающих преступность в Японии, следует выделить традиционную антикриминально-конформистскую ориентацию общественных стереотипов и способность японского общества быстро приспосабливаться к новой нетрадиционной ситуации <1>.

<1> См.: Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб., 2003. С. 97.

Если суммировать позиции отечественных и зарубежных ученых, то к числу таких факторов, противодействующих криминальной экспансии в Японии, следует отнести:

- традиционную послушность, готовность подчиняться, строго придерживаться установленных правил поведения;
- традиционную общинность и семью, состоящую из нескольких поколений;
- мононациональность и монорелигиозность, а отсюда и наличие ярко выраженной гомогенной культуры и, конечно, единого языка;
- низкий уровень разводов (один на тысячу браков);
- систему пожизненного найма и более низкий уровень безработицы (разрыв между богатыми и бедными незначителен, людям гарантированы равные права в предоставлении работы и социального статуса);
- строгий контроль за огнестрельным оружием и наркотиками <1>.

<1> См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 275.

По сути дела, именно эти факторы являются системообразующими и в этом плане позиция отечественных исследователей, несомненно, является более четкой и точной, нежели простой симбиоз "характера японцев" и благоприятных экономических обстоятельств. Тем более что само по себе социальное и экономическое благополучие в стране, как показывает, например, опыт современной Швеции, не является панацеей от роста криминальной активности. В самом деле, криминальный бум в этой скандинавской стране в начале 2000-х годов возник как раз вопреки всем самым благоприятным социально-экономическим предпосылкам. В этом смысле универсальные принципы европейской цивилизации не вступили в Японии в острое противоречие с системой традиционных человеческих отношений. Отсюда во многом и удача государственной политики по профилактике преступности, и значительно более низкие показатели преступности по сравнению с другими развитыми странами.

Важный вклад в сдерживание преступности вносит, как уже отмечалось, и весьма специфическая национальная психология (логика взаимоотношений японцев), которую характеризуют подчеркнутое чувство стыда, чести и достоинства, забота о собственной репутации, требования самоотречения и самовоспитания, ценностные ориентации, вызывающие не дух соперничества, а сочувствие к человеку и гармонию в обществе. Именно отсюда берут начало и устойчивая психологическая установка японцев, и уникальный феномен японской культуры, ставшей "культурой стыда" <1>.

<1> См.: Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб., 2003. С. 99.

В связи с этим весьма сомнительной, на наш взгляд, является позиция О.Н. Ведерниковой, которая относит Японию к "азиатско-тихоокеанскому типу криминологических систем". Этот тип отражает, по ее мнению, религиозные и философские традиции Востока, "азиатский менталитет", придающий в регуляции поведения решающее значение не праву, а традиционным нормам и обычаям, соседско-семейному коллективизму, уважению к старшим, чувству долга и чести. "Нравственные правила, личная этика, стремление избежать конфликтов, - отмечает О.Н. Ведерникова, - сильнейшие регуляторы поведения восточного человека" <1>. Наиболее отчетливо этот тип криминологической системы, по ее мнению, проявляется в Японии. Однако даже такая оговорка не снимает излишне широкой и обобщенной трактовки таких категорий, как "восточный человек" или "азиатский менталитет". В том-то и дело, что эти категории далеко не полностью отражают особенности японской ментальности, стиля поведения и всего уклада жизни в этой стране.

<1> Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право. 2002. N 10. С. 36.

В самом деле, в Азии немало стран, исповедующих буддизм. К их числу относится и Япония, но вся жизненная практика этой страны серьезно противоречит учению Будды. В заимствованную ими древнекитайскую мораль японцы внесли целый ряд существенных изменений. Поэтому при всей живучести конфуцианского наследия в сознании японцев их поведение существенно отличается от культуры поведения, например, китайцев - также людей "восточных" и также носителей "азиатского менталитета".

Южнокорейский исследователь Баюнг Сан Чо в связи с этим отмечает, что, действительно, Китай, Япония и Южная Корея - это архаичные авторитарные общественные системы, опирающиеся на конфуцианство, которое подчеркивает значимость социального порядка, а буддизм характеризуется, прежде всего, уважением к человеческой жизни <1>. Кстати говоря, именно поэтому страны, исповедующие буддизм, так отличаются от Китая и Японии по своему отношению к проблеме смертной казни <2>.

<1> См.: Byung-Sun Cho. The death penalty in South Korea and Japan: "Asian values" and the debate about capital punishment // Hodkinson P., Schabas W. Capital Punishment Strategies for Abolition. Cambridge, 2004. P. 270 - 271.

<2> См.: Ахметшин Х.М. и др. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000; Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире. Смертная казнь в государствах Азии и Америки // Право и политика. 2002. N 1. С. 75 - 82.

В начале 1970-х годов советской общественности Японию, можно сказать, открыла быстро ставшая бестселлером "Ветка сакуры". Вот что, в частности, писал о японцах ее автор Всеволод Овчинников: "Преданность семье, клану, государству должна быть беспредельной и безоговорочной... Устои патриархальной семьи - это устои японского образа жизни. Его столпы - субординация и семейственность... Человек в Японии постоянно чувствует себя частью какой-то группы - то ли семьи, то ли общины, то ли фирмы. Он приучен подчиняться мнению этой группы и вести себя соответственно своему положению в ней... В этом-то и коренятся причины неистребимой фракционности, а проще говоря - групповщины или семейственности, которые пронизывают общественную и политическую жизнь... Есть две скрытые пружины, которые исподволь движут сложным механизмом поведения японцев. Одна из них - долг признательности. Но есть и вторая - долг чести...

На протяжении всей японской истории люди рубили чужие головы и вспарывали собственные животы во имя "гири" или долга чести. И хотя самураи с их обычаем совершать хакари сохранились сейчас лишь в кинофильмах, понятие "гири" по-прежнему незримо присутствует в поступках современных японцев. Если такая первейшая для японцев добродетель, как долг признательности, уходит корнями в древнекитайскую мораль, то долг чести - это сугубо японское понятие, которое не имеет ничего общего ни с учением Конфуция, ни с учением Будды... Гири - это долг чести, основанный не на абстрактных понятиях добра и зла, а на строгом предписанном регламенте человеческих взаимоотношений, требующем подходящих поступков в подходящих обстоятельствах" <1>.

<1> Овчинников В. Ветка сакуры. М., 1971. С. 66 - 73.

Таким образом, не только поведение, но и сам образ мысли японцев существенно отличается от образа мысли китайцев, поскольку он сохранил свою ярко выраженную оригинальность, связанную с национальным характером японцев. Не случайно сама О.Н. Ведерникова относит Китай к другому типу (социалистическому) криминологических систем, что, впрочем, не снимает вопроса о весьма условном и спорном характере такого рода типологии криминологических систем.

Если же сравнивать менталитет и психологию японцев, например, с европейцами или, скажем, с американцами, то надо будет признать, что это "не просто другая культура, это - разные цивилизации" <1>. И потому составить единый понятийный ряд этих двух цивилизаций невозможно.

<1> Dussich, John, Friday, Paul C., Okada, Takauki, Yamagami, Akira, Knudten R. Different Responses to Violence in Japan and America. New York, 2001. P. 19 - 35.

Это отступление сделано для того, чтобы еще раз подчеркнуть уникальность многих сторон образа жизни и культуры японцев, которые веками формировали свои особые правила поведения, во многом отличные даже от соседних "азиатских" стран. Именно отсюда идут особые тенденции формирования и развития правомерного поведения, суть которых на протяжении многих десятилетий так или иначе сводится к стабильно низкому уровню преступности, резко контрастирующему с криминологической ситуацией в большинстве других стран. Другое дело, что

эти факторы, наряду с высоким уровнем социально-экономического развития и демократическими условиями общественной жизни, "работают" главным образом на макроуровне <1>.

<1> См.: Белявская О.А. О специфическом аспекте японских психологических теорий объяснения преступности и преступного поведения // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 1985. N 86.

Во второй половине XX века все более интенсивная "вестернизация" культуры, быта, почти всех других сторон общественной жизни в Японии нашла отражение в нарастающей деформации массового сознания, утрате традиционных ценностей и в конечном счете сказалась на заметном росте преступности. Несомненно, негативное влияние на стиль поведения японцев, в первую очередь на поведение молодежи оказывало широкое присутствие в стране Вооруженных сил США, навязчивая пропаганда американского образа жизни, которую проводили кино и телевидение - основные средства развращения молодежи и фронтального разрушения традиционной японской культуры.

Если для европейских стран характерна христианская система ценностей, то в Японии подобного рода идеологическая основа общественной жизни отсутствует. Поэтому к началу 80-х годов широкое распространение в стране получили такие течения, как английский утилитаризм, французский индивидуализм, американский прагматизм, а также течения, основанные, с одной стороны, на абсолютизации роли экономики и, с другой, - на абсолютизации роли индивидуумов в жизни общества. Другое дело, что при той или иной интерпретации этих учений, при всех изменениях в общественной жизни Японии ключевой все же по-прежнему оставалась и остается именно такая категория, как "система ценностей".

Рассматриваемый период японской истории бывший премьер-министр Ясухиро Накасонэ обозначает тремя словами - брожение, смута, деградация, к которым, по его выражению, привел "крах трех мыльных пузырей" <1>. Первый из них лопнул в политической сфере, когда политическая стабильность исчезла и на смену ей пришел хаос. Второй существовал в экономической и финансовой сферах и был связан с затянувшимся спадом в экономической ситуации. Третьим "мыльным пузырем" было само общество. Символом краха стала коррупция, которая получила широкое распространение не только среди представителей политических и деловых кругов, но даже среди сотрудников полиции и сил самообороны.

<1> Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке. М., 2001. С. 90.

Пресса тех лет была наводнена ежедневными сообщениями о тяжких преступлениях, в том числе среди молодежи и в среде несовершеннолетних. Одним из примеров нездоровой ситуации в обществе стало широко распространенное вступление школьниц в интимную связь по меркантильным соображениям. Тревогу вызывало и растущее распространение пьянства и алкоголизма. К началу 80-х годов Япония стала мировым лидером по количеству алкогольных напитков, потребляемых на душу населения. Волна алкоголизма захлестнула даже женщин (они составляли половину всех пьющих), что способствовало росту преступности среди женщин, которого страна не знала ранее. Свою негативную роль играл и кризис системы образования.

В конечном итоге, отмечает бывший премьер, изменились подходы людей к смыслу жизни, к универсальным ценностям. "Нация лишилась характерной для себя системы ценностей, которая до войны определяла моральный климат в обществе. Имеются в виду основанные на конфуцианстве такие устои, как верность долгу, вежливость, мудрость, вера, чувство стыда за неблагоприятные поступки, а также принципы, вытекающие из кодекса самурайской чести. После войны эти понятия практически утратили свое значение и трансформировались в принцип "всемогущества индивидуума" <1>. Признавая японское общество больным, Я. Накасонэ диагнозом этой болезни называет "болезнь послевоенной цивилизации".

<1> Там же. С. 92.

Речь идет о том, что названные выше традиционные институты японского общества, ценностные ориентации и психологические установки постепенно размывались и модернизировались, способствуя все большему росту антисоциальных проявлений.

Таковы основные социально-психологические и культурологические факторы, обусловившие всплеск преступности в Японии на рубеже 80 - 90-х годов и развитие некоторых негативных тенденций в криминологической ситуации. Вместе с тем на эти негативные процессы определенное воздействие оказали также факторы, лежащие в плоскости самой системы воздействия на преступность, и, в частности, факторы, связанные с реализацией основных принципов уголовной политики.

Практическая уголовная политика в Японии построена на интеграции социальных и правовых средств борьбы с преступностью, на "удачном включении формального контроля в традиционный неформальный" <1>. В этом смысле в стране создана даже не общегосударственная, а общенациональная система, включающая в борьбу с преступностью широкую сеть активно действующих формирований граждан.

<1> См.: Белявская О.А. О специфическом аспекте японских психологических теорий объяснения преступности и преступного поведения.

В итоге, как отмечала О.А. Белявская, "сложился фактический всеяпонский консенсус" относительно невозможности развития общества без защищенности социальных ценностей от преступности и необходимости их защиты с участием всех граждан. Поэтому в Японии активное участие населения в контроле над преступностью рассматривается как одна из важнейших причин значительно более низкого уровня общеуголовной преступности по сравнению с другими странами.

Наконец, следует сказать и о том, что в сфере борьбы с новыми формами преступлений (компьютерная преступность, преступления в сфере экологии, в кредитной и банковской сфере и т.д.) важное значение придается интеграции стратегии предупреждения преступности в планы социально-экономического развития, что позволяет включить функционирование системы уголовной юстиции в процесс социально-экономического развития страны.

4.3. Применение мер ответственности и наказания как составной элемент системы социального контроля за преступностью

Анализируя особенности японской системы воздействия на преступность, большинство исследователей отмечает ее патерналистский характер и, давая весьма высокую оценку правоприменительной системе в целом, характеризуют ее как "благожелательную" <1>. Более того, перечисляя многочисленные "мягкие элементы" японской правоприменительной системы, некоторые исследователи (Д. Фут) относят ее к разряду "семейной модели" уголовной юстиции; другие не совсем обоснованно усматривают в ней "чрезмерный либерализм" <2>. В любом случае специфика этой системы, увязанная с тенденциями развития преступности в Японии, заслуживает самостоятельного анализа, при котором исходными следует признать основные концепции уголовной политики, уголовно-правовой доктрины и практики применения мер ответственности и наказания.

<1> См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 275 - 278.

<2> См.: Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право. 2002. N 10. С. 36.

Дело в том, что традиционные для европейской и российской науки (прежде всего, для криминологии и уголовного права) понятие и трактовка уголовной политики не являются адекватными тому, как они закреплены в теории уголовного и уголовно-процессуального права, в законодательстве и правоприменительной практике Японии. Российские ученые, говоря об уголовной политике, традиционно обращают основное внимание на ее уголовно-правовые аспекты, где предметом является борьба с преступностью средствами государственного принуждения. Что же касается понимания уголовной политики японскими учеными, то они сосредоточивают основное внимание на более широких проблемах социальной политики, предполагающих использование в деле борьбы с преступностью всего арсенала средств социального контроля и принуждения, имеющихся в распоряжении государства и общества. Иными словами, в сфере борьбы с преступностью основные акценты смещены из области государственно-правового контроля в область социального контроля, что и определяет основные особенности содержания и реализации уголовной политики в Японии.

Ее эффективность объясняется не столько уровнем разработки тех или иных институтов японского уголовного права, сколько соответствием его норм ожиданиям и стереотипам, выработанным в сознании японцев, соответствием правовой системы устоям японского общества, его традициям, социальным поведенческим стереотипам, этическим воззрениям. И, главное, не столько использованием уголовно-правовых средств и тем более не ужесточением уголовной репрессии, сколько применением всего арсенала мер социального контроля с упором на профилактику преступлений.

В науке уголовного права, как и в практике применения уголовного закона в Японии, еще преобладает традиционное для многих стран представление, что наказание призвано, главным образом, выполнять функцию возмездия, адекватного преступному деянию. Однако наряду с этим

и японское уголовное право, и вся правоприменительная практика отчетливо демонстрируют значимость и место воспитательного подхода, который закреплен в целом ряде важнейших правовых и процессуальных норм и институтов.

К их числу можно отнести вывод малозначительных правонарушений из подсудности уголовной юстиции; особые полномочия прокуроров, позволяющие им отказывать в возбуждении уголовного дела, если есть основания считать, что на правонарушителя можно эффективно воздействовать, не прибегая к средствам уголовной репрессии; широкое использование судьями права на отсрочку исполнения приговора (ст. 25 УК); распространенную практику применения условного осуждения, кратких сроков лишения свободы, условно-досрочного освобождения (ст. 28 УК). В практике применения наказаний самой распространенной (более 90%) мерой является штраф. Следует сказать и о функционировании своеобразной системы "первичных судов", занятых разбирательством преступлений, единственным наказанием за которые может быть штраф; процедура в этих судах предельно упрощена и дела рассматриваются в ускоренном порядке.

Одновременно уголовное законодательство закрепляет требование ужесточения наказания за рецидивы преступного поведения. Таким образом, и в доктрине, и в законодательстве, и в правоприменительной практике налицо сочетание обоих подходов (воспитательного и карательного). На это прямо указывают и видные теоретики японского уголовного права Сугияма и Вати, подчеркивающие, что принцип "наказание - возмездие" связывает уголовное право с моральным осуждением. "Поэтому, - отмечают ученые, - не следует, насколько возможно, соглашаться с наложением в интересах общей превенции таких тяжких наказаний, которые превышали бы пределы, необходимые для совершившего деяние, для воспитания или социальных гарантий. Очевидно сущностное противоречие обоих подходов, однако они гармонизируются через их учет в уголовной политике и судебной практике, где в среде реальных институтов они вступают в отношения взаимной поддержки" <1>.

<1> Цит. по: Еремин В.Н. Уголовное право Японии // Уголовное право зарубежных государств. М., 2003. С. 486.

Каким образом это реализуется на практике? Дело в том, что принятый в 1907 году и практически не менявшийся УК Японии при всем консерватизме предоставляет широкие возможности для "судейского усмотрения", право на которое едва ли следует трактовать лишь в негативном, издавна принятом значении этого института. Такому усмотрению способствует, с одной стороны, абстрактность описания составов преступления и отсутствие их дробной классификации, а с другой стороны, возможность назначения наказания выше верхнего предела, предусмотренного законом, и ниже низшего предела не только по закону, но и по усмотрению суда. И, конечно, в наибольшей мере этому способствует чрезвычайно широкий диапазон между верхними и нижними пределами санкций, предусмотренных за конкретные составы. Так, ст. 199 УК, устанавливающая ответственность за убийство, предусматривает наказание в виде смертной казни, пожизненного лишения свободы либо лишения свободы с принудительным трудом на срок не ниже трех лет.

Применяя содержащуюся в законе норму о "судебном усмотрении", можно варьировать наказание в весьма широких пределах с учетом всех обстоятельств конкретного уголовного дела, в соответствии с изменениями социальной обстановки, состоянием общественного мнения и т.д. Иногда такого рода практику связывают с вообще присущим японским юристам "широким толкованием" закона, что, впрочем, сути дела не меняет, поскольку главное - сохранить для принятия решения максимально широкую возможность для маневра. При этом суровость санкций вовсе не исключается, но обращение к ней резко сужается до пределов, в которых она максимально обоснованна <1>. Вот почему в японской системе воздействия на преступность почти идеально удалось совместить относительную мягкость наказания с высокой эффективностью <2>.

<1> См.: Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. С. 141.

<2> См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 272.

Именно в этом контексте в настоящем разделе работы рассматривается практика применения различных мер ответственности и наказания, за пределами которой находится применение таких наиболее суровых мер, как смертная казнь и ее альтернатива в виде пожизненного лишения свободы, - их анализ составляет самостоятельную цель исследования и потому практика применения этих мер наказания анализируется отдельно.

В отличие от других стран, в Японии действует четырехзвенная система уголовных судов. Из первичных судов (каньи сайбансе) апелляционные дела передаются в районные (тихо сайбансе), затем в окружные суды (кото сайбансе), а окончательное решение, не подлежащее пересмотру, принимает Верховный суд (сайко сайбансе), если, разумеется, апелляция подается по всем инстанциям. При рассмотрении дел о тяжких преступлениях, в отличие от упрощенной процедуры

первичных судов, присутствие сторон обязательно, а единоличное принятие решений предопределяет значимость роли судьи. Ибо еще в 1943 году японское уголовно-процессуальное право от института присяжных отказалось. Все это еще раз подчеркивает значимость "судебного усмотрения", хотя и вовсе не предопределяет перспективу ужесточения наказания.

Здесь чрезвычайно важно иметь в виду, что отправление правосудия в Японии зиждется на распространенном в Азии конфуцианском постулате, согласно которому рекомендуется "осудить преступление, но при этом проявить снисхождение к преступнику". Поэтому для японцев важно дать шанс начать все снова даже тем, кто хотя и совершил тяжкое преступление, но раскаялся в содеянном.

Вся система правосудия в Японии и взгляды населения в основном великодушны в отношении раскаявшихся преступников. Это традиция, а традиция в Японии накладывает большой отпечаток на все стороны общественной жизни, в том числе и на судопроизводство. "У японцев тот, кто соблюдает нормы поведения, сложившиеся в ходе веков, тот, кто проявляет, хотя бы внешне, благородные порывы души, вызывает глубокое сочувствие, и наоборот. Поэтому, - отмечает О.Н. Железняк, - японские суды при толковании нормативных актов обращаются к реальной жизни, учитывают не только логику права, но и логику традиций" <1>. Вот почему раскаяние виновного, его извинения перед потерпевшими играют в ходе судебного процесса столь важную роль.

<1> Железняк О.Н. Практика применения смертной казни в Японии // Право и политика. 2001. № 3. С. 66.

Исповедуя в судебной практике конфуцианский постулат о примате снисхождения к преступнику, Япония всегда шла в этом отношении дальше других азиатских стран. Отсюда и практика применения наказаний, ориентированная на стандарты, которые гораздо ближе к нижним пределам санкций, и, как следствие, не сопоставимая с другими странами по "мягкости" практика назначения наказания за все, в том числе даже за тяжкие преступления.

Судебная практика Японии, действительно, поражает своим либерализмом. За последнее десятилетие XX века преступность в стране выросла, как уже отмечалось, почти на 30%, а число лиц, отбывающих лишение свободы, по данным Министерства юстиции, возросло всего на 6%. Причем, независимо от того, какими данными оперировать - национальной или же данными международной статистики, - все эти годы по числу осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, Япония занимает самое низкое место в мире.

В 1995 году число заключенных в Японии в расчете на 100 тысяч населения было в 14 раз меньше, чем в США и России, а в абсолютных показателях соответственно в 30 и 20 раз меньше. По данным национальной статистики, в 2000 году, например, в Японии в расчете на 100 тысяч населения было 43 заключенных против 680, содержащихся в тюрьмах США. Указанный факт сам по себе является крайне важным, поскольку речь идет об одном из весьма существенных показателей правового и криминологического состояния общества и гуманистических тенденций в уголовной политике.

Чтобы представить динамику этого показателя на протяжении последних 20 лет, отметим, что в Японии в местах лишения свободы в 1985 году содержалось 55263 заключенных; в 1992 - 44871; в 1995 - 46585; в 1996 году - 48395; в 1997 - 50091; в 1999 - 64164; в 2001 - 63415; в 2002 году - 63815 заключенных. К 2006 году при численности населения почти в 130 млн. человек в местах лишения свободы отбывали наказание 65780 осужденных.

Здесь, однако, следует иметь в виду, что указанный показатель включает в себя не только число лиц, осужденных к лишению свободы, но и тех, кто находится под следствием или же ожидает вынесения приговора, а их доля в среднесписочном числе лиц, находящихся в местах лишения свободы, с 1975 года ежегодно составляет в среднем 18%. Так, из 77,9 тыс. заключенных, содержащихся в 2005 году в местах лишения свободы, осужденные к этой мере наказания составляли 84,4%, а 15,6% приходилось на долю тех лиц, которые находились под следствием или ожидали вынесения приговора.

Кроме того, в связи с весьма широким применением в Японии института отсрочки исполнения приговора данные о численности лишенных свободы, приводимые в различных источниках, зачастую указываются неточно, поскольку в ряде случаев показатели осужденных в том или ином году необоснованно отождествляются со среднесписочным числом лиц, находящихся в местах лишения свободы. Между тем количественные различия указанных показателей весьма значительны, ибо в разные годы в связи с применением отсрочки исполнения приговора в места лишения свободы реально поступает статистически различное число осужденных.

Указанные причины статистических расхождений в рассматриваемой сфере не всегда учитываются и в сравнительных криминологических исследованиях, и в статистических отчетах

международных организаций. Примером служат расчетные данные Интерпола за 1992 - 2002 гг. (см. таблицу N 19).

Таблица N 19

Число заключенных в Японии
и в других странах в 1992 - 2002 гг.

Страны	1992		2002	
	общее число заключенных	уровень на 100 тысяч населения	общее число заключенных	уровень на 100 тысяч населения
Германия	59979	74,4	78500	95,6
Франция	49323	86,0	47304	80,7
Великобритания	46350	90,7	67165	129,0
США	1295150	507,7	1966301	681,9
Россия	750280	504,5	877900	609,8
Япония	44876	36,1	63815	50,8

Исходя из этих данных, иногда делается вывод, что среднегодовой прирост уровня заключенных за указанный период в Японии был самым высоким и составил 3,5%, тогда как в Германии он составлял 2,5%; в России - 1,9% и в США - 3,0% <1>.

<1> См.: Князев В.В., Верещагин В.А., Жмыхов А.А. Указ. соч. С. 86.

Между тем в силу только что указанных причин оперировать термином "число заключенных" без дифференциации контингента тюремных учреждений той или иной страны неверно. Ибо такой подход, помимо всего прочего, не учитывает различную политику и, соответственно, практику применения арестов, продолжительность периода расследования и содержания под стражей в период следствия, которые по понятным причинам зависят еще и от динамики и структуры преступности, и от численности сотрудников правоохранительных органов, занятых расследованием, и от многих других факторов. Между тем масштабы применения ареста и содержания под стражей до осуждения, и масштабы использования наказания в виде лишения свободы в разных странах имеют весьма существенные различия, которые никак не могут быть отражены в мифической категории "число заключенных".

В названном исследовании не учтены отдельно, во-первых, лица, содержащиеся под стражей до вынесения приговора, - они, кстати, содержатся не в тюрьмах, как осужденные правонарушители (Prison), а в специальных учреждениях для арестованных и подследственных (Detention Houses); во-вторых, не учтено весьма значительное число лиц, осужденных с отсрочкой исполнения приговора. Отсюда и неточные показатели общего числа заключенных, и ошибочный расчет уровня заключенных на 100 тысяч населения, и, как следствие, ошибка в расчете среднегодовых изменений этого уровня. Между тем, по данным национальной статистики, реальная ситуация в последние 10 лет выглядит иначе.

Таблица N 20

Численность заключенных в Японии в 1996 - 2005 гг.

Годы	Среднесписочное число заключенных	Осужденные к лишению свободы
1996	48393	39521
1997	50091	40977
1998	51986	42611
1999	53947	44110
2000	58747	47683
2001	63415	51668
2002	67354	55132
2003	71889	59069
2004	75289	62641
2005	77932	65780

В конечном итоге проведенный анализ показывает, что, во-первых, прирост числа заключенных в расчете на 100 тысяч населения по сравнению с другими странами в Японии всегда был наименьшим; во-вторых, разрыв между ней и другими странами и по относительным, и по абсолютным показателям за последние 15 лет практически сохранился без изменений. Коэффициент заключенных (в расчете на 100 тыс. населения) в Японии по-прежнему в 2,5 раза ниже, чем в Германии, в 3 раза ниже, чем в Великобритании, в 13 - 14 раз ниже, чем в России и в США. Что же касается масштабов применения лишения свободы и, в частности, числа осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, то реальный разрыв между указанными странами и Японией является, как только что отмечалось, еще более значимым и указывает на весьма экономный подход в практике применения наказания в виде лишения свободы.

Отмеченная выше ситуация объективно связана с тенденцией к заметному росту общего числа зарегистрированных преступлений, но из приведенных данных никак не следует вывод об ужесточении карательной практики. Эти тенденции развиваются параллельно лишь в количественном плане. Что же касается качественных характеристик политики и практики применения наказания, то они по-прежнему отличаются, во-первых, стабильностью и, во-вторых, максимальной экономией наиболее острых мер принуждения. Причем реализуется такая политика не только в стадии применения наказания, а еще на самых первых этапах реагирования на совершенные преступления, иначе говоря, еще при выборе меры пресечения.

Понятно, что практика применения ареста в качестве меры пресечения - одна из форм и в то же время составных частей политики в деле обеспечения общественного порядка и безопасности в стране. При этом обоснованность и эффективность практики применения арестов можно определить, исследуя соотношение общего числа арестованных, общего числа всех осужденных и, наконец, числа осужденных к наказанию в виде лишения свободы.

Анализ такого рода взаимосвязей, помимо всего прочего, позволяет судить не только об эффективности деятельности полиции и практической целесообразности использования этой меры пресечения, но также о практичности политики судебных органов, которые в подавляющем большинстве случаев считают возможным ограничиться в отношении арестованных именно этой мерой пресечения, избирая затем в качестве наказания штрафы, либо - в случаях назначения наказания в виде лишения свободы - максимально широко применяя условное осуждение либо отсрочку исполнения приговора. Вот как выглядит указанное соотношение, например, в 2000 - 2002 годах.

Таблица N 21

Практика применения ареста и лишения свободы в Японии в 2000 - 2002 гг.

Годы	Общее число арестованных	Общее число осужденных	Осужденные к лишению свободы
2000	1160000	986914	76071
2001	1388000	967138	78575
2002	1433000	924374	83711

Как видно, на фоне отмеченного выше роста преступности и параллельного роста арестов общее число всех осужденных последовательно снижается, а масштабы применения наказания в виде лишения свободы растут.

Указанные тенденции, в свою очередь, отражают, во-первых, рост удельного веса наиболее опасных преступлений, а во-вторых, стабильность реализации принципа индивидуализации наказания в судебной практике Японии и ее адекватность характеру определенных неблагоприятных изменений в динамике и структуре преступности. Что же касается практики применения арестов, то она фактически охватывает 60% всех выявленных лиц, виновных или подозреваемых в совершении преступлений. При этом общий рост преступности в стране в силу указанных причин определяет и рост числа арестованных. Сказанное подтверждают и данные о динамике арестов за достаточно длительный период.

Таблица N 22

Численность арестованных в 1980 - 2004 гг. (в тыс.)

Годы	Общее число арестованных	Без учета автотранспортных преступлений
1980	870	392

1990	900	293
2000	1160	310
2001	1388	542
2002	1433	593
2004	1532	668

Другое дело, что уровень арестов за такие наиболее распространенные преступления, как кражи и преступления на автотранспорте, в Японии все же значительно ниже, чем в других индустриально развитых странах <1>. В самом деле, в последние 15 лет практически две трети от общего числа зарегистрированных преступлений составляют, как уже отмечалось, кражи (65,2%). Между тем уровень арестов за эти преступления к 2003 году, например, в Японии составлял всего 15,7%, что почти в 1,5 раза меньше, чем в США и в 2 раза меньше, чем, скажем, в Германии <2>.

<1> См.: Ministry of Justice. Hanzai hakusho (White Paper on Crime) 2005. P. 197.

<2> См.: Ministry of Justice. Summary of White Paper on Crime 2003. P. 3.

Возвращаясь к анализу судебной практики по назначению наказаний, можно проследить, как складываются динамика и структура применяемых мер наказания, как именно они отражают концепцию уголовной политики, иными словами, как она преломляется в судебной практике. Возьмем, например, опубликованные данные за 1993 - 2004 годы. В 2005 году к лишению свободы, как уже отмечалось, было осуждено 76396 человек (в т.ч. 45854 - за преступления, предусмотренные УК Японии); в это число входят также 119 осужденных к пожизненному лишению свободы (из них 38 осуждены за убийства и 77 - за грабежи), а также 13 осужденных к смертной казни.

Таблица N 23

Практика применения наказания в 1993 - 2004 гг.

Годы	Всего осуждено	Лишение свободы	Пожизн. лишение свободы	Штраф
1993	1199554	5637	27	1143147
1994	1140353	58144	35	1082171
1995	1031716	59157	35	972519
1996	1073227	62219	34	1001071
1997	1099567	64207	32	1034589
1998	1076329	65926	45	1010331
1999	1090701	69680	48	1030969
2000	986914	76071	59	910778
2001	967138	78585	68	888480
2002	924374	83711	82	830578
2003	877070	88917	117	787289
2004	837528	90030	115	746567

Из анализа данных, приведенных в таблице, следует по крайней мере несколько выводов, имеющих прямое отношение к оценке принципиальных направлений уголовной политики Японии, ибо они самым непосредственным образом отражаются в судебной практике по применению наказаний.

Что касается наказания в виде лишения свободы, то доля осужденных к этой мере наказания (вместе с пожизненно осужденными, чья доля равна 0,07%) в общем числе всех осужденных в Японии к концу XX века составляла, как отмечалось, всего около 6,0%; к 2006 году этот показатель вырос до 8,5%. При этом рост приговоров к лишению свободы, во-первых, коррелирует с отмеченным выше ростом наиболее опасных преступлений; во-вторых, рост удельного веса лишения свободы и общего числа осужденных к этой мере наказания (особенно в последние несколько лет) проходит на фоне определенного снижения общего количества осужденных; в-третьих, масштабы применения наказания в виде лишения свободы в Японии значительно меньше, чем в странах Западной Европы, и не идут ни в какое сравнение с судебной практикой таких стран, как США и Россия, где эта мера наказания является самой распространенной.

Еще одним свидетельством более экономного и рационального расходования уголовной репрессии являются данные о назначенных осужденным сроках лишения свободы и масштабах

реального исполнения этой меры наказания в связи с традиционно широким применением отсрочки исполнения приговора. Причем и здесь налицо высокая стабильность, которая, как уже неоднократно отмечалось, характеризует всю правоприменительную практику в этой стране.

Так, в 1973 году, например, из общего числа всех осужденных к лишению свободы было приговорено 57643 человека, или лишь 12%. Из них на срок до 6 месяцев были приговорены 6,0%; свыше 6 месяцев до 1 года - 38%; свыше 1 года до 3 лет - 47% и лишь 9% (5203) осужденных были приговорены к наказаниям на срок свыше 3 лет. При этом 56% осужденных к лишению свободы была предоставлена отсрочка исполнения приговора <1>.

<1> См.: Пятый международный конгресс ООН по вопросам преступности и обращения с правонарушителями. Предупреждение преступности и контроль - проблемы последней четверти века (Материалы, подготовленные Японией). Пер. с англ. Торонто, 1976. С. 78.

Спустя 20 лет - в середине 90-х годов - из общего числа осужденных к лишению свободы более 50% были осуждены на срок менее 1 года, менее 4% - на срок более 3 лет, а на срок более 10 лет ежегодно осуждалось не более 100 виновных в совершении наиболее тяжких преступлений. В 1996 году средний срок лишения свободы составлял 1 год и 8 месяцев.

В 1998 году из 66290 осужденных 67% была предоставлена отсрочка исполнения приговора. Из общего числа всех осужденных к лишению свободы 48,4% было назначено наказание сроком от 1 до 2 лет; 21,7% - от 2 до 3 лет; 13,3% - от 6 месяцев до 1 года; 11,2% - менее 6 месяцев. И лишь в отношении 5,3% осужденных сроки лишения свободы превышали 3 года. Среди них только 163 (0,2%) было назначено наказание на срок более 10 лет, поскольку 113 были осуждены за убийство.

Указанная тенденция сохранилась и в последующие годы. Так, в 2001 году из общего числа осужденных к лишению свободы 12,5% было назначено наказание на срок от до 1 года; 42,8% - от 1 до 2 лет; 26,3% - на срок от 2 до 3 лет. И лишь 0,5% осужденных (половина из них осуждена за убийства) было назначено наказание на срок выше 10 лет. Иначе говоря, применительно к 81,6% осужденных к лишению свободы сроки наказания не превышали 3-х лет, из них 55,3% - до двух лет.

Наконец, в 2005 году к лишению свободы было осуждено 76396 человек. Из них: 5067 осужденным было назначено наказание на срок до 1 года и 9638 - на срок до двух лет (вместе они составили почти 20%). Кроме того, 44935 осужденным (60,0%) было назначено условное наказание от 1 до 3 лет (почти половине из них - от 1 до 2-х лет). Оставшаяся часть осужденных к реальному отбыванию лишения свободы по срокам наказания распределяется следующим образом: до 5 лет - 4027 осужденных; до 7 лет - 1098; до 10 лет - 666 осужденных; до 15 лет - 392 и лишь 139 человек были осуждены на сроки свыше 15 лет.

Таким образом, и в новом столетии средний срок наказания в виде лишения свободы в практике японских судов, как и прежде, составляет не более 20 месяцев. Для сравнения отметим, что в США, например, средний срок такого наказания в 1990 году составлял 66,4 месяца, а в начале 2000-х годов - 55,6 месяца (т.е. в 3 раза больше, чем в Японии) <1>.

<1> См.: Sourcebook of Criminal Justice Statistics 2001. P. 420.

Не менее содержательной является информация о сроках лишения свободы, назначенных за убийство и грабеж. В 2005 году, например, из 815 осужденных за убийство 38 были осуждены к пожизненному заключению и 11 - к смертной казни; лишь одному осужденному было назначено наказание на срок свыше 20 лет; 59 - от 15 до 20 лет; 158 - от 10 до 15 лет (20%); 130 - до 10 лет (18%); 109 - до 7 лет; 131 - до 5 лет (18%); 38 - до 3 лет; еще 136 человек (18%) были осуждены на срок от двух до трех лет условно (!). Итак, лишь 25% осужденных за убийство было назначено наказание на срок свыше 10 лет, а 37% - менее 5 лет, причем половина из них получили условные наказания.

В том же 2005 году 1013 человек были осуждены за грабежи, повлекшие гибель потерпевших. Из них 2 были осуждены к смертной казни и 77 - к пожизненному заключению. Из остальных 934 осужденных 49 было назначено наказание на срок от 15 до 20 лет; 112 - от 10 до 15 лет; 205 - от 7 до 10 лет; 246 - от 5 до 7 лет; 322 - на срок менее 5 лет. Как видно, за грабеж, наказуемый смертной казнью, почти половине осужденных были назначены наказания на срок до 10 лет и 30% - на срок менее 5 лет.

Законодательство Японии предусматривает, далее, различные основания и виды досрочного освобождения из мест лишения свободы, которое применяется в весьма значительных масштабах. Для условного освобождения, например, необходимо отбытие не менее одной трети назначенного срока наказания. В 2002 и 2005 гг. из мест лишения свободы досрочно было освобождено соответственно 15318 и 16420 осужденных. Интересно при этом соотношение поданных осужденными ходатайств о досрочном освобождении и результатов их рассмотрения. В

2000 году из 14625 таких ходатайств было удовлетворено 13399; в 2005 году из 17916 - 16602. И это соотношение стабильно на протяжении многих лет.

Что же касается осужденных к пожизненному лишению свободы, то минимальный срок отбытия наказания, в соответствии с действующим законодательством, составляет десять лет, хотя в практике исполнения этой меры наказания в последние 10 - 15 лет такие случаи применения досрочного освобождения крайне редки.

Одним из наиболее часто употребляемых здесь характеристик правоприменительной деятельности, вероятно, является "стабильность". Однако это объективная реальность, причем она постоянно проявляется независимо от того, в какой мере эта стабильность соответствует состоянию, характеру и динамике преступности в Японии. Сказанное в полной мере относится и ко всем аспектам рассматриваемой здесь судебной практики, в том числе к оценке масштабов использования наказания в виде лишения свободы. Удивляет лишь продолжительность, в течение которой проявляется эта стабильность. В самом деле, с 1956 по 1996 г. - 40 лет из года в год - в общем числе назначенных судами мер наказания доля лишения свободы неизменно составляла менее 6%, тогда как наказания в виде штрафа - более 93%. И лишь к 2000 году масштабы применения лишения свободы, как отмечалось, стали постепенно расти, хотя они, конечно, никак не изменили сути тенденции.

Время покажет, в какой мере такое изменение имеет перспективу. В национальном докладе Японии VIII Конгрессу ООН (Гавана, 1990 год) отмечалось: "В то время как во многих странах мира на тюремное заключение смотрят как на неизбежное зло, связанное с необходимостью изоляции преступников от общества, а не с их перевоспитанием, в Японии оно признано полезной мерой, способствующей реабилитации правонарушителей и их возвращению в общество" <1>.

<1> Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовной юстиции на пороге XXI века. Национальный доклад Японии VIII Конгрессу ООН по предупреждению преступности, обращению с правонарушителями. Гавана, 1990. С. 25.

В результате тщательной "фильтрации", осуществляемой на всех этапах отправления правосудия, к лишению свободы приговаривается весьма ограниченное число преступников, проблема перенаселенности тюрем отсутствует и, следовательно, пенитенциарные учреждения могут обеспечить заключенным адекватное и эффективное обращение.

Другое дело, что указанные подходы в уголовной политике Японии вовсе не снижают актуальности проблемы рецидивной преступности, но здесь, как известно, не менее важная роль принадлежит мерам социальным, в том числе, конечно, и усилиям по профилактике преступности. Особое внимание здесь привлекает не столько уровень рецидивной преступности - к 2006 году он составляет около 18%, - сколько высокая интенсивность рецидива. По данным национальной статистики, в 2005 году, например, из 16 тысяч рецидивистов 40% совершили повторное преступление в первый же год после освобождения из мест лишения свободы, а две трети - в течение двух лет. Характерно при этом, что столь высокая интенсивность рецидива имела место не только среди осужденных за преступления, предусмотренные УК, но и среди осужденных по так называемым "специальным" законам.

Возвращаясь к структуре применяемых судами мер наказания, нельзя, далее, не отметить, что среди них более 90% составляет наказание в виде штрафа, причем удельный вес этой меры в общей структуре назначенных наказаний на протяжении последних 10 - 15 лет, как видно из приведенных выше данных, практически не меняется. Понятно, что такая ситуация в решающей мере обусловлена структурой преступности в стране, где доля наиболее опасных, в том числе насильственных преступлений не столь значительна, как в других странах, и где две трети всех осужденных составляют лица, виновные в совершении кражи.

Наконец, следует сказать о том, что наряду с применением предусмотренных законом мер наказания в Японии весьма широко применяются дополняющие или заменяющие их меры безопасности, основная цель которых состоит в специальном (частном) предупреждении - исправление виновных в совершении преступлений и предупреждение новых преступлений. Так, для условно осужденных и лиц, осужденных с отсрочкой исполнения наказания, действуют органы защитного надзора, контролирующие поведение этих лиц и оказывающие им содействие в трудоустройстве, решении жилищных и других бытовых проблем <1>.

<1> См.: Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1991. С. 246.

Правовой основой принятия и применения мер защитного надзора к таким лицам служат Закон о защитном надзоре за лицами, осужденными с отсрочкой исполнения наказания, и Закон о предупреждении преступности и реабилитации преступников. Что же касается лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, то в отношении их, в соответствии с Законом о срочной

реабилитационной защите, применяется традиционный институт пробации с той разницей, что именуется эта мера реабилитационной защитой и назначается на восьмимесячный срок - независимо от назначенного и отбытого срока наказания. Цель этих мер также состоит в предупреждении рецидива и оказании лицам, освобожденным из тюрем, необходимой помощи в адаптации к условиям жизни на свободе.

Объяснение бросающегося в глаза либерализма карательной практики связано, разумеется, не только с особенностями менталитета японцев, с постулатами конфуцианства и традиционным для общества в целом и, следовательно, и для японских судов снисхождением и великодушием к раскаявшимся преступникам. Роль традиций и обычаев здесь несомненна и ощутима даже в тех случаях, когда речь идет о весьма серьезных преступлениях. Это означает, что наряду со специфическими особенностями национального менталитета японцев и другими факторами субъективного плана сказываются и такие объективные факторы, как состояние и характер самой преступности, ее весьма специфические количественные и качественные характеристики, резко отличающиеся от современных тенденций развития преступности в других, наиболее развитых странах.

Заканчивая анализ правоприменительной практики японских судов, хотелось бы еще раз возразить О.Н. Ведерниковой, расценивающей эту практику как "чрезмерно либеральную". Такая оценка, во-первых, противоречит фактическому положению дел - относительно низкому уровню преступности, ее стабильности, структуре и т.д. Во-вторых, такая оценка противоречит и собственным выводам автора, справедливо отмечающей, что "либерализм карательной политики Японии имеет реальные фактические основания" <1>.

<1> Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право. 2002. N 10. С. 36.

В самом деле, уголовная политика и правоприменительная практика, как было показано выше, не оказывают сколь либо заметного негативного влияния на развитие криминальной ситуации в стране и потому упреки в излишнем либерализме японского правосудия трудно признать обоснованными. Более того, в японской системе воздействия на преступность, как уже отмечалось, удалось оптимально совместить относительную мягкость применяемых к правонарушителям мер воздействия с их достаточно высокой эффективностью.

Глава V. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

5.1. Особенности законодательства и основные тенденции в практике назначения смертной казни

Особенности института смертной казни и тенденции в практике его применения в Японии, как и в любой другой стране, неразрывно связаны не только с характером и спецификой их правового регулирования, но и с историей формирования и развития материального и процессуального права в целом, с местом и ролью названных отраслей права в процессе регулирования общественной жизни.

Уголовное право Японии представляет собой довольно редкий по сравнению с другими развитыми странами симбиоз систем континентального и Общего права. Так, Уголовный кодекс представляет собой модель романо-германской системы, а так называемые специальные уголовные законы главным образом отражают влияние англосаксонской системы права <1>.

<1> См.: Еремин В.Н. Характеристика источников уголовного права Японии - Уголовное право буржуазных стран. Общая часть. М., 1990. С. 273 - 293.

До середины 60-х годов XIX века основным источником права считались "Сто законов 1742 года", которые содержали нормы материального и процессуального права. Их составители руководствовались конфуцианским принципом "Народ не должен знать законов, а лишь подчиняться им" и концепциями древнекитайского права, согласно которым неизвестность грядущего наказания удерживает от совершения преступления сильнее, чем точное знание определенного наказания <1>. В более широком плане китайское право господствовало в японском законодательстве с середины VII века и до начала эпохи Мэйдзи (1868 - 1911 гг.).

<1> Пионтовский А.А. Уголовная политика Японии. М., 1936. С. 7.

В 1881 году были приняты составленные по французскому образцу Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс. Оба Кодекса были разработаны французским юристом

Буасонадом и вступили в силу с 1882 года. Благодаря этим первым Кодексам в Японии впервые вошли в обиход правовые понятия, сложившиеся и действующие в Европе. Особенность Уголовного кодекса, например, состояла в том, что в нем впервые был закреплён принцип "nulla poena sine lege" и, кроме того, он значительно гуманизировал всю систему наказаний.

В начале XX века усилившееся влияние немецкого права привело к реформированию уголовного законодательства, завершившемся принятием в 1907 году нового Уголовного кодекса, который с определенными изменениями и дополнениями действует и в настоящее время (в редакции Закона от 17 мая 1995 года N 91). Одна из основных особенностей этого УК состояла в расширении пределов свободного судебного усмотрения при определении вида меры наказания.

После второй мировой войны этот процесс получил новый импульс - к влиянию романской правовой системы добавилось, а затем стало все больше конкурировать с ней англо-американское влияние. Все более очевидная ориентация японского законодательства на западное право ставит вопрос о том, в какой мере и насколько глубоко Япония претерпела трансформацию и восприняла идеи права в том виде, в каком они известны на Западе. Для анализа уголовной политики и, в частности, для анализа практики применения наказания за наиболее опасные преступления этот вопрос приобретает особый интерес.

Французские ученые Р. Давид и К. Жоффре-Спинози отмечают, что скопированное по западному образцу японское право, в сущности, регулирует лишь незначительную часть общественной жизни. И хотя нравы японцев постепенно эволюционируют (особенно в крупных городах и в молодежной среде) и приближаются к моделям поведения в буржуазном обществе, состоящем из свободных индивидов, все же японское общество и по своим нравам, и по своей структуре еще далеко от общества европейского.

У большинства японцев до сих пор еще очень живучи прежние нравы и образ мышления. "Критический дух развился слабо, и конфуцианская идея иерархического порядка, базирующаяся на самой природе вещей, продолжает существовать. Индивидуализм никогда не имел в Японии крепких корней. Социальные структуры и либеральный дух, которые предполагаются кодексами европейского образца, лишь в незначительной степени существуют в японской действительности... Применение современного права наталкивается на мистический сентиментализм японцев, больше любящих поэзию, чем логику, и довольно равнодушных в силу самой их истории к идеям свободы и человеческого достоинства" <1>.

<1> Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. Пер. с франц. М., 2003. С. 373.

Поэтому копирование западного законодательства, вызванное потребностями развития экономических отношений, изначально не имело целью изменение образа жизни людей; наоборот, оно сосуществовало с желанием сохранить традиционные японские ценности и нравы. Более того, как бы не было "вестернизировано" японское право, его применение все равно будет ощущать на себе живучесть традиционных принципов.

Сказанное полностью подтверждается не только рассмотренными выше особенностями и тенденциями в судебной практике по применению различных видов наказания, но и спецификой правового регулирования применения и исполнения самой острой меры уголовного наказания, каковой является смертная казнь.

В ст. 31 Конституции Японии, принятой 3 ноября 1946 года, говорится, что "никто не может быть лишен жизни... иначе как в соответствии с процедурой, установленной законом" <1>. Влияние Основного закона США на подготовку и содержание японской Конституции известно и обусловлено сложившейся политической ситуацией после капитуляции Японии в 1945 году. Это, однако, не мешает политической и судебной элите страны иметь свое собственное понимание и интерпретацию смысла статьи 36 Конституции, согласно которой "абсолютно воспрещены применение должностными лицами пытки и жестокие наказания".

<1> Вместе с тем в ст. 13 Конституции, закрепляющей право на жизнь, говорится: "Все люди должны уважаться как личности. Их право на жизнь, свободу и стремление к счастью является предметом высшей заботы в области законодательства и другой государственной деятельности, поскольку это не нарушает общественного благосостояния". Своеобразие этой формулировки, возможно, связано с нюансами перевода с японского языка.

Суть такого своеобразного понимания ст. 36 Конституции судебными органами сводится к тому, что лишение жизни преступника предусмотрено ст. 31 Конституции и, следовательно, если все установленные законом процедуры соблюдены, то противоречия Конституции нет. Во всяком случае в практике Верховного суда Японии (в отличие, например, от известных решений Верховного суда США по целому ряду уголовных дел) не было ни одного решения, в котором бы смертная казнь рассматривалась как наказание, противоречащее Конституции.

Уголовный кодекс Японии предусматривает возможность назначения смертной казни - "сикей" - за совершение 12 преступлений. К их числу относятся: организация вооруженного мятежа (ст. 77 УК); сговор с иностранным государством с целью побудить его к военной агрессии против Японии (ст. 81); пособничество внешнему нападению (ст. 82); умышленный поджог, а также разрушение взрывом или затопление жилого помещения (ст. ст. 108, 117, 119 УК); действия, вызвавшие железнодорожную катастрофу или потопление судна, разрушение или повреждение транспортных средств и путей сообщений, повлекшие гибель людей (ст. ст. 126, 127); отравление водопровода (ст. 146); убийство (ст. 199); ограбление, повлекшее гибель потерпевшего или сопряженное с изнасилованием (ст. ст. 240, 241). При этом лишь в одной статье - ст. 81 УК Японии (сговор с иностранным государством...) - смертная казнь упоминается как безальтернативная мера наказания; во всех остальных случаях речь идет о смертной казни как мере альтернативной - наряду со срочным или бессрочным (пожизненным) лишением свободы.

Наряду с УК в систему японского уголовного законодательства входят, как уже отмечалось, и так называемые "специальные" законы, развитие которых идет более динамично (ныне их более 30). Смертная казнь в этих законах предусмотрена за 5 составов преступлений (нарушение правил контроля за взрывчатыми веществами; за насильственный захват воздушного судна; за действия, создающие опасность для воздушного транспорта; за убийство на дуэли; за убийство заложника) <1>. В практическом плане можно говорить, однако, о возможности применения смертной казни за 14 преступлений, к числу которых более поздние законодательные акты отнесли, например, террористическую деятельность, повлекшую гибель людей.

<1> См.: Белявская О.А. Уголовная политика в Японии. М., 1992. С. 18; Койдзуми Е. Система и виды наказания по уголовному праву Японии. Смертная казнь в Японии // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Ч. 1. Владивосток, 1998. С. 280.

В соответствии с Законом 1948 года об ответственности несовершеннолетних, смертная казнь не может быть назначена лицам, совершившим преступления до достижения 18 лет (ст. 51). Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает отсрочку исполнения смертного приговора в отношении беременных женщин, а также душевнобольных лиц (ст. ст. 476, 479 УПК).

Согласно ст. 11 Уголовного кодекса Японии, смертная казнь (shikei) приводится в исполнение через повешение. В этой же статье говорится о том, что до исполнения приговора осужденный содержится в тюрьме.

Если же говорить о процессуальной стороне проблемы, о порядке рассмотрения уголовных дел о преступлениях, наказуемых смертной казнью, то надо особо подчеркнуть, что в этом отношении процесс вестернизации обошел японское правосудие стороной. Отсюда и ряд особенностей рассмотрения такого рода уголовных дел.

Во-первых, и это принципиально важно, такого рода дела, как уже отмечалось, не рассматриваются судами присяжных, которые были упразднены еще 60 лет назад. По мнению японской аболиционистской организации "Форум 90", представившей доклад о положении дел в этой сфере Первому международному конгрессу против смертной казни в 2001 году, отсутствие суда присяжных делает систему правосудия слишком жесткой и закрытой, и потому необходимо эту систему сделать открытой для общества.

Во-вторых, в Японии нет процедуры автоматической проверки обоснованности смертного приговора, которая действует, например, в законодательстве абсолютного большинства штатов США, где применяется эта мера наказания.

В-третьих, процессуальные права обвиняемого в ходе рассмотрения такого рода уголовных дел крайне ограничены - он не имеет права выбора адвоката и не имеет права отказаться от адвоката, которого назначило обвинение; на стадии апелляции права осужденного ограничиваются еще в большей мере. Осужденный, в отношении которого апелляционная инстанция оставила приговор в силе, уже не имеет права ходатайствовать о пересмотре дела (власти рассматривают такое ходатайство как способ уклониться от исполнения приговора).

В то же время права обвинения, наоборот, безграничны. Даже если апелляционный суд постановил, что осужденному вместо смертной казни следует назначить, например, пожизненное лишение свободы, прокурор имеет преимущественные права для отмены такого решения. В 1998 году, например, прокуратура настояла на отмене таких решений апелляционного суда по пяти уголовным делам <1>.

<1> См.: The Hidden Death Penalty in Japan: The Legal Process and the Legal Challenge in Japan. Special Report // <http://www.ncadp.org/html/intlreport1.html>.

Длительный период проверки обоснованности смертных приговоров и соответственно многолетнего пребывания осужденных в "очереди смертников" вовсе не исключает возможности

необоснованного обвинения и судебной ошибки. При чрезвычайной закрытости информации, касающейся практики вынесения и исполнения смертных приговоров, достоверно известно лишь о пяти случаях, когда в 1983 - 1990 гг. власти освободили необоснованно осужденных, которые долгие годы содержались в "очереди смертников".

Что касается помилования осужденных к смертной казни, то порядок его применения не составляет каких-либо исключений и регламентируется общими для всех осужденных нормами Уголовно-процессуального кодекса, а также ведомственными инструкциями Министерства юстиции. Эта довольно сложная процедура отличается строгой централизацией и особым контролем со стороны Министерства юстиции. На первоначальном этапе обращения осужденных с просьбой о помиловании такие ходатайства рассматриваются тюремной администрацией, а затем на основании ее рекомендаций и ходатайства прокурора направляются в Центральный совет по помилованию; в случае одобрения этих материалов в совете, они направляются министру юстиции, а затем - на рассмотрение Кабинета министров. Окончательное решение о помиловании утверждается и объявляется от имени императора.

Хотя формально каждый осужденный к смертной казни имеет право на обращение с ходатайством о помиловании, однако фактически этот институт долгие годы "не работает". За последние 60 лет акты о помиловании таких осужденных издавались всего 3 раза, последний раз - 30 лет назад.

Законодательная регламентация института смертной казни в Японии указанными уголовно-правовыми и процессуальными нормами, собственно говоря, исчерпывается. Поэтому наибольший интерес представляет сама практика применения этой меры наказания, выработанные этой практикой правила и принципы и, наконец, сложившиеся на этой основе тенденции. Между тем проследить динамику формирования такого рода общих принципов, правил или типологических решений (в отличие, скажем, от широко комментируемой в правовой литературе практики применения смертной казни в США) ни по официальным документам Министерства юстиции или Верховного суда Японии, ни по публикациям японских или зарубежных исследователей практически нельзя.

Единственным и потому широко цитируемым источником является решение Верховного суда от 8 июля 1983 года по делу Нагаямы, в котором были впервые сформулированы подходы к назначению наказания в виде смертной казни: "Следует сказать, что при действующей системе законодательства, сохраняющей смертную казнь, допустим выбор и этой кары - когда сделан вывод о поистине тяжкой ответственности обвиняемого и о неизбежности крайней меры с точки зрения как равновесия между преступлением и наказанием, так и общей превенции, после совокупного анализа характера преступного акта, его мотивов и обстоятельств (особенно упорства и жестокости в способе убийства), тяжести итогов (особенно числа потерпевших в результате убийства), чувства ущерба у оставшихся родных, социального воздействия, возраста преступника, его криминальной биографии, обстановки после преступного акта и других элементов ситуации" <1>.

<1> Цит. по: Еремин В.Н. Уголовное право Японии // Уголовное право зарубежных государств. М., 2003. С. 493.

Назвать перечисленные здесь факторы критериями для принятия решения по такого рода делам, строго говоря, трудно, хотя приведенная формулировка дает определенное направление мысли.

Несмотря на широкое представительство смертной казни в санкциях Уголовного кодекса Японии, на практике она по сравнению с другими странами применялась весьма редко, а в последние 15 лет ее применение носит единичный и в основном символический характер. В абсолютном большинстве случаев такие приговоры выносились лишь за убийства с особой жестокостью или убийство нескольких лиц, а также за грабежи, связанные с изнасилованием и гибелью потерпевших.

По данным японского исследователя Кимико Оцука, с 1847 по 1991 г., т.е. за полтора века, к смертной казни были приговорены 872 осужденных, в том числе 235 - за убийства (27%) и 603 (69%) - за разбойные нападения и изнасилование. В довоенные годы ежегодное число смертных приговоров колебалось в пределах 12 - 16, в 1939 - 1942 гг., и до 30 - в 1943 - 1944 гг., но уже в первые годы после войны оно заметно возросло. В 1948 году таких приговоров было вынесено 116; в 1949 - 55; в 1950 - 62; в 1951 - 44. К середине 1960-х годов выносилось уже от 12 до 37, а с 1970-х - до 10 смертных приговоров в год <1>.

<1> См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Том II. ДВГУ. Владивосток, 1999. С. 459.

По данным судебной статистики, с 1946 по 1993 г. в Японии было вынесено 766 смертных приговоров <1>. По другим источникам, в качестве окончательной меры наказания смертная казнь

была назначена 341 осужденному (причем 135 из них эта мера была назначена только за первые пять лет - в 1957 - 1962 годах) <2>. Во второй половине 1980-х годов районные суды начали выносить все большее число смертных приговоров. Этот рост последовал после решения Высого суда Токио в марте 1987 года, повторно вынесшего смертный приговор Н. Ногояма. В решении по этому уголовному делу суд определил несколько критериев, важных для вынесения такого рода приговоров: смертная казнь применяется, если было убито более одного лица; если убийство было особенно жестоким и убийца не проявил раскаяния и не был прощен семьей потерпевшего.

<1> См.: Ministry of Justice. Hanzai hakusho (White Paper on Crime) 2005. P. 199.

<2> См.: Shikita M., Tsuchiya S. Crime and Criminal Policy in Japan from 1926 to 1988. Analysis and Evaluation of the Showa Era. Tokyo, 1992. P. 148 - 149.

К середине 1988 года ожидали исполнения смертных приговоров 85 осужденных, причем в отношении 35 из них Верховный суд отклонил все апелляции <1>. В последующие годы масштабы применения смертной казни стали все более заметно снижаться. В 1992 - 1996 гг. эта мера наказания, по данным судебной статистики, была применена к 25, а в 1997 - 2001 гг. к 16 осужденным. В 1997 году такие приговоры были вынесены 3 осужденным; в 1998 году - 7; в 1999 году - 5; в 2000 году в связи с отмечаемым по призыву ООН 50-летним юбилеем со дня принятия Декларации прав человека смертные приговоры в стране вообще не выносились, хотя моратория на их применение в Японии не объявлялось. В 2001 году - было вынесено 5 смертных приговоров; в 2002 - 3; в 2003 - 2; в 2004 - 14; в 2005 году - 11 (в том числе лишь 2 за убийство).

<1> См.: Когда убивает государство. М., 1989. С. 374.

Здесь следует отметить, что и у различных исследователей, и в официальных статистических материалах, публикуемых в разные годы, показатели вынесенных в Японии смертных приговоров имеют бросающиеся в глаза расхождения и потому не всегда сопоставимы. Так, по данным судебной статистики, в 1989 - 1996 гг., например, зафиксировано 32 смертных приговора; по данным австралийского исследователя Петры Шмидт - 45, а по данным японского ученого Коичи Хамаи, - 37. За 1992 - 1997 гг., по данным судебной статистики, было вынесено 28 смертных приговоров; по данным П. Шмидт - 33, а по данным К. Хамаи, который ссылается на статистический отчет прокуратуры, - 24 приговора <1>. Если же использовать данные национальных или международных правозащитных организаций, то получим несколько иные, но в любом случае более высокие показатели.

<1> См.: Schmidt P. Capital Punishment in Japan. 2002. P. 37 - 39; Hamai, Koichi. Prison Population in Japan. Paper presented at the 12th International Congress on Criminology. August 24 - 29. 1998. Seoul, Korea.

Дело в том, что ежегодно публикуемые статистические отчеты судебных органов, прокуратуры, а также суммарные отчеты Министерства юстиции не учитывают и в силу определенного временного лага не могут (поскольку речь идет о ретроспективе) учитывать фактического изменения того или иного числа приговоров в ходе продолжающихся апелляционных процедур, когда смертный приговор заменяется длительным или пожизненным лишением свободы. Между тем в публикуемых в последующем статистических обзорах воспроизводятся данные предшествующего года или даже нескольких лет, не учитывающие таких изменений. Причем зачастую механическое воспроизведение годовых данных сохраняется даже тогда, когда в статистических отчетах, например, прямо указано, что имеются в виду лишь смертные приговоры, вынесенные судами первой инстанции. Другими словами, такие приговоры попадают в статистику как "окончательные", хотя на самом деле мера наказания в последующем была изменена.

С другой стороны, некоторые расхождения в рассматриваемых данных связаны и с субъективным фактором, вытекающим из завесы секретности, традиционно окружающей практику применения смертной казни в Японии.

Так, в национальном отчете Министерства юстиции Японии за 2000 год, например, указано, что смертных приговоров не выносилось, а по данным "Международной амнистии", в начале года было вынесено 3 таких приговора, хотя "на самом деле, число казней может быть выше" <1>.

<1> AI Index:ASA 20/010/2002. 29 November. 2002. Cease All Executions.

Другое дело, что, поскольку речь идет о фактах, действительно единичных, отмеченные расхождения не меняют положения дел - в последние 10 лет тенденция к сокращению практики применения смертной казни в Японии становится все более очевидной.

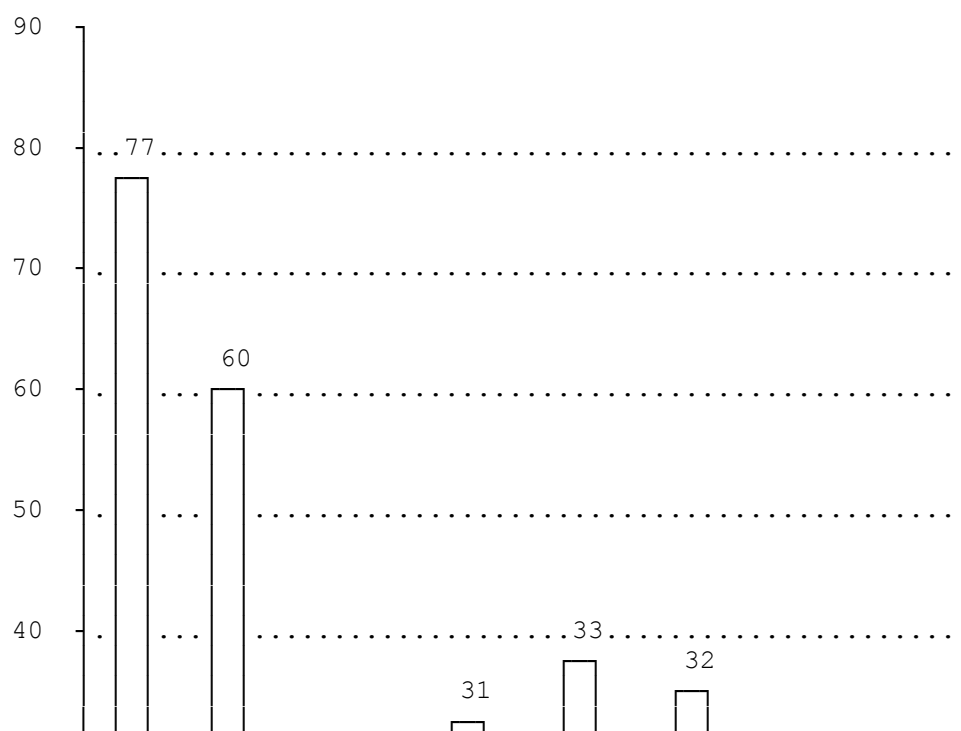
Динамика смертных приговоров в Японии в 1980 - 2000 гг.

Годы	Число убийств	Число смертных приговоров
1980	1684	9
1981	1754	2
1982	1764	11
1983	1745	5
1984	1726	6
1985	1780	9
1986	1676	5
1987	1584	6
1988	1441	10
1989	1308	2
1990	1238	2
1991	1215	3
1992	1227	1
1993	1233	4
1994	1279	8
1995	1281	11
1996	1218	1
1997	1282	3
1998	1388	7
1999	1265	5
2000	1289	0

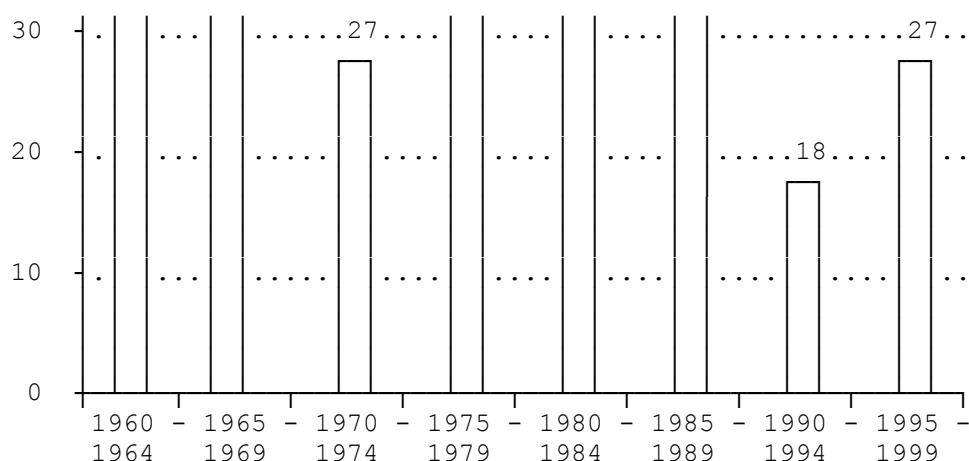
Если взять статистические данные о применении смертной казни в Японии за последние 40 лет XX века (1960 - 2000 гг.) и разбить их на временные интервалы, скажем, в пять лет, то получим такую картину.

Диаграмма N 11

Динамика смертных приговоров в 1960 - 2000 гг.

Сравнивая эти показатели, не трудно заметить, что практика вынесения таких приговоров, во-первых, издавна носит хотя и спорадический, но, так или иначе, единичный характер. В самом деле, в 1983 - 1995 гг., например, смертные приговоры были вынесены 0,5 - 0,7% всех осужденных за убийство и грабеж. Причем доля убийц здесь была в 3 раза меньше, и, следовательно, можно считать, что вероятность смертного приговора за убийство в эти годы не превышала 0,2%.

Во-вторых, очевидный разброс этих данных отражает не столько (во всяком случае, не только) общественно опасный характер совершенных деяний, сколько является результатом рассмотренной выше практики "судебного усмотрения". В любом случае, следует признать, что в целом такая практика в конечном счете направлена на максимальную дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания.

Этот вывод подтверждается и ретроспективным анализом статистики, относящейся к более раннему периоду применения рассматриваемой меры. Так, с 1947 по 1983 г. 95% всех смертных приговоров было вынесено только за совершение двух названных видов преступлений. При этом 69,2% смертных приговоров было вынесено виновным в совершении грабежей, повлекших тяжкие последствия, и лишь 25,8% - виновным в совершении убийств. Это, на первый взгляд, неожиданное соотношение в разные годы сохранялось и в судебной практике последующих лет, хотя пропорции менялись в зависимости от продолжительности периода наблюдений. В 1960 - 2000 гг., как видно из данных статистики, лишь 110 из 305 смертных приговоров, т.е. лишь 36%, было вынесено виновным в совершении убийства, а остальные - за грабеж, изнасилования и другие тяжкие преступления.

Отмеченная тенденция повторяется на разных временных отрезках. Взять, например, 10-летний период - с 1989 по 1998 г.

Таблица N 25

Практика вынесения смертных приговоров
за убийства и грабежи в 1989 - 1998 гг.

Годы	Всего осужденных	За убийство	За кражу
1989	2	2	-
1990	2	-	2
1991	3	1	2
1992	1	-	1
1993	4	2	2
1994	8	2	6
1995	11	-	1
1996	1	-	1
1997	3	1	2
1998	7	5	2

Как видно из приведенных данных, из 42 смертных приговоров в 14 случаях они были вынесены виновным в убийстве и в 28 случаях - за грабежи, повлекшие тяжкие последствия. Другими словами, практически всегда смертные приговоры виновным в совершении таких грабежей выносились в 2,5 - 3 раза чаще, чем виновным в совершении убийств. Можно предположить, что такого рода либерализм в отношении убийц связан со значительной долей

ситуативных проявлений, ибо известно, что роль ситуативных факторов в механизме таких преступлений достаточно велика. И, наоборот, грабежи наказывались, как правило, более сурово, поскольку, помимо гибели потерпевших, судьи учитывали, что движущей силой таких преступлений являлись заведомо низменные и наиболее порицаемые в обществе корыстные мотивы.

Дальнейший анализ позволяет рассчитать вероятность (риск) смертного приговора за совершение каждого из двух названных видов преступлений. Понятно, что в разные годы - в зависимости от числа осужденных за указанные преступления и числа вынесенных смертных приговоров - вероятность именно такого исхода судебного процесса имеет различную статистическую значимость. Кроме того, учитывая, что судебная статистика фиксирует лишь приговоры судов первой инстанции, а апелляционные процедуры по такого рода делам длятся в среднем не менее 6 - 8 лет, вполне допустима перспектива снижения риска смертного приговора в ходе его обжалования. И, наконец, следует учитывать, что в 90-х годах, например, в течение нескольких лет смертные приговоры за убийство вообще не выносились, а в самые последние годы большинство из них было вынесено лишь по делу печально знаменитой секты "Аум Синреке".

Взять, например, данные статистики за 1996 год, когда было осуждено 25453 преступника. Среди них осужденные за убийство составляли 588 (2,3%), причем ни одному из них смертного приговора не выносилось. Что же касается 38 осужденных за грабеж, повлекший гибель потерпевших (0,15%), то смертная казнь была назначена лишь одному из них <1>.

<1> См.: Summary of the White Paper on Crime 1996. P. 12.

За четыре года - с 1994 по 1997 г. - в Японии, по данным статистики, было совершено 3060 убийств и 153 грабежа, повлекших тяжкие последствия; за эти годы было вынесено 24 смертных приговора, причем лишь 4 - за убийства.

Если весь период наблюдений - с 1960 по 2000 г. - разбить на четыре равные части, то можно достаточно отчетливо представить и практику применения смертной казни в целом, и тенденции ее применения в отношении виновных в совершении убийств.

Таблица N 26

Практика вынесения смертных приговоров за убийство
в 1960 - 2005 гг.

Годы	Число убийств	Общее число смертных приговоров	Число смертных приговоров за убийство
1960 - 1970	25140	146	40
1971 - 1980	19600	58	28
1981 - 1990	16016	58	29
1991 - 2000	12600	43	13
2001 - 2005	6989	35	11

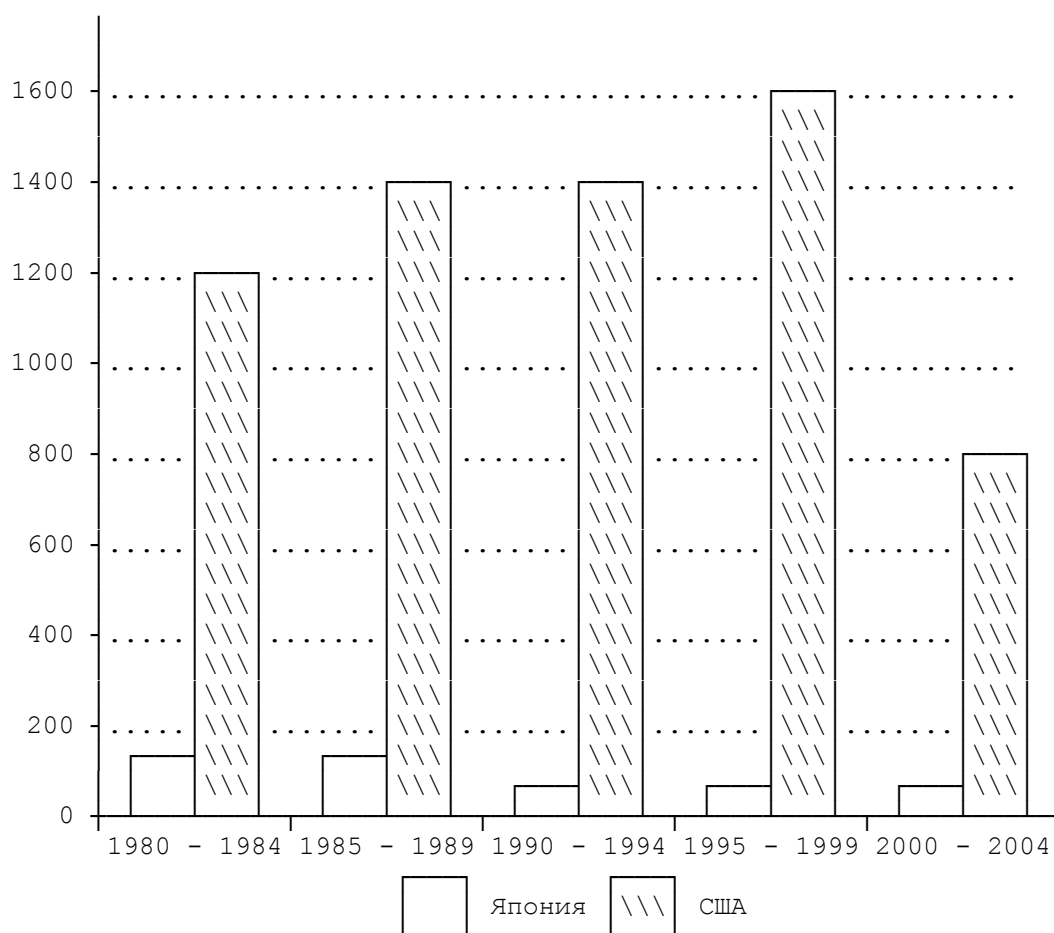
Продолжив наблюдение, отметим, что за последующие пять лет (2001 - 2005 гг.) было зафиксировано 6989 убийств и вынесено 35 смертных приговоров, в том числе 11 - за убийство (правда, здесь не учтены обжалованные и соответственно измененные смертные приговоры).

В любом случае, как видно из приведенных данных, последовательное снижение числа смертных приговоров шло на фоне все более очевидного сокращения числа убийств. Во-вторых, доля смертных приговоров за убийство в общем числе таких приговоров в разные периоды заметно менялась (в первые 10 лет она составляла 29%; в 1971 - 1980 гг. - 51%; в 1981 - 1990 гг. - 50%; в 1991 - 2000 гг. - 30%), что напрямую не отражало изменений ни в динамике убийств, ни в динамике грабежей, повлекших гибель потерпевших. В итоге можно сделать вывод, что, как и в практике США, какой-либо корреляции между динамикой убийств и вероятностью вынесения смертного приговора не существует.

Теперь сравним практику применения смертной казни в Японии с положением дел в США и в России.

Диаграмма N 12

Число смертных приговоров в Японии и США
в 1980 - 2004 гг.

Отметим, что в 2000 - 2004 гг. в США было вынесено 852 смертных приговора, а в Японии - 30. Как видно из приведенных выше данных судебной статистики обеих стран, в 1980 - 1990 гг. смертных приговоров в США было вынесено в 40 раз больше, чем в Японии. Если же суммировать данные двух последних десятилетий (1980 - 2000 гг.), то по числу осужденных, которым был вынесен смертный приговор, США превосходили Японию уже в 50 раз - (5623 осужденных соответственно против 110 осужденных).

Если продолжить сравнительный анализ практики вынесения смертных приговоров, то в США особое внимание привлекает период 1994 - 1999 гг., когда на фоне последовательного и притом весьма значительного снижения убийств (почти на 60%) число смертных приговоров не сокращалось - в среднем в США в этот период ежегодно выносилось 260 - 270 смертных приговоров <1>. В Японии же к этому времени число убийств по сравнению с 1980 - 1989 гг. сократилось на 21%, а число смертных приговоров за убийство снизилось более чем в два раза.

<1> См.: Квашис В.Е. Смертная казнь: глобальные тенденции и перспективы // Уголовное право. 2001. N 3.

Проведенные расчеты показывают, что в середине 1990-х годов, когда применение смертной казни в США возросло особенно резко, вероятность вынесения смертного приговора за убийство составляла 1,78%; в 2001 году, когда впервые за последние 10 лет число смертных приговоров снизилось до 163, риск смертного приговора в США снизился до 1,5%, что в 8 раз превышало риск смертного приговора за убийство в Японии. Сегодня эти различия практически сохранились, но, очевидно, что столь значительная разница в жесткости наказания никак не соответствовала отмеченным тенденциям в динамике этих преступлений в обеих странах.

Статистические различия по числу вынесенных смертных приговоров в указанный период значительно отличают ситуацию в Японии и от практики назначения этой меры наказания в России. Так, по данным Министерства юстиции РФ, в 1991 году в России было вынесено 147 смертных приговоров; в 1992 году - 159; в 1993 - 157; в 1994 - 160; в 1995 - 143; в 1996 - 153; в 1997 - 105; в 1998 - 116 смертных приговоров, а в среднем за этот период таких приговоров ежегодно выносилось в 8 - 10 раз больше, чем в Японии, хотя уровень убийств был в 18 - 20 раз выше <1>.

<1> См.: Преступность и правонарушения 1998: Статистический сборник. М., 1999. С. 163.

Начало XXI века ни в указанное соотношение, ни в практику вынесения смертных приговоров в Японии каких-либо ощутимых изменений не принесло. В 2001 году из 37418 осужденных за преступления, предусмотренные Уголовным кодексом, в Японии судами первой инстанции было вынесено 10 смертных приговоров, что составило 0,02% от всех назначенных мер наказания (позднее вышестоящими судами эта мера наказания в 4 случаях была заменена на длительные сроки лишения свободы). Причем впервые после 1993 года было вынесено одинаковое число смертных приговоров осужденным за убийство и за грабежи. Так, из 747 осужденных за убийство к смертной казни были приговорены 5 осужденных (0,6%); 5 смертных приговоров было вынесено и при рассмотрении 1480 уголовных дел в отношении виновных в совершении грабежей, повлекших тяжкие последствия (0,3%).

В правоприменительной практике последних 15 лет количество грабежей, наказуемых смертной казнью, ежегодно измеряется двузначными числами. Поэтому вероятность вынесения смертного приговора при совершении таких преступлений, по нашим расчетам, составляет не менее 10% - 15% и, следовательно, еще раз подтверждается вывод о том, что риск смертного приговора за совершение грабежей, повлекших гибель потерпевших, в Японии в несколько раз выше, чем при осуждении за убийство (0,6%).

Как видно, число смертных приговоров, выносимых в Японии, по сравнению с показателями США и России, ничтожно (хотя по численности населения Россия и Япония вполне сопоставимы). Несмотря на довольно широкое представительство смертной казни в уголовном законодательстве Японии, на практике эта мера наказания применяется крайне редко (лишь за убийство с особой жестокостью или убийство нескольких лиц, а также за грабеж, повлекший тяжкие последствия). А в последние 15 лет применение этой меры наказания вообще носит единичный, главным образом символический характер.

5.2. Особенности и тенденции в практике исполнения наказания в виде смертной казни

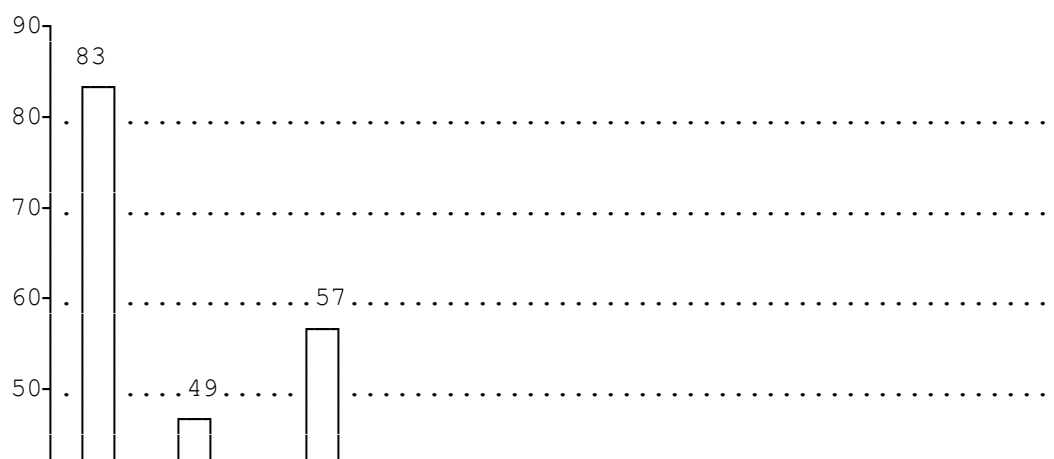
Сегодня это трудно представить, но еще в середине XIX века в Японии ежегодно казнили по 550 - 800 человек. По данным П. Шмидт, в 1868 - 1872 гг. было казнено 3975 осужденных; в 1873 - 1877 гг. - 2722. Резкое сокращение числа казней началось лишь с 1878 г., когда за пять лет в стране казнили 601 осужденного (в среднем по 120 осужденных в год). Спустя еще 20 лет, т.е. к началу XX века, число казней в стране сократилось в три раза и составляло в среднем 58 казней за год <1>. К началу 1960-х годов этот показатель снизился еще в три раза, а с начала 70-х годов в Японии ежегодно казнили уже лишь по несколько человек.

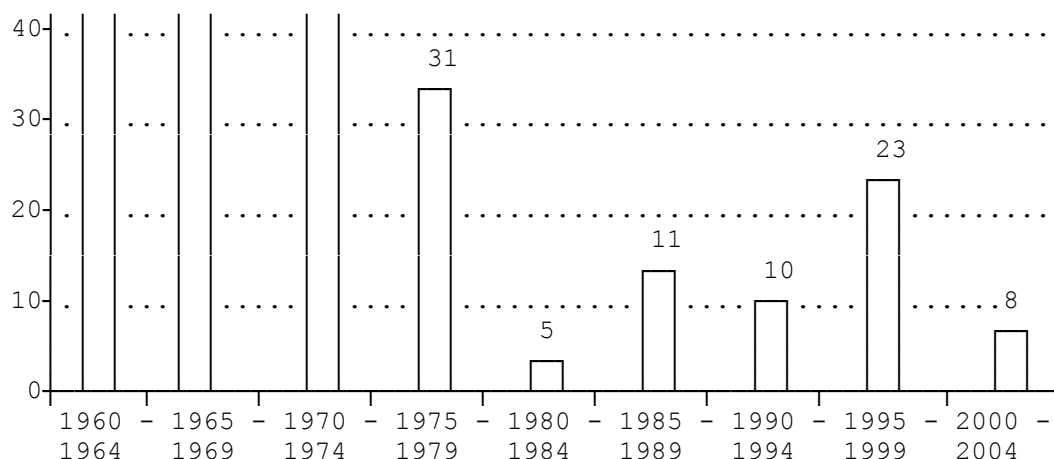
<1> См.: Schmidt P. Capital Punishment in Japan. London, 2002. P. 37.

Если с 1960 по 1974 г. в стране казнили 189 осужденных (в среднем по 12 человек), то с 1975 по 1990 г. - 47 осужденных. С 1990 по 1992 г. в стране фактически действовал мораторий на казни, а с 1993 года казни возобновились, хотя с 1993 по 2000 г. в Японии казнили в общей сложности 13 осужденных. Вот как складывалась динамика казней в этот период, если его разбить на отрезки в пять лет.

Диаграмма N 13

Динамика казней в Японии в 1960 - 2004 гг.

Сравним теперь распространенность и динамику казней в Японии и США за последние 25 лет. Вот как практика исполнения смертных приговоров в этих странах выглядит графически.

График N 11

Число казней в Японии и США в 1980 - 2004 гг.

График не приводится.

Не трудно заметить что если в 1980 - 1989 гг. число казней в Японии было ниже, чем в США в 7 раз, то в последующие 10 лет этот разрыв резко возрос - по этому показателю США уже опережали Японию в 11,5 раза. Если же рассматривать эти показатели на более коротких интервалах, то разрыв будет куда более значительным. Этот разрыв, далее, возрастет еще больше, если сравнивать только число казненных за убийство, ибо в Японии, как было показано выше, число смертных приговоров убийцам в 2 - 3 раза меньше, чем осужденным за грабежи, повлекшие тяжкие последствия, тогда как в США эта мера наказания в абсолютном большинстве уголовных дел применяется лишь к виновным в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах.

Наконец, приведем данные о числе казней в этих странах за первые пять лет XXI века. По данным статистики обеих стран, число казней в этот период в обеих странах составляло:

в США	в Японии
в 2000 году - 85	в 2000 году - 0
в 2001 году - 66	в 2001 году - 3
в 2002 году - 71	в 2002 году - 2
в 2003 году - 65	в 2003 году - 1
в 2004 году - 59	в 2004 году - 2
Итого: 346	Итого: 8

Отметим при этом, что речь идет именно о том периоде, когда аболиционистское движение во всем мире максимально активизировалось и добилось значительного продвижения вперед по пути моратория на казни и последовательного исключения этой меры наказания из арсенала уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Активизация террористической деятельности "Аум Сенрике", а затем и "газовая атака" в токийском метро никак не могли способствовать расширению подобных настроений в японском обществе. С другой стороны, эти события во многом упрочили позицию правительства, укрепили решимость властей сохранить применение смертной казни.

В 2005 году в Японии был приведен в исполнение лишь один смертный приговор. За время пребывания Сугиуры Сейкена на посту министра юстиции - с 16 сентября 2005 года по 25 декабря 2006 года - не приводился в исполнение ни один смертный приговор. Сменивший Сейкена новый министр Нагаса Дзинэн в первый же день отдал распоряжение об исполнении смертных приговоров в отношении четырех осужденных, которые были казнены в воскресную ночь 25 декабря (двоим из них, между прочим, было 75 и 77 лет) <1>. Заметим, кстати, что ст. 71 УПК Японии запрещает проведение казней в субботу и в воскресенье, в национальные праздники, а также 1 и 2 января.

<1> См.: AI Index: ASA 22/006/2006 "Will this day be my last?".

Число казней в той или иной стране в криминологической литературе иногда рассчитывается с учетом численности населения, что позволяет сравнивать относительную распространенность практики казней в разных странах. Возьмем, например, данные за 1996 - 2000 гг. по ряду соседних стран, большую часть которых составляют соседние страны Азии, что, очевидно, повышает сопоставимость положения дел с ситуацией в Японии.

Таблица N 27

Индексы применения смертной казни в Японии
и других странах Азии в 1996 - 2000 гг.

Страны	Численность населения	Число казней	Коэффициент в расчете на 1 млн. населения
Япония	126000000	24	0,04
Китай	1248100000	10275	1,65
Таиланд	61000000	23	0,08
Сингапур	3500000	112	6,40

Как видно из приведенных данных, распространенность казней в Японии, если судить по используемому здесь относительному показателю, значительно ниже, чем в любой другой стране, где в указанный период приводились в исполнение смертные приговоры <1>. Так, индекс казней в Японии (в расчете на 1 миллион населения) при практически равном числе казней все же в два раза ниже, чем, например, в Таиланде, и в 2 раза ниже, чем в Южной Корее. В то же время при колоссальном разрыве в числе казней, скажем, в Китае и в Сингапуре индекс казней в Сингапуре в 4 раза выше, а в сравнении с Японией, Таиландом и Южной Кореей это различие выглядит вообще астрономическим.

<1> См.: Hood R. The Death Penalty. A Worldwide Perspective. P. 92.

Отмеченные выше различия в практике вынесения смертных приговоров корреспондируют не только с числом казней, но и с числом осужденных, которые содержатся в тюрьмах в ожидании исполнения смертного приговора. К концу 90-х годов в США, например, было вынесено в 50 раз больше смертных приговоров, казнено в 11,5 раза больше осужденных, а "очередь смертников" (Death Row) была в 70 раз больше, чем в Японии.

С послевоенных лет число вынесенных в Японии смертных приговоров всегда значительно превышало число приговоров, приведенных в исполнение. В условиях любого цивилизованного общества (если отсутствует ситуация военного времени, тоталитарного режима, диктатуры военной хунты и т.п.) такое несоответствие вполне понятно и оправдано, ибо чем шире предусмотренные законом возможности апелляционных и надзорных процедур, тем больше должно быть гарантий вынесения обоснованного приговора. Это тем более важно для практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, наказуемых смертной казнью, поскольку речь идет о наказании, которое, помимо всего прочего, является необратимым.

Исходя из этого, уголовно-процессуальное законодательство большинства стран устанавливает особые процедуры, регламентирующие утверждение смертных приговоров и порядок приведения их в исполнение. Прохождение всех этих процедур требует значительного времени. Предполагается при этом, что наряду с максимальными возможностями проверки законности такого приговора у осужденного сохраняется надежда на его замену более мягким наказанием либо в высших судебных инстанциях, либо в порядке помилования, хотя в Японии оно, как уже отмечалось, долгие годы практически не применяется.

В отличие от США, в уголовно-процессуальном законодательстве Японии не предусмотрен, как уже отмечалось, автоматический порядок проверки обоснованности смертных приговоров. Тем не менее окончательное решение судебных органов об оставлении в силе смертного приговора еще не означает, что прямой путь на виселицу идет непосредственно из зала суда. Основанием для приведения такого приговора в исполнение является приказ министра юстиции, изданию которого предшествуют довольно длительные бюрократические процедуры.

Сначала министр юстиции направляет дело в Департамент уголовных дел, в ведении которого находятся вопросы исполнения наказаний (Keijikuoku), где изучаются материалы уголовного дела и проверяются все необходимые документы. Затем дело поступает в Секретариат министра юстиции, где изучается вопрос о возможности пересмотра дела, отсрочки исполнения приговора или применения помилования. Если оснований для таких решений не найдено,

готовится проект приказа об исполнении приговора, который визируется всеми департаментами министерства (kian-sho), а затем вновь поступает на рассмотрение в аппарат министра юстиции. В самый последний момент перед изданием приказа проверяется физическое и психическое состояние осужденного.

В соответствии с п. 2 ст. 475 УПК Японии, после того как подписан приказ, приговор должен быть приведен в исполнение в течение шести месяцев, но в реальной действительности ожидание казни растягивается на долгие годы. Именно временной разрыв между вынесением смертного приговора и приведением его в исполнение образует так называемую "очередь смертников", ожидающих казни. Понятно, что чем больше этот разрыв, тем больше "очередь смертников". В тюрьмах США, например, к 2000 году содержалось 3527 "смертников", а продолжительность их пребывания в ожидании казни составляла почти 12 лет <1>. К 2007 году этот срок в среднем составляет около 11 лет, а число "смертников" в итоге почти не изменилось (3440).

<1> См.: Capital Punishment 1999. Bureau of Justice Statistics Bulletin. December 2000. NCJ 184795. P. 8 - 9; Capital Punishment 2003. Bureau of Justice Statistics Bulletin. November 2004. NCJ 206627. P. 1.

В 1982 - 1989 гг. средний срок ожидания казни в Японии составлял 7 лет и 7 месяцев, но с 90-х годов этот период стал более длительным, и, как видно, в этом отношении в практике исполнения смертных приговоров в Японии и в США много общего.

До середины 70-х годов - в зависимости от числа вынесенных смертных приговоров и интенсивности приведения их в исполнение - в тюрьмах Японии в ожидании казни ежегодно содержалось 60 - 70 осужденных. Затем число таких осужденных стало заметно снижаться: 1975 году - 41; в 1980 - 26; в 1985 - 26; в 1990 - 46. С середины 90-х годов их ежегодное число хотя и возросло, но заметно стабилизировалось: в 1995 году - 54; в 1996 - 53; в 1997 - 52; в 1998 - 59; в 2000 году - 54; в 2001 году - 53. До 2005 года этот показатель по-прежнему оставался стабильным - в 2003 году - 57 и в 2004 - 59 осужденных, а с 2005 года число "смертников", ожидающих исполнения приговора возросло: в 2005 году - до 73, и в 2006 году - до 94 осужденных <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 22/006/2006 "Will this day be my last?".

Таковы официальные данные. Между тем, по данным "Международной Амнистии", в тюрьмах Японии в 2001 - 2002 гг. содержалось 110 - 118 таких осужденных; к началу 2003 года в ожидании казней в тюрьмах содержалось более ста осужденных, причем, 57 смертный приговор уже был окончательно утвержден и, следовательно, они могли быть казнены в любой момент <1>.

<1> См.: Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. P. 93; AI Index: POL 10/003/2003; AI Index: IOR 30/008/2003 Council of Europe: "Japan: Death Penalty: Putting an end to heinous practice".

Так или иначе, "очередь смертников" в Японии по-прежнему в 70 раз меньше, чем в США. Другое дело, продолжительность и условия, в которых содержатся осужденные в ожидании казни. В США, как только что отмечалось, к 2007 году этот период в среднем составлял около 11 лет. В Японии же сохранился особый, более длительный, а в психологическом отношении куда более тяжелый для осужденных порядок ожидания казни, который долгие годы служит предметом острой критики со стороны национальных и международных правозащитных организаций.

Выбор времени (даты) казни для того или иного осужденного и самого отбора осужденных, вообще говоря, акция абсолютно произвольная. Для самого осужденного - это дело случая, совпадения случайностей или, как заметил Джуди Вакабаячи, "вопрос судьбы или вообще вопрос удачи" <1>.

<1> См.: Wakabayashi J. The Death Penalty in Japan. Tokyo, 1994. P. 199.

К числу других, наиболее шокирующих аспектов, окружающих все, что связано с применением смертной казни в Японии, южнокорейский исследователь Баюнг Сан Чо, как, впрочем, и другие исследователи, относит полную секретность исполнения этой меры наказания, а также абсолютно произвольный характер выбора осужденного и времени для его казни. "Иначе чем еще объяснить выбор Министерством юстиции того или иного осужденного, подлежащего казни, притом что многие из них провели в ожидании казни от 20 до 30 лет" <1>.

<1> Byung-Sun Cho. The death penalty in South Korea and Japan: "Asian values" and the debate about capital punishment // Hodgkinson, Peter, Schabas, William A. Capital Punishment. Strategies for Abolition. Cambridge, 2004. P. 264.

Продолжительность ожидания казни в современной Японии варьируется в пределах от 6 до 30 лет. В сентябре 2003 года в тюремной больнице умер 86-летний осужденный Ш. Томияма, ожидавший казни 36 лет. По данным "Международной Амнистии", в 2003 году старейшему осужденному, содержащемуся в тюрьме в ожидании казни, было 81 год; другой осужденный 77-летнего возраста находится в тюрьме 41 год, из них 33 года он провел в ожидании казни; ныне, по данным правозащитных организаций, по крайней мере 12 осужденных содержатся в "очереди смертников" свыше 20 лет <1>.

<1> См.: International Herald Tribune. 4 May. 2001; AI Index: 22/09/93 "Japan: Resumption of Executions and Ill-Treatment of Prisoners on Death Row".

И национальные, и международные правозащитные организации давно подвергают резкой критике условия, в которых содержатся "смертники". Согласно ст. 9 Закона об исполнении наказания, на осужденных, которым вынесен смертный приговор, распространяется тот же порядок содержания в тюрьме, что и на всех остальных лиц, содержащихся в тюрьмах. Однако на практике этот порядок не действует, а действуют специальные ведомственные правила Министерства юстиции. До проведения казни такие лица содержатся в специальных тюрьмах с куда более суровыми условиями (Detention Centre), где доступа к ним не имеют не только адвокаты или члены семьи, но даже члены парламента.

В Японии существует семь такого рода специальных тюрем для "смертников"; они содержатся под круглосуточным наблюдением телевизионных камер в одиночных камерах, в течение многих лет не имея практически никакой связи ни с родственниками, ни с внешним миром. Им разрешено иметь при себе не более трех книг. Все это, учитывая длительные сроки ожидания казни, не может не влиять на психику таких осужденных.

О предстоящей казни осужденные узнают, как правило, за несколько часов, причем ни родственникам, ни адвокатам о дате и времени казни тюремная администрация никогда не сообщает. Родственники осужденного узнают о его казни только когда их приглашают, чтобы выдать тело казненного. Министерство юстиции объясняет такого рода практику тем, что юридически оно не обязано информировать родственников и адвокатов осужденного о дате казни, а фамилии казненных не называются и не публикуются якобы лишь из-за того, чтобы не компрометировать членов их семьи в глазах общественности <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 22/014/1998. Japan Complacent over Human Rights: "Government Must Implement Human Rights Committee Recommendations"; AI Index: ASA 22/013/98 Japan's Human Rights: "Record must be Challenged".

О дате и методе казни, как и об именах казненных, в Японии никогда официально не сообщается; в лучшем случае Министерство юстиции просто объявляет, что ранее вынесенный судом смертный приговор был приведен в исполнение. А в ответ на упреки в секретности информации о числе "смертников" и числе казней представители власти ссылаются на то, что Министерство юстиции ежегодно публикует статистические отчеты, в которых указывается число казненных за предшествующий период.

Как уже отмечалось, выбор момента казни для каждого осужденного - дело случая, ибо отбор таких лиц для казни чаще всего носит произвольный характер. Обычно казни совершаются рано утром в пятницу; это означает, что остальным гарантирована по крайней мере еще неделя жизни.

Сама процедура казни носит ритуальный характер. Осужденного под усиленной охраной приводят в специальное помещение, где находится буддистский алтарь, предлагают последнюю трапезу и дают некоторое время подготовиться к казни. Затем в надетом на голову капюшоне и связанными за спиной руками его подводят к люку виселицы <1>...

<1> См.: Kristoff M. Death Penalty Popular in Japan, but Rare Recently // The New York Times. May 29. 1995.

Смертные приговоры в Японии приводятся, как правило, в исполнение в период парламентских каникул, когда никто из официальных лиц уже не может вмешаться в финальные процедуры. Парламентарии - аболиционисты не могут обратиться с соответствующим запросом к министру юстиции, а адвокаты и родственники осужденного лишаются не только возможности последнего свидания, но и обращения с ходатайствами об отсрочке исполнения приговора или о помиловании. По мнению правозащитных организаций, власти выбирают такие моменты для казни, чтобы не только избежать дебатов в парламенте, но и минимизировать общественный резонанс <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 22/005/2001. 19 June 2001 "Japan: Executions - continuing the secret and cruel practice".

В заключение отметим, что, несмотря на чрезвычайно жесткий порядок исполнения рассматриваемого наказания, в современной Японии сложился весьма своеобразный подход к применению смертной казни: мораторий на приведение смертных приговоров в стране не действует, смертная казнь не отменена и угроза ее применения в принципе реально применима к потенциальным убийцам и грабителям, однако использование этой меры наказания в судебной практике настолько минимизировано, что она фактически не применяется. Иными словами, ее применение, как и ее значение, носит чисто символический характер. В то же время применение этой меры (даже в редчайших случаях) в такой высокоразвитой стране сопряжено с целым рядом бессмысленно жестоких факторов, к числу которых относятся весьма длительные сроки ожидания казни, произвольность выбора осужденного и времени казни, крайне жесткие, противоречащие элементарной гуманности и здравому смыслу условия содержания "смертников", а также плотная завеса секретности вокруг всего, что связано с исполнением смертного приговора. Все эти факторы представляются излишне ужесточающими и без того жесткую процедуру исполнения наказания в виде смертной казни.

Глава VI. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

1. Рассмотрим теперь практику применения альтернативной смертной казни меры наказания, которой является пожизненное лишение свободы. В последние 30 лет масштабы применения этой меры носят крайне ограниченный характер и эта тенденция, как и другие тенденции японской правоприменительной практики, на протяжении многих лет также отличается своей стабильностью.

В самом деле, за последние 10 - 15 лет доля осужденных к пожизненному лишению свободы в общем числе всех осужденных к различным мерам наказания в Японии ежегодно составляет 0,14%. С 2000 года число таких осужденных колеблется в пределах 52 - 55 человек <1>, что почти в 40 раз меньше, чем, например, в России и уж совсем несопоставимо с США, где доля указанной категории заключенных в общем числе лиц, отбывающих лишение свободы, составляет почти 9,0%, а в абсолютном выражении их число превышает 120 тысяч человек. При этом следует иметь в виду, что по численности населения США превосходят Японию лишь в 2 раза, а численность населения в России превышает население Японии всего на 16 млн. человек.

<1> См.: AI Index: ASA 22/003/2004. 14 June 2004 "Japan: Fear of imminent execution".

По уголовному законодательству Японии, пожизненное лишение свободы в качестве меры наказания может быть назначено, как уже отмечалось, практически за те же преступления, которые караются смертной казнью. Однако по крайней мере за последние 15 лет эта мера наказания как альтернативная смертной казни применяется только в отношении виновных в совершении убийств и грабежей, повлекших гибель потерпевших. При этом особый интерес представляет анализ судебной практики вынесения такого рода приговоров применительно к каждой из названных категорий преступлений. Обратимся сначала к опубликованным данным о положении дел к концу 1990-х годов.

Таблица N 28

Практика применения пожизненного лишения свободы
за убийства и грабежи в 1989 - 1998 гг.

Годы	Всего осуждено	За убийство	За грабеж
------	----------------	-------------	-----------

1989	46	8	38
1990	17	8	9
1991	32	13	19
1992	34	14	20
1993	27	9	18
1994	45	13	32
1995	37	8	29
1996	34	13	21
1997	33	15	28
1998	47	13	34

Как видно из приведенных данных, за 10 лет - с 1989 по 1998 г. - судами первой инстанции к пожизненному лишению свободы были приговорены 352 осужденных. Понятно, что этот показатель не может быть равен числу лиц, отбывавших в указанный период рассматриваемую меру наказания. В конечном счете это число может быть меньшим - в зависимости от решений кассационных инстанций, смягчивших такой приговор; с другой стороны, этот показатель может меняться (дополняться) и в зависимости от того, какому числу осужденных при пересмотре дела смертную казнь заменили альтернативной мерой наказания.

По тем же соображениям приводимые в отчетах Министерства юстиции ретроспективные данные о числе осужденных к пожизненному лишению свободы в последующие годы также меняются и потому по отдельным годам не совпадают. К тому же в опубликованных в разные годы данных, как правило, не указывается число лиц, осужденных к этой мере наказания на основании специальных законов, а лишь указывается число осужденных по соответствующим статьям УК.

Как видно из приведенных данных, из общего числа осужденных за эти 10 лет к пожизненному лишению свободы к 29,5% эта мера наказания была назначена за совершение убийства и 70,5% осужденных за грабежи, повлекшие гибель людей, а также за другие тяжкие преступления, предусмотренные УК Японии (доля последних не превышает 4,0%). Этот сам по себе весьма примечательный статистический факт указывает на то, что, как и смертная казнь, пожизненное лишение свободы за убийство применялось в 2,3 - 2,6 раза реже, чем за совершение грабежей и других тяжких преступлений.

Такой подход к практике назначения пожизненного лишения свободы, на первый взгляд, можно было бы объяснить тем, что при прочих равных условиях за совершение убийства наказание в виде смертной казни должно назначаться чаще, чем за совершение других тяжких преступлений. Однако, как было показано выше, статистика смертных приговоров опровергает это поверхностное объяснение. Ибо судебная практика, как уже отмечалось, складывается таким образом, что факт совершения убийства вовсе не влечет за собой автоматического применения наказания в виде смертной казни. Более того, за убийства эта мера наказания, как только что отмечалось, назначалась значительно реже, чем за совершение грабежей, повлекших тяжкие последствия.

И коль скоро пожизненное лишение свободы за убийство назначается в 2,5 раза реже, чем за совершение других тяжких преступлений, этот статистический факт говорит лишь о том, что в структуре назначенных за убийство мер наказания в значительно большей степени, чем за совершение других тяжких преступлений, преобладают наказания в виде различных сроков лишения свободы.

Исходя из этого, следует признать, что речь идет не только и не столько о либерализме судебной практики, сколько о реализации принципов индивидуализации наказания и дифференциации мер ответственности за совершенные преступления. Во всяком случае и статистика смертных приговоров, и статистика применения пожизненного лишения свободы в Японии подтверждают обоснованность такого вывода.

В самом деле, в середине и во второй половине 90-х годов среди всех осужденных в Японии за убийство наказание в виде пожизненного лишения свободы ежегодно назначалось лишь 2,2% осужденных. Так, в 1996 году, например, из 588 осужденных за убийство наказание в виде смертной казни не было назначено ни одному из них, а 13 были осуждены к пожизненному лишению свободы <1>. В то же время среди всех осужденных за совершение грабежей, повлекших гибель людей, и другие тяжкие преступления пожизненное лишение свободы ежегодно назначалось 4,5% осужденных или в два раза чаще, чем за убийство.

<1> См.: Summary of the White Paper on Crime 1998. P. 12.

В последующие пять лет судебная практика по применению рассматриваемой меры наказания оставалась приверженной тем же принципам индивидуализации наказания и экономии репрессии. Так, в 2001 году судами первой инстанции к пожизненному лишению свободы было осуждено 88 человек (в том числе 4 - за преступления, предусмотренные "специальными

законами"). Из 84 осужденных 20 были признаны виновными в убийстве; 62 - в грабежах, повлекших гибель потерпевших; 1 - осужден за изнасилование; 1 - за умышленный поджог <1>.

<1> См.: Summary of the White Paper on Crime 2002. P. 9 - 10.

К 2003 году среди всех 37,5 тысячи осужденных за преступления, предусмотренные УК Японии, доля осужденных к пожизненному лишению свободы составляла всего 0,22%.

О стабильности судебной практики говорит и тот факт, что отмеченное соотношение осужденных за различные преступления к пожизненному лишению свободы спустя шесть лет практически полностью повторилось. К 2002 году доля убийц, осужденных к пожизненному лишению свободы, среди всех осужденных за убийство (747) составила 2,75%. Что же касается осужденных за грабежи, повлекшие тяжкие последствия, то их доля среди всех осужденных за такие преступления (1480) составила 4,2%.

Однако на самом деле вероятность назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы виновным в совершении таких преступлений значительно выше, поскольку, как уже отмечалось, среди всех осужденных за грабежи они составляют часть весьма незначительную. По нашим расчетам, вероятность назначения такого приговора для виновных в грабежах, повлекших тяжкие последствия, находится в пределах 20% - 25% и, соответственно, не в два, а в несколько раз превышает риск такого же наказания за убийство.

В конечном счете, учитывая отмеченную стабильность судебной практики, можно сделать вывод, что, во-первых, вероятность осуждения к пожизненному лишению свободы за убийство (2,2% - 2,7%) в Японии в среднем в 11 - 12 раз выше вероятности вынесения смертного приговора и, во-вторых, вероятность такого приговора за убийство в несколько раз ниже, чем при совершении грабежей, повлекших тяжкие последствия.

Сравнивая масштабы применения пожизненного лишения свободы за убийство, следует отметить, эта мера наказания в Японии применялась и применяется во много раз реже, чем, например, в США или в России. Напомним, что доля таких осужденных среди всех осужденных в Японии за убийство всегда была в пределах 3,0%. В США в 1996 году, например, из 259 осужденных за убийство окружными судами пожизненное лишение свободы было назначено 6,5% осужденным <1>. А в дальнейшем этот показатель значительно возрос.

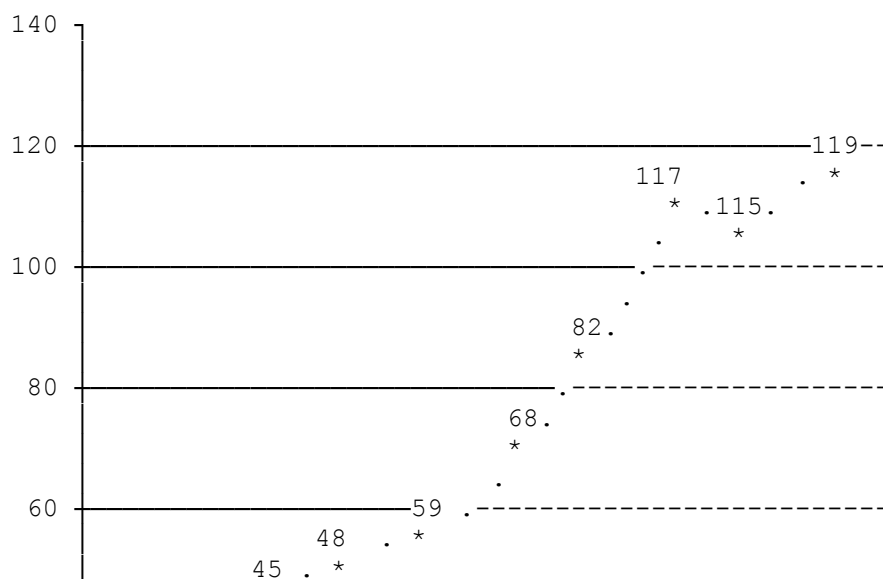
<1> См.: Sourcebook of Criminal Justice Statistics 1996. P. 452 - 454.

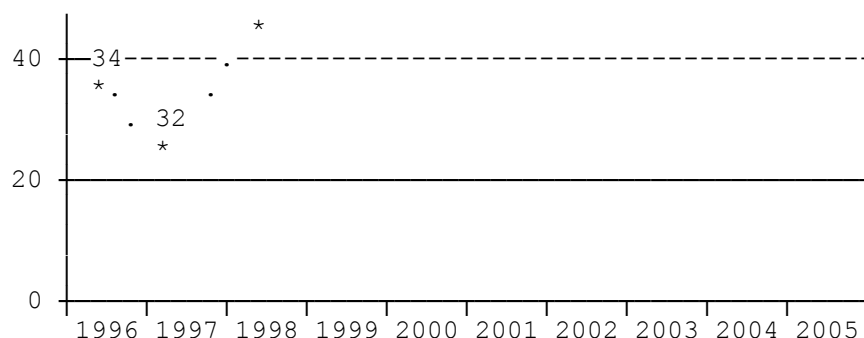
Если же говорить о доле осужденных к пожизненному лишению свободы среди всех осужденных к лишению свободы, а тем более об абсолютных показателях применения этой меры, то различия по тем и другим параметрам между Японией и США окажутся астрономическими.

В самом деле, возьмем, например, показатели применения этой меры наказания за 10-летний период - с 1993 по 2002 год.

График N 12

Динамика приговоров к пожизненному лишению свободы
в Японии за 1996 - 2005 гг.

Как видно, в указанные 10 лет - особенно с конца 90-х годов - число осужденных к пожизненному лишению свободы последовательно увеличивалось. Однако здесь важно иметь в виду, что, во-первых, параллельно росло число тяжких насильственных преступлений и, во-вторых, рост таких приговоров происходил на фоне отмеченного выше значительного снижения числа смертных приговоров.

Поскольку в целом криминальная ситуация в стране в эти годы не улучшалась, параллельно, как уже отмечалось, росло и общее число осужденных к лишению свободы (в 1993 г. - 56,3 тыс.; в 1996 г. - 62,2 тыс.; в 2002 г. - 83,7 тыс.). Но если доля осужденных к лишению свободы в общем числе всех осужденных в Японии (ко всем мерам наказания) составляла в 2000 - 2002 гг. около 9%, то доля осужденных к пожизненному заключению в общем числе осужденных к лишению свободы к 2003 году, например, составляла всего 0,08% - 0,09%. Для сравнения - в начале 90-х годов в разных штатах США этот показатель в среднем составлял 2%, а с 1995 года тенденция к резкому увеличению числа таких осужденных стала особенно ощутимой.

Уголовное законодательство Японии допускает возможность досрочного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы после отбытия не менее 10 лет. Однако на практике с середины 90-х годов продолжительность отбывания этого наказания заметно увеличилась. Если в начале 90-х годов, например, после отбывания 20 лет освобождались досрочно половина таких осужденных, то в 1998 - 2000 гг. около 90% таких осужденных к моменту освобождения из мест заключения отбыли уже более 20 лет, причем ни один из них не был помилован <1>. Другими словами, практика исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы в Японии к началу XXI века складывается таким образом, что фактический период отбывания этой меры наказания почти в 2,5 - 3 раза превышает установленный в уголовном законодательстве минимальный (обязательный к отбытию) срок для возможного досрочного освобождения.

<1> См.: Summary of the White Paper on Crime 1998. P. 12.

В итоге, несмотря на общую стабильность судебной практики, есть основания признать, что в последние годы в Японии складывается все более ощутимая тенденция к ужесточению пенитенциарной политики по отношению к лицам, совершившим тяжкие преступления.

Эта тенденция особенно заметна на фоне практики назначения и исполнения срочного лишения свободы, где, как уже отмечалось, преобладают сроки наказания, более близкие к нижним пределам санкций соответствующих статей УК, и, что не менее важно, в максимально широких объемах применяется отсрочка исполнения наказания к лицам, совершившим менее опасные преступления. Иначе говоря, при генеральном курсе на индивидуализацию наказания и экономии уголовной репрессии подход к оценке общественной опасности наиболее тяжких преступлений становится все более жестким, что находит свое отражение в росте назначаемых судами сроков лишения свободы, а также в ужесточении пенитенциарной практики, в первую очередь, в увеличении продолжительности реального отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Как долго будет сохраняться сложившаяся в последние годы тенденция, покажет время, а пока вернемся к названному положению уголовного законодательства Японии, закрепляющему возможность досрочного освобождения лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, после отбытия ими наказания не менее 10 лет. Помимо всего прочего, это положение представляет интерес еще и потому, что речь идет о самом коротком сроке обязательного отбывания пожизненного лишения свободы, о еще одном уникальном элементе либерализма уголовной политики, которого нет в уголовном законодательстве и пенитенциарной практике большинства стран, в том числе ни в одной развитой стране.

2. Исключение составляет лишь законодательство Китайской Народной Республики, где ст. 81 УК содержит точно такую же норму с тем же минимальным 10-летним сроком отбывания пожизненного лишения свободы <1>.

<1> См.: Ахметшин Н.Х., Ахметшин Р.Н. Новое уголовное законодательство КНР. Вопросы Общей части // Государство и право. 1999. N 9; Цзян Хуэйлинь. Основные черты Уголовного кодекса Китайской Народной Республики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 1999.

Если же взять, например, Великобританию, то минимальная продолжительность отбывания рассматриваемого наказания, которая, кстати говоря, не предусмотрена в законе, а в каждом конкретном случае определяется тюремной администрацией и Министерством внутренних дел, составляет в среднем более 15 лет; лишь после этого наступает возможность для первого слушания в суде дела о перспективе досрочного освобождения. На самом деле реальная продолжительность такого срока намного больше, а в отношении осужденных за совершение так называемых "чудовищных" преступлений (heinous crime) такая перспектива вообще исключена до конца их жизни.

В Канаде, где, как известно, действует та же, что и в Великобритании, система Общего права, подход не более гуманный, хотя и более дифференцированный. Пожизненное лишение свободы здесь в обязательном порядке назначается лишь за умышленное убийство. Если речь идет об убийстве первой степени, то возможность досрочного освобождения по системе "пэроул" наступает лишь после отбытия не менее 25 лет. Для осужденных за убийства второй степени этот обязательный срок не фиксирован и находится в пределах от 10 до 25 лет - в каждом случае его определяют подразделения национальной организации, решающей все вопросы досрочного освобождения осужденных; причем после отбытия 15 лет такие осужденные могут сами обращаться в указанные органы с ходатайством о досрочном освобождении.

В Мексике реальный период отбывания рассматриваемого вида наказания колеблется в пределах 20 - 40 лет.

В Австралии максимальная продолжительность определенного законом обязательного отбывания пожизненного лишения свободы составляет 40 лет, а возможность досрочного освобождения по системе "пэроул" наступает после отбытия не менее 20 лет.

В Новой Зеландии, в соответствии со ст. ст. 13 - 1105 Свода законов, пожизненное лишение свободы может быть назначено только за убийство первой степени, причем, как и в некоторых других странах, закон устанавливает обе формы такой меры наказания - с правом и без права на досрочное освобождение. Во втором случае - ст. ст. 13 - 703.11 - закрепляет своеобразный порядок досрочного освобождения от отбывания этой меры наказания. Так, если осужденный совершил убийство лица, которому уже исполнилось 15 лет, то возможность досрочного освобождения наступает после отбытия не менее 25 лет; если же убийство было совершено в отношении лица, не достигшего 15-летнего возраста, то минимальный срок обязательного отбывания пожизненного заключения составляет 35 лет.

В Германии минимальный срок обязательного отбывания пожизненного лишения свободы хотя и составляет 15 лет, но на практике он намного более продолжителен (в среднем не менее 20 лет), причем для рассмотрения дела о досрочном освобождении помимо рекомендации тюремной администрации в обязательном порядке необходимо заключение экспертной комиссии из психологов и психиатров о позитивном социальном прогнозе поведения осужденного; во всяком случае статистика показывает, что не менее 20% осужденных заканчивают свою жизнь в тюрьме.

В Казахстане, согласно ч. 5 ст. 70 УК РК, для досрочного освобождения требовалось отбытие не менее 20 лет лишения свободы. В 2005 году по предложению Генеральной прокуратуры этот срок снижен до 15 лет <1>.

<1> См.: Борчашвили И.Ш. Резерв для совершенствования УК Республики Казахстан // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права в свете Концепции правовой политики Республики Казахстан. Караганда, 2005. С. 12.

В Греции пожизненное лишение свободы на практике означает отбывание наказания в тюрьме сроком на 25 лет, а возможность ходатайствовать о досрочном освобождении наступает лишь после отбытия не менее 16 лет. Для сравнения: если осужденному назначено наказание в виде лишения свободы на срок 25 лет, то возможность досрочного освобождения наступает после отбытия 3/5 этого срока, т.е. после 15 лет.

По законодательству Италии, возможность досрочного освобождения таких осужденных наступает после отбытия 26 лет, а в Польше, где пожизненное лишение свободы было введено в действие в 1997 году, - после 25 лет, причем закон предусматривает, что в процессе отбывания наказания суд вправе увеличить этот срок (судебной практике известны несколько случаев, когда этот обязательный для отбывания срок наказания был продлен до 40 лет).

В Таиланде, в соответствии со ст. 53 УК, при смягчении наказания в виде пожизненного лишения свободы оно может быть заменено тюремным заключением на срок до 50 (!) лет.

Как видно, законодательство большинства названных стран устанавливает куда более жесткие, чем в Японии, порядок и сроки обязательного отбывания наказания для осужденных к пожизненному лишению свободы.

3. В тюрьмах Соединенных Штатов Америки в силу ряда причин - особенностей криминальной ситуации, особенностей правового регулирования и практики назначения и исполнения пожизненного лишения свободы в том или ином штате и т.д. - содержится самое большое по сравнению с другими странами число таких осужденных.

Свою специфику в этой сфере имеет и федеральное законодательство. Согласно федеральному законодательству (параграф 3559 Свода законов США), в зависимости от характера совершенного преступления пожизненное лишение свободы может назначаться либо как самостоятельная мера наказания или как альтернатива срочному лишению свободы, либо как мера наказания, альтернативная смертной казни.

В первом случае федеральное законодательство США и законы большинства штатов страны в соответствии с установленной классификацией наказаний предусматривают: пожизненное тюремное заключение или заключение на срок не менее 20 лет; пожизненное тюремное заключение или заключение на срок не менее 30 лет; пожизненное тюремное заключение с неопределенными сроками; пожизненное тюремное заключение без права на освобождение.

Во втором случае - когда речь идет о наказании альтернативном смертной казни, - круг преступлений, за совершение которых может быть назначено пожизненное заключение, значительно уже. Чаще всего такая мера наказания назначается за преступления, повлекшие гибель потерпевшего. Кроме того, федеральное законодательство еще называет такие преступления, как убийство члена Конгресса; убийство в период отбывания пожизненного заключения или при побеге; убийство сотрудника правоохранительных органов; похищение людей или захват заложника, повлекшие смерть потерпевших, а также ограбление банка, повлекшее гибель людей.

По законодательству большинства штатов это наказание может назначаться как на определенный, так и на неопределенный приговором суда сроки. В последнем случае назначенный срок наказания может превышать физическую продолжительность человеческой жизни (суд может определить наказание на срок 200 лет или приговорить к трем пожизненным заключениям) <1>. С другой стороны, чаще всего суды, назначая пожизненное заключение, указывают прямо в приговоре, что право на ходатайство о досрочном освобождении под надзор у осужденного наступит после отбытия 20, 25 или 50 лет.

<1> См.: Андреева В.Н., Дементьев С.И., Трахов А.И., Самвелян К.Р. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы. Краснодар, 2001. С. 145 - 146.

При неопределенных сроках пожизненного лишения свободы службам пробации дается возможность решать вопрос о досрочном освобождении того или иного осужденного в зависимости от эффективности воздействия реабилитационных программ (лечение от наркомании, участие в работе самостоятельных организаций осужденных, учеба в колледже и т.п.) <1>.

<1> См.: Шупилов В.П. Система исполнения наказания США. М., 1977. С. 63 - 76.

В последние 10 лет, особенно после принятия Федерального закона 1994 года об усилении мер борьбы с преступностью, в США отмечается все более острая тенденция к росту сроков, после которых наступает возможность обращения с ходатайством о досрочном освобождении и, соответственно, тенденция к росту продолжительности фактического отбывания этой меры наказания.

По данным Бюро уголовной статистики США, средние сроки реального отбывания этого наказания выросли с 21,2 лет в 1991 году до 29 лет - в 1997 году, а к 2007 году - до 30 лет.

Отмеченные выше тенденции в уголовной политике в конечном счете привели к невиданному ранее росту количества осужденных к пожизненному лишению свободы. К середине 90-х годов из 1,8 млн. осужденных, содержащихся в тюрьмах США, свыше 85 тысяч, или около 5%, составляли осужденные к пожизненному заключению, а в таких штатах, как, например, Нью-Йорк и Калифорния, доля последних доходила до 18 - 19% всего тюремного населения штата <1>. С начала 2000 годов число таких осужденных продолжало расти.

<1> См.: Квашиш В. По дорогам США: заметки криминолога // Криминологический журнал. 2005. N 2(9).

Кроме того, законодательство абсолютного большинства штатов США предусматривает возможность пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение. Из 38

штатов США, законодательство которых допускает применение смертной казни, указанный вид пожизненного лишения свободы отсутствует лишь в двух штатах - в Нью-Мексико и Техасе. (Не случайно на долю Техаса, как уже отмечалось, в последние пять - семь лет приходится половина всех казней в США.) Из 12 штатов, не применяющих смертную казнь, такая форма пожизненного лишения свободы не предусмотрена лишь в штате Аляска и в федеральном округе Колумбия. Во всех остальных штатах она применяется довольно широко, особенно в ходе апелляционных процедур - как мера наказания, альтернативная смертной казни, назначенной судом первой инстанции.

Еще 15 лет назад пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение отбывали 18% осужденных. Однако уже к концу 90-х годов число таких осужденных в шести штатах США (Иллинойс, Мэн, Айова, Луизиана, Пенсильвания, Южная Дакота) выросло на 170%, а в федеральных тюрьмах таковыми стали практически все осужденные к пожизненному заключению. К 2003 году такие лица составляли 25%, а к 2006 году - 28% от всех осужденных к пожизненному лишению свободы. Теоретически у них остается возможность смягчения наказания в порядке помилования, однако к таким осужденным оно практически не применяется - такова общая тенденция в большинстве штатов.

Что же касается федерального законодательства США, то в отношении преступлений, совершенных после 1 декабря 1987 года, досрочное освобождение по всем приговорам, вынесенным федеральными судами, как уже отмечалось, вообще аннулировано, и в этих случаях речь может идти только о применении помилования президентом страны. А такие решения, как уже отмечалось, принимаются крайне редко, точнее, лишь в единичных случаях.

К 2006 году последовательно нараставшее число осужденных к пожизненному заключению составило уже 132 тыс. человек. Среди них - около 10 тысяч - лица, совершившие преступления в несовершеннолетнем возрасте; в т.ч. 23% (2200) - осужденные к пожизненному заключению без права досрочного освобождения.

Таким образом, за последние 10 - 12 лет число осужденных к пожизненному лишению свободы в США почти удвоилось, причем темпы роста таких осужденных значительно превышают рост осужденных к различным срокам лишения свободы <1>.

<1> См.: The New York Times. October 2 - 3. 2005.

4. Действующее уголовное законодательство России, в отличие от законодательства многих других стран, не предусматривает возможности назначения пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение от отбывания наказания (хотя такие предложения и в правовой литературе, и в средствах массовой информации высказывались много раз). В соответствии с ч. 5 ст. 79 УК РФ, лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании наказания и фактически отбыло не менее 25 лет.

С точки зрения уголовной политики, такая позиция представляется обоснованной, хотя она и не вполне согласуется с представлениями, сложившимися в общественном мнении, и с популистскими призывами ряда политиков и ученых-криминологов к отмене моратория на смертную казнь <1>.

<1> См.: Квашиш В.Е. Высшая мера наказания и проблемы уголовной политики // Российский ежегодник уголовного права. N 1. 2006 / Под ред. Б.В. Волженкина. СПб., 2007. С. 231 - 232.

Изменения, внесенные в уголовное законодательство Федеральным законом от 8 декабря 2003 года N 162 "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации", направлены, с одной стороны, на либерализацию мер уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а с другой стороны, на ужесточение наказаний за тяжкие и особо тяжкие преступления. В этом смысле применение пожизненного лишения свободы представляет вынужденную реакцию на рост особо тяжких преступлений (а в силу этой тенденции идет прирост числа осужденных к длительным срокам и к пожизненному лишению свободы).

С другой стороны, никак не теряет своей актуальности проблема эффективности длительных и особо длительных сроков лишения свободы. Ее значимость имеет особое значение с точки зрения перспективы выбора наиболее эффективной стратегии борьбы с преступностью. Речь, прежде всего, идет о том, что, как показывает практика и специальные исследования, длительные и "сверхдлительные" сроки лишения свободы в ряде отношений являются неэффективными и не способствуют достижению стоящих перед наказанием целей (во всяком случае, декларируемых) <1>.

<1> См. работы: Ю.М. Антоняна, В.Ф. Пирожкова, В.А. Уткина, А.П. Деткова, С.В. Полубинской, В.П. Попова и других ученых.

Очевидно, что основным элементом карательного воздействия наказания в виде длительных сроков лишения свободы является его продолжительность; именно она в первую очередь определяет степень физических и психических страданий осужденного. Между тем отечественные и зарубежные исследования показывают, что реальное достижение целей наказания в виде лишения свободы возможно лишь в течение 10 - 15 лет. За пределами таких сроков и в условиях максимально строгой изоляции большинство осужденных теряет социально полезные связи, их мотивация и социальная активность утрачиваются, здоровье и психика разрушаются, личность полностью дезадаптируется, что зачастую влечет за собой рост агрессии и разнообразие других негативных реакций (хронические стрессы, разрушение иммунитета и т.д.).

Поэтому, например, предлагается считать "сверхдлительными" сроками наказания, превышающие 15 лет, и пожизненное лишение свободы <1>. Логическим следствием таких исследований было бы, например, предложение понизить до 15 лет минимальный срок отбывания пожизненного лишения свободы, но внести такое предложение ученые не рискнули, а без практических выводов сама по себе дискуссия по поводу "сверхдлительных" сроков остается схоластической.

<1> См.: Детков А.П. Сверхдлительные сроки лишения свободы: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты // Уголовное право. 2004. N 2.

Понять такую осторожность не трудно, ибо речь идет о новом, еще только формирующемся в России виде наказания с максимальным карательным зарядом и привлекающем повышенное общественное внимание именно в связи с самыми тяжкими преступлениями, за которые оно назначается. И потому вполне очевидно, что в условиях, когда смертная казнь себя политически и практически изжила, ставить вопрос о сколь либо существенном реформировании института пожизненного лишения свободы по всем соображениям еще явно преждевременно.

Отношение к этому институту в России разное, причем даже среди его сторонников. Более распространенным в общественном мнении является относительное соответствие этого института требованиям социальной справедливости и заслуженного возмездия лицам, совершившим самые тяжкие преступления. Другая часть сторонников этой меры исходит из того, что она гуманнее, чем смертная казнь, и таким преступникам по крайней мере сохраняется возможность умереть хоть и в тюрьме, но "собственной смертью". Другое дело, говорят они, что даже таким преступникам надо создать элементарно сносные условия отбывания наказания (ибо они уже в таких условиях изоляции, что не опасны, а сами эти условия практически гарантируют, что жить им остается не долго); они справедливо полагают, что необходимо освободить порядок исполнения этого наказания от элементов варварского обращения, от бессмысленной жестокости, унижительных процедур, ненужных издевательств, которые, кстати говоря, развращают и нравственно уродуют персонал таких исправительных учреждений.

Слов нет, это самые опасные преступники, многие из которых, действительно, совершили чудовищные деяния. Но они уже получили "по заслугам", у них нет абсолютно никакой перспективы на будущее, они уже давно и окончательно психологически сломлены, а между тем режим их изоляции, вся система инструкций по обращению с ними построены таким образом, чтобы процесс их физического и психического распада шел как можно быстрее. Напомним, кстати, что условия отбывания наказания в специальных колониях для таких осужденных более суровы, чем в колониях особого режима. Не случайно почти половина осужденных предпочитает смертную казнь, а не пожизненное лишение свободы, которое чаще всего называют "казнью в рассрочку". Как известно, многие из осужденных, которым смертная казнь была заменена пожизненным лишением свободы, отказывались ходатайствовать о помиловании и, наоборот, просили (и просят) о приведении в исполнение смертного приговора.

О том, что условия отбывания наказания для таких лиц представляют собой жестокую пытку, уже известно достаточно широко, о них сообщают средства массовой информации, похоже, гордятся ими и сами сотрудники тюремных учреждений. В получившей широкий резонанс публикации "Известий" под характерным заголовком "Поза "Ку" приводятся слова замполита одной из таких тюрем, между прочим, медика по образованию, объясняющего корреспонденту ситуацию в терминах кривой стресса, сформулированной канадским ученым Д. Силье. "По этой кривой, - говорит медик-замполит, - здесь проходят все. За два года 30 человек уже дошли до кладбища. Первый год, как правило, человек живет познанием этих условий и себя в этих условиях. Потом еще года три идет период стабилизации, в это время человек похож на робота. Он выполняет команды, не задумываясь. Далее - два пути. Если человек адаптируется, он сможет и дальше быть роботом. Если нет - идет довольно быстрое угасание. И умственное, и физическое. Воспаление лимфатических узлов. Изъязвление желудочно-кишечного тракта, разрастание коркового слоя

надпочечников" <1>. Тот, кто вошел в фазу стабилизации, по оценке замполита, заметим, несколько раз невольно употребившего слово "человек", достиг "полного Ку".

<1> Соколов-Митрич Д. Поза "Ку" // Известия. 28.06.2002.

В многочисленных откликах читателей на эту и другие публикации дана крайне негативная оценка такому жестокому обращению, говорится о необходимости нормализации условий отбывания наказания даже для таких осужденных, "раз уж мы даем им право жить" <1>. Остается лишь напомнить об опасности описанной еще Ф.М. Достоевским психологии формирования палаческих наклонностей у персонала тюрем, когда безраздельное господство "над телом и духом" себе подобных развивает в человеке садистские наклонности, которые вначале входят в привычку, а затем становятся потребностью <2>.

<1> См.: Известия. 20.06.2002; Известия. 26.08.2002.

<2> См.: Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Собр. соч. Т. 4. М., 1982. С. 90 - 91.

Маловероятно, что приведенные здесь соображения смогут переубедить тех, кто считает пожизненное заключение слишком мягкой мерой наказания и требует отмены моратория на смертную казнь. И все же они, по нашему убеждению, заслуживают более пристального внимания.

Глава VII. ЭФФЕКТИВНОСТЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Сдерживание преступности путем устрашения суровым наказанием, переоценка значимости и возможностей достижения стоящих перед наказанием целей общего предупреждения - одна из кариатид, на которых издавна зиждется убежденность сторонников смертной казни в ее необходимости. Наивная вера в эффективность предупредительного воздействия смертной казни основана на мифологических представлениях о том, что ужесточение наказания, применение наиболее суровых мер снижает уровень тяжких преступлений. Между тем давно доказано, что расчет на ужесточение репрессии основан на иллюзиях <1>.

<1> См.: Клейменов М.П. Прогнозирование и приоритеты уголовной политики // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт. Красноярск, 1989. С. 127 - 128; Черниловский З.М. Смертная казнь: Историко-философский аспект // Советское государство и право. 1991. N 1. С. 134 - 135.

Многовековой исторический опыт, многочисленные научные исследования, проведенные в разных странах, а главное, практика борьбы с преступностью показывают, что даже в благополучном обществе страх перед суровым наказанием если и способен удержать от преступления, то лишь весьма незначительную часть потенциальных преступников. Приведем в этой связи результаты ряда наиболее крупных исследований эффективности смертной казни, проведенные в разных странах.

В Соединенных Штатах Америки такие исследования начались еще в конце 40-х годов минувшего столетия, причем в основе большинства из них лежал сравнительный анализ уровня убийств в разных штатах страны, применяющих смертную казнь и не использующих эту меру наказания. Остановимся на результатах этих исследований подробнее, придерживаясь при этом их хронологии.

Одно из самых первых такого рода исследований было проведено Карлом Шусслером, который, изучив динамику убийств за 1928 - 1949 гг., пришел к выводу, что в штатах, не применявших смертную казнь, уровень убийств (в расчете на 100 тыс. населения) был в 2 - 3 раза ниже <1>.

<1> См.: Scheussler K. The Deterrent Influence on the Death Penalty // The Annals. 284. November 1952. P. 56 - 58.

Позднее видный американский исследователь смертной казни Хуго Бедау назвал подход К. Шусслера "упрощенным", поскольку выбор штатов в этом исследовании носил произвольный характер и не учитывал существенные социокультурные различия в тех или иных штатах <1>.

<1> См.: Bedau H. The Death Penalty in America. New York, 1964. P. 260.

Исдержки методики К. Шусслера были учтены его многочисленными последователями. В середине 50-х годов аналогичное исследование провел известный американский криминолог Торстен Селлин, причем его отбор соответствующих пар штатов в максимальной степени

учитывал их социокультурные, демографические и иные различия. Сравнивая статистические показатели убийств и практики применения смертной казни за период 1920 - 1958 гг., Т. Селлин пришел к выводам, суть которых в том, что применение смертной казни не оказывает сдерживающего влияния на уровень убийств. Его выводы не изменились и после того, как период наблюдений был продолжен до 1963 года <1>.

<1> См.: Sellin T. The Death Penalty. Philadelphia, 1959. P. 34. The penalty of death. Sage Library of Social Research. Vol. 102. London, 1980. P. 110 - 118.

Практически те же результаты получили спустя 20 лет американские ученые Р. Лемперт, С. Килман, Дж. Конрад, Р. Бохм, Ф. Лоуренс, Л. Фридман, М. Мелло, Дж. Аккер, английские исследователи Дж. Уолкер и Р. Худ, а также целый ряд ученых в других странах <1>. Исследуя многолетние тенденции в динамике тяжких преступлений в различных странах и в разных штатах США, они пришли к общим выводам о том, что, во-первых, уровень этих преступлений всегда был выше именно там, где применялась смертная казнь, и, во-вторых, что ни отмена смертной казни, ни ее восстановление там, где она была ранее отменена, не оказывают влияния на динамику убийств <2>.

<1> См.: Walker N. Punishment, danger and stigma. The morality of criminal justice. Oxford, 1980.

<2> См.: Kilman S. Death Penalty and Crime. Empirical Studies, Fairfax, 1978; Conrad J. Deterrence, the Death Penalty, and the Data // The Death Penalty A Debate. New York, 1983. P. 133 - 141; Lempert R. The Effect of Executions on Homicides: A New Look in an Old Light // Crime and Delinquency, 1983. N 29. P. 88 - 115; Potas I., Walker J. Capital Punishment. 1987. P. 3; Clay W. To Kill Or Not To Kill: Thoughts on capital punishment. The Borgo Press. California, 1990. P. 73 - 77; Bohm R. The Death Penalty in America: Current Research. Anderson, 1990; Friedman L. Crime and Punishment in American History. New York, 1993.

В американской криминологической литературе по проблеме смертной казни нельзя найти ни одного источника, в котором бы не упоминалось исследование Исаака Эрлиха, опубликовавшего в 1975 году докторскую диссертацию по экономике и сразу получившего широкую известность. Проведя регрессный анализ статистических данных об убийствах и казнях, совершенных в США с 1930 года, И. Эрлих пришел к выводу, что каждая смертная казнь удерживает от преступления еще восемь потенциальных убийц. Иначе говоря, одна казнь убийцы спасает восемь других жизней <1>.

<1> См.: Ehrlich I. The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Question of Life or Death // American Economic Review. 1975. N 65. P. 397.

Шокированные этими выводами американские криминологи подвергли исследованию И. Эрлиха резкой критике. Во второй половине 80-х годов в противовес идеям И. Эрлиха была сформулирована так называемая "теория ожесточения" (Brutalization). Ее авторы, американские ученые Г. Пирс и У. Боверс, основываясь на результатах своих исследований, утверждали, что каждая казнь убийцы резко ожесточает общественные нравы и влечет за собой 2 - 3 новых убийства, а следовательно, о превентивном эффекте казни не может быть речи <1>.

<1> См.: Bowers W. The Effect of Executions Is Brutalization, Not Deterrence // Challenging Capital Punishment. Legal and Social Science Approaches. Sage Publications. Beverly Hills. London, 1988. P. 49 - 64.

Сегодня эта теория распространена в США достаточно широко и служит одним из важных аргументов противников смертной казни. Так, исследование убийств, совершенных в крупных городах страны, проведенное в Национальном институте юстиции в 1997 году, подтвердило, что казни, скорее, могут увеличить число убийств, нежели удержать преступников от совершения таких деяний.

В 1995 году американские исследователи М. Раделет и Р. Алкерс опросили 67 бывших президентов двух наиболее авторитетных научных организаций - Американского криминологического общества и Академии уголовной юстиции. Как показали результаты опроса, 88% из них считают, что смертная казнь не может понизить уровень убийств; 80% опрошенных ученых уточнили при этом, что рост числа казней не может оказать сдерживающего влияния на динамику убийств <1>.

<1> См.: Radelet M., Alkers R. Deterrence and the Death Penalty: The Views of Experts // Journal of Criminal Law and Criminology. 1996. N 87. P. 1 - 11.

В 1997 - 1999 гг. в разных штатах США было проведено еще четыре самостоятельных исследования эффективности смертной казни. Первое из них проводилось под руководством видных американских ученых - Дж. Соренсена и Дж. Маркворта; его целью было изучение тенденций убийств и казней в Техасе в 1984 - 1997 годах. Основной вывод исследователей - отсутствие сдерживающего эффекта смертной казни <1>. К такому же выводу пришли У. Бэйли, изучавший динамику убийств и казней в Оклахоме <2>, и Э. Томпсон, изучавшая динамику убийств в Лос-Анджелесе до введения моратория на казни в Калифорнии и после возобновления казней в 1992 году. Ранее Э. Томпсон проводила аналогичные исследования в Оклахоме и Аризоне и сделала вывод, что казни, скорее, приводят к росту убийств, чем сдерживают потенциальных преступников <3>.

<1> См.: Sorenson J., Wrinkle R., Brevier V., Marquort J. Capital Punishment and Deterrence: Examining the Effect of Executions on Murder in Texas // Crime and Delinquency. 1999. N 45. P. 481 - 493.

<2> См.: Bailey W. Deterrence, Brutalization, and the Death Penalty: Another Examination of Oklahoma Return to Capital Punishment // Criminology. 1998. N 36. P. 711 - 733.

<3> См.: Thompson E. Effect of an Execution on Homicides in California. In: Homicide Studies. N 3. 1999. P. 129 - 150.

Оригинальное исследование динамики убийств провели К. Харрис и Д. Критвуд. Они выбрали 293 пары округов США, где одну группу составляли округа, на территории которых применялась смертная казнь и в тюрьмах которых содержались осужденные к этой мере наказания, а в другой группе округов смертная казнь не приводилась в исполнение и не было осужденных-смертников, ожидавших казни. В итоге ученые констатировали отсутствие каких-либо статистических признаков, указывавших на сдерживающий эффект смертной казни <1>.

<1> См.: The Geography of Execution: The Capital Punishment Quagmire in America, Lanham, MD, 1999.

В сентябре 2000 года исследование, проведенное газетой New York Times, показало, что за последние 20 лет уровень убийств в тех штатах, где смертная казнь не применялась, был на 48 - 101% ниже, чем в тех штатах, где смертные приговоры приводились в исполнение. Оно также показало, что уровень убийств в 12 штатах США, где не применяется смертная казнь, в 1,7 раза ниже, чем средний уровень убийств по стране в целом <1>.

<1> См.: Facts About Deterrence and the Death Penalty, DPIC. August 4. 2002.

Наконец, нельзя не упомянуть исследование, которое провел под эгидой ООН в 1988 - 1996 гг. видный английский ученый Роджер Худ. Подводя итоги этой работы, он отмечал, что в данном исследовании "отсутствует научное подтверждение того факта, что казни обладают более устрашающим эффектом, чем пожизненное заключение. Весьма маловероятно появление подобного доказательства в будущем. Полученные результаты также не свидетельствуют в пользу гипотезы устрашения" <1>. Позднее это исследование было продолжено до 2002 года, а его результаты позволили Р. Худу сделать уже более категоричные выводы о том, что, во-первых, нет никаких доказательств того, что угроза смертной казни имеет сдерживающий эффект для потенциальных убийц или, во всяком случае, больший эффект, чем пожизненное лишение свободы; и, во-вторых, что государствам, собирающимся отменить смертную казнь, нет оснований ожидать неблагоприятных изменений в динамике тяжких преступлений <2>.

<1> См.: Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. Oxford, 1996. P. 187.

<2> См.: Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective, Oxford University Press. 3 ed. 2002. P. 216.

К тем же выводам пришел и американский исследователь Х. Бедау <1>.

<1> См.: Bedau H. Abolishing the Death Penalty even for the Worst Murderers' // Austin Sarat (ed.). The Killing State: Capital Punishment in Law, Politics and Culture. 1999. P. 40 - 59.

20 января 2000 года, завершая свою деятельность на посту министра юстиции США, Жаннет Рино заявила: "На протяжении всей моей сознательной жизни я искала исследования, которые могли бы подтвердить, что смертная казнь обладает сдерживающим эффектом. И я не нашла ни одного такого исследования" <1>.

<1> www.Amnesty-usa.org/abolish/deterrence

Для оценки общепревентивного эффекта смертной казни представляют, далее, интерес результаты опроса работников полиции и окружных шерифов США, проведенного в 2000 году. Они, в частности, показали, что:

а) только 3% работников полиции считают смертную казнь эффективным средством в борьбе с преступностью;

б) 67% работников правоохранительных органов не считают, что смертная казнь способствует снижению преступности;

в) 8% работников правоохранительных органов считают, что, совершая преступление, преступники не думают о возможном наказании <1>.

<1> См.: This Like We Take. 2000. P. 27.

Что же касается рядовых граждан, то, как показал опрос, проведенный в июле 2001 года агентством Harris Interactive, только 42% опрошенных полагают, что угроза смертной казни способна сдерживать преступность. Следует отметить, что это был самый низкий показатель среди результатов опросов, проведенных в США за последние 25 лет <1>.

<1> См.: PR Newswire. August 17. 2001.

Практика многих стран подтверждает сделанные выводы. Так, в Великобритании еще в 1950 году специальная Королевская комиссия, проводившая исследование эффективности смертной казни и целесообразности сохранения этой меры, отметила в своем отчете: "Все изученные нами статистические данные свидетельствуют о том, что отмена смертной казни не влечет за собой увеличение преступлений" <1>. В 1965 году британский парламент принял Закон о временной отмене смертной казни - сроком на пять лет. Такое решение было связано с тем, что защитники этой меры наказания были убеждены, что в случае ее отмены рост числа убийств будет неизбежным. Однако такие прогнозы не подтвердились. Поэтому уже в 1969 году парламент Великобритании принял Закон об окончательной отмене смертной казни за убийство (как сказано в Законе, "навсегда").

<1> Камю А. Размышления о гильотине // Изнанка и лицо. М., 1998. С. 503.

В Канаде после отмены смертной казни в 1976 году число убийств не только не выросло, а наоборот, последовательно снижалось. В 1975 году было зарегистрировано 721 убийство, а в 2001 году - 554. За 25 лет после отмены этой меры число убийств снизилось на 23% и ныне этот показатель в три раза ниже, чем в соседних США, где смертная казнь, как было показано выше, применяется весьма широко. Если накануне отмены смертной казни уровень убийств составлял 3,09, то к 1980 году он снизился до 2,41, а к концу 1999 года - до 1,76. Иначе говоря, за прошедшие годы уровень убийств в этой стране после отмены смертной казни снизился на 43% <1>.

<1> См.: Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. 2002. P. 214, 230.

Сходные результаты показало и исследование, проведенное в Нигерии, где введение смертной казни за вооруженный грабеж никак не сказалось на снижении этих преступлений.

Таким образом, все указанные исследования свидетельствуют о том, что с точки зрения общей превенции институт смертной казни не имеет криминологической значимости, а значит, ни ее применение, ни ее отмена прямого воздействия на динамику тяжких преступлений не оказывают. К тем же выводам пришли и некоторые российские криминологи <1>. Они, кроме того, показали, что судебная практика по делам о таких преступлениях абстрагируется от их динамики и ни логической связи, ни статистической корреляции между ними не существует <2>.

<1> См.: Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995. С. 174; Кваши В. Смертная казнь в США // Уголовное право. 1996. N 9; Бородин С.В. Еще раз о смертной казни за убийство // Государство и право. 2001. N 4; Вицин С. Время казнить в России закончилось? // Рос. юстиция. 1999. N 3.

<2> См.: Кваши В.Е. Смертная казнь в США // Уголовное право. 1998. N 3.

В самом деле, анализ статистики показывает, что наибольшее число смертных приговоров в США выносилось в те годы, когда число убийств резко снижалось и, наоборот, число таких приговоров заметно уменьшалось именно в те годы, когда число убийств росло.

С другой стороны, для оценки достоверности тех или иных выводов об эффективности смертной казни важно иметь в виду, что сопоставление динамики убийств и динамики приговоров (и тем более динамики казней) является некорректным из-за большого временного лага между преступлением и вынесением приговора. Сознвая ущербность такого сопоставления, американские ученые пытались рассчитать отдельно кратковременный и долгосрочный эффект применения смертной казни. Однако такие расчеты не дали сколь либо достоверных результатов, что является еще одним доказательством отсутствия корреляции между практикой применения смертной казни и динамикой тяжких преступлений. Не случайно проведенное в разные периоды сравнение уровня убийств в 15 странах до и после отмены смертной казни "никак не подтвердили гипотезу о том, что отмена смертной казни ведет к росту убийств" <1>.

<1> Simon R., Blaskovich D. A Comparative Analysis of Capital Punishment. P. 44.

В российской криминологии и теории уголовной политики советского периода было принято считать, что общепревентивный эффект наказания, в том числе наиболее суровых мер наказания, является ограниченным. Более того, неоднократно высказывалась мысль о том, что ведущая роль при назначении наказания принадлежит частной превенции - поэтому наказание должно быть строго индивидуальным. В свою очередь, общепредупредительные цели наказания реализуются лишь в пределах, обусловленных воздействием частного предупреждения, и не могут выходить за эти пределы <1>.

<1> См.: Сахаров А.Б. Перспективы развития советского уголовного права // Советское государство и право. 1983. N 7. С. 84 - 85.

В то же время многие отечественные и зарубежные ученые считали, что общепревентивный эффект смертной казни нельзя недооценивать; более того, угроза применения этой меры наказания является важным сдерживающим фактором <1>. Крайним выражением этой идеи является суждение А.С. Михлина о том, что "общепревентивная роль смертной казни весьма высока, и можно с уверенностью сказать, что она выше, чем у любого другого наказания" <2>. Критикуя это суждение, автор настоящей работы отмечал, что такого рода уверенность как раз и является собой клише массового сознания, хотя на самом деле эффективность смертной казни относится к разряду социальных утопий <3>. Тем более что "высокое превентивное значение этого наказания не только никем доподлинно не установлено, но является "результатом" умозрительного, а не конкретного, опирающегося на достоверные факты, юридического мышления" <4>.

<1> См.: Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. N 3; Van Den Haag E. The Deterrent Effect of the Death Penalty // The Death Penalty A Debate. Plenum Press. New York, 1983. P. 63 - 132.

<2> Михлин А.С. Смертная казнь: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 153. Английский исследователь Р. Худ в связи с этим отождествляет позицию А.С. Михлина с наиболее консервативными воззрениями губернатора Нью-Йорка Дж. Патаки, который, несмотря на протесты общественности, в 1995 году восстановил в штате смертную казнь (см.: Hood R. The Death Penalty. A Worldwide Perspective. 2002. P. 209).

<3> См.: Кваши В.Е. Смертная казнь в США // Уголовное право. 1998. N 3.

<4> Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997. С. 305.

В самом деле, и исторический опыт, и практика многих стран показывают, что страх перед наказанием если и способен удержать от преступления, то лишь самую незначительную часть и притом менее опасных правонарушителей, а в целом такая угроза давно перестала играть сколь либо заметную роль. Сказанное в полной мере относится и к смертной казни. Альбер Камю не раз отмечал, что "угроза смертной казни - не препона для человека, попавшего в преступление, как попадают в беду. То есть угроза эта в большинстве случаев оказывается бессильной". Страх перед смертной казнью, по словам А. Камю, "очевиден, но существует и другая очевидность: как бы ни был силен этот страх, ему не пересилить страстей человеческих" <1>.

<1> Камю А. Размышления о гильотине // Изнанка и лицо. М., 1998. С. 589 - 590. За много лет до этого А.Ф. Кистяковский отмечал, что "первобытная вера в устрашимость смертной казни столько же достоверна, как убеждение простого человека, что солнце идет с востока на запад" (Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 55).

Отечественные и зарубежные психологи давно доказали, что для обыденного сознания отдаленная во времени потенциальная угроза смертной казни не является смыслообразующей и лишена реальной побудительной силы, что психологические механизмы защиты устроены так, чтобы не пропускать в сознание неблагоприятную информацию, и тем самым они нейтрализуют страх перед наказанием <1>. Кроме того, нельзя не учитывать, что большинство тяжких преступлений совершается в момент высочайшего напряжения, огромного эмоционального стресса или же под влиянием алкоголя или наркотиков, т.е. в моменты снижения функций логического мышления и рационального расчета. Наконец, следует иметь в виду, что нередко такие преступления совершаются лицами с неустойчивой психикой или страдающими умственными расстройствами. Во всех этих случаях принятие в расчет возможной угрозы наказания либо минимизируется, либо вообще отсутствует. И вообще, ошибочно исходить из того, что большинство совершающих убийство идут на такое преступление после рациональной оценки возможных последствий <2>.

<1> См.: Кудрявцев И.А. Противна природе человека // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 438; Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995.

<2> См.: Когда убивает государство. М., 1989. С. 36; Шнайдер Г. Криминология. М., 1994. С. 387.

Доказано, например, что серийные убийства на сексуальной почве совершают лица с психическими отклонениями (патология влечения). А. Бухановский, например, подробно описывает "феномен Чикатило" - вариант криминальной личности, этапное патологическое развитие которой приводит к возникновению, закреплению и трансформации потребности в совершении повторных садистских преступлений. Исследования, проведенные в местах лишения свободы в 20-х и в 90-х годах, дали один и тот же результат: среди осужденных за убийство 72% оказались лицами с аномальной психикой <1>. И только своевременное выявление и медико-психологическая коррекция дают возможность предупреждения таких преступлений.

<1> См.: Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1998. С. 64.

Видный российский психолог И.А. Кудрявцев в связи с этим ставит три вопроса: а) может ли предупредительный и воспитательный эффект в принципе быть достигнут страхом; б) насколько он стоек; в) имеет ли существенные преимущества в правовом регулировании поведения перед более мягкими санкциями, не связанными с угрозой жизни? Исходя из данных психологии, он на все три вопроса отвечает отрицательно <1>.

<1> См.: Кудрявцев И.А. Указ. соч. С. 437 "Чисто биологический страх, порождаемый угрозой лишения жизни, - отмечает ученый, - является проявлением безусловного рефлексa и вообще не относится к личностным регуляторам" (с. 438).

В середине 50-х годов японский тюремный психиатр Садатака Коги обследовал 145 осужденных за убийство и среди них не смог найти ни одного, кто бы в момент убийства задумался о том, что он может быть приговорен к смертной казни. В середине 90-х Дэвид фон Дрейль, автор бестселлера "Осужденные на казнь: культура, нравы и обычаи смертников", используя богатый фактический материал, привел весьма убедительные доказательства давней гипотезы о том, что угроза смертной казни не способна остановить киллера, маньяка или фанатика-террориста, который добровольно идет на неминуемую смерть.

Ставшие в последние годы все более частыми акции террористов-смертников наглядное тому подтверждение, тем более что такого рода действия камикадзе типичны для любого региона, где бы они не совершались. Не случайно участвовавшие после 11 сентября 2001 года в Конгрессе США призывы расширить применение смертной казни за террористические акции вызвали резкую критику и были признаны "контрпродуктивными" <1>.

<1> См.: Chaptman D. Death Penalty Sought for Terrorist Acts // Journal "Sentinel". September 20. 2001.

Уже становится общепризнанным, что смертная казнь не способствует снижению террористической деятельности <1>. Террористы никогда не отказываются от своих замыслов из-за страха перед казнью. В заявлении террористической бригады, взявшей на себя ответственность за взрывы 7 июля 2005 г. в Лондоне, говорится: "Мы - люди, которые также стремятся к смерти, как вы - к жизни" <2>.

<1> Почти 30 лет назад видный канадский ученый Э. Фаттах по этому поводу писал: "Те, кто действительно считает, что смертная казнь может положить конец террористическим актам или к снижению их числа, - люди или крайне наивные, или тешащие себя иллюзиями" (AI Index: ACT 05/19/82. P. 13).

<2> См.: Известия. 19.07.2005. "Идея смертной казни как единственного способа восстановить справедливость в отношении жертв террористических актов ошибочна, - отмечал Генеральный секретарь Совета Европы Т. Дэвис. Более того, в контексте глобальной борьбы с терроризмом смертная казнь не только ошибочна, но и контрпродуктивна" (Известия. 05.04.2006).

Должностные лица, ответственные за борьбу с политическими преступлениями и терроризмом, неоднократно указывали на тот факт, что смертная казнь способна оказывать совершенно противоположный эффект, а именно: казнь преступника может придать ему ореол мученика, память о котором становится символом и движущей силой для террористических актов <1>.

<1> Именно из этих соображений турецкие власти воздержались, судя по сообщениям прессы, от смертного приговора руководителю курдских террористов Оджалану.

Российская криминологическая наука уже к концу XIX века накопила большой массив эмпирических данных, убедительно свидетельствующих о неэффективности смертной казни. "Эти цифровые материалы, - писал Н.Г. Гернет, - настолько ясно показывают недейственность смертной казни и уменьшение кровавой преступности везде, где она была отменена, что в оценке таких доказательств не может быть двух мнений" <1>.

<1> Гернет М.Н. Смертная казнь // Избранные соч. М., 1974. С. 327.

Об этом же говорит и уголовная статистика России советского периода. Как известно, после отмены смертной казни в СССР в 1947 году и до ее введения в 1954 году число убийств и других преступлений, за которые она могла назначаться, практически не изменилось <1>. И, наоборот, введение смертной казни в СССР в 1954 году никак не остановило тенденцию роста умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, так же как и широкое применение смертной казни за эти преступления в последующие 30 лет не способствовало благоприятным изменениям в динамике этих преступлений. Современные сторонники смертной казни в принципе согласны с тем, что жестокость наказания сама по себе не сокращает преступности, но дальше этого пойти не могут. Не озабоченные корректностью постановки вопроса, они переводят проблему в плоскость чистой риторики: "В общем, это так. Но докажите другое, что либерализация наказания за преступления против жизни сокращает их число" <2>.

<1> То же происходит ныне в Украине после отмены смертной казни в 2001 году.

<2> Гулиев В. Отмена смертной казни преступное непротивление злу насилием // Юридический мир. 2002. N 1. С. 8.

Такая постановка вопроса заведомо некорректна и вовсе не является оригинальной <1>. Действительно, трудно сказать то, что практически недоказуемо. Полтора века назад А.Ф. Кистяковский ставил вопрос иначе: "Преступления не уменьшаются, когда преступников карают самыми жестокими казнями; но кто поручится, что число их не увеличится, когда отменят эти казни?". Ответ могли дать и дали перемены в уголовном законодательстве. Уничтожение во всех европейских кодексах смертной казни, отмена ее за большую часть преступлений, редкость исполнения смертных приговоров - "все эти важные перемены отнюдь не сопровождались ни увеличением тяжких преступлений, ни уменьшением общественной и частной безопасности" <2>.

<1> "Идеи" В. Гулиева, А.В. Малько и других наиболее активных защитников смертной казни почти дословно воспроизводят известные афоризмы Карра, опровергнутые еще Н.С. Таганцевым (см.: Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 157 - 159).

<2> Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 185.

Аргументируя свою позицию, А.С. Михлин указывает, что после введения в 1954 году смертной казни с начала 60-х годов наблюдалось стабильное снижение убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. Между тем, как справедливо заметил С.В. Бородин, такое снижение было вызвано вовсе не применением смертной казни, а значительным изменением уголовного законодательства, когда новый УК РСФСР исключил из числа отягчающих обстоятельств такие мотивы убийства, как ревность, месть на почве личных отношений и "резиновую" формулировку УК РСФСР 1926 года - "иные низменные побуждения". Кроме того, С.В. Бородин подчеркивает, что

применение в этот период смертной казни за убийство при отягчающих обстоятельствах не привело к сокращению этих преступлений, число их продолжало увеличиваться <1>. Более того, как отметил первый заместитель Председателя Верховного Суда России В.И. Радченко, после восстановления в 1954 году смертной казни за умышленное убийство число этих преступлений выросло в период ее применения почти в три раза <2>.

<1> См.: Бородин С.В. Еще раз о смертной казни за убийство // Государство и право. 2001. N 4. С. 60; Квашиш В.Е. Смертная казнь: мифы и реалии // Журнал российского права. 1998. N 12.

<2> См.: Всероссийская конференция по проблемам отмены смертной казни. М. 3 - 4 июня 1999. М., 2000. С. 69.

Противники смертной казни не раз отмечали, что в России убийства при отягчающих обстоятельствах и возможность смертной казни за них в реальности не только существуют как самостоятельные факторы, но и корреляции между ними не усматривается. Их взаимосвязь остается на уровне умозрительных представлений и предположений. Кроме того, общепредупредительное значение смертной казни за убийство не превышает общепреventивного значения длительного лишения свободы <1>.

<1> См.: Бородин С.В. Указ. соч. С. 61.

Возвращаясь к популистской позиции сторонников смертной казни, настаивающих на отмене моратория и широком применении смертной казни за убийства, приходится в который раз напомнить, что ни усиление репрессии, ни ее смягчение не способны существенно повлиять на положение дел с преступностью, "потому что уровень уголовной кары и уровень криминального "напряжения" - величины, в принципе очень и очень мало связанные между собой" <1>.

<1> Бабаев М.М. Смертная казнь - последняя надежда общества? // Юридический мир. 2002. N 10. С. 9.

В самом деле, даже самое суровое наказание далеко не всесильно. Еще Н.С. Таганцев писал, что нельзя возлагать надежды на смертную казнь, стремясь к уменьшению преступлений. Невысокая степень "чувствительности" динамики преступности к этой мере наказания определяется тем, что преступное поведение детерминировано "более важными законами социальной жизни" <1>, более мощным по масштабам своего влияния комплексом социальных и иных факторов. Следует, наконец, признать, что "стратегия истребления преступников и устрашения населения, исторически неизбежная на ранних этапах развития цивилизации, к XXI веку вполне изжила себя и не может входить в число мер, применяемых государствами..." <2>.

<1> Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 155.

<2> Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. С. 144.

Ужесточение уголовной политики кажется естественной реакцией на рост преступности. Но в большинстве европейских стран преобладающей реакцией в период криминального взрыва стало не ужесточение, а смягчение уголовной политики. При этом относительная доля приговоров к лишению свободы изменилась в направлении, прямо противоположном росту преступности (особенно в ФРГ), когда более 60% осужденных к лишению свободы приговаривались к срокам менее одного года.

В. Гулиев в защиту своей позиции пишет, что мораторий на смертную казнь в России привел к росту убийств с 20 до 30 тысяч. Это или недостаточная информированность, или, что еще хуже, сознательное искажение положения дел. Ибо после введения в России моратория на смертную казнь динамика убийств никак не изменилась к худшему; наоборот, число убийств уже в первые три года сократилось, а затем этот показатель стабилизировался и оставался практически таким же в течение 10 лет.

Действительно, мораторий начал действовать лишь с 1997 года. Между тем число зарегистрированных убийств в стране составляло соответственно: в 1992 г. - 23 тыс.; в 1993 г. - 29,2; в 1994 г. - 32,3; 1995 г. - 31,7; в 1996 г. - 29,4 тыс.; в 1997 г. - 29,3 тыс.; в 1998 г. - 29,6; в 1999 г. - 31,3; в 2000 г. - 31,8 тыс., т.е. столько же, сколько и в 1995 г., и меньше, чем в 1993 году. Иначе говоря, предсказания "обвального" роста убийств никак не подтвердились. Но если бы даже число убийств, действительно, выросло бы, то разве из-за моратория <1>? И тут приходится в который раз констатировать, что широко распространенные в массовом сознании представления об эффективности смертной казни носят мифологический характер и относятся к разряду социальных утопий.

<1> См.: Квашис В.Е. Отмена моратория не защитит общество // Юридический мир. 2002. N 7; Бабаев М.М. Смертная казнь - последняя надежда общества? // Юридический мир. 2002. N 10.

Экспроприированный классиками марксизма тезис Чезаре Беккариа о том, что один из способов предупредить преступление заключается не в жестокости, а в неизбежности наказания, уже давно стал "общим местом".

Приоритетным фактором общего предупреждения убийств всегда была и будет не суровость, а неотвратимость ответственности, которая является неким "эталонном", по которому можно судить об эффективности системы юстиции <1>. Самые активные сторонники смертной казни согласны с тем, что эффект общего и специального предупреждения "обеспечивается прежде всего реальной практикой осуществления неотвратимости ответственности за совершенные преступления..." <2>. Тем не менее, по мнению Э.Ф. Побегайло, здесь основное препятствие - действие моратория на смертную казнь.

<1> См.: Максимов С.В. Указ. соч. С. 89.

<2> Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. N 3. С. 134.

Призывая к реанимации смертной казни, ее сторонники все больше говорят о современной уголовной политике и судебной практике как о "радикальном либерализме" <1>. Такие рассуждения в какой-то мере не лишены оснований, хотя здесь вовсе не все так однозначно (достаточно сравнить хотя бы жесткость действующего и предыдущего УК). Они если и правомерны, то лишь в отношении судебной практики по той или иной категории уголовных дел, поскольку о наличии уголовной политики как таковой говорить не приходится - ее отсутствие доказывают многочисленные, но бессистемные латания уголовного и уголовно-процессуального законодательства <2>.

<1> Такая позиция распространена довольно широко. "В литературе по уголовному праву, преимущественно объявляющей себя научной, четко прослеживается линия на ужесточение репрессии" (Жалинский А.Э. Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. 2007. N 10. С. 64).

<2> См.: Келина С.Г. 10 лет Уголовному кодексу РФ // Российский ежегодник уголовного права. 2006. N 1 / Под ред. Б.В. Волженкина. СПб., 2007. С. 18.

Между тем вполне очевидно, что отсутствие эффективности общего предупреждения связано не с действием моратория на казни, а с многочисленными пороками практики правоохранительных органов, обязанных принять все необходимые меры к выявлению, раскрытию и предупреждению тяжких преступлений. Именно эти меры, как известно, создают условия для неотвратимости наказания.

Чтобы ответить на вопрос, как же обстоит дело с современной "реальной практикой", обратимся к уголовной статистике последних лет.

Таблица N 29

Динамика убийств и судебная практика в России
в 2001 - 2007 гг.

Годы	Число убийств (с покушениями)	Число выявленных лиц	Осуждено за убийство (с покушениями)	В т.ч. за убийство при отягчающих обстоятельствах	Из них - к пожизненному лишению свободы
2001	33583	28312	22158	7303	124
2002	32285	25541	20070	6679	96
2003	31630	25964	19737	6303	91
2004	31553	27161	20165	5436	85
2005	30849	26304	20257	4529	59
2006	27462	24082	18153	4647	45
2007	22227	20340	16267	3823	61

Анализ данных этой таблицы при всей неполноте статистической картины явления позволяет сделать ряд заключений.

Прежде всего, заметим, что вопреки утверждениям сторонников смертной казни и несмотря на действие моратория общее число убийств, регистрируемых в последние 7 лет, никак не выросло. "Но эта стабильность только кажущаяся", - отмечает В.С. Овчинский, - имея в виду, во-первых, растущую латентность убийств и, во-вторых, сравнивая резко изменившиеся показатели убийств за последние 20 лет <1>.

<1> Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика. М., 2006. С. 6 - 7.

Такое сравнение выглядит эффектно (рост в три раза!), но представляется не совсем корректным из-за несопоставимости сравниваемых периодов. В социологии преступности давно отмечено, что число убийств в той или иной стране на протяжении длительных периодов остается относительно стабильным, а "взрывы" приходятся на период крупных социальных потрясений (затем этот показатель стабилизируется). Как известно, резкий "взрыв" убийств в России произошел в начале 90-х годов - именно в период наиболее ощутимых потрясений от перехода к шоковой терапии, к рыночным отношениям и т.д. Что же касается стабильности убийств в последние 10 лет, то, как было показано выше, это очевидный статистический факт <1>.

<1> См.: Преступность и правонарушения. 2000 - 2004: Статистический сборник. М.: ГИЦ МВД России, 2005; Преступность и правонарушения. 2002 - 2006: Статистический сборник. М.: ГИЦ МВД России, 2007. С. 63, 64, 165.

Обратимся, далее, к данным таблицы, где показано число выявленных лиц, причастных к совершению убийств. Этот показатель сам по себе во многом характеризует качество работы правоохранительных органов по раскрытию убийств. В среднем за последние семь лет он составляет 85% от числа зарегистрированных убийств. Здесь следует учесть несколько моментов.

Во-первых, далеко не в каждом случае число убийств и число убийц соотносятся как 1:1 и, следовательно, в реальности число лиц, причастных к убийствам, всегда должно быть большим, чем число убийств.

Во-вторых, вполне очевидно, что в суммарное число выявленных лиц входят главным образом лица, причастные к совершению наиболее простых и банальных убийств, которые зачастую не требовали огромных усилий и времени для их раскрытия и привлечения виновных к ответственности. Другими словами, в большинстве случаев - это виновные в наиболее очевидных "бытовых" убийствах, чаще всего совершаемых на почве ссоры и в состоянии опьянения. Статистика здесь весьма красноречива - ежегодно в России 51% всех зарегистрированных убийств совершается в состоянии алкогольного опьянения.

В-третьих, в число выявленных лиц входят, разумеется, и лица виновные в покушениях на убийство; как правило, такие преступления также требуют значительно меньших усилий и времени, чем тщательно спланированные убийства (чаще всего, это - убийства при отягчающих обстоятельствах), что позволяет виновным уходить от ответственности <1>. Сложив эти компоненты, не трудно представить, что "за бортом" остались главным образом именно наиболее "серьезные" убийства с точки зрения их подготовки и соответственно наиболее сложные для раскрытия.

<1> Следует также иметь в виду, что по понятным причинам в число выявленных лиц входят и лица, причастные к убийствам, совершенным не в текущем, а в предшествующем году.

Так или иначе, в 2000 - 2007 гг. в России при фиксируемой статистикой 83% раскрываемости убийств в среднем 4 - 5 тысяч убийц ежегодно (!) остаются невыявленными <1>. К середине 2007 года из 247 тысяч нераскрытых преступлений, с которыми предстоит работать новому подразделению недавно созданного Следственного комитета при Генеральной прокуратуре РФ, более 63 тысяч - убийства <2>. Это, конечно, только те дела, по которым не истекли сроки давности. Не трудно догадаться, что речь как раз о тех преступлениях, которые были совершены при отягчающих обстоятельствах.

<1> "По стране разгуливают сотни тысяч преступников, среди которых более 7 тысяч - убийцы, ушедшие от правосудия,.. - отмечал В.В. Путин. - Что толку ужесточать наказание, если мы не можем обеспечить главный фактор - неотвратимость наказания" (Российская юстиция. 2002. N 3. С. 1).

<2> См.: Известия. 11.10.2007.

Об уровне работы по раскрываемости убийств во многом говорит и разница в числе выявленных и привлеченных к ответственности и, с другой стороны, в общем числе осужденных лиц. В последние семь лет суды в среднем признают виновными в убийстве и выносят приговоры лишь в отношении 77% выявленных лиц (в том числе и за покушения на убийство). Причем в последние годы этот показатель имеет заметную тенденцию к снижению.

Обратимся теперь к показателям, характеризующим практику привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении убийств при отягчающих обстоятельствах.

Как видно из приведенной таблицы, в 2001 - 2006 гг. их доля в общем числе осужденных за убийства снизилась с 33,3% до 22,0%. Однако главное состоит в том, что за эти годы число таких осужденных ежегодно и весьма заметно снижается (с 7303 - в 2001 году - до 3823 осужденных в 2007 году). Означает ли это, что в рамках общей практики регистрации убийств снижается число убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах? Конечно же, нет. Приведенные данные, скорее всего, говорят о тех недостатках в розыскной и следственной работе по раскрытию такого рода убийств, которые затем "выплывают" в судебной статистике.

В итоге мы сталкиваемся с деградацией принципа неотвратимости наказания, составляющей сердцевину и смысл общей превенции. Причем же здесь либерализм судебной практики (да еще либерализм радикальный)? И как эту ситуацию изменила бы отмена моратория на смертную казнь?

Наконец, посмотрим, как складывается практика назначения наиболее суровой меры наказания за убийства при отягчающих обстоятельствах. Для сравнения отметим, что в Великобритании, например, при 700 - 800 убийствах в год в последние 10 лет приговариваются к пожизненному лишению свободы половина виновных в убийстве, совершенном при отягчающих обстоятельствах <1>. Примерно те же показатели и в США (хотя здесь 16 тысяч убийств в год). В итоге, доля осужденных к пожизненному лишению свободы в общем числе осужденных к лишению свободы возросла до 9% - самый высокий показатель в мире. В Японии - при 1100 - 1200 убийствах доля осужденных к пожизненному лишению свободы среди всех осужденных за убийство составляет около 3,0%.

<1> См.: Kara M., Upson A. Crime in England and Wales: Quarterly Update to September 2005 // Home Office Statistical Bulletin. 26 January 2006. P. 1 - 2; Coleman K., Cotton J. Homicide // Ibid. P. 48, 51.

В России, как видно из приведенных данных, ситуация иная. В последние семь лет число приговоров к пожизненному лишению свободы ежегодно снижается (напомним, в 2001 году - 124; в 2002 году - 96; в 2003 - 91; в 2004 - 85; в 2005 - 59; в 2006 - 45). А в общем числе осужденных за убийство при отягчающих обстоятельствах доля таких осужденных ежегодно составляет около 1,5%. Однако этот факт сам по себе еще не говорит ни о тенденции (хотя бы в силу краткосрочного периода наблюдений), ни о либерализме судей.

Стоит ли настаивать на том, что пожизненное лишение свободы является "неадекватной" мерой наказания? Может, судьи, имеющие в виду крайне жестокие условия отбывания этой меры наказания, так не считают и потому стали подходить к ее назначению более осторожно? Как показывает статистика, с конца 80-х годов и до 1997 года, когда этой меры наказания в законе еще не было, смертные приговоры ежегодно выносились в 2 - 2,5 раза чаще, чем последующее применение пожизненного лишения свободы; при этом пиковые показатели убийств как раз приходятся на 1991 - 1993 гг., когда смертная казнь применялась наиболее широко. Этот статистический факт в который раз говорит о том, что ни весьма широкое применение смертной казни, ни отказ от нее никак не влияют на динамику убийств.

Может, судебную практику по делам об убийствах вообще не стоит оценивать упрощенно и однозначно, как радикально либеральную, тем более что средние сроки наказания за убийства (заметим, за все убийства), указанные Д.А. Корецким, сами по себе не могут свидетельствовать о "вопиющем характере "милосердия" судей <1>. Такие оценки судебной практики в рамках средних величин не всегда надежны и напоминают оценки работы больницы на основе средней температуры ее пациентов.

<1> См.: Корецкий Д. Адекватны ли меры борьбы с преступностью ее состоянию? // Законность. 2003. N 1. С. 27 - 29.

Следует, далее, иметь в виду резкое ужесточение соответствующих санкций УК, предусмотренное Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 года, и значительное увеличение максимального срока лишения свободы (по совокупности преступлений и совокупности приговоров). И, может, именно с этим крайне жестким нововведением связано последующее снижение числа осужденных к пожизненному лишению свободы? Вероятно, следует осторожнее

подходить к "радикальному либерализму" судебной практики, на каких бы душераздирающих примерах не строились бы такие заключения. В противном случае необходимость индивидуализации наказания теряет практический смысл.

Может, не в те колокола бьем? Может, "то, что мы называем сметаной, сметаной не является?". В который раз отметим, что с точки зрения общей превенции институт смертной казни не имеет криминологической значимости и никак не влияет на состояние и динамику убийств. Более того, судебная практика по такого рода делам абстрагируется, как уже отмечалось, от этих показателей и ни логической связи, ни статистической корреляции между ними не существует <1>. Может, вместо того, чтобы кричать о "праве на смерть", задуматься над тем, что в стране ежегодно гибнет 37 - 40 тысяч человек от суррогатов алкоголя, что ежедневно 200 человек гибнет от передозировки наркотиков, что 36 тысяч человек ежегодно совершают самоубийство (по числу самоубийств Россия который год подряд делит первое и второе место в мире) и т.д. Может, смертная казнь искоренит и эти беды?

<1> См.: Квашис В.Е. Смертная казнь: мифы и реалии // Журнал российского права. 1998. N 12; Современная практика вынесения смертных приговоров в США // Уголовное право. 2006. N 6.

Здесь уже сравнивалась динамика убийств до и после введения моратория, которая никак не подтверждает возможного роста таких преступлений из-за введения моратория на казни, а наоборот, убедительно опровергает такого рода прогнозы защитников смертной казни. Как сказал классик: "Ну не верь, но хоть помысли!". Может, при более взвешенном подходе, - не нагнетая психоз и истерику, не предвещая наступающий апокалипсис <1>, - удастся превратить интуитивные ответы в осмысленные суждения.

<1> См.: Нас убивают: Документы, статьи, письма. М., 2004; Право на смертную казнь: Сб. статей / Под ред. А.В. Малько. М., 2004.

Отмена моратория не повысит безопасность людей, не защитит общество от криминала, не оздоровит правоохранительную систему и практику правосудия. Утверждать обратное - не что иное, как обман и самообман <1>. Самообман, как уже отмечалось, связан с наивной верой во всемогущество уголовной репрессии и другими заблуждениями, основанными на игнорировании научного знания и исторического опыта. Обман куда опаснее, ибо он является инструментом и без того многочисленных и опасных манипуляций с массовым сознанием.

<1> См.: Морщакова Т.Г. Исключительная мера. Не надо обманывать народ // Время МН. 15.02.2002.

Подводя итог, напомним, что сколько бы исследований не проводилось за последние 75 лет, "не удалось получить убедительных доказательств, свидетельствующих о том, что смертная казнь хотя бы в малой степени является более эффективным сдерживающим средством для убийцы, чем долгосрочное тюремное заключение" <1>. Более того, пожизненное лишение свободы даже по сравнению со смертной казнью, как показывают специальные исследования и современная отечественная практика, дает эффект ужесточения кары.

<1> Hood R. The Death Penalty. A Worldwide Perspective. 2002. P. 213.

Глава VIII. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

1. Конец XX века, помимо всего прочего, характеризуется осознанием возрастающего влияния общественного мнения на экономические, политические, культурные и иные процессы, происходящие в обществе. При этом растущий уровень развития общества создает предпосылки для все более интенсивного формирования общественного мнения и расширения круга его субъектов. Этот процесс предполагает развитие плюрализма мнений людей по проблемам общественной жизни, ибо "различие их мнений объясняется различием положения, занимаемого ими в обществе, а это различное положение в обществе является продуктом организации общества" <1>.

<1> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. IV. М., 1955. С. 80.

В социологической литературе общественное мнение принято связывать с общественным, массовым сознанием (В.А. Грушин, Р.А. Сафаров, А.К. Уледов). При этом категория "общественное сознание" выступает ведущей по отношению к понятию общественного мнения, которое является своего рода модификацией общественного сознания, его состоянием. Поскольку

общественное сознание представляет собой социально обусловленный феномен, детерминированный, прежде всего, условиями общественного бытия, постольку и общественное мнение определяется и вызывается к жизни реальными общезначимыми фактами <1>. Поэтому общественное мнение принято трактовать как состояние массового сознания, заключающего в себе отношение людей к событиям и фактам социальной действительности.

<1> См.: Ошеров М.С. Общественное мнение о праве и особенности его формирования // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. Труды Академии МВД СССР. М., 1987. С. 66.

Институт смертной казни - законодательство и, главное, практика применения и исполнения этой меры наказания - является одним из таких общезначимых фактов социальной действительности. Смертная казнь - это не только институт уголовного права, не только инструмент уголовной политики, это - феномен социокультурный. Отношение к высшей мере наказания - вопрос нравственной доминанты каждого человека; отношение к ней общества - индикатор господствующих в нем нравов и умонастроений, показатель того, насколько оно прониклось идеями справедливости, гуманизма и цивилизованности. Не зря У. Черчилль однажды заметил, что настроения и прихоти общества в отношении преступности и преступников - самая надежная проверка на цивилизованность любой страны <1>.

<1> За сто лет до этого в статье "Смертная казнь" К. Маркс писал, что "трудно, если не невозможно выдвинуть принцип, которым можно было бы обосновать справедливость и целесообразность смертной казни в обществе, кичащемся своей цивилизацией" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 530). Правда, эта мысль К. Маркса не нашла поддержки в практическом марксизме.

Состояние и характер массового сознания применительно к предмету настоящего исследования имеют особую природу и особое значение. Как показывает вся история цивилизации, главный источник и опора смертной казни - толпа. Во все века она требовала крови, требовала убить любого, кто обвинен (неважно - справедливо или нет). Толпа признает только одно - месть. У индивида есть разум, есть совесть, есть свое понимание вещей. У толпы ничего этого нет, есть только эмоции, только многовековой инстинкт, подсказывающий лишь "Убить!" <1>. Между тем заповедь "Не убий" Христос, как известно, назвал первой.

<1> См.: Лаврин А. 1001 смерть. М., 1991. С. 105.

Человечество еще далеко от желанной интеграции, у каждого народа, как уже отмечалось, своя история, своя память, своя боль. Поэтому в разных странах общественное мнение по-разному относится к преступности, по-разному оценивает состояние общественной безопасности и деятельность правоохранительных органов, по-разному относится к мерам наказания и потому различается по уровню ригоризма. Отсюда и различное отношение людей к высшей мере наказания - от ее полного неприятия в одних странах, до абсолютной веры в ее необходимость, справедливость и эффективность - в других, где, несмотря на ее сакральный характер и мистификацию, смертная казнь стала неотъемлемым элементом не только системы противодействия преступности и охраны порядка, но и национальной культуры.

Особое отношение к этой мере наказания формируется на основе и путем взаимодействия исторических, культурных, политических, религиозных, социально-психологических, правовых и других факторов общественной жизни. В силу этого социологические исследования не позволяют вскрыть те сложные связи и глубинные механизмы, которые формируют индивидуальные установки и отношение к смертной казни на уровне группового и массового сознания. И тем не менее именно неприемлемость отмены смертной казни общественным мнением - один из основных аргументов сторонников применения этой меры.

Чтобы ответить на вопрос о правомерности такого подхода, надо определить и исследовать круг факторов, детерминирующих отношение общества к этому наказанию и меру их влияния, полноту, достоверность и информативность опросов общественного мнения, значимость и реальные возможности их воздействия на принятие политических решений о сохранении или об отмене этой меры. При этом научный и практический интерес представляют не только специфика восприятия этой меры различными социальными группами, но и уяснение места и реальной значимости общественного мнения при принятии политико-правовых решений.

Несомненный интерес представляет также сопоставление общей картины и характера восприятия смертной казни в разных странах, ибо в самой сути проблемы, в аргументах сторонников и противников смертной казни, в детерминантах, формирующих индивидуальные установки, и массовое сознание, довольно много общего. В то же время важно иметь в виду, что вопрос об отношении массового сознания к смертной казни в той или иной стране нельзя

рассматривать в качестве отдельного, взятого вне социального контекста и других, связанных с ним аспектов проблемы (политических, нравственных, религиозных и т.д.).

Издавна известно, что представления людей о необходимости и справедливости карательных мер, формирующие ригоризм массового сознания, зависят от культурного и нравственного развития общества, в том числе от его образованности - чем выше его уровень, тем, как правило, менее жесткой является принятая в этом обществе система наказания и практика его применения. Социологические исследования также подтверждают, что чем меньше образован, чем меньше обеспечен и чем меньше защищен человек, чем ниже стоит он на социальной лестнице, тем дешевле он ценит жизнь, тем чаще признает репрессию основным инструментом наведения "порядка", тем больше сторонников "твердой руки", тем больше сторонников смертной казни.

Те, кто выступает против смертной казни, призывают к разуму, а их противники - к граничащим с инстинктами чувствам, которые никакими доводами разума опровергнуть невозможно. Бытовую логику не переубедить ни рациональными, ни моральными, ни эмоциональными аргументами. Поэтому любые доводы против смертной казни "как волны ультразвука практически не касаются слуха населения, особенно, если оно ожесточено, погружено в свои заблуждения, как в российские болота, и никоим образом не хочет из них выбираться" <1>.

<1> Приставкин А.И. Долина смертной тени. Роман-исследование на криминальные темы // Дружба народов. N 12. 1999. С. 118. Стремление сохранить смертную казнь, говорят психологи, это в основном мысли левополушарные, их природа - восприятие чувственное, а не разумное, и потому восприятие, чаще всего, чуждо логике вещей.

Опросы показывают, что в массовом сознании широко распространены стереотипы восприятия смертной казни, в основе которых доминируют не только эмоциональный фактор и мотивация возмездия, но и мифологические представления об эффективности наиболее суровых мер борьбы с преступностью <1>. Мифы, как известно, живут в массовом сознании глубоко и прочно <2>. Мифологизация веры в жестокость как эффективного средства борьбы с преступностью подмечена в криминологии еще несколько веков назад.

<1> См.: Квашиш В. Смертная казнь: мифы и реалии // Журнал российского права. 1998. N 12.

<2> "Мифы суть элементы структуры общественной психологии, которая есть пограничный уровень между обыденным и теоретическим уровнями коллективного сознания, вобравшими в себя элементы того и другого: научные и ненаучные представления, верования, убеждения, заблуждения, логику здравого смысла и многое другое" (Ли Д.А. Преступность в структуре общества. М., 2000. С. 128 -129).

Профессор Роберт Бохм, специализирующийся на исследовании общественного мнения американцев в отношении смертной казни, систематизировал десять мифов, наиболее распространенных в сознании американцев. Их основная часть связана со специфическими особенностями системы назначения и исполнения смертных приговоров в США, но главный миф о том, что смертная казнь является единственным и самым надежным средством против преступлений, за совершение которых она предусмотрена, имеет всеобщий характер <1>.

<1> См.: Bohm R. The Death Penalty in America: Current Research, 1991; Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. P. 235; Сессар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Правоведение. 1998. N 4.

Опросы общественного мнения позволяют выделить и другие объективные факторы, характеризующие субъективное восприятие проблемы смертной казни в индивидуальном и групповом сознании. Специальные исследования прямо указывают на то, что правовая неосведомленность населения, неполнота и искаженность правовых представлений (о дифференциации ответственности, квалификации преступлений, санкциях и т.д.) - универсальный фактор, не имеющий национальных границ и не зависящий от особенностей культурного развития, правовых систем и механизмов правосудия. Правовая неосведомленность формирует установки без элементарного представления о сути и основных аспектах проблемы, по которым проводятся опросы.

В США исследования правовых представлений населения начались еще в 70-х годах после опубликования так называемой гипотезы судьи Т. Маршалла, которая содержалась в решении Верховного суда США по знаменательному для американской юстиции делу *Furman v. Georgia* (когда смертная казнь была признана мерой, противоречащей конституции, и потому ее применение запрещалось). Суть ее состояла в том, что "в целях соответствия конституции нужно попытаться выяснить мнение осведомленного электората", причем его предпочтения смертной

казни должны быть сознательным выбором. Т. Маршалл считал, что поддержка смертной казни населением США является результатом недостаточных знаний по этой проблеме - будь общественность информирована больше, она поддерживала бы аболиционистские идеи куда более решительно <1>.

<1> См.: Bohm R. American Death Penalty Opinion: Past, Present, and Future // America's Experiment with Capital Punishment: Reflections on the Past, Present, and Future of the Ultimate Penal Sanction. 1998. P. 25 - 42.

Исследования в разных странах показывают, что аргументы сторонников смертной казни основаны главным образом на эмоциональных мотивах, на обывательских представлениях, а не на знании фактологии предмета. Информации о сложности и противоречивости этой проблемы широкие слои населения не имеют, они не знакомы ни с тенденциями в практике ее применения, ни с драматическими моментами принятия решения по конкретному уголовному делу, ни с процедурой исполнения приговора и потому исходят лишь из представлений, возникающих на основе эмоциональных факторов, под впечатлением трагедии конкретного преступления. Давно подмечено, что высокая эмоциональная насыщенность вообще является отличительной чертой социальных стереотипов массового сознания <1>.

<1> См.: Резник Г.М. Социально-интегрирующая роль уголовного права и стереотипы общественного сознания // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 51.

Кроме того, следует иметь в виду, что общественное мнение как категория социальная отличается инерционностью. За исключением экстремальных ситуаций общественное мнение меняется очень медленно, "традиции держат" <1>. Все это наряду с правовой неосведомленностью населения, неполнотой и противоречивостью информации, сообщаемой средствами массовой информации, делает достоверность и, следовательно, ценность таких опросов относительной. Но, главное, отсюда вытекает опасность для весьма вольной интерпретации результатов опросов, ориентированной не столько на криминологические реалии, сколько на складывающуюся политическую конъюнктуру. Поэтому карательные притязания населения, вытекающие из итогов опросов, не могут быть использованы в качестве основного ориентира для выбора уголовной политики, в том числе и особенно - для принятия политических решений по проблеме смертной казни <2>.

<1> См.: Веллер М. Кассандра. М., 2002. С. 195.

<2> См.: Максимов С.В. Эффективность общего предупреждения преступлений. М., 1992. С. 128 - 129.

Говоря о достоверности результатов опросов общественного мнения, отметим, что зачастую они не поддаются объективной оценке и интерпретации в силу не всегда корректной методики опросов. Это касается нарушений требований к репрезентативности выборки, составу респондентов, к формулировкам и последовательности поставленных вопросов и предлагаемых вариантов ответов, к необходимости учета социально-политического контекста ситуации, в которой проводятся опросы, а также учета других, в том числе психологических, нюансов, которые обусловлены спецификой проблематики смертной казни и потому требуют необходимых знаний и подготовки тех, кто проводит эти опросы.

Отметим также, что требование односложного ответа на раздвоенный вопрос само по себе не является корректным. Но тут важен и другой психологический момент. Люди отвечают в ходе опроса по своему разумению, руководствуясь обыденным сознанием, а оно цепляется за первое попавшееся "Да", не заботясь о тонкостях всей конструкции <1>.

<1> См.: Соколов М. Методика изготовления сенсаций. Как социологи делают из нас идиотов // www.GlobalRus.ru. 11 октября 2004 года. А.Э. Жалинский в связи с этим справедливо отмечает распространение методик анализа общественного сознания, скорее, его деформирующих, чем исследующих (см.: Жалинский А.Э. Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. 2007. N 10. С. 64).

Практика проведения подобных опросов в США показывает, что особенно важное значение для оценки реального состояния общественно мнения имеет предложение альтернативного решения проблемы. К концу 90-х годов смертную казнь здесь поддерживало 77% населения, но когда в качестве ее альтернативы было названо пожизненное заключение без права досрочного освобождения, уровень поддержки смертной казни снизился до 50%. По данным ряда исследований, поддержка смертной казни снижалась еще более интенсивно (до 43%, а в

некоторых штатах до 25%), когда в качестве альтернативы вместе с пожизненным лишением свободы без права на досрочное освобождение называлось еще и возмещение ущерба родственникам потерпевшего <1>.

<1> См.: Bowers W., Steiner B. Death by Default: An Empirical Demonstration of False and Forced Choices in Capital Sentencing // Texas Law Review. 1999. Vol. 77. P. 605 - 706; Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. P. 237.

При проведении опросов особенно важное значение имеет, далее, фактор места и времени. Для анализа результатов опроса важно не только как, но где и когда именно опрашивались респонденты. Психологически объяснимо, что в периоды относительной стабилизации, в рутинные моменты общественной жизни итоги опросов могут быть одни, а в период резкого обострения политической или криминальной ситуации, всегда связанного с сильными эмоциональными всплесками, характер общественных умонастроений может весьма существенно меняться. Это подтверждает и отечественный опыт, и опыт регулярных опросов общественного мнения в зарубежных странах. В Великобритании, в Испании, ФРГ, Бельгии и в других странах показатели поддержки смертной казни среди населения сильно колебались, когда опросы проводились сразу же после массовых террористических актов или наиболее жестоких актов насилия.

Общественное мнение нельзя рассматривать как явление статичное; это категория динамичная, которая в разные периоды истории той или иной страны характеризуется разной амплитудой колебаний.

Следует, далее, подчеркнуть, что массовое сознание не является простой суммой индивидуальных мнений. У индивида, в отличие от толпы, есть, как уже отмечалось, разум, есть совесть, есть свое понимание вещей <1>. На массовом уровне эти индивидуальные качества исчезают, они замещаются инстинктами. Необходимость критического отношения к результатам опросов общественного мнения (особенно по столь специфичной проблеме, как смертная казнь), помимо сказанного выше, обусловлена и тем, что наряду с внешними существуют и внутренние закономерности социальной психологии. Одна из них отчетливо проявляется при реакции респондентов на перемену ролей, когда при опросе неосознанная роль потенциального преступника меняется на вполне осознанную роль судьи <2>. В этом случае мышление и поведение респондентов строятся по другим, порой парадоксальным психологическим правилам.

<1> См.: См.: Лаврин А. 1001 смерть. М., 1991. С. 105.

<2> См.: Максимов С.В. Указ. соч. С. 88 - 89.

Ригоризм абсолютного большинства респондентов, как уже отмечалось, характеризуется их отчужденностью от всего, что непосредственно связано с назначением и исполнением смертного приговора. Однако в указанном состоянии смены ролей эта отчужденность дополняется осознанием своей качественно иной социальной роли, иных возможностей и иного выбора. Эти респонденты, как и все остальные, конечно, не знают, что ни тяжесть санкции, предусмотренной в уголовном законе, ни тяжесть назначаемых судами наказаний напрямую не определяют действительного значения суровости кары как фактора общего предупреждения наиболее опасных посягательств (о чем говорить, если этот фактор до сих пор переоценивают даже видные криминологи?). Но ригоризм таких респондентов, как правило, значительно выше - они ведь уже сами судьи, они уже иначе осознают и свою значимость, и справедливость своего "профессионального" выбора, своей ролевой оценки и потому выбирают более суровую кару. Отмечая эти парадоксы психологии респондентов, напомним "постоянный психологический закон, по которому даже профессиональные судьи избегают присуждать к чрезмерно суровым наказаниям" <1>.

<1> Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 247.

2. Соединенные Штаты Америки. Данные статистики о масштабах и динамике применения смертной казни в США хотя и весьма красноречивы, но они не могут ответить на вопрос о том, как меняется политическая и социально-психологическая ситуация в стране, показать какие качественные метаморфозы в общественной жизни сопровождают изменения в законодательстве и практике применения этой меры наказания, их причины и психологический фон, состояние и характер общественно-политической атмосферы.

Учитывая, что ссылка на общественное мнение является наиболее распространенным доводом противников отмены смертной казни, исследование этого аспекта проблемы представляется особенно важным.

В разных странах и на разных стадиях их развития общественное мнение, как уже отмечалось, по-разному относится к институту смертной казни. Во многих странах вопрос быть или

не быть смертной казни, поляризуя общественное сознание, приобретал и приобретает характер мучительной социальной дилеммы <1>. И здесь надо отметить, что особенности исторического и политического развития американского общества существенно отличаются от ситуации в странах Западной Европы, от исторического и культурного развития России, Китая, Японии и других стран; эти особенности формируют качественно иное и, главное, в разные годы в разной мере, но всегда дифференцированное восприятие смертной казни обществом в целом и различными социальными группами. Другое дело, что при всех этих различиях институт смертной казни издавна стал неотъемлемой частью американской культуры. Если быть более точным, смертная казнь стала таким атрибутом еще задолго до образования США - с тех пор, как в колониальной Виржинии в 1608 году был приведен в исполнение первый смертный приговор <2>.

<1> См.: Кудрявцев И.А. Противна природе человека // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 429.

<2> См.: Квашис В. Смертная казнь в США: 25 лет после моратория // Юридический мир. 2002. N 10. С. 20.

Любое политико-правовое решение властей в США, как известно, зависит от возможных потерь голосов избирателей. Поэтому в стране издавна проводят предварительный зондаж общественного мнения по той или иной проблеме. Применительно к смертной казни такого рода опросы с 1936 года довольно часто проводятся Институтом Гэллапа, различными средствами массовой информации, другими специализированными организациями. С годами менялись их масштабы и периодичность, совершенствовались методики изучения общественного мнения, росли уровень технического оснащения исследований и степень их достоверности, но все они так или иначе указывали на то, что при всей инерционности и консервативности общественного мнения отношение к смертной казни всегда отличалось значительной поляризацией взглядов.

Общественное мнение нельзя, как уже отмечалось, рассматривать как явление статичное; наоборот, это категория динамичная, которая в разные периоды истории той или иной страны характеризуется разной амплитудой колебаний. Проведенный автором ретроспективный анализ итогов многолетних опросов в США показывает, что с 1936 по 1957 г. число сторонников смертной казни в стране снизилось с 61% до 47%; спустя десять лет - в 1966 году смертную казнь поддерживали от 42% до 38% - это минимальный показатель за все последующие 40 лет. В 1967 - 1976 гг. число сторонников казни колебалось в пределах 50%, а с 1977 года стало ежегодно постепенно нарастать и к 1996 году составляло 77%. Если же весь этот период наблюдений разделить на два равных отрезка в 30 лет, то окажется, что с 1936 по 1966 г. число сторонников этой меры сократилось с 51% до 42%, а с 1966 по 1996 г. выросло - с 42% до 77%.

Такое сопоставление свидетельствует, по нашему мнению, не только о динамичности и меняющемся уровне поляризации общественного мнения, но и, возможно, о существовании определенных чередующихся циклов, характеризующих эту динамику. Иначе говоря, согласно ранее высказанной автором гипотезы, изменения в состоянии общественного мнения носят маятниковый характер, а следовательно, при наличии тех или иных условий этот маятник меняет направление хода <1>.

<1> См.: Квашис В. Смертная казнь и общественное мнение // Государство и право. 1997. N 4.

Может показаться, что эти условия очевидны. Однако парадокс в том, что по крайней мере с 1993 года увеличение числа сторонников смертной казни происходило не на фоне роста наиболее опасных преступлений, а наоборот, на фоне их последовательного снижения, повышения общего уровня защищенности граждан и безопасности в обществе, на фоне заметного улучшения, а не ухудшения общей социальной и экономической ситуации в стране <1>.

<1> См.: Квашис В. Преступность в США: реальность позитивных изменений или "временное исключение"? // Уголовное право. 2005. N 5. С. 97 - 100.

Население США, как уже отмечалось, относится к смертной казни по-разному, причем оценки опрошенных меняются в зависимости от того, в какой форме ставится вопрос. Так, при формализованных ответах ("да" или "нет") на сформулированный в общей форме вопрос о целесообразности сохранения смертной казни число сторонников в разные годы составило: в 1978 г. - 62% (27% - против); в 1981 г. - 66% (25%); в 1985 г. - 72% (20%); в 1987 г. - 79% (16%); в 1991 г. - 76% (18%); в 1994 г. - 80% (16%); в 1996 году - 77% (против - 13%) <1>.

<1> См.: Elesworth P., Gross S. Hardening of the Attitudes: American Views on the Death Penalty // Journal of Social Issues. Vol. 50. N 2. 1994. P. 48 - 49; Sourcebook of Criminal Justice Statistics. 1995. P. 609; Sourcebook of Criminal Justice Statistics. 1996. P. 159.

Однако эти показатели не совсем точно отражают реальное положение вещей, ибо на самом деле поляризация общественного мнения намного выше. Когда в ходе опроса в 1995 г. вопрос был сформулирован иначе - "Какое наказание предпочтительно за убийство - смертная казнь или пожизненное заключение?", то оказалось, что предложение альтернативы весьма существенно меняет пропорцию оценок: за применение смертной казни высказались лишь 50%, а 32% опрошенных - за пожизненное заключение.

Такая формулировка вопроса, конечно, является методически более корректной, а оценка состояния общественного мнения - более точной, ибо выбор предлагаемой альтернативы, как отмечалось, точнее и достовернее отражает характер восприятия смертной казни в общественном сознании и психологии населения. На этот методически крайне важный нюанс при проведении опросов указывали многие исследователи.

Дальнейший анализ позволяет дифференцировать отношение к смертной казни среди различных социальных групп и отметить определенные статистические связи и закономерности, в том числе увязанные с тенденциями виктимизации населения. Оказалось, например, что выбор смертной казни предпочтительнее для мужчин, хотя, по данным статистики, женщины составляют 77% всех жертв убийств. При равных показателях виктимизации оказалось, далее, что среди чернокожего населения страны число сторонников смертной казни в 2,5 раза меньше, чем среди белых.

Однако линейные связи здесь учитывают лишь долевые распределения. На самом деле, как отмечают американские исследователи, психологическое отношение афроамериканцев к проблеме смертной казни куда сложнее и противоречивее. Всегда настроенные против смертной казни в большей степени, чем белые, всегда сознающие, применении этой меры связано с расовой дискриминацией, темнокожие американцы тем не менее все чаще высказываются за применение смертной казни <1>.

<1> См.: Elesworth P., Gross S. Hardening of the Attitudes: American Views on the Death Penalty // Journal of Social Issues. Vol. 50. N 2. 1994. P. 49 - 52.

Линейные связи очевидны и в группах с более высоким уровнем образования, где больше противников этой меры. Выяснилось также, что с увеличением возраста число сторонников этой меры убывает (меньше всего их среди лиц старше 50 лет), тогда как наибольшее число ее приверженцев - среди молодежи. Одно из объяснений такой зависимости связано, на наш взгляд, с тем, что в США 25% всех жертв убийств - молодежь в возрасте от 18 до 24 лет.

Наибольшей поддержкой смертная казнь пользуется, кроме того, среди жителей южных штатов, особенно среди тех, кто проживает в пригородах и сельской местности, а также среди граждан с более высоким уровнем доходов. И, наоборот, среди жителей северных штатов страны противники смертной казни составляют подавляющее большинство.

Весьма скептически всегда оценивали превентивные возможности смертной казни и работники полиции. Еще в 1995 году исследовательская группа Харта провела опрос шефов полиции крупных городов США, который показал, что среди наиболее актуальных социально-правовых мер борьбы с преступностью роль смертной казни ничтожна и потому этой мере отводится самое последнее, "символическое" место. По итогам этого опроса 31% шефов полиции среди таких мер назвали борьбу с наркоманией; 17% - экономические меры, в первую очередь борьбу с безработицей; 16% - совершенствование законодательства, следственной и судебной практики; 10% - увеличение численности полиции; 3,0% - сокращение продажи огнестрельного оружия и лишь 1,0% - назвали применение смертной казни.

Опросы населения США не дают сколь либо достаточных данных, чтобы судить об отношении к смертной казни людей различного вероисповедания. Это не случайное явление. И хотя добро и зло всегда были религиозными понятиями, религиозное видение мира сегодня сильно изменилось, понятия добра и зла стали более индивидуальным, они стали проблемой выбора. Социологические исследования, проведенные в разных странах, показывают, что, несмотря на очевидную противоречивость позиции мировых религий (доводы в защиту смертной казни и против нее не трудно найти и в Библии, и в Коране, и в Талмуде), влияние религиозных воззрений является одной из детерминант, формирующих отношение общества к смертной казни.

Христиане, например, повсеместно преобладают и среди сторонников этой меры наказания, и среди ее противников <1>. Объяснение такой ситуации, скорее всего, связано с давно подмеченным дуализмом христианского учения <2>. В 2000 году Русская Православная Церковь хотя и отказалась осудить мораторий на казни, тем не менее выступила за целесообразность решения проблемы путем референдума <3>.

<1> См.: Parekh A., de la Rey Ch. Public attitudes towards the death penalty in South Africa: a life or death decision // Acta Criminologica. 1996. Vol. 9. N 1. P. 107 - 108.

<2> М.Н. Гернет по этому поводу писал: "Защита смертной казни "служителями Христа" всегда вызывала к себе большое удивление и поражала своей неожиданностью...

Однако история борьбы со смертной казнью показывает, что эти неожиданности повторялись слишком часто, и пора бы уже привыкнуть к ним. Пока Церковь была гонимой в первые века христианства, духовенство и на словах и на деле было горячим противником казней. Но наступили новые времена, и положение резко изменилось, но когда существованию палача начинает грозить опасность со стороны законодательных учреждений, то белое и черное духовенство выступает на защиту казни и пытается доказать, что она не противна религии" (Гернет М.Н. Смертная казнь. М., 1913. С. 14); см. также: Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 142.

<3> См.: Версия. 2000. N 33. С. 20.

На этом фоне особый интерес приобретает невиданная прежде активизация усилий весьма влиятельной в США католической церкви, направленных на всемерную поддержку аболиционистского движения. И хотя во главу угла ставятся идеи милосердия, такой поворот событий знаменателен, прежде всего, прямым обращением Церкви к доктрине светского правозащитного движения, к уважению и защите фундаментальных прав человека, в первую очередь, права на жизнь. Эти идеи падают на благодатную почву, ибо американское общество основано на религиозных и этических началах, которые делают его восприимчивым к моральным аргументам, особенно к позиции церкви <1>.

<1> См.: Hanks G. Against the death penalty. Scotsdale, 1997; Simon R.J., Blaskovich D. A Comparative Analysis of Capital Punishment. P. 5 - 26; Mandery E. Capital Punishment: A Balanced Examination. P. 23 - 26.

Несомненно, особая заслуга в активизации усилий католической церкви, направленных против смертной казни, принадлежит Иоанну Павлу II. Еще в ноябре 1998 года в своем Рождественском послании впервые в истории современной церкви он публично выступил против казней, призвал покончить с ними и тем самым защитить право на жизнь; он также призвал объявить в 2000 году всемирный мораторий на исполнение смертных приговоров.

27 января 1999 года, выступая в Сент-Луисе (США), понтифик вновь заявил, что растущее признание человеческой жизни есть знак надежды на то, что оно не исчезнет даже в тех случаях, когда кто-то совершает большое зло. Современное общество, по его убеждению, обладает достаточными средствами для самозащиты, чтобы отказывать преступнику в возможности исправления. "Поэтому, - заявил понтифик, - я призываю положить конец смертным казням как наказанию чрезмерно жестокому и не являющемуся необходимым" <1>.

<1> См.: Associated Press. January 28. 1999; Квашиш В. Католическая церковь за отмену смертной казни // Российская юстиция. 2000. N 5. С. 10 - 11.

В канун 2000 года в традиционном обращении к верующим Папа Римский снова призвал католиков добиваться отмены смертной казни. Он сказал, что отныне каждый раз, когда кого-то помилют или в какой-либо стране отменят смертные приговоры, Колизей в Риме будет освещаться золотистыми лучами в течение двух дней. Для пропаганды борьбы с насилием Колизей избран не случайно - на протяжении веков на его арене проливали кровь людей, ставших жертвами низменных инстинктов толпы.

В те же дни в Нью-Йорке выступил официальный представитель святого престола в ООН папский нунций Ренато Мартино. Он заявил: "Популистская эксплуатация чувства страха или незащищенности людей не может служить серьезным аргументом; преступность в значительной мере будет побеждена всесторонними воспитательными мерами, эффективной работой полиции, политикой, направленной на выявление и ликвидацию коренных причин правонарушений. Наказание должно обезопасить общество, должно быть пропорционально содеянному, но оно не должно лишать преступника возможности стать полезным членом общества". Как видно, в подходах и оценках Католической церкви проявились не только определенная новизна традиционных для духовенства альтруистических воззрений, но и восприятие криминологической аргументации, получающей все более широкую научную базу и признание.

12 марта 2000 года Иоанн Павел II сделал в известном смысле историческое заявление, признав во время покаянной службы ("Mea culpa") прегрешения Католической церкви. Фактически он пересмотрел роль Католической церкви в мировой истории последних двух тысячелетий. В этот день он принес "коллективное покаяние" в грехах, совершенных Католической церковью за всю

историю ее существования. Среди них и покаяние в нетерпимости и насилии, в прегрешениях против человеческого достоинства, а также в прегрешениях против прав личности.

Растущая в Америке и в Европе религиозная оппозиция является важным вкладом в мировое аболиционистское движение. Религиозный протест против смертной казни все больше укрепляет этическое неприятие этой меры наказания. Особую активность в США развернула, как только что отмечалось, Католическая церковь, но католики не одиноки. В 2005 году более 1000 лидеров разных религиозных конфессий призвали положить конец применению казней <1>.

<1> См.: This Life We Take. 2000. P. 35; The Death Penalty in 2005: Year End Report.

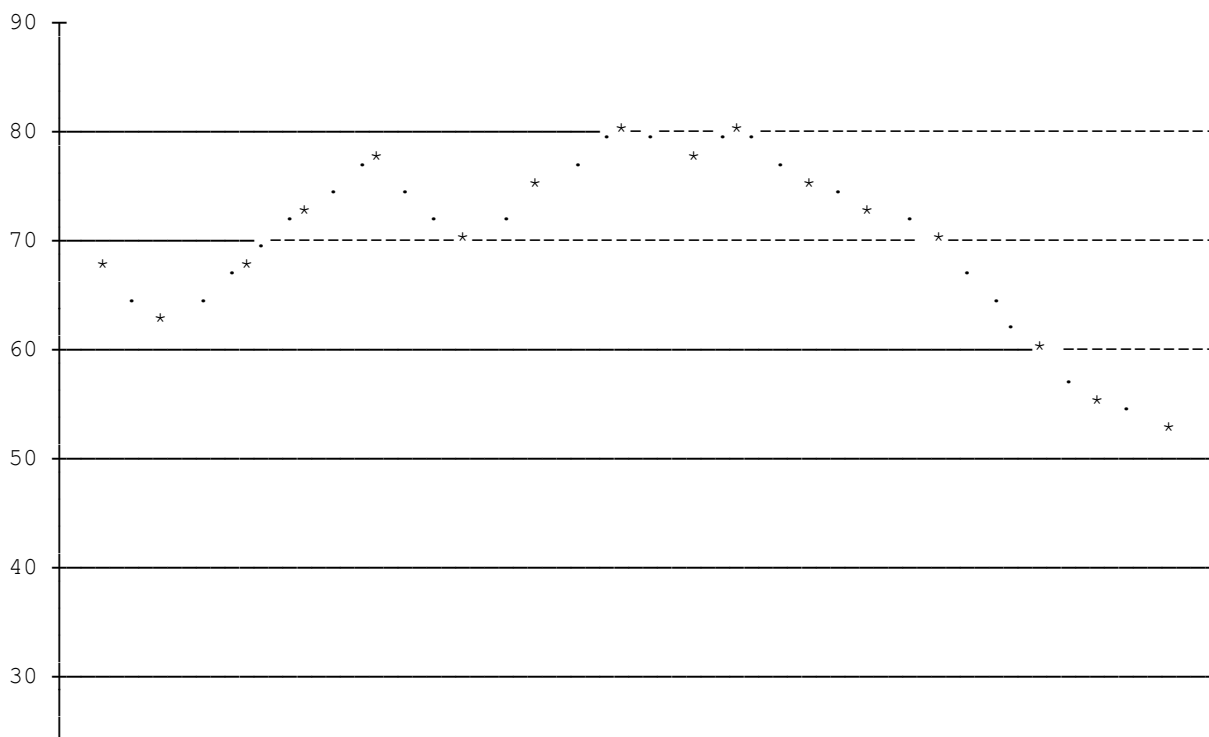
Если Католическая церковь все более активно поддерживает новации светских властей, касающиеся последовательного ограничения смертной казни, то на другом полюсе остается духовенство исламских стран, укрепляющее всесилье шариатского суда. В итоге отношение различных религиозных учений к проблеме смертной казни рисует достаточно мрачную картину ужесточения этого противостояния. Клерикалы стремятся взять под контроль всю систему правоохранительных органов и отправления правосудия. Поэтому, как показывает ситуация в Саудовской Аравии, в Иране и других мусульманских странах, рассчитывать на либерализацию позиций духовенства в сколь либо близкой перспективе не приходится. В этом отношении подход Католической церкви знаменует не только трансформацию религиозной доктрины, но и надежды на более широкое переосмысление гуманистических представлений о ценности человеческой жизни, о значимости фундаментальных прав человека в современном обществе.

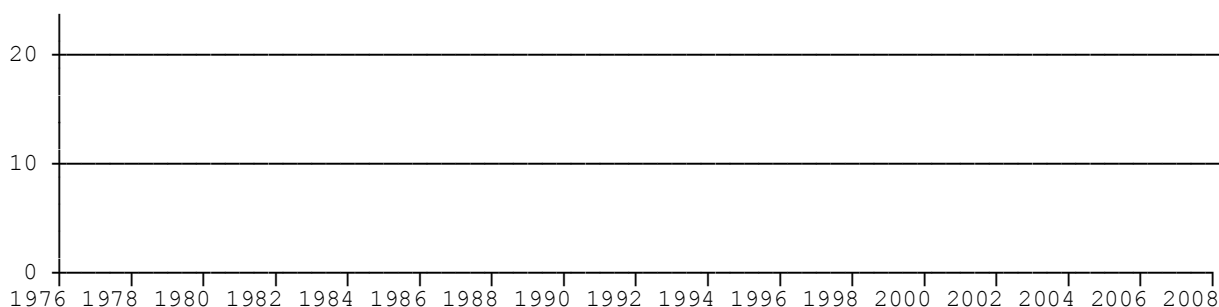
Возвращаясь к хронологии опросов, отметим, что в конце 90-х гг. маятник общественного мнения в США изменил направление хода - началось последовательное и повсеместное снижение числа сторонников смертной казни. Опрос, проведенный в 2000 году газетой Los Angeles Times, показал, что в Калифорнии, например, с 1990 по 2000 г. число сторонников смертной казни снизилось с 78% до 58%.

По итогам общенационального опроса, проведенного в апреле 2001 года газетой USA Today, поддержка этой меры среди населения страны снизилась до 59%; спустя три недели другой национальный опрос, проведенный телекомпанией ABC News, показал, что 51% американцев выступают за установление моратория на казни (это был самый высокий показатель противников смертной казни за истекшие 20 лет); одновременно 45% отметили, что предпочитают в качестве альтернативы пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение. Но самое примечательное состоит в том, что поддержка смертной казни не выросла даже после потрясших страну событий 11 сентября 2001 года.

График N 13

Уровень поддержки смертной казни в США в 1976 - 2007 гг.

К объяснению причин такой резкой метаморфозы общественного мнения еще предстоит обратиться, а пока важно отметить два принципиальных момента. Во-первых, несмотря на общую тенденцию к смягчению ригоризма общественного сознания, жители разных штатов относятся к смертной казни по-разному и в целом поляризация мнений сохраняется. Во-вторых, предложение альтернативной меры наказания существенно меняет пропорцию оценок и дает куда более достоверное представление о состоянии общественного мнения.

Надо сказать, что в последние годы в США довольно быстро растет число сторонников альтернативных смертной казни мер наказания - пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение либо с правом досрочного освобождения после отбытия, как правило, 25 лет, а по законам Техаса, например, после отбытия 40 лет. Если же к альтернативе смертной казни в виде пожизненного заключения без права на досрочное освобождение добавляется еще и обязанность осужденного возместить причиненный ущерб семье погибшего, то уровень поддержки смертной казни среди населения в целом снижается до 50%.

По данным ряда исследований, поддержка смертной казни во многих штатах в этом случае снижалась еще более интенсивно (до 43%, а в некоторых штатах до 25%) <1>. В Мичигане, например, где смертная казнь была запрещена еще 155 лет назад, опрос, проведенный 19 мая 2001 года газетой Detroit Free Press, показал, что за смертную казнь высказались лишь 35% опрошенных, тогда как 53% предпочитают пожизненное заключение без права на досрочное освобождение и возмещение ущерба, причиненного семье погибшего.

<1> См.: Bowers W. and Steiner B. Death by Default: An Empirical Demonstration of False and Forced Choices in Capital Sentencing // Texas Law Review. 1999. Vol. 77. P. 605 - 706; Hood R. The Death Penalty: A Worldwide Perspective. P. 237.

Опрос, проведенный 25 марта 2002 года Zogby International в столице штата Нью-Йорк, показал, что смертную казнь как наказание за умышленное убийство здесь поддерживают 55%; 42% опрошенных являются ее противниками. Когда же респондентам была предложена альтернатива в виде пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение, то эту меру назвали 67% и лишь 27% предпочтительным назвали наказание в виде смертной казни. Близкие результаты показали аналогичные опросы, проведенные в 2001 году в Огайо, Флориде и других штатах страны.

Данные об огромных расходах на приведение смертных приговоров в исполнение до последнего времени оставались вне поля зрения общественности и лишь сравнительно недавно привлекли к себе внимание. Как показали опросы, проведенные в Нью-Йорке и других штатах, число сторонников смертной казни снижалось с 72% до 56%, когда респондентам сообщали, что казнь обходится налогоплательщикам намного дороже, чем пожизненное содержание таких осужденных в местах заключения.

Явно недостаточная информированность общественного мнения о различных аспектах смертной казни явление, как отмечалось, повсеместное. Обывательские представления о ее необходимости нигде не отличаются глубиной и знанием предмета. В странах с тоталитарным режимом табу на любую информацию о смертной казни всегда было традиционным. В США, наоборот, всегда была уникальной открытость и доступность любой информации по этой проблеме, будь то число казней в стране или штате, данные об "очереди смертников", любые данные о личности осужденных, намеченных датах казни, правилах и способах исполнения приговора и т.п. Помимо разноплановой статистической информации, регулярно публикуемой Бюро уголовной статистики Министерства юстиции США, общественные организации, исследователи, да и просто любой гражданин в любое время могут пользоваться различными материалами, которые публикует Информационный центр по проблемам смертной казни. Другое дело, насколько эта информация востребована обывателем. Отсюда и его информированность в проблеме.

Как и многие другие политико-правовые институты США, институт смертной казни в США не избежал серьезных технологических изменений, которые в последние 15 - 20 лет затронули все

другие сферы жизни американского общества. Стремительная эволюция Интернета, например, создала широкие возможности изучения проблемы смертной казни и наблюдения за развитием событий для массового пользователя сети; множество ежедневно обновляющихся сайтов дает американцам всестороннюю информацию по этой проблеме, оказывая заметное влияние на изменение общественных умонастроений, на переосмысление роли смертной казни в деле борьбы с преступностью. Показательно, что еще в 2000 году, отражая меняющиеся настроения американцев, журнал "Newsweek" вынес на обложку номера огромный заголовок - "Переосмысливаем смертную казнь" <1>.

<1> См.: Newsweek. 2000. 12 June.

Невозможно, далее, переоценить меру влияния на массовое сознание телевидения и кино. В первую очередь это относится к таким сразу же ставшим бестселлерами фильмам, как "Dead Man Walking", "Paradise Lost", "A Time to Kill", "Green Mile", "Last Dance", "The Child Murders at Robin Hood Hills", "The Chamber" и другие.

К концу 90-х гг. в США стали разворачиваться события, весьма серьезно изменившие общественную атмосферу вокруг института смертной казни. Среди факторов, в наибольшей мере повлиявших на значительное изменение общественных настроений, стало распространение информации о вскрытых судебных ошибках, о нарастающем числе необоснованно приговоренных к смертной казни и спустя долгие годы освобожденных из тюрем, где содержались "смертники".

Периодически появляющиеся в прессе и на телевидении новые данные об освобожденных из "очереди смертников" в связи с необоснованностью обвинения вызывали все более сдержанное отношение к смертной казни среди широких слоев населения страны, причем этот процесс развивался довольно быстро и приобретал необратимый характер.

Опросы, регулярно проводимые средствами массовой информации, показывали, что две трети американцев предпочитают приостановить приведение в исполнение смертных приговоров до тех пор, пока не будет полностью доказана справедливость обвинения и жалобы осужденных не будут пересмотрены. Не случайно, обобщая итоги опросов и оценивая перспективы смертной казни, газета New York Times констатировала: "Время этой идеи прошло" <1>.

<1> См.: Gerber B. Dead Wrong // New York Times. February 1. 2000.

В самом деле, уже к началу 2000 года число сторонников смертной казни в стране впервые за 20 лет резко снизилось; в Калифорнии, например, за установление моратория на исполнение смертных приговоров высказалось 73% населения; общественное движение за введение такого моратория быстро набирало силу и в других штатах - Мэриленде, Огайо, Индиане. Законодатели штата Небраска, например, еще весной 1999 года проголосовали за установление двухлетнего моратория на казни, однако губернатор наложил вето на этот законопроект; чтобы преодолеть вето не хватило всего лишь трех голосов. Тем не менее активисты движения против смертной казни добились создания специального фонда и выделения 160 млн. долларов на изучение в течение двух лет уголовных дел, по которым суды штата вынесли смертные приговоры.

Наиболее мощное аболиционистское движение сформировалось в Калифорнии, Иллинойсе и Нью-Йорке. В январе 2000 года губернатор Иллинойса Джордж Райан объявил о введении моратория на исполнение смертных приговоров; он принял это решение после того, как был освобожден тринадцатый по счету необоснованно осужденный (Э. Портер провел в тюрьме 15 лет и был освобожден в связи с доказанной невиновностью за два дня до казни!). "Я не могу, - заявил губернатор, - поддерживать систему, допускающую количество ошибок, которое привело к бесконечному кошмару, когда государство убивает невиновных" <1>.

<1> См.: Goodstein L. Death Penalty Falls From Favor As Some Lose Confidence in Its Fairness // New York Times. June 17. 2001.

Введение моратория в Иллинойсе получило огромный резонанс. Как отмечал журнал Newsweek, сначала казалось, что это событие одного дня, однако уже вскоре стало ясно, что это одно из важнейших событий года в истории всей страны. Действительно, за короткий отрезок времени политический климат в стране резко изменился, активисты движения за мораторий в национальном масштабе наращивали усилия, в это движение включились и сами ошибочно осужденные; все больше, отмечали наблюдатели, зреет ощущение реального прогресса на этом пути, все сильнее общественное мнение стало поворачиваться против казней.

18 декабря 2000 года в Нью-Йорке Генеральному Секретарю ООН было вручено обращение по поводу установления всемирного моратория на казни - его подписали 3,3 млн. человек из 146 стран, включая, разумеется, и самих американцев <1>.

<1> См.: Квашис В. Смертная казнь в США: 25 лет после моратория // Юридический мир. 2002. N 10. С. 23 - 24.

В новое тысячелетие США вступали уже с новым президентом - убежденным сторонником смертной казни. Дж. Буш еще недавно хвастался тем, что за всю историю США ни один губернатор не санкционировал такого числа казней. Не случайно впервые в истории страны во время церемонии инаугурации президента произошли бурные протесты и стычки с полицией активистов правозащитных организаций, не без основания опасавшихся нового всплеска казней.

При прогнозировании дальнейшего развития ситуации отмечалось, что, несмотря на личный "вклад" Дж. Буша в распространенность смертной казни в стране, число казней будет снижаться, ибо ситуация в мире за последнее время резко изменилась и США уже не смогут столь грубо и демонстративно дистанцироваться от мирового аболиционистского движения. Последующие события подтвердили обоснованность такого прогноза - число казней, как уже отмечалось, ежегодно снижалось; при этом оно сопровождалось последовательным снижением числа смертных приговоров, что подтверждало весьма существенные изменения умонастроений в американском обществе.

9 апреля 2002 г. правозащитные организации в США и за рубежом отметили знаменательное событие - в этот день из "очереди смертников" был освобожден 100-й необоснованно осужденный к смертной казни <1>.

<1> См.: Квашис В. Смертная казнь в США: 25 лет после моратория // Юридический мир. 2002. N 10.

Аболиционистское движение внутри страны к этому времени все больше крепло и консолидировало мощные политические силы. 26 июня 2002 года за установление моратория на исполнение смертных приговоров проголосовали члены городского Совета многомиллионного Нью-Йорка (39 против 12) - самого большого из 73 муниципалитетов штата, которые также приняли резолюции, призывающие к прекращению казней до тех пор, пока не будут досконально изучены проблемы обоснованности и справедливости вынесения смертных приговоров.

В сентябре 2002 года произошло еще одно знаменательное событие - губернатор штата Мэриленд Паррис Гленденинг объявил о моратории на исполнение смертных приговоров до получения результатов специального исследования практики применения этой меры в университете штата. И хотя всего через несколько месяцев мораторий был отменен новым губернатором штата, проведенное учеными исследование выявило большое число фактов проявления расового, социального и географического неравенства, а также необоснованных приговоров.

В начале 2003 года страна узнала об уникальном за всю историю США решении губернатора Иллинойса Джорджа Райана о помиловании всех 167 "смертников", ожидавших казни в тюрьмах этого штата. Губернатор принял названное решение 12 января 2003 года - за день до истечения срока своих полномочий. Накануне, 11 января 2003 года, Джордж Райан уже освободил четырех "смертников". Они, как выяснилось, дали признательные показания под пытками полицейских. Остальным 167 осужденным смертная казнь на основании решения губернатора была заменена пожизненным лишением свободы. Дж. Райан сообщил о своем решении в весьма ярких выражениях: "Поскольку система вынесения смертных приговоров в Иллинойсе является деспотичной и капризной, а значит, аморальной, я более не буду пытаться латать дыры в этой машине убийств".

Говоря об индикаторах общественного мнения, следует иметь в виду, что его колебания, его "приливы" и "отливы" не связаны со статистическими изменениями в динамике тяжких преступлений, о которых широкая общественность представления не имеет. Более того, единичное, но редкое по своей жестокости преступление способно, как уже отмечалось, вызвать такое эмоциональное потрясение в общественном сознании, что нередко даже в странах, давно отменивших смертную казнь, активизируется кампания за ее восстановление, и такого рода факты могут резко изменить показатели очередного опроса. Именно поэтому колебания общественного мнения при ретроспективном анализе не всегда поддаются логическому объяснению, и, следовательно, попытки установления корреляционных зависимостей между статистикой преступности и динамикой общественного мнения, скорее всего, не могут быть плодотворными.

Так, например, с 1980 по 1985 г. число убийств в США снизилось на 25%, а число сторонников смертной казни, наоборот, возросло с 65% до 76%. Те же параметры общественного мнения зафиксированы соответственно в 1987 г. и в 1991 г., хотя число убийств в эти годы было абсолютно одинаковым. Еще один пример: к началу 1995 года поддержка смертной казни достигла, как отмечалось, наивысшей отметки (80%), хотя число убийств к этому периоду заметно снизилось.

К началу 2003 года поддержка этой меры наказания в общественном мнении американцев не возросла, несмотря ни на трагедию 11 сентября 2001 года, ни на на шумевшую "бойню снайпера" в конце 2002 года в столичном округе Колумбия и в соседнем Мэриленде.

В 2004 году по настоянию общественности и деятелей уголовной юстиции смертная казнь вновь была отменена в штате Нью-Йорк, где за долгие годы не приводился в исполнение ни один смертный приговор.

Регулярные опросы населения продолжали регистрировать все более заметное снижение уровня поддержки смертной казни в обществе, все больший скептицизм людей относительно сдерживающих возможностей этой меры наказания. Опросы Гэллапа, проведенные в мае 2003 и в мае 2004 гг., показали, что, по мнению 62% опрошенных, смертная казнь не способна удержать от совершения убийства; лишь 55% американцев считают, что смертная казнь назначается "справедливо".

В этот период, как отмечалось, продолжала расти и поддержка альтернативной меры наказания в виде пожизненного заключения без права досрочного освобождения. В 2003 году за нее высказались 44%, в 2004 году - 46% (еще десять лет ее поддерживало лишь около 30% опрошенных). Если же такой альтернативы в ходе опроса не предлагалось, поддержка смертной казни в 2004 году доходила до 71%. Однако спустя полтора года и этот показатель, как показал опрос Гэллапа в октябре 2005 года, снизился до 64% - это был самый низкий показатель с 1977 года.

По-своему интересны и результаты опроса, проведенного в 2005 году компанией CBS News. На вопрос "Какое из предлагаемых наказаний вы предпочитаете назначать за убийство?" 39% опрошенных назвали смертную казнь; столько же (39%) - пожизненное лишение свободы без права досрочного освобождения; 6,0% - пожизненное или длительное лишение свободы с правом досрочного освобождения. Эти результаты весьма красноречиво подтверждают и общее снижение уровня поддержки смертной казни в американском обществе, и значимость предложения альтернативной меры наказания.

Опросы, проведенные в различных штатах в феврале и в марте 2006 года, подтвердили указанную тенденцию. Против смертной казни высказалось большинство жителей штата Нью-Йорк, а в Калифорнии, например, эту меру поддерживали лишь 63% (в 1986 году смертную казнь в этом штате поддерживали 81%, а в 2002 году - 73% опрошенных).

Наконец, по данным национального опроса Гэллапа в мае 2006 года, лишь 47% опрошенных поддержали применение смертной казни за убийство, тогда как 48% отдали предпочтение пожизненному лишению свободы без права досрочного освобождения. Кроме того, 64% опрошенных заявили, что смертная казнь не может быть средством сдерживания убийств (противоположное мнение высказали лишь 34%).

По сравнению с результатами опросов 80-х и начала 90-х годов, когда абсолютное большинство опрошенных поддерживало смертную казнь, считая ее эффективной мерой, сдерживающей рост тяжких преступлений, приведенные данные отражают весьма драматичные изменения в структуре и характере массового сознания американцев. К сказанному добавим, что к середине 2007 года из "очереди смертников" за последние 30 лет были освобождены 125 человек, необоснованно привлеченных к ответственности, и этот фактор в формировании и изменении массового сознания продолжает играть весьма важную роль.

Итак, американцы все больше утрачивают веру в справедливость и эффективность смертной казни, их традиционная вера в целесообразность этой меры наказания все больше уступает место серьезному переосмыслению моральной стороны проблемы. Другое дело, что мнения сторонников смертной казни в стране еще преобладают и потому маловероятно, что в ближайшей перспективе ситуация изменится, "если только мы не станем свидетелями каких-либо непредвиденных событий, способных в корне изменить общественное мнение" <1>. Но, похоже, таковых на горизонте не видно и, скорее всего, можно утверждать, что на ближайшее будущее смертная казнь как составная часть американской уголовно-правовой системы еще сохранится.

<1> Смит Д. Указ. соч. С. 718.

3. Япония. Миф о превентивных возможностях смертной казни, о способности этой меры наказания устроить и удержать от совершения преступления других потенциальных преступников издавна поселился в общественной психологии и в этом отношении общественное сознание японцев вовсе не является чем-то уникальным.

Смертная казнь издавна стала одним из элементов национальной культуры, а от исторически сложившихся атрибутов общественной жизни в Японии отказываться не принято. Тем не менее еще с начала 90-х годов в стране развернулась довольно оживленная дискуссия вокруг проблемы смертной казни; у этой дискуссии были свои "приливы и отливы", которые сопровождалась всплеском полярных эмоций - в зависимости от особенностей сложившейся в данный момент политической конъюнктуры или состояния криминальной ситуации в стране.

В научных кругах единой позиции по этой проблеме тоже не существует. Сторонники отмены смертной казни опираются на гуманистические концепции, на отсутствие эффективности общей превенции, а также на необратимый характер этой меры в случае возможной судебной ошибки. Противники отмены этой меры наказания исходят из концепции справедливости. Среди них наиболее ортодоксальными взглядами отличается позиция известных японских правоведов Сугиямы и Вати, отмечающих, что "смертная казнь - это такое уголовное наказание, которое лишает преступника жизни и навечно запрещает его социальное существование. Оно стимулирует человеческий инстинкт сохранения жизни, обладает мощным потенциалом устрашения против преступных деяний, а вместе с тем позволяет рассчитывать на силу сдерживания и высоко эффективно в качестве общей превенции; однако это наказание не дает результата в воспитании преступника" <1>.

<1> Цитируется по: Еремин Н.В. Указ. соч. С. 492.

Похоже, в научной полемике эта позиция пока еще преобладает, тем более что японская уголовно-правовая доктрина до пор ориентирована на классические европейские концепции XVIII - XIX веков, совпадающие с некоторыми "азиатскими ценностями", но противоречащие аргументам современного аболиционистского движения. Учитывая, что основным компонентом таких "азиатских ценностей" является конфуцианство, проблема смертной казни в Японии, как и в других азиатских странах, связывается прежде всего с идеями справедливости и возмездия <1>.

<1> См.: Byung - Sun Cho. The death penalty in South Korea and Japan: "Asian values" and the debate about capital punishment // Hodgkinson P., Schabas W.A. Capital Punishment. Strategies for Abolition. Cambridge, 2004. P. 254.

Так или иначе, поскольку все аргументы "за" и "против" универсальны и давно известны, дискуссия в обществе ходит по кругу и в основном носит эмоциональный и умозрительный характер, тем более что информация о реальном положении дел в этой сфере от общества всячески скрывается, а вся практика применения и особенно исполнения смертной казни, как уже отмечалось, окутана завесой секретности.

Умозрительный характер этой дискуссии связан и с тем, что специальных исследований эффективности применения смертной казни японскими криминологами практически не проводилось; здесь нет того массива научной информации по этой проблеме, который был накоплен в ходе многочисленных исследований в США, Великобритании, Канаде, в ЮАР и в других странах. Вероятно, объективной причиной такой ситуации служит отсутствие достоверных статистических данных о числе смертных приговоров и казней, которые позволяли бы судить о наличии или отсутствии влияния этой меры на динамику преступности в целом и особенно на динамику убийств. А из тех данных, которые известны, объективно можно констатировать лишь то, что в течение нескольких послевоенных десятилетий число смертных приговоров и казней постоянно снижается, а число убийств практически не растет.

Противники и сторонники отмены смертной казни интерпретируют этот статистический факт по-разному. Наиболее информированные ученые из числа сторонников отмены смертной казни, ссылаясь на исследования американских криминологов, высказывают предположения, что в Японии смертная казнь не оказывает сдерживающего влияния на преступность <1>.

<1> См.: Shigemitsu, Dando. The Criminal Law of Japan: The General Part. 1997. P. 290; Schmidt, Petra. Capital Punishment in Japan. P. 110 - 111.

Среди весьма немногочисленных эмпирических исследований, проведенных японскими учеными, можно назвать анализ факторов преступности, сделанный в 1992 году Мацумурой и Текеучи. Ученые установили, что ни количество арестов, ни казни не оказывают сколько-либо существенного воздействия на уровень преступности, но зато безработица напрямую связана с ростом убийств <1>. Поддерживая этот вывод в принципе, нельзя все же не сказать о том, что единичный характер казней ставит под сомнение не только достоверность результатов, но и саму возможность расчета каких-либо статистических корреляций.

<1> См.: Миядзава С. Загадочная Япония - испытательный полигон для сравнительных криминологических исследований. Криминологические исследования в мире. М., 1995. С. 1.

Сторонники смертной казни критически относятся к выводам Т. Селлина, Э. Саттерленда и других американских ученых об отсутствии корреляции между применением этой меры и динамикой убийств; они убеждены в том, что эти выводы никак не могут быть распространены на криминологическую ситуацию в Японии, условия которой существенно отличаются от условий

США, а также от условий, в которых смертная казнь отменялась, скажем, в Германии или в Италии. Угроза казни, по их убеждению, настолько важный фактор, что она сама по себе удерживает потенциальных преступников от совершения преступления <1>.

<1> См.: Mihara, Kenzo, *Genealogy of the Discussion on Capital Punishment*. Tokyo, 1991. P. 45; Kikuta Koichi. *The End of Execution Rate Zero - The Meaning of Executions under Minister of Justice Gotoda*. 1993. P. 23.

Означает ли сохранение смертной казни, что японские деятели юстиции и политики верят в эффективность этой меры? Скорее всего, на этот вопрос следует ответить отрицательно, ибо, как заметил видный английский исследователь Роджер Худ, "тот факт, что некоторые страны сохраняют смертную казнь, но редко казнят преступников, является доказательством их веры в символическую силу смертной казни для сдерживания или пресечения тяжких убийств".

Посмотрим теперь, как обстоит положение дел в массовом сознании населения страны. Опросы по проблеме применения смертной казни в Японии проводятся с 1953 года. Всего за эти годы университетами страны, редакциями газет, а также Канцелярией правительства проведено около 30 опросов, различающихся по охвату опрошенных, возрастным группам, профессиональной принадлежности, а также по методике опроса.

Что показывают эти опросы? Их результаты существенно разнятся по числу сторонников и противников смертной казни, но во всех случаях преобладает поддержка необходимости сохранения этой меры. Наиболее высокий уровень такой поддержки был зафиксирован при опросе, проведенном газетой "Асахи" в 1982 году, - он составил 76%; максимальный показатель противников смертной казни при опросе, проведенном Ассоциацией адвокатов в 1991 г., составил 45,8%. Один из последних опросов, проведенных Канцелярией правительства в 1999 г., показал, что за отмену смертной казни высказались лишь 8,8%, тогда как в поддержку этой меры - 76,3% опрошенных.

Известно, что при принятии тех или иных политических решений инициируемые властями страны опросы не ограничиваются такой целью, как зондаж общественного мнения. Нередко такие опросы проводятся тогда, когда власти не хотят брать на себя ответственность за принимаемые решения и как бы делятся ею с обществом. В результате создается видимость ситуации, при которой власти были вынуждены принимать (или не принимать) то или иное решение "с учетом общественного мнения населения страны". Не менее известным является и другой способ манипуляций общественным мнением, когда публикуемые итоги опросов, инициированных властью, представляют собой не что иное, как желание власти показать и навязать обществу ее собственное мнение.

У японских правительственных чиновников есть широкий простор для манипулирования сознанием граждан. Инициированные правительством социологические опросы - это, вообще говоря, фантом, одно из средств ресурсного обеспечения для такого рода манипуляций. Поэтому вовсе не случайно во всех опросах, проведенных Канцелярией правительства, уровень поддержки смертной казни всегда был значительно выше, чем при опросах, проведенных университетами, правозащитными организациями или же средствами массовой информации.

Так, при опросе, проведенном Канцелярией правительства в 1997 году, уровень поддержки смертной казни составил 73,8%, а против ее сохранения высказались 13,6%. Между тем опрос, проведенный в том же году газетой "Асахи", дал совсем иные результаты - сторонники смертной казни составили 40,2%, а противники этой меры - 47,2%. Высокий уровень поддержки смертной казни, который дают итоги опросов, проводимых Канцелярией правительства, обеспечивается тривиальной постановкой вопросов и ответов, заведомо ущербной с точки зрения методики опросов ("за" или "против").

Предложение альтернативы, как уже отмечалось, само по себе дает другие, а главное, куда более достоверные итоги опроса. Это типичная ситуация для подобных опросов, проводимых в любой стране: чем выше социологическая культура опроса, тем достовернее его результаты. Однако половина всех проведенных в Японии опросов строилась именно на такой безальтернативной основе. Неправительственные организации, проводящие такие опросы, стараются детализировать суть вопроса и предлагают разные варианты ответов. Такие опросы дают качественно иную картину состояния общественного мнения. Основной результат этих опросов состоит в том, что и сторонники смертной казни, и противники ее сохранения не хотят радикальных и, главное, поспешных решений.

Сторонники этой меры вовсе не за то, чтобы навсегда сохранить ее; с другой стороны, противники смертной казни вовсе не хотят немедленной отмены этой меры. Японцы, как отмечает П. Шмидт, "народ суперконсервативный", и потому в обеих группах две трети, отвечая на вопрос о будущем смертной казни, высказываются именно за постепенную отмену этой меры наказания.

Следует отметить, что с ноября 1989 по март 1992 года в Японии *de facto* действовал мораторий на исполнение смертных приговоров. Причина такой ситуации, как отмечалось в

японской печати, вовсе не была связана ни с изменениями в позиции правительства, ни с положением дел в сфере борьбы с преступностью, ни с реакцией на инициативы правозащитных организаций. Дело в том, что в этот период все три последовательно сменявших друг друга министра юстиции отказывались подписать приказы о приведении смертных приговоров в исполнение. И вовсе не потому, что они были убежденными противниками смертной казни, а потому, что просто "не решались брать на себя ответственность и лишать людей жизни, пусть и от имени государства" <1>. Однако их противники настояли на том, что "личные мнения министров не должны приниматься во внимание", и казни в стране возобновились.

<1> Железняк О.Н. О практике применения смертной казни в Японии // Право и политика. 2001. N 3. С. 63.

В Японии, в отличие от положения дел в США, все, что так или иначе связано с исполнением смертных приговоров, полностью окутано завесой секретности. По давней традиции правительство отказывается раскрывать реальное положение дел в этой сфере, ссылаясь на то, что данные о числе казненных приводятся в ежегодных отчетах Министерства юстиции. С середины 90-х годов в ответ на усиливающуюся критику со стороны национальных и особенно международных правозащитных организаций власти Японии в лице Министерства юстиции и Верховного суда, выступая за сохранение смертной казни, время от времени демонстрируют готовность идти навстречу требованиям о снятии завесы секретности вокруг практики исполнения смертных приговоров. Но правительство и министры юстиции меняются так часто, что спрашивать о выполнении обещаний уже не с кого.

Зная преобладающие в обществе настроения, японские власти весьма вяло реагируют на любые призывы покончить со смертной казнью. Из наиболее массовых акций такого рода можно назвать, например, митинг противников смертной казни в 1992 году в Токио, на котором звучали призывы повсеместно отпраздновать 1000 дней, в течение которых Япония жила без казней (с 1989 по март 1992 года). Тогда за продление моратория выступали многие политические деятели и видные деятели уголовной юстиции, однако правительство, ссылаясь на мнение большинства населения страны, игнорировало такие призывы и исполнение смертных приговоров в Японии возобновилось, причем только за один первый год было совершено семь казней.

Подписавший в апреле 1992 г. приказ о проведении первых трех казней министр юстиции М. Готода заявил в парламенте, что порядок и законность в стране не могут поддерживаться, если министр по личным мотивам будет отказываться приводить в исполнение приговор, вынесенный судом на основании действующего в стране закона. Сменивший М. Готода в 1993 г. А. Микадзуки поддержал позицию своего предшественника. Хотя "это очень тяжело и больно с человеческой точки зрения", заявил новый министр, но все же он будет уважать решения суда и намерен подписывать приказы о приведении в исполнение вынесенных смертных приговоров, ибо иной подход противоречил бы закону.

Эту же линию поддерживали и министры юстиции в других кабинетах. Так, на пресс-конференции в июле 1996 г. министр юстиции Японии Р. Нагао - первая женщина, подписавшая смертный приговор, заявила: "В нынешней обстановке, когда продолжают совершаться ужасные преступления, подавляющее большинство людей заявляют, что они хотели бы, чтобы смертная казнь сохранилась. Я считаю, что должна выполнять свои обязанности, учитывая эти чувства населения" <1>.

<1> См.: Железняк О.Н. О практике применения смертной казни в Японии // Право и политика. 2001. N 3. С. 63.

Возобновление практики казней послужило сигналом для активизации противников этой меры. В 1994 г. в японском парламенте была сформирована депутатская группа (чаще ее называют парламентской Лигой за отмену смертной казни), поставившая перед собой задачу установления в стране моратория на исполнение смертных приговоров. Требуя большей гласности, они вместе с правозащитниками настаивают на том, что открытость в исполнении смертных приговоров позволит общественности осознать архаичность наказания в виде смертной казни, что в условиях демократии эта мера не должна рассматриваться как проявление воли информированного большинства населения страны. Однако деятельность этой группы, насчитывающей лишь 15% парламентариев, блокируется абсолютным большинством, которое составляют и, вероятно, еще долго будут составлять в парламенте сторонники смертной казни.

Более активной и потому известной в стране является деятельность таких аболиционистских организаций, как Национальная ассоциация юристов, японское отделение "Международной Амнистии" и "Форум 90". Именно активисты "Форума 90" подготовили документы и выступления для проведенного в 2001 г. первого международного конгресса против смертной казни; основные положения подготовленного ими доклада легли в основу острой критики японского правительства

на проходившей одновременно с конгрессом сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы (напомним, что Япония приглашена в Совет Европы в качестве страны-наблюдателя). Реакцией на эту критику послужил семинар в мае 2002 года, который проводил Комитет по законодательству японского парламента совместно с представителями ПАСЕ и Лигой за отмену смертной казни, где обсуждались перспективы сотрудничества с целью установления моратория на казни.

Этот семинар, конечно, несколько не приблизил указанные перспективы, он явился всего лишь актом вежливости и формальным подтверждением желания японской стороны развивать сотрудничества с ПАСЕ. Единственно значимым моментом этого семинара стало выступление Сакаи Менда, который провел в тюрьме 33 года, в том числе 6 лет в камере смертников, до того, как в 1983 г. он был оправдан и освобожден в связи с пересмотром уголовного дела. Менда стал, кстати говоря, первым (но не последним), кто вышел на свободу после осуждения к смертной казни.

22 ноября 2002 г. национальная ассоциация юристов совместно с парламентской Лигой аболиционистов представили в парламент страны (Diet) предложения и рекомендации, призывающие к проведению широких общественных дебатов по устранению секретности, окружающей все, что связано со смертными приговорами, и к установлению моратория на казни. В подготовленных ими проектах решения парламента предлагалось внести изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее порядок рассмотрения и апелляции по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, а также создать при правительстве страны специальный комитет по контролю за рассмотрением такого рода дел с участием представителей Национальной ассоциации юристов и Лиги парламентариев-аболиционистов.

Намерения европейских парламентариев убедить японское правительство отказаться от смертной казни выглядят чрезмерно оптимистичными. Когда же речь заходит о политическом давлении и прямых угрозах ПАСЕ, то такого рода попытки воздействия на парламент и власти Японии кажутся и вовсе наивными. Японцы народ исключительно вежливый даже когда они решительно не согласны с партнерами, но это не та страна, с которой можно разговаривать тоном политического или тем более экономического диктата, не та страна, которую можно запугать, например, потерей статуса наблюдателя в Совете Европы. Португальцы открыли Японию для Европы еще в 1542 г., но, похоже, представления европейцев об особенностях психологии и культуры японцев еще не в полной мере осмыслены.

Несмотря на то что в 1979 году Япония ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах, сменявшие друг друга правительства страны, не меняя набора аргументов, последовательно игнорируют призывы международных организаций об отмене смертной казни. Еще в 1982 году на заседании Комитета Генеральной Ассамблеи ООН представитель Японии заявил: "Большинство населения страны поддерживает сохранение смертной казни, особенно за совершение чудовищных преступлений и считает, что она является эффективным сдерживающим средством".

В 1991 году Генеральная Ассамблея ООН приняла второй Протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, целью которого является отмена смертной казни, и лишь две страны голосовали против этого решения - США и Япония. В парламенте Японии были названы следующие причины такого решения:

- отмена этой меры должна рассматриваться в соответствии с общественным мнением и криминальной ситуацией в стране;
- мнение международной общественности по поводу отмены смертной казни не является однозначным;
- сам Пакт в Комитете ООН был принят без достаточного обсуждения.

За всеми приведенными здесь причинами скрывается, однако, не что иное, как защита принципа суверенитета, не допускающая возможности вмешательства во внутренние дела страны. Давно замечено, что азиатские страны, в том числе и Япония, постоянно формировали и формируют необходимое им большинство стран, голосующих против проектов резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и Комитета по правам человека, касающихся отказа от смертной казни. При этом основным аргументом противников резолюций о моратории на смертную казнь является так называемый принцип суверенитета. Между тем статья 3.7 Азиатской хартии прав человека гласит: "Все страны Азии должны отменить смертную казнь. Там, где она еще существует, ее применение может иметь место лишь в редчайших случаях, когда речь идет о самых чудовищных преступлениях" <1>.

<1> См.: Yash Chai. Our Common Humanity: The Asian Charter on Human Rights. Hong Kong. Human Rights Commission, 2000.

Видимо, именно эта оговорка дала Японии возможность присоединиться к Азиатской хартии и оправдывать наличие смертной казни в законодательстве именно для такого рода преступлений,

хотя на самом деле практика применения казней ими вовсе не исчерпывается. Как бы то ни было, власти Японии достаточно четко дали понять, что отмена смертной казни в стране не планируется, вмешательство во внутренние дела страны нежелательно, а сравнение с зарубежными тенденциями и международным общественным мнением не относится к делу и вообще неуместно.

Япония, как и США, голосовала против Резолюции Комитета ООН по правам человека от 3 апреля 1998 г., призывающей к отмене смертной казни. Японское правительство подписало обращение к председателю Комитета, в котором государства, сохраняющие смертную казнь, просили уважать глубоко укоренившиеся традиции правосудия. И, судя по всему, отходить от этой линии японские власти вовсе не намерены.

Власти Японии время от времени предпринимают определенные шаги, с тем чтобы информировать население страны не только о свершившихся, но и намечаемых казнях. Но здесь в основном сказывается не столько линия правительства, сколько собственные инициативы и личные качества постоянно сменяющих друг друга министров юстиции.

Так, в июле 1998 года министр юстиции К. Симоинаба не только признал факт состоявшейся казни, но и поделился чувствами, которые испытал, подписывая приказ о приведении приговора в исполнение. Он сообщил, что такой акт накладывает очень большую ответственность и он по несколько раз изучал каждое конкретное дело, прежде чем поставить свою подпись под приказом о казни. Сменивший его на этом посту С. Накамура, вероятно, еще не успел войти в роль, когда в ноябре того же года заявил, что не видит особого смысла в том, чтобы скрывать от граждан факт исполнения смертной казни, но окончательного решения по этому вопросу еще не принял и должен проконсультироваться в правительстве <1>. Похоже, такие "консультации" состоялись и подобных выступлений больше не было. Министерство юстиции по-прежнему иногда объявляет о состоявшихся казнях, но ни даты казни, ни имен казненных не называет.

<1> См.: Железняк О.Н. Указ. соч. С. 64.

Что же касается общего отношения к проблеме смертной казни, то позиция правительства, как и уровень приводимой аргументации, как бы передаются по наследству и независимо от меры либерализма того или иного министра юстиции остаются неизменными. Летом 2004 г. министр юстиции Нозава Дайзо заявил на встрече с группой парламентариев-аболиционистов и делегацией "Международной амнистии", что он крайне обеспокоен общим ухудшением состояния правопорядка и именно эта ситуация не позволяет ставить вопрос об отмене смертной казни, которую по-прежнему поддерживает абсолютное большинство населения страны. Хотя сам министр Дайзо за девять месяцев работы в этой должности не подписал ни одного приказа о проведении казни, его аргументы, по мнению правозащитников, являются фикцией, т.к. и в период моратория на исполнение смертных приговоров состояние преступности в стране никак не отличалось улучшением <1>.

<1> См.: AI Index: ASA 22/003/2004. "Japan: Fear of imminent execution".

Другое дело, и это вынуждены признать международные эксперты и правозащитные организации, что в последние годы японское правосудие крайне неохотно идет на применение смертной казни и особенно на исполнение таких приговоров <1>. Хотя оно всемерно поддерживает широко распространенное в общественном сознании мнение о том, что отмену смертной казни в стране нельзя форсировать, что должна она проходить постепенно.

<1> См.: Towards Abolition: The Law and Politics of the Death Penalty. 1998. Annual Report. "Hands off Cain". 1998. P. 90.

Именно это стремление японцев к постепенному решению проблем почти 200 лет назад отмечал известный русский мореплаватель и этнограф В.М. Головин, который провел несколько лет в японском плену. Он, в частности, отмечал, что правительство Японии "видит многие весьма важные недостатки в своем законодательстве,... но боится переменить оное вдруг, а делает это постепенно и весьма медленно" <1>. Это, кстати говоря, относится и к попыткам реформирования Уголовного кодекса 1907 года, Закона о тюрьмах 1908 года и других законодательных актов.

<1> Головин В.М. Записки капитана флота Головина В.М. о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 гг. с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. С. 327 - 32.

Возвращаясь к результатам опросов общественного мнения, отметим, что среди причин, по которым следует сохранить смертную казнь, большинство ее сторонников называют общую превенцию и необходимость возмездия; лишь 20% - частную превенцию. Они боятся, что в случае

отмены этой меры уровень насилия в обществе значительно возрастет <1>. Что же касается основной причины для отмены смертной казни, то в обеих группах - среди сторонников и противников этой меры - большинство опрошенных называют вероятность судебной ошибки.

<1> Петра Шмидт приводит любопытную классификацию ценности человеческой жизни в ответах сторонников смертной казни: большинство из них считают ее необходимой мерой за убийство полицейского и гораздо меньшая часть - за убийство парламентария или министра (Schmidt P. Ibid. P. 169).

Интересные результаты дают, далее, ответы на вопрос о предпочтительности альтернативных мер наказания. По данным различных опросов, от 15% до 35% всех опрошенных выступают за пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение; за пожизненное лишение свободы с правом на досрочное освобождение высказались от 30% до 65%. Причем если противники смертной казни считают второй вариант достаточной альтернативой, то сторонники смертной казни в качестве альтернативы допускают лишь пожизненное лишение свободы без права на освобождение.

Из 24 опросов, результаты которых опубликованы, лишь в трех ставился вопрос, соответствует ли применение смертной казни ст. 36 Конституции. В среднем - по всем опросам - 35% считают, что смертная казнь - это варварская мера наказания, нарушающая право на жизнь и противоречащая Конституции.

Еще одна сторона проблемы, которую вскрывают такие опросы, - отсутствие у общественности достаточной информированности о различных аспектах применения и особенно о процедурах, связанных с исполнением смертной казни. Эта проблема характерна, как уже отмечалось, для итогов опросов, проводимых во многих странах, но для Японии она стоит особенно остро, так как любые сведения о числе лиц, ожидающих казни, и об исполнении смертных приговоров скрыты за плотной завесой секретности. Японские правозащитники и ученые считают, что отсутствие у населения страны информации об этих аспектах проблемы является решающей причиной тех результатов, которые дают опросы общественного мнения.

При всей значимости указанного фактора поддержку смертной казни в общественном мнении Японии по крайней мере в последние 10 лет следует все же связывать с иными причинами. Консервативное в целом отношение японцев к смертной казни - результат террористических акций, совершенных членами секты "Аум Сенрике", а также потрясших страну серии похищения детей. Особое место в криминальных событиях 90-х годов занимает так называемая "зариновая атака" секты, когда в марте 1995 года в токийском метро в результате отравления газом пострадало около 5 тысяч человек и 12 человек погибли. Поэтому большинство японцев с одобрением встретило смертные приговоры террористам, а опросы общественного мнения на рубеже XX века показали наиболее высокий уровень поддержки смертной казни <1>. Так, на одном из процессов по делу названной секты в 2002 году прокурор представил суду 76 тысяч подписей граждан, ходатайствующих о назначении террористам наказания в виде смертной казни.

<1> См.: Daily Yomiuri. 1 October 1999.

Еще один взрыв общественного возмущения произошел в 2000 году после зверского убийства восьми учеников начальной школы, которое в одном из районов Осаки совершил душевнобольной Такума Мамору. После этого, как отмечалось в газете Japan Times, одобрение смертного приговора Такуме можно было считать практически единодушным <1>.

<1> См.: Japan Times. 15 June 2001.

Отметим, что, судя по сообщениям прессы и комментариям аналитиков криминальной ситуации в перспективе, вряд ли можно рассчитывать на смену отношения населения к проблеме смертной казни на основе "типично японского консенсуса". Более точной, как уже отмечалось, будет констатация желания японцев сохранить статус-кво. С уверенностью можно сказать лишь одно: хотя чудовищные преступления против детей и женщин время от времени вынуждают общество требовать виселицу для таких преступников, тем не менее иногда приводимое в печати мнение, будто японцы хотят навсегда сохранить смертную казнь, лишено оснований.

Другое дело, однозначное отношение к этой проблеме со стороны японских властей. Впрочем, анализируя ситуацию, австралийский исследователь Петра Шмидт замечает: "Отменяют ли власти Японии смертную казнь или нет, это вопрос второй. Куда более важным является сохранение порядка, при котором системой наказаний правят настроения судей, министров и бюрократии из Министерства юстиции" <1>.

<1> Schmidt P. Ibid. P. 191.

Японские правозащитники и ученые связывают перспективы отмены смертной казни в стране и с позицией, которую займут США. Если бы, говорят они, США отказались от смертной казни, аналогичное решение было бы принято и правительством Японии. Но поскольку такая линия поведения США на обозримую перспективу практически исключается, то до реальной отмены смертной казни в Японии еще довольно далеко.

Как уже отмечалось, Парламентская Ассамблея Совета Европы в 2001 году решительно осудила позицию США и Японии по применению смертной казни. В Резолюции 1253 (2001) "Отмена смертной казни в государствах - наблюдателях Совета Европы" Ассамблея констатировала, что США и Япония нарушают свои обязательства по Уставной резолюции (93) 26 о статусе наблюдателя. Ассамблея потребовала, чтобы Япония и США безотлагательно ввели мораторий и приняли необходимые меры для отмены смертной казни, а также незамедлительно улучшили условия содержания осужденных, находящихся в ожидании казни, с целью смягчения последствий "синдрома камеры смертников". Ассамблея постановила (п. 10 Резолюции), что если к 1 января 2003 г. не произойдет существенных сдвигов в деле выполнения ее требований, то будет поставлен вопрос о сохранении за Японией и США статуса наблюдателя в Совете Европы.

Последовавшие вскоре трагические события 11 сентября 2001 года кардинально изменили политическую ситуацию в мире и могло показаться, что они сняли остроту проблемы смертной казни. Однако в Резолюции 1349 (2003) от 1 октября 2003 года Парламентская Ассамблея вновь выразила свою озабоченность по поводу того, что Япония и США как страны-наблюдатели нарушают обязательства по продолжению "трансатлантического диалога" по проблеме смертной казни и приложению усилий к ее отмене <1>.

<1> См.: AI Index: IOR 30/008/2003. 30 September; AI Index: ACT 53/004/2003.

В заключение следует еще раз отметить, что какой бы жесткой ни была позиция международного сообщества, и власти, и активные сторонники сохранения смертной казни твердо стоят на том, что японское общество еще не готово к отмене этой меры. Более того, по мнению властей, нет никакой необходимости форсировать такую отмену потому, что, во-первых, она и без того применяется крайне редко; во-вторых, как показывают опросы, большинство населения страны выступает за сохранение этой меры наказания; в-третьих, к ситуации в Японии нельзя подходить с теми же мерками и аргументами, как, например, к ситуации в европейских странах или в США <1>. К тому же власти ссылаются на то, что еще очень многие государства применяют такую меру наказания, причем за более широкий круг преступлений и в гораздо более широких масштабах.

<1> См.: Guardian. 26 February 2001.

4. Россия. История распорядилась так, что Россия никогда не была страной демократической, не была и, вероятно, не скоро станет демократическим, действительно правовым государством. Правосознание и психология многих поколений людей в России несут на себе печать насилия и жестокости классовой борьбы, разрушительных войн и трагедий сменявших друг друга деспотических режимов. Во все времена народ оставался бесправным, забитым и нищим, влача рабское существование <1>. Все реформы и попытки вывезти страну из рабского состояния заканчивались возвратом к деспотии авторитарной власти.

<1> "Россия еще не вышла из периода борьбы за существование. Она еще не добилась тех условий, при которых возможно развитие внутренней жизни и культуры... Россия стонет в тисках развращенного чиновничества, поборов, насилия и грабежа... Общественная безопасность ничем у нас не обеспечена... Никто не уверен ни в своем достатке, ни в свободе, ни в жизни". Сказано это не вчера и не сегодня - это из разговора А.С. Пушкина с Николаем I в Кремле 8 августа 1826 года.

Прошло всего лишь полтора века с отмены крепостного права, когда рабство физическое в России было усилено тотальным рабством идеологическим, которое еще больше исковеркало психологию и менталитет народа, породило генетический страх последующих поколений. Три революции, Гражданская война, две Мировые войны, ужасы голода и коллективизации, нескончаемый массовый террор, уничтоживший десятки миллионов людей, - все это привело к тому, что страна на долгие годы обосновалась на обочине цивилизации <1>.

<1> См.: Гилинский Я.И. Преступность в современной России: ситуация, тенденции, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. N 4(5). С. 43 - 44; Яковлев А. Банкиры и большевики // Известия. 22.05.1996.

Обыватель, как известно, становится жесток, когда ему страшно. А вся история России веками замешана на страхе. Отличительная черта почти вековой Советской власти состояла в том, что именно страх был главным инструментом государственного управления. Современное психологическое состояние российского общества психологи также связывают именно с состоянием депрессии и страха - страха перед нищетой, преступностью, страха перед будущим. Во многом именно отсюда идет деградация общественного сознания. Масштабы и глубина его деградации дают основание психологам и политологам резонно утверждать, что общественного сознания как такового в России сегодня вообще нет. Россия симулирует демократию и законность, имперское величие и мощь, но симулировать изменение общественного сознания даже не пытаемся.

Традиционно высокий уровень карательных притязаний в российском обществе сегодня сохраняется не только в силу указанных исторических причин, но и в силу общего социального и экономического состояния общества, неэффективной борьбы с преступностью, тотальной незащищенности людей. Люди боятся поменять обстановку и привычную систему взглядов и представлений. Концепция гуманизма, правозащитные, религиозные и иные нравственные идеи и постулаты зависают в содрогающемся от страха общественном сознании; в обществе растет ощущение угрозы, а страх, как отмечалось, порождает жестокость, и потому люди требуют ужесточения наказания, причем не только для наиболее опасных преступников <1>.

<1> Аналогичная психологическая ситуация сложилась в начале 90-х годов в ряде стран Восточной Европы, в том числе в Восточных землях ФРГ, - после объединения Германии. Так, сравнительное исследование уровня ригоризма среди населения в Восточных и Западных землях показало, что уровень карательных притязаний среди жителей Восточных земель намного выше, чем среди жителей Западных земель, где уже давно сформировались иные правовые и нравственные представления, в т.ч. представления о ценности человеческой жизни, правах человека и т.п. (см.: Kury H., Ferdinand T. Public Opinion and Punitivity // International Journal of Law and Psychiatry. Vol. 22. N N 3 - 4. 1999. P. 379, 384 - 386).

Институт смертной казни в России, отношение общества к этой мере наказания, формирование психологии и репрессивного массового сознания имеют долгую и мучительную историю. Во многом это и сегодня крепостное сознание крепостных рабов. "Худшие из традиций старой России через сотни каналов - психологических, политических, нравственных - просочились в новое общество и по-хозяйски расположились в нем" <1>. Привычка к издевательствам и садомазохистские наклонности людей, по сути дела, не изменились. Чем сильнее бьет "хозяин", тем больше его любят. Вот только он не всегда достаточно тверд...

<1> Бурлацкий Ф.М. Вступительная статья к книге "Когда убивает государство". М., 1989. С. 7.

На пороге XXI века репрессивные установки в массовом сознании россиян не только не поколеблены, но еще больше укрепились. "Кажется, поменялось все, а репрессивность сознания осталась, - отмечает А.И. Приставкин. - Репрессивность сознания - вот одна из главных бед, когда мы начинаем взывать к мнению населения. Это далеко не правда, что мы очень добрый, жалостливый народ. Мы очень жестоки и мстительны" <1>.

<1> Всероссийская конференция по проблемам отмены смертной казни. Москва. 3 - 4 июня 1999 года. М., 2000. С. 46.

Жестокость и озлобленность, на самом деле, доминирующие черты общественного сознания в стране, где, по разным подсчетам, от 10% до 20% населения прошли через тюрьмы. Издевательства над людьми в милиции, в местах лишения свободы, в армии, в системе других государственных институтов и учреждений не могли не оставить глубокого следа, они глубоко и надолго травмировали общественное сознание. Сегодня в жизни российского общества ощущаются позитивные изменения, оно постепенно выходит из состояния аномии, накапливается опыт жизни в новых социально-экономических условиях, медленно, но растет уровень жизни, однако долготелетние травмы общественного сознания быстро не проходят.

В XIX веке в России много писали о сострадании и сочувствии как о черте, глубоко присущей русским людям. Ныне они не столько не знают, сколько не хотят знать об издевательствах и произволе, которые творила и творит власть (во всяком случае, пока этот произвол не затрагивает их лично). Люди искренне недоумевают, почему столько "шума" вокруг рядового Сычева (все знают, что в армии людей калечат тысячами). Почему такой "шум" вокруг арестованного Алексаняна - видимо, потому что олигарх. Не важно, что смертельно больного подследственного

перевели в больницу лишь по настоянию европейской юстиции, не важно, что и там его охраняют тюремщики и видеокamеры, что его, к тому же, держат на цепи. Запредельные издевательства тюремщиков, позорящие страну, ни обывателя, не власть не трогают - тысячи "зеков" повседневно страдают от художеств отечественной тюремной системы, - чем этот лучше других? А власть - она такая же, как народ...

В ходе одного из первых опросов ВЦИОМ в начале 90-х годов предлагалось несколько вариантов ответа на вопрос "Как следует поступать с правонарушителями?" (заметим, не с преступниками, не с убийцами!). Среди предложенных вариантов ответа - "ликвидировать", "изолировать", "оказывать помощь" или "предоставить самим себе" - чаще всего называлось привычное советскому сердцу и уху "ликвидировать". Не стоит удивляться - цена жизни в России всегда была мизерной.

Тоталитарное государство, 70 лет воевавшее со своим народом, пало, но "шоковая терапия" не способствовала смягчению нравов. "Надо понять кровожадность люмпенизированного социального слоя... Надо представить, какой запас агрессии и жестокости накопил советский человек за многие десятилетия смуты и страха. Чем больше человек боялся государства, тем больше он ожесточался... "Империя Зла" была, прежде всего, "Империей Страхa". Государство погружало обывателя в атмосферу страха, внушало ему - кругом враги, уничтожим их и жизнь изменится. И люди сами призывали государство к беспощадности" <1>. Эта психологическая установка настолько сильно закрепилась в массовом сознании, что многие и сегодня мечтают о "сильной руке".

<1> Агеев А. Бессмертная казнь // Профиль. 25.02.2002. С. 24.

Культура определяет менталитет народа. Мы живем в стране с тяжелой наследственностью, которая ведет свою историю со времен Ивана Грозного. Упование на государство, нежелание брать ответственность за самих себя, лень и необязательность, неистребимость воровства и коррупции, традиционно наплевательское отношение к закону, повальное пьянство - все это составляющие российской культуры. Каждое время, как известно, смотрит на вещи своими глазами. На дворе XXI век, давно покорены атом и космос, но в том, что касается культуры и психологии россиян, время, похоже, остановилось.

Следует признать, что деградация массового сознания - одна из печальных тенденций современного развития российского общества. Мало того, что "шоковая терапия" и фетишизация денег деформировали нравственность. Не секрет, что средний уровень образования в стране крайне низкий, интеллектуально нация все больше деградирует. Каждый четвертый житель страны уже "сидел"; психические заболевания занимают третье место среди всех заболеваний; психиатры и психологи фиксируют высокий процент людей с разной степенью дебильности. Во многом это следствие невиданной распространенности алкоголизма. В силу всего этого, а также по многим другим причинам доверять итогам опросов общественного мнения в России по меньшей мере наивно.

Свою лепту внесли и продолжают вносить средства массовой информации, особенно телевидение, благодаря которому, как заметил О. Попцов - недавний руководитель одного из телеканалов, "дебилизация населения уже состоялась".

Психологические перегрузки, которые стране пришлось пережить в 90-х годах, были и так запредельны, а тут еще СМИ обрушили на людей море повседневной криминальной информации, которую от них раньше скрывали. Наряду с повальной "криминализацией зрелищ" (В.В. Лунеев) ведущим жанром стала криминальная хроника, из которой следовало, что преступность непобедима. Все это создавало и создает ощущение, тотальной опасности, повсюду подстерегающей людей, ощущение постоянного напряжения и страха, эксплуатируемого СМИ, ибо страх представляет собой большой медийный ресурс. "Страх - товар, который продается куда лучше, чем надежда. Нарушая баланс между надеждой и тревогой, и не предлагая никаких рецептов преодоления проблем, а только лишь пугая людей, телевидение (особенно телевидение!) сознательно или неосознанно создает апокалиптическую картину мира, в котором если и есть надежда, то только на русское "авось" <1>.

<1> Петровская И. Продавцы страха // Известия. 23.03.2007.

Процесс криминализации зрелищ превращает преступное поведение в обыденность, в неотъемлемый атрибут повседневной жизни. Криминальными сюжетами наводнена и периодическая пресса, и бесчисленные "бестселлеры"; криминальная тематика доминирует на телевидении, развращая людей смакованием кровавых зрелищ, новыми "сенсациями", откровениями очередного маньяка и т.п. Во Франции, США, Великобритании и других странах всем этим давно "наелись", там к таким зрелищам выработан социальный иммунитет, а на телевидении действуют жесткие меры по ограничению демонстрации насилия.

Параллельно росту страха в стране укреплялась атмосфера тотального неуважения к закону; продолжался нарастать мощный поток социального расслоения, в результате которого большинство людей оказалось за чертой бедности. Только за последние 15 лет в России "выращено" 44-долларовых миллиардера - больше, чем во всей Европе; основными средствами производства владеет 1% насытившегося населения. Такого расслоения не знает ни одна развитая страна <1>.

<1> См.: Известия. 08.08.2007.

Большинство людей оказалось психологически не готово к новому порядку вещей, они восприняли свое новое состояние как величайшую несправедливость, проснулась давно усвоенная психологическая установка на насилие, на беспощадную борьбу с врагами. Как заметил Марк Розовский, наше дезориентированное в вопросах добра и зла общество агрессивных безбожников находится в жутковатом плену самообмана, считая, что насилие можно победить только насилием. "Чтоб другим неповадно было" - это иллюзия иллюзий...Но убийство за убийство у нас убийством не считается" <1>.

<1> Известия. 15.06.2006.

Социологи давно подметили, что чем меньше образован, чем меньше обеспечен и чем меньше защищен человек, чем ниже стоит он на социальной лестнице, тем дешевле он ценит жизнь, тем чаще признает репрессию основным средством наведения "порядка", тем больше сторонников "твердой руки", тем больше сторонников смертной казни.

Парадоксы российской ментальности особенно остро проявляются на фоне, казалось бы, несовместимых психологических процессов. С одной стороны, в общественном сознании все большее место занимает банализация зла и дедраматизация криминальной ситуации, привыкание к насилию и, как следствие, растущая терпимость к правонарушениям. С другой стороны, в массовом сознании, как уже отмечалось, растут страх перед преступностью и чувство тотальной незащищенности. Эти противоречивые тенденции оказывают крайне негативное влияние на формирование общественной психологии и в то же время обуславливают репрессивность массового сознания. И хотя население России не образует сколь-либо единого целого, деградация общественного сознания приобретает все более широкий характер, ибо реалии современной жизни не способствуют нейтрализации атавизмов, мифов, идеологической закодированности массового сознания.

Значимость мифологических представлений, издавна укоренившихся в сознании людей, нельзя недооценивать, тем более что российская культура обладает редкой способностью уклонения от реальности, когда делается одно, а в сознании миллионов людей отражается совсем другое.

Понятно, что сказанное касается не только отношения к проблеме смертной казни. Как заметил известный социолог Д. Дондурей, общественное мнение в России сегодня находится в "мировоззренческом ступоре", ибо люди полностью дезориентированы. Рабы так и остались рабами. Проведенный в начале 2008 года опрос ВЦИОМ показал, что из всех ценностей и приоритетов, предложенных в качестве ответов, лишь 1,0% (один!) опрошенных россиян назвали права человека.

Именно это состояние характеризует сознание миллионов людей, сознание, которое должно являться одним из главных ресурсов страны <1>. Таков в общих чертах психологический "портрет нации", с таким социально-психологическим багажом Россия вступила в XXI век.

<1> См.: Известия. 18.01.2000.

В последние годы Русская Православная Церковь все активнее вторгается в общественную жизнь и безуспешно пытается заполнить идеологическое пространство, освободившееся от влияния КПСС. Характер отделения Церкви и весь строй ее отношений с российским государством в конкретной ситуации по-разному влияют на выбор и формулирование позиции Церкви по той или иной проблеме. В последние годы растущее вмешательство Церкви в общественную жизнь приобрело масштабы, которые вызывают обеспокоенность ученых <1>.

<1> См.: Известия. 23.07.2007.

В 2000 году на Юбилейном Соборе Русская Православная Церковь, как уже отмечалось, отказалась осудить мораторий на казни. Позиция в отношении к смертной казни выражена в Основах социальной концепции Православной Церкви - в разделе "Преступление, наказание, исправление", где в то же время содержится принципиальная оговорка: "Сам же вопрос об отмене

или неприменении ее должен решаться обществом с учетом состояния преступности, правоохранительной и судебной системы, а наипаче соображений охраны жизни благонамеренных членов общества" <1>.

<1> Версия. 2000. N 33. С. 20.

Комментируя эту формулу, Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл пишет: "Священноначалие одобрило мораторий... Христианское же сознание относится к смертной казни отрицательно в силу высоты того нравственного идеала, который оно имеет перед собой. Однако мы понимаем, что невозможно чисто механически, без учета существующих реалий прилагать нормы Священного Писания к социальной практике" <1>.

<1> Право на смертную казнь: Сборник статей. М., 2004. С. 191.

Не претендуя на детальный анализ этого изощренного пассажа, заметим, что, во-первых, из него можно понять, что одобрение моратория - лишь решение "Священноначалия". Во-вторых, исторически отношение христианского сознания к смертной казни никак нельзя признавать отрицательным; по меньшей мере сомнительным является и тезис о "высоте христианского идеала". Наконец, об "учете существующих реалий". Позиция, выраженная на Юбилейном Соборе, помимо всего прочего, означает весьма прозрачный намек на целесообразность решения проблемы путем референдума. Российские криминологи, настаивающие на проведении референдума, трактуют позицию Православной Церкви именно таким образом, но при этом "забывают" сказать о том, что мораторий на казни она все же одобрила и осудить его отказалась.

Что показывают опросы? В июне 2001 года ВЦИОМ провел один из самых представительных опросов населения России и стран Восточной Европы, который показал, что за смертную казнь высказалось 72% россиян, 9% затруднились ответить и 19% высказались против этой меры наказания. Эти результаты примечательны во многих отношениях.

Заметим, было бы не удивительно, если бы число сторонников смертной казни оказалось более высоким. Десятилетиями существовавшее в тоталитарном государстве табу на любые сведения о смертной казни, закрытость и неупорядоченность информации, не пропущенной через сито научных методик и оценок, - одна из причин широко распространенных в массовом сознании стереотипов восприятия смертной казни, в основе которых, как уже отмечалось, доминируют не только эмоциональный фактор и мотивация возмездия, но и мифологические представления об эффективности и, следовательно, предпочтительности наиболее суровых мер борьбы с преступностью. В этом смысле современные россияне так и остались гражданами СССР. И когда в ходе опросов приходится делать выбор, они поступают по тем канонам, в которых были воспитаны.

Практически все опросы, проведенные в России за последние 15 лет, показывают, что за сохранение и применение смертной казни выступают более 70% опрошенных, причем указанный показатель до самого последнего времени оставался весьма устойчивым. Так, согласно итогам опроса 800 жителей крупных российских городов, проведенного исследовательским центром РОМИР в 1999 году, 68% опрошенных к отмене смертной казни относятся отрицательно; 22% эту отмену одобряют и 10% затруднились с ответом. При этом 45% из числа противников отмены смертной казни полагают, что эта отмена приведет к росту тяжких преступлений; 41% уверены, что смертная казнь является справедливым возмездием за совершенное преступление.

При заведомо предсказуемом общем выводе эти результаты хотя и созвучны общественным умонастроениям, однако они не отражают ни сути, ни специфики реальной психологической ситуации в разных социальных группах. Отсутствие необходимой количественной и особенно качественной выборки в таких исследованиях - один из наиболее распространенных недостатков методики опросов, когда под "нужный" или заведомо очевидный вывод подверстывается "цифры", соответствующая политической конъюнктуре, но подлинное состояние массового сознания и психологии при этом отражается, как правило, не вполне адекватно <1>.

<1> См.: Чесноков А. Заговор социологов // Известия. 09.10.1999.

Придерживаясь хронологии, приведем результаты еще нескольких опросов общественного мнения. Наиболее представительным из них является опрос ВЦИОМ, проведенный 22 - 25 июня 2001 года в 83 населенных пунктах 33 регионов страны. Как показали итоги опроса, в поддержку смертной казни высказались 72% респондентов и лишь 19% - против этой меры наказания <1>.

<1> Сходные результаты показали и проведенные в тот же год опросы населения в странах Восточной Европы. Так, за восстановление смертной казни высказались 58% граждан в Чехии;

64% - в Венгрии; 72% - в Польше; 76% - в Литве. Соответственно, против этой меры высказались 22% - в Чехии; 29% - в Венгрии; 23% - в Польше и 15% - в Литве.

Как показали опросы аналитического центра Ю. Левады, за последующие три года число сторонников смертной казни в стране снизилось с 79% до 65%; одновременно число противников этой меры выросло с 17% до 25%.

На основании подобных опросов можно было бы сделать вывод о том, что к концу XX века позиция населения России в отношении смертной казни несколько смягчилась. Некоторые криминологи в связи с этим даже высказали сомнение относительно отмеченного в печати "карательного азарта общества", считая его преувеличенным <1>. С такой оценкой согласиться, на наш взгляд, трудно. Дело не в том, что выросло число противников смертной казни среди опрошенных, просто выросла доля тех, кто затруднялся с ответом. На самом деле, и это подтвердили все последующие опросы, карательные притязания в российском обществе не только не снижаются, а наоборот, растут, достигая максимальных значений особенно в период наиболее "громких" криминальных акций, повлекших массовые жертвы.

<1> См.: Шестаков Д.А. Криминология: Учебник. СПб., 2006. С. 283.

Речь идет о важности учета особенностей криминальной ситуации в регионе или в стране в целом на момент проведения опроса. Понятно, что если такой опрос провести сразу после крупного террористического акта, то число респондентов, затрудняющихся с ответом, резко сократится, а число требующих ужесточения кары значительно возрастет. Точно так же психологически объяснимо, что в период войны с чеченскими сепаратистами жители Северного Кавказа гораздо острее воспринимали постоянную угрозу террористических акций, чем население регионов, более отдаленных от эпицентра событий. Отсюда и большая разница в уровне страха и, соответственно, в уровне ригоризма.

Так, по данным опроса, проведенного В.Н. Андреевой в конце 90-х годов в Республике Адыгея и в Краснодарском крае, из 7511 опрошенных "по поводу отмены смертной казни" лишь 8 человек высказались за отмену смертной казни <1> (мы не касаемся методики этого исследования).

<1> См.: Андреева В.Н. Смертная казнь: проблемы назначения и исполнения по российскому законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 14.

По итогам опроса ВЦИОМ, проведенного 22 сентября 2004 года, за отмену моратория на казни высказались 84% опрошенных и 11% - против такого решения <1>. Заметим, что значительный рост сторонников смертной казни, судя по всему, объясняется тем, что опрос проводился вскоре после трагедии в Беслане, повлекшей гибель детей-заложников, что психологически вполне объяснимо (куда больше может удивлять доля противников сохранения этой меры наказания).

<1> За смертную казнь чаще высказываются респонденты старше 40 лет, имеющие среднее специальное образование и средний достаток; противников этой меры наказания больше среди женщин, людей моложе 40 лет, с высшим образованием и доходами выше среднего уровня (см.: Российский вестник "Международной амнистии". 2005. N 4).

Все опросы общественного мнения в России так или иначе показывают, что в представлении большинства людей, поддерживающих сохранение смертной казни, необходимость этой меры связывается, как уже отмечалось, не только с мотивами возмездия и справедливости, но и с нестабильностью и неуверенностью в будущем, с низким уровнем жизни, с разгулом преступности и общей незащищенностью людей. Не менее важным является и тот факт, что абсолютное большинство респондентов, выступающих за сохранение высшей меры наказания, идентифицируя себя с обществом в целом, одновременно отказывается взять на себя какую-нибудь ответственность за принимаемые решения, не знает и не хочет знать о процедурах и механизмах назначения и исполнения высшей меры наказания. На фоне такой отстраненности людей от сути проблемы, их нежелания нести ответственность за принимаемые решения резко возрастает значимость политической воли руководства страны, на которое возлагается вся ответственность за принятие решений.

Возвращаясь к проблеме достоверности результатов опросов общественного мнения в России, еще раз отметим, что чаще всего они не поддаются объективной оценке и интерпретации в силу архаичной и в социологическом плане некорректной методики. Таким образом дефицита социологической культуры и юридической грамотности составителей анкеты является интернет-опрос, проведенный газетой "Известия" в 2002 году. Здесь вопрос сформулирован так: "Какая

мера наказания наиболее гуманна по отношению к особо опасным преступникам?". Показательны и предложенные варианты ответов: смертная казнь; пожизненное заключение при обязательном условии цивилизованного отношения к заключенным; пожизненное заключение в тюрьмах строгого режима в их сегодняшнем состоянии; конечный срок заключения при условии исправления преступника <1>.

<1> См.: Известия. 24.08.2004.

Здесь важно отметить два момента. Во-первых, не удивительно, что "наиболее гуманной мерой" большинство опрошенных назвали смертную казнь. Во-вторых, публикуя результаты такого рода опросов, средства массовой информации копируют и без того широко распространенные обывательские представления, еще больше укрепляя в массовом сознании оппозицию ценностям, признанным в цивилизованном мире.

В России XX века доминировал прагматический подход - насколько практично принятие того или иного политического решения. Сегодня его тоже нельзя игнорировать, но ныне за основу все же больше берутся не только прагматические, а нравственные и мировоззренческие соображения - ценность человеческой личности и отрицание всевластия государства в части распоряжения человеческой жизнью <1>.

<1> См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 140.

Президент В.В. Путин не раз заявлял о неприемлемости предложений о восстановлении смертной казни. "Я буду делать все, что от меня зависит, чтобы этого не произошло... Любой криминолог скажет, что это бессмысленная мера... Если правильным является тезис, согласно которому мы больше всего страдаем от того зла, которое находится внутри нас самих, то можно сказать, что ужесточая наказание, а смертная казнь по сути наказанием не является, она является скорее мстостью со стороны государства, так вот, ужесточая наказание, государство не устраняет жестокость, а только порождает его вновь и вновь. Государство не должно присваивать себе право, которое может принадлежать только Всевышнему, - лишать человека жизни" <1>.

<1> Известия. 14.03.2002.

У общественного интереса к проблеме смертной казни в России, как и в других странах, всегда были свои приливы и отливы. Кампания за отмену моратория то затихает, то вспыхивает с новой силой. Вполне возможно, тлеющий огонь этой кампании вновь разгорится. Никто из тех, кто активно лоббировал отмену моратория, от запальных призывов не отсекся. Не прозрел А. Солженицын, не остыли губернаторы, не подобрел генерал Трошев, не одумались нижегородские депутаты, собравшие миллион подписей. И уж тем более не переубедить активных противников моратория среди таких криминологов, как В.В. Лунеев или Э.Ф. Побегайло (по нему, мораторий - вообще первопричина всех бед), как С.Ф. Милюков и О.В. Старков, чьи ультралиберальные концепции, построенные в терминах войны и войсковых операций, смущают даже активных сторонников смертной казни <1>.

<1> См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 110; Корецкий Д., Милюков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. N 1. С. 112 - 114; Старков О.В. Криминология. М., 2004. С. 95 - 97.

Президент России сумел противостоять эмоциональному давлению и охлократическим тенденциям в российской политической культуре, сделав не только нравственный, но и политический выбор. Причем это было сделано в психологически очень важный момент, когда пропаганда смертной казни набрала высокие обороты. Кто знает, может, смертную казнь удалось бы отменить еще три года назад, не случись Норд-Ост и Беслан? А в 2006 году, когда прошло 10 лет со дня объявления моратория?

Называя себя "исследователем фактической, а не писаной или демагогической реальности", В.В. Лунеев категорически не согласен ни с "непонятным мораторием", ни с позицией Президента РФ, у которого "нет такого права игнорировать мнение абсолютного большинства народа. Он может лишь объяснять народу, если тот, по его мнению, заблуждается. Согласно Конституции, народ является единственным источником власти и высшим выражением ее воли является референдум. В этом и есть суть демократии. Однако Президент не услышал голоса народа. Он (в отличие от... Б. Клинтона) открыто поставил интересы собственной политики над правопорядком" <1>.

<1> Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 111.

Оставим тональность этого сомнительного по своей сути замечания без комментария - это ко всему прочему еще и вопрос такта. Что же касается сути этого фрагмента, то здесь дело главным образом не в позиции, а в недостаточном владении предметом.

Решив подвести итоги дискуссии по "незатухающей проблеме", но, мягко говоря, не вполне владея материалом и фактологией предмета", В.В. Лунеев вдруг замечает, что "в беспристрастном сугубо научном плане ни один криминолог или криминалист не может сказать, что смертная казнь не эффективна". В первый момент это "открытие" показалось опечаткой или следствием не совсем удачной редакции. Увы, похоже, действительно, "поздно пить Боржоми". Никакие ссылки на результаты многочисленных исследований, говорящих об атавизме и мифологической природе такого рода суждений, здесь не помогут. Тем более, когда их не знают и знать не желают, заранее объявляя аргументы противной точки зрения "демагогическими". Поэтому полемика по существу проблемы здесь заведомо бесперспективна. Речь о другом: где же здесь "сугубо научный план" и зачем говорить "за всю Одессу", выдавая свою точку зрения за позицию всеобщую <1>.

<1> Патриарх Всея Руси Алексий недавно заметил: "Кто хочет считать, что он произошел от обезьяны, пусть так и считают, но пусть не навязывают эти взгляды другим".

Вообще в этом хаотичном разделе второго издания монографии В.В. Лунеева есть целый ряд пассажей (их не было в первом издании, хотя смертной казни отводился специальный параграф), указывающий на очевидную неосведомленность автора в "деталях" проблемы; статистикой последних 20 лет он не располагает, ни одной работы противников смертной казни не упоминает, в анализ контраргументов он не вдается и, возражая против "идеологических и нравственных наклеек", называет любые контрдоводы "аболиционистскими заклинаниями".

С момента выхода первого издания фундаментальной и интересной монографии В.В. Лунеева прошло семь - восемь лет, но за эти годы в мировой уголовной статистике зафиксированы значительные изменения и в динамике преступности, и в тенденциях ее развития, и, в частности, в мировой практике применения смертной казни. К сожалению, все эти существенные изменения остались за пределами внимания автора. По его утверждению, "самая передовая и демократическая страна в мире - США... не отказывается от смертной казни и даже расширяет ее применение". Насчет "не отказывается", слов нет, все верно, а вот с расширением применения смертной казни все, как было подробно показано в предыдущих разделах настоящей работы, обстоит "с точностью до наоборот". Так оно, действительно, было до середины 90-х годов. Но на дворе, в том числе на дворе "самом передовом и демократическом", наступили другие времена, и ситуация кардинально изменилась. И вот уже семь - восемь лет подряд и число казней, и особенно число смертных приговоров в США постоянно снижаются: первый показатель снизился на 40%, а второй - за 6 лет почти в три раза.

Кстати, информация для размышления: в США за последние 77 лет казнено 4357 осужденных; в России только за 30 лет (1962 - 1992) - казнено свыше 24 тысяч. Как говорится, почувствуйте разницу... "Вялотекущая" ситуация с мораторием, казалось, зависла. Тем не менее прогноз В.С. Овчинского относительно возможной отмены моратория <1>, по нашему мнению, не являлся реальным <2>. Так оно и случилось, хотя форма принятого властью решения в очередной раз оказалась настолько же непредвиденной, насколько и казуистической.

<1> См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 128.

<2> См.: Квашиш В.Е. Высшая мера наказания и проблемы уголовной политики // Российский ежегодник уголовного права. 2006. N 1. СПб., 2007. С. 228.

Речь идет о том, что в канун 2007 года Государственная Дума РФ "невероятно оперативно, буквально перед новогодним боем курантов" <1>, не привлекая внимания, в пакете с другими актами принимает Федеральный закон (именно Закон, а не Постановление, как это сделал в 1999 году Конституционный Суд РФ), согласно которому введение суда присяжных на территории Чеченской Республики отложено до 1 января 2010 года <2>. Тем самым на указанный период продлевается мораторий на смертную казнь, ибо в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года смертная казнь как мера наказания не может применяться до тех пор, пока обвиняемым не будет предоставлена возможность рассмотрения их дела с участием присяжных заседателей на всей территории РФ.

<1> Никулин С.И. Смертная казнь: эффективное уголовное наказание, вынужденная мера социальной защиты или рудимент уголовного закона? // Российская юстиция. 2007. N 10. С. 42.

<2> См.: Федеральный закон от 27 декабря 2006 г. N 241-ФЗ "О внесении изменений в статью 8 Федерального закона "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Российская газета. 31.12.2006.

Очевидно, что политической воли окончательно отменить смертную казнь в России накануне предстоящих в 2007 году парламентских, а затем и президентских выборов пока не хватило. Между тем политическая ситуация в стране с построенной вертикалью власти и, соответственно, с вполне управляемым парламентом позволяла принять такое решение. Ведь это не ситуация 1997 года, когда в ходе обсуждения в Государственной Думе законопроекта о моратории на исполнение смертной казни из 257 участвовавших в голосовании депутатов "за" мораторий высказались 75 (30%), "против" - 176 (68%) и воздержались 6 депутатов. Казалось бы, ныне другие времена. К сожалению, и эту "остановку" мы, кажется, уже проехали. Примечательно другое. Как по команде, хотя и не озвученной, ни одна партия и ни один политик вопроса о смертной казни в ходе подготовки к парламентским выборам не поднимали. Знак сам по себе тоже весьма симптоматичный.

Предсказать, как будут развиваться события в дальнейшем, не просто, тем более что и без того хватает массы других, не менее важных и нерешенных социальных проблем. В этом плане для внутренней политики любой страны смертная казнь - при всей ее сложности и остроте - проблема все же периферийная. В худшем случае, "вялотекущая ситуация" сохранится, хотя, как известно, в политике самое скверное решение - не принимать никакого решения.

Многие в России, в том числе ученые-криминологи, полагают, что в принципе смертную казнь отменять надо, но "не сейчас", "не время". Об этом же, надо заметить, говорили сторонники смертной казни еще в XIX веке. "Замечательно, что за исключением самого незначительного числа схоластиков, - писал по этому поводу А.Ф. Кистяковский, - почти все остальные приверженцы смертной казни защищают ее не в принципе, а ради временной ее необходимости и полезности, ради того, что общество еще не доросло до ее отмены" <1>.

<1> Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. С. 270.

Прошло полтора века, но до отказа от смертной казни российское общество до сих пор еще не созрело; когда оно созреет, не известно, да и кто знает, созреет ли оно когда-либо вообще. Похоже, осознание своевременности этого шага придет в массовое сознание россиян не скоро.

Общественное мнение, как уже отмечалось, инерционно и, за исключением экстремальных ситуаций, меняется крайне медленно. Поскольку репрессивные установки в массовом сознании непоколебимы, в ближайшей перспективе рассчитывать на серьезное снижение ригоризма в российском обществе не приходится, и, следовательно, к отмене смертной казни общественное сознание ни в нравственном, ни в культурном, ни в психологическом плане еще долгое время не будет готово. Убеждение и логика здесь никогда не "сработают" - такова специфика проблемы, осложненной потребностью в удовлетворении чувства справедливости, которая, как уже не раз отмечалось, давно и прочно закрепилась на подсознательном уровне <1>.

<1> Как заметил А.И. Коробеев, правосознание российского обывателя уже смирилось с пониманием того, что сжигать ведьм на костре или вешать фальшивомонетчиков негуманно, но еще не выросло до осмысления того, почему надо считать варварством расстрел душегуба (см.: Всероссийская конференция по вопросам помилования. Великий Новгород. 25 - 26 октября 2000 года. М., 2001. С. 177).

Смертная казнь - неотъемлемый элемент тоталитарной власти. Уже только поэтому на свете так много стран, где мера всяческого отвращения к этому институту давно переполнена. Увы, Россия не входит в их число. Мы лишь симулируем демократию и законность, как симулируем благополучие и цивилизованность. При этом многие проблемы у нас решаются лишь имитационно. Не исключено, что именно таким путем затягивается и отмена смертной казни. Больше того, сегодня в силу отмеченных выше и иных причин тоталитаризм, к сожалению, востребован большей частью российского общества. "Но не имеют ли жестокость, проявляющаяся в преступлениях, и карательная жестокость общую природу?" <1> - вопрос, над которым стоило бы задуматься тем, кто упорно настаивает на отмене моратория.

<1> Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб., 2006. С. 284.

Вместе с тем следует напомнить, что по итогам проведенных в разные годы опросов от 9% до 18% россиян высказались против сохранения смертной казни. Это не случайное явление, и, вероятно, нельзя сбрасывать со счетов психологическое воздействие самого факта моратория, длящегося уже 11 лет. Аболиционистские суждения, конечно, никогда не станут в России господствующими, но, как справедливо заметил М. Соколов, они уже и не являются "неслыханно экстравагантными" <1>.

<1> См.: Известия. 21.08.2002.

Чтобы отмена смертной казни не встала в разряд конфликтогенных в отношениях населения России и власти, нужна умелая информационная политика и разъяснительная работа, направленная на дальнейшую гуманизацию нравов и разрушение иммунитета от насилия, психологически подготавливающая людей к восприятию такого рода политических решений. Сегодня это тем более важно, ибо отмена смертной казни в России политически предрешена.

5. Уже не раз приходилось отмечать, что смертная казнь - самая политизированная мера государственного принуждения <1>. Не менее точным является и указание на то, что смертная казнь "относится к политическим институтам" <2>. В самом деле, институт смертной казни давно вышел за пределы доктрины уголовного права и стал проблемой государственной политики <3>. Политизация смертной казни в конечном итоге привела к тому, что политические решения о введении или отмене этой меры, как правило, не согласуются ни с криминологической ситуацией, ни с криминологическими идеями, ни с общественными умонастроениями. Более того, как показывает опыт многих стран, состояние общественного мнения вовсе не является *conditio sine qua* поп для выбора политического решения. Именно поэтому при всех различиях в их мотивах и ситуации в той или иной стране решения об отмене смертной казни почти всегда оказываются непопулярными.

<1> См.: Квашиш В. Смертная казнь и общественное мнение // Государство и право. 1997. N 4.

<2> Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002. С. 325.

<3> Рассматривая смертную казнь как социальный институт и как инструмент власти, Я.И. Гилинский справедливо указывает на ее функции - прокламируемую властью и латентную. Именно последняя из них имеет реальную силу, поскольку смертная казнь здесь выступает как средство расправы и устрашения, как символ монополии власти на жизнь и смерть своих подданных (см.: Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 326). Сказать, что эта монополия осуществляется правовым путем, что это правовой инструмент, значит, исказить всю историю, весь мировой опыт применения этой меры.

Так, в Англии, во Франции, в Италии и в других странах смертная казнь была отменена несмотря на то, что против этого возражало две трети населения. В Литве еще в середине 90-х годов общественное мнение резко возражало против отмены высшей меры наказания, так как за три года до этого решения преступность в стране выросла в 10 раз. Точно такая же ситуация складывалась в этот период в Латвии или, скажем, в Польше <1>. В 1995 году в ЮАР смертная казнь была отменена несмотря на то, что преступность достигла критической отметки, а по уровню убийств она занимала (и занимает) первое место. В Израиле и в Ирландии смертная казнь была отменена именно в период заметно участвовавших террористических акций экстремистов и т.д. И, *visa versa*, несмотря на очевидное снижение преступности, активные протесты населения и видных деятелей юстиции, губернатор Нью-Йорка Дж. Патаки настоял в 1995 году на введении в этом штате смертной казни.

<1> См.: Plywaczewski E., Cebulak W. Capital Punishment in Poland: The Debate Continues // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2000. Vol. 24. N 2. P. 159; Рассел Дж. Смертная казнь и Совет Европы. Страсбург, 2001. С. 8.

Как видно, политические соображения даже при самых острых коллизиях с общественным мнением всегда оказываются приоритетными и потому чаще всего не соответствуют ни реалиям криминальной ситуации, ни научным доктринам, ни общественным умонастроениям.

В США, например, политический подтекст решений, принимаемых по этой проблеме, в наибольшей мере ощутим в период избирательных кампаний. Это не случайное явление - отношение к смертной казни в США всегда было инструментом политической борьбы, издавна являлось обязательным атрибутом выборной программы кандидатов на руководящие посты во властных структурах или на высокие должности в системе уголовной юстиции; это был самый простой способ продемонстрировать их верность таким ценностям, как "закон" и "порядок".

В истории США множество драматических примеров схватки за власть, когда отношение к смертной казни, служившей лакмусовой бумажкой для выявления тех, кто является сторонником "soft on crime", определяло ее исход. В 1994 году Дж. Буш, в то время баллотирующийся на пост губернатора Техаса, резко критиковал действовавшего губернатора штата А. Ричардс за ее либерализм в борьбе с преступностью, ратуя за то, чтобы в Техасе как можно шире и как можно более оперативно применяли наказание в виде смертной казни. За четыре года ее губернаторства, возмущался Дж. Буш, в штате казнили "всего" 45 осужденных. Победив на выборах, он реализовал свои намерения и, как уже отмечалось, стал губернатором-рекордсменом по числу казней за всю историю США.

В ходе той же выборной кампании губернатор штата Нью-Йорк Марио Куомо потерял свой пост из-за того, что долгие годы всячески противился введению этой меры. Накануне выборов он наложил вето на законопроект о восстановлении в Нью-Йорке смертной казни и одновременно отказал в выдаче осужденного Т. Крассо для казни в Оклахоме. Победив на выборах, новый губернатор Дж. Патаки, несмотря на многочисленные протесты, тут же утвердил этот законопроект и выдал осужденного властям Оклахомы, где смертный приговор был вскоре приведен в исполнение.

Выборная кампания середины 1990-х годов во многом напоминала своеобразную гонку за смертной казнью и отличалась редкой жестокостью. Прокурор Южной Каролины, например, стремясь к своему переизбранию, предложил узаконить его "изобретение" - электрическую софу, позволяющую казнить сразу трех осужденных.

Среди последних президентов США только Р. Рейган был последовательным противником этой меры (именно по его рекомендации с 1977 г. в Техасе и Оклахоме, а затем и в других штатах стали использовать летальную инъекцию вместо других, более мучительных методов казни). И наоборот, бывшие президенты Дж. Картер, Дж. Буш-старший, Б. Клинтон, как и нынешний президент, - сторонники максимально широкого применения этой меры. "Мы хотим, - говорил в 1988 г. Дж. Буш-старший, - чтобы Конгресс предпринял свои шаги для увеличения числа казней и не где-нибудь, а по всей Америке, и не когда-нибудь, а немедленно" <1>.

<1> Государство и право. 1996. N 9. С. 101.

Можно вспомнить, далее, как Б. Клинтон еще в должности губернатора Арканзаса дважды лично присутствовал при исполнении смертных приговоров. В феврале 1993 года - накануне президентских выборов - Б. Клинтон демонстративно прервал свою предвыборную кампанию в Нью-Гэмпшире и вернулся в Арканзас, чтобы лично присутствовать при казни осужденного Ректора. (Этот факт стал достоянием широкой прессы, поскольку позднее выяснилось, что Ректор был душевнобольным.) Став президентом, Б. Клинтон предпринял целый комплекс мер, ужесточивших уголовное законодательство и карательную практику, и в конечном итоге давших невиданный в последние 50 лет рост числа казней.

Заметим, что в США взгляды политиков на проблему смертной казни практически не зависят от их партийной принадлежности - у демократа А. Гора и у республиканца Дж. Буша они полностью совпадали; республиканцы, контролирующие законодательные органы Небраски и Нью-Гэмпшира, проголосовали за мораторий, но не смогли преодолеть вето губернаторов-демократов; бывший губернатор Калифорнии Дэвис, поддерживавший аболиционистов, - демократ, а губернатор Иллинойса Дж. Райан, первым принявший решение о моратории на исполнение смертных приговоров, был республиканцем и т.д.

В большинстве парламентских стран законодатели в принципе не должны действовать лишь на основе мнения населения. Во Франции и в Германии, в Великобритании и в Канаде давно осознали, что мнение населения не может определять карательную политику - ответственность за решение этой задачи должны брать на себя выбранные представители. Как известно, в парламентах Канады, Великобритании и Австрии и других стран были отклонены многочисленные попытки восстановить смертную казнь, хотя именно за это решение выступало большинство населения. Другая идеология действует в странах Ближнего Востока и Северной Африки, где твердо верят, что применение смертной казни является однозначным "приказом ислама".

Наивная вера в необходимость смертной казни, помимо всего прочего, базируется, как уже отмечалось, на широко распространенных в массовом сознании населения стародавних представлениях о преступлении и наказании, на очевидных либо неосознанных мотивах возмездия <1>. Отсюда возникает вопрос: надо ли считаться с таким общественным мнением, с таким состоянием правосознания населения или же следует иногда действовать вопреки ему, ориентируясь на прогрессивные мировые тенденции и моральные ценности цивилизованного общества?

<1> "Если нация будет действовать по принципу "око за око", - говорил Махатма Ганди, - то вскоре она станет нацией слепых".

Вопрос отнюдь не риторический и в политическом плане весьма актуальный. В принципе законодатель, конечно, должен стремиться к тому, чтобы учитывать состояние общественного сознания. А. Линкольн в свое время писал: "Общественное мнение - это главное. В согласии с общественным мнением можно сделать все. Без этого не добиться успеха". Однако в плоскости практической политики это во многом представление идеальное и, во всяком случае, не универсальное <1>.

<1> "Общественное мнение не всегда заслуживает внимания, как серьезный фактор, с которым нельзя не считаться. Но если говорить об уважении к нему, то чаще оно заслуживает насмешки. И уж всегда - критического анализа" (М. Веллер. Кассандра. М., 2002. С. 193).

Другой президент США Джон Кеннеди относился к общественному мнению принципиально иначе (он, правда, сформулировал свою позицию еще в те годы, когда был сенатором от штата Массачусетс): "Нас выбрали не затем, чтобы мы, как сейсмограф, фиксировали перемены в общественном мнении, а потому, что избиратели верят нашим суждениям и нашим способностям принимать решения тогда, когда мы можем определять, что именно является наилучшим отражением их интересов. Поэтому мы можем направлять, информировать, подправлять, но иногда и игнорировать общественное мнение" <1>.

<1> Известия. 17.10.2003.

С точки зрения уголовной политики, общественное мнение всегда носит консервативный характер; оно основано, как отмечалось, на избытке эмоций, на стереотипах прошлого и с неохотой воспринимает ломку издавна сложившихся представлений <1>. Поэтому государство, как говорил А.Д. Сахаров, должно идти впереди общественного мнения <2>, способствовать его информированности и рациональному формированию, разъяснять желательные причины, социальные и политические выгоды принимаемого решения. Законодатель обязан проявить определенную смелость, подняться над уровнем обыденного сознания, дать моральные ориентиры обществу.

<1> См.: Шнайдер Г.И. Криминология. 1994. С. 239.

<2> См.: Смертная казнь: за и против. 1989. С. 367.

Сторонники смертной казни в России всегда рассуждали иначе. Они считают, что в уголовной политике следует, прежде всего, исходить из "глаза народа" и состояния криминальной ситуации. Они настаивают на проведении всенародного референдума по проблеме сохранения смертной казни. Однако эта идея настолько же не нова, насколько и не корректна, ибо заведомо известна позиция большинства населения и его неприемлемость уже потому очевидна.

Разные страны находятся на разных этапах своего пути к демократическим преобразованиям, но независимо от этого, демократия - это не только когда все решается так, как хочет большинство. К тому же мнение большинства вовсе не означает, что это мнение уже потому является единственно правильным. Наоборот, история любой страны знает много примеров, когда мнение большинства оказывалось ошибочным. Есть проблемы - смертная казнь относится к их числу, - которые не решаются "на улице", не решаются голосованием. Использование ресурса и инструментов охлократии, как свидетельствует история, дело, весьма опасное.

Общественное мнение пытается совмещать функции носителя истины и носителя морали. Но "степень "общественности" мнения отнюдь не критерий его истинности" <1>. Давно замечено, что вовсе не в толпе рождается истина. Здесь не срабатывают ни убеждения, ни логические доводы. Применительно к проблеме смертной казни это "узел из тех, что не развязывают, а разрубают. Усилием политической воли. Высшая власть обязана продемонстрировать такую волю и иметь смелость принять на себя гнев несогласных" <2>.

<1> Веллер М. Кассандра. М., 2002. С. 192. "Иногда кажется, что общественное мнение формируется в сумасшедшем доме и набирает силу в интернате для умственно дефективных" (Там же. С. 195).

<2> Бабаев М. Смертная казнь - последняя надежда общества? // Юридический мир. 2002. N 10.

Политическое решение потому и является таковым, что учет мнения населения не означает, что законодатель во всех случаях должен следовать за массовым сознанием, уровень которого, чаще всего, оказывается весьма низким. Законодатель должен ориентироваться, прежде всего, на прогрессивные элементы общественного сознания <1>. В силу нравственных, политических,

психологических и иных соображений смертная казнь как раз и есть тот случай, когда "глас народа" не должен являться определяющим для выбора политического решения <2>.

<1> См.: Ошеров М.С. Указ. соч. С. 67; Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1987. С. 125.

<2> Д.А. Шестаков, один из самых ярких российских криминологов, не зря назвал слепое следование власти пристрастиям населения "синдромом Понтия Пилата" (Шестаков А.Д. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. N 4. С. 154 - 161).

Статистика многих стран убедительно показывает, далее, что между числом убийств и степенью поддержки смертной казни в общественном мнении (которое ни о динамике убийств, ни о масштабах применения казни реального представления не имеет) нет никакой связи. В Великобритании или, скажем, в Японии большинство населения выступает за смертную казнь, хотя там уровень убийств в 4 раза ниже, чем, например, в скандинавских странах, где против смертной казни выступает абсолютное большинство населения. Другой пример: в США уровень убийств в 4 раза ниже, чем в России, но в обеих странах большинство населения поддерживает применение смертной казни.

Говоря о значении общественного мнения для уголовной политики (особенно применительно к проблеме смертной казни), следует учитывать несколько объективных факторов, характеризующих субъективное восприятие проблемы. Один из них - правовая неосведомленность населения, неполнота и искаженность правовых представлений. Причем это фактор универсальный, не зависящий от особенностей культурного развития, правовых систем и механизмов правосудия <1>.

<1> См.: Kvashis V. The Death Penalty and Public Opinion // Russian Politics and Law. May - June 1999. Ed. M.E. Sharpe. P. 54 - 68.

Правовая неосведомленность большинства людей формирует, как показывают многочисленные специальные исследования, установки без четкого представления об основных аспектах проблемы. Наряду с неполнотой и противоречивостью сообщаемой им информации это обстоятельство весьма важно для оценки значимости итогов опросов. К тому же механизмы, детерминирующие формирование индивидуальных установок по отношению к мерам наказания, их утилитарные и эмоциональные основы исследованы еще явно недостаточно. Все это дает возможность для весьма вольной интерпретации результатов опросов, ориентированной на складывающуюся политическую конъюнктуру.

Аргументы в поддержку смертной казни хотя и популярны, но они, как отмечалось, явно недостаточны, ибо основаны, прежде всего, на эмоциональных мотивах, а не на фактологии предмета. Достаточной информации о смертной казни большинство людей не имеет; они не знакомы ни с тенденциями в практике ее применения, ни с ужасами ожидания казни, ни с нюансами процедуры исполнения смертного приговора, и потому люди исходят лишь из бытовых представлений, усиленных эмоциональными факторами, под впечатлением трагедии конкретных преступлений.

Применение смертной казни, как уже отмечалось, нередко приводит к трагическим судебным ошибкам, поскольку речь идет о наказании необратимом. Считая возможность судебной ошибки единственно серьезным аргументом, сторонники смертной казни полагают, что решить эту проблему может повышение процессуальных гарантий и контроля за обоснованностью приговора суда. Увы, это еще одно глубокое заблуждение. Очевидно, что никакая система правосудия, сколь совершенна она не была бы, не застрахована от невосполнимых ошибок, ибо рассмотрение такого рода дел "человеческим учреждением" изначально не может быть безошибочным. Кроме того, на решение суда, как показывает зарубежная и отечественная практика, огромное воздействие оказывают издержки работы других звеньев системы правосудия и, в первую очередь, качество следствия.

Общественное мнение - категория динамичная. Отражая состояние общественного сознания, актуализированного фактами быстро меняющейся действительности, общественное мнение почти всегда обнаруживает подвижность, изменчивость, известную неустойчивость <1>. Психологическая ситуация в обществе неразрывно связана с восприятием массовым сознанием того, что происходит в политике, экономике, в социальной сфере. Массовое сознание - это живой, динамичный и восприимчивый организм. Любые проявления напряженности в обществе сразу же отражаются на росте массовых отрицательных оценок ситуации. И наоборот, даже небольшой период спокойствия в стране связан с определенным психологическим умиротворением.

<1> См.: Ошеров М.С. Общественное мнение о праве и особенности его формирования. С. 66.

Поскольку репрессивные установки в массовом сознании россиян непоколебимы, в ближайшей перспективе рассчитывать на резкое снижение ригоризма в обществе не приходится и, следовательно, к отмене смертной казни общественное сознание ни в психологическом, ни в культурном плане еще не готово. Убеждение и логика здесь никогда не "сработают" и переубедить "толпу" никогда не удастся - такова специфика проблемы, осложненной потребностью в возмездии, которая, как отмечалось, давно и прочно закрепились на подсознательном уровне.

Сказанное вовсе не исключает, что ригоризм общественного сознания, хотя и не скоро, со временем все же будет снижаться. Но, поскольку смертная казнь была и останется вопросом эмоциональным, волнующим человеческие страсти, достижение общественного консенсуса в отношении этой меры наказания всегда будет проблематичным, как всегда было и будет проблематичным преодоление рассогласованности между доводами сердца и разума. Ибо проблема в силу своей специфики не имеет решения, равно приемлемого для всех, а представления о добре, зле и справедливости всегда были и будут глубоко индивидуальны. Можно сказать, что в конечном счете это вопрос веры.

"Замороженная" ратификация Протокола N 6 к Европейской конвенции о защите прав человека вовсе не является результатом кризисного состояния дел в сфере борьбы с тяжкими преступлениями в России. Инертность и пассивность в принципиальном решении проблемы смертной казни вызваны отсутствием политической воли и внутренней готовности на такой шаг <1>. Между тем отмена смертной казни - не только смелый шаг политических лидеров, которые решаются его предпринять, но это также и одна из тех фундаментальных ценностей, в отстаивании которой политики должны играть направляющую роль, а не идти на поводу у общественного мнения. Это вовсе не означает игнорирования озабоченности общества, но предполагает определенную смелость для признания того факта, что смертная казнь не является панацеей для снижения уровня преступности, улучшения морали или обеспечения законности. Кроме того, "отмена смертной казни является частью того комплекса ценностей, который объединяет права человека, демократию и правовое государство" <2>.

<1> См.: Никулин С.И. Смертная казнь: эффективное уголовное наказание, вынужденная мера социальной защиты или рудимент уголовного закона? // Российская юстиция. 2007. N 9. С. 44.

<2> Рассел Дж. Смертная казнь и Совет Европы. Страсбург, 2001. С. 6 - 7.

Здесь важно еще раз отметить, что в абсолютном большинстве стран, отменивших смертную казнь, принятие такого рода решений происходило со значительным опережением необходимых изменений в общественном сознании. При этом практика многих стран показывает, что в случае отмены смертной казни нет оснований опасаться резкого всплеска общественного недовольства, ибо, во-первых, значительная часть общества уже психологически свыклась с многолетним отказом от этой меры *de facto* и, во-вторых, судя по опыту многих стран, отмена смертной казни ведет к постепенному уменьшению числа ее сторонников, к переосмыслению консервативных взглядов и смягчению нравов в обществе.

В Великобритании, например, поддержка смертной казни, как показал недавний опрос газеты *Daily Telegraph*, впервые за 40 лет снизилась до 43% <1>, в Канаде - до 44%, а в Австралии - до 25% <2>.

<1> См.: *Daily Telegraph*. January 3. 2006.

<2> 69% опрошенных австралийцев выступают против смертной казни, они считают, что виновным в убийстве должно назначаться наказание в виде лишения свободы. Смертная казнь здесь отменена в 1985 году, а последняя казнь имела место в 1967 году.

Чтобы отмена смертной казни не встала в разряд проблем, порождающих конфликты в отношениях власти и населения страны, нужна умелая информационная и разъяснительная работа, психологически подготавливающая общественное сознание к восприятию именно такого политического решения. Особая роль здесь принадлежит средствам массовой информации. Являясь своего рода "проводниками" мировоззрения и социальных ценностей, СМИ способны "создавать" действительность; именно они, как отмечалось, в основном формируют у населения представления о преступности и эффективности борьбы с ней.

Общественное мнение зависит, таким образом, от степени правды, которую несут средства массовой информации. Потому так важно формирование информационной политики, направленной на борьбу с атактистическими представлениями о роли наиболее суровых мер наказания. Такая политика должна быть направлена на внедрение правозащитных и

аболиционистских идей в контекст общественного сознания и в конечном итоге на общую гуманизацию нравов.

Глава IX. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ПРОБЛЕМА СУДЕБНОЙ ОШИБКИ

Смысл правосудия, как известно, состоит не в том, чтобы осудить виновного, а в том, чтобы не допустить осуждения невинного. Возможность судебной ошибки по этой категории дел приобретает, как уже отмечалось, особое значение, поскольку смертная казнь - наказание необратимое. Поэтому в США, например, издавна было принято говорить, что приговоренный к смертной казни получает One Way Ticket - билет в один конец.

Следует еще раз сказать о том, что никакая, даже самая совершенная, система правосудия не застрахована от вероятных ошибок и пристрастий. Такие субъективные, чисто человеческие факторы, как неопытность или невнимательность, беспринципность, подверженность давлению общественного мнения и т.п., могут заметно повлиять на весь ход судебного процесса и, главное, на вынесение смертного приговора.

Независимо от количества процессуальных гарантий, заложенных в юридической системе, или степени совершенства используемых в ней научных и технологических методов приводить систему правосудия в действие всегда будут живые люди, а человеку, как известно, вообще свойственно ошибаться. Даже достоверность данных теста ДНК зависит от качества работы людей, которые их собирают и интерпретируют, не говоря уже о том, что не далеко во всех случаях представляется возможным обнаружить следы ДНК на месте преступления и тем более о разнообразных возможностях фабрикация улики <1>.

<1> См.: Рассел Дж. Указ. соч. С. 18 - 19; Меньших А.А. Защита прав незаконно заключенных или осужденных в уголовном процессе Франции // Журнал российского права. 2003. N 5. С. 124 - 125.

Не случайно тема судебной ошибки во всем мире издавна не сходит со страниц художественной литературы и экранов кинематографа. Вспомним, например, "Размышления о гильотине" Альбера Камю. "В 1860 году, - пишет он, - пользуясь теорией вероятности для установления числа возможных судебных ошибок, юрист Оливекруа установил, что из 257 осужденных на казнь по меньшей мере один невинно. Соотношение представляется неубедительным? Да. Оно было бы таковым, идя речь о заурядных преступлениях. Но оно чудовищно по отношению к высшей мере. Когда Гюго связывал гильотину с именем Лескюрка (невинно осужденного по делу "Лионского почтового поезда"), он не хотел сказать, что все осужденные также невинны, как он, но что достаточно одного Лескюрка, чтобы навсегда запятнать позором это орудие казни. Не удивительно, что Бельгия окончательно отказалась от вынесения смертных приговоров после единственной юридической ошибки" <1>. Заметим, после единственной ошибки!

<1> Камю А. Размышления о гильотине // Изнанка и лицо. М., 1998. С. 608.

Самый известный американский судья послевоенного времени Т. Маршалл, подчеркивая фатальный характер судебной ошибки при рассмотрении такого рода уголовных дел, отмечал: "Мы не знаем и не можем судить о том, сколько невинных людей было казнено, но мы можем определенно сказать, что таковые были" <1>.

<1> См.: Furman v. Georgia. 408 US, 238. 367 - 368 (1972); Acker J., Bohm R., Lanier C. America's Experiment with Capital Punishment. Reflections on the Past, Present and Future of the Ultimate Penal Sanction. P. 17 - 18.

Между тем, по данным, опубликованным еще в 1987 году видными американскими исследователями Хуго Бедо и М. Рэдлет, в США с 1900 по 1985 г. 350 человек были осуждены ошибочно; из них 139 были приговорены к смертной казни и ожидали исполнения приговора, а 23 были уже казнены. Еще 22 осужденных должны были быть казнены в течение 72 часов, а два уже были привязаны ремнями к электрическому стулу, когда пришло известие, что они оправданы <1>. Многие ученые в США не случайно отмечали, что "судебный приговор по таким делам напоминает потерю" <2>.

<1> См.: Bedeau H., Radelet M. Miscarriages of justice in Potentially Capital Cases // Stanford Law Review. Vol. 40. 1987. P. 21 - 179.

<2> См.: Coven R., Entzeroth L. Capital Punishment and the Judicial Process. P. 80.

В 1993 году, изучив дела 48 человек, недавно освобожденных из камеры смертников на основании их невиновности, Подкомитет по гражданским и конституционным правам при Конгрессе США в своем отчете отметил: "Американцы справедливо озабочены возможностью казни невиновного. Смертная казнь в США сегодня не предоставляет надежных гарантий против такого риска. В судебных разбирательствах ошибки могут быть и были сделаны неоднократно - из-за расовых предрассудков, плохого представительства, неправомерных действий со стороны обвинения или просто из-за предоставления ошибочных доказательств" <1>.

<1> См.: Innocence and the Death Penalty: Assessing the Danger of Mistaken Executions. Washington DC. October 21. 1993.

Спустя десять лет профессор Роберт Блекер провел интервью с 60 осужденными, в отношении которых смертные приговоры были отменены. По его мнению, большинство из них просто не смогли доказать свою невиновность. Являясь сторонником смертной казни, он тем не менее признает, что вынесение смертного приговора - материя очень тонкая, а опасность осудить невиновного человека и опасность освободить настоящего убийцу приблизительно равны <1>. Как не вспомнить здесь слова Вольтера, 250 лет назад сказавшего: "Лучше ошибиться и сохранить жизнь одному виновному, чем обвинить одного невиновного".

<1> См.: Известия. 13.01.2003.

К началу 2000 г. в США наиболее драматичная ситуация сложилась в Иллинойсе, где из 24 осужденных к смертной казни 12 оказались невиновными и лишь спустя многие годы оправданными. Это вызвало бурную реакцию губернатора штата Дж. Райна, первым в США объявившим о введении моратория на казни. А незадолго до этого председатель Верховного суда Иллинойса Мозес Харрисон заявил: "Мы знаем, что наша судебная система не является непогрешимой. Несмотря на все усилия реформировать практику применения смертной казни, сделать ее справедливой и надежной, система не работает. Практика применения этой меры является аморальной и должна быть отменена" <1>.

<1> См.: Associated Press. September 5. 2002.

По состоянию на декабрь 2007 года за период в 25 штатах США было оправдано 125 необоснованно осужденных "смертников". Последним из них (но, конечно, далеко не последним среди содержащихся в "очереди смертников") стал Куртис Маккартни, освобожденный 11 мая 2007 года по решению Верховного суда Оклахомы.

Надо сказать, что подлинное число осужденных к смертной казни, а затем освобожденных в связи с их невиновностью в США, несомненно, выше, чем сообщают средства массовой информации. Дело в том, что, когда при пересмотре дела отмена смертного приговора становится неизбежной, обвинение часто предлагает такую формулу освобождения, как "срок отбыт" - в обмен на заявление о признании вины. В итоге обвиняемый "признает" вину как цену своей свободы или же стоит перед угрозой другого суда, дальнейшего лишения свободы, а возможно, и подтверждения смертного приговора. Поэтому вполне вероятно, что довольно большое число обвиняемых, согласившихся на такую сделку, на самом деле были невиновны в тех преступлениях, за которые они были осуждены, и в итоге в статистику необоснованно осужденных не попадают.

Что же касается осужденных, не дождавшихся пересмотра дела и умерших в "очереди смертников", то их уголовные дела принято считать юридически закрытыми, ибо действующая в США система правосудия не предусматривает правовых механизмов для пересмотра посмертных исков и раскрытия роковой ошибки.

По подсчетам "Международной амнистии", число приговоренных в США к смертной казни, а затем признанных невиновными - даже без учета тех, кто согласился на сделку с обвинением - составляет более 1% всех смертных приговоров. По данным специальных исследований, на каждые шесть осужденных с 1977 по 1998 г. приходится один, позднее признанный невиновным и оправданный <1>. А подлинное число таких же, но менее удачливых осужденных (либо еще ожидающих казни, либо уже умерших) навсегда так и останется неизвестным.

<1> См.: Соединенные Штаты Америки. Смертельные ошибки: невиновность и смертная казнь. Индекс MA: AMR 51/69/98 (Russian). Ноябрь. 1998. С. 7; Amnesty International "USA: Increasing Concern over Execution of the Innocent". Death Penalty News. June 2000.

Казнь невиновного - проблема для любой юрисдикции, для любой страны, применяющей эту меру наказания. О США, как уже отмечалось, говорится больше и чаще не только потому, что речь

идет о стране, широко применяющей эту меру, но и потому, что ситуацию в этой сфере всегда отличала открытость и доступность информации.

Сторонники смертной казни в США соглашались с возможностью судебных ошибок, но апеллируют к их чрезвычайно низкой вероятности. Они убеждены, что существующая многоуровневая система апелляционных процедур дает уверенность в том, что невиновные не будут осуждены. Более того, отмечает видный ученый Р. Козн, бытует мнение, что "незначительная группа людей, которые были осуждены к смертной казни недостаточно обоснованно, - это приемлемая цена за поддержание нормальной деятельности уголовной юстиции" <1>.

<1> Coyen R., Entzeroth L. Capital Punishment and the Judicial Process. P. 81.

Эту позицию с не меньшей определенностью озвучил Э. ван ден Хааг, отмечавший, что выявленные случаи ошибочных казней - это та трагическая цена, которую общество вынуждено платить за выгоды от использования смертной казни <1>. Это взгляд ученого, одного из весьма немногочисленных сторонников смертной казни. Стоит ли удивляться откровениям политиков?

<1> См.: Van den Haag E. Justice, Deterrence, and the Death Penalty // Acker J., Bohm R., Lanier C. America's Experiment with Capital Punishment. P. 139 - 156.

В 1997 году, выступая в поддержку смертной казни, председатель Судебного комитета Палаты представителей США заявил: "У нас имеются обширные конституционные гарантии, безусловно, наибольшие, но у нас никогда не будет такой системы, которая не казнит невиновного человека" <1>. Как видно, сторонники смертной казни рассматривают факты ее ошибочного применения как явление прискорбное, но необходимое.

<1> См.: МА: AMR 51/69/98 (Russian). Ноябрь. 1998. С. 2.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 39/118 от 14 декабря 1984 года "Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни" прямо указывается: "Смертный приговор может быть вынесен только тогда, когда вина лица, обвиняемого в совершении преступления, основана на ясных и убедительных доказательствах, не допускающих никакого иного толкования фактов". Прошло четверть века, но законодатели и судьи во всем мире так и не смогли разрешить, возможно, основной парадокс смертной казни: как наложить необратимое наказание справедливо и безошибочно, одновременно обеспечивая то, чтобы приговор приводился в исполнение без излишнего промедления. Попытки сбалансировать окончательность и справедливость такого наказания оказались безуспешными, а сама идея чаще всего приносилась в жертву ради сугубо политических целей.

Исследователи отмечают, что среди многих обстоятельств, способствующих вынесению ошибочных и впоследствии отмененных смертных приговоров, определенные "смертельные" факторы систематически повторяются. В литературе есть даже попытки классифицировать такие факторы по уровню их распространенности. К их числу относят необъективные показания свидетелей, некомпетентную защиту (в США говорят, что смертная казнь - это "привилегия бедных"), расовые предрассудки, неправомерные действия обвинения, любой ценой стремящегося добиться осуждения, ложные улики, в том числе показания тюремных информаторов, выторговывающих снисходительное к себе отношение в обмен на инкриминирующие заявления.

Систематической практикой обвинения в США издавна является предложение различных форм снисхождения к подсудимым и их соучастникам в обмен на дачу показаний, используемых для обвинения других лиц. Так, в целом ряде изученных дел, связанных с вынесением смертного приговора, обвинение целиком выстраивало свои доказательства на показаниях других заключенных, заявлявших, что обвиняемый сам "признался" в совершении преступления, когда они сидели с ним в одной камере <1>. И сколько бы не критиковали эту практику, применение такого рода доказательств продолжается.

<1> В 2004 году в Калифорнии окружной судья Э. Рафиди, отменяя за невиновностью смертный приговор, по которому Е. Джексон был осужден в 1979 году (!), указал: "Особо следует отметить недопустимость того, что обвинение основывалось главным образом на фальсифицированных показаниях двух тюремных информаторов". Это был шестой среди приговоров, пересмотренных в штате за год, а всего с 1987 по 2004 г. в Калифорнии было отменено 87 смертных приговоров (Knight Ridder Tribune, September 9, 2004).

В связи с особенно тяжкими преступлениями понятное возмущение общественности может оказывать и оказывает огромное психологическое давление на должностных лиц, ответственных за быстрый арест и осуждение преступника; в таких случаях (а они как раз и составляют большинство дел, связанных с применением смертной казни) суд может проходить в такой раскаленной атмосфере, что беспристрастность невозможна.

Ответственность за обвинение по таким делам чаще всего лежит на избираемом населением округа прокуроре, которому, как отмечалось, предоставлены широкие дискреционные полномочия при определении решения, требовать ли для подсудимого смертного приговора. Во многих штатах судьи и местные шерифы также являются выбранными должностными лицами. Поэтому соблазн требовать и выносить смертный приговор с целью удовлетворения запуганного электората может быть огромным. Не случайно политики, особенно на местах, добиваясь переизбрания, активно эксплуатируют тему смертной казни.

Еще одним важным фактором, повышающим вероятность ошибочного приговора, является процедура, применяемая при подборе жюри. Чтобы избежать голосования присяжных против смертного приговора в силу их личных принципов и убеждений, потенциальные присяжные в ходе предварительного отбора должны указать свою готовность к вынесению такого приговора. В состав жюри, как уже отмечалось, не пропускаются ни принципиальные противники смертной казни, ни те, кто всегда голосует за ее назначение. Практическим результатом такого внешне справедливого подбора жюри всегда является формирование состава присяжных, с самого начала склонных к вынесению смертного приговора. И хотя данные ряда опубликованных исследований подтвердили, что "квалифицированное на смерть" жюри склонно скорее поверить версии обвинения и осудить обвиняемого, чем "неквалифицированное" жюри, Верховный суд США все еще поддерживает практику такой "квалификации" жюри, что чаще всего ведет к предвзятому мнению присяжных.

Наконец, следует сказать о том, что до сих пор во многих штатах предоставленные обвиняемым адвокаты работают за шокирующе низкую плату и не имеют тех ресурсов, которыми располагает обвинение. В Алабаме, например, штат ограничивает вознаграждение адвоката по делам, связанным с вынесением смертного приговора, суммой в 2000 долларов, хотя подготовка к такому процессу требует не только высокой квалификации, но и долговременной и интенсивной работы. Назначенные судом адвокаты в Миссисипи в среднем получают около 12 долларов в час. В большинстве штатов отсутствуют минимальные стандарты компетенции в отношении назначения адвокатов по таким уголовным делам, что также ведет к неадекватной защите. В Техасе же до самого последнего времени вообще отсутствовала система по представлению интересов обвиняемых, не имеющих средств для покрытия расходов, связанных с их защитой в суде <1>.

<1> См.: AI Index: AMR 51/10/98 "USA: the Death Penalty in Texas: Lethal Injustice".

Надо отметить, что в 1988 году Конгресс США с целью обеспечения надлежащего юридического представительства для приговоренных к смертной казни во время апелляционного процесса habeas corpus через федеральные суды и суды штата учредил специальные резервные центры - организации по защите таких лиц после осуждения (Post-Conviction Defender Organizations) с ежегодным бюджетом в 20 миллионов долларов. Многие лица, отправленные в камеры смертников, были обязаны своим оправданием этим центрам и оплаченным ими адвокатам. Однако к 1996 году Конгресс проголосовал за снятие бюджета резервных центров, большинство из них закрылись, оставив осужденных без надлежащего юридического представительства.

Американская пресса связала это решение с принятым 24 апреля 1996 года "Актом об антитерроризме и эффективном наказании" (Anti-Terrorism and Effective Death Penalty Act of 1996), который, как уже отмечалось, строго ограничил права и доступ осужденных к пересмотру смертных приговоров, резко ускорив приведение их в исполнение (согласно этому закону, осужденным разрешалось подать прошение habeas corpus в федеральный суд лишь один раз в течение одного года по завершении процесса в суде штата). В итоге федеральные суды были фактически лишены своих полномочий интерпретировать и гарантировать меры защиты, закрепленные в Конституции США, и во многих случаях просто "штамповали" решения судов штатов.

В тех штатах США, где допускается смертная казнь, вопрос о применении этой меры решается, как отмечалось, судом присяжных. В этой связи следует сказать о том, что решения присяжных - еще один источник потенциальных судебных ошибок, имеющих особое значение именно применительно к делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью.

Система судов присяжных базируется на допущении, что присяжных - людей, не имеющих юридического образования, - можно подробно проинформировать о правовых стандартах, применяемых к ряду обстоятельств конкретного уголовного дела. Более того, эта система, как уже отмечалось, предполагает, что присяжные способны принять обоснованные решения о виновности

или невинности обвиняемого в преступлении и в случае, если содеянное им подпадает под высшую меру наказания, назначить "справедливую санкцию".

Однако здесь многое зависит от того, насколько точно присяжные понимают правовые нормы, разъясняемые им судьей. Это, разумеется, имеет особенно важное значение для такой специфической категории дел, где в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь. Между тем ряд проведенных в США специальных исследований показал, что инструкции судей о принципах и порядке назначения этой меры наказания присяжные зачастую понимают или недостаточно, или совсем неправильно.

Ныне действующие инструкции, которыми судьи снабжают присяжных, вырабатывались и совершенствовались при участии Верховного суда США около 30 лет. Эти инструкции структурируют процесс принятия присяжными решений, приводят этот процесс в соответствие с действующими правовыми стандартами и, если они понимаются присяжными правильно, должны способствовать снижению вероятности вынесения ошибочных вердиктов. Однако при решении вопросов, связанных с назначением высшей меры наказания, у присяжных заседателей возникает, как уже отмечалось, немало проблем.

Исследования, проведенные в конце 90-х годов в Северной Каролине, Огайо, Теннесси и других штатах <1>, показали, что наибольшая часть ошибок, нарушавших интересы обвиняемых, была сделана присяжными в пользу обвинения: почти у всех членов жюри, отметили исследователи, прежде всего, проявлялся "обвинительный уклон" <2>. В целом крайне низкий уровень решений, принимаемых судом присяжных, не случайно стал важным аргументом противников смертной казни.

<1> См.: Crime and Delinquency. 1998. Vol. 44. N 3. July. P. 412 - 429.

<2> См.: Уголовное право. 2000. N 2. С. 105 - 106.

15 июля 1997 года Информационный центр по проблемам смертной казни провел в Вашингтоне пресс-конференцию, посвященную проблеме необоснованного обвинения и судебных ошибок. В заявлении Центра указывалось, что за истекшие 20 лет из 413 казненных 74 были осуждены необоснованно. Одновременно Центр опубликовал материалы по каждому факту судебных ошибок, а также сообщил о намерении продолжить работу по проверке смертных приговоров, используя помощь квалифицированных юристов-пенсионеров, адвокатов, журналистов, студентов и активистов правозащитных организаций. Заявление Центра шокировало страну и послужило мощным импульсом для переосмысления традиционных воззрений на институт смертной казни, оно дало основание Американской ассоциации адвокатов (American Bar Association) в том же 1997 году выступить с призывом к установлению моратория на исполнение смертных приговоров в национальном масштабе.

В поддержку этого призыва выступили многочисленные правозащитные организации, Церковь, ряд видных деятелей политики и юстиции, конгрессменов, сенаторов, мэров крупных городов. Прошло еще три года и сенатор Рассел Рейнгольд вместе с конгрессменом Джесси Джексоном представили в Конгресс проект федерального закона о моратории на казни (National Death Penalty Moratorium Act of 2001). Понятно, что до реализации этой идеи Соединенным Штатам предстоит пройти довольно долгий путь.

Все чаще сообщаемые прессой и телевидением новые данные об освобожденных из "очереди смертников" в связи с необоснованностью обвинения вызывали все более сдержанное отношение к смертной казни среди широких слоев населения страны; этот процесс развивался довольно быстро и приобретал необратимый характер. Хроника освобождения необоснованно осужденных "смертников" в 1998 - 2004 гг. напоминала сводки боевых действий и привлекала к себе все большее внимание широкой общественности.

К 1998 году, т.е. за 20 лет после отмены моратория, из "очереди смертников" в связи с необоснованностью обвинения было освобождено около 80 осужденных. В сентябре 1998 года за два дня до намеченной казни был оправдан и освобожден Энтони Портер, осужденный в 1982 году за якобы совершенное им убийство (благо, удалось случайно обнаружить истинных убийц).

К началу 2000 года в связи с необоснованностью привлечения к ответственности из тюрем США было освобождено уже 87 осужденных; некоторых из них освободили буквально накануне исполнения смертного приговора. В апреле 2001 года из "очереди смертников" был освобожден ошибочно осужденный Дональд Парадис, отбывший в тюрьме 20 лет. Подобных примеров в американской и зарубежной прессе приводилось достаточно много. Поэтому все более настойчивыми становились требования общественности принять федеральный закон, который гарантировал бы каждому осужденному к смертной казни право на тест ДНК, проведение которого значительно повышает шансы доказать свою непричастность к совершенному преступлению <1>.

<1> Метод генетической идентификации по молекулам ДНК появился в начале 1980-х годов. Его автором стал английский ученый-генетик А. Джеффрис, впервые применивший свое изобретение в криминалистике.

Напомним, что в подавляющем большинстве штатов адвокаты долгое время добиваются возможности проведения такого теста для своих подзащитных, но под разными предлогами, а часто и по финансовым соображениям получают отказ. Нередко власти штата отказывают в таких ходатайствах, чтобы не были выявлены вероятные нарушения закона, следственные и судебные ошибки.

Газета Chicago Tribune, например, в 2000 году провела собственное расследование и пришла к выводам, что десятки людей в Техасе были осуждены к смертной казни при явно недостаточных доказательствах. Однако власти штата и сам бывший губернатор Дж. Буш делали все возможное, чтобы защитить свою, скорую на расправу систему юстиции, сократив не только сроки рассмотрения апелляций, но и расходы на проведение тестов ДНК и, следовательно, на обеспечение защиты неимущих обвиняемых <1>.

<1> См.: Квашис В.Е. Смертная казнь: глобальные тенденции и перспективы // Уголовное право. 2001. N 3.

Следует также отметить, что до самого последнего времени законы лишь двух штатов - Нью-Йорка и Иллинойса - давали осужденным право требовать проведения таких тестов. Между тем 95% американцев, как показали опросы журнала Newsweek в 2000 году, настаивают на том, чтобы это право было гарантировано всем обвиняемым, когда это может повысить доказательства их невиновности. Два других самостоятельных опроса показали, что две трети американцев предпочитают приостановить приведение в исполнение смертных приговоров до тех пор, пока не будет полностью доказана справедливость обвинения и жалобы осужденных не будут пересмотрены.

В июне 2000 года опрос, проведенный Институтом Гэллапа показал, что только 51% американцев считают, что смертная казнь назначается справедливо; при этом 80% опрошенных уверены, что в последние 5 лет казни в стране совершались и в отношении невиновных. Спустя год общенациональный опрос "Harris Interactive" (июль 2001 г.) показал: 94% американцев считают, что смертная казнь нередко назначается невиновным, причем средний показатель таких ошибок, по мнению опрошенных, составляет 12% <1>.

<1> См.: Gerber B. Dead Wrong // New York Times. February 1. 2001.

Все это дало мощный импульс к разработке и довольно быстрому прохождению в конгрессе США законопроекта (Innocence Protection Act), направленного на совершенствование процедуры апелляций, расширение возможностей использования тестов ДНК и в итоге на снижение числа судебных ошибок при вынесении смертных приговоров <1>. Если еще совсем недавно во многих штатах власти под разными предлогами отказывали в выделении средств для проведения тестов ДНК при проведении расследования и рассмотрении апелляций осужденных, то с начала 2000-х годов ситуация стала довольно быстро и заметно меняться. Все чаще правоохранительным органам ряда штатов из федерального бюджета стали выделять гранты на тесты ДНК и реализацию экспериментальных тестовых программ (в Нью-Йорке, например, в 2006 году была открыта специальная судебно-медицинская лаборатория стоимостью в 267 млн. долларов). Эти гранты явились составной частью инвестиционного пакета в 5 млрд. долл., который уже по инициативе Дж. Буша был выделен правоохранительным органам на развитие прогрессивных биохимических методов идентификации преступников <2>.

<1> Этот Закон вступил в силу 30 октября 2004 года как составная часть Закона "Justice for All Act 2004".

<2> См.: Квашис В. По дорогам США: заметки криминолога // Криминологический журнал. 2005. N 2. С. 11.

Но вернемся к началу нового века. К концу 2000 года из "очереди смертников" было освобождено уже 93 необоснованно осужденных, из них 16 только за два последних года. В сентябре 2000 года Министерство юстиции США провело собственное расследование состояния дел в сфере вынесения смертных приговоров и вынуждено было признать широкую распространенность судебных ошибок. Президент США Б. Клинтон и Генеральный прокурор США Ж. Рино в связи с этим публично выразили свою "крайнюю озабоченность".

18 декабря 2000 года в Нью-Йорке Генеральному Секретарю ООН было вручено обращение по поводу установления всемирного моратория на казни - его подписали 3,3 миллиона человек из 146 стран всех регионов мира, включая, разумеется, и самих американцев.

Хронология дальнейших событий в аболиционистском движении в США довольно подробно излагалась в предыдущей главе. Поэтому здесь будет куда более важным остановиться на итогах специального исследования судебных ошибок, проведенного учеными Колумбийского университета в Нью-Йорке под руководством профессора Джеймса Либмана.

Изучив все уголовные дела за 1973 - 1995 гг., по которым в качестве наказания была назначена смертная казнь, исследователи установили, что за указанный период уровень судебных ошибок составил 68% (из 4,578 изученных уголовных дел). Другими словами, в двух из трех дел, где решался вопрос жизни или смерти подсудимых, суды допустили "серьезные ошибки". В силу таких ошибок 82% из 5760 приговоров были пересмотрены и вместо смертной казни были назначены другие меры наказания, а в 7% дел осужденные были признаны невиновными; за тот же период на основе ошибочных приговоров было казнено 5% осужденных.

Направляя результаты исследований в Конгресс и Верховный суд США, ученые подчеркнули, что "система правосудия по делам, наказуемым смертной казнью, гибнет под тяжестью судебных ошибок" <1>.

<1> См.: Death Penalty Information Center. Liebman J., Fagan J., West V. A Broken System, Error Rates in Capital Cases 1973 - 1995 // Press Release. February 11. 2002; Death Penalty Information Center. Liebman J., Fagan J., West V. A Broken System, Error Rates in Capital Cases 1973 - 1995 // Press Release. February 11. 2002.

Позднее ученые Колумбийского университета продолжили это исследование, охватив судебную практику по делам об убийствах за 1996 - 2000 гг. В нем использовались самые разнообразные методические приемы, включая многофакторный регрессный анализ для выявления факторов, встречающихся в ошибочных решениях гораздо чаще и объясняющих, почему в одних случаях апелляции осужденных удовлетворяются, а в других - приговор остается в силе. Его результаты подтвердили ранее сделанные выводы. Очевидно, отмечают исследователи, что там, где окружные суды или суды штата более интенсивно применяют наказание в виде смертной казни, там и судебные ошибки встречаются наиболее часто <1>. Так, только в штате Нью-Джерси (где смертные приговоры уже четверть века не исполняются) из 63 приговоров к смертной казни, вынесенных с 1982 по 2002 г., 47 приговоров признаны ошибочными и отменены.

<1> См.: Death Penalty Information Center. Liebman J., Fagan J., West V. A Broken System, Part II: "Why There Is So Much Error in Capital Cases, and What Can be Done About It" // Press Release. February 11. 2002.

Можно назвать и другие исследования судебных ошибок, проведенные в самое последнее время в США различными научными и общественными организациями. Так, например, в Отчете национальной организации "Семьи жертв убийства за примирение" (Murder Victims Families for Reconciliation) отмечается, что родственников жертв, возражающих против применения к подсудимому смертной казни, зачастую необоснованно отстраняют от участия в судебном процессе.

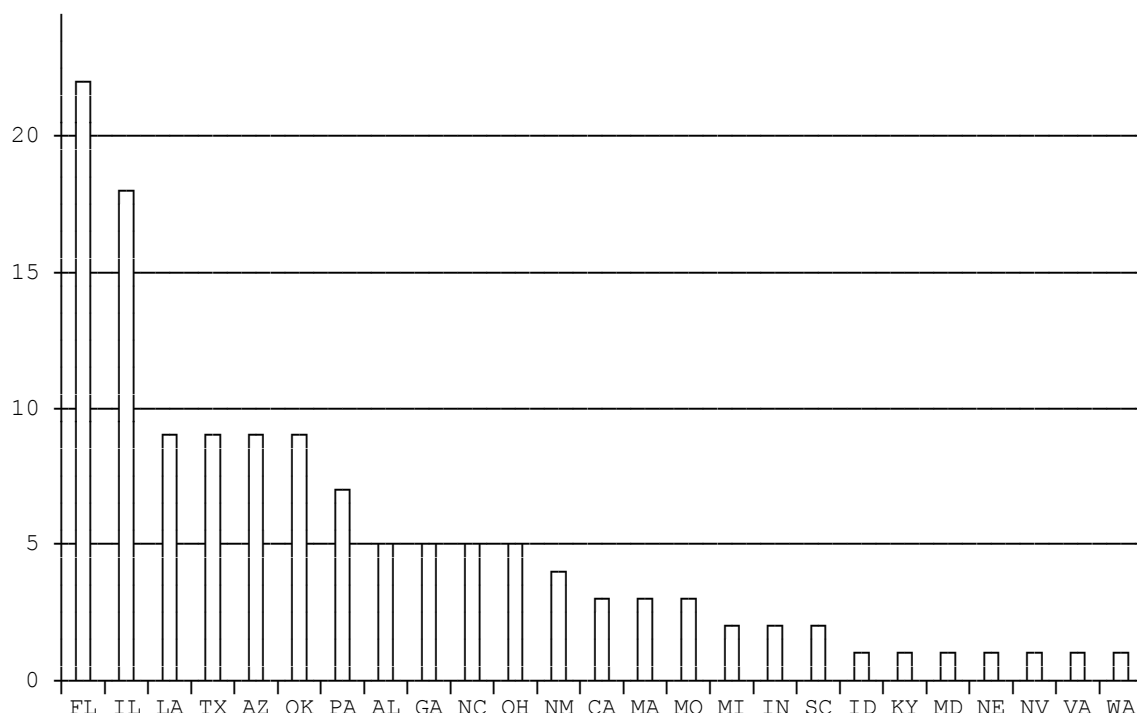
Исследование, проведенное недавно фондом Common Sense Foundation в Северной Каролине, подтвердило ранее сделанные выводы о растущей некомпетентности судей, рассматривающих дела о преступлениях, наказуемых смертной казнью.

В декабре 2002 года правозащитной организацией Defender Service опубликованы результаты исследования практики прохождения апелляционных процедур в Техасе, которое показало, что в отношении каждого третьего из казненных в штате имели место или некачественное расследование преступления, или необоснованное отклонение Верховным судом штата апелляций, поданных осужденными или их адвокатами.

Обращают на себя внимание показатели, характеризующие территориальную распространенность выявленных судебных ошибок и оправдательных решений апелляционных судов по рассматриваемой категории уголовных дел. Вот как выглядят эти показатели за последние 35 лет к середине 2007 года.

Диаграмма N 14

География оправдательных решений апелляционных судов США
в 1973 - 2007 гг.

Если вспомнить географию применения смертной казни в США, то окажется, что она далеко не полностью совпадает с географией выявленных судебных ошибок и соответственно с данными о распространенности оправдательных вердиктов судов. Особо следует отметить, что из 125 оправданных и освобожденных "смертников" всего 8 осужденных судебными органами Техаса, в котором, как уже неоднократно отмечалось, было вынесено наибольшее число смертных приговоров и совершено наибольшее число казней.

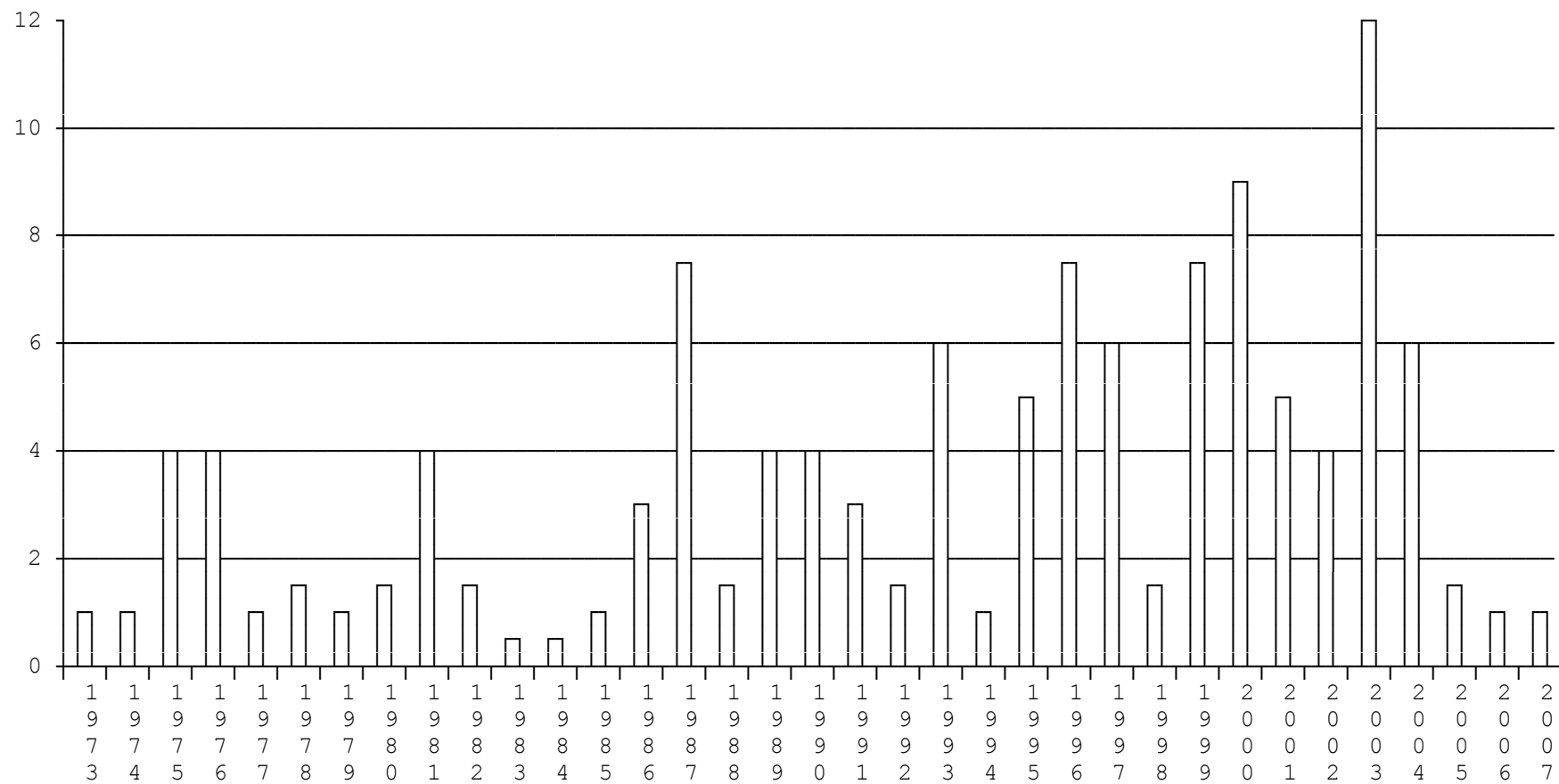
Как видно из приведенной диаграммы, из 124 оправданных "смертников" 22 приходится на долю Флориды; 18 - на долю Иллинойса; по 8 - в Техасе, Луизиане, Огайо, Аризоне и Оклахоме; 6 - на долю Пенсильвании и далее в убывающем порядке - в других 15 штатах. Напомним, далее, что за тот же период (1996 - 2005 гг.) в Калифорнии, где самая большая "очередь смертников", вынесен 271 смертный приговор и только 3 оправдательных вердикта; во Флориде - 168; в Оклахоме - 83, а в Иллинойсе - 30 смертных приговоров.

Сопоставив эти показатели с числом оправдательных вердиктов в указанных штатах, можно сделать вывод, что число выявленных судебных ошибок и оправдательных вердиктов никак не коррелируется с числом вынесенных смертных приговоров. Это означает, что данные о территориальной распространенности оправдательных вердиктов по-своему отражают приверженность деятелей юстиции в разных штатах институту смертной казни и, соответственно, разную меру их желания добиваться установления истинных виновников преступлений. Другими словами, желания вскрыть или, наоборот, скрыть возможные ошибки, допущенные ранее при рассмотрении этой категории уголовных дел.

Данные о ежегодном числе оправдательных вердиктов в США и, следовательно, об интенсивности выявления судебных ошибок сами по себе довольно информативны (см. диаграмму N 15).

Диаграмма N 15

Интенсивность оправдательных вердиктов в США
в 1973 - 2007 гг.

Если сравнить, например, показатели 1980 - 1993 гг. и 1994 - 2005 гг., то окажется, что на фоне значительной активизации аболиционистского движения интенсивность выявления такого рода судебных ошибок и пересмотра приговоров в отношении "смертников" выросла в 1,6 раза.

Информационный центр по проблемам смертной казни приводит другие данные об интенсивности вынесения оправдательных вердиктов, используя сравнение других временных отрезков. Согласно этим данным, с 1973 по 1999 г. ежегодное число таких вердиктов составляло в среднем 3,1; а с 2000 по 2007 г. - по 5 вердиктов в год. Как видно, в любом случае интенсивность выявления судебных ошибок и вынесения оправдательных вердиктов в США имеет очевидную тенденцию к заметному росту.

Исходя из общего числа вынесенных смертных приговоров и количества вынесенных за тот же период оправдательных вердиктов, можно с определенной долей условности рассчитать вероятность судебной ошибки при назначении смертной казни. В 1977 - 2007 гг. в США, как уже отмечалось, было вынесено более 7000 смертных приговоров. Опираясь на приведенные выше результаты апелляционных процессов в целом ряде штатов, можно с достаточной обоснованностью считать, что примерно в 14% таких дел приговор был скорректирован в апелляционных инстанциях и, таким образом, число вступивших в силу смертных приговоров составляет около 6000. Теперь, зная, что число оправдательных вердиктов за тот же период равно 120, не трудно рассчитать, что вероятность судебной ошибки и вынесения осужденному "смертнику" оправдательного решения составляет 1:50 или 2,0% из 100 смертных приговоров.

Продолжая хронологию развития ситуации, отметим крайне важные изменения, которые повлекла за собой нарастающая информация о новых оправдательных решениях суда и освобождении необоснованно осужденных. В самом деле, уже к концу 2001 года стало очевидным, что информация о растущем числе выявленных ошибок заметно повлияла на судебную практику - прежде всего на заметное снижение числа смертных приговоров. Кроме того, стало ощутимо нарастать число расследований, доказывающих сомнительность обвинений по конкретным уголовным делам. В их проведение активно включились Национальный фонд правовой защиты и многочисленные правозащитные и аболиционистские организации. Стали также известны результаты такого рода расследований, проводимых в 2004 - 2005 гг. газетами Chicago Tribune, St. Louis Post-Dispatch, Houston Chronicle и другими средствами массовой информации.

В этот период, как уже отмечалось, возросшую активность проявили и деятели киноиндустрии. Некоторые кинохудожники постарались пойти даже дальше классического фильма С. Люмета "12 разгневанных мужчин". Так, уже после объявления моратория в Иллинойсе в прокат был выпущен фильм "Жизнь Дэвида Гейла", еще раз убедительно подтверждающий, что купировать опасность судебной ошибки практически невозможно. В этом драматическом фильме аболиционисты решили путем самоубийства и обвинения заведомо невиновного (казненного по ходу фильма) показать высокую вероятность судебной ошибки и казни невиновных.

В фильме Клинта Иствуда "Настоящее преступление" показаны все детали подготовки и проведения смертной казни, которыми, казалось бы, трудно удивить американского зрителя. Однако здесь судебная ошибка вскрывается в тот момент, когда исполнение смертного приговора уже началось и осужденный уже был усыплен. В самый последний момент, когда наступление смерти кажется неизбежным, звонок губернатора останавливает казнь... (Этот фильм, как известно, получил несколько "оскаров".)

Возможно, под влиянием сообщений средств массовой информации и такого рода кинофильмов 63% американцев, как показал опрос Гэллопа в 2006 году, заявили, что они вполне верят в казни невиновных. Это был самый высокий показатель недоверия граждан к американскому правосудию за последние 20 лет <1>.

<1> См.: Gallop News Service. June 1. 2006.

За три года - с 2001 по 2004 г. - общее число расследований по делам, наказуемым смертной казнью, выросло в два раза. Не случайно в 2005 году президент Дж. Буш в Послании к нации выразил озабоченность в связи с применением наказания в виде смертной казни; он призвал повысить уровень доказательств и шире использовать тесты ДНК, с тем чтобы избежать судебной ошибки, и обещал всячески содействовать развитию программ, способствующих расследованию такого рода уголовных дел. И, как уже отмечалось, выделяя на эти цели серьезную финансовую помощь правоохранительным органам из федерального бюджета, свое обещание Дж. Буш во многом выполнил.

Итак, вероятность судебной ошибки при рассмотрении преступлений, наказуемых смертной казнью, служит одним из важнейших аргументов против смертной казни. Не зря общественное мнение в США и в других странах все больше утрачивает веру в обоснованность и справедливость этой варварской меры наказания. И, судя по активизации аболиционистских настроений, есть

основания полагать, что отмеченная тенденция все более широкого выявления судебных ошибок и пересмотра судебных приговоров в дальнейшем будет нарастать.

Казнь невиновного, как уже отмечалось, - проблема для любой страны, применяющей эту меру наказания. Во всем мире получило известность дело испанца Хоакино Мартинеса. В 1995 году в Тампе (штат Флорида) суд всего за полтора часа обвинил его в убийстве, к которому он не имел ни малейшего отношения. За освобождение невиновного пять лет боролась вся Испания и лишь в 2001 году удалось доказать его невиновность и вырвать из "коридора смерти" <1>.

<1> Simon R., Blaskovich D. A Comparative Analysis of Capital Punishment. P. 52.

В Великобритании в 1998 году апелляционный суд посмертно отменил приговор гражданина Сомали Махмуда Маттана, казненного еще в 1952 году после судебных разбирательств, крайне отличавшихся расизмом. Как отметил председатель суда, это дело продемонстрировало, что "наказание в виде смертной казни не было разумной кульминацией системы уголовного правосудия, созданной людьми, и, следовательно, не исключающей ошибок".

В начале 2002 года Королевский кассационный суд удовлетворил апелляцию и признал невиновным Стивена Даунинга, осужденного в 1975 году за убийство, к которому, как выяснилось, он был не причастен. Средства массовой информации назвали этот факт самым крупным провалом за всю историю британского правосудия <1>.

<1> См.: Шестернина Е. Крах Фемиды // Известия. 17.01.2002.

В 1998 году Верховный суд Узбекистана посмертно признал невиновным бывшего министра В. Усманова, казненного в 1986 году.

В целом ряде стран, еще сохраняющих в своем законодательстве смертную казнь, в течение последних лет были отменены смертные приговоры и освобождены десятки ошибочно осужденных к высшей мере наказания, хотя подлинные масштабы судебных ошибок, как уже отмечалось, вероятно, еще долго, а скорее всего, навсегда останутся неизвестными. К числу таких стран относятся Филиппины, Турция, Малайзия, Китай, Белиз, Пакистан, Украина, Россия, Япония и другие.

Так, по данным "Международной амнистии", в Украине, например, только в период с 1989 по 1993 г. было пересмотрено свыше 40 смертных приговоров. Такое же количество пересмотренных смертных приговоров за тот же период было зафиксировано в Бангладеш.

В 1983 году Верховный суд Японии оправдал Сакае Менда после того, как он провел в камере смертников 34 года и подал 6 апелляций.

В 1984 году Верховный суд отменил смертные приговоры в отношении Сайто Юкио и Танигучи Шигиочи, после того как они пробыли в камере смертников соответственно 27 и 32 года. В 1989 году тот же суд оправдал Акахори Масао, который был осужден на основе ложного показания тюремного информатора и провел в тюрьме в ожидании казни 31 год <1>. А самым печальным "рекордом" в японской судебной практике является дело Садамичи Хиросавы. Под пытками он признался в убийстве 12 человек при ограблении банка и в 1950 году был приговорен к смертной казни. 37 лет Хиросава провел в тюрьме в ожидании казни, став известным художником; он умер в тюрьме в 95 лет, пережив многих, кто добивался его реабилитации и освобождения. Всего только за 1983 - 1990 гг. достоверно известны по крайней мере пять случаев освобождения из камер смертников необоснованно осужденных.

<1> См.: AI-Index: ASA 22/03/95 "Japan: The Death Penalty: Cruel, Inhuman and Arbitrary Punishment".

Судебные ошибки, как уже отмечалось, нередко "всплывают" спустя много лет после вынесения смертного приговора, причем даже в таких странах, где такие приговоры практически не приводились в исполнение, а сама смертная казнь как мера наказания давно отменена.

В этом отношении показательным является отмена смертного приговора в Канаде по делу Стивена Трускотта. Суд провинции Онтарио вынес этот приговор почти полвека назад. Еще в 1959 году (!) 14-летний С. Трускотт был обвинен в убийстве 12-летнего подростка и приговорен к смертной казни. Вскоре эту меру наказания заменили пожизненным заключением, а еще через 10 лет - в 1969 году - он был досрочно освобожден. С. Трускотт, всегда отрицавший свою причастность к указанному преступлению, безуспешно пытался добиться пересмотра необоснованного приговора почти 40 лет после своего освобождения. И лишь в августе 2007 года апелляционный суд Онтарио единогласным решением судей признал его невиновным и отменил необоснованный приговор. Новые факты, выясненные в ходе многолетней проверки обстоятельств дела, вынудили апелляционный суд признать судебную ошибку (miscarriage of justice) и полностью оправдать С. Трускотта. Генеральный прокурор провинции М. Брайан

публично принес ему извинения, заявив, что обвинение, конечно же, не будет оспаривать это справедливое решение апелляционного суда <1>. Остается добавить, что смертная казнь в Канаде была отменена еще в 1976 году.

<1> См.: CBC News. August 28. 2007.

Разумеется, в плане судебных ошибок практика России никак не составляет исключения. Помимо таких широко известных примеров, как дело Чикатило или "витебское дело", когда наряду с разыскиваемыми преступниками были ошибочно осуждены другие лица, к этим преступлениям непричастные, можно назвать скандально известные процессы последних лет по уголовным делам в отношении С. Михайлова, М. Юрочко, Е. Медникова, признавших под пытками следователей свою вину в убийствах, которых они не совершали. Лишь настойчивое вмешательство российских и международных правозащитных организаций заставило, наконец, Генеральную прокуратуру России признать невиновность этих осужденных к высшей мере наказания.

В 1999 году в Брянской области армейский ветеран В. Леонов, пожилой и тяжело больной человек, три месяца провел за решеткой по обвинению в убийстве, к которому не имел никакого отношения. К несчастью, его фамилия и паспортные данные почти совпали с данными преступника, разыскиваемого милицией Московской области. Вскоре после освобождения В. Леонов умер, не выдержав издевательств в ходе следствия <1>.

<1> См.: Юридический мир. 2002. N 7. С. 10.

В 2001 году Е. Веденин был осужден в гор. Альметьевске за убийство. Обвинение против него было основано на показаниях единственного свидетеля, который на суде от них отказался. Тем не менее в приговоре записано: "Вина подсудимого полностью доказана". Веденин провел в тюрьме 4 года, пока случайно не арестовали подлинных убийц <1>.

<1> См.: Новая газета. 17 - 21 ноября 2005 года.

Понятно, что здесь названы лишь единичные факты, имевшие особый резонанс и потому получившие относительную известность, ибо делиться с обществом такого рода информацией, тем более по делам, наказуемым смертной казнью, у нас издавна не принято. Президент России В.В. Путин, говоря о необходимости судебной реформы, несомненно, имел все основания заявить: "Суд у нас так и не стал ни скорым, ни правым, ни справедливым" <1>.

<1> Известия. 04.04.2001.

С тех пор как были сказаны эти слова, прошло еще шесть лет. И вот телепрограмма "Человек и закон" 15 ноября 2007 года впервые за свою многолетнюю историю посвятила проблеме судебной ошибки специальную передачу. Из нескольких ее сюжетов напомним лишь одно уголовное дело о двойном убийстве в г. Туапсе. В двух словах суть дела такова. Человек был обвинен в двойном убийстве лишь потому, что в нетрезвом состоянии случайно оказался рядом с местом преступления и был оговорен единственной "свидетельницей", понятия не имевшей о случившемся. Вот уже пять лет (!) молодой человек, кстати говоря, врач по профессии и семьянин с незапятнанной репутацией, отбывает наказание по заведомо неправосудному приговору - он осужден к 15 годам лишения свободы. Подлинный убийца за это время "отсидел" два года за хранение оружия и уже несколько лет обивает пороги городской прокуратуры, заявляя о своей виновности в убийстве и настаивая на оформлении явки с повинной. Он просит следователей пересмотреть дело, объясняя, что убийство (судя по его показаниям "под камеру", неумышленное) совершил именно он, а не имеющий отношения к делу осужденный, отбывающий наказание, но в прокуратуре его каждый раз гонят прочь, не желая фиксировать его показания и, понятно, не желая признания факта заведомой фальсификации дела. Более того, свидетельница, оговорившая осужденного, "под камеру" заявляет, что ее принудили к ложным показаниям в милиции и прокуратуре.

Прокуратура Краснодарского края даже при этих вопиющих обстоятельствах защищает честь мундира; между тем подлинный убийца, подробно рассказывающий об обстоятельствах совершенного им убийства, на свободе, он "устал" доказывать свою виновность, а непричастный к делу и необоснованно осужденный все еще находится в тюрьме. И, судя по упорству прокуратуры, похоже, что шансов на отмену этого приговора не так уж много. Программа "Человек и закон" обещала вернуться к этому делу. Интересно, конечно, особенно если хоть на секунду представить, что это единственное дело такого рода. Если бы...

Между тем наивная вера сторонников смертной казни в надежность апелляционных процедур встречается в российской правовой литературе не так уж редко. При этом, признавая

всю серьезность аргументации, связанной с возможностью судебной ошибки, они считают, что ей могут быть противопоставлены требования строжайшего соблюдения уголовно-процессуальных норм, которые должны быть усложнены при разбирательстве такого рода дел, чтобы максимально исключить возможность произвола и судебной ошибки <1>.

<1> См.: Решетников Ф.М. Смертная казнь в современном мире // Журнал российского права. 1997. N 6. С. 103.

Есть среди них и такие, которые в принципе отвергают этот аргумент. "К счастью, - пишет А.С. Михлин, - судебные ошибки, связанные с применением исключительной меры наказания - смертной казни, - допускаются крайне редко... Невозможность исправления судебной ошибки подразумевает обязательную максимально возможную проверку всех обстоятельств дела и правильности осуждения. Такой особо тщательный, порядок рассмотрения и обжалования данной категории уголовных дел установлен. Можно думать о дальнейшем совершенствовании соответствующих процессуальных норм. Но считать абстрактную возможность ошибки основанием для отказа от смертной казни, вряд ли, правильно" <1>.

<1> Журнал российского права. 1998. N N 10 - 11. С. 142.

На наш взгляд, согласиться с такой позицией не представляется возможным. Во-первых, ни следственная, ни судебная практика не дают, к сожалению, никаких оснований считать факты необоснованного осуждения к высшей мере "крайне редкими" <1>. Действительно, "блажен кто верует...". Увы, практика отправления правосудия, как отмечалось, весьма часто свидетельствует об обратном и надо очень постараться, чтобы не замечать этого. Во-вторых, и это вытекает из только что сказанного, вряд ли правильно говорить об "абстрактной возможности" ошибки, ибо цена ее, как уже отмечалось, слишком высока, поскольку речь идет о наказании, необратимом и невозстановимом <2>.

<1> См.: Китаев Н.А. Неправосудные приговоры к смертной казни. Иркутск, 2001; Резник Б. Да не судимы будем... // Известия. 24 - 25 июля 1999 года; Феофанов Ю. Приглашение на казнь // Известия. 22 марта 2002 года.

<2> "Если наше правосознание не мирится с понятием вреда от судебной ошибки над человеком невиновным в случае отбытия им менее тяжкого наказания или простого привлечения к суду, - отмечал известный русский криминалист А.А. Жижиленко, - то совершенно нелепым допущение существования смертной казни ввиду одной возможности случаев судебной ошибки..." (Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 200).

Одним из источников потенциальных судебных ошибок являются, как отмечалось, решения суда присяжных, имеющие особое значение при рассмотрении дел о преступлениях, наказуемых смертной казнью. "Суд присяжных, - пишет обозреватель Е. Ямпольская, - институт интимный. В том смысле, что решения здесь принимают не юристы, а обычные люди, и судят они не столько по закону, сколько по совести. А что такое совесть? Видимо, тот запас душевной боли, которым ты располагаешь - от Бога, от мамы с папой и по итогам всей своей жизни, до текущего момента включительно" <1>.

<1> Ямпольская Е. Утомленные гневом // Известия. 08.08.2007.

Реалии российского суда присяжных, где решение принимается большинством голосов, известны. Психологический подтекст их решений тоже очевиден - жаль тратить личное время на выяснение обстоятельств дела и обдумывание чужой судьбы. Все это хорошо показано в кинофильме Н. Михалкова "12", которого кинокритика иногда не совсем справедливо называет римейком "12 разгневанных мужчин". На самом деле здесь большая разница и в содержании, и в подтексте, и, наконец, в том, что действие в фильме "12" происходит именно в России, где нередко высшее милосердие - не оправдать невиновного, а наоборот, спрятать его в тюрьме <1>.

<1> См.: Там же.

Сторонники смертной казни забывают и о другой стороне этого института. "Пора понять самое важное, - пишет известный ученый-филолог Мариэтта Чудакова, - смертная казнь - не адресна. Она не может быть направлена только на этого отвратительного и очевидного преступника. Она - слепое чудовище, способное поразить невинного - и скольких поразило!.. Иметь ее в кодексе - это хранить в доме, где есть дети, взрывчатку и оружие с взведенным курком и уверять себя и других, что это - в целях защиты от воров" <1>.

<1> Чудакова М. Милость к падшим // Известия. 30.05.2001.

Подлинное число ошибочно осужденных и казненных, как уже отмечалось, не знает никто и никогда не узнает. Поэтому надо признать, что существует лишь один способ избежать судебной ошибки при вынесении смертного приговора - не выносить его вовсе.

Глава X. КУДА ИДЕТ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ?

1. Об аболиционистском движении за отмену смертной казни в этой работе говорилось довольно подробно. Теперь следует хотя бы в общих чертах остановиться на реалиях регулирования международного-правового запрета смертной казни, с тем чтобы позднее перейти к практическим результатам аболиционистского движения и в конечном итоге сформулировать ответ на вопрос, вынесенный в заглавие настоящего раздела работы.

Начнем с Европы. Движение за отмену смертной казни приобрело большое число новых сторонников после окончания Второй мировой войны как непосредственная реакция на массовые казни нацистами и уничтожение в лагерях смерти миллионов ни в чем не повинных людей. В результате нормы об отмене смертной казни были включены в тексты вновь принятых демократических конституций ряда европейских стран (в частности, в Италии и ФРГ).

Следующая волна активизации этого движения на европейском континенте приходится на вторую половину 70-х годов XX века, когда в ряде европейских стран были свергнуты реакционные политические режимы и установлены демократические формы правления, закрепившие отмену смертной казни в конституционных актах (в частности, в Португалии, Испании, Греции) <1>. Этот период современной истории связан и созданием Совета Европы.

<1> См.: Решетников Ф.М. Смертная казнь в современном мире // Журнал российского права. 1997. N 6. С. 93 - 96.

Одним из важнейших условий вступления в Совет Европы, как известно, является сформулированное Парламентской Ассамблеей Совета Европы требование "подписать в течение одного года и ратифицировать не позже, чем через три года с момента вступления в Совет Европы, Протокол N 6 к Европейской конвенции о защите прав человека, касающийся отмены смертной казни в мирное время, и установить немедленно мораторий на исполнение смертных приговоров".

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, ратифицированная всеми государствами - членами Совета Европы, - важнейший фундаментальный документ, на который ориентировано законодательство этих государств. В тексте самой Конвенции не содержится ограничений на применение смертной казни, если такая мера наказания предусмотрена за данное преступление законом и назначена по приговору суда (ст. 2). Непосредственное отношение к вопросу о смертной казни имеет дополнительный (к Конвенции) Протокол N 6, который формулирует положения в этой сфере, принципиально новые не только для европейского права, но и для международного права в целом. По сути дела, это первое обязательное для исполнения международное соглашение об отмене смертной казни за преступления, совершенные в мирное время <1>.

<1> Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы. Поэтому вопрос об отмене смертной казни в России, подписавшей Протокол N 6, предreshен не только политически, но и юридически.

В ст. 1 Протокола N 6 сказано: "Смертная казнь отменяется. Никто не может быть ни приговорен к этому наказанию, ни казнен". Государствам-участникам в соответствии со ст. 2 разрешено введение смертной казни за преступления, совершенные во время войны либо в условиях, когда грозит ее приближение. Важно подчеркнуть, что подписание этого Протокола предполагало добровольное принятие на себя вытекающих из него обязательств и каждое из государств-участников вправе само решать вопрос о присоединении к этому протоколу, а также вопрос о времени присоединения к нему.

Аналогом Дополнительного протокола к Европейской конвенции о защите прав человека является Дополнительный протокол об отмене смертной казни к Межамериканской конвенции по правам человека, которая была принята Организацией Американских Государств (ОАГ) в 1969 году. Таким образом, смертная казнь в современном международном праве запрещена нормами указанных дополнительных протоколов к Европейской и Межамериканской конвенциям по правам человека. Оба эти документа при всей их важности имеют региональную сферу применения и к тому же ограничены кругом подписавших их государств.

США, например, вступившие в Организацию Американских Государств в 1977 году, Межамериканскую конвенцию до сих пор не подписали. Однако этот факт сам по себе никак не связан с активизацией движения за отмену смертной казни в стране, о чем в этой работе говорилось особенно подробно. Назовем лишь самые последние шаги и результаты предпринятых в этом направлении усилий:

- напомним, что вот уже 7 лет продолжается мораторий на исполнение смертных приговоров в штате Иллинойс;

- в 2004 году после десятилетнего перерыва смертная казнь на основании решения Верховного суда штата вновь была отменена в Нью-Йорке (за эти годы в штате не было ни одной казни);

- в 2004 году Верховный суд Канзаса признал смертную казнь мерой наказания, противоречащей Конституции, и постановил о ее отмене (эта мера наказания была введена в штате в 1994 году);

- в 2006 году Нью-Джерси стал первым штатом, законодательно отменившим смертную казнь;

- в Калифорнии и Северной Каролине законодатели приступили к изучению практики применения смертной казни с целью подготовки реформы системы наказаний и последующей замены смертной казни пожизненным лишением свободы без права досрочного освобождения;

- в стране уже семь лет подряд идет последовательное снижение числа вынесенных смертных приговоров и числа казней.

В отличие от только что названных межрегиональных документов, формирование и развитие общепризнанных норм международного права, имеющих универсальное значение (в первую очередь норм, выработанных под эгидой ООН), шло иным путем. Принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году Всеобщая декларация прав человека - основополагающий документ в рассматриваемой сфере - вообще не содержала упоминания о смертной казни.

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в 1966 году, также имеющий универсальное значение, особо подчеркивал необходимость ограничения круга деяний, наказуемых смертной казнью. В нем, в частности, говорилось: "В странах, которые не отменили смертной казни, смертные приговоры могут выноситься только за самые серьезные преступления (ч. 2 ст. 6) <1>". В этом же документе указывалось, что каждый приговоренный к смертной казни имеет право просить о помиловании или о смягчении приговора; что смертной казни не подлежат несовершеннолетние, совершившие преступления до 18 лет, а также беременные женщины (ч. 4 и 5 ст. 6).

<1> В комментарии Комитета ООН по правам человека к ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах указано, что выражение "наиболее серьезные преступления" должно трактоваться ограничительно и означать, что смертная казнь должна быть исключительной мерой.

В универсальных документах последующего периода требование максимального ограничения круга деяний, наказуемых смертной казнью, сочеталось со все более настойчивыми призывами к отмене этой меры наказания. Так, еще в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН N 32/61 от 8 декабря 1977 года мировое сообщество государств подтвердило, что его главной целью является "все большее и большее ограничение числа преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь, исходя из желательной отмены этого наказания в перспективе".

Особое место среди рассматриваемых международно-правовых актов в этой области занимают "Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни". Этот документ был одобрен Резолюцией Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС) N 1984/1985 от 5 мая 1984 года, принятой по рекомендации Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовной юстиции. В нем, в частности, зафиксировано следующее правило: "В странах, которые не отменили смертной казни, смертный приговор может быть вынесен лишь за самые серьезные преступления, причем предусматривается, что их состав ограничивается преднамеренными преступлениями со смертельным исходом или другими чрезвычайно серьезными последствиями".

В этом важном документе получила закрепление существующая в большинстве государств практика запрета смертной казни в отношении несовершеннолетних, беременных и только что ставших матерями женщин, а также лиц, потерявших рассудок. При этом подчеркивалось, что смертный приговор может быть вынесен только в том случае, "если виновность лица, обвиняемого в совершении преступления, установлена на основе ясных и убедительных доказательств, не оставляющих возможности для иного истолкования фактов". Кроме того, указывалось, что смертный приговор подлежит исполнению, если только он вынесен компетентным судом после судебного процесса, в ходе которого обвиняемому были предоставлены все возможные гарантии обеспечения справедливого судебного разбирательства.

В 1996 году ЭКОСОС ООН одобрил Резолюцию N 1996/15 от 26 июля 1996 года относительно рассмотренных "мер, гарантирующих защиту прав", принятых в 1984 году. В этой Резолюции государствам - членам ООН рекомендовалось обеспечить обвиняемым, которым грозит смертный приговор, если они плохо понимают язык судопроизводства, перевод на их родной язык выдвинутых против них обвинений и представленных в суд доказательств. Кроме того, предлагалось предоставить осужденным к смертной казни достаточное время для обжалования приговора в вышестоящие судебные инстанции и обращения с ходатайством о помиловании (речь идет как раз о тех процессуальных гарантиях, которые, как отмечалось в главе II, грубо нарушаются США в отношении обвиняемых иностранных граждан).

Следует назвать еще один документ, датированный 11 июля 1991 года, - Второй факультативный протокол, "имеющий целью отмену смертной казни". Он предусматривает, что присоединившиеся к нему государства - члены ООН отменяют у себя смертную казнь за все преступления, но могут оговорить за собой право применять эту меру наказания в виде исключения во время войны. Этот Протокол к 2007 году ратифицировали более 60 государств и еще около 10 государств подписали его, заявив о своем намерении присоединиться к нему позднее.

Нормотворческий процесс в рассматриваемой области продолжился и в начале 2000-х годов. 25 апреля 2002 года Комиссия ООН по правам человека приняла Резолюцию, призывающую к введению моратория на смертную казнь. Резолюция содержала также призыв к странам, в которых сохраняется смертная казнь, не применять ее в отношении "актов ненасильственного характера таких, как... половые отношения между взрослыми партнерами, осуществляемые с их обоюдного согласия".

21 февраля 2002 года Комитет министров Совета Европы принял Протокол N 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Этот Протокол является первым международным договором, предусматривающим безусловную отмену смертной казни и, в отличие от ранее названных документов, не допускающим никаких исключений. На сегодня этот Протокол подписали 37 из 44 государств - членов Совета Европы.

В мае 2001 года в Риме была создана Всемирная коалиция против смертной казни, объединяющая национальные и международные правозащитные организации, включая "Международную амнистию", ассоциации адвокатов, профсоюзы и другие организации, а 10 октября был объявлен Международным днем борьбы за отмену смертной казни. Вслед за этим было принято решение 30 ноября каждого года проводить акцию "Города за жизнь", в ходе которой организуется иллюминация публичных зданий или иных мест, символизирующих город, где она проходит. Организатором таких ныне проведенных акций стала римская община Святого Эгидио и Всемирная коалиция за отмену смертной казни.

С 2001 по 2007 г. в Страсбурге и в Париже прошли три Всемирных конгресса против смертной казни. Кстати, во Франции в феврале 2007 года Национальная Ассамблея и Сенат проголосовали (за - 828, против - 26) включение полного запрета на смертную казнь в текст Конституции страны (смертная казнь здесь была отменена еще в 1981 году). "Мы выполнили завет Виктора Гюго", - заявил видный деятель аболиционистского движения, бывший министр юстиции Р. Бадинтер <1>.

<1> International Herald Tribune. February 19. 2007.

Прогресс в этом направлении продолжился и на уровне ООН. Резолюция по вопросу о смертной казни N 2005/9, принятая в апреле 2005 года, ближе других подошла к осуждению смертной казни как нарушению прав человека. Резолюция утверждает право на жизнь и решительно заявляет, что отмена смертной казни является "неотъемлемым условием защиты этого права". Эту Резолюцию поддержали более 80 государств - членов ООН - наивысшее число за всю историю существования ООН. В том же году специальный докладчик ООН по вопросу о внесудебных, суммарных и произвольных казнях высказал решительное возражение против обязательных смертных приговоров, заявив, что они ограничивают свободу суда проявить снисходительность к подсудимому или принять во внимание смягчающие его вину обстоятельства. Такие приговоры, как было отмечено, категорически неуместны в ситуации, когда дело касается жизни и смерти.

15 ноября 2007 года Комитет ООН по правам человека проголосовал (99 - за; 52 - против; 33 - воздержались) за резолюцию, призывающую к глобальному мораторию на казни <1>. Ожидается, что в декабре 2007 года эта резолюция будет одобрена Генеральной Ассамблеей ООН.

<1> См.: The Guardian. November 16. 2007.

Итак, сегодня действуют следующие международные соглашения, предусматривающие обязательства государств не применять смертную казнь:

- Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах;
- Протокол к Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни;
- Протокол N 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (его ратифицировали 45 европейских государств);
- Протокол N 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающий, как уже отмечалось, полную и безусловную отмену смертной казни.

2. Посмотрим теперь, каковы же итоги мирового аболиционистского движения, его эффективность, как выглядят ныне "география" смертной казни, ее распространенность и реалии ее применения в глобальном плане.

Одним словом, посмотрим, куда идет смертная казнь.

Чтобы ответить на эти тесно связанные, но все же разноплановые вопросы, надо сначала напомнить давно устоявшуюся в правозащитном движении классификацию стран и территорий, в основе которой лежит их разное - и закрепленное юридически, и сложившееся в многолетней практике - отношение к институту смертной казни. По этому критерию принято выделять четыре категории стран и территорий:

- страны, полностью отменившие смертную казнь, - их законы вообще не предусматривают такой меры наказания за какое-либо преступление;
- страны, в которых отменена смертная казнь за общеуголовные преступления, - законы этих стран предусматривают смертную казнь только за преступления, совершенные в особых случаях (например, за воинские преступления, за терроризм и т.п.) или же при чрезвычайных обстоятельствах, - во время войны, ее неизбежной угрозе, чрезвычайного положения, объявленного в стране;
- страны, в которых смертная казнь de facto отменена на практике, - их законодательство сохраняет эту меру наказания за общеуголовные преступления;
- страны, в которых смертная казнь сохраняется.

Начнем с "географии" и обратимся к нижеследующей диаграмме.

Диаграмма N 16

География смертной казни в мире
на 1 января 2008 года

Диаграмма не приводится.

Как видно из приведенной диаграммы (не приводится), "географически" результаты этих усилий по сравнению с предшествующим десятилетием вполне ощутимы. В самом деле последние годы XX столетия внесли серьезные изменения в мировую практику применения смертной казни. Только за последнее десятилетие минувшего века - с 1990 по 2000 г. - смертную казнь отменили свыше 30 стран. К началу 2001 года 75 стран полностью отменили смертную казнь; 11 стран отменили эту меру наказания за общеуголовные преступления, совершенные в мирное время, и 30 стран отказались от ее применения де-факто. В итоге к началу XXI века мировое сообщество представляли 116 стран, отказавшихся от применения смертной казни на законодательном или на практическом уровне. Впервые в современной истории этот показатель превысил число стран, применяющих смертную казнь, хотя и в разных масштабах и с различной интенсивностью.

Если анализировать динамику этого процесса в последней декаде XX века, то нельзя не сказать о том, что переломными в мировом аболиционистском движении стали 1998 - 2000 годы. Именно в этот период движение за отмену смертной казни не только серьезно изменило масштабы и географию применения этой меры, но и оказало мощное по силе воздействие на умонастроения политических лидеров, миллионов людей на всех континентах. Оно консолидировало усилия национальных и международных политических и общественных организаций, аккумулировало инициативы Церкви, правозащитного движения, всех прогрессивных сил, существенным образом пополнило мировое информационное пространство гуманистическими идеями ценности человеческой жизни и в конечном итоге заставило переосмыслить отношение к этой варварской мере наказания.

Это были годы, когда по инициативе ООН мир отмечал 50-летие Всеобщей декларации прав человека; когда впервые в истории Католической церкви ее глава призвал покончить с казнями, защитить право на жизнь и объявить всемирный мораторий на вынесение и исполнение смертных приговоров; когда человечество готовилось праздновать Миллениум; когда США содрогнулись от ставших достоянием гласности масштабов судебных ошибок; когда впервые за всю историю этой страны церемония инаугурации президента сопровождалась массовыми протестами против применения смертной казни; когда на путь ее последовательного ограничения встали даже те

страны, где еще несколько лет назад смертная казнь применялась наиболее интенсивно; когда по всему миру прокатилась волна мораториев на исполнение смертных приговоров.

К 2001 году Европа, как уже отмечалось, практически завершила процесс интеграции в сообщество государств, отказавшихся от смертной казни; заметно сократили сферу ее применения целый ряд стран Азии и Африки; значительно активизировалось аболиционистское движение в наиболее крупных штатах США. В конечном итоге инициативы ООН, Совета Европы, усилия Католической церкви, "Международной Амнистии" и других правозащитных и аболиционистских организаций привели к значительному сокращению сферы и масштабов применения смертной казни во всем мире.

Однако было бы наивно оценивать указанные тенденции упрощенно и однозначно. XX век, вероятно, дал миру больше перемен, чем любой другой. Во многих областях общественной жизни, в росте экономических и демократических преобразований достигнут очевидный прогресс. И все же именно в XX веке было казнено больше людей, чем в любом другом.

Человечество, как уже отмечалось, еще не пришло к желанной интеграции - у каждого народа свое отношение к проблеме смертной казни, своя история, своя память, своя боль. Поэтому в глобальном контексте динамику применения смертной казни, изменений в ее распространенности, "географии" и масштабах следует идентифицировать как многовекторный процесс. Его характеризуют существенно различные показатели масштабов использования этой меры, где те или иные количественные изменения далеко не всегда являются определяющими <1>.

<1> См.: Квашис В. Смертная казнь: глобальные тенденции и перспективы // Уголовное право. 2001. N 3.

Речь идет о том, что в глобальном контексте нельзя представить общую картину явления, нельзя понять и оценить масштабы, политику и практику применения смертной казни, исходя лишь из соотношения стран, отменивших эту меру наказания, и, с другой стороны, числа стран, все еще практикующих ее применение и исполнение.

Оценка любых изменений в рамках этого многовекторного процесса требует их увязки с положением дел в конкретный период в различных регионах и странах. Кроме того, она требует привлечения и качественных параметров, к числу которых, как было показано в первой главе этой работы, относятся общий уровень экономического, политического и культурного развития той или иной страны, состояние законности и правопорядка, менталитет и психология ее населения, опосредованное всеми этими факторами состояние общественного мнения и т.д.

Обратимся для этого к данным "Международной амнистии", которые характеризуют ситуацию последних 20 лет современной истории.

Таблица N 30

Динамика движения за отмену
смертной казни в 1988 - 2007 гг.

Годы	Число стран, полностью отменивших смертную казнь	Число стран, отменивших смертную казнь de facto	Число стран, отменивших смертную казнь за общеуголовные преступления	Число стран, сохранивших смертную казнь
1988	35	27	17	128
1995	60	29	13	119
2001	75	34	14	105
2007	92	29	13	64

Как видно, к концу 2001 года число стран, полностью отменивших смертную казнь, было на 25% выше, чем к 1996 году; к концу 2007 года оно увеличилось еще на столько же и составило 92 страны против 60 в 1996 году. И, соответственно, к концу 2001 года число стран, применяющих смертную казнь, сократилось с 119 до 105. К концу 2007 года из 198 государств и территорий смертную казнь применяли в 64, тогда как 134 государства юридически или de facto отказались от применения этой меры наказания.

Данные следующей таблицы позволяют детализировать этот процесс за последние 15 лет и сравнить положение дел на его разных этапах.

Среди данных этой информативной таблицы отметим, прежде всего, что число стран, в которых выносились смертные приговоры, с 1992 года выросло с 62 до 76 - в 1996 году; в 2001 году оно, однако, снизилось до 68, а к началу 2007 года - до 55. Теперь, разбив период наблюдений на три равных пятилетних отрезка, сравним динамику вынесенных смертных приговоров:

1992 - 1996 гг. - 21,761 (в среднем ежегодно - 4,352);

1997 - 2001 гг. - 20,443 (в среднем ежегодно - 4,089);

2002 - 2006 гг. - 22,446 (в среднем ежегодно - 4,489).

Таким образом, несмотря на заметное снижение числа стран, в которых выносились смертные приговоры, количественные показатели этой практики за последние 15 лет фактически не изменились (в последние 5 лет их число даже несколько выросло).

Таблица N 31

Мировая практика применения смертной казни
в 1992 - 2006 гг.

Годы	Число стран, где выносились смертные приговоры	Число стран, где проводились казни	Число осужденных к смертной казни	Число казненных
1992	62	35	2697	1708
1993	61	32	3760	1831
1994	75	37	4032	2331
1995	79	41	4165	2931
1996	76	41	7107	4772
1997	69	40	4364	2607
1998	73	37	3899	1625
1999	64	31	3857	1813
2000	65	27	3058	1457
2001	68	31	5265	3048
2002	67	31	3248	1526
2003	63	28	2756	1146
2004	64	25	7395	3797
2005	53	22	5186	2148
2006	55	25	3861	1591

Посмотрим теперь, как складывалась в те же годы практика исполнения смертных приговоров:

1992 - 1996 гг. - 13573 (в среднем ежегодно - 2714);

1997 - 2001 гг. - 10550 (в среднем ежегодно - 2110);

2002 - 2006 гг. - 10208 (в среднем ежегодно - 2041).

Очевидно (если исходить из опубликованной статистики), что число казней в мире за последние 10 лет по сравнению с предшествующим периодом хотя и не столь значительно, но все же снизилось и, во-вторых, все эти годы, несмотря на усилия, предпринимаемые мировым сообществом, число казней остается стабильным.

Теперь сопоставим данные о числе стран, где проводились казни, с динамикой только что указанного процесса. Оказывается, что по сравнению с 1996 годом число таких стран сократилось на 61,0%, а число проведенных казней лишь на 25,0%. Это означает, что темпы снижения числа стран, проводящих казни, намного выше, чем интенсивность снижения количества казней.

Отсюда следует не слишком оптимистичный вывод о том, что на самом деле, несмотря на все усилия, добиться решающего перелома в борьбе против смертной казни пока еще не удалось и, следовательно, проблема нисколько не потеряла своей остроты. Более того, если учесть, что используемые здесь в качестве исходных данные "Международной амнистии" на самом деле являются еще более высокими, то говорить об особых успехах аболиционистского движения еще преждевременно.

Отмеченные выше изменения в статистике смертных приговоров и казней, действительно, выглядят наиболее оптимистичными, если их сравнивать с показателями 1996 года. Связано это с тем, что мировую статистическую картину явления в последние 15 лет решающим образом определяла практика применения смертной казни всего в одной стране - Китае.

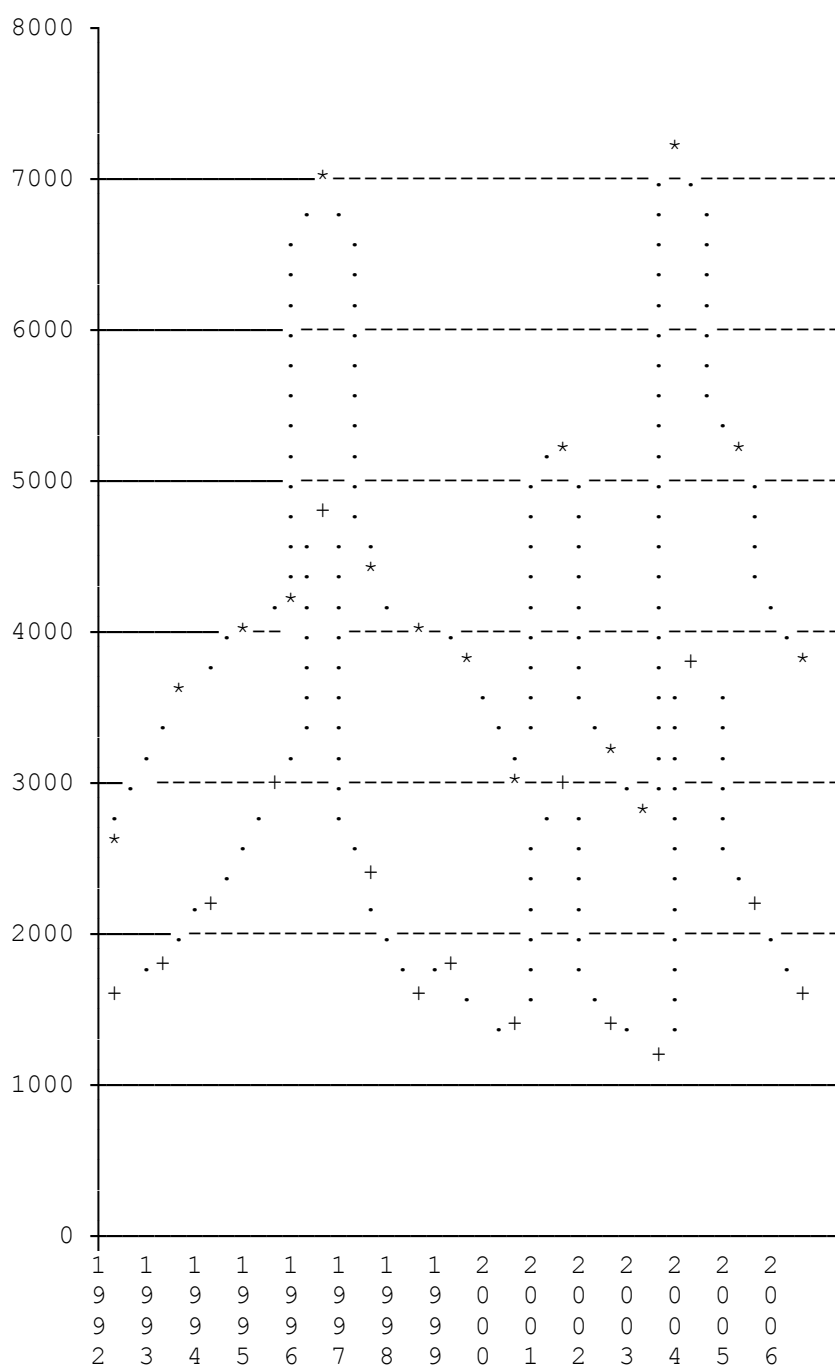

Обратившись к показателям таблицы N 1 и таблицы N 2 (глава 1), напомним, что в 1996 году из 7107 всех смертных приговоров на долю Китая приходилось 6100 или 85,8%; из общего числа казней, зафиксированных мировой статистикой (4772), доля КНР в том же году составляла 92,2%. В последующие годы "вклад" КНР в мировую статистику смертных приговоров и казней несколько снизился, хотя он, как и прежде, являлся определяющим. Так, в 2004 году доля КНР в общем числе смертных приговоров составляла 83,8%, а в общем числе казней она хоть и снизилась с 92,2% до 89,5%, но по-прежнему определяет общую картину явления.

1996 и 2004 годы названы здесь вовсе не случайно - это годы максимальных, пиковых показателей практики вынесения и исполнения смертных приговоров за все последние 15 лет. Вот как выглядят указанные тенденции, если их представить графически.

График N 14

Практика вынесения и исполнения смертных приговоров
в 1996 - 2007 гг.

...*... число смертных приговоров ...+... число казней

Приведенная здесь картина, помимо всего прочего, позволяет, во-первых, сделать вывод о том, что в глобальном плане в практике применения смертной казни в указанный период процессы роста и спада числа смертных приговоров и казней идут практически синхронно, а сами всплески и спады в этой практике носят спорадический характер. Однако такого рода глобальная картина лишь на первый взгляд выглядит хаотичной. На самом деле, она, как отмечалось, в определяющей мере обусловлена политикой и практикой применения смертной казни, проводимой в Китае.

О пиковых показателях 1996 и 2004 годов уже говорилось. Обратим теперь внимание на показатели 2001 года, которые по сравнению с 2000 годом резко возросли и с которых начался подъем, характерный для периода 2001 - 2004 годов. Здесь общая ситуация объясняется не только влиянием практики применения рассматриваемой меры в КНР.

Напомним, что 2000 год был апогеем всемирного движения за отмену смертной казни, когда в канун Миллениума призывы ООН и Католической церкви о моратории на смертные приговоры и казни нашли понимание и поддержку во многих странах. Это выразилось и в приостановке казней, и в заметном (по сравнению с 1999 годом) снижении числа вынесенных и приведенных в исполнение смертных приговоров. Но вот прошел Миллениум, накал аболиционистского движения чуть спал и общая картина явления весьма быстро вернулась в свое русло.

Точно такого же рода психологические истоки и причины резкого спада активности в практике применения смертной казни связаны с показателями 2005 - 2006 годов. В самом деле, в 2005 году число вынесенных смертных приговоров по сравнению с предыдущим годом снизилось с 7395 до 5186, а число казней - с 3797 до 2148. В 2006 году число смертных приговоров снизилось с 5186 до 3861, а число казней с 2148 до 1591. Снижение, несомненно, существенное. Еще не подведены окончательные итоги 2007 года, но уже очевидно, что сохраняется та же тенденция. В чем же причина такого спада?

Очевидно, что она опять же связана с тем, что глобальную картину по-прежнему формирует и определяет практика применения смертной казни в КНР. А здесь, как уже отмечалось, ситуация кардинально изменилась в связи с тем, что в период подготовки к Олимпийским играм 2008 года Китай вынужден был озаботиться соответствующим изменением своего имиджа в глазах мировой общественности. Ибо, помимо всего прочего, необходимость заметных демократических преобразований далеко не в последнюю очередь диктовалась соображениями экономическими и в том числе инвестиционной политикой зарубежных стран. И не случайно доля КНР в общем числе казней по сравнению с 2004 годом (89,5%) заметно снизилась: в 2005 году - до 82,4%, а в 2006 году - вообще до рекордной за последние 20 лет отметки - 63,8% (напомним, что в абсолютных показателях число казней в КНР снизилось с 3400 - в 2004 году до 1770 - в 2005 и до 1015 - в 2006 году, т.е. больше, чем в три раза).

Конечно, не следует забывать, что данные "Международной амнистии" (особенно по КНР) далеко не полные и значительно ниже реальных, но здесь более важной все же является тенденция.

Заметный рост числа стран, отказавшихся от смертной казни, и сокращение числа стран, в которых выносились и исполнялись смертные приговоры, а также определенное снижение абсолютных показателей казней - все это, как отмечалось, несомненные успехи аболиционистского движения. Однако эволюция в указанном направлении не является повсеместной и не носит системного характера; более того, в ряде стран сфера применения этой меры наказания расширялась, она вводилась за перевозку наркотиков, импорт запрещенных товаров, вооруженное ограбление (Куба, Оман, ОАЭ), за коррупцию (КНР) и другие преступления. Заметно возросло число казней в странах Ближнего Востока, где действует система шариатских судов, и в странах Юго-Восточной Азии (Сингапур, Вьетнам, КНДР, Таиланд, Монголия).

В некоторых странах к применению смертной казни возвращались спустя много лет после отказа от этой меры, а затем вновь отменяли (Непал, Гамбия, Папуа Новая Гвинея). Последние годы XX века резкими темпами наращивала обороты смертельная машина уголовной юстиции США: только на 1997 - 2000 годы, как отмечалось, приходится почти половина всех казней в стране за предыдущие 20 лет (с тех пор, как в 1977 году Верховный суд США возобновил практику применения этой меры наказания).

Приведенные данные существенно дополняют глобальную статистическую картину и во многом нивелируют отмеченные успехи аболиционистского движения; они заставляют обратиться к иным процессам, протекающим в сфере применения смертной казни или неразрывно с ней связанным.

Оценивая масштабы и глобальные тенденции применения смертной казни, следует, как уже отмечалось, учитывать не только динамику абсолютных показателей и тем более не суммарный, пусть и весьма значительный перевес числа стран, отказавшихся от этой меры, но и численность населения в тех странах, где она еще сохранилась и в разной мере широко применяется. И тогда

надо будет признать, что, несмотря на определенные успехи аболиционистского движения, больше половины населения планеты все еще живет со смертной казнью.

Поэтому, резюмируя ответ на вопрос "Куда идет смертная казнь?", можно констатировать: в глобальном контексте основной тренд в этом процессе очевиден - мировое сообщество постепенно идет к отмене смертной казни. Другое дело, что это движение идет медленнее, чем этого можно было бы желать. Суммарный перевес числа стран, отменивших смертную казнь, - лишь периферийный результат этого процесса, тогда как реальное сокращение масштабов применения смертной казни еще не стало определяющей тенденцией. А это означает, что у движения за отмену смертной казни впереди еще очень не простой и, похоже, довольно продолжительный путь.

Все это вовсе не означает недооценки важности мер и огромных усилий, предпринимаемых мировым сообществом в деле борьбы за масштабную отмену смертной казни. По нашему мнению, усилия Организации Объединенных Наций, Совета Европы, "Международной Амнистии" и других аболиционистских организаций должны быть скорректированы таким образом, чтобы они стали не столько глобальными, сколько максимально адресными. О чем идет речь? Обычно в обзорах "Международной Амнистии" отмечается, что более 80% всех казней в мире приходится всего на несколько стран. При этом в одной "корзине" традиционно называются КНР, Иран, Саудовская Аравия и США, доля которых в общемировом числе казней существенно разная; даже суммарно казни в трех последних из названных стран несоизмеримы с показателями КНР. Более того, даже если признать, что данные "Международной Амнистии" по числу казней в КНР близки к достоверным (а сделать это объективно невозможно), то и в этом случае необходимость изменения подхода к оценке мировой практики очевидна. Одновременно следует признать, что возможности давления мирового аболиционистского движения на КНР с момента объявления Олимпийских игр в этой стране, к сожалению, явно упущены, а восполнить этот пробел позднее будет довольно сложно.

Между тем сопоставим данные таблицы N 2 и таблицы N 31. Проведенные по их показателям расчеты показывают, что в 2000 - 2006 гг. из зафиксированного "Международной Амнистией" общего числа казней в мире (14756) почти 78% приходится на долю КНР (11449 казней). Более того, за 2000 - 2006 гг. среднегодовая доля КНР в общем числе казней в мире по сравнению с предшествующим периодом выросла с 70% до 78%.

Наконец, когда мы говорим, что половина населения планеты еще живет со смертной казнью, то следует иметь в виду, что почти 90% этой огромной массы людей составляет население "всего" двух стран - Китая и Индии, где, как уже отмечалось, применение смертной казни, в отличие от Китая и других стран, допускается "лишь в случаях редчайших из редких". Поэтому основные усилия мирового аболиционистского движения должны быть сегодня сфокусированы именно на практике применения смертной казни в Китае. Именно здесь основная "болевая точка", дающая миру львиную долю смертных приговоров и казней. И, следовательно, не снижая усилий и темпов аболиционистского движения в других регионах мира, необходимо сконцентрировать основное направление этих усилий в первую очередь на "китайском направлении". Именно от этого в решающей мере будет зависеть эффективность мирового движения за отмену смертной казни. При этом огромное значение будет иметь выявление полных и достоверных данных о реальной практике применения смертной казни в КНР, которые, как уже не раз отмечалось, до сих пор от мировой общественности тщательно скрываются и потому вызывают серьезные сомнения в их достоверности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Региональный анализ мировой практики применения смертной казни свидетельствует об определенных особенностях и различных тенденциях в практике применения этой меры, которые к началу XXI века сложились в разных регионах и государствах.

Если говорить, например, о Центральной Азии, то следует признать, что при разной интенсивности использования смертной казни практически все страны этого региона к концу 2007 года *de jure* или *de facto* отменили смертную казнь.

Принципиально иная ситуация сложилась в странах Юго-Восточной Азии, которые по отношению к смертной казни и интенсивности ее применения можно разделить на три группы. В первую из них входят Китай, Сингапур, Таиланд и Вьетнам, которые при всех различиях политической и экономической ситуации, уголовной политики, законодательства и судебной практики все же отличаются наиболее широким и интенсивным применением этой меры наказания.

Вторую группу стран в этом регионе образуют Индия, Япония, Южная Корея и Филиппины, где смертная казнь в последние 15 лет традиционно применялась лишь в единичных случаях и главным образом носила символический характер. Причем, если в Южной Корее ее

существование, судя по всему, подошло к концу, то на Филиппинах эта мера наказания уже полностью отменена.

Наконец, к третьей группе следует отнести стоящий во многих отношениях особняком Пакистан. Это объясняется и географическим положением страны, и весьма широкой сферой применения смертной казни в законодательстве и в судебной практике, и весьма высокой интенсивностью применения этой меры, но, главное, особым местом и ролью, которые в этой единственной в регионе мусульманской стране занимают исламское право и традиции шариата.

Последнее обстоятельство принципиально сближает Пакистан с Ираном, Саудовской Аравией и другими странами Ближнего Востока, которые издавна отличаются наличием параллельных систем гражданской и шариатской юстиции и наиболее широким применением смертной казни. В этих странах, формально представляющих различные регионы, исламизация общественной жизни, законодательства и отправления правосудия носит тотальный характер. Широкое применение смертной казни - неотъемлемая часть этого процесса, инструмент сохранения политической власти и идеологической экспансии, запугивания "неверных" и насаждения страха в обществе.

Более пестрая и неоднородная картина складывается на сегодня в странах Африки. Смертная казнь почти в половине стран этого региона либо полностью отменена, либо фактически не применяется. Другую, во многом типичную ситуацию представляет группа стран Восточной Африки, в которую входят Нигерия, Сомали и Судан, и где практика применения смертной казни складывается на фоне длительной и кровопролитной гражданской войны.

При значительной разнице в экономическом и демократическом развитии между Нигерией, с одной стороны, и Сомали и Судана - с другой, эти страны объединяют преимущественно мусульманское население, следующее обычаям и установкам ислама, не прекращающиеся межобщинные и религиозные конфликты, нищета и неграмотность, крайне слабая или практически отсутствующая в условиях гражданской войны судебная система с крайне ограниченным доступом к правосудию, дискриминация в административной и правовой сфере, которая особенно тяжело сказывается на положении этнических меньшинств и женщин. Общим фактором является также стремление местных властей к установлению приоритетов и традиций ислама при помощи легализации и встраивания в судебную систему шариатских судов, наиболее широко применяющих смертную казнь и другие жестокие наказания.

При всех различиях, присущих большинству стран Юго-Восточной Азии, Африки и Ближнего Востока, именно здесь сконцентрированы основные очаги активного сопротивления мировому движению за отмену смертной казни.

2. Итоги исследования законодательства и практики борьбы с тяжкими преступлениями в США.

2.1. Как показывают данные статистики насильственных преступлений, в последние 10 лет в их динамике, в том числе в динамике убийств, произошли заметные позитивные изменения. Только за последние 10 лет абсолютное число убийств в стране снизилось на 35%, а уровень убийств в расчете на 100 тысяч населения снизился почти в два раза. Уже к началу 2000-х гг. абсолютные показатели убийств в США были в два раза ниже, а уровень убийств - в четыре раза ниже, чем, например, в России. Другое дело, что, несмотря на заметные позитивные изменения, по всем показателям распространенности убийств и других тяжких преступлений США еще значительно отстают от всех наиболее развитых стран.

В связи с этим встречающиеся в криминологической литературе суждения о том, что под воздействием экономических, политических и других процессов, происходящих в мировом сообществе, происходит выравнивание уровня преступности, сближение ее количественных и качественных показателей, причем их развитие однозначно идет в неблагоприятном направлении, представляется упрощенным и необоснованным. Тем более что такие суждения не согласуются с реальным положением дел в абсолютном большинстве развитых стран.

2.2. Практика применения и исполнения смертной казни в США отличается следующими специфическими особенностями:

а) большим количественным разрывом между числом осужденных и числом смертных приговоров, приведенных в исполнение. Тем не менее если статистическая вероятность вынесения смертного приговора за убийство составляет 1,5:100, то риск приведения такого приговора в исполнение является куда более высоким - шансы избежать казни у таких осужденных в среднем по стране уменьшаются почти в 10 раз, а остальные длительное время (в среднем 11 лет) содержатся в "очереди смертников";

б) политику и практику использования высшей меры наказания во многом определяет "географический фактор" - территориальные различия и в законодательстве, и в практике применения и исполнения смертных приговоров. Причем весьма существенные различия в применении этой меры издавна сложились и сказываются не только в разных штатах страны, но даже в округах, городах и графствах в пределах одного штата;

с) применение смертной казни напрямую связано с расовым неравенством и в целом носит расистский характер (87% всех казненных в 1977 - 2007 гг. афроамериканцев - это осужденные за убийство белых, хотя число убитых среди тех и других практически одинаково; афроамериканцы составляют 36% всех казненных в США, хотя их доля среди населения страны не превышает 12%);

д) значимость расового фактора в практике отправления правосудия в США следует рассматривать в общем контексте социального неравенства и резкого имущественного расслоения в обществе. Отсюда особая острота проблемы обеспечения равенства защиты обвиняемых при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, наказуемых смертной казнью;

е) законодательство и практику применения смертной казни в стране отличают также непостоянство и произвол. Это выражается, с одной стороны, в наличии ограниченного числа признаков, которые позволяли бы разграничивать обязательность применения смертной казни и возможность применения вместо нее другой меры наказания. С другой стороны, наличие в законодательстве штатов неопределенных формулировок и существенных различий в перечне отягчающих обстоятельств дает обвинению свободу усмотрения при решении вопроса о том, требовать ли в конкретном случае высшую меру наказания, что зачастую делает их решения произвольными. Наиболее откровенно и в значительных масштабах произвольные решения проявляются при так называемых "сделках с обвинением".

2.3. Выявленные в ходе многочисленных исследований закономерности подтверждают крайне ограниченные возможности и неэффективность смертной казни в борьбе с тяжкими преступлениями. Показательно, например, что независимо от изменений в динамике убийств число ежегодно выносимых смертных приговоров в 1980-х годах и до конца 1990-х годов оставалось стабильным, а число казней постоянно росло. Затем уровень и число убийств значительно снизились и в последние 8 - 10 лет остаются стабильными, однако число смертных приговоров в этот период стало стремительно и последовательно снижаться.

Точно такое же "несовпадение" имело место (а в последние годы оно еще более ощутимо) в практике исполнения смертных приговоров.

Очевидное несоответствие этих процессов и темпов изменений, происходящих в их рамках, еще раз свидетельствует о том, что тенденции в практике вынесения смертных приговоров и казней развиваются автономно и никак не коррелируют с динамикой и распространенностью убийств.

О неэффективности использования высшей меры наказания в борьбе с тяжкими преступлениями свидетельствуют и результаты многочисленных и разноплановых исследований, наглядно показывающих, что в тех штатах, где увеличивалось число казней, последовательно возрастал и уровень убийств, и, наоборот, там, где смертная казнь не применялась, уровень убийств заметно снижался.

2.4. В последние 7 - 8 лет отправление правосудия по такого рода делам в целом имеет ярко выраженную тенденцию к значительному снижению числа смертных приговоров и казней, а также ко все более широкому применению альтернативной меры наказания - пожизненному лишению свободы, назначаемому, чаще всего, без права на досрочное освобождение.

3. Итоги исследования законодательства и правоприменительной практики в Японии.

3.1. Преступность в Японии - весьма специфический, а в ряде отношений уникальный криминологический феномен, формирование и развитие которого на протяжении последних 50 лет кардинально отличается от процессов развития преступности в других индустриально развитых странах. Своеобразие и выгодные отличия этих процессов в Японии связаны, прежде всего, с многолетней стабильностью и относительно низким уровнем преступности, которые, кроме всего прочего, обусловлены гармоничным сочетанием традиционных национальных ценностей и ориентаций с новациями западной цивилизации, а также сбалансированностью демократических форм развития страны и всего комплекса мер социального контроля за преступностью.

Эффективность японской системы противодействия и контроля за преступностью подтверждается не только данными национальной и международной уголовной статистики, но и результатами международных сравнительных исследований виктимизации, фиксирующими разный уровень криминогенной напряженности, страха в обществе, состояние и разнообразие мер безопасности и т.д. При этом решающую роль в противодействии преступности играют не меры репрессивного характера, а именно профилактические меры, соответствие системы мер правового и социального контроля уровню социально-экономического развития и правосознания общества, его психологическим установкам, ценностным ориентациям и поведенческим стереотипам, определяющим в конечном итоге качество общественной жизни.

3.2. Свидетельством такого соответствия является практика применения мер уголовной ответственности, ориентированная на стандарты, которые гораздо ближе к нижним пределам санкций соответствующих норм, и, как следствие, куда более либеральная, чем в других странах, практика назначения наказаний. Сложившуюся за многие годы судебную практику по применению мер ответственности и наказания правильнее оценивать не в категориях "излишнего

либерализма", а как рациональное и экономное расходование уголовной репрессии. Это особенно заметно в доминирующей роли наказания в виде штрафа, в весьма ограниченных масштабах применения наказания в виде лишения свободы, в широком применении отсрочки исполнения приговора, условного осуждения и условно-досрочного освобождения.

Исследование подтвердило обоснованность суждений об универсальном характере принципов уголовной политики, реализуемой в Японии, об ограниченных возможностях уголовной репрессии, о бесперспективности излишней криминализации и ужесточения санкций, о предпочтительной ориентации на эффективную систему профилактики правонарушений и активизацию воспитательно-предупредительной работы.

Результативность уголовной политики в Японии во многом связана с принципиально иным подходом к уголовной репрессии, с ее максимальной экономией за счет применения всех мер профилактики преступности, которыми располагает общество и которые активно действуют за пределами системы уголовной юстиции. И потому можно с достаточной уверенностью прогнозировать, что в ближайшей перспективе сколь либо значительный всплеск преступности Японии, скорее всего, не ожидает.

3.3. В последние десятилетия тенденция к снижению числа смертных приговоров и казней в конечном итоге привела к тому, что применение этой меры наказания в Японии - особенно в последние 10 - 12 лет - приобрело единичный и главным образом символический характер.

Как показало исследование, при общей тенденции к снижению числа смертных приговоров риск вынесения такого приговора за убийство в Японии в 8 раз ниже, чем в США (соответственно, во много раз ниже и вероятность исполнения такого приговора). Исследование также подтвердило универсальный характер выводов американских и российских ученых о том, что какой-либо корреляции между динамикой убийств и рассчитанными показателями вероятности вынесения смертного приговора за убийство не существует.

4. Представления об эффективности смертной казни на самом деле носят мифологический характер, ибо с точки зрения общей превенции институт смертной казни не имеет криминологической значимости - ни ее применение, ни ее отмена не оказывают сколь либо ощутимого воздействия на динамику тяжких преступлений. К тому же, нет никаких доказательств того, что угроза смертной казни имеет сдерживающий эффект для потенциальных убийц и террористов или, во всяком случае, больший сдерживающий эффект, чем пожизненное лишение свободы.

4.1. Исследование многолетней практики применения смертной казни в разных регионах и в разных странах убедительно свидетельствует о том, что казни лишь увеличивают масштабы насилия в обществе, ужесточают нравы, снижая допустимый порог жестокости, снижают ценность не только чужой, но и собственной жизни, облегчают возможность переступить запретную грань. Смертная казнь бесполезна и бесперспективна; она не совместима ни с демократической, ни с гуманитарной, ни с религиозной идеей.

4.2. Все это свидетельствует о том, что принятое в России решение о моратории на исполнение смертных приговоров и с криминологической, и с политической точки зрения было обоснованным. Время подтверждает и будет еще больше подтверждать значимость этого политического шага.

Годы моратория на исполнение смертных приговоров дали очевидный психологический эффект, возможность постепенного привыкания к тому, что время казней прошло, осознания, что возврата к этой варварской мере наказания не будет, что призывы политиков к отмене моратория, в своих целях эксплуатирующих понятные всплески возбуждения общественного мнения, носят спекулятивный характер. Поэтому следующим логическим шагом должно стать внесение изменений в Конституцию и уголовное законодательство РФ, направленных на исключение смертной казни из арсенала уголовно-правовых мер борьбы с преступностью и замену ее пожизненным лишением свободы.

Как показывает опыт многих стран, цели частной превенции вполне могут быть достигнуты путем применения этой альтернативной меры. В то же время, используя опыт, накопленный мировой практикой, целесообразно предусмотреть в законодательстве возможность назначения пожизненного лишения свободы без права осужденного на досрочное освобождение.

4.3. Отмена смертной казни в России - не самоцель; это процесс, который должен сопровождаться серьезной перестройкой всей правоохранительной системы, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, уголовно-исполнительной системы, а также системы профилактики преступлений. Все эти меры способны повысить антикриминогенный потенциал российского общества и существенно снизить даже те маловероятные отрицательные последствия, которые повлечет отмена смертной казни.

5. Общественное мнение, отражающее отношение людей к смертной казни, - категория динамичная, в разных странах и в разные периоды отличающаяся разной поляризацией взглядов. В США, например, с 70-х и до конца 90-х годов около 80% являлись активными сторонниками смертной казни. Однако к началу 2000-х годов почти половина американцев высказывается за

установление моратория на казни. Общественное мнение в этой стране постепенно утрачивает веру в справедливость смертной казни; непоколебимая вера американцев в необходимость этой меры все больше уступает место серьезному переосмыслению моральной стороны проблемы. Этому во многом способствует свободный доступ к информации по проблеме, в т.ч. сообщения о фактах, судебных ошибок, а также усилия аболиционистского движения.

Примечательно, что число сторонников смертной казни не выросло даже после потрясших страну событий 2001 года. Это означает, что при всей консервативности общественного мнения оно может меняться в зависимости от уровня информированности общества о негативных сторонах смертной казни. Другое дело, что мнения ее сторонников еще преобладают и, скорее всего, эта мера наказания еще долго будет оставаться составной частью американской уголовно-правовой системы.

5.1. Исследование подтвердило значимость ряда объективных факторов, характеризующих субъективное восприятие проблемы и влияющих на отношение общественного мнения к смертной казни. Так, эмоциональная перенасыщенность установок, правовая неосведомленность, неполнота и искаженность правовых представлений населения - факторы универсальные, не зависящие от особенностей культурного развития страны, правовых систем и механизмов правосудия. Все это необходимо учитывать при оценке результатов социологических опросов. Игнорирование этих факторов дает возможность для весьма вольной интерпретации результатов опросов, ориентированной на сложившуюся политическую конъюнктуру.

5.2. Общественное мнение не является механической суммой суждений, выказанных в ходе опросов. При всем динамизме общественного мнения говорить о значительном снижении ригоризма массового сознания пока не приходится. Достижение общественного консенсуса по проблеме смертной казни еще долгие годы будет весьма проблематичным, поскольку всегда остается проблематичным преодоление рассогласованности между доводами сердца и разума.

Основанное на избытке эмоций и стереотипах прошлого общественное мнение всегда отличается консервативностью и с трудом воспринимает ломку сложившихся представлений. Поэтому государство должно идти впереди общественного мнения. Необходима политическая воля его лидеров, которые, проявляя определенную смелость, должны подняться над уровнем обыденного сознания и дать обществу новые моральные ориентиры. Это не означает игнорирования "гласа народа" или серьезности криминологической ситуации, но предполагает необходимую смелость для признания того факта, что смертная казнь вовсе не является панацеей для снижения уровня преступности.

5.3. Как показывает проведенное исследование, "замороженная" в России ратификация Протокола N 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод вовсе не является результатом кризисного состояния дел в сфере борьбы с тяжкими преступлениями. Такого рода инертность и пассивность в принципиальном решении проблемы смертной казни вызваны отсутствием внутренней готовности на такой шаг российского законодателя, отсутствием политической воли.

5.4. Чтобы отказ от смертной казни не встал в разряд проблем, порождающих конфликты в отношениях власти и населения страны, нужна умелая информационная и разъяснительная работа, психологически подготавливающая общественное мнение к восприятию этого важного политического решения. Опыт большинства стран, отказавшихся от смертной казни, показывает, что ее отмена, как правило, ведет к уменьшению числа сторонников этой меры, к переосмыслению консервативных взглядов и общему смягчению нравов.

6. Вероятность судебной ошибки при рассмотрении преступлений, наказуемых смертной казнью, служит одним из важнейших аргументов против использования этой меры наказания.

Смертный приговор, а тем более казнь осужденного в результате возможной юридической ошибки - проблема для любой страны, применяющей эту меру наказания. Законодатели и судьи во всем мире так и не смогли разрешить, возможно, основной парадокс смертной казни: как наложить необратимое наказание справедливо и безошибочно, одновременно обеспечивая исполнение без излишнего промедления. Попытки сбалансировать окончательность и справедливость такого наказания оказались безуспешными, а сама идея чаще всего приносилась в жертву ради сугубо политических целей.

Многолетняя судебная практика в разных странах убедительно доказывает, что купировать опасность судебной ошибки практически невозможно.

Подлинное число ошибочно осужденных и казненных не знает никто и никогда не узнает. Поэтому надо признать, что существует лишь один способ избежать судебной ошибки при вынесении смертного приговора - не выносить его вовсе.

7. Последние годы XX столетия внесли серьезные изменения в мировую практику применения смертной казни. Уже к началу XXI века впервые в современной истории число стран, отменивших смертную казнь, превысило число стран, применяющих эту меру наказания, хотя и в разных масштабах и с различной интенсивностью. К концу 2007 года из 198 государств и

территорий смертная казнь применялась в 64, тогда как 134 государства юридически или de facto отказались от применения этой меры наказания.

Однако было бы наивно оценивать эту тенденцию упрощенно, ибо эволюция в рассматриваемой сфере не является повсеместной, тем более что мировую статистическую картину в последние 15 лет определяла и определяет практика применения смертной казни в одной стране - Китае. В ряде стран сфера применения этой меры наказания расширилась; в некоторых странах к применению смертной казни возвращались спустя много лет после отказа от этой меры.

В глобальном плане практику применения смертной казни, изменений в ее "географии", масштабах и интенсивности следует идентифицировать как многовекторный процесс. Его характеризуют существенно различные показатели использования этой меры, где соотношение числа стран, отменивших смертную казнь и применяющих ее, вовсе не являются определяющим. При заметном снижении числа стран, выносящих смертные приговоры, количественные показатели этой практики за последние 15 лет фактически не изменились, а темпы снижения числа стран, проводящих казни, намного выше, чем интенсивность снижения количества казней. Это означает, что, несмотря на все усилия мирового аболиционистского движения, несмотря на его определенные успехи, добиться решающего перелома в борьбе против смертной казни пока еще не удалось и, следовательно, проблема несколько не потеряла своей остроты. Если же учесть, что данные "Международной Амнистии" на самом деле являются еще более высокими, то говорить об особых успехах мирового аболиционистского движения еще явно преждевременно, ибо больше половины населения планеты все еще живет со смертной казнью.

7.1. В глобальном контексте основной тренд в этом процессе очевиден - мировое сообщество постепенно идет к отмене смертной казни, но это движение идет медленнее, чем этого можно было бы желать. Суммарный перевес числа стран, отменивших смертную казнь, - это лишь периферийный результат, тогда как реальное сокращение масштабов ее применения еще не стало определяющей тенденцией. А это означает, что у движения за отмену смертной казни впереди еще очень не простой и продолжительный путь.

7.2. Все это вовсе не означает недооценки важности мер и огромных усилий, предпринимаемых мировым сообществом в деле борьбы за масштабную отмену смертной казни. По нашему мнению, это движение и, прежде всего, усилия Организации Объединенных Наций, Совета Европы, "Международной Амнистии" и других аболиционистских организаций должны быть скорректированы таким образом, чтобы они стали не столько глобальными, сколько максимально адресными. Речь идет о том, что основные усилия мирового аболиционистского движения должны быть сегодня сфокусированы именно на практике применения смертной казни в КНР. Именно здесь основная "болевая точка", дающая миру львиную долю смертных приговоров и казней. И, следовательно, не снижая усилий и темпов аболиционистского движения в других регионах мира, необходимо сконцентрировать основное направление этих усилий в первую очередь на "китайском направлении". Именно от этого в решающей мере будет зависеть эффективность мирового движения за отмену смертной казни.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение N 1

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (извлечения)

Статья 3

Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Статья 5

Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным и унижающим его достоинство обращению и наказанию.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ
от 16 декабря 1966 года
О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ
(извлечения) <*>

<*> Статьи 6, 14, 15 не приводятся.

МЕРЫ,
ГАРАНТИРУЮЩИЕ ЗАЩИТУ ПРАВ ТЕХ,
КТО ПРИГОВОРЕН К СМЕРТНОЙ КАЗНИ

(Принято Резолюцией Экономического и Социального совета ООН
N 1984/50 от 25 мая 1984 г. и одобрено Резолюцией
Генеральной Ассамблеи ООН 39/118,
принятой 14 декабря 1984 г.)

1. В странах, которые не отменили смертную казнь, смертный приговор может быть вынесен лишь за самые тяжкие преступления, причем предусматривается, что их состав ограничивается преднамеренными преступлениями со смертельным исходом или другими чрезвычайно тяжкими последствиями.

2. Смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с правовыми нормами, действующими на момент совершения преступления, причем предусматривается, что в случае, если после совершения преступления были осуществлены изменения в законодательстве, предполагающие более мягкие меры наказания, они должны распространяться и на правонарушителя, совершившего данное преступление.

3. Смертный приговор не выносится за преступление, совершенное лицами, которые в момент совершения преступления были моложе 18 лет; в равной степени не должен приводиться в исполнение смертный приговор в отношении беременных женщин или тех, кто недавно стал матерью, или лиц, потерявших рассудок;

4. Смертный приговор может быть вынесен только в том случае, если виновность лица, обвиненного в совершении преступления, установлена на основе ясных и убедительных доказательств, не оставляющих возможности для иного толкования фактов.

5. Смертный приговор может быть приведен в исполнение только в соответствии с окончательным судебным решением, вынесенным компетентным судом после завершения судебного процесса, в ходе которого предоставляются все возможные гарантии обеспечения справедливого судебного разбирательства, по меньшей мере соответствующие тем, которые предусмотрены в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, включая право подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое может быть вынесен смертный приговор, на соответствующую правовую помощь на всех стадиях судебного разбирательства.

6. Каждый приговоренный к смертной казни имеет право подачи апелляции в суд высшей инстанции, причем необходимо принять меры для того, чтобы такие апелляции стали обязательными.

7. Каждый приговоренный к смертной казни имеет право на подачу прошения о помиловании или замене приговора; помилование или замена приговора могут быть предоставлены во всех случаях вынесения смертного приговора.

8. Смертный приговор не может быть приведен в исполнение до рассмотрения соответствующими органами прошения о помиловании или до совершения иных регрессных процедур, имеющих отношение к помилованию и изменению приговора.

9. В случае приведения смертного приговора в исполнение эта процедура должна осуществляться таким образом, чтобы причинять как можно меньше страданий.

АМЕРИКАНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА (извлечения)

Статья 4. Право на жизнь

1. Каждый человек имеет право на уважение своего права на жизнь. Это право охраняется законом и, как правило, с момента зачатия. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

2. В странах, которые не отменили смертной казни, она может быть применена только за самые тяжкие преступления и во исполнение окончательного решения, вынесенного компетентным судом, и в соответствии с законом, устанавливающим это наказание, и изданным до момента совершения преступления. Применение этой меры наказания не может распространяться на преступления, за которые она ранее не применялась.

3. Смертная казнь не может быть вновь введена в странах, отменивших ее.

4. Ни в коем случае смертная казнь не применяется за политические преступления или за связанные с ним общеуголовные преступления.

5. Смертный приговор не выносится лицам, которым в момент совершения преступления было меньше 18 лет или больше 70 лет, а также в отношении беременных женщин.

6. Любое лицо, осужденное к смерти, имеет право просить об амнистии, помиловании или смягчении приговора, которые могут быть предоставлены во всех случаях. Смертный приговор не приводится в исполнение, пока компетентные органы не примут решения по такому прошению.

Приложение N 5

ПРОТОКОЛ N 6 К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД ОТНОСИТЕЛЬНО ОТМЕНЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Государства - члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года (далее именуемой "Конвенция"),

Считая, что развитие, имевшее место в нескольких государствах - членах Совета Европы, выражает общую тенденцию в пользу отмены смертной казни,

Договорились о следующем:

Статья 1. Отмена смертной казни

Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен.

Статья 2. Смертная казнь во время войны

Государство может предусмотреть в своем законодательстве смертную казнь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны; подобное наказание применяется только в установленных законом случаях и в соответствии с его положениями. Государство сообщает Генеральному секретарю Совета Европы соответствующие положения этого законодательства.

Статья 3. Запрещение отступлений от выполнения обязательств

Отступление от положений настоящего Протокола на основании статьи 15 Конвенции не допускаются.

Статья 4. Запрещение оговорок

Оговорки в отношении положений настоящего Протокола на основании статьи 57 Конвенции не допускаются.

Статья 5. Применения к территориям

1. Любое государство может при подписании или сдачи на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении указать территорию или территории, к которым применяется данный Протокол.

2. Любое государство может позднее, в любой момент путем заявления, направленного на имя Генерального секретаря Совета Европы, распространить применение настоящего Протокола на любую другую территорию, указанную в заявлении. В отношении этой территории Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за датой получения Генеральным секретарем подобного заявления.

3. Любое заявление, сделанное на основании двух предыдущих пунктов и касающееся любой указанной в нем территории, может быть отозвано путем уведомления, направленного на имя Генерального секретаря. Отзыв вступает в силу с первого дня месяца, следующего за датой получения Генеральным секретарем подобного уведомления.

Статья 6. Связь с Конвенцией

Государства-участники рассматривают статьи 1 - 5 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции и все положения Конвенции применяются соответственно.

Статья 7. Подписание и ратификация

Настоящий Протокол открыт для подписания государствами - членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или одобрению. Государство - член Совета Европы не может ратифицировать, принять или одобрить настоящий Протокол без одновременной или предшествующей ратификации Конвенции. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

Статья 8. Вступление в силу

1. Настоящий Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за датой, на которую пять государств - членов Совета Европы выразят свое согласие взять на себя обязательства по Протоколу в соответствии с положениями статьи 7.

2. Для любого государства-члена, которое выразит свое согласие взять на себя обязательства по Протоколу впоследствии, Протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего за сдачей на хранение ратификационных грамот или документов о принятии или одобрении.

Приложение N 6

СТРАНЫ И ТЕРРИТОРИИ, ОТМЕНИВШИЕ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ И СОХРАНЯЮЩИЕ ЕЕ (на 1 января 2008 года)

Рисунок не приводится.

1. Страны, полностью отменившие смертную казнь, - 92.

Албания; Андорра; Ангола; Армения; Австралия; Австрия; Азербайджан; Бельгия; Бутан; Босния и Герцеговина; Болгария; Вануату; Ватикан; Венгрия; Великобритания; Венесуэла; Восточный Тимор; Гаити; Греция; Гвинея-Бисау; Германия; Гондурас; Грузия; Дания; Джибути; Доминиканская Республика; Ирландия; Италия; Исландия; Испания; Камбоджа; Канада; Кабо Верде; Колумбия; Коста-Рика; Кот-Д'Ивуар; Кирибати; Кипр; Либерия; Литва; Лихтенштейн; Люксембург; Македония; Маврикий; Мальта; Мексика; Молдова; Маршалловы острова; Микронезия; Монако; Мозамбик; Намибия; Непал; Ниу; Нидерланды; Никарагуа; Новая Зеландия; Норвегия; Панама; Палау; Парагвай; Португалия; Польша; Румыния; Руанда; Самоа; Сан-Марино; Сенегал; Сейшельские острова; Сербия; Сан-Томе и Принсипи; Словакия; Словения; Соломоновы острова; Туркменистан; Швейцария; Швеция; Финляндия; Франция; Черногория; Тувалу; Турция; Украина; Уганда; Уругвай; Филиппины; Хорватия; Черногория; Чехия; Эстония; Эквадор; ЮАР.

2. Страны, отменившие смертную казнь за общеуголовные преступления (в мирное время), - 13.

Аргентина; Боливия; Бразилия; Израиль; Латвия; Кыргызстан; Казахстан; Узбекистан; Острова Кука; Перу; Фиджи; Чили; Эль Сальвадор.

3. Страны, не применяющие смертную казнь на практике, - 29.

Алжир; Бенин; Бруней; Буркина Фасо; Габон; Гамбия; Замбия; Кения; Конго; Лаос; Мавритания; Мадагаскар; Мальдивы; Мали; Марокко; Малави; Мьянма; Науру; Нигер; Папуа - Новая Гвинея; Россия; Свазиленд; Суринам; Танзания; Того; Тонга; Тунис; Шри Ланка; Центральная Африканская Республика.

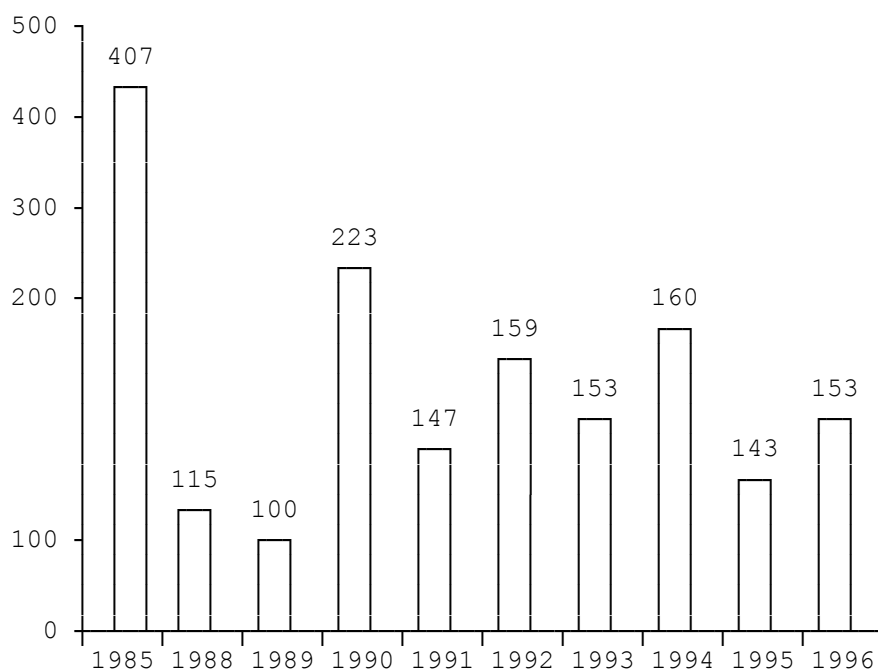
4. Страны, сохранившие смертную казнь, - 64.

Афганистан; Антигуа; Багамы; Бангладеш; Бахрейн; Барбадос; Беларусь; Белиз; Ботсвана; Бурунди; Вьетнам; Гайана; Гватемала; Гвинея; Доминика; Египет; Индия; Индонезия; Ирак; Иран; Иордания; Йемен; Замбия; Зимбабве; Камора; Камерун; Катар; Китай; КНДР; Южная Корея; Куба; Кувейт; Лаос; Демократическая Республика Конго; Лесото; Ливия; Ливан; Малайзия; Монголия; Нигерия; ОАЭ; Оман; Палестина; Пакистан; Саудовская Аравия; Сингапур; Сирия; Сомали; Сьерра Леоне; США; Судан; Сент Люсия; Сент Кристофер и Невис; Сент Винсент и Гренадины; Таджикистан; Таиланд; Тайвань; Танзания; Тринидад и Тобаго; Чад; Эритрея; Экваториальная Гвинея; Эфиопия; Ямайка; Япония.

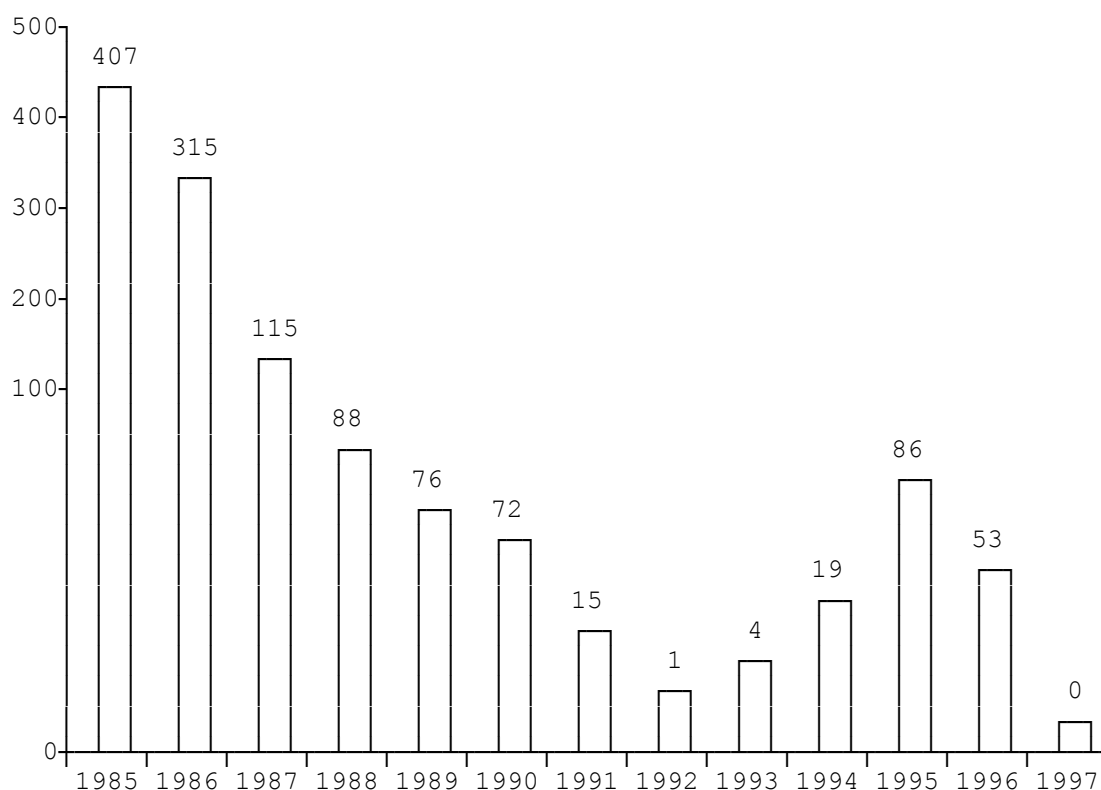
Приложение N 7

Диаграмма N 17

Число смертных приговоров в России в 1985 - 1996 гг.

Число казней в России в 1985 - 1997 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акира А. Права человека и уголовное право Японии: современная действительность и теория // Япония: право и социальный прогресс М., 1983.

Алексеев А.И., Побегайло Э.Ф., Овчинский В.С. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.

Алимов Г. К смертной казни приговорены фанатики японской "Аум Сенрике" // Известия. 28.06.1999.

Анашкин Г.З. Смертная казнь в капиталистических государствах: Историко-правовой очерк // М.: Юридическая литература, 1971.

Андреева В.Н., Дементьев С.И., Трахов А.И., Самвелян К.Р. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы. Краснодар, 2001.

Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995.

Антонян Ю.М. Убийства ради убийства. М.: Щит-М, 1998.

Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1998.

Антонян Ю.М., Верещагин В.А. Убийцы, отбывающие пожизненное лишение свободы // Государство и право. 1999. N 11.

Антонян Ю.М. Смертная казнь и ее альтернатива // Уголовное право, 2007. N 1.

Аргунова Ю.Н. Преступность в Японии, ее причины и профилактика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.

Артемьев В.Ю. Основные черты мусульманского уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

Афонин И.Н. Смертная казнь: проблемы назначения и исполнения по российскому законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

Ахметшин Н.Х. Смертная казнь в современном Китае: правовое регулирование и практика применения // Право на смертную казнь. М., 2004. С. 211 - 222.

Ахметшин Н.Х., Ахметшин Х.Н. Новое уголовное законодательство КНР. Вопросы Общей части // Государство и право. 1999. N 9.

- Ахметшин Н.Х., Ахметшин Х.Н., Петухов А.А. Основные положения Общей части УК КНР // Современное законодательство КНР. М., 2000.
- Ахметшин Н.Х. Новации в современном уголовном законодательстве КНР // Право и политика. 2000. N 10.
- Бабаев М.М. Смертная казнь - последняя надежда общества? // Юридический мир. 2002. N 10.
- Бабаев М., Крутер М. Современная криминологическая ситуация в России и проблемы ее изучения и оценки // Уголовное право. 2000. N 2.
- Бадинтер Р. Россия до сих пор не отменила смертную казнь. И этому нет оправданий // Известия. 2 сентября. 2005.
- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995.
- Белявская О.А. О специфическом аспекте японских психологических теорий объяснения преступности и преступного поведения // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 1985. N 86.
- Белявская О.А. Преступность и борьба с ней в Японии как объект сравнительной криминологии // Политические системы, государство и право в буржуазных и развивающихся странах: тенденции и проблемы. М., 1988.
- Белявская О.А. Отсрочка в возбуждении уголовного преследования в Японии // Социалистическая законность. 1988. N 11.
- Белявская О.А. Уголовное законодательство и практика его применения в Японии // Уголовное законодательство и практика его применения в зарубежных странах. М., 1988.
- Белявская О.А. Организованная преступность в Японии. М., 1990.
- Белявская О.А. Уголовная политика в Японии. М., 1992.
- Бинсун Хэ. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Владивосток, 2005.
- Болатбаев Д.Н. Применение и исполнение смертной казни в США: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
- Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 1999.
- Бородин С. Еще раз о смертной казни // Государство и право. 2001. N 4.
- Борчашвили И.Ш. Резерв для совершенствования УК Республики Казахстан // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права в свете Концепции правовой политики Республики Казахстан. Караганда, 2005. С. 5 - 12.
- Бурлацкий Ф.М. От авторитаризма к правам и свободам человека // Когда убивает государство. Смертная казнь против прав человека / Под ред. С.Г. Келиной. М.: Прогресс, 1989. С. 5 - 11.
- Ведерникова О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право. 2002. N 10.
- Вицин С.Е. Время казнить в России закончилось? // Российская юстиция. 1999. N 3.
- Вичиков Д.В. Особенности смертной казни как вида наказания по УК КНР (в редакции 1997 г.) // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Ч. 1. ДВГУ. Владивосток, 1998.
- Власихин В.А. Верховный суд США: в чем сдвиг вправо // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988.
- Всероссийская конференция по проблемам отмены смертной казни. Москва, 3 - 4 июня 1999 года / Под ред. В.Е. Квашиса, Р.М. Цивилева и Н.П. Михайловой. М.: Юридическая литература, 2000.
- Всероссийская конференция по проблемам помилования. Великий Новгород, 25 - 26 октября 2000 года / Под ред. В.Е. Квашиса, Р.М. Цивилева и Н.П. Михайловой. М.: Юридическая литература, 2001.
- Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юридическая литература, 1983.
- Гернет М.Н. Смертная казнь. Избр. соч. М., 1974.
- Гернет М.Н. Смертная казнь и общественное мнение // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 132 - 150.
- Гилинский Я.И. Преступность в современной России: ситуация, тенденции, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. N 4(5). СПб., 2002.
- Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. СПб.: Питер, 2002.
- Голик Ю.В. Философия уголовного права: постановка проблемы // Философия уголовного права. СПб, 2004.
- Головин В. Вешали и будем вешать. Смертную казнь в Японии отменять не намерены // Известия. 25.01.1998.

- Гулиев В.Е. Отмена смертной казни - преступное непротивление злу насилием // Юридический мир. 2002. N 1.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. М.: Международные отношения, 2003.
- Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. ДВГУ. Владивосток, 1982.
- Дементьев С.И. и др. Уголовное наказание: содержание, виды, назначение и исполнение. Краснодар, 2000.
- Детков А. Сверхдлительные сроки лишения свободы: уголовный и уголовно-исполнительный аспекты // Уголовное право. 2004. N 2.
- Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Собр. соч. Т. 4. М., 1982.
- Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения наказания. Алгоритмический подход. СПб., 2006.
- Есаков Г. Юридическая ошибка в уголовном праве США // Уголовное право. 2002. N 2.
- Есаков Г. Т. Доусон против штата Джорджия // Российская юстиция. 2002. N 7.
- Есаков Г. Смертная казнь несовершеннолетних как жестокое и необычное наказание: американские подходы // Уголовное право. 2005. N 3.
- Еремин В.Н. Характеристика источников уголовного права Японии // Уголовное право зарубежных стран. Общая часть. М., 1990.
- Еремин В.Н. Политические системы современного японского общества. М. 1992.
- Еремин В.Н. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь - Япония. М., 1998. N 21.
- Еремин В.Н. Уголовное право Японии // Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права. М., 1991.
- Еремин В.Н. Уголовное право Японии // Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Под ред. И.Д. Козочкина. М., 2003.
- Жалинский А.Э. Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. 2007. N 10.
- Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. Международно-правовые, экономические и гуманитарные аспекты. М., 1991.
- Железняк О.Н. Практика применения смертной казни в Японии // Право и политика. 2001. N 3.
- Железняк О.Н. Японская практика применения уголовных наказаний // Право и политика. 2001. N 10.
- Злобин А.Г., Кузнецова Н.Ф. Социальная обусловленность уголовного закона // Советское государство и право. 1976. N 3.
- Иванов А.М., Корчагин А.Г. Преступление и наказание в странах Юго-Восточной Азии (Общая часть) // Правоведение. 2000. N 2.
- Инако Цуэно. Современное право Японии. М.: Прогресс, 1981.
- Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997.
- Камю А. Размышления о гильотине // Изнанка и лицо. М., 1998.
- Карпец И.И. Польза или зло // Смертная казнь: за и против М., 1989.
- Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.
- Квашис В.Е. Смертная казнь в США // Государство и право. 1996. N 9.
- Квашис В.Е. Смертная казнь и общественное мнение // Государство и право. 1997. N 4.
- Квашис В.Е. Основы виктимологии. М.: NOTA BENE, 1999.
- Квашис В.Е. Смертная казнь: мифы и реалии // Журнал российского права. 1998. N 12.
- Квашис В. Смертная казнь и общественное мнение // Уголовное право. 1998. N 2.
- Квашис В. Католическая церковь против смертной казни // Российская юстиция. 2000. N 5.
- Квашис В. Смертная казнь: глобальные тенденции и перспективы // Уголовное право. 2001. N 3.
- Квашис В. Практика применения помилования в США // Российская юстиция. 2002. N 10.
- Квашис В.Е. Отмена моратория не защитит общество // Юридический мир. 2002. N 7.
- Квашис В. Смертная казнь в США - 25 лет после моратория // Юридический мир. 2002. N 10.
- Квашис В. Путевые заметки криминолога // Юридический мир. 2005. N 6.
- Квашис В. Преступность в США: реальность позитивных изменений или "временное исключение"? // Уголовное право. 2005. N 5.
- Квашис В. По дорогам США: заметки криминолога // Криминологический журнал. 2005. N 2(9).
- Квашис В. Преступность как глобальная угроза. XI Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // Юридический мир. 2005. N 10(106).
- Квашис В.Е. Современные тенденции в практике вынесения смертных приговоров в США // Уголовное право. 2006. N 6.
- Квашис В. Особенности и тенденции в практике применения и исполнения смертной казни в США // Криминологический журнал. 2006. N 2.

- Квашис В.Е. Высшая мера наказания и проблемы уголовной политики // Российский ежегодник уголовного права. 2006. N 1 / Под ред. Б.В. Волженкина. СПб., 2007. С. 226 - 234.
- Келина С.Г. Смертная казнь в системе советской уголовной политики // Смертная казнь: За и против / Под ред. С.Г. Келиной. М., 1989. С. 322 - 333.
- Келина С.Г. Предисловие к книге "Когда убивает государство". М.: Прогресс, 1989. С. 12 - 19.
- Келина С.Г. 10 лет Уголовному кодексу РФ // Российский ежегодник уголовного права. 2006 / Под ред. Б.В. Волженкина. СПб., 2007. С. 7 - 20.
- Кестлер Артур. Размышления о виселице // Кестлер А., Камю А. Размышления о смертной казни. М.: Праксис, 2003.
- Кистяковский А.Ф. Исследование смертной казни. (1867). Тула, 2000.
- Кибальник А. Преступление и наказание в доктрине мусульманского уголовного права // Уголовное право. 2007. N 1.
- Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни. Системный анализ допущенных ошибок. Иркутск, 2001.
- Клейменов М.П. Прогнозирование и приоритеты уголовной политики // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт. Красноярск, 1989. С. 124 - 129.
- Князев В.В., Верещагин В.А., Жмыхов А.А. Преступность за рубежом (1990 - 2002 гг.) М.: ВНИИ МВД России, 2004.
- Когда убивает государство. Смертная казнь против прав человека / Под ред. С.Г. Келиной. М.: Прогресс, 1989.
- Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007.
- Койдзуми Е. Системы и виды наказания по уголовному праву Японии. Смертная казнь в Японии // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Ч. 1. ДВГУ. Владивосток, 1998.
- Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / Под ред. И.Ш. Борчашвили. 2 изд. Алма-Аты, 2007.
- Конституция Японии // Конституции зарубежных государств. М., 1997.
- Корецкий Д. Адекватны ли меры борьбы с преступностью ее состоянию? // Законность. 2003. N 1.
- Коробеев А.И. Предисловие к Уголовному кодексу Японии. ДВГУ. Владивосток, 2000.
- Корчагин А.Г., Номоконов В.А. Шульга В.И. Организованная преступность и борьба с ней. Владивосток, 1995.
- Корчагин А.Г., Иванов А.М. Организованная преступность в сфере экономики в Японии. Правовые меры борьбы // Журнал российского права. 2000. N 4.
- Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.
- Крылова Н.Е., Серебрянникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия). М., 1997.
- Кудрявцев И.А. Противна природе человека // Смертная казнь: за и против. М., 1989.
- Кудрявцев В. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002.
- Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003.
- Кури Хельмут. Имеет ли наказание превентивный эффект? // Правоведение. 2001. N 3.
- Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 2001.
- Лаврин А. 1001 смерть. М., 1991.
- Лепешкина О.И. Смертная казнь как уголовно-правовой институт: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
- Ли Д.А. Преступность в структуре общества. М.: Русский мир, 2000.
- Лихачев В.А. Уголовное право в освободившихся странах. М., 1988.
- Лихачев Д. Ни правого, ни виноватого не убивайте // Российская газета. 31.03.1999.
- Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997.
- Максимов С.В. Эффективность общего предупреждения преступлений. М., 1992.
- Маркс К. Смертная казнь. Памфлет г-на Кобдена.
- Мероприятия английского банка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. М., 1982.
- Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовной юстиции на пороге XXI века. Национальный доклад Японии VIII Конгрессу ООН по предупреждению преступности обращению с правонарушителями. Гавана, 1990.
- Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире.
- Смертная казнь в государствах Азии, Америки и Африки // Право и политика. 2002. N 1.
- Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире и уголовное право государств Африки // Право и политика. 2001. N 6.
- Мелихов А. Казнить нельзя миловать // Время МН. N 108. 27.06.2001.
- Меньших А.А. Защита прав незаконно заключенных или осужденных в уголовном процессе Франции // Журнал российского права. 2003. N 5.

- Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: Опыт критического анализа. СПб.: Знание, 2000.
- Михеев Р.И., Морозов Н.А. Международное сотрудничество России и стран АТР в сфере уголовной политики, борьбы с преступностью и ее предупреждения // Материалы научно-практ. конф. Владивосток, 1997.
- Михеев Р.И. Преступность и правовая культура России и Японии. ДВГУ. Владивосток, 1998.
- Михлин А.С. Смертная казнь: Вчера. Сегодня. Завтра. М., 1997.
- Михлин А.С. Смертная казнь - быть ли ей в России? // Журнал российского права. N 10 - 11. 1998.
- Миядзава С. Загадочная Япония - испытательный полигон для сравнительных криминологических исследований // Криминологические исследования в мире. М., 1995.
- Морозов Н.А. Сравнительно-правовой анализ преступности в современной Японии. Владивосток, 1997.
- Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб., 2003.
- Морщакова Т.Г. Исключительная мера. Не надо обманывать народ // Время МН. 15.02.2002.
- Накасонэ Ясухиро. Государственная стратегия Японии в XXI веке. М.: NOTA BENE, 2001.
- Накаяма Кенчи. Проблема проституции в послевоенной Японии // Правоведение. 1994. N 2.
- Наумов А.В. Существуют ли пределы роста преступности? // Уголовное право. 2005. N 3.
- Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М.: Наука, 1990.
- Никулин С.И. Смертная казнь: эффективное уголовное наказание, вынужденная мера социальной защиты или рудимент уголовного закона? // Российская юстиция. 2007. N 9.
- Номоконов В.А. Особенности противоправного проникновения организованной преступности в экономику Дальнего Востока // Социально-экономические и политические процессы в странах АТР. Ч. 1. ДВГУ. Владивосток, 1997.
- Овчинников В. Ветка сакуры. М., 1971.
- Ода Хироси. Японское право (Hiroshi Oda. Japanese Law). London, 1992.
- Организованная преступность в Японии // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1993. N 7.
- Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты / Под ред. В.А. Номоконова. ДВГУ, 1998.
- Ошеров М.С. Общественное мнение о праве и особенности его формирования // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. Труды Академии МВД СССР. М., 1987.
- Падва Г. Невозможно считать несправедливо осужденных // Известия. 12.04.2003.
- Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юрист, 1999.
- Пионтковский А.А. Уголовная политика Японии. М., 1993.
- Побегайло Э.Ф. Проблема смертной казни в свете криминологической ситуации в России // Криминология: вчера, сегодня и завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. N 3. С. 54 - 61.
- Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. N 3.
- Попов В.В. Психологические характеристики осужденных, отбывающих наказание пожизненно // Проблемы острова помилованных убийц. Вологда, 1996.
- Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2003.
- Превенция преступности и контроль - проблемы последней четверти XX века (Материалы, подготовленные Японией к Седьмому конгрессу ООН) / Перевод с англ. Токио, 1986.
- Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права / Отв. ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 1991.
- Преступность в Японии (Статистический анализ). М., 1992.
- Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность / Под ред. А.И. Долговой. М., 2004.
- Преступность и правонарушения 1997 - 2001. Статистический сборник. М.: ГИЦ МВД РФ, 2002.
- Преступность и правонарушения 2000 - 2004. Статистический сборник. М.: ГИЦ МВД РФ, 2006.
- Преступность и правонарушения 2002 - 2006. Статистический сборник. М.: ГИЦ МВД РФ, 2007.
- Приставкин А.И. Долиной смертной тени. М.: Текст, 2002.
- Против смертной казни: Сб. статей / Под ред. М.Н. Гернета, О.Б. Гольдовского, И.Н. Сахарова, 2-е изд. М., 1907.

Пятый международный конгресс ООН по вопросам преступности и обращения с правонарушителями. "Предупреждение преступности и контроль - проблемы последней четверти века" // Материалы, подготовленные Японией. 1 - 12 сентября 1975 года. Торонто, 1976.

Рассел Дж. Совет Европы и смертная казнь. Пер. с англ. Страсбург, 2001.

Резник Г.М. Социально-интегрирующая роль уголовного права и стереотипы общественного сознания // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.

Резник Б. Да не судимы будем... // Известия. 24 - 25 июля 1999 года.

Решетников Ф.М. Смертная казнь в капиталистических странах (История и современность) // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 460 - 505.

Решетников Ф.М. Смертная казнь в современном мире // Журнал российского права. 1997. N 6.

Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под. ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Спарк, 1997.

Сайто Кинсаку. Японское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право. Том 1. М.: ИЛ, 1958.

Салтыкова И.В. Преступность в Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1984. N 2.

Сахаров А.Б. Перспективы развития советского уголовного права // Советское государство и право. 1983. N 7.

Сессар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Правоведение. 1998. N 4.

Синь Янь, Яблоков Н.П. Борьба с мафией в Китае.

Овчинский В.С. Мафия XXI века: сделано в Китае. М., 2006.

Смертная казнь: За и против / Под ред. С.Г. Келиной. М., 1989.

Смертная казнь и осуществление мер, гарантирующих защиту тех, кто приговорен к смертной казни. Шестой пятилетний доклад Генерального секретаря ООН. 31 марта 2000 г., E/2000/3.

Смит Двэйв. Смертная казнь в Соединенных Штатах Америки // Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шелли, 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. Соединенные Штаты Америки. Смертельные ошибки: невиновность и смертная казнь. (Обзор, подготовленный "Международной Амнистией" Индекс МА: AMR 51/69/98 (Russian), ноябрь, 1998).

Состояние преступности в Японии. Обзорная информация ГИЦ МВД РФ. Зарубежный опыт. Вып. 9. М., 1998.

Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. Криминологический и уголовно-правовой справочник. М., 2007.

Сравнительный анализ преступности в США и Японии // Проблемы преступности в капиталистических странах. М., 1983. Вып. 10.

Сукияйнен Л.Р. Шариат и мусульманская правовая культура. М., 1997.

Сукияйнен Л.Р., Лихачев В.А. Мусульманское деликтное право и уголовное законодательство стран зарубежного Востока // Мусульманское право (структура и основные институты). М., 1984. С. 76 - 104.

Сундуrow Ф.Р. Уголовное наказание и его предназначение в демократическом обществе // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее. Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 76 - 79.

Таганцев Н.С. По законопроекту об отмене смертной казни // Смертная казнь: за и против. М., 1989.

Тард Габриэль. Преступник и преступление.

Сравнительная преступность. Преступление толпы. М.: Инфра-М, 2004.

Тахакиси, Махито. История принятия современной Конституции Японии // Право и политика. 2000. N 5.

Тасбулатова Д. Шаг вправо, шаг влево - харакири // Итоги. 11.11.2003.

Те И.Б. Проблемы назначения и исполнения смертной казни и других видов наказания по уголовному праву Японии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005.

Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Владивосток, 2001.

Уголовное законодательство зарубежных стран / Под ред. И.Д. Козочкина. М., 2003.

Уголовный кодекс Японии 1907 г. Часть первая (перевод с яп. яз. В.Н. Еремина) // Уголовное право буржуазных стран. Общая часть. Сборник законодательных актов. М., 1990.

Уголовный кодекс Японии / Под ред. А.И. Коробеева. Пер. с яп. яз. ДВГУ. Владивосток, 2000.

Уголовный кодекс Таиланда / Под ред. А.И. Коробеева и Ю.В. Голика. М., 2005.

Укрепление законности и упрочение системы уголовного правосудия. Рабочий документ X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10 - 17 апреля 2000 года (A/Conf. 187/3).

Уткин В.А., Детков А.П. Пожизненное лишение свободы. Томск, 1996.

- Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии / Пер. с яп. яз. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.Н. Еремина. М.: Прогресс, 1989.
- Феофанов Ю. Приглашение на казнь // Известия. 22.03.2002.
- Ферри Э. Уголовная социология. М.: ИНФРА, 2005.
- Фойницкий И.Я. Оценка смертной казни // Смертная казнь: За и против / Под ред. С.Г. Келиной. М., 1989. С. 265 - 274.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
- Цзян Хуэйлинь. Основные черты Уголовного кодекса Китайской Народной Республики: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1999.
- Черниловский З.М. Смертная казнь: историко-философский аспект // Советское государство и право. 1991. N 1.
- Чиркин В.Е. Мусульманская концепция права // Мусульманское право (структура и основные институты). М., 1984. С. 4 - 19.
- Чубинский М.П. Курс уголовной политики. СПб., 1912.
- Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. М., 2008.
- Чудакова М. Милость к падшим // Известия. 30.05.2001.
- Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. N 4.
- Шестаков Д.А. Проблема отмены смертной казни в России // Материалы конференции "Отмена смертной казни и дальнейшее совершенствование системы противодействия преступности" // Криминология вчера, сегодня и завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2002.
- Шестаков Д.А. Криминология: Учебник. СПб., 2006. С. 283.
- Шестернина Е. Крах Фемиды // Известия. 17.01.2002.
- Шишов О.Ф. Смертная казнь в истории России // Смертная казнь: За и против / Под ред. С.Г. Келиной. М., 1989. С. 10 - 130.
- Шнайдер Г.Й. Криминология / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1994.
- Шнайдер Г.Й. Исследования в области криминологии и деятельности органов уголовной юстиции // Сб.: Полиция зарубежных государств. Вып. 8. 2006. С. 36 - 46.
- Элайли Р.А. Наказание по уголовному праву арабских стран: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
- Юцкова Е.М. Средства массовой информации в России глазами криминолога. М., 2000.
- Якунин В. Лишение свободы на длительный срок и пожизненно; законодательные нормы, их применение // Преступление и наказание. 2002. N 8.
- Япония // Преступность в зарубежных странах в 80-е годы. Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. Вып. 142. М., 1993.

Иностранная литература

- Acker J., Lanier C. Beyond Human Ability? The Rise and Fall of Death Penalty Legislation // America's Experiment with Capital Punishment. Reflections on the Past, Present, and Future of the Ultimate Penal Sanction. Durham, 1998.
- Albecht H.J. The Death Penalty in China. Placing the China's Death Penalty Politics in International Perspectives // Presentation at the International Conference "Towards the Global Abolition of Capital Punishment", Freiburg, Max Planck Institute, September. 2000.
- AI Index: MDE 23/001/2006 "Saudi Arabia: Government must take urgent action to abolish the death penalty for child offenders".
- AI Index: EUR 01/007/2006 "Europe and Central Asia: summary of Amnesty International's concerns in the region, January - June 2006; Kyrgyzstan".
- AI Index: ASA 17/035/2005. October 5, 2005 "People's Republic of China: Re-instatement of Supreme Court review of death sentences - a step towards abolition?".
- AI Index: ASA 17/012/ 2004. "China: A moratorium on the death penalty is urgently required".
- AI Index: ASA 17/004/2003. January 10. 2003. "China Begin 2003 with Seven Executions".
- AI Index: POL 10/003/2003/ Amnesty International Report 2003.
- AI Index: EUR 01/016/2003 "Concerns in Europe and Central Asia, January-June 2003: Uzbekistan".
- AI Index: ASA 17/054/2002. November 6. 2002. "China: Execution is not a solution. Amnesty International condemns 46 executions during two days".
- AI Index: ASA 17/029/2002. July 23. 2002. "China: "Strike Hard" anti - crime campaign intensifies".
- AI Index: ASA 17/009/2001. April 12. 2001. "China: Day of death".
- AI Index: ASA 17/022/2001. July 6. 2001. "China: Striking harder' than ever before".
- AI Index: ASA 41/001/2001 "Socialist Republic of Viet Nam: The death penalty - recent development".

AI Index: ASA 41/023/2003 "Socialist Republic of Viet Nam: the death penalty - inhumane and ineffective".

AI Index: ASA 41/003/2004 "Socialist Republic of Viet Nam: Death penalty - a dirty secret".

AI Index: ASA 33/013/2005 "Pakistan: Unlawful executions in the tribal areas".

AI Index: ASA 33/003/2004 "Pakistan: Open Letter to President Pervez Musharraf".

AI Index: ASA 33/024/2002 "Pakistan: The tribal justice system".

AI Index: ASA 35/014/2003 "Philippines: Something hanging over me - child offenders under sentence of death".

AI Index: ASA 35/001/2005 "Philippines: Sharp rise in "vigilante" killings as human rights activist's death remain unsolved".

AI Index: ACT 50/005/2005, April 2005 "Death sentences and executions in 2004".

AI Index: AFR 54/058/2004 "Sudan/Darfur Incommunicado detention, torture and special courts - Memorandum to the government of Sudan and the Sudanese Commission of Inquiry".

AI Index: ASA 22/003/2004. 14 June. 2004. "Japan: Fear of imminent execution".

AI Index: AFR 44/001/2004. "Nigeria: the death penalty and women under Nigerian penal systems".

AI Index: IOR 30/008/2003. 30 September. 2003. Council of Europe /US/ "Japan: Death Penalty: Putting an end to a heinous practice".

AI Index: ASA 22/003/2003. 12 September. 2003. "Japan: Secret execution of a 43 year - old mentally ill man - perpetuating a harsh, and arbitrary practice".

AI Index: MDE 13/032/2003 "Iran: Fear of imminent execution Afsaneh Nourouzi".

AI Index: ASA 39/007/2003 "Thailand: execution must stop".

AI Index: ASA 20/010/2002, 29 November, "Japan: Cease All Executions".

AI Index: AMR 51/007/ 2002, 17 January, 2002. "Arbitrary, discriminatory, cruel, futile - 25 years of judicial killing".

AI Index: AMR 51/103/2002. 28 June, 2002. "Time to end double standards and respect the consular rights of foreign nationals facing the death penalty".

AI Index: MDE 23/015/2001 "Saudi Arabia's: defying world trends- Saudi Arabia's extensive use of capital punishment".

AI Index: ASA 22/005/2001. 19 June. 2001. "Japan: Executions - continuing the secret and cruel practice".

AI Index: ASA 39/003/2002 "Thailand: Widespread abuses in the administration of justice".

AI Index: AMR 51/176/2001. 29 November. 2001. "No Return to Execution - The US death penalty as a barrier to extradition".

AI Index: AMR 51/119/2001. 22 August. 2001. "Time to rethink the death penalty - 30 years after landmark court ruling".

AI Index: ASA 20/034/2005. September 7. 2005 "The Death Penalty in India: Briefing for the EU-India Summit".

AI Index: ASA 20/049/2001 "India: Briefing on the Prevention of Terrorism Ordinance".

AI Index: AFR 44/014/2000 "Nigeria: Time for Justice and Accountability".

Amnesty International, "USA: Increasing Concern over Execution of the Innocent". Death Penalty News. June 2000.

AI Index: AMR 51/10/98 - "USA: The Death Penalty in Texas: Lethal Injustice".

A Matter of Life or Death // Atlanta Journal-Constitution, Sept.: 22 - 25, 2007.

Andenaes J. Punishment and Deterrence, 1974.

An Empirical Analysis of Maryland's Death Sentencing System with Respect to the Influence of Race and Legal Jurisdiction. Final Report. September 2002.

Arab Charter on Human Rights, adopted by Council of the League of Arab States. Cairo. 15 September. 1994.

Bailey W. Deterrence, Brutalization, and the Death Penalty: Another Examination of Oklahoma Return to Capital Punishment // Criminology. 1998. N 36. P. 711 - 733.

Baldus D.C., Woodworth G., and other. Racial Discrimination in the Post- Furman Era: An Empirical and Legal Overview, with Recent Findings from Philadelphia // Cornell Law Review. 1998. Vol. 83.

Bassiouni M.C. Death as a penalty in Sharia. 2004.

Bassiouni M.C. (Ed.). Protection Human Rights in the Islamic Criminal Justice System // The Islamic Criminal Justice System. 1989. N 1.

Bedau H. The Death Penalty in America. New York, 1964.

Bedau Hugo. Abolishing the Death Penalty even for the Worst Murderers' // Austin Sarat (Ed), The Killing State: Capital Punishment in Law, Politics, and Culture, 1999.

Bessler, John D. Kiss of Death. America's love affairs with the death penalty. Boston, 2003.

Bohm R. The Economic Cost of Capital Punishment: Past, Present and Future // America's Experiment with Capital Punishment. Durham, 1998.

Bohm, Robert, M. Deathquest. An Introduction to the Theory and Practice of Capital Punishment in the United States. 2nd ed., Anderson Publ., 2003.

- Bowers, William J. The Effect of Executions in Brutalization, Not Deterrence // Challenging Capital Punishment. Legal and Social Science Approaches. Sage Publications. Vol. 24. 1988. P. 49 - 64
- Bowers W., Pierce G. Arbitrariness and Discrimination under Post-Furman Capital Statutes // Crime and Delinquency. 1980. Vol. 26. 563 - 640.
- Bowers W. Legal Homicide: Death as Punishment in America, 1864 - 1982. Boston, 1984.
- Bowers W. and Steiner B. Choosing Life or Death: Sentencing Dynamics // Capital Cases // America's Experiment with Capital Punishment, 1998.
- Bureau of Criminal Justice Statistics. Bulletin. Capital Punishment 1995 - 2005.
- Byung - Sun Cho. The death penalty in South Korea and Japan: "Asian values" and the debate about capital punishment // Hodgkinson P., Schabas W. Capital Punishment. Strategies for Abolition. 2004. P. 253 - 272.
- Cao L., Stack S. and Sun Y. Public Attitude Toward the Police: A Comparative Study between Japan and America // Journal of Criminal Justice. 1998. Vol. 26. N 4. P. 278 - 289.
- Cabey B. The executioner and His Mirror // The New York Times. Feb. 13. 2006.
- Chapman D. Death Penalty Sought for Terrorist Acts // Journal "Sentinel". September 20. 2001.
- Clay W. To Kill Or Not To Kill: Thoughts on capital punishment. California, 1990.
- Coyne R., Entzeroth L. Capital Punishment and the Judicial Process. Durham, 1994.
- Cole D. Race, Life and Death // Washington Post. January 11. 2000.
- Coleman K, Cotton J. Crime in England and Wales: Crime in England and Wales: Homicide // Home Office Statistical Bulletin. 26 January 2006.
- Conrad J. Deterrence, the Death Penalty, and the Data // The Death Penalty A Debate. New York, 1983.
- Criminal Justice in Japan. Asia and Far East Institute for the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (UNAFEI), 2000.
- Crime in the United States, 2000 - 2005. Uniform Crime Reports. Federal Bureau of Investigation, Washington D.C.
- Davis A.J. Prosecution and Race. The Power and Privilege of Discretion // Fordham Law Review. 1998. N 13(67).
- Death Penalty Information Center. Facts About the Death Penalty. January 2. 2007.
- Death Penalty Information Center. Facts About the Death Penalty. September 18. 2007.
- Death Penalty Information Center. Facts About the Death Penalty. December 6. 2007.
- Death is not justice: The Council of Europe and the death penalty // Directorate General o Human Rights? Council of Europe. October 2001.
- Dicks, Shirley. Young Blood. Juvenile Justice and the Death Penalty. New York, 1995.
- Zur Aktualitat der Todesstrafe: Interdisziplinare und globale Perspektiven. Ed. Boulanger Ch., Heyes V., Hanfling P. Berlin Verlag, 2002.
- Domicova - Yashimoto, Dana. Japan and Capital Punishment // Journal "Human Affairs". 1996. N 6(1). P. 77 - 93.
- Dussich John P.J., Friday Paul C., Okada Takayuki Yamagami Akira Knudten Richard D. Different Responses to Violence in Japan and America. Criminal. Justice Press, Monsey. New York, 2001.
- Elesworth P., Gross S. Hardening of the Attitudes: American Views on the Death Penalty // Journal of Social Issues. Vol. 50. N 2. 1994.
- Ehrlich I. The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Question of Life or Death // American Economic Review. 1975. N 65.
- Federal Bureau of Investigation, Uniform Crime Statistics for 2003. Oct. 2004.
- Federal Bureau of Investigation, Uniform Crime Statistics for 2004. Oct. 2005.
- Field Catherine. Chine's Take Out // Penthouse. November. 1997.
- Finch A.J. The Japanese Police's Claim to Efficiency. A Critical View // Modern Asian Studies. 1999. Vol. 33. N 2. P. 483 - 511.
- Finch A.J. Homicide in Contemporary Japan // British Journal of Criminology. 2001. Vol. 41. P. 219 - 235.
- Friday P.C. Crime and Crime Prevention in China. A Challenge to the Development Crime Nexus // Journal of Contemporary Criminal Justice. Vol. 14. 1998. N 3. August. P. 296 - 314.
- Friedman L. Crime and Punishment in American History. New York, 1993.
- Fukushima Itaru. Capital Punishment in Japan. Paper presented at the 12th International Congress on Criminology. Seoul. Korea. 1998. August 24 - 29.
- The Geography of Execution: The Capital Punishment Quagmire in America, Lanham, MD, 1999.
- Global Organized Crime. Trends and Development. Ed. By Siegel, Dina, etc., Kluwer Academic Publ., Amsterdam, 2003.
- Goodstein L., Death Penalty Falls From Favor As Some Lose Confidence in Its Fairness // New York Times. 2001. June 17.
- Gross S., Mauro R. Death Discrimination. Racial Disparities in Capital Sentencing. Northeastern Univ. Press, Boston, 1989.

- Hamai Koichi. Prison Population in Japan. Paper presented at the 12th International Congress on Criminology. Seoul, Korea. 1998. August 24.
- Haney C. Mitigation and the Study of Lives: On the Roots of Violent Criminality and the Nature of Capital Justice // *America's Experiment with Capital Punishment*. Durham, 1998. P. 351 - 384.
- Hanks G. Against the death penalty. Scotsdale, 1997.
- Harries K. and Cheatwood D. The Geography of Execution: The Capital Punishment - quagmire in America. Maryland, 1997.
- Hodgkinson Peter, Schabas William A. Capital Punishment. Strategies for Abolition. Cambridge, 2004.
- Hood R. The Death Penalty. A Worldwide Perspective. Oxford. Univ. Press. 3 ed. 2002.
- Ishizuka Shuin-ichi. The Contemporary Situation of Prisons and Human Rights in Japan: Not the Rule of Silence, but much more freedom, and the Rule of Law // *Journal of Law and Political Science*. Vol. XXV. 1998. N 4.
- Ito K. Research and Fear of Crime: Perceptions and Realities of Crime in Japan // *Crime and Delinquency*. 1993. Vol. 39. N 3.
- Jackson J. Capital Punishment Is Applied Unfairly // *Capital Punishment Current Controversies*. San Diego, 2000.
- Kan U. People's Participation in Criminal Justice: Japanese Variant // *Ritsumeikan Law Review*. 1994. N 9. P. 11 - 16.
- Kaplan D. Anger and Ambivalence // *Newsweek*. 1995. N 7.
- Kara M., Upson A. Crime in England and Wales: Quarterly Update to September 2005 // *Home Office Statistical Bulletin*. 26 January 2006.
- Kawai M. Paradox of the Myth of collapsing safe society. 2004.
- Keil J. and Vito G. Race and Death Penalty in Kentucky.
- Murder Trials: 1971 - 1991 // *The Advocate*. 1995.
- Kikuta Koichi. The End of Execution Rate Zero - The Meaning of Executions under Minister of Justice Gotoda, 1993.
- Kilman S. Death Penalty and Crime. Empirical Studies. Fairfax, 1978.
- Komiya N. A Cultural Study of the Low Crime Rate in Japan // *British Journal of Criminology*. 1999. N 39. P. 369 - 390.
- Kury H., Ferdinand T. Public Opinion and Punitivity // *International Journal of Law and Psychiatry*. 1999. Vol. 22. N 3 - 4. P. 373 - 392.
- Kury H., Obergfell-Fuchs J., Ferdinand T. Social Development and the Evaluation of Crime: An International Comparison // *Comparative Law Review*. Vol. XXXIV. 2000.
- Kvashis V. The Death Penalty and Public Opinion // *Russian Politics and Law*. May - June 1998. Ed. M.E. Sharpe. P. 67 - 81.
- Kvashis V. The Death Penalty and Public Opinion // *Russian Politics and Law*. May - June 1999. Ed. M.E. Sharpe. P. 54 - 68.
- Kvashis V.Y. Die Todesstrafe in Russland // *Zur Aktualität der Todesstrafe: Interdisziplinäre und globale Perspektiven*. Ed. Boulanger Ch., Heyes V., Hanfling P. Berlin Verlag, 2002. P. 357 - 374.
- Lamont-Brown R. Police in Japan // *Police Journal*. 1995. N 2(68).
- Lempert R., The Effect of Executions on Homicides: A New Looking an Old Light // *Crime and Delinquency*. 1983. N 29. P. 88 - 115.
- Lyons J. Panacea or Tragedy? Capital Punishment and the 1994 Crime Bill // *Law Enforcement News*, John Jay College, CUNY. 1995. 14 February.
- Mandery E. Capital Punishment. A Balanced Examination. Massachusetts, 2004.
- Marquart J.W., Eklund-Olson S. and Sorensen J.R. The Rope, the Chair and the Needle: Capital Punishment in Texas 1923 - 1990. Austin, 1994.
- Mello M. Florida Heinous, Atrocious, or Cruel Aggravating Circumstance: Narrowing the Class of Death Eligible Cases Without Making It Smaller // *Stetson Law Review*. 1984. Vol. 13. P. 523 - 554.
- Mello M. Against the Death Penalty. The Relentless Dissents of Justices Brennan and Marshall. Boston, 1996.
- Mihara Kenzo. Genealogy of the Discussion on Capital Punishment. Tokyo, 1991.
- Nakell B., Hardy K. The Arbitrariness of the Death Penalty. Philadelphia, Temple Univ. Press, 1987.
- National Statement Japan 2000. International cooperation in combating transnational crime: new challenges in twenty-first century. Tenth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. Vienna, 2000. 10 - 17 April.
- Parekh A., de la Rey Ch. Public attitudes towards the death penalty in South Africa: a life or death decision // *Acta Criminologica*. Vol. 9. 1996. N 1.
- Paternoster R. and Kazyaka A.M. The Administration of the Death Penalty in South Carolina: Experiences Over the First Few Years // *South Carolina Law Review*. 1988. Vol. 39.
- Peterson R.D., Bailey W.C. Is Capital Punishment an Effective Deterrent for Murder? An Examination of Social Science Research // *Plywaczewski E., Cebulak W., Capital Punishment in Poland:*

The Debate Continues // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. Vol. 24. 2000. N 2.

Potas I., Walker J. Capital Punishment. 1987.

Radelet Michael L., Alkers Ronald L. Deterrence and the Death Penalty. Views of Experts // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1996. N 87(1). P. 1 - 11.

Radelet M.L., Pierce G.L. Choosing Those Who Will Die: Race and the Death Penalty in Florida // *Florida Law Review*. 1985. Vol. 43.

Ramseyer Mark Nakazato Minoru. *Japanese Law: An Economic Approach*. Chicago, London, 1999.

Richenson Scott. *Juvenile Deviance in Japan: Result of Culture, Institution, or Community?* Univ. of Illinois at Chicago, 1997.

Robinson S. Casting Stones. The Koran says nothing about stoning. Why is this mother facing death // *Time*. 2002. September 2.

Ross M. The Death Penalty Is Applied Unfairly to Blacks // *The Death Penalty Opposing Viewpoints*. 3th Ed. San Diego, 1997.

Schabas W., Public Opinion and the Death Penalty // Hodgkinson P., Schabas W., *Capital Punishment. Strategies for Abolition*. Cambridge, 2004. P. 309 - 331.

Schmidt Petra. *Capital Punishment in Japan*. Brill, Boston, 2002.

Schreiber A. States that kill: Discretion and the Death Penalty A Worldwide Perspective // *Cornell International Law Journal*. Vol. 29. 1996. 1.

Sellin T., The Death Penalty: Retribution or Deterrence? - UNAFEI Research Material Series. N 13. Tokyo, 1977. P. 41 - 52.

Sellin T. The penalty of death. *Sage Library of Social Research*. Vol. 102. Beverly Hills, London, 1980.

Scheussler K. The Deterrent Influence on the Death Penalty // *The Annals*, 284. November 1952.

Shigemitsy D. *The Criminal Law of Japan. The General Part*. Tokyo, 1997.

Shikita M., Tsuchiya S., *Crime and Criminal Policy in Japan from 1926 to 1988. Analysis and Evaluation of the Showa Era*. Tokyo, 1992.

Simon R.J., Blaskovich D.A. *A Comparative Analysis of Capital Punishment: statutes, policies, frequencies, and public attitudes the world over*. Lanham, Lexington Books, 2002.

Sorenson J., Wrinkle R., Brever V., Marquort J., *Capital Punishment and Deterrence: Examining the Effect of Executions on Murder in Texas* // *Crime and Delinquency*. 1999. N 45. P. 481 - 493.

Sourcebook of Criminal Justice Statistics 1995 - 1999. US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics. Washington D.C., 2000.

Sourcebook of Criminal Justice Statistics 2000 - 2004. US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics. Washington D.C., 2006.

Streib V. *Executing Women, Children, and the Retarded: Second Class Citizens in Capital Punishment* // *Americas Experiment with Capital Punishment*. Durham, 1998.

Stubbs A. *Clemency: The Future of the Death Penalty*. New York, 1999.

Suvendrini Kakuchi. Japan hangs on to death penalty // *Asia Times*. 2002. 30 January.

Thailand Country Report. The Eleventh United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. 18 - 25 April 005, Bangkok, Thailand. "Synergies and Responses: Strategic Alliances in Crime Prevention and Criminal Justice", 2005.

The Community-Based Treatment of Offenders System in Japan. Rehabilitation Bureau Ministry of Justice. Japan, Tokyo. 1995.

The Death Penalty in 2006: Year End Report, Death Penalty Information Center. December 2006.

The Hidden Death Penalty in Japan. The Legal Process and the Legal Challenge in Japan. US National Coalition to Abolish the Death Penalty. Special Report // www.ncadp.org/html/intlreport1/html.

The Effect of Islamic Legislation on Crime Prevention in Saudi Arabia. Roma, 1980.

The Eleventh United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. 18 - 25 April 2005. Bangkok, Thailand. "Synergies and responses: Strategic alliances in crime prevention and criminal justice". JAPAN 2005 National Statement.

Thompson E. Effect of an Execution on Homicides in California. In: *Homicide Studies*. 1999. N 3. P. 129 - 150.

This Life We Take. Sacramento, FCL Education Fund. 6th ed. 2000.

Towards Abolition: The Law and Politics of the Death Penalty. 1998; Annual Report. "Hands off Cain". 1998.

Urbina M.J. *Capital Punishment and Latino Offenders: Racial and Ethnic Differences in Death Sentences*. New York, 2003.

U.S. General Accounting Office. *Death Penalty Sentencing: Research Indicates Pattern of Racial Disparities*. Washington D.C., 1990.

XI United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. The National Statement of Japan. Tokyo, 2005.

- Van Den Haag E. Deterrence and the Death Penalty // Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. June 1969.
- Van Den Haag E. The Deterrent Effect of the Death Penalty // The Death Penalty A Debate. Plenum Press. New York, 1983. P. 63 - 132.
- Wakabayashi Judi. The Death Penalty in Japan // 6 - 2 Forum, 1994.
- Walker N. The Efficacy and Morality of Deterrence // Criminal Law Review, 1979. P. 125 - 144.
- Walker N. Punishment, danger and stigma. The morality of criminal justice. Oxford, 1980.
- Weich R., Angulo C. Justice on Trial: Racial Disparities in the American Criminal Justice System. LCCR & LCEF, 2000.
- White Paper on Police 1995 - 2002. National Police Agency, Government of Japan, Tokyo, 2004.
- White Paper on Crime 1995, Government of Japan, Ministry of Justice, Tokyo. 1997.
- White Paper on Crime 1996. Ministry of Justice. Tokyo, 1998.
- White Paper on Crime 1997. Ministry of Justice. Tokyo, 1999.
- White Paper on Crime 2005. Ministry of Justice. Tokyo, 2007.
- Yash Chai. Our Common Humanity: The Asian Charter on Human Rights. Hong Kong. Human Rights Commission, 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Введение

Глава I. Смертная казнь в странах Азии, Ближнего Востока и Африки

1.1. Центральная Азия

Казахстан

Кыргызстан

Узбекистан

1.2. Юго-Восточная Азия

Китайская Народная Республика

Таблица N 1. Динамика смертных приговоров и казней в КНР в 1996 - 2006 гг.

Таблица N 2. Доля КНР в общем числе зарегистрированных в мире смертных приговоров и казней в 1996 - 2006 гг. (в %)

График N 1. Динамика смертных приговоров в КНР в 1996 - 2006 гг.

График N 2. Динамика казней в КНР в 1991 - 2006 гг.

Индия

Сингапур

Таиланд

Вьетнам

Филиппины

Южная Корея

Пакистан

1.3. Ближний Восток

Иран

Саудовская Аравия

1.4. Страны Африки

Нигерия

Сомали

Судан

Глава II. Законодательство и практика применения смертной казни в США

2.1. История развития и общая характеристика законодательства о применении смертной казни

2.2. Особенности современной практики применения смертной казни в США

Расовая дискриминация

Диаграмма N 1. Расовый состав осужденных, казненных в США в 1977 - 2007 гг.

Диаграмма N 2. Расовая принадлежность жертв убийств

Диаграмма N 3. Расовый состав осужденных, содержащихся в "очереди смертников"

Социальное неравенство

Непостоянство и произвол

Географическое неравенство

Диаграмма N 4. География смертных приговоров в США (1977 - 2006 гг.)

Диаграмма N 5. География убийств в США (2006 год)

Таблица N 3. География казней в США с 1977 по 2007 г.

Диаграмма N 6. География казней в США (на 1 января 2007 года)

Таблица N 4. Интенсивность казней в различных штатах США

Таблица N 5. Число казней и "очередь смертников" на 1 января 2007 г.

Особенности деятельности суда присяжных

Применение смертной казни к несовершеннолетним и душевнобольным; нарушения прав иностранных граждан

Глава III. Практика назначения и исполнения смертных приговоров в США

3.1. Современные тенденции в практике вынесения смертных приговоров

Таблица N 6. Динамика смертных приговоров в 1976 - 2005 гг.

График N 3. Динамика смертных приговоров в США в 1986 - 2005 гг.

Диаграмма N 7. Динамика смертных приговоров в США в 1998 - 2006 гг.

График N 4. Динамика преступности в США в 1995 - 2005 гг.

График N 5. Динамика убийств в США в 1990 - 2005 гг.

Таблица N 7. Динамика убийств и смертных приговоров в 1986 - 2005 гг.

Таблица N 8. Уровень убийств в различных штатах в 1996 - 2005 гг.

3.2. Апелляционные процедуры и "цена" смертной казни

3.3. Практика исполнения смертных приговоров: особенности, интенсивность, тенденции

Диаграмма N 8. Динамика казней в США в 1976 - 2007 гг.

- График N 6. Интенсивность казней в США в 1976 - 2005 гг.
- 3.4. "Очередь смертников"
- 3.5. Процедура и способы казни
- 3.6. Практика помилования "смертников"
- Глава IV. Преступность и правоприменительная практика в современной Японии
- 4.1. Преступность в Японии на рубеже XXI века
- Таблица N 9. Динамика преступности в Японии в 1980 - 2005 гг.
- Диаграмма N 9. Структура преступности в Японии на 1 января 2007 года
- График N 7. Динамика преступности в Японии в 1995 - 2005 гг. (не приводится)
- Диаграмма N 10. Уровень краж в Японии в 1996 - 2005 гг.
- Таблица N 10. Динамика преступности в Японии и других странах в 1995 - 2002 гг.
- Таблица N 11. Динамика убийств в Японии и других странах в 1995 - 2002 гг.
- График N 8. Динамика убийств в Японии и других странах в 1995 - 2005 гг. (не приводится)
- Таблица N 11.1. Динамика насильственной преступности в Японии и других странах в 1995 - 2002 гг. (по данным Интерпола)
- Таблица N 12. Уровень убийств и краж в Японии и других странах в 2005 году
- Таблица N 13. Раскрываемость преступлений в Японии в 1968 - 1987 гг. (в %)
- Таблица N 14. Раскрываемость преступлений в 1980 - 2005 гг. (в %)
- График N 9. Уровень преступности и раскрываемость преступлений в Японии в 1996 - 2005 гг.
- Таблица N 15. Раскрываемость преступлений в Японии и других странах в 2002 году (по данным Интерпола)
- Таблица N 16. Раскрываемость убийств в Японии и в других странах в 1994 - 1996 гг.
- Таблица N 17. Раскрываемость убийств в Японии и в других странах в 2003 - 2005 гг.
- Таблица N 18. Раскрываемость краж в Японии и других странах в 1996 - 1998 гг.
- График N 10. Раскрываемость преступлений в Японии в 1996 - 2005 гг. (не приводится)
- 4.2. Историко-культурные и социально-психологические факторы преступности в Японии
- 4.3. Применение мер ответственности и наказания как составной элемент системы социального контроля за преступностью
- Таблица N 19. Число заключенных в Японии и в других странах в 1992 - 2002 гг.
- Таблица N 20. Численность заключенных в Японии в 1996 - 2005 гг.
- Таблица N 21. Практика применения ареста и лишения свободы в Японии в 2000 - 2002 гг.
- Таблица N 22. Численность арестованных в 1980 - 2004 гг. (в тыс.)
- Таблица N 23. Практика применения наказания в 1993 - 2004 гг.
- Глава V. Законодательство и практика применения и исполнения смертной казни
- 5.1. Особенности законодательства и основные тенденции в практике назначения смертной казни
- Таблица N 24. Динамика смертных приговоров в Японии в 1980 - 2000 гг.
- Диаграмма N 11. Динамика смертных приговоров в 1960 - 2000 гг.
- Таблица N 25. Практика вынесения смертных приговоров за убийства и грабежи в 1989 - 1998 гг.
- Таблица N 26. Практика вынесения смертных приговоров за убийство в 1960 - 2005 гг.
- Диаграмма N 12. Число смертных приговоров в Японии и США в 1980 - 2004 гг.
- 5.2. Особенности и тенденции в практике исполнения наказания в виде смертной казни
- Диаграмма N 13. Динамика казней в Японии в 1960 - 2004 гг.
- График N 11. Число казней в Японии и США в 1980 - 2004 гг. (не приводится)
- Таблица N 27. Индексы применения смертной казни в Японии и других странах Азии в 1996 - 2000 гг.
- Глава VI. Законодательство и практика применения альтернативной меры наказания в виде пожизненного лишения свободы
- Таблица N 28. Практика применения пожизненного лишения свободы за убийства и грабежи в 1989 - 1998 гг.
- График N 12. Динамика приговоров к пожизненному лишению свободы в Японии за 1996 - 2005 гг.
- Глава VII. Эффективность смертной казни
- Таблица N 29. Динамика убийств и судебная практика в России в 2001 - 2007 гг.
- Глава VIII. Смертная казнь и общественное мнение
- График N 13. Уровень поддержки смертной казни в США в 1976 - 2007 гг.
- Глава IX. Смертная казнь и проблема судебной ошибки
- Диаграмма N 14. География оправдательных решений апелляционных судов США в 1973 - 2007 гг.

- Диаграмма N 15. Интенсивность оправдательных вердиктов в США в 1973 - 2007 гг.
- Глава X. Куда идет смертная казнь?
- Диаграмма N 16. География смертной казни в мире на 1 января 2008 года (не приводится)
- Таблица N 30. Динамика движения за отмену смертной казни в 1988 - 2007 гг.
- Таблица N 31. Мировая практика применения смертной казни в 1992 - 2006 гг.
- График N 14. Практика вынесения и исполнения смертных приговоров в 1996 - 2007 гг.
- Заключение
- Приложения
- Приложение N 1. Всеобщая декларация прав человека (извлечения)
- Приложение N 2. Международный пакт о гражданских и политических правах (извлечения не приводятся)
- Приложение N 3. Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни
- Приложение N 4. Американская конвенция о правах человека (извлечения)
- Приложение N 5. Протокол N 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни
- Приложение N 6. Страны и территории, отменившие смертную казнь и сохраняющие ее (на 1 января 2008 года)
- Приложение N 7. Диаграмма N 17. Число смертных приговоров в России в 1985 - 1996 гг.
- Приложение N 8. Диаграмма N 18. Число казней в России в 1985 - 1997 гг.
- Библиография
- Иностранная литература

THE BOOK IS MADE BY

AXI-ROSE

AXI-ROSE@YA.RU